

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1916.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РИС. К. БРЮКЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1916.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ЮНЬ.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.

1916.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

А П Р Ъ Л Ъ .

1916 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1916 г.	1	ной 1877—1878 г.г.
Е. А. Рагозиной	82— 87
II. Петръ Великій, Императоръ Россіи, въ Голландіи и въ Зандамъ въ 1697 и 1717 гг. А. С. Дацинскаго	5— 14	VIII. Мои воспоминанія и размышленія. А. Георгіевскаго .	88— 92
III. Очерки прошлаго Г. А. де-Волланъ.	15— 50	IX. Дневникъ Патрика Гордона. П. М. Майкова.	93—98
IV. Власть прешлаго. М. С.	51— 67	X. Къ портрету кн. Сангушко. Ред.	99
V. Дѣло о кражѣ книгъ изъ Императорской Публичной бібліотеки д-ромъ богословія нѣмцемъ Алоизіемъ Пихлеромъ. Н. А. Соловьева	68— 74	XI. Записки Н. А. фонъ-Розенбаха.	100—114
VI. По родной землѣ. Н. Сутыринъ.	75— 81	XII. Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П.	115—154
VII. Изъ дневника русской въ Турціи передъ вой-		XIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12-го сентября по 13-го октября 1915 г.	155—160
		XIV. Библиограф. листокъ на обложкѣ.	

Приложеніе: Портретъ кн. Сангушко.

Принимается подписна на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ—10 руб., за границу—12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1916 года.

Библиографическій листокъ.

Записки Сергѣя Михайловича Соловьева. Съ портретами. Кн-во „Прометей“. Н. Н. Михайлова. Пгр. Ц. 2 р.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ записки знаменитаго нашего историка были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“, кажется, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ. Вышедшія теперь въ отдѣльномъ изданіи онѣ все же не представляютъ собою полной рукописи, т. к. часть ихъ утрачена. Записки вызываютъ неожиданное впечатлѣніе. Трудолобивый историкъ, объективный изслѣдователь, въ своихъ ученыхъ трудахъ спокойно зрѣвшій на правыхъ и виновныхъ, оказался рѣзкимъ отрицателемъ всего окружающаго, беспощаднымъ и не всегда безпристрастнымъ критикомъ сверстниковъ по научной дѣятельности, неуловимымъ судьей общественныхъ порядковъ своего времени. Воспоминанія читаются съ живымъ интересомъ; Соловьевъ любилъ давать характеристики, и онѣ у него выходятъ яркими, законченными. Особенно удачны его наблюденія надъ жизнью близкаго ему духовенства, наблюденія, заставляющія сильно задуматься и перенести указанныя имъ причины неустройства духовнаго быта на другіе слои нашей жизни; университетскіе нравы обрисованы С-мъ съ приемами, почти сатирическими. Намъ кажется, что желчное отношеніе историка къ дѣятелямъ его эпохи можно объяснить несоотвѣтствіемъ между культурными тяготѣніями его, какъ человѣка крупныхъ умственныхъ достоинствъ и окружавшей его средой, людей же дѣйствительно выдающихся онъ сторонился отчасти по свойству своего самозаклученнаго характера, отчасти по соединенной съ этой чертой нелюбви къ широкой общественной дѣятельности, гдѣ болѣе для него могли выясниться свойства даже и тѣхъ, съ которыми онъ лишь сталкивался въ узкой, служебной сферѣ. Какъ бы то ни было, прочтеніе этой книги является чрезвычайно полезнымъ для знакомства съ нѣкоторыми сторонами быта того времени, а равно и для сужденія о личности самого автора.

Сергѣй Бертенсонъ. Дѣды русской сцены. О жизни и дѣятельности Ивана Ивановича Сосницкаго, Пгр. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія русскаго театра обогатилась весьма обстоятельной монографіей одного изъ главнѣйшихъ ея дѣятелей, имя котораго связано съ важнѣйшимъ періодомъ развитія нашего драматическаго искусства. Сосницкій первый внесъ на сцену жизненную правду и художественную простоту, одухотворялъ творческіе замыслы Грибоѣдова и Гоголя и создалъ незабываемые образы, которые вліяли на подъемъ общественнаго просвѣщенія. Подобно Щепкину, онъ былъ близокъ съ выдающимися людьми своей эпохи, и его дружбой дорожили лучшіе представители литературы и искусства. Переживъ нѣсколько театральныхъ поколѣній, онъ заслужилъ отъ современниковъ почетное званіе „дѣда русской сцены“ и черезъ своего не менѣе знаменитаго учителя Дмитревскаго связалъ первые дни русскаго театра съ эпохой его расцвѣта. Авторъ очерка воспользовался какъ печатными данными, такъ и архивнымъ матеріаломъ, собравъ обширную литературу. Тщательное и любовное отношеніе къ предмету отличаетъ это изданіе и по внѣшности, и по содержанию. Приложено нѣсколько интересныхъ и отчетливо исполненныхъ снимковъ. Цѣна весьма умѣренная.

В. Я.

КНЯЖНА САНГУШКО.

Открыта подписка на исторический журнал
на 1916 годъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1916 г. въ сорокъ седьмой годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина“ предполагает напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: А. Θ. Кони.—«Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣателя». «Житійскія встрѣчи». Дневныя записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Θεодора Алексѣевича и Петра Великаго. А. С. Лавинскаго.—Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 годахъ. Сочиненіе Якова Шельтена. Е. С. Шумигорскаго.—Донесенія датскаго посланника Гавстаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Θ. И. Головкина. Разказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. В. Н. Бочкарева. Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II. Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова. Записки Н. А. Розенбаха, бывшаго командира Павловскаго полка, начальника штабовъ гвар. корпуса Петроградскаго округа и туркестанскаго генераль-губернатора. (Правдивыя и подробныя записки касаются Императоровъ Александра II, Александра III, Вел. Кн. Владиміра Александровича, гр. Милюткина, ген. Скобелева, гр. Шувалова, ген. Анненкова, кн. Имеретинскаго, ген.: Ванновскаго, Обручева, Черныява, Бобрікова и др. Эмира Бухарскаго, Хана Хивинскаго, Императоровъ Вильгельма I, Вильгельма II, эрцгерцоговъ Рудольфа, Франца Фердинанда, Мольтке, Каприви и др.). А. П. Нѣлова.—Изъ дальнихъ лѣтъ (три поколѣнія Нѣловыхъ, дворцовые архитектора Царскаго Села, Капризъ Екатерины II и разговоры ея по этому поводу. Разговоры Импер. Павла I и Александра I. Александръ I разбираетъ чертежи по постройкѣ Александровскаго дворца. Марія Парижская. Импер. Марія Θεодоровна ее воспитываетъ въ малыхъ лѣтахъ, отдаетъ въ Смольный и выдаетъ замужъ за В. Б. Жукова. Табакъ Жукова. Пожаръ дворцовой церкви, въ которой стояло тѣло Александра I. Императоръ Николай I сажаетъ Бродова на гауптвахту за икону Саваоа въ Исаакіевскомъ куполѣ). Н. Модестова.—Послѣдніе дни жизни Императора Александра I. Ал. Бородиной.—Мои воспоминанія объ А. С. Даргомыжскомъ. Н. М. Сутырина.—По родной землѣ. Подробный разказъ очевидца о пребываніи Пугачева въ г. Курмышѣ. В. Андерсона.—Дневникъ И. М. Снегирева. М. Г. Мардарьева.—Цензура иностранныхъ газетъ и журналовъ. Н. А. Соловьева.—Кража книгъ изъ Императорской публичной библиотеки германскимъ ученымъ Пихлеромъ. Записки Н. В. Исакова.—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ (Характеристика гр. Воронцова, кн. Аругтинскаго, кн. Бебутова, Коцебу, кн. Барятинскаго, Евдокимова и др.). Е. С. Каменскаго.—Августѣйшіе кадеты (юные годы Императора Александра III). Записки гр. Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г.г. В. Х. Кондараки.—Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II въ Крыму. (Самыя подробныя воспоминанія, разговоры Императора). С. Штрайха.—Незданныя письма Н. И. Пирогова религіозно-философскаго содержанія, представляющія чрезвычайно важное дополнение къ его «Дневнику» «Вопросовъ жизни». Н. Л. Бродскаго.—15 неизданныхъ писемъ И. С. Тургенева. С. М. Шницера.—Два неизданныхъ стихотворенія А. В. Кольцова. Изъ архивныхъ матеріаловъ: неизданныя письма И. С. Тургенева, Н. Курочкина, П. И. Каратыгина, В. Р. Зотова, Вл. Чуйко, Д. И. Мамина-Сибиряка, Д. Л. Мордочева. Н. А. Лашкова.—Арачьевскій синодиль. А. И. Георгіевскаго.—Мои воспоминанія и размышленія. Е. А. Рагозиной.—Дарданеллы и Египетъ при Измаилѣ-пашѣ. П. Л. Юдина.—Нѣмецъ все могитъ. А. М. Чижевскаго.—Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи. В. П. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русской-нѣмецкой войны. Воспоминанія Чижевскаго, ген. Савельева, Веселовскаго, Андришпева, Леваковского, Андреевскаго и др.

Въ настоящемъ году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣателей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 10 руб. съ пересылкой, за границу 12 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствие въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Петроградѣ въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13

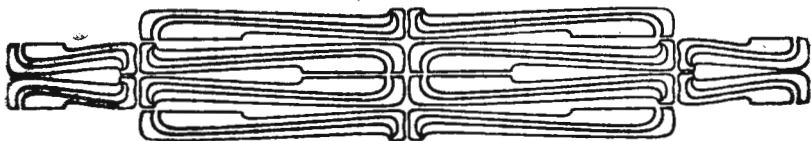
Въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—ответственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Петръ Великій, Императоръ Россіи, въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг. ¹⁾.

Путешествіе Царя въ Англію.

9-го ноября Царь имѣлъ особое свиданіе съ королемъ *Вильгельмомъ* въ Гаагѣ, куда онъ отправился въ сопровожденіи *Лесфорта* въ своемъ обычномъ костюмѣ и въ обыкновенной каретѣ. Онъ пробылъ здѣсь нѣсколько дней. Послѣ этого Царь выразилъ желаніе посѣтить Англію. Король выѣхалъ туда раньше и вслѣдъ за этимъ выслалъ въ Голландію три военныхъ судна и одну яхту подъ общею командою адмирала *Митчеля*. Петръ, въ сопровожденіи *Меншикова* и нѣкоторыхъ лицъ изъ своей свиты, отправился въ Геллефутслейсъ; отсюда онъ выѣхалъ 18-го января 1698 г. и 20-го этого же мѣсяца прибылъ въ Гарвичъ, а на слѣдующій день былъ привезенъ на королевскомъ суднѣ въ Лондонъ. Посоль *Головкинъ* оставался сначала въ Голландіи съ другими представителями Россіи, а позже онъ былъ вызванъ въ Англію для принятія участія въ обсужденіи разныхъ дипломатическихъ вопросовъ.

Въ нашу цѣль не входитъ слѣдовать за Царемъ день за днемъ, въ этомъ путешествіи, какъ бы оно ни было достопримѣчательно. Несомнѣнно, что въ Англіи Царь преслѣдовалъ ту же цѣль, какъ и въ Голландіи, а именно—внимательнѣйшимъ образомъ присмотрѣться къ дѣлу кораблестроенія, а также и ко всему тому, что имѣетъ ближайшее къ нему отношеніе.

Для Царя былъ приготовленъ на Темплебарѣ обширный домъ, въ которомъ нѣкогда имѣла пребываніе вдова короля

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

Карла II, но Царь предпочелъ жить на королевской верфи въ Дептфортѣ, гдѣ онъ выбралъ себѣ помѣщеніе у нѣкоего *Эвелинса*, домъ котораго непосредственно примыкалъ къ мастерскимъ упомянутой верфи; здѣсь онъ могъ отдаваться своему любимому дѣлу и въ волю работать на верфи и въ одеждѣ дворянина, и въ простомъ костюмѣ корабельнаго мастера.

Особенно важное значеніе для Петра имѣли сношенія его съ адмираломъ маркизомъ *Кармартеномъ* и вице-адмираломъ *Митчелемъ*, которые ему демонстрировали разныя эволюціи военныхъ судовъ въ Спайтхедѣ. Въ знакъ своего особаго благо-расположенія къ первому изъ названныхъ лицъ Царь заключилъ съ нимъ договоръ о свободномъ ввозѣ въ предѣлы Россіи табаку; употребленіе котораго считалось тамъ еще въ то время грѣховнымъ. Званіе адмирала на службѣ Англіи имѣло такое высокое значеніе въ глазахъ Петра, что онъ ставилъ этотъ титулъ выше блеска своей короны. Царь часто встрѣчался въ Англіи съ знаменитѣйшими строителями судовъ, въ особенности съ *Антономъ Диномъ* (Dean). Онъ склонялъ его сына, *Джона Дина*, и *Жозефа Ней* перейти къ нему на службу. Менѣе заботясь въ Англіи, чѣмъ въ Голландіи, о наймѣ корабельныхъ плотниковъ, онъ подрядилъ болѣе 500 человекъ мастеровъ и разныхъ рабочихъ специалистовъ, по всевозможнымъ ремесламъ, чтобы взять ихъ съ собой въ Россію. Въ числѣ другихъ приглашенныхъ въ Россію лицъ были: одинъ шотландецъ, по имени *Фернарзонъ*, впоследствии основавшій въ Россіи школу мореплаванія и содѣйствовавшій введенію, тамъ же, арабскихъ цифръ, и *Джонъ Перри*, очень искусный инженеръ, рекомендованный Царю Кармартеномъ.

Въ Англіи Царь также усердно посѣщалъ разныя фабрики, и большое количество всякаго рода инструментовъ и всевозможныхъ моделей было имъ приобрѣтено здѣсь и отослано въ Россію.

Царь часто посѣщалъ короля *Вильгельма*, но всегда безъ всякаго парада. Простое платье англійскаго дворянина онъ предпочиталъ всякому другому. Театральныя представленія рѣдко имъ посѣщались, но тѣмъ охотнѣе онъ отдавалъ время на осмотръ разныхъ учреждений, какъ, напр.: госпиталя въ Гринвичѣ, орудійныхъ заводовъ, монетнаго двора и т. п. Гринвичекій госпиталь ему такъ понравился, что онъ совѣтовалъ королю обмѣнить его на С.-Джемскій дворецъ. Онъ желалъ также ознакомиться съ положеніемъ англійскаго духовенства и вообще церковныхъ дѣлъ въ Англіи, и обратился за освѣ-

щеніемъ этого вопроса къ знаменитому епископу сальсбѣрійскому Гильберту *Бѣрнетъ*, который впоследствии написалъ о Петрѣ книгу, но не отозвался о немъ особо въ благопріятномъ смыслѣ. Однажды Царь присутствовалъ при торжественномъ засѣданіи палаты пѣровъ, куда съ большею, чѣмъ обычно, помпою поѣхалъ также и король.

Идя навстрѣчу желанію короля, Петръ разрѣшилъ извѣстному художнику кавалеру Готфриду *Кнеллеру* нарисовать его портретъ.

Проведя около трехъ недѣль въ Англіи, Царь простился съ королевемъ, который имѣлъ при этомъ случай предложить ему въ подарокъ роскошную яхту, построенную и вооруженную по типу военнаго фрегата; яхта эта служила съ тѣхъ поръ Царю во всѣхъ его морскихъ поѣздкахъ. Король презентовалъ также Царю превосходнѣйшую модель военнаго, 120-ти пуш., корабля, исполненную по всѣмъ правиламъ искусства, съ необыкновенною точностью и пропорціональностью. Петръ былъ въ высшей степени доволенъ этимъ подаркомъ и, въ свою очередь, отдалъ короля большимъ брилліантомъ, завернутымъ въ грубую сѣрую бумагу,—несомнѣнно грубый символъ дающаго и его страны.

На подаренной королевемъ яхтѣ Царь отправилъ въ Россію главнѣйшихъ лицъ изъ числа приглашенныхъ имъ ѣхать на службу къ нему въ Россію. Адмиралъ *Митчелъ* доставилъ его обратно въ Голландію на другой королевской яхтѣ, которую сопровождали два военныхъ корабля.

Жизнь и занятія пословъ и другихъ русскихъ во время отсутствія Царя.

Какъ кажется, Царь въ продолженіе всего своего пребыванія на верфи Остъ-Индской компаніи не позволялъ никому изъ русскихъ вельможъ посѣщать его здѣсь. Но едва только Царь отбылъ въ Англію, какъ князья и другіе знатные русскіе, остававшіеся въ Амстердамѣ, попросили себѣ разрѣшенія у директоровъ названной компаніи осмотрѣть верфь и склады, что имъ любезно и было предоставлено; принять ихъ и сопровождать поручено было двумъ лицамъ: *Хинлопену* и *де-Блокери*. Можно думать также, что нѣкоторые изъ русскихъ устроились жить на самой верфи, не измѣняя, однако, прежняго образа жизни и усердно работая.

Во время пребыванія Царя въ Англію, графъ Головкинъ

былъ часто посѣщаемъ въ Заандамъ своими соотечественниками, которые здѣсь много тратили денегъ. Имъ очень хотѣлось научиться кататься на конькахъ. Но такъ какъ у нихъ на родинѣ не имѣютъ понятія о слабыхъ мѣстахъ на льду, то они позволяли себѣ слишкомъ рисковать; въ то же время привыкнувъ у себя на родинѣ выносить страшный холодъ, они, при печальныхъ для нихъ иногда здѣсь, во время катанія, инцидентахъ, не торопились мѣнять мокрое платье на сухое.

Въ началѣ февраля мѣсяца въ Заандамъ прибылъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, одинъ изъ русскихъ пословъ, вѣроятно—*Возницинъ*; самъ онъ остановился у Головкина, а сопровождавшіе его—размѣстились въ гостиницѣ. Князь *Багратионъ*, который въ Голландіи особенно интересовался всѣмъ, что касалось артиллеріи и большіе успѣхи котораго были замѣчены Царемъ еще во время опытовъ при Мейдербергѣ, сопутствовалъ названному послу. Однажды, князь встрѣтилъ на улицѣ одного юношу, по имени Исбрандъ Корнелисоонъ *Блекеръ*, въ которомъ онъ нашелъ большое сходство съ своимъ младшимъ братомъ, оставленнымъ имъ на родинѣ, въ Россіи. Онъ былъ такъ взволнованъ этою встрѣчею, что не могъ сдерживать своихъ чувствъ. Онъ сильно полюбилъ мальчика и такъ привязался къ нему, что просилъ родителей мальчика оставить его у себя на все время, покуда онъ будетъ находиться въ Заандамъ.

Князь жилъ въ домѣ Мейнерта *Блюма*. 6-го февраля этимъ послѣднимъ былъ устроенъ въ своемъ домѣ посламъ и другимъ знатымъ русскимъ особамъ приемъ и роскошное угощеніе.

Пользуясь пребываніемъ въ Голландіи посольства со свитою, *Витценъ* не упускалъ столь благопріятнаго для него случая, чтобы, путемъ посѣщенія пріѣзжихъ-чужеземцевъ, не собрать новыхъ матеріаловъ для пополненія и обогащенія капитальнѣйшаго его труда: „Сѣверная и Восточная Татарія“. Среди пріѣзжихъ русскихъ онъ отыскалъ башкиръ, монголовъ и киргизъ и собралъ очень любопытныя свѣдѣнія относительно образа жизни и нравовъ этихъ азіатскихъ племенъ. О Сибири онъ узналъ многое отъ графа *Салтыкова*, начальствовавшего въ Тобольскѣ; относительно грузинъ и черкесовъ онъ получилъ свѣдѣнія отъ самого принца грузинскаго, какъ бы въ благодарность за услуги, оказанныя Витценомъ отцу этого принца въ 1685 г. Бургомистръ относился къ молодому принцу съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ,—онъ чтилъ въ немъ постигшее его несчастіе. Онъ не могъ не поражаться необычно-

венною превратностью человѣческой судьбы, видя, какъ принцъ, — которому какъ старшему въ родѣ, долженъ былъ перейти престолъ большого царства, — здѣсь, въ Голландіи, въ угоду русскому Царю и для пользы его монархіи, — принужденъ заниматься низкими мастерствами и ремеслами.

Въ наилучшихъ отношеніяхъ съ бургомистромъ былъ также посоль *Головинъ*, возвратившійся изъ Англіи раньше, чѣмъ Царь. *Витценъ* былъ многимъ обязанъ Головину. Этотъ послѣдній зналъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, отдаленнѣйшія части русскаго государства, какъ въ качествѣ бывшаго губернатора сибирскаго, такъ и благодаря своимъ путешествіямъ до самыхъ китайскихъ границъ. Онъ помогъ Витцену въ выясненіи разныхъ научныхъ вопросовъ, въ особенности въ выясненіи невозможности пути въ Индію черезъ сѣверъ; также относительно историческихъ данныхъ о тунгузахъ, китайцахъ и татарахъ; наконецъ, относительно древнихъ предметовъ, золотыхъ и серебряныхъ, найденныхъ въ Сибири при раскопкѣ кургановъ. Между ними возникли дружескія отношенія, которыя позже еще болѣе скрѣпились взаимною перепискою ихъ и обмѣномъ подарковъ, въ числѣ которыхъ былъ художественной работы серебряный кубокъ, оцѣненный Витценомъ очень высоко и найденный въ странѣ, гдѣ искусство обработки серебра было забыто уже въ теченіе многихъ вѣковъ.

Между тѣмъ, *Головинъ*, пользуясь отсутствіемъ Царя, задумалъ также ближе ознакомиться со страной. 23 апрѣля, *Головинъ*, въ сопровожденіи *Лефорта* и многочисленной свиты, въ числѣ которой находился священникъ съ длинною бородою, посѣтилъ своихъ соотечественниковъ въ Заандамъ. Въ продолженіе двухъ дней они ознакомились крупнѣйшія верфи и фабрики, при чемъ они были сопровождаемы *Камфомъ Блоомомъ*. *Лефортъ* познакомился съ послѣднимъ еще раньше. Всѣ русскіе помѣстились въ отелѣ „*Моріаансгоофдъ*“. Здѣсь они жили въ постоянной работѣ. Но, въ то же время, въ преданіяхъ города сохранилось, что хозяинъ названнаго отеля не могъ подыскать въ Заандамъ бокаловъ, которые были бы достаточно вмѣстительны для его гостей-чужеземцевъ, благодаря чему эти послѣдніе и приобрѣли славу здоровыхъ кутилъ, которую они повсюду оставили послѣ себя и которая находитъ подтвержденіе себѣ въ письмѣ изъ Лифляндіи: „*Лефортъ*, сообщаетъ въ этомъ письмѣ, человѣкъ — одаренный большимъ умомъ, очень пріятный въ обращеніи; въ отношеніи своей честности и мужества — это, въ истинномъ смыслѣ слова, швейцарецъ, но и

какъ любитель выпить—онъ не имѣетъ себѣ равнаго: у него всегда пиръ горою, съ музыкою, тромпетами и всевозможными излишествами. Я нигдѣ не встрѣчалъ большихъ любителей выпить, чѣмъ у него,—трудно описать все, что творилось тамъ, и всѣ они похвалялись этимъ—какъ особыми талантами. Если Петръ былъ второй Бахусъ, то они были достойною его свитою“.

Въ Амстердамѣ удивлялись, а въ то же время и огорчались, что оставшіеся здѣсь послы,—занятые наймомъ людей и покупкою военныхъ припасовъ, и проч., на свободный вывозъ какихъ-нибудь изъ Голландіи они испросили и получили разрѣшеніе, въ продолженіе всей зимы ничего не говорили о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ. Но въ концѣ марта мѣсяца были замѣчены первые признаки къ этому отъѣзду. Послы, черезъ гофмейстера двора, просили довести до свѣдѣнія ихъ высокомоцій о намѣреніи ихъ въ ближайшіе дни возвратиться въ свое отечество: раньше ими предполагается отправить свою свиту и свои экипажи въ Клеве, а затѣмъ выѣдутъ и они сами. Послы высказывали свою увѣренность, что генеральные штаты сдѣлаютъ необходимыя распоряженія къ тому, чтобы ихъ проводили до границы, гдѣ уже всѣ расходы принимаются ими на себя. Ихъ высокомоція изъявили на это свое согласіе и поручили гофмейстеру сопровождать ихъ, соблюдая наивозможную бережливость въ расходахъ.

Гофмейстеръ, узнавъ, что багажъ уже отправленъ, 3 апрѣля, въ Клеве, вывелъ изъ этого заключеніе, что и послы скоро должны отъѣхать, и потому озаботился, чтобы нужное число яхтъ для внутренняго плаванія (по каналамъ) было приведено въ готовность и собрано въ Амстердамѣ, а большія суда—въ Гауда; но, несмотря на все это, тѣ и другія должны были все-таки оставаться еще нѣкоторое время на якорѣ, такъ какъ послы желали дожидаться возвращенія своего повелителя.

Возвращеніе Царя въ Амстердамъ.

Царь вернулся обратно изъ Англіи не раньше 7-го мая. На пути въ Голландію его захватилъ на морѣ жестокой штормъ, который онъ выдержалъ съ необыкновеннымъ присутвіемъ духа. Когда матросы указали ему на ту большую опасность, которой подвергается ихъ судно, онъ, смѣясь, отвѣтилъ имъ: „слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы русскій царь утонулъ въ морѣ у береговъ Голландіи?“

Прибывъ въ Амстердамъ, царь, прежде всего, направился на корабельную верфь, свое любимое жилище.

По возвращеніи его изъ Англіи, въ немъ замѣтили большую перемѣну какъ въ одеждѣ, такъ и въ обращеніи съ людьми, въ соотвѣтствіи съ лицами, съ которыми онъ имѣлъ дѣло.

Прибывъ на верфь, Царь нашелъ двѣ роскошныя транспортныя яхты, которыя строились здѣсь для него, совершенно законченными и оснащенными; онъ лично наблюдалъ за нагрузкою этихъ яхтъ всѣмъ необходимымъ для отправки въ Россію.

Въ то же время было набрано въ Голландіи болѣе 640 чел., чтобы отвезти ихъ въ Россію; это были разнаго рода художники, ремесленники, мастеровые; но всего же больше было нанято искусныхъ корабельныхъ плотниковъ; всѣ они были посажены, 16-го мая, на 8 барокъ и отправлены въ Тексель, чтобы тамъ пересадить ихъ на русскіе корабли, готовые къ отплытію въ Архангельскъ. Собрались большія толпы народа, чтобы проститься съ отъѣзжающими и проводить ихъ; много было также здѣсь и просто любопытствовавшихъ, почему и не обошлось безъ нѣкоторыхъ неприятныхъ инцидентовъ. Кромѣ голландцевъ, среди уѣзжавшихъ въ Россію были лица и другихъ національностей и въ числѣ ихъ много французовъ, бѣжавшихъ съ родины вслѣдствіе религіозныхъ распрей и отправляющихся въ Москву.

Многіе изъ мѣстныхъ голландцевъ съ грустью смотрѣли на отъѣздъ на чужбину столь значительнаго числа свѣдущихъ и полезныхъ людей, а также на вывозъ такого большого числа моделей разныхъ машинъ—мельничныхъ, ткацкихъ, прядильныхъ и другихъ. Эти люди какъ бы предвидѣли тотъ великій ущербъ, какой нанесенъ будетъ всѣмъ этимъ собственному ихъ отечеству. Насколько этотъ страхъ впоследствии слишкомъ правдался—объ этомъ мы скажемъ позже.

Послѣднее посѣщеніе Царемъ Заандама.

20 мая *Петръ* въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Заандамъ и тотчасъ же остановился въ домѣ *Корнея Кальфа*, съ которымъ и поѣхалъ на томъ же буэрѣ по Заану. Царю хотѣлось видѣть, какъ мелютъ табакъ, и онъ, вмѣстѣ съ Кальфомъ, отправился сначала на одну табачную мельницу, но такъ какъ къ нимъ скоро присоединились другіе именитѣйшіе купцы, то Царь посѣтилъ еще нѣсколько табачныхъ фабрикъ. Затѣмъ, въ сопро-

вожденіи князя *Багратиона*, онъ отправился въ домъ Кальфа, гдѣ и провелъ весь вечеръ, при чемъ никому изъ свиты не было извѣстно—гдѣ именно находится Царь. Съ особымъ удовольствіемъ разговаривалъ онъ о Заандамѣ и съ большою похвалою отзывался о жителяхъ его, говоря, что въ искусствѣ постройки торговыхъ судовъ онъ ставитъ заандамцевъ выше англичанъ; онъ удивлялся той необыкновенной быстротѣ, съ которою они и строятъ и оснащаютъ свои суда; хвалилъ ихъ образцовый порядокъ и цѣлесообразность въ ихъ учрежденіяхъ, высокое качество ихъ работы, а также ихъ громадныя запасы лѣса и обиліе всякаго рода машинъ.

Царь оставался еще до полудня слѣдующаго дня въ домѣ *Головкина*, совсѣмъ не выходя на улицу, такъ какъ тамъ все время стояла большая толпа любопытныхъ.

Отъѣздъ Царя и посольства изъ Голландіи.

Послѣ многихъ пререканій гофмейстера съ послами, требовавшими, чтобы издержки по содержанію ихъ въ Амстердамѣ были приняты на счетъ государства по день ихъ отъѣзда, 25 мая состоялся, наконецъ, отъѣздъ Царя изъ Амстердама; онъ не сопровождался никакими особыми церемоніями, кромѣ стрѣльбы изъ орудій. Окончательно Царь, со своимъ посольствомъ, оставилъ предѣлы Голландіи 3 июня.

Церемоніймейстеръ *ван-Динтеръ* вскорѣ вернулся въ Гаагу и затѣмъ представилъ правительству отчетъ по произведеннымъ на посольство расходамъ, въ которомъ показалъ, что ассигнованная сумма едва была достаточна для покрытія только половины дѣйствительно произведенныхъ на этотъ предметъ расходовъ. Въ виду этого государственный совѣтъ былъ уполномоченъ войти съ новою петиціею о дополнительномъ ассигнованіи еще 110 тысячъ гульденовъ. Но, помимо этого, ходили слухи, что посѣщеніе Царемъ Голландіи обошлось одному Амстердаму, не считая даже подарка въ видѣ галліота, въ 200 тысячъ гульденовъ.

Головкинъ остался въ Заандамѣ. У него лѣтомъ часто собирались проживавшіе въ Амстердамѣ русскіе, а также именитѣйшіе торговые люди, имѣвшіе дѣло съ Россією. 17 октября, торжественно провожаемый на многихъ яхтахъ, уѣхалъ изъ Заандама и *Головкинъ*, оставивъ по себѣ добрую память, какъ о человѣкѣ честномъ и великодушномъ.

„Наконецъ, говорятъ Нооменъ, Голландское государство и

Заандамъ развязались и освободились отъ этого великаго, столь высокаго, пресловутаго, чрезвычайнаго и дорогаго визита“.

Возвращеніе въ Россію.

Мы не будемъ подробно описывать дальнѣйшаго путешествія Царя; скажемъ только, что какъ въ Дрезденѣ, такъ и въ Вѣнѣ ему была устроена необыкновенно торжественная встрѣча, но что и въ томъ и въ другомъ городѣ, въ особенности въ первомъ изъ нихъ, онъ старательнѣйшимъ образомъ уклонялся отъ участія въ придворныхъ празднествахъ въ честь его. Германскій императоръ устроилъ во дворцѣ „Favorita“ особое торжество, называемое „Lantwirtschaft“, дворцовый праздникъ, гдѣ императоръ и императрица играли роль хозяина и хозяйки, принимающихъ у себя всѣхъ путешественниковъ, одѣтыхъ въ ихъ національные костюмы. Петръ пожелалъ явиться въ роли сѣвернаго голландца или заандамца; молодою дѣвушкою, своею спутницею, въ костюмѣ голландки, онъ выбралъ принцессу Юганну *фонъ-Турнъ-и-Таксисъ*.

Находясь въ Вѣнѣ, Царь получилъ изъ Россіи извѣстіе о заговорѣ противъ него и предпринятыхъ имъ государственныхъ преобразованій. Въ этомъ заговорѣ приняли участіе многіе бояре, а также и духовныя лица. Усиленно распространялись слухи, что народу грозитъ опасность подпасть подъ иго иноземцевъ. Старые враги Петра снова подняли головы, и стрѣльцы, разсѣянные по окраинамъ и Ливоніи, сплотившись, двинулись къ Москвѣ, чтобы Петра, какъ нарушившаго своею поѣздкою основные государственные законы, объявить лишеннымъ престола и возвести на царскій тронъ, подъ управленіемъ царевны Софіи, сына Петра. *Шейнъ* и *Гордонъ* выступили противъ этихъ бандъ со своими войсками и одержали надъ ними побѣду; но этотъ успѣхъ иноземныхъ полководцевъ надъ своими же русскими войсками—еще болѣе воспламенилъ народную ярость.

Положеніе Россійскаго государства было крайне тревожное въ тотъ моментъ, когда Царь получилъ это извѣстіе. Тотчасъ по прочтеніи письма, Петръ рѣшилъ отложить свою поѣздку въ Венецію, которую онъ передъ этимъ задумалъ, чтобы, съ одной стороны, наблюдать за постройкою тамъ галеръ, а съ другой, чтобы удовлетворить своему давнему желанію побывать въ Италіи, куда многіе знатнѣйшіе русскіе уже выѣхали впередъ

изъ Вѣны ¹⁾. Онъ отправился въ дальнѣйшій путь по направленію къ Россіи въ сопровожденіи *Лефорта* и *Головина*. *Возницынъ* былъ оставленъ, чтобы, при посредствѣ Англіи и Голландской республики, заключить съ турками миръ въ Карловицѣ. Царь ѣхалъ въ Россію чрезъ Польшу. Въ Краковѣ онъ получилъ извѣстіе о побѣдѣ Гордона и Шеина и о подавленіи мятежа. Такимъ образомъ, Царь могъ бы еще повернуть въ Италію; но онъ сознавалъ, что долгъ государя призываетъ его въ отечество. Еще въ началѣ сентября мѣсяца онъ прибылъ въ столицу, гдѣ были крайне смущены такимъ посѣшнымъ и неожиданнымъ возвращеніемъ. Первымъ дѣломъ Царя было—наградить тѣ вѣрныя ему войска, которыя одержали побѣду надъ стрѣльцами; вторымъ—покарать мятежниковъ.

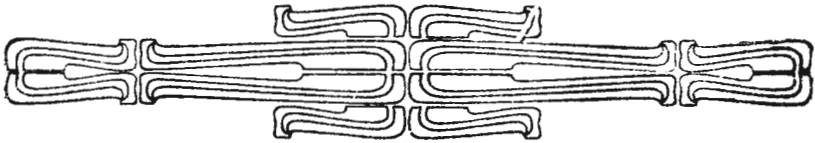
А. С. Ладивскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ Венеціи и въ Римѣ дѣлались большія приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Царя. Въ послѣднемъ изъ названныхъ городовъ возлагались большія надежды—склонить Царя войти въ нѣкоторыя соглашенія съ папою въ виду того, что Петръ, будучи еще въ Вѣнѣ, проявилъ нѣкоторый интересъ къ иезуитамъ и не безъ любопытства смотрѣлъ на ихъ пышныя церковныя церемоніи.

Прим. Автора.

Очерки прошлаго¹⁾

Филиповичъ впослѣдствіи разсудилъ, что 600 р. с., присутствіе нѣсколькихъ сотъ голодныхъ ртовъ, неимѣніе оружія суть плохія ручательства за успѣхъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ взятіе Турецкой крѣпости, хотя гарнизонъ ея и былъ незначительный. Абрамовъ былъ посланъ по обоюдному соглашенію съ Максимовичемъ въ Тульчу и долженъ былъ сообщить обо всемъ Лишину; но онъ, конечно, вернулся ни съ чѣмъ. Рассказывалъ онъ ужасы. Филиповичъ обратился къ болгарскимъ комитетамъ въ Румыніи и для успѣха дѣла посвятилъ ихъ въ свои намѣренія. Шумный въѣздъ гурьбы добровольцевъ въ Бѣлградъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Надо предполагать, что комитеты тоже не молчали о своихъ планахъ. Добровольцы рассказывали первому встрѣчному: „вотъ идемъ на Турецкую крѣпость Тульчу“. Слѣдствіемъ всей этой болтовни вышло то, что турецкое правительство удвоило гарнизоны въ Тульчѣ, а по Дунаю стали крейсировать турецкіе мониторы.

Въ Турнъ-Северинѣ мы нашли болгарина, который взялся насъ доставить на лодкѣ въ Кладово. Мы сѣли подальше отъ пристани и имѣли удобство не предъявлять паспортовъ и не подвергаться осмотру багажа.

Максимовичъ былъ очень дѣльный, смысленный офицеръ. Много лѣтъ онъ провелъ на русской службѣ, но остался сербомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. На ту пору это былъ великій недостатокъ, такъ какъ ему было поручено все разу-

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

знать и приготовить „для Болгаріи“. Какъ сербъ, онъ не могъ переварить мысли, что столько казаковъ (300) перейдутъ въ Добруджу или другое мѣсто въ Болгаріи и будутъ потеряны для сербскаго дѣла. „Набирать туда добровольцевъ бесполезно: болгары не возстанутъ“, говорилъ онъ, „надо сговориться съ Черняевымъ, прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь“. Про добровольцевъ можно было сказать, что они охотнѣе пошли бы къ Черняеву; но были и такіе, которые готовы были идти куда угодно, лишь бы подрались съ туркомъ.

Въ Кладовѣ я узналъ проектъ, такъ сказать, болгарскаго возстанія. Болгары обидѣлись пріемомъ, который имъ сдѣлалъ Кишельскій въ Делиградѣ. Самолюбіе заговорило у вожаковъ болгарскаго народа. „Что это все сербы, ла сербы“, говорили они, „болгарь всюду суютъ въ опасныя мѣста; мы также имѣемъ право на жизнь“. Предположеній было много. Вотъ одно: если найдутся добровольцы изъ Россіи, то можно будетъ во-первыхъ купить пароходъ для перевозки оружія; во-вторыхъ занять островъ противъ Рундука и поселить нашихъ и болгарь, въ видѣ рабочихъ. Осмотрѣвши мѣстность, можно войти въ соглашеніе съ заговорщиками на томъ берегу Дуная и т. д. Планъ этотъ былъ не хуже другихъ; главное условіе, конечно, было—сохранить тайну, добыть деньги и оружіе. Болгары рассчитывали на содѣйствіе Евлогія Георгіева и другихъ. „У насъ было оружіе“, говорили мнѣ они, „но гдѣ оно запрятано, мы теперь не знаемъ. Напишите обо всемъ комитету, и пускай онъ это дѣло разсудитъ и поддержитъ насъ“.

Пока обсуждался планъ поголовнаго возстанія въ Болгаріи, партія, бывшая подъ предводительствомъ Филипповича, не захотѣла сидѣть безъ дѣла въ Болгаріи и направилась огульно въ Сербію. Я телеграфировалъ обо всемъ въ комитетъ и просилъ отвѣта. Впослѣдствіи я долженъ былъ убѣдиться, какъ мало успѣха сулила эта болгарская экспедиція. Вспоминаю тѣ соображенія, которыя я высказывалъ въ засѣданіи Совѣта славянскаго общества въ концѣ 1876 года. Что я не ошибся и что это мнѣніе не было придумано *post factum* (т. е. послѣ нашей войны съ турками, доказавшей справедливость моихъ словъ), видно изъ записки, прочитанной въ декабрѣ 1876 г. въ Совѣтѣ.

Сношенія съ славянскимъ комитетомъ были затруднительны: я не получилъ ни одного отвѣта на мои письма и телеграммы. Кромѣ того, надо спросить, на что мы могли рассчитывать въ Болгаріи. Во-первыхъ, на русскихъ добровольцевъ? Русскіе

добровольцы неохотно шли туда; имъ всё хотѣлось придти въ Сербію, стать подъ знамена Черняева (даже въ Дринской арміи было мало русскихъ). Самое предпріятіе требовало строгой тайны, а какъ сохранить ее, когда предводитель долженъ былъ посвятить каждаго добровольца въ свои планы, а то ему грозилъ поголовный уходъ добровольцевъ? „Я доброволецъ“, говорили многіе, „хочу останусь, хочу нѣтъ: меня никто не смѣетъ держать“. Что касается оружія, то для болгаръ и русскихъ во всю кампанію не могли отыскать оружія. Оно валялось въ Унгенахъ, было спрятано гдѣ-то, а можетъ быть, оно было миѣическое, неосязаемое простымъ глазомъ. Требовались деньги для обмундировки и провіанта. Все это надо было создать съизнова.

Въ подтвержденіе моей мысли приведу слѣдующее. Вожаки болгарскаго возстанія сидѣли въ Бухарестѣ. Я захотѣлъ узнать, какими нитями они связаны съ своей несчастною родиною, и просилъ ихъ разъяснить мнѣ, на кого въ Болгаріи они рассчитываютъ. „О, у насъ тамъ есть агенты, цѣлая организація“.— Вы сами тамъ были? „Нѣтъ, туда нельзя ѣхать: тамъ турки насъ убьютъ“. „Ну а переодѣться туркомъ?“ „Нѣтъ, нѣтъ это невозможно“. „А какъ же вы могли убѣдиться, что тамъ все готово? Гдѣ же, на примѣръ, вы думаете можно начать?“ продолжалъ я вопрошать. Назвали мнѣ мѣстечко, гдѣ будто зарыто даже оружіе. „Покажите мнѣ на картѣ“. Принесли карту. Они стали искать, долго всматривались и не нашли. Что же это такое?—думалъ я.

Расскажу еще другой случай. Пришли ко мнѣ съ запискою отъ Дандевилія два болгарина Начовичъ¹⁾ и Покорный, съ предложеніемъ доставить оружіе черезъ Румынію и Австрію. Они говорили о проектѣ взять Руцукъ на счетъ комитета старыхъ болгаръ, бранили молодыхъ и высказались, что они не желаютъ вмѣшательства сербовъ и хотятъ самостоятельно работать для болгаръ. Я перевелъ разговоръ на вопросъ объ оружіи. Начовичъ, для пользы дѣла, хотѣлъ открыть маленькую лавочку въ Турни-Северинѣ, гдѣ будетъ все, что потребуется для Черняева и для болгаръ.—Только для этого требуются издержки на обзаведеніе, какъ онъ выразился, по крайней мѣрѣ 1000 рублей сер. Я спросилъ ихъ самымъ простодушнымъ тономъ: „Вы говорите, что комитетъ вашъ богатъ,

¹⁾ Начовичъ потомъ игралъ видную роль въ болгарскомъ правительствѣ.

что у Евлогія Георгіева 7 сотни тысячъ дохода, и если онъ сочувствуетъ этому дѣлу, то неужели вамъ не выдадутъ изъ суммъ комитета или изъ собственнаго кармана"? Мои собесѣдники, должно быть, согласились со мною и сказали, что они обо всемъ дадутъ мнѣ знать черезъ вѣрное лицо въ Делиградъ. Впослѣдствіи я узналъ, что славянскій комитетъ отправилъ на мое имя 15 т. золотомъ въ Букарестъ въ генеральное консульство. Эта сумма казалась многимъ богатствомъ Перу и Голконды, но я просилъ генеральнаго консула хранить и изъ нея не потратилъ ни копѣйки. Эта сумма хранилась тамъ, кажется, до половины 1878 года. Меня за это обвинили, какъ я слышалъ. Скажу въ оправданіе, что деньги комитета казались мнѣ священными, и экономія не была лишняя. Эта сумма была мала для чего-нибудь болѣе важнаго, а раздать ее по рукамъ прожектерамъ,—ея достало бы на нѣсколько дней. Обвинять меня и утверждать, что эти деньги произвели бы вспышку въ Болгаріи, было бы безразсудно.

Я говорилъ съ Евлогіемъ Георгіевымъ, и онъ насчитывалъ, что болгары выставятъ только до 5 т. человекъ; а если русскіе придутъ большими массами. Излишняя трата денегъ и сотенъ людей для того, чтобы турки вырѣзали остальное населеніе, вотъ что мнѣ представлялось. Я, можетъ быть, ошибся, но я просилъ генеральнаго консула хранить эту сумму, назначенія которой онъ не зналъ.

Вернемся теперь къ нашимъ добровольцамъ въ Кладово. Они тогда были готовы идти куда угодно, только для этого надо было спѣться и дѣйствовать сообща съ планами Черняева.

Въ Кладовѣ я познакомился съ средствами передвиженія Сербіи. Нѣсколько несчастныхъ колъ (телѣгъ) были въ распоряженіи коменданта. Единственный пароходъ „Делиградъ“, говорили, уѣхалъ въ Шабаць. Нѣсколько дней томительнаго ожиданія очень вредно вліяли на добровольцевъ, которые такъ и рвались въ бой. Многие даже хотѣли идти пѣшкомъ въ Делиградъ, лишь бы дали имъ проводника. Но комендантъ задержалъ и этотъ порывъ. Отсутствіе телеграфиста отрѣзало насъ отъ всего міра. Я такъ и не дождался „Делиграда“ и сѣлъ на первый австрійскій пароходъ и уѣхалъ въ Бѣлградъ.

Вообще сербскія власти дѣлали все *попьяну*, а мы русскіе торопили, тормозили ихъ и они въ глубинѣ души проклинали нашу поспѣшность, наше рвеніе къ чужому дѣлу. Другіе же отъ долгаго ожиданія стали пьянствовать, буйнить. Выходили дѣлать баталіи, но нельзя винить добровольцевъ—много нужно

характера, чтобы въ бездѣйстви, скукѣ, которая насъ окружала, не свихнуться. Ожиданіе безцѣльное деморализуетъ даже настоящее войско, а тутъ были добровольцы, которые хотѣли скорѣе въ Делиградъ. Дорогою я увидѣлъ и познакомился съ нѣсколькими очень порядочными добровольцами: нѣкто Ушаковъ, который ѣхалъ на свой счетъ и всѣмъ еще помогалъ. Ушакову былъ порученъ цѣлый отрядъ. На бѣдномъ лица не было. Онъ все думалъ, какъ бы не растерять, какъ бы устроить добровольцевъ. Ёхали еще три помѣщика изъ Саратова на свой собственный счетъ; они помогали другимъ, какъ могли. Былъ еще давнишній мой знакомый Б—ій. Этому человѣку въ жизни не повезло. Онъ воспользовался тѣмъ, что комитеты выдавали деньги, чтобы устроить иначе свою жизнь, выбиться, наконецъ, изъ прежней колеи. Много было людей съ тяжелымъ грустнымъ прошлымъ, которые шли подъ первую пулю. Были и такіе, которые оставили свой домъ, счастье, молодую жену, семью и стремились въ Сербію. „Нельзя газетъ читать: просто такъ и тянетъ туда“, сознавались эти господа. Въ этой толпѣ людей съ разбитымъ сердцемъ и разбитою жизнью, неудачниковъ всякаго рода, встрѣчались люди, шикующіе своимъ отъѣздомъ въ Сербію, готовящіе себѣ пьедесталъ. Эти люди громче всѣхъ кричали, бранили сербовъ, роптали на неудобства, требовали особеннаго вниманія къ себѣ. Вообще это былъ народъ хорошій, теплый, немного безтолковый. Большинство изъ нихъ не знали прошлаго Сербіи, плохо учились географіи, не имѣли понятій о разстояніяхъ. Переѣхавъ на сербскій берегъ, многіе изъ нихъ разошлись по кабакамъ.

Былъ и санитарный отрядъ съ старшимъ докторомъ, двумя другими докторами, сестрами милосердія. Они держались особнякомъ отъ компаніи добровольцевъ. Ушаковъ, Б—скій и нѣсколько другихъ были приглашены къ нимъ выпить чашку чая. Старшій докторъ узналъ о существованіи турецкой крѣпости Ада - Калэ. „Что бы это, господа, вамъ взять турецкую крѣпость“? предложилъ докторъ. „Пока еще дойдете до Делиграда, а мы устроимъ вамъ пріемъ здѣсь хорошій; санитарный отрядъ весь въ сборѣ“. Ушаковъ сказалъ на это: „Да, съ нашими головорѣзами можно пойти. Но надо сначала осмотрѣть крѣпость“.

Нашлись охотники изъ сербовъ, которые хотѣли подвезти насъ къ самой крѣпости, но они потомъ отказались. Комендантъ заявилъ, что это произведетъ осложненіе съ Австріей, и мы только нашли рыбаковъ, которые захотѣли принять насъ въ

свою компанію. Противъ теченія мы шли тихо,—на бечевѣ. Чудная ночь, долго тебя не забуду. Мы скользили по темнымъ водамъ Дуная. Сербы затаили свою заунывную пѣснь о царѣ Лазарѣ, о царицѣ Милицѣ, о братьяхъ Юговитахъ и о Маркѣ Кралевичѣ. Тихій всплескъ волны, заунывная пѣснь, все переносило насъ въ далекую родину. И мнѣ представилась картина моего дѣтства. Я фаталистъ. Уже много разъ я бывалъ такъ близко отъ смерти и не умеръ. Если теперь, то значитъ такъ суждено. Я уже говорилъ о случаѣ въ дѣтствѣ съ собакою. Другой разъ мы сошли съ рельсовъ, многихъ разбило, а мы съ двоюроднымъ братомъ остались цѣлы. Путешествуя по Средиземному морю, нашъ пароходъ загорѣлся внутри, кончилось также благополучно. Шлагбаумъ упалъ на коляску, въ которой я заснулъ, и испортилъ весь кузовъ, а у меня только болѣла голова, вѣрно отъ испуга, потому что упади онъ нѣсколько дальше и меня бы не было. Все это я передумалъ въ ту ночь на Дунаѣ... Я ужасно хотѣлъ ѣхать секретаремъ въ Америку, но это не удалось. Да, судьба привела меня теперь къ тихому Дунаю, къ сербамъ. У каждаго изъ насъ были свои думы. Сербы перестали пѣть и начали рассказывать, что теперь дѣла идутъ хорошо. „Сербы обколили (окружили) турокъ, Миланъ будетъ королемъ, а Черняевъ княземъ. Черняевъ хорошій юнакъ и добрый человекъ“. Когда они стали тянуть неводъ, то Ушаковъ и я запряглись въ бечеву. Сербамъ показалось это очень смѣшно. Тянули, тянули и вытащили отличной рыбы. Стерлядей тутъ было много, и сербы, вернувшись уже ночью въ Кладово, угостили насъ ухой (такой ухи не ѣдятъ, я думаю, и въ Англійскомъ клубѣ). Принесли вина и стали произносить здравицы: за Россію, за царя Александра и пр. Сербы всячески хотѣли намъ угодить, и каждый приносилъ, что у него было лучшаго: кто виноградъ, кто заказывалъ кофею, сластей и все просили побольше ѣсть. А мы отказывались, не имѣя возможности угодить ихъ щедрому гостепрѣимству.

На другой день я расстался съ Максимовичемъ. Онъ ѣхалъ въ Кишиневъ навстрѣчу Лишину. „Объ одномъ васъ прошу“, обратился онъ ко мнѣ, „держитесь въ сторонѣ отъ этихъ безобразниковъ, долго ли до исторіи? Дѣлу помочь вы не можете, такъ чего же вамъ напрасно лѣзть на неприятность“. Больно было мнѣ слышать изъ устъ серба такую аттестацію нашимъ борцамъ за свободу. Долго ожидали мы парохода; наконецъ рѣшились идти берегомъ Дуная до деревни Тэкѣ и дойти пѣшкомъ до Делиграда. Коль (телѣгъ) не хватило на сестеръ милосердія

и на санитарный отрядъ. Я забылъ разсказать, что между добровольцами былъ какой-то армянинъ. Онъ отрекомендовался членомъ славянскаго благотворительнаго комитета, и это произвело своего рода эффектъ среди сербовъ. Члену дали колу; онъ усѣлся и поѣхалъ. Комендантъ предложилъ и мнѣ колу; но я отказался, сказавъ, что пойду со всѣми пѣшкомъ до Тэкiа.

Добровольцы шли цѣлыми партіями и пѣли. Дорога представляла дальняя; но всѣ глядѣли весело, бодро: кончилось, наконецъ, это сидѣніе безъ дѣла.

Въ виду Турецкой крѣпости стройный хоръ грянулъ: „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Въ этой пѣснѣ высказывается вся могучая ширь русскаго народа и, въ отвѣтъ на эти замиравшіе въ отдаленіи звуки, раздались салютъ или выстрѣлъ съ турецкой крѣпости. Дружное неумолкаемое „ура“ прозвенѣло въ воздухѣ. Весело было смотрѣть на этихъ людей. Они почуяли своего врага. Все говорило, что они сдѣлаютъ свое дѣло, съумѣютъ умереть. Да умереть. Допытывалъ я самого себя; но отъ чего они жить не умѣютъ? Такой могучій, сильный народъ, а не живетъ такъ, какъ другіе.

Въ Тэкiа насъ приняли очень радушно.

Рыба очень дешева и хороша въ Тэкiа. Мы накупили стерлядей и стали варить общую уху. И тутъ сказалось это немѣнне жить. Распорядитель спрашиваетъ: „господа, довольно ли вина, соли“? Всѣ увѣряютъ, что теперь хорошо. Одному вздумалось въ эту уху налить вдругъ пива. У всѣхъ лица вытянулись, и наше веселое настроеніе отуманилось этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ.

Вечеромъ къ намъ пришли сербы и принесли вина. Пошли тосты, но наша компанія шла умѣренно, и мы поочередно говорили о славянствѣ, о сербахъ. Одинъ сербъ-старецъ все пѣлъ церковныя пѣсни, и мы всякій разъ снимали шапки (мы были въ саду). Потомъ шли лобызанія другъ друга.

Въ это время меня позвали два серба и указали на одного монаха, который сидѣлъ между ними: „то не сербъ и не болгаринъ; это шпіонъ“. Стоило мнѣ сказать слово дюжему саратовцу, и отъ монаха остался только бы клубукъ. Я обратился къ монаху и просилъ его поговорить съ нами. По выговору видно было, что онъ не болгаринъ. Сербы заставили его перекреститься. Онъ это исполнилъ нехотя. Я разсудилъ, что если онъ дѣйствительно болгаринъ и хочетъ идти къ Черняеву, то онъ останется между добровольцами, несмотря на то, что сербы

говорили ему: „ты не попь, ты австріякъ“. Монахъ на другой день рано утромъ на лодкѣ переправился на австрійскую сторону.

Вечеръ не кончился безъ приключеній. Я уже хотѣлъ раздѣваться, какъ одинъ изъ товарищей саратовца вбѣгаетъ ко мнѣ: „спасайте его, его убьютъ“. Внизу слышенъ былъ гамъ. Первое, что меня поразило, это лужа крови на полу, и нашъ саратовецъ (а онъ дланью могъ убить быка) стоялъ въ позѣ гладиатора и вызывалъ на бой. Оказалось, что когда они подкутили, то затянули „Боже Царя храни“. Между добровольцами были такіе, которые не сняли шапокъ. Саратовецъ сбилъ съ головы шапку. Ихъ постарались помирить, но тотъ нечаянно или нарочно выплеснулъ саратовцу вино въ лицо. Крѣпкое слово и взмахъ могучей руки, и у того вмѣсто лица оказалось какое-то красное пятно. Началась свалка, но борьба кончилась за неимѣніемъ противоборцевъ: саратовецъ всѣхъ сокрушилъ и стоялъ теперь смущенный передъ разбитою посудой. Хозяинъ вопилъ, что все у него расколотили, и требовалъ денегъ. „Уведите его скорѣе на верхъ“, шептали мнѣ. Я постарался его успокоить, и онъ съ покорностью ягненка послѣдовалъ за нами.

Только-что мы уложили его въ постель, какъ внизу слышались снова крики: „Гдѣ они, эти подлецы, вотъ Кіевская партія пришла“. Нечего дѣлать: мы сопли опять внизъ, заперевъ предварительно саратовца на ключъ. Передъ нами стояла шумная ватага пьяныхъ и кричала: „Мы хотимъ его убить, разстрѣлять“. Съ пьяными трудно спорить; также трудно было убѣдить ихъ, что комендантъ завтра назначитъ судъ надъ виновнымъ, а что теперь никого безъ суда убивать нельзя, и что мы въ Сербіи должны подчиняться сербскимъ законамъ. Пожелавъ имъ спокойной ночи, мы къ нашему удовольствію видѣли, что партія съ бранью удалась изъ комнаты. Всѣ эти буйства произвели нехорошее впечатлѣніе на сербовъ, они боязливо оглядывались, обходили бунтующихся. Образованные сербы ехидно улыбались и пожимали плечами. Иногда они приходили въ ужасъ отъ какого-нибудь пассажира. Ушаковъ хотѣлъ поѣхать въ Бѣлградъ на австрійскомъ пароходѣ. Онъ выдалъ своимъ добровольцамъ деньги и стремился въ Делиградъ. Надо было видѣть лицо коменданта крѣпости (въ Кладовѣ), когда онъ узналъ объ этомъ. „Нѣтъ, молю васъ останьтесь, я не справлюсь съ вашими. У меня очень мало солдатъ“.

Да солдата поколотилъ офицеръ изъ другой партіи. Вся

партія, къ которой принадлежалъ солдатъ, приняла это за оскорбленіе. Не одобровать было бы офицеру, но его спрятали.

Б—ій и я ходили по группамъ, старались ихъ урезонить, говоря, что вѣдь мы на чужой сторонѣ, что скажутъ эти сербы. Намъ слушали, но въ догонку раздавалось: „вотъ еще нашлись какіе-то“.

Вскорѣ я сѣлъ на австрійскій пароходъ и долженъ сознаться, въ глубинѣ души, что эти драки подѣйствовали на меня отрезвляющимъ образомъ. Я почувствовалъ себя хорошо и спокойно. Гдѣ же? На австрійскомъ пароходѣ, среди нашихъ естественныхъ враговъ. Какая иронія судьбы. Я былъ увѣренъ, что тутъ не придется мнѣ разнимать, успокаивать, видѣть лужи крови и разбитыя скулы. Однимъ словомъ я наслаждался благами цивилизаціи и сочувствовалъ Потугину въ „Дымъ“, когда онъ говорилъ: „пронеси соотчичей“. Досаднѣе всего было, что зрителями этихъ безобразій были другіе—сербы и австрійцы, которые про себя называли насъ варварами. Съ моей стороны это было нехорошее чувство, которое, я надѣялся, исчезнетъ въ Бѣлградѣ. Я утѣшался мысленно тѣмъ, что дисциплина исполнить свое назначеніе и подчинить эти буйные порывы болѣе осмысленной цѣли, и что въ числѣ добровольцевъ находятся же люди, какъ Ушаковъ, Б—ій и др., которые держать себя прилично, приготавливаясь достойно къ исполненію своего долга.

На пароходѣ ко мнѣ подошелъ какой-то Вѣнскій жидъ и старался разспросить о Россіи. Нечего грѣха таить, я представилъ ему, что движеніе охватило всю Россію и что Европа должна будетъ смириться передъ этимъ благороднымъ порывомъ русскаго народа. Онъ мало вѣрилъ моимъ словамъ, думалъ, что добровольцевъ посылаетъ правительство отъ себя и что Турція въ своемъ правѣ, потому что она—законный собственникъ всего Балканскаго полуострова. Всѣ славяне дрянъ, утверждалъ онъ съ паэосомъ. На пароходѣ вѣхалъ фельдмаршалъ Скюдье (Scudier). Онъ просто спросилъ меня: „werden wir uns schlagen“? Капитанъ парохода старался навязать мнѣ ружье системы Верндля, увѣряя, что въ Сербіи ружей нѣтъ. „Какъ же его провезти“? спросилъ я его. „Вѣдь у васъ строгости“. „Ничего, вамъ вынесутъ на берегъ ружье, когда мы причалимъ къ берегу“. „Я тогда и заплачу деньги, было моимъ отвѣтомъ“.

Дѣйствительно, когда мы остановились у пристани, ружье было передано мнѣ, и я вручилъ деньги. Въ Сербіи у всѣхъ спрашивали паспорта; но стоило сказать „Русь“ и васъ пропускали безъ промедленія. На берегу ожидали члены городского совѣта и указывали русскимъ дома, въ которыхъ можно было остановиться.

Не въ первый разъ я пріѣзжалъ въ Бѣлградъ. Я былъ въ этомъ городѣ въ 1874 году.

Теперь въ Бѣлградѣ были русскіе добровольцы. Сербія подняла знамя славянства, и вниманіе всей Европы было обращено на этотъ прежде мирный уголокъ.

Мы отправились съ Б. въ гостиницу, гдѣ нашли санитарный отрядъ, бывшій съ нами вмѣстѣ въ Тэкю. Они раньше насъ заняли австрійскій пароходъ и теперь ожидали, что ихъ отправятъ на театръ военныхъ дѣйствій. У сербовъ демократизмъ коренится въ нравахъ народа. Пойдете ли вы къ министру, ничто не обязываетъ васъ надѣть фракъ. Министры говорятъ съ селяками за панибрата. Я отправился къ сочлену, а теперь уполномоченному славянскаго комитета, генералу Дандевилю. Вѣстовые и адъютанты генерала представляли собою непривычное зрѣлище для сербовъ. Нѣкоторые добровольцы также высказывали свое неудовольствіе на эту пышность. Въ комитетѣ я часто слышалъ мнѣніе, что добровольцевъ слѣдуетъ держать въ строгой дисциплинѣ. Князь Черкасскій, выбирая будущихъ управителей Болгаріи, искалъ прежде всего людей исполнительныхъ и привыкшихъ къ военной дисциплинѣ. Къ министру Николичу, правда, всякій приходилъ запросто, но на это можетъ быть сдѣлано возраженіе, что система, которая годится для Сербіи, непримѣнима въ Россіи. Не могу прямо отрицать полезности той обстановки, которую я видѣлъ у генерала Дандевиля, потому что многіе добровольцы своимъ поведеніемъ какъ будто требовали, чтобы къ нимъ примѣнялось правило тащить и пуцать. Они держали себя, какъ люди непривычные къ свободѣ. Сербскую власть они ставили ни во что, а призракъ Россіи въ видѣ вѣстовыхъ и адъютантовъ заставлялъ ихъ вытягиваться въ струнку, подбираться и вести болѣе приличныя рѣчи.

Онъ представлялъ собою начальство. Что же дѣлать, когда у насъ въ Россіи дарили все, что есть; общественнаго въ государствѣ не существуетъ для публики, а для желѣзнодорожнаго начальства, которое непременно займетъ лучшія мѣста, а публика размѣщается, какъ ей угодно—это общественное явленіе,

значить выражать претензіи на это нельзя. Его и выбирали съ тѣмъ, что онъ будетъ начальствовать. Мнѣ приходили въ голову грустныя мысли. Въ Россіи я очень часто негодовалъ на существованіе жандарма при поѣздахъ. На что они, вѣдь за границей ихъ нѣтъ, въ Америкѣ даже дозволено каждому на свой собственный страхъ высовывать свою голову, стоять на площадкахъ, ломать себѣ шею. И въ Сербіи я вдругъ возмечталъ о прелестяхъ русскихъ держимордъ. Только бы двухъ, трехъ сюда, только бы русскимъ духомъ запахло, будочниковъ что ли... И порядокъ водворился бы повсемѣстно. А то сербы выпучать глаза и смотрять на расходившуюся Русь, да неужели они всѣ такіе и такіе до 80 милліоновъ. Какія страсти... Право. Русскій не привыкъ къ сербской свободѣ... Удайся у насъ революція, а она можетъ удасться только съ помощью держимордъ ¹⁾, будочниковъ другого рода, то не только себя, но и всѣхъ разнесутъ. Анархіи у насъ была бы страшнѣе, чѣмъ на западѣ. Тамъ все-таки человѣкъ привыкъ двигаться и безъ помощи жандарма, безъ возгласа: „Куда лѣзешь?“ или затрещинъ. Вотъ отчего, если я и во многомъ сочувствую нашимъ передовымъ, то не сойду съ ними. Они хотятъ уничтожить государственную власть, но при томъ пострадаетъ Россія и вся цивилизаціонная задача русскаго народа и явится опасность подчиненія нѣмцу, въ томъ вся и бѣда. Для обузданія анархіи потребуется диктатура, Бонапарты и т. д. Хотя многіе говорятъ, что люди, перенесшіе тифъ, чувствуютъ себя здоровыми послѣ болѣзни. Но если любишь человѣка, не пожелаешь ему тифа, и я тоже не желаю такого испытанія Россіи, которая, конечно, не погибнетъ... Надо по моему мнѣнію ждать, пока народъ самъ возьметъ дѣла въ свои руки. Нашъ народъ это не гнилая наша интеллигенція—это громадная сила. Я убѣдился на нашихъ добровольцахъ изъ простыхъ, съ какимъ тактомъ они себя держали, разъ понимали свои обязанности.

Какъ много смѣшного было въ нашемъ первомъ знакомствѣ съ сербами, видно будетъ изъ слѣдующей сцены, которой я былъ невольнымъ свидѣтелемъ. Зашелъ я въ лавку, которая, скажу между прочимъ, принадлежала Землинскому еврею. Какой-то офицеръ спрашивалъ себѣ галстукъ. Ему сказали цѣну, но она показалась ему высокой, и онъ разразился слѣдующей тирадой. „Мы васъ спасать пришли, а вы съ насъ дерете втридорога“. Еврей и его жена преспокойно забирали деньги

¹⁾ Написано въ 1876 г.

и, вѣрно. въ глубинѣ души смѣялись этой наивности. „Кого спасать—евреевъ?“ долженъ былъ спросить всякій, знавшій національность хозяина лавки. Фраза „мы васъ спасать пришли“ мнѣ ужасно надоѣла въ послѣдствіи; она говорила при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Теперь расскажу о томъ, какъ меня встрѣтилъ министръ Іовановичъ. Живетъ онъ очень просто, слишкомъ просто для такого высокаго положенія. Входъ въ квартиру былъ со двора. Я ему отдалъ письмо Ламанскаго. Страшный англоманъ, сначала онъ чуждался Россіи, потомъ круто повернулъ въ другую сторону и высказывалъ свое сочувствіе Россіи. Наружностью онъ похожъ скорѣе на нѣмецкаго чиновника, чѣмъ на серба. „Теперь“, сказалъ онъ, „только Россія можетъ помочь. Мы надѣялись на нашихъ союзниковъ, но они намъ измѣнили. Теперь только одна надежда на Россію. Намъ нужны деньги и побольше волонтеровъ. Ихъ всего 4.500 человекъ. Это капля въ морѣ. Мы думали окончить кампанію въ два мѣсяца“. (Эта фраза меня поразила, но потомъ объяснилась тѣмъ, что Ристичъ думалъ и насъ вовлечь въ войну). Протичъ, разговаривая съ однимъ моимъ знакомымъ въ моемъ присутствіи, сказалъ (на вопросъ, неужели вы потерпите турецкій флагъ на Бѣлградской цитадели? Не сдавайтесь): „Разъ попробовали завлечь насъ. Теперь рисковано, пожалуй, страдаемъ хуже прежняго“. „У насъ“, продолжалъ Іовановичъ, „приготовлены запасы только на этотъ срокъ“. Повернувъ разговоръ на отношенія сербовъ къ русскимъ, я высказалъ ему свое удивленіе, что сербы высылаютъ адреса англичанамъ, а не русскому народу. „Совершенно вѣрно“, перебилъ меня Іовановичъ, „мэръ Бѣлграда приходилъ ко мнѣ и предлагалъ устроить манифестацію въ честь Англіи“. Я спросилъ его, что вы сдѣлаете для Россіи?—„Знаете“, говорилъ Іовановичъ: „движеніе въ Россіи насъ поразило. Мы совсѣмъ не надѣялись на Россію. Помощь со стороны русскаго народа была для насъ неожиданностью“. „На кого же вы рассчитывали? Какъ же вы думали рѣшить такой вопросъ безъ помощи Россіи?“ спрашивалъ я. „Мы рассчитывали на Румынію, Грецію и Болгарію. Конечно, въ интересахъ Россіи насъ поддерживать—мы составимъ оплотъ Россіи противъ Турціи“.

Заговорили о необходимости для сербовъ узнать Россію, а не игнорировать ее, какъ это дѣлалось прежде. „Да, съ горечью сказалъ онъ, мы пропали теперь безъ Россіи. Намъ

нужны деньги и много денегъ. Нашъ заемъ плохо идетъ у васъ. А намъ нужно одѣть и прокормить войско“.

Я зналъ изъ очень вѣрныхъ источниковъ (Карцевъ), что Ристичъ просилъ у нашего правительства три милліона денегъ и расформированную дивизію.

Митрополитъ Михаилъ просилъ передать комитету, что нужно холста для бѣдныхъ болгаръ и босняковъ. Я заговорилъ съ нимъ про Іовановича: „О, онъ англоманъ. Они и войну затѣяли безъ вѣдома Россіи, рассчитывая на собственныя силы и на силы союзниковъ“.

Передъ объявленіемъ войны они всѣ собрались въ одномъ знакомомъ домѣ и обсуждали войну съ Турціей.

Одна старуха, помнившая Кара-Георгіевича и русскихъ, спросила: „Что же Россія? Будетъ ли она съ вами?“ „Нѣтъ“, отвѣчали ей, „толку изъ этого не будетъ“ рѣшила старуха.

Взглядъ Михаила на событія былъ не особенно радостный. Народъ, какъ и эта старуха, считали немислимымъ начинать войну безъ Россіи. А Россія и до сихъ поръ не объявила войны. Вотъ причина перваго разлада между народомъ и правительствомъ.

Всѣ ужасы войны, поборы народъ приписываетъ своимъ управителямъ и говоритъ, что его обманули. Лучше было бы, конечно, заключить миръ.

Автономія Болгаріи, Босніи, Герцеговины будетъ теперь достаточною для удовлетворенія національнаго самолюбія.

Переходя къ Деспотовичу, онъ сказалъ: „онъ не имѣетъ пушекъ. Мы ему доставили двѣ. Ничего, справляется“.

Интересенъ тоже разговоръ съ Николичемъ. Онъ высказался очень презрительно о Румыніи. Когда я замѣтилъ ему, что румыны, пожалуй, соберутся и тоже ударятъ на турокъ, онъ сказалъ: „лишь бы они намъ не мѣшали провезти оружіе, свинець, войско, ихъ намъ не нужно. Войско наше ничего не стоитъ, а ихъ еще меньше“.

Снаряженіе добровольцевъ происходило довольно скоро и толково. Въ одинъ день они получили объявку, и имъ тотчасъ же выдавалась одежда. Что касается оружія, то его не было въ Бѣлградѣ (я говорю о ружьяхъ). Ружья были зака-

заны, но за нихъ требовалось уплатить деньги; а заемъ, какъ мнѣ сказали сербскіе министры, не удался въ Петербургѣ. „Намъ выдали милліонъ“, говорили они, „но что такое милліонъ. Очень мало также добровольцевъ. Надо по крайней мѣрѣ 20 тыс.“. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что милліонъ слишкомъ незначительная цифра, если нужно заказать 60.000 ружей системы Пибоди по 15 рублей (выходить 900.000 рублей). Предстояло еще обмундировать второй и третій призывъ русскихъ добровольцевъ, содержать ихъ, затѣмъ необходимо было закупить свинець, пушки. Какъ могло сербское правительство, въ виду отсутствія денегъ, еще выдавать по 20 франковъ на подъемъ добровольцевъ, для меня непонятно. Но главной квартирѣ выдавалось какое-то жалованіе. Средства комитетовъ были недостаточны. Теперь, когда мы увидѣли, чего стоила война русскому народу, надо удивляться, съ какими малыми средствами дѣйствовали Черняевъ и сербское правительство.

Мрачная тѣнь легла на эти предпріятія послѣ всѣхъ разговоровъ съ руководителями Сербіи. Они надѣялись на скорую денежную помощь Россіи, но во мнѣ не было этой увѣренности. Были бы деньги, можно было бы найти контрабандистовъ, которые рискнули бы провезти оружіе. Все кромѣ оружія, въ военное время было шалостью, праздною препровожденіемъ времени. Неутомимая дѣятельность комитетовъ, увлеченіе, охватившее русское общество, все должно было фатально привести къ неудачѣ.

Сообщу случай довольно знаменательный. Бѣлградское правительство, за неимѣніемъ серьезныхъ фирмъ, заказало сначала ружья какому-то фабриканту зонтиковъ. Тотъ, получивъ заказъ сербскаго правительства, не нашелъ столько денегъ, чтобы выѣхать изъ Бѣлграда. Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ, говорилъ Наполеонъ. Приходится вспомнить также что для войны нужны деньги, деньги и деньги. Является солидная фирма Фредериксъ и предлагаетъ доставить въ Кладово 20.000 пудовъ свинцу. Все идетъ какъ по маслу. Свинець доставленъ въ Кладово. Его провезли черезъ всю Австрію въ Турнь-Северинъ (минуя Бѣлградъ). Изъ Турнь-Северина, на лодкахъ, въ одинъ день его перевезли въ Кладово (но это было наканунѣ Дьюнишкаго погрома). Тутъ нужно было подкупить сначала главнаго директора австрійскаго Ллойда, одного изъ помощниковъ Тиссы и много другихъ второстепенныхъ чиновниковъ. Дѣло сдѣлано и Фредериксъ является къ Ристичу.

Между ними разыгрывается слѣдующее *qui pro quo*. Фредериксъ: *je viens pour le plomb*. Ристичъ: *C'est trop tard*. Фредериксъ: *Pardon, mais je viens toucher l'argent, le plomb est livré*. Удивленіе со стороны Ристича и фраза: *Attendez un peu, nos caisses sont vides...* Компания эта знала очень хорошо, что за нее заступится Бисмаркъ. Фредериксъ заручился участіемъ прусскихъ фирмъ, и всякая остановка груза, направленного въ Румынію, вызывала бы вмѣшательство желѣзнаго канцлера. Тотъ же Фредериксъ предлагалъ поставить ружье Шаспо по 25 франковъ, прусское игольчатое ружье по 35 франковъ. Но такимъ образомъ составлялась колоссальная цифра, которая была не по силамъ сербскому правительству. Фредериксъ хотѣлъ гарантіей Петербургскихъ банкировъ, что деньги будутъ ему уплачены.

Я сообщилъ комитету подробности этой безотраднѣйшей картины. Осталось одно—ѣхать въ Делиградъ и узнать, что думаетъ Черняевъ, и если будетъ битва, не ударить лицомъ въ грязь. Позднѣе я увидѣлъ еще разъ Фредерикса. Онъ сообщилъ мнѣ, что румыны не имѣютъ денегъ, но они ему сказали, что Россія выдастъ имъ нѣсколько милліоновъ. „Правда ли это?“ спросилъ онъ меня. „Какъ я могу это знать“, было моимъ отвѣтомъ. „Что же вы посоветуете?“ „Просите у нихъ гарантію русскихъ банковъ, и тогда вы увидите, брехня ли это или нѣтъ“. Бельгіецъ удалился, довольный моимъ совѣтомъ.

Выѣхать изъ Бѣлграда было довольно трудно. Не было колъ. Дилижансъ отходилъ, кажется, разъ въ недѣлю, и мѣста всѣ были заранѣе заняты. Мнѣ показалось смѣшно, что за такими пустяками надо было беспокоить чуть ли не все сербское министерство, отъ министра финансовъ къ другому министру и все понапрасну: лошади были всѣ въ разгонѣ. Я рѣшился взять свои вещи и ждать отбытія дилижанса. Къ счастью, въ дилижансѣ заняли помѣщеніе гр. Коновницинъ (мой родственникъ), Каразинъ, Мусинъ-Пушкинъ и Хлудовъ, и они были такъ любезны, что уступили мнѣ мѣсто на козлахъ. У меня была курьерская подорожная; но, извѣдавъ, какъ трудно получить колу, я радехонекъ былъ своему мѣсту. Въ Сербіи все бралось реквизиціею: квартира, отопленіе, припасы, средства передвиженія, все это доставлялось населеніемъ до изнеможенія силъ, безъ всякаго вознагражденія со стороны правительства. Можно ли послѣ этого говорить, что сербы мало принесли жертвъ? Всѣмъ чиновникамъ было убавлено жалованіе: рѣши-

тельно никто изъ нихъ не получалъ свыше 300 талеровъ въ годъ.

Ѣхали мы очень тихо; лошади тащили, но не везли насъ: то одно колесо сломается, то другое. Это давало поводъ къ шуткамъ. Одинъ Хлудовъ спалъ крѣпкимъ сномъ праведника и не выходилъ изъ себя, какъ это случалось съ другими. По близости отъ Делиграда, намъ стали попадаться раненые въ битвѣ 16 сентября. Бывали и такіе, которые говорили, что они больны. Какой-то шумъ раздавался вдали. Трудно было разобратъ, что это пушечные выстрѣлы. Подъѣзжаемъ къ Делиграду, и глазамъ нашимъ представилась арка, украшенная вѣнками и сооруженная по случаю провозглашенія Милана королемъ Сербіи. Арка уже теперь имѣла поблекшій, мизерный видъ. Сравненіе съ лагеремъ Валленштейна такъ и просилось на языкъ. Какое разнообразіе типовъ, людей, состояній. Тамъ были албанцы, сербы изъ старой Сербіи, босняки, черногорцы, всѣ въ своихъ народныхъ одѣяніяхъ. Только первый классъ былъ одѣтъ въ форменныя платья. Слышалась англійская, итальянская, нѣмецкая, мадьярская, сербская и русская рѣчь.

Прежде чѣмъ я передамъ, что Черняевъ со мною говорилъ, мнѣ нужно установить мою точку зрѣнія на этого дѣятеля. Ему досталось очень много нареканій послѣ Дьюнишскаго погрома. Изъ архистратига славянской рати его низринули и окунули въ самую глубокую грязь. Если кто прочтетъ внимательно, что я сообщилъ выше о вооруженіи сербовъ, о безденежьи, о томъ, что министры сербскіе думали въ два мѣсяца покончить всю кампанію, то выводъ будетъ сдѣланъ самъ собой. Можно было спросить, какимъ образомъ такой опытный военачальникъ, видѣвшій, съ кѣмъ и съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло, рѣшился поднять на своихъ плечахъ такую непосильную задачу. Съ военной и политической точки зрѣнія онъ былъ, можетъ быть, и не правъ, но съ точки зрѣнія высшей правды, Черняевъ, какъ первый русскій доброволецъ, поспѣвшій подать руку помощи въ этой борьбѣ за свободу, будетъ оправданъ исторіей. Освобожденная Сербія, Болгарія, Румынія, расширенная Черногорія, все это явленія великаго смысла и значенія, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ по праву Черняеву. Онъ былъ знаменемъ, около котораго группировались русскіе добровольцы. Въ теченіе разсказа, желая говорить одну правду и сохранить полное безпристрастіе, мнѣ придется отмѣчать, когда Черняевъ, по моему мнѣнію, ошибался, когда

онъ предавался иллюзіямъ, и вотъ отчего я и считалъ необходимымъ высказывать свое мнѣніе и свое глубокое убѣжденіе къ этому дѣятелю, прежде чѣмъ произнесу что-нибудь къ его осужденію.

Черняевъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе своимъ искреннимъ и прямодушнымъ разговоромъ. Онъ выслушалъ внимательно о планѣ Липина на счетъ Болгаріи. Когда онъ бываетъ недоволенъ (какъ я замѣтилъ впоследствии), онъ стискиваетъ зубы, и въ немъ происходитъ что-то въ родѣ судорожнаго движенія. „Зачѣмъ все это? Скорѣе бы прислали сюда казаковъ“, сказалъ онъ недовольнымъ тономъ. „Оружіе покупаютъ для болгаръ, а посмотрите, чѣмъ вооружены наши воины“. „Вы значитъ не вѣрите въ возстаніе болгаръ?“ „Нѣтъ, и сами сербы не желаютъ войны. Они только самый покорный, послушный народъ въ мірѣ. Впрочемъ, вы поживете здѣсь и сами все увидите. Оружіе давать болгарамъ бесполезно. У насъ у самихъ его очень мало“.

Я сообщилъ ему, что Николичъ заказалъ ружья и что можно будетъ, пожалуй, провезти ихъ черезъ границу. „Гдѣ они?“ сказалъ онъ и жестомъ выразилъ нетерпѣніе. „И вы думаете, что они попадутъ сюда? Мнѣ только мѣшаютъ, но не помогаютъ“.

Хлудовъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, сообщилъ ему, съ смущеннымъ видомъ, что въ Бѣлградѣ противъ него интригуешь Карцевъ.

Черняевъ улыбнулся и сказалъ: „Да, свои и чужіе мнѣ мѣшаютъ. Сюда бы хорошую дивизію русскихъ солдатъ, и дѣло было бы кончено“.

Изъ того, что я видѣлъ въ военномъ министерствѣ и что происходило въ Делиградѣ, замѣтно было одно — отсутствіе единства дѣйствій и замедленія всякаго рода.

Черняевъ также недовѣрчиво относился ко всѣмъ попыткамъ взять Тульчу, Рушукъ и т. д. „Давайте сюда скорѣе казаковъ“, повторялъ онъ.

Оставалось только телеграфировать въ Петербургъ, въ Кишиневъ и торонить Липина. Вскорѣ прибыли Нарышкинъ съ семидесятью казаками, но безъ ружей. Черняевъ взялъ ихъ съ собою. „Покажу ихъ туркамъ; они подумаютъ, что казаковъ прибыло много“.

Враждебная намъ Neue Freie Presse оказывала намъ услугу, преувеличивая цифру русскихъ добровольцевъ и раздувая скромное количество казаковъ въ колоссальныя полчища.

Я получилъ отъ Новоселова телеграмму, что Филипповичъ въ Българдѣ и желаетъ меня видѣть. Путаница выходила невообразимая: нѣсколько проектовъ безъ исполнителей, какое-то хаотическое состояніе дѣлъ и молчаніе комиссіи.

Не знаю, сколько получилъ Черняевъ денегъ изъ комитетовъ, но онъ долженъ былъ покупать все: ружья, плащи, выдавать жалованье, а денегъ и въ главной квартирѣ было мало. Черняевъ говорилъ мнѣ, что онъ въ свое распоряженіе получилъ только 200.000 р. с. Сдѣлаемъ приблизительное вычисленіе, что стоило 4.000 добровольцевъ. По расчету выходитъ, что каждый доброволецъ получилъ не болѣе 50 р. с. въ теченіе всей кампаніи отъ 15 іюня до 20 октября. Эти цифры гадательны. Для успѣха нужно было нѣсколько милліоновъ, и это могло дать только русское правительство. Въ неуспѣхѣ виновата не трусость сербовъ или мотовство Черняева, а отсутствіе нерва войны—денегъ... Я не видѣлъ отчета Черняева, но онъ показываетъ, что у Черняева было очень мало денегъ. Очень возможно, что инымъ офицерамъ, которые были на позиціи, и недоставалось ничего. Я въ этомъ дѣлѣ, въ этихъ пререканіяхъ между штабомъ и офицерами отдѣльныхъ отрядовъ, сторона, и могу быть безпристрастнымъ, потому что жалованіе мнѣ не выдавалось, и я могу сказать, что у меня не было въ рукахъ ни одного сербскаго рубля.

Былъ одинъ случай, который и на меня навелъ раздумье. Одинъ изъ штабныхъ собирался въ Россію; онъ получилъ „Таково“, и надо сказать, что я видѣлъ этого господина въ большомъ свѣтѣ. Между нимъ и товарищами произошелъ слѣдующій разговоръ: „ты ѣдешь, какой ты счастливый, ты получилъ деньги на дорогу“. „Нѣтъ, Черняевъ знаетъ, что я человекъ не бѣдный; онъ со мной простился и ничего не сказалъ“. „Фу, чудакъ какой. Ты ѣдешь по порученію и тебѣ должны дать 30 золотыхъ. Вѣдь дали же Л. на дорогу столько-то“. „Но мнѣ совѣстно, вѣдь у меня есть деньги на дорогу, и дома я также найду деньги“. Мнѣ интересно было, на что онъ рѣшится. Но товарищи уговаривали его. „Ты пойдѣ къ Комарову и скажи ему. Это само собою разумѣется, что тебѣ должны дать деньги, по положенію“. Потомъ я увидѣлъ этого господина, и онъ уже показывалъ полученные червонцы.

Въ моемъ присутствіи приходили къ Черняеву добровольцы съ позиціи и жаловались, что у одного нѣтъ сапоговъ, у другого нѣтъ плаща, что тому нужна шинель, и [просили выдать нѣсколько денегъ изъ жалованія. Черняевъ ко всѣмъ относился

съ должнымъ вниманіемъ, даже и къ такимъ вздорнымъ просьбамъ: „я не хочу служить съ такимъ-то; я хочу перейти на такую-то позицію“. Всѣ шли къ Черняеву и избѣгали низшихъ инстанцій, говорили ему о своихъ нуждахъ. Что штабъ распорядился деньгами больше на нужды своихъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно, но сумма уже была не такая большая, чтобы излить на нихъ сокровища Голконды. Что они были чище, элегантнѣе другихъ, что у нихъ были деньги для игры въ карты (Черняевъ строго запрещалъ играть въ карты и всякую роскошь, онъ сдѣлалъ выговоръ Л., когда тотъ завелъ себѣ коляску), то это потому, что между ними были люди съ хорошимъ состояніемъ, а вокругъ людей съ хорошими средствами другіе могли разжиться на 20 на 30 р., могли выиграть при счастья хорошую сумму. Вражда коренилась здѣсь глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Богатому гвардейцу, завсегдатаю Бореля и Дюссо, попавшему въ штабъ Черняева, приписывалось, что онъ живетъ на счетъ Тимоко-Моравской арміи. Что при случаѣ этотъ самый штатный, имѣя тысячи дохода, не отказывался отъ лишнихъ 40 или 50 червонцевъ, очень понятно съ точки зрѣнія общественной морали. Что богатый человѣкъ, занимая важный постъ на государственной службѣ, не откажется отъ разныхъ extra въ видѣ крупныхъ подъемныхъ денегъ, аренды, маюрата—это въ порядкѣ вещей. Скажу даже больше: одинъ изъ богатыхъ людей (у него было около 200 т. капитала), отправляя своихъ сыновей въ Сербію, выпрашивалъ у Лишина, чтобъ его сыновьямъ, не въ примѣръ другимъ, прибавить денегъ на дорогу. Лишину едва удалось убѣдить этого господина въ неприличіи такого вымогательства.

Черняевъ въ разговорѣ со мной высказывался очень часто; „Если бы дали мнѣ 6.000 скорострѣлокъ, я вооружилъ бы своихъ русскихъ. Пожалуйста, телеграфируйте объ этомъ въ Комитетъ“. Я исполнилъ его желаніе, но сознавалъ очень ясно, что это будетъ длиться цѣлые мѣсяцы, пока сойдутся, потолкуютъ, а потомъ пошлютъ. Событія оправдали мое предчувствіе: казаки пришли уже тогда, когда штабъ, послѣ Дьюнишскаго погрома, стоялъ въ Рожанахъ. Передъ самымъ концомъ обѣщали 30.000 ружей системы Кренка.

Меня удивляла медленность дѣйствій противной стороны. Англійскія ружья, Крупновскія пушки вѣрно не вдохнули энергій въ турецкую армію. Цѣлый мѣсяць бездѣйствія. Въ одномъ лагерѣ происходило освященіе церкви, въ другомъ

праздновали Байрамъ. Войско было деморализовано такимъ долгимъ покоемъ.

По ночамъ горѣли огни.

Черняевъ предавался даже той иллюзии, что турки уйдутъ въ Нишъ, такъ мало проявляли они свое присутствіе. Дѣло было иначе. Нужно было подвезти Крупновскія пушки, а это и туркамъ и сербамъ съ ихъ средствами передвиженія довольно трудная задача. Я высказалъ на другой день послѣ битвы при Зайчарѣ слѣдующее сужденіе Дохтурову: „по-моему оба войска стоятъ другъ друга. Одерживать такой успѣхъ и такъ мало инициативы“. На самомъ дѣлѣ дѣйствовать нельзя было съ наличными силами, какъ доказало сраженіе 16-го сентября. Приведу мнѣніе Зеленаго, нашего военнаго агента въ Константинополь. Эта армія миражъ. Это былъ кунштюкъ держаться Черняеву съ горстью русскихъ и артиллеріей. 1 офицер. ст. бат., 1 фельдфебель на цѣлый баталіонъ. Милиція не можетъ драться. Всѣ только и мечтали о перемиріи. Но я зашелъ слишкомъ далеко. Всѣ эти факты доказали мнѣ одно, что *если организованное сербское войско представляетъ такія явленія, что же будетъ въ Болгаріи, идъ нѣтъ русскихъ, идъ средства будутъ поступать еще неправильно*. Это было министерство безъ денегъ (всѣ эти ссоры Черняева съ Николичемъ не измѣняютъ сущности дѣла. Ни у того, ни у другого не было самаго необходимаго), войска безъ одежды, безъ ружей, безъ маркитантовъ.

Вернусь къ Черняеву. Я бывалъ у него по болгарскому дѣлу. Онъ какъ-то успокоился и расхаживалъ по площадкѣ близъ своего дома, долго вглядывался въ даль. „Турокъ не слышно“, сказалъ Черняевъ; „не ушли ли они въ Нишъ? Вотъ будетъ штука“. Онъ не хотѣлъ принять продолжительнаго перемирія, предлагаемаго Сербіи Австрійскою и Англійскою дипломатіею. „Я соглашусь только на шестинедѣльное перемиріе: тогда я поѣду въ Россію, наберу волонтеровъ тысячъ тридцать, попрошу для сербскаго правительства нѣсколько милліоновъ“. Не у него одного были такія мирныя мысли. Всѣ потягивались, зѣвали, просились въ отпускъ. Черняевъ высказывался Хлудову: „Бѣда мнѣ съ тѣми, которые получили орденъ; они всѣ подъ разными предлогами хотятъ вернуться въ Россію“.

Имѣлось въ штабѣ одно дѣло въ виду — взятіе Зайчара. Комитетъ требовалъ моего присутствія въ Бухарестѣ. Лишній телеграфировалъ: „вернитесь обусловить планъ дѣйствій“. Я спрашивалъ совѣта у Черняева. Онъ увѣрялъ меня, что теперь военныхъ дѣйствій не будетъ. „Турки предлагаютъ шестимѣ-

сячное перемиріе“, сказалъ Черняевъ, „но я не согласенъ: тогда войско совсѣмъ деморализуется. И теперь всѣ хотятъ домой, говорятъ, что вши у нихъ завелись“. Черняевъ говорилъ о перемирії съ такою увѣренностью, какъ будто дѣло было въ шляпѣ.

Утомленіе, скука, царившія въ лагерѣ, разныя неисправности утвердили меня въ той мысли, что болгарское дѣло едва-ли будетъ имѣть успѣхъ. Въ сербскомъ войскѣ была какая-нибудь организація, было участіе Черняева, популярнаго въ Россіи; а гдѣ найти для болгарскаго возстанія опытныхъ администраторовъ, военачальниковъ, добровольцевъ и средства къ содержанію войска? Покорный пріѣхалъ нарочно въ Делиградъ, чтобы повидаться со мною. Онъ просилъ меня не сообщать его плана Черняеву, который не сочувствовалъ болгарскому дѣлу и держитъ себя какъ сербскій главнокомандующій. „Хотимъ взять Рущукъ“, говорилъ онъ мнѣ, „но денегъ не просимъ“. Вскорѣ послѣ его отъѣзда я убѣдился, что взятіе Рущука составляло *secret de polichinelle*.

Въ штабѣ получались всѣ газеты. Я выражалъ свое удивленіе тому обстоятельству, что никто не просматриваетъ *Neue Freie Presse* и другихъ газетъ, сочувствующихъ туркамъ. Вѣдь отсюда можно почерпнуть интересныя свѣдѣнія о турецкой арміи. Слѣди они за газетами—турецкое бездѣйствіе объяснилось бы легко тѣмъ, что турки ждали подкрѣпленія, что пушки большого калибра проломили своею тяжестью мостъ. Но нужно сказать, что безопасность въ нашемъ и даже въ сербскомъ характерѣ. Мнѣ случалось часто принимать какое-нибудь свѣдѣніе за строгую тайну, а стоило только встрѣтиться съ иностранцемъ, и я узнавалъ отъ него, что это своего рода *secret de polichinelle*. Не знаю, пріѣздъ ли Покорнаго въ Делиградъ или другое обстоятельство вызвало между Комаровымъ и мною слѣдующее объясненіе. Онъ началъ съ того: „Я не знаю, кто вы и не съ цѣлью ли вредить намъ пріѣхали вы сюда. Вы проживаете здѣсь по какому-то болгарскому дѣлу. Болгары уже стоили Москвѣ 200.000 рублей; изъ этого ничего не вышло. Ружья, купленные для болгаръ, куда-то исчезли“. Кромѣ того Комаровъ высказывалъ опасеніе, что ружья, за которыми будто бы ѣздилъ Лаврентьевъ, перехвачены болгарами; что, дѣйствуя за болгаръ, прямо вредишь сербскому дѣлу. Изъ дальнѣйшаго разговора выходило, что все обстоитъ благополучно въ Делиградскомъ лагерѣ и ничего не нужно. Когда онъ сталъ сѣтовать на дѣйствія комитета, я просилъ его высказать мнѣ, какъ

довѣренному лицу отъ комитета (письмами такого рода къ Черняеву я былъ снабженъ въ Петербургѣ), что собственно и какъ нужно дѣйствовать. „Нѣтъ, вамъ скажешь правду, а вы нагоните панику, какъ это дѣлалъ Висковатовъ. Намъ не нужно уполномоченныхъ комитета. Комитеты дѣлаютъ все, что требуется, по одной телеграммѣ отъ насъ. Намъ нужны полушубки—высылаютъ, намъ нужны сапоги—высылаютъ“.

Хотѣлось мнѣ сказать ему, что не одни сапоги вамъ нужны: необходимо, чтобы комитетъ ясно понялъ ваше положеніе. Такъ и раздавалось въ моихъ ушахъ: „намъ нужны сапоги—посылаютъ“. Выходило по простонародному выраженію, дѣйствительно сапоги, но только въ смятку, т.-е. полный сумбуръ.

Я не берусь утверждать (какъ это говорилось многими), что Комарову принадлежитъ большая часть промаховъ. Послѣ этого объясненія я нарочно поговорилъ съ Хлудовымъ, чтобы узнать, не по инициативѣ ли Черняева повелъ Комаровъ со мною такой разговоръ. Послѣдующія событія не оправдали моего предположенія. Комаровымъ были недовольны въ Бѣлградѣ и даже въ Делиградѣ. Что онъ иногда относился поверхностно къ своему дѣлу, былъ слишкомъ довѣрчивъ и убаюкивался тѣмъ, что молъ вотъ мы какіе, на насъ теперь уповаешь вся Россія, и не глядѣлъ впередъ, не дѣлалъ рекогносцировокъ, объ этомъ писали и, я думаю, не безъ основанія. Съ своей стороны я сообщу только два случая. Сербы особенно негодовали за то, что когда австрійскій сербъ Пешихъ предложилъ ввести оптический телеграфъ (посредствомъ шаровъ, изображавшихъ всю азбуку), то Комаровъ отмѣнилъ всѣ приготовленія къ этому полезному для Делиградскаго лагеря изобрѣтенію вслѣдствіе донесенія одного изъ своихъ офицеровъ. Отчего онъ не назначилъ комиссію изъ свѣдущихъ людей для разсмотрѣнія этого дѣла? А то пріѣхалъ одинъ ординарецъ, и дѣло съ концомъ ¹⁾. Сербы предлагали взорвать мостъ самодвижущимися торпедами посредствомъ электрическаго тока. „Нѣтъ“, сказали въ штабѣ, „одного динамита будетъ довольно“. Несмотря на подвигъ Андреева и другихъ, мостъ не былъ взорванъ какъ слѣдуетъ, и турки его починили черезъ недѣлю. Посѣщая офицеровъ на позиціи, я убѣдился, что между штабомъ и позиціею нѣтъ никакой связи. „Правда ли, что мостъ взорванъ?“ спросилъ я въ Боровиштѣ. „Это вѣрно говорятъ въ штабѣ“?

¹⁾ Оптический телеграфъ пригодился бы во время Дюнишскаго боя, когда прервано было всякое телеграфное сообщеніе.

ѣдко отвѣчали мнѣ. „Много они тамъ знаютъ“. Мнѣ предлагали черезъ Хлудова заняться письменною частью и рисовали какую-то блестящую будущность; но я рѣшительно отказался. Когда я заявилъ о томъ, что мнѣ хочется поступить въ отрядъ, то мнѣ говорили: „Да все теперь кончено, скоро будетъ перемиріе; а тамъ что дальше будетъ—неизвѣстно; можетъ и Россія вступится за сербовъ“.

Съ прїѣздомъ Монтеверде и его супруги дѣло измѣнилось. Стали поговаривать, что Комаровъ слетитъ. Прочили на его мѣсто Дандевилля. Дандевиль дѣйствительно прїѣхалъ въ Делиградъ, но назначенія не принялъ. Черняевъ получилъ отъ князя Милана категорическое требованіе уволить Комарова.

Теперь вернемся къ болгарскому дѣлу. Можно было серьезно думать, что дѣло идетъ не объ освобожденіи славянъ, а о какой-то rivalité de clocher. Объясненіе съ Комаровымъ подѣйствовало все-таки на меня. Вдругъ призываютъ меня къ Черняеву. „Мнѣ нужно съ вами переговорить“, обратился онъ ко мнѣ, и молча подалъ письмо, которое привожу дословно. Отчего это письмо было написано по-французски, а не по-русски или по-болгарски, я не могъ понять.

Belgrad, 10 Octobre 1876.

Mon général.

Ayant la conviction que votre excellence reste toujours bienveillante envers nous, pauvres Bulgars abandonnés de tout le monde, j'ose aujourd'hui aussi m'adresser à vous et demander votre concours pour la réalisation d'une de nos entreprises. Il ne nous faut que deux mots de votre part. Ayez la bonté de dire a m-r Devolant qu'il soutienne avec les moyens qu'il a promis l'expédition bulgare a Dobroudja. Deux milles Russes et Bulgares sont prêts à attaquer Toultscha, de se fortifier là bas et de faire éclater l'insurrection parmi les habitants dans les alentours. Les comités de Belgrad, d'Odessa et Kicheneff prendront part à cette affaire. Les chefs de l'expédition sont dix officiers russes et bulgars, parmi lesquels se trouve Philipowitch, Zandrok aussi. Ils ont la munition et les armes nécessaires pour se mettre en route. Il leur faut de 10 à 15 m. roubles qu'on attend recevoir de m-r Devolant. C'est donc de votre bienveillance de lui parler et de sa générosité qu'il dépend en peu de jours pousser en avant ces gens téméraires. Je voulais venir moi-même à Déligrad pour avoir l'honneur de vous voir et vous parler; mais malheureuse-

ment je suis attaqué par une telle fièvre qu'elle ne me laisse ces jours-ci sortir de la ville.

Vos envoyés en Valachie, Tancheff, les voevodes Panaïoti et Jelu se sont retournés sans rien faire pour l'affaire des volontaires, comme je l'attendais et comme je l'avais remarqué dans ma dernière lettre. Si votre excellence trouve nécessaire de nous donner quelques instructions sur l'expédition de Toultscha daignez nous les remarquer dans une lettre de quelques lignes.

Recevez etc.

Georges A. Jivkoff.

P. S. Le télégramme avec laquelle on demande que j'aille à Déligrad est ci-jointe. Si m-r Devolant veuille envoyer de l'argent, il faut l'adresser ou au ministère de la guerre pour moi, ou à l'hôtel, où je demeure.

„Что же вы хотите дать 15 т. на взятіе Тульчи?“ спросилъ я главнокомандующаго. „Да послѣ, когда они возьмутъ ее у турокъ. Но это надо дѣлать поскорѣе, а то выйдетъ безтолковщина“.

Мнѣ оставалось только, въ виду того, что мнѣ предписано было дѣйствовать въ согласіи съ Черняевымъ, телеграфировать: accordé dix mille après réussite.

У Черняева не было никакихъ денегъ. Писать въ комитетъ, дебаты и посылка денегъ, инструкцій, на это потребовался по меньшей мѣрѣ мѣсяць. А такъ совѣтъ моя была покойна, что деньги комитета не будутъ потрачены даромъ. Вскорѣ послѣ этого я хотѣлъ отправиться въ Бухарестъ. Но прежде я зашелъ къ Черняеву, который увѣрялъ меня, что надняхъ будетъ перемиріе, что... И если вы хотите быть въ сраженіи, поѣзжайте въ Лугово, тамъ будетъ дѣло 5-го октября. Вскорѣ я убѣдился въ несостоятельности этихъ болгарскихъ заговорщиковъ.

Меня удивилъ фактъ о поимкѣ агента болгарскаго комитета въ Рушукѣ. Прежде всего онъ выдалъ всѣхъ и захватилъ деньги. Я хотѣлъ, сказалъ онъ, набрать побольше и бѣжать въ Европу. Устраивать заговоры съ такими дѣятелями, это значить дѣтская шалость. Трудно еще было приступить къ дѣлу въ виду той розни, которая существовала между сербами и болгарами. Въ оправданіе болгаръ можно сказать слѣдующее: болгары, обнадеженные сербскимъ правительствомъ, что она будетъ готова къ 1-му марту, поднялись и произошла рѣзня по всей Болгаріи.

Это произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ болгаръ.

У нихъ отнята была всякая энергія. Что же мы начнемъ безъ ружей. Дайте намъ ружей, а у сербовъ самихъ было только 30.000 ружей.

Хорошо, что болгары шли драться въ болгарскій легіонъ. И это одно показываетъ, что силъ въ болгарскомъ народѣ, также какъ у сербовъ, много. Дайте имъ организатора не комитетовъ и комиссій, а представителя русскаго правительства съ обширными полномочіями, съ деньгами, и дѣло не приняло бы столь плачевный оборотъ.

По одному сигналу, данному въ С.-Петербургѣ, возстали бы всѣ славяне на Балканскомъ полуостровѣ. И я, который, какъ вы видѣли, не предавался ни разу иллюзіи, скажу откровенно, тогда дѣла сложились бы иначе. Оттоманская имперія должна была бы пасть.

Теперь разстанемся съ Черняевымъ и взглянемъ на то, что дѣлается въ лагерѣ.

Я поселился въ баракѣ Хлудова. Это былъ какой-то родникъ веселыхъ шутокъ, благородства. Иногда онъ съ грубостью, свойственной неиспорченной натурѣ, какимъ-нибудь мѣткимъ словомъ стащить человѣка съ пьедестала, на который тотъ хотѣлъ вскарабкаться. Любилъ онъ до смерти ходатайствовать, хлопотать за другихъ. „Голубчикъ, Миша, попроси пожалуйста, чтобы мнѣ выдали жалованье; у меня нѣтъ лошади. Мнѣ нужно получить орденъ“. Всѣ эти хлопоты онъ принималъ съ рѣдкимъ добродушіемъ. Иногда ругнетъ крѣпкимъ словомъ того, который занесется въ своихъ претензіяхъ. „За что же тебѣ (крѣпкое слово)? Ты даже не доѣхалъ до того мѣста, гдѣ свистятъ пули?“ Многіе кипятились; но посмотреть на громадный кулакъ, на богатырскую и сонную фигуру Хлудова и смолчать. Хорошо то общество, когда въ немъ заводятся люди, которыхъ можно назвать общественною совѣстью. Хлудовъ иногда ошибался въ своихъ сужденіяхъ, но всегда высказывалъ ихъ рѣзко, безъ всякаго заглядыванія впередъ, что такой-то племянникъ, сынъ такого-то. Онъ одинъ признавалъ себя за силу (правда черноземную), и не будь у него необузданности, свойственной человѣку, выросшему среди кутежей и попойекъ, изъ него вышелъ бы характеръ и, можетъ быть, замѣчательный человекъ. Со мною онъ не поссорился, никогда мнѣ не сдѣлалъ ни одной непріятности. Живя въ одномъ ба-

рака, я рано уходилъ къ себѣ, бралъ книгу и потомъ засыпалъ. Вдругъ среди ночи, вырастаетъ передъ мною фигура Хлудова со свѣчей въ рукѣ. „Вы спите?“ Спрашивалъ онъ меня и начиналъ иногда безсвязный, но полный характерныхъ чертъ рассказъ о томъ, что говорилъ Черняевъ, что дѣлалъ Монтеверде, Комаровъ и др.

Нѣкоторые офицеры на позиціи были недовольны наѣздами Хлудова для ночныхъ рекогносцировокъ: „никакого толку изъ этого не выходитъ. Напьются, горланятъ всѣ эти господа, и выйдутъ пустяки“. Д. увѣрялъ меня, что онъ просилъ главнокомандующаго не присылать къ нему въ отрядъ ночныхъ экспедицій и даже выражался энергически: „Я ихъ пошлю связанными въ Делиградъ, потому что они производятъ одинъ безпорядокъ“. Я не берусь судить о цѣлесообразности ночныхъ экспедицій. Въ своемъ мѣстѣ расскажу я объ одной экспедиціи.

Черняевъ каждый день объѣзжалъ позиціи въ сопровожденіи своихъ ординарцевъ. Многие не могли примириться съ мыслию, что все кончено, и рассчитывали, что вскорѣ будетъ битва. Оставалось только любоваться природою. Дѣйствительно, луна такъ мягко освѣщала спящій лагерь, эту живописную природу. Только фигуры часовыхъ выдѣлялись среди безмолвія, окликакая прохожихъ и требуя лозунговъ. Утромъ раньше всѣхъ поднималась прислуга. Все это мылось, чистилось на воздухѣ (хотя по утрамъ бывало очень холодно, и ночью пробиралъ морозъ). Стаканъ чая и кусокъ чернаго хлѣба была цѣль, къ которой стремились и не всегда достигали. Въмѣсто обѣда намъ подавали паприкашъ. Въ соусѣ, пропитанномъ перцемъ, плавали кусочки свиного жира. Отвернешься отъ этой гадости и начнешь уплетать хлѣбъ. Иногда удавалось пообѣдать въ штабѣ; тамъ обѣдъ также не отличался изысканностью, но онъ былъ лучше, чѣмъ въ трактирѣ.

Князь Мещерскій пріѣхалъ въ Делиградъ. Черняевъ поручилъ своему ординарцу Максимову показать ему Шуматовскій редутъ. Мы поднимались все въ гору, и вдругъ спускъ, и внизу веселенькій, чистенькій городъ Алексинацъ. Тамъ сѣли на лошадей и поѣхали на Шуматовскій редутъ. Воспоминанія о Гольштейнѣ были еще живы. Офицеры, бывшіе въ Алексинацѣ, были славные, боевые и храбрые ребята. Они звали меня пріѣхать къ нимъ въ другой разъ и тогда посѣтить Бобовиште. Князь Мещерскій, побывъ два дня въ Делиградѣ,

собрался въ обратный путь. Онъ хотѣлъ отвезти въ Россію 12-ти лѣтняго черногорца, участвовавшаго во всѣхъ битвахъ.

Одинъ изъ членовъ славянскаго комитета отправился въ виноградникъ полакомиться (хотя увѣряли тогда, что виноградъ имѣлъ трупный запахъ) и вдругъ присѣлъ на землю. Измайловъ подбѣжалъ къ нему, думая, что онъ спрятался. „Нѣтъ, я раненъ“. Рана оказалась несерьезная; но У-кому было не по себѣ. Онъ призвалъ меня и сдѣлалъ нѣкоторые распоряженія на случай смерти. До смерти было, конечно, еще далеко. Вотъ и обращикъ шальной пули среди бездѣйствія. Кто жалѣлъ, кто смѣялся, приговаривая: „да какъ это его угораздило?“ Когда онъ лежалъ въ больницѣ, то сестра милосердія поднесла свѣчу къ раненой ногѣ и зажгла вату; съ этого произошло опасное осложненіе болѣзни. Поневолѣ станешь фаталистомъ. Я сопровождалъ Домерчикова, Измайлова и другихъ въ Бобовиште. Мы были, должно быть, на виду у турокъ, потому что они пустили пушечный выстрѣлъ. „Это они по насъ стрѣляютъ“, пояснилъ Домерчиковъ.

Въ лагерь пріѣхалъ Кузьминскій. Онъ служилъ подъ начальствомъ Черняева въ Средней Азіи и былъ извѣстенъ Хлудову. „Миша, голубчикъ, закричалъ онъ, вотъ и я пріѣхалъ. Я непременно хочу организовать отрядъ. Надо мнѣ повидаться съ Михайломъ Григорьевичемъ. Я попрошу его отпустить съ нами отрядъ самыхъ отчаянныхъ, и тогда мы вспомнимъ старину“. Его сопровождало нѣсколько молодыхъ людей. Это былъ кадръ будущихъ устрашителей турокъ. Самъ Кузьминскій имѣлъ 22 раны, Георгія и пользовался репутаціей отчаяннаго храбраго человѣка. Мнѣ казалось, что жизнь, должно быть, порядкомъ изломала эту энергическую натуру. Онъ былъ въ Герцеговинѣ во время Герцеговинскаго возстанія.

Черняевъ сказалъ ему: „Устраивайте, что хотите, но людей своихъ я вамъ уступать не могу“.

Кузьминскій все время говорилъ о своемъ летучемъ отрядѣ, такъ что всѣ начали ему вѣрить. „Я все продалъ“, сказалъ онъ, „и у меня теперь есть деньги“. Пока летучій отрядъ былъ еще въ туманѣ, онъ попросилъ позволеніе устроить ночную экспедицію. Охотниковъ было достаточно, въ томъ числѣ Хлудовъ, Максимовъ. Ночью осѣдлали лошадей и пробѣжали къ правому флангу нашей арміи. Нашъ предводитель пустился на удачу, безъ проводника. Одному О. С. было очень страшно, и онъ постоянно кричалъ другимъ: „ш. ш. тутъ турки“. (У него послѣдствіемъ достало храбрости убить наповаль серба изъ

револьвера. Черняевъ тогда былъ въ отчаяніи отъ такого безобразія). Но вмѣсто турокъ передъ нами предстали заспанные, безпечные сербы, разложившіе огонь противъ всѣхъ правилъ военной науки. Турки могли бить ихъ по выбору, но и тѣ тоже избрали благую часть и не поручали ночи того, что можно дѣлать днемъ.

Кузьминскій долго шумѣлъ на сербовъ за то, что они развели огонь, и требовалъ къ себѣ начальника. Пришла еще какая-то заспанная фигура, но ничего не могла объяснить. Они также не знали, гдѣ находится турецкій секретъ. „Что же мы будемъ дѣлать?“ „Ничего“, отвѣчалъ Кузьминскій: „эти дураки ничего не знаютъ, надо осмотрѣться“. Хлудовъ нахмурился и просилъ одного серба подвинуться и дать ему мѣсто возлѣ огня.

Стали говорить въ лагерѣ, что мостъ черезъ Мораву цѣлъ и невредимъ. Кузьминскій опять пригласилъ охотниковъ осмотрѣть мостъ. Ъхали мы берегомъ Моравы и разговаривали. Кузьминскій все говорилъ намъ „тише, тише“. Мнѣ было смѣшно, потому что я былъ увѣренъ въ томъ, что противоположный берегъ въ этомъ мѣстѣ принадлежитъ намъ. На наше счастье, кто-то идетъ развалистою лѣнливою походкою. „Кто тамъ?“ спрашиваетъ Кузьминскій. „Турки?“ (показываетъ на противоположный берегъ). „Нема Турци“, отвѣчаетъ намъ сербъ.

Когда стемнѣло, Кузьминскій съ компанією вернулся въ Делиградъ. Хлудову, графу Коновницыну и другимъ захотѣлось доѣхать до моста. Подѣхали мы къ самому руслу рѣки и увидѣли сербовъ, сидящихъ въ ямахъ. Командиръ отпустилъ съ нами серба, который не побоялся довести насъ до моста. Правда, онъ заставилъ насъ пробираться ползкомъ. Хлудову, благодаря его тучности, это было не понутру, и онъ остался немного позади. Дошли туда благополучно, слышали кашель турецкаго часового и голоса турокъ; но на обратномъ пути Коновницынъ поднялся съ грохотомъ, зацѣпилъ за какую-то вѣтку, она хрустнула, среди глубокой тишины, и раздался одинокій выстрѣлъ. „Сумасшедшій“, ругался Хлудовъ „съ вами только бѣды навивешь; ну пошла бы пальба по всей линіи. Кому достанется отъ Черняева?“

Мы цѣлый день не ѣли. Подѣзжая къ механѣ, мы спросили, нѣтъ ли чего? „Нѣтъ хлѣба, а есть рыба“. Оказались сардинки. Хлудовъ съѣлъ цѣлую коробку.

Мы захватили весь запасъ, бывшій у торговца, и повезли въ Делиградъ.

Хлудовъ сообщилъ Черняеву на другой день о томъ, что мость черезъ Мораву поправленъ турками. Черняевъ сказалъ на это: „Пускай они выстроятъ мраморный мость: я больше не хочу жертвовать людьми на это дѣло“.

Кузьминскій видимо досадовалъ, что онъ вернулся слишкомъ рано. Я увидѣлъ, какъ онъ долго бесѣдовалъ съ Комаровымъ и потомъ, сіяющій отъ радости, вошелъ въ баракъ, гдѣ была общая чайная. „Господа, мнѣ поручили произвести рекогносцировку. Кто побѣдетъ со мною?“ „Я, я“, закричали нѣсколько голосовъ, и шумная ватага вскорѣ была въ сборѣ.

Мы приѣхали на Дьюнишъ къ Петерсону. Дорога туда была восхитительна. Петерсонъ прочелъ бумагу, которую передалъ ему Кузьминскій. „Хорошо“, сказалъ онъ, „вы войдете въ эту деревню; я вамъ дамъ баталіонъ пѣхоты. Если у васъ завяжется атака съ черкесами, то вы сами справитесь; а если выйдетъ пѣхота турецкая, то мы поддержимъ васъ своими пушками“.

Петерсонъ познакомилъ насъ съ Милордовымъ. Этотъ молодой человѣкъ велъ себя истиннымъ героемъ; онъ былъ представленъ къ кресту. Онъ оставилъ на родинѣ старушку-мать. Она такъ радовалась, что онъ остался цѣлъ и невредимъ послѣ сраженія. Подали вина, и Петерсонъ обѣщалъ угостить насъ поросенкомъ; но поросенокъ все не являлся (къ счастью для насъ). Наконецъ его разорвали на куски, и Петерсонъ разными изгибами проѣхалъ съ нами, отдавая вездѣ приказанія на счетъ шанцевъ, фашинниковъ и т. д. Нѣкоторые были и этимъ недовольны. Солнце уже стояло на закатѣ. Кузьминскій, Петерсонъ вдругъ свернули направо и приказали намъ ѣхать своею дорогою. Раздался выстрѣлъ, громкій, протяжный. Вотъ и другой. Всѣ переглянулись; это изъ нашихъ орудій. Кто же приказалъ стрѣлять? Но вотъ и наши отвѣчаютъ. Что-то очень часто, а мы молчимъ. На опушкѣ показалась смущенная и растерянная фигура Петерсона. Оно что-то приказывалъ Милордову, крикнулъ ему, и Милордовъ исчезъ изъ виду. Должно быть, лошадиный инстинктъ выше человѣческаго: моя лошадь (она принадлежала прежде герою Гольштейну) никакъ не хотѣла подвинуться впередъ и все пятилась. Жужжаніе лопнувшей гранаты, и лошадь откидывается въ сторону, такъ что я едва усидѣлъ на сѣдлѣ. Поднялся такой концертъ. Турки за двѣ гранаты отсчитывали намъ 700 выстрѣловъ. Когда стем-

нѣло, адская музыка прекратилась. Убитыми оказались Милордовъ и нѣсколько сербовъ.

Выстроивъ насъ въ рядъ, Кузьминскій повелъ насъ на деревню Любичи. Осторожно пробирались мы по виноградникамъ и пришли въ оставленную деревню. „Есть черкесы тутъ?“ спросили серба солдата. „Има, Има“. Послали его посмотреть, гдѣ они. Но черкесовъ и баши-бузукровъ не оказалось, и мы должны были вернуться домой. Кузьминскій велѣлъ забрать сѣно, которое онъ нашелъ въ одномъ мѣстѣ. На что ему понадобилось сѣно, я и теперь понять не могу. Я попробовалъ высказать свое мнѣніе, но онъ напомнилъ мнѣ о дисциплинѣ, и я замолчалъ.

Когда мы вернулись въ кофейню, тамъ ожидалъ Кузьминскаго и всѣхъ участниковъ непріятный репримандъ (совершенно справедливый) со стороны одного офицера на позиціи. Онъ обратился къ Кузьминскому и сказалъ: „Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Я донесу объ васъ Черняеву. Если вамъ нужно было сѣно, то мы вамъ прислали бы цѣлый скирдъ, а то теперь изъ-за пустяковъ (ничего не увидѣли и не разузнали) мы лишились хорошаго товарища, нѣсколькихъ сербовъ, и работы наши попорчены, такъ что придется долго поправлять ихъ“. Кузьминскій возражалъ съ запальчивостью. Съ невеселыми мыслями возвращались мы домой.

Черняевъ ничего не зналъ о рекогносцировкѣ. Когда турки стали угощать Дьюнишь своими выстрѣлами, то со стороны Бобовиште слышна была тоже пальба. Черняевъ думалъ, что турки хотятъ прорваться въ Бобовиште, и поскакалъ со штабомъ туда. Но тамъ разъяснилось все, и Черняевъ вспылилъ ужасно. „Подъ конвоемъ привести ихъ всѣхъ въ Делиградъ“,—сказалъ онъ, „Кузьминскаго на другой день выслать изъ лагеря“. Черняевъ былъ правъ, потому что, будь наши невинные два выстрѣла сдѣланы раньше, то все могло разыграться въ генеральное сраженіе. Черняевъ же послѣ 16-го сентября не рѣшался на генеральное сраженіе. Онъ хотѣлъ съ честью дотянуть до перемирія. За ужиномъ ему сообщили о смерти Милордова, и у него показались слезы на глазахъ. Кузьминскій вѣрно получилъ порядочный нагоняй. Свѣдѣніе о смерти Милордова пришло одновременно съ извѣстіемъ о томъ, что и меня убили. „Ну, долго будете жить“, утѣшали меня потомъ.

На слѣдующій день Кузьминскій уже собрался въ обратный путь. Онъ бранилъ Черняева, говорилъ, что у него нѣтъ прежней отваги: вотъ онъ плачетъ о какомъ-то молодомъ че-

ловѣкъ? За обѣдомъ Черняевъ всталъ и возвѣстиялъ всѣмъ, что Комаровъ по семейнымъ обстоятельствамъ покидаетъ лагерь. При прощаніи Комаровъ сказалъ: „Иногда одинъ пушечный выстрѣлъ рѣшаетъ судьбу человѣка“. Его провожали, произносили спичи, братались съ сербами и, наконецъ, посадили въ коляску. „Счастливый путь. Le roi est mort, vive le roi. Въмѣсто Комарова былъ назначенъ Дохтуровъ.

Грядущія событія бросили передъ собою мрачную тѣнь. Въ лагерѣ стали ловить шпионовъ. Въ печкѣ, отопляющей комнату Черняева, найдены были бомбы. Прислуга, втаскивая къ нему дрова, замѣтила ихъ присутствіе. Хлудовъ устроилъ себѣ землянку; ее покрыли соломой. Онъ уже приготовился переходить туда, и пламя быстро охватило Хлудовскій баракъ, занялась столовая, гдѣ были всѣ наши вещи. Пламя, несмотря на всѣ усилія потушить его, точно играло этимъ деревяннымъ бараккомъ. Уже было темно, и Делиградъ пользовался блистательнымъ освѣщеніемъ. Въ столовой были снаряды, торпеды, динамитъ Ермолинскаго и Шпаковского. Показался дымокъ, и страшный взрывъ раздался въ воздухѣ. Всѣ растерялись. Кто думалъ спасти свои пожитки, кто командовалъ, кто совѣтовался. Сербы какъ-то безучастно расталкивали бревна. Русскіе кричали до хрипоты. Хаосъ полнѣйшій воцарился въ лагерѣ. Фантастическимъ, зловѣщимъ свѣтомъ озарялось все окружающее. Точно бѣснующіеся бросались люди въ пожарище и выходили оттуда съ разорванными, обгорѣлыми платьями. Все было возбуждено донельзя.

Въ то время глухой гулъ сталъ раздаваться издалека со стороны Бобовиште. Точно раскаты грома казались намъ эти выстрѣлы. Сдѣлали бы турки тогда нападеніе серьезное, они бы овладѣли безъ труда Делиградомъ. Этотъ вопросъ назойливо работалъ въ каждой головѣ.

Черняевъ быстро шагаль по комнатѣ. Безпокойство было видно на его лицѣ. Онъ послалъ освѣдомиться въ Бобовиште, не прорываются ли тамъ турки. Многіе поспѣшили исполнить его желаніе. Делиградъ пылалъ. О чемъ думали турки въ это время? Предчувствіе грядущей опасности, чего-то неумолимаго, фатальнаго, надвигающагося на всѣхъ насъ, на всю сербскую армію, тревожило многихъ изъ насъ, несмотря на то, что перемиріе, какъ говорили, было дѣломъ уже рѣшеннымъ.

Пожаръ кончился къ утру за недостаткомъ матеріала. Уцѣлѣлъ одинъ домъ главнокомандующаго, и онъ одинъ сиротливо выглядывалъ изъ этихъ тлѣющихъ обломковъ, обгорѣлыхъ.

бревень, среди громаднаго пожарища. Дохтурову Черняевъ поручилъ отправиться въ Тимоокскую армію. Тамъ предполагалось взять Зайчаръ у Османъ-паши (сдѣлавшагося потомъ знаменитымъ въ русско-турецкую войну). Дохтурова должны были сопровождать ординарцы Черняева князь Гика и Солсбери. Послѣдній сказалъ мнѣ: I want to see a good fighting. Всѣ были убѣждены, что въ Делиградѣ все кончено.

Гдѣ опасность, тамъ Хлудовъ былъ на-лицо. Передъ отъѣздомъ въ Луково у меня былъ разговоръ съ Черняевымъ, и онъ далъ мнѣ порученіе въ Бухарестъ. „Здѣсь ничего не будетъ, если хотите, побѣжайте въ Зайчаръ. Я туда посылаю войско; мнѣ сообщили, что можно легко взять Зайчаръ“. Какого труда стоило Хлудову и мнѣ добыть колу, трудно себѣ представить. На каждой станціи насъ ожидали остановки. Безчувствіе сербовъ выводило меня изъ терпѣнія. Теперь относись хладнокровнѣе къ этому и неволью спрашиваешь себя: къ чему мы всѣ русскіе съ какой-то стремительностью бросились туда, гдѣ раздаются выстрѣлы? Жаждали ли мы непременно турецкой крови? Между нами было много самыхъ добродушныхъ, мягкосердечныхъ людей, которымъ убійство турка не принесло бы даже удовольствія. Хотѣлось подвергнуться опасности? Нѣтъ, не это чувство вдохновляло многихъ. Выстоять подъ выстрѣлами, исполнить передъ русскимъ и сербскимъ народомъ, передъ всѣмъ славянствомъ какую-то невѣдомую для многихъ, высокую задачу самопожертвованія, отрѣшиться отъ житейскихъ дрязгъ, забыть свое мелкое я и на время отдаться служенію великой идеѣ свободы и человѣчества: вотъ что бессознательно бродило въ тайникахъ нашей души. Я говорю: бессознательно бродило. Не всѣ сознавали, за что они пошли въ Сербію. Одинъ изящный, богатый офицеръ и не думалъ ѣхать въ Сербію. Вся жизнь для него была поприщемъ радости и наслажденія. Онъ сознавался потомъ, что вся эта сербская исторія—ужасная глупость. Онъ возвращался съ пирушки въ Павловскѣ, послѣ музыки; какое-то грустное чувство овладѣло имъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ него и на другой день. Все казалось ему безсодержательно, мелко, пусто кругомъ. „Поѣду въ Сербію“, рѣшилъ онъ и поѣхалъ. А такихъ было много, и они дѣлали свое дѣло. Когда проходила опасность, они тогда роптали, бранили сербовъ; но вернуться назадъ, не побывавъ въ серьезной опасности, они не рѣшались. Психологія, какъ наука, еще не существуетъ; она не дошла до точности математики или астрономіи. Понять сложный механизмъ человѣче-

ской души доступно только великимъ художникамъ. Но кто пойметъ всѣ изгибы, всѣ извилины, темныя и свѣтлыя стороны народной души? Въ Сербіи, правда, было много такихъ личностей, которыя обозлились на жизнь, вынесли изъ нея однѣ только неудачи; но были тамъ много сильныхъ натуръ, не нашедшихъ себѣ дѣла дома. Тутъ были продукты нашего умственного развитія за послѣднія 15 лѣтъ. Базаровы, Рудины, Рахметовы и проч. назначали себѣ свиданіе въ Сербіи. Всѣ эти личности искали въ великой задачѣ освобожденія славянства простора своимъ мыслямъ, своимъ стремленіямъ, искали хорошаго дѣла и борьбы въ смыслѣ „погибающихъ за великое дѣло любви“.

А сербы, какъ отнеслись они къ нашимъ? Сербы не знали русскаго общества, не знали назрѣвшихъ въ Россіи вопросовъ. не знали стремленій русской молодежи. Для нихъ впечатлительность русскаго образованнаго человѣка, требовательность его были новостью. Братья пришли и стали все мѣрить на свой аршинъ. Братьямъ нужно скорѣе поспѣть къ Черняеву, имъ ничего не стоитъ загнать лошадь для такой цѣли. Что такое лошадь для русскаго? А для серба-поселянина это все. На этомъ зиждется все благосостояніе его семьи, а онъ любитъ свою семью больше всего. Другіе придутъ и возьмутъ колу, припасы, все во имя одной высшей цѣли. Сербъ видитъ одно разореніе впереди, а у иныхъ вырывается жесткое выраженіе: „Лучше турки, чѣмъ русскіе“. Солдаты наши, сами вышедшіе изъ крестьянской среды, понимали всю важность для серба его худобы. „Ему и самому ѣсть нечего“, скажетъ онъ и успокоится, когда ему скажутъ: „Пане, Бога ми нема“. Помнится мнѣ, разъ я потревожилъ одного серба отъ глубокаго сна, и просилъ его накормить меня. Онъ вспылилъ (онъ цѣлый день и цѣлую ночь былъ на ногахъ) и сказалъ: „Лучше турки“. Но я понялъ, что онъ это сказалъ подъ вліяніемъ быстро возникшей досады и сталъ говорить ему спокойно: что будетъ съ вами, если турки дойдутъ до Бѣлграда. Увидѣвъ, что я не кричу на него, сербъ сталъ внимательно слушать меня и потомъ безъ моей просьбы принесъ больше, чѣмъ я просилъ. Такихъ впечатлительныхъ людей, которые первое неосторожное слово, сказанное съ досады сербомъ, перенесли въ газеты, было много, и въ русскомъ обществѣ утвердилась мысль, что сербы насъ не любятъ. Я въ началѣ своихъ записокъ сказалъ: кто можетъ сказать, что думаетъ цѣлый народъ? На каждый случай недоброжелательства сербовъ къ намъ можно привести два,

три случая, доказывающихъ противное. Меня удивило, напр., что содержатель одной механы отказалъ одному раненому сербу въ рогожѣ и сказалъ, что она ему нужна. Въ другой разъ я увидѣлъ одну женщину, просилъ ее принесли чего-то раненому и прибавилъ: то сербъ, а не руссъ. Женщина отвѣчала мнѣ: „что сербъ онъ или русскій, для нея все равно, всѣ братья“ и принесла очень охотно то, что отъ нея требовали. Слышалъ я, наприм., и такой отзывъ изъ устъ серба: „Что имъ жрать что ли нѣтъ дома, что они всѣ пришли сюда“? Какой случай для великолѣпной тирады противъ неразвитости сербскаго народа и т. д.

Поѣхалъ я въ колѣ съ незнакомымъ мнѣ коморджіемъ. Было темно. Онъ просилъ обождать, но мнѣ не хотѣлось. Мы сбились съ дороги. Темъ такая, что возницу не видишь передъ собою. Грязь невылазная. Долго ли тутъ-до бѣды? Бѣда была близка. Кола опрокинулаеь въ какой-то оврагъ. Я вышелъ съ грѣхомъ пополамъ, шлепая по грязи, пошелъ дальше, оставивъ на произволь судьбы свои вещи, и наткнулся на другую колу. „Можно къ вамъ“? спросилъ я неизвѣстнаго мнѣ хозяина этой колы. „Молимъ васъ“, послышался мнѣ отвѣтъ. Я промокъ въ грязи, и мнѣ хотѣлось удобнѣе сѣсть и отдохнуть. Мнѣ было не до политическихъ разговоровъ въ эту минуту, а моему спутнику какъ разъ хотѣлось высказаться. „Спасибо вамъ, русскимъ: безъ васъ турки давно были бы въ Бѣлградѣ“. И эти слова и это спасибо слышалъ я не одинъ разъ. Когда мы доѣхали до мѣстечка, то всѣ сербы стали спрашивать меня, не хочу ли я ѣсть? Я сталъ заказывать одно кушанье за другимъ. Принесли вина, пригласили музыку, и когда я захотѣлъ заплатить содержателю механы, то онъ отказался и сказалъ, что все уже заплачено: „Много вы переносите изъ-за насъ“, говорили сербы, „руссъ все наперед, а сербы бѣгутъ“. Бранили Бѣлградское правительство, не разъ мнѣ случилось видѣть эту готовность услужить, быть пріятнымъ брату-руссу. Я только могъ убѣдиться изъ опыта, что крикомъ и бранью съ серба ничего не возьмешь: тогда онъ упрется, какъ вошь, и повторяетъ свое нема. Заговорите вы съ нимъ ласково, окажите ему уваженіе, и онъ уступитъ вамъ свою постель, свое кушанье и готовъ все сдѣлать для васъ. Сербъ привыкъ къ свободѣ и къ человѣческому обращенію, и наше башибузучество только озлобляетъ его.

Въ Смедеревѣ я напрасно просилъ о чемъ то прислугу. Она отмалчивалась, дулась на бушующихъ и кричавшихъ русскихъ.

Къ моему счастью, я увидѣлъ одного серба изъ образованныхъ и обратился къ нему: „Прошу васъ сказать ему то и то“. Тотъ вразумилъ прислугу гостиницы, цѣлый день не отходилъ отъ меня и повелъ меня ко всѣмъ своимъ знакомымъ. Во всѣхъ домахъ насъ угощали: гдѣ подавали сладкое, гдѣ старое вино, гдѣ вкусное кушанье. И вездѣ раздавалась хвала русскому народу. Но и этотъ сербъ, когда я вызвалъ его на объясненіе, сказалъ мнѣ: „Вотъ эти буяны много вредятъ общему дѣлу. Народъ смотритъ на нихъ съ удивленіемъ и спрашиваетъ: неужели всѣ русскіе такіе? Мы очень хорошо знаемъ, что эти господа исключеніе не только въ Россіи, но и среди добровольцевъ. Когда мы видимъ русскаго, который не бранится, не дерется, мы готовы все сдѣлать для него, мы радуемся ему, какъ брату“. Надо сказать, что если между нами происходили недоразумѣнія, то это просто объясняется несходствомъ характеровъ. Сербъ такъ же мягокъ, такъ же спокоенъ, какъ наши хохлы—а русскіе пришли и все требуютъ. Слышалъ я также пренепріятныя вещи про Бѣлградскихъ жителей: „Да, они затѣяли войну, а сами небось не хотятъ идти сражаться—всѣ въ коморджіяхъ и т. д., а нашъ братъ подставляй голову.

Былъ я и на сербскомъ пароходѣ „Делиградъ“. Ъхали тамъ русскіе. Капитанъ уѣлся со своими знакомыми въ одной изъ комнатъ. Вдругъ раздался голосъ одного изъ добровольцевъ: „Дайте сѣсть русскимъ; они свое дѣлаютъ, а не бѣгутъ, какъ сербы“. Капитанъ (хозяинъ на пароходѣ) молча вышелъ, и за нимъ послѣдовали его знакомые.

Многое приписывалось сербамъ только по незнанію сербской жизни. Больше всего всегда доставалось содержателю механы, и когда онъ не угодитъ, то доставалось сербскому народу. Извѣстно, что содержатели по большей части не сербы, также какъ и лавочники въ Бѣлградѣ.

Французская поговорка говоритъ: *tout comprendre c'est tout pardonner*. Но это разумѣніе всего, знаніе Сербіи, было почти недоступно обыкновенному добровольцу. Изъ какихъ книгъ онъ могъ познакомиться съ сербскимъ народомъ? Не Каница же давать ему, когда иной и не знаетъ по-нѣмецки. Есть сочиненія Гильфердинга, Ровинскаго, Ламанскаго, но они или недоступны по своей цѣнѣ, или разбросаны по разнымъ журналамъ. Никто не потрудился дать хорошую книгу въ путь-дорогу русскому добровольцу. Человѣку, слѣдящему за журнальной литературой, не трудно отыскать то, что ему нужно; но надо признаться, что популярныхъ книгъ по славянству у

насъ почти нѣтъ. Если въ нашей литературѣ имѣется трудъ Попова о Сербіи, то у насъ нѣтъ такой общедоступной книги, какъ Тайланды. Только книга въ такомъ родѣ, составленная непосредственно русскимъ (потому что этнографическая сторона всегда страдаетъ у иностранцевъ, описывающихъ славянскіе народы), розданная даромъ, просвѣтила бы русскаго добровольца, желавшаго принести свою жизнь въ жертву сербскому дѣлу.

Мнѣ остается еще сказать о сербахъ и русскихъ въ штабѣ Черняева. Каждая народность держалась въ сторонѣ отъ другой. Сходились они за столомъ. Сербы и русскіе обыкновенно объяснялись другъ съ другомъ по-нѣмецки. Русскіе негодовали на сербовъ, что они такъ хорошо знаютъ нѣмецкій языкъ. Сербы говорили смѣясь, что никогда имъ не приходилось такъ много говорить по-нѣмецки. „Мы правда въ большинствѣ случаевъ знаемъ нѣмецкій языкъ, а русскіе и между собой говорятъ по-французски“. Русскихъ надо по справедливости считать водворителями, распространителями французскаго языка на Востокъ. Глядя на русскихъ офицеровъ, молдоване и валахи стали въ 1829 году считать признакомъ хорошаго тона знаніе французскаго языка. Шахъ Персидскій сказалъ о французскомъ языкѣ: „если такой могущественный народъ, какъ русскій, говоритъ больше по-французски, чѣмъ по-русски, то и намъ Богъ велѣлъ изучать не русскій, а французскій языкъ“.

Теперь вернемся къ нашей поѣздкѣ въ Зайчаръ.

Григорій де-Волланъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Власть прошлаго ¹⁾).

Пятнадцать слишком лѣтъ воспитательской службы отозвались на здоровьѣ Андрея Александровича, и высшее начальство даетъ ему возможность съѣздить и полѣниться на Кавказѣ. Наташа и Коля ѣдутъ, конечно, тоже. Жить на двѣ семьи стало бы дороже. Да въ то время на минеральныхъ водахъ жизнь была страшно дешева. И мать, и сынъ въ восторгѣ отъ предстоящей поѣздки. Коля беретъ съ собою Лермонтова и собирается вести дневникъ. Онъ ходитъ по комнатамъ, декламируетъ „Демона“ и „Мцыри“. Его юная головка восторженно воспринимаетъ это счастье

Съ начала лѣта они устраиваются въ Эссентукахъ, гдѣ Андрей Александровичъ проходитъ шестинедѣльный курсъ лѣченія, а потомъ ѣдутъ пожить въ Кисловодскъ. А тамъ и дальше. Ѣдутъ во Владикавказъ, а оттуда совершаютъ поѣздку по военно-грузинской дорогѣ. Какой восторгъ, какое восхищенье! Вотъ бѣлоснѣжный двуглавый Эльбрусъ! И не знаешь, когда онъ лучше: озаренный ли тихимъ голубымъ свѣтомъ луны или играющій всѣми цвѣтами радуги подъ золотыми лучами восходящаго солнца! Вотъ угрюмая тѣнины Дарьяла; мутный Терекъ реветъ, бушуетъ и несетъ на своихъ волнахъ каменные громады. Вотъ Казбекъ, Царь Кавказа, въ своей парчевой ризѣ. Вотъ и Гудадръ, переваль черезъ хребетъ; зимой и лѣтомъ здѣсь можно видѣть снѣгъ; а дальше Млетскій спускъ, долины Арагвы и Курь и равнины благословенной Грузіи. Какая красота, какая благодать! Какими дивными яркими красками описалъ все это Лермонтовъ, и ничего не сможетъ больше прибавить нашъ бѣдный языкъ.—Изъ

¹⁾ См. „Рус. Стар.“, мартъ 1916 года.

Тифлиса Скарятинны проѣхали на Батумъ, а оттуда въ Крымъ, гдѣ объѣхали все Южное побережье. Дикая прелесть Георгіевскаго монастыря, эта хаотическая круча, спускающаяся къ самому морю, полукругъ красивыхъ грозныхъ скалъ, вдали мысъ Фиолентъ, гигантскіе кипарисы Массандры, волшебная аллея розъ, Львиная терраса въ Алупкѣ, живописныя развалины Ореанды и наконецъ безсмертные памятники Севастополя—все, все запечатлѣлось яркими, вѣчными красками въ душахъ матери и сына. Они вмѣстѣ восторгались, дѣлились мыслями. Счастью Наташи не было предѣла. Несмотря на приближающуюся старость, она все такъ же ярко и живо чувствовала, все такъ же преклонялась передъ красотами природы, какъ и въ юности.

А теперь еще рядомъ съ ней стоялъ ея красавецъ сынъ, ея ненаглядный мальчикъ! Какъ часто въ такія блаженныя минуты восторга ея губы невольно шептали слова поэта:

Природа, Богъ и ты!
 Всѣ воплощенія безсмертной красоты
 Со мною и мои!...

Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Такъ и эта волшебная сказка быстро кончилась. И сѣрая будничная жизнь показалась еще сѣрѣе, еще хуже. А для Наташи счастье и совсѣмъ закатилось. Какъ ни старалась она отгонять отъ себя назойливую мысль, какъ ни хотѣлось ей думать, что вотъ случится чудо и горькая чаша минуетъ ее—но пришло время, пришлось взглянуть этому ужасу въ глаза.—Кончивъ корпусъ однимъ изъ первыхъ, Коля былъ назначенъ въ Михайловское артиллерійское училище и въ концѣ августа долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ. Въ первый разъ въ жизни Наташа разставалась съ сыномъ. Какъ темная, грозная туча надвигалась на нее эта разлука. Она чувствовала ея приближеніе всѣми силами души и тѣла.

„Онъ уѣхалъ, онъ далеко отъ меня—и я еще живу!“ писала Наташа въ своемъ дневникѣ. Ни о чемъ другомъ она думать больше не могла. Мысль эта, скорбь эта заполнили ее всю. Какъ жить безъ него! Утромъ не поцѣловать, вечеромъ не благословить! И потомъ этотъ вѣчный, гнетущій страхъ за него! Какъ-то онъ тамъ, что съ нимъ? Всѣ нервы ея были

напряжены. Все трепетало и болѣло.—Вотъ пришло первое письмо. Дрожащими руками распечатала она его; но оно ей ничего не сказало. Мальчикъ, ошеломленный новизной и массой впечатлѣній, не могъ еще въ нихъ разобраться. За то въ послѣдующихъ письмахъ уже начала проявляться тоска. Привыкшій къ свободѣ, къ ласкѣ—онъ былъ лишенъ тамъ и того, и другого. Включенный въ узкія рамки солдатской жизни, теряющій совершенно свою субъективность, чувствуя подъ собою лишь желѣзную руку начальства, сознавая себя лишь такимъ-то номеромъ въ строю—онъ скоро весь потерялся и сталъ писать матери отчаянныя письма. Кровью обливалось сердце Наташи, читая ихъ. Чувствуя себя совершенно безпомощной, она обратилась къ мужу.

— Андрей, что намъ дѣлать? Такъ не можетъ продолжаться!

— Андрей Александровичъ нахмурилъ брови, читая безпорочныя строки.

— Ты въ немъ убила всякую самостоятельность! кислый мальчишка!

— Чѣмъ, ради Бога? И она съ невыразимымъ ужасомъ ждала опредѣленія своего грѣха.

— Чѣмъ?.. И Андрей Александровичъ усмѣхнулся. Пришпилила къ своей юбкѣ. Мальчишка шагу не умѣетъ ступить безъ тебя. Маменькино дѣтище—одно слово!

Съ поникшею головой, съ тяжелымъ сердцемъ Наташа ушла къ себѣ разобраться въ своихъ чувствахъ. Можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ она своей лаской, своими неустанными заботами повредила ему. Можетъ быть, такъ воспитывать можно только дѣвочку, а не юношу.—Собравшись съ духомъ и упрятавъ свое сердце въ каменную броню, она сѣла за письменный столъ и настрочила посланіе своему мальчику. Серьезнымъ дѣловитымъ тономъ доказывала она ему все преимущество Михайловскаго училища, всю необходимость кончить курсъ именно тамъ, просила его взять себя въ руки, доказывала ему, что въ семнадцать лѣтъ человѣкъ ужъ мужчина и т. д., и т. д.—Перечитавъ письмо, она осталась имъ очень довольна; ей въ особенности понравились послѣднія строки; вмѣсто обыкновеннаго: мой ангелъ, цѣлую твои глазки, твой лобикъ—стояло только: пока прощай; надѣюсь, что письмо это застанетъ тебя въ болѣе бодромъ состояніи духа...

— Не нужно иѣжничать и раскисать, твердила она себѣ, запечатывая и надписывая конвертъ. Черезъ нѣсколько дней пришелъ отвѣтъ.

„Ты бросаешь меня! Я не могу, не могу такъ дальше. Я чувствую себя такимъ одинокимъ, такимъ несчастнымъ. Молодому деревцу, когда оно растеть, нуженъ уходъ, поддержка, а у меня здѣсь этого нѣтъ... Если бъ ты только знала состояніе моей души! Это адъ! Я себя чувствую выброшеннымъ за бортъ. Къ довершенію всего у насъ страшная эпидемія брюшного тифа; семеро въ лазаретѣ и двое уже умерло“...

Дальше она не читала...

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Коля былъ переведенъ въ Москву, въ Александровское военное училище. Андрей Александровичъ сѣздилъ въ Петербургъ, побывалъ у великаго князя и у начальства, и дѣло было сдѣлано въ нѣсколько дней. Наступали праздники Рождества Христова и пріѣзда Коли ждали со дня на день. Наташа не знала, съ какимъ поѣздомъ онъ долженъ былъ пріѣхать. Въ предпраздничное время кадеты и юнкера, возвращаясь домой, ѣздили съ тѣми поѣздами, на которые они попадали, а не съ тѣми, съ которыми хотѣли. Коля пріѣхалъ съ какимъ-то добавочнымъ поѣздомъ въ четыре часа дня. Умирать будетъ Наташа, а не забудетъ той минуты, когда раздался звонокъ и она выбѣжала встрѣчать его. Дверь была уже отворена и онъ быстро шелъ ей навстрѣчу, что-то громко говоря. Какъ будто небо открылось ей! И мать и сынъ бросились другъ къ другу и такъ и замерли. Вѣдь это была ихъ первая разлука! Ненаглядный, дорогой! шептала она, прижимая его къ себѣ и покрывая поцѣлуями и лицо, и руки его.— Ну вотъ онъ и опять съ нею! Около ея и подъ ея крылышкомъ! Какое блаженство, какое счастье! Видѣть его всегда, ежеминутно! Цѣловать, ласкать его! Опять рядышкомъ сидѣть близко, близко и чувствовать его голову у себя на плечѣ. Наташа спрашивала себя, почему она никогда не испытывала такого блаженства и восторга отъ ласкъ мужа? Не была она создана для *той* любви. Она была *только мать*! Съ какой гордостью и упоеніемъ смотрѣла она на него. Молодець, высокій, красивый! За эти три мѣсяца онъ, хотя и похудѣлъ немного, но за то возмужалъ, выросъ. Отъ всей его изящной и стройной фигуры вѣяло какимъ-то обаяніемъ!.. Грубое сукно солдатской шинели и бушлата не только не мѣшало этому впечатлѣнію, но еще рѣзче выдѣляло его изящную голову съ тонкими чертами лица, темными, вдумчивыми глазами матери, красиво изогнутыми бровями, все въ немъ плѣняло и поко-

ряло. Много дѣвичьихъ сердець погибло на тѣхъ балахъ и вечеринкахъ, гдѣ онъ бывалъ. Не только вѣтренныя, легкомысленныя головки были очарованы имъ, но и всѣ знакомые и родные. Вездѣ, гдѣ только Наташа бывала съ сыномъ, ей приходилось слышать массу похвалъ ему. Она сіяла и торжествовала, а сама въ душѣ думала: хвалите, хвалите! А, если бы вы всѣ еще знали его душу, его сердце! Вы бы еще не то сказали!

И она была права. Рѣдко можно было встрѣтить, чтобы между матерью и сыномъ существовала такая духовная связь. Для нея онъ былъ все. Вся жизнь ея, всѣ ея интересы, все это заключалось лишь въ немъ одномъ. Ему она повѣряла и заботы свои, и непріятности. И носи ея личное горе другой характеръ, она не преминула бы сдѣлать его своимъ повѣреннымъ. Но что-то такое еще удерживало ее дѣлиться съ нимъ, какое-то чувство стыдливости и, какъ ей иногда казалось, чувство оскорбленнаго самолюбія. Ей не хотѣлось обнажать передъ нимъ свою душу. Хотя она глубоко сознавала, что рано или поздно эта тайна будетъ открыта и понята имъ.

Отношенія съ Андреемъ Александровичемъ дѣлались все отдаленнѣе, все чуждѣе. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что она уклоняется отъ супружескихъ обязанностей; ей слишкомъ тяжело быть *только самкой*. Вечеромъ, ночью—ласки, а днемъ—равнодушіе и подъ часъ рѣзкія слова. Нѣтъ! Она не можетъ такъ, на это она не пойдетъ, это ей претитъ.—Иногда она переживала тяжелыя минуты сомнѣнія. Разсматривая серьезно и строго анализируя свое поведеніе, она глубоко осуждала себя. *Она не исполняетъ своего дома*—вотъ мысль, которая вставала передъ ней безъ всякихъ прикрасъ и для которой она и не старалась выискивать извиненія. Въмѣсто снисхожденія къ слабостямъ мужа—рѣзкое осужденіе; вмѣсто умиротворяющихъ словъ—враждебныя выраженія. И, если она и сознавала себя правой, то тамъ, въ глубинѣ души, въ самомъ тайникѣ ея, она чувствовала и понимала, что она уже *не права* тѣмъ, что высказываетъ свою правоту. Но, какъ помочь горю, что дѣлать—она не знала. Будь съ его стороны хотя бы проблескъ теплаго чувства, немного вниманія, немного ласки къ ней— какъ знать! Можетъ быть и все бы пошло по-иному!... Но нѣтъ! Полное равнодушіе—вотъ что она видѣла на каждомъ шагѣ.—

Два года юнкерства пролетѣли быстро. Были и свѣтлые, были и черные, тяжелые дни. Въ концѣ іюля передъ самымъ производствомъ были назначены большіе маневры. Для Наташи это было—terra incognita. Что ожидало тамъ ея ненагляднаго? Какіе труды, какія лишенія? Поздно ночью въ день отъѣзда училища подѣ Курскъ, гдѣ маневры были назначены, Наташа съ Андреемъ Александровичемъ отправились на товарную станцію Курской ж. д., чтобы отвезти кой-какую провизію Коля. Темная, едва освѣщенная платформа, съ которой садились въ поѣздъ юнкера, произвела на Наташу гнетущее впечатлѣніе. Она успѣла повидать сына едва нѣсколько минутъ, сунула ему въ руки пакетъ и взяла съ него обѣщаніе беречь себя. И поцѣловала-то, и обняла-то наскоро, такъ какъ его ужъ куда-то звали и требовали. Грустная и озабоченная слѣдовала она въ темнотѣ за Андреемъ Александровичемъ, направляясь къ какому-то деревянному забору, за которымъ ихъ ждалъ извощикъ.

— Господь мой! Точна на войну проводила! вздохнула она, и сердце ея болѣзненно сжалось какъ бы отъ тяжелаго предчувствія.

Но вотъ и маневры кончены. Училище вернулось въ Москву, и будущіе офицеры съ нетерпѣніемъ и волненіемъ ждутъ Высочайшей телеграммы изъ Петербурга.—У Коля уже все готово. Въ комнатѣ стоитъ новая мебель; на кровати новыя подушки, новое стеганое одѣяло; въ комодѣ стопочками лежатъ бѣлье шитое и мѣченное все собственными руками Наташи. По кресламъ разложено офицерское пальто, сюртукъ, мундиръ; столъ заваленъ темляками, шарфами, эполетами, погонами. Но вотъ, радостная вѣсть приходитъ! Коля облачается въ новую форму, и Наташа съ умиленіемъ глядитъ на новоиспеченнаго офицера. Она взволнована не меньше своего мальчугана. Коля—офицеръ, Коля—свободный человѣкъ! Ученье, зубрежка, экзамены—всѣ эти мученія кончены. Надъ нимъ нѣтъ больше воспитателя, нѣтъ дежурнаго офицера, который въ любую минуту можетъ сдѣлать ему выговоръ, лишить его свободы, однимъ словомъ, распорядиться имъ, какъ вещью. Радостно и спокойно на сердцѣ у Наташи.

Коля выходитъ въ одинъ изъ Московскихъ полковъ, такъ что жить будетъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Все, это какъ нельзя лучше, устраиваетъ ихъ. Къ довершенію всѣхъ благъ Скарятины совершенно неожиданно получаютъ небольшое наслѣдство, и это даетъ имъ возможность расплатиться съ долгами и вздохнуть свободнѣе. Наташа подправила свой туалетъ и стала даже

выѣзжать съ сыномъ. Ихъ всюду встрѣчали съ распростертыми объятіями, въ особенности въ домахъ, гдѣ были барышни. Всѣ мамы одна передъ другой изощрялись въ любезностяхъ. Наташа не была такъ глупа, чтобы принимать все за чистую монету, и прекрасно предвидѣла всѣ ихъ планы и невысказываемыя мечты.

Но Коля былъ слишкомъ молодъ. О женитьбѣ не могло быть и рѣчи, и Наташа ревниво оберегала его отъ всѣхъ, разставленныхъ ему ловушекъ. Тогда всѣ мамы, понявъ, что ихъ планы разбиты, обрушились на Наташу.

— Помилуйте, да кто-жъ изъ матерей отдастъ свою дочь за молодого Скарятина! Вѣдь это прямо сгубить ее! Отъ свекрови житья не будетъ. Она прямо съѣстъ несчастную.

Всѣ эти слухи доходили до Наташи, и она отъ души смѣялась надъ ними. Но все-таки же продолжала оберегать Колю. Ей казалось, что онъ въ безопасности только съ нею. Она не любила, чтобы онъ бывалъ тамъ, гдѣ она не бывала. Ей ставили въ упрекъ, что она стѣсняетъ его, не даетъ жить ему. Она этого не постигала; ей казалось, что это ея долгъ, ея святая обязанность постоянно слѣдить за нимъ.

У нея были на это серьезныя причины. Андрей Александровичъ былъ немного неразборчивъ на знакомства и иногда вводилъ Колю въ совершенно неподходящія ему общества. Но къ счастью Коля мало увлекался женщинами. Слишкомъ большой успѣхъ избаловалъ его и такъ какъ добиваться ничего не приходилось, а все предлагалось прямо безъ боя, то и интересъ къ этому вопросу изсякъ у него очень быстро. А чтобы полюбить серьезно, искренно, глубоко, то вѣдь въ двадцать лѣтъ это немислимо.

Наташу въ особенности возмущало поведеніе молодыхъ замужнихъ женщинъ. Былъ ли то духъ новаго столѣтія, опростились ли до такой степени нравы человѣческіе, или можетъ быть слова: честь и нравственность получили теперь у людей совершенно другое значеніе, но Наташа не могла понять, не могла уяснить себѣ это поведеніе современныхъ женщинъ, найти для нихъ какое-либо оправданіе въ своей душѣ. Нисколько не стѣсняясь, онѣ выражали Колѣ далеко не духовную свою симпатію и только и мечтали о томъ, какъ бы заполучить въ свой тенета юнаго офицера!.. А дальше, дальше что? Наташа отлично понимала и сознавала, что придетъ время и „онъ уйдетъ“ отъ нея. Но только бы не такъ, только не такъ! А о *другомъ* теперь еще и рано было думать. Да она и стара-

лась не думать! Отгоняла всё эти назойливыя и горькія опасенія.

Она знала лишь одно: жизнь безъ него была немислима!

Наташа сидѣла за утреннимъ чаемъ. Она только-что проводила Колю въ полкъ. Андрей Александровичъ вошелъ съ газетою въ рукахъ.

— Читала? Нѣтъ, каковы мерзавцы! Кто бы могъ ожидать этого!

И онъ прочелъ ей о коварномъ нападеніи японцевъ на нашъ флотъ въ Портъ-Артуръ.

— Подумай, какова дерзость! Куда они лѣзутъ? Хотятъ потягаться съ нами! Ну, и достанется же имъ!

Извѣстіе поразило Наташу. Хотя она и прочитывала газеты, но политика не особенно интересовала ее. Вѣдь нужно же сознаться, что 1904 годъ встряхнулъ всѣхъ: всѣ занялись политикой. Жизнь на всемъ земномъ шарѣ пошла какимъ-то усиленнымъ темпомъ; событія неслись и смѣнялись съ быстротою молніи. Наташа вспомнила 1877 годъ, какъ она провожала на войну мужа. И, конечно, мысль, которая мелькнула у нея непосредственно за этимъ воспоминаньемъ, была—возможность теперь ухода на войну Коли. Все содрогнулось въ ней. Нѣтъ, нѣтъ! Этого быть не можетъ! Это было бы слишкомъ ужасно! И разумомъ и сердце отказывались принять такой ужасъ. Да, можетъ быть это еще и фальшивая тревога!

Но, что дѣлать! Послѣдующія событія заставляютъ убѣдиться, что фактъ на-лицо.

Война, война! загремѣло въ воздухѣ. Отвѣтитъ вооруженной силой на дерзкій вызовъ Японіи—послышалось свыше Мирное теченіе жизни возмутилось; русское человѣчество вспыхнуло ненавистью къ врагу. А сердца матерей, женъ, сестеръ при одной попыткѣ реализовать эту мысль, облились кровью. Когда начались только-что военныя дѣйствія, въ Москвѣ царилъ неподдѣльный энтузіазмъ; городъ жилъ лихорадочной жизнью; на улицахъ масса народа, въ особенности молодежи: устраивались шествія, манифестаціи: говорили, что „японцу зададутъ“. Что они могутъ выставить, эти желтыя обезьяны! Пятьдесятъ тысячъ не болѣе—шанками мы ихъ забросаемъ!

Но патріотическій подъемъ этотъ быстро исчезъ. Потому,

позднѣе все это перешло на субъективную почву. Возможность потерять мужа, сына, брата—вотъ что заставляло трепетать и до боли биться женскія сердца. Матерей Гракховъ у насъ больше нѣтъ! Въ одной изъ газетъ было напечатано разсужденіе о томъ, что выгода и сила Россіи въ томъ, что у нея неистощимый человѣческій матерьялъ. На это одна изъ многихъ русскихъ матерей отвѣтила: Для дѣтей, у которыхъ убьютъ отца, у жены—мужа, у матери—сына, матерьялъ этотъ истощается скоро“!

Цѣлый годъ ужасовъ промелькнулъ быстро.

Чемульно, Портъ-Артуръ, Ялу, гибель „Петропавловска!“ Всѣ сердца, всѣ умы напряжены. Господи, когда же конецъ? Когда? Его не предвидится. Ни одной побѣды, ни одного облегченнаго вздоха.

Вотъ уже и Московскіе полки тронули. Начинаютъ вырывать кучками, нужно пополнить исчезнувшіе тамъ въ этомъ аду, батареи, полки, батальоны...

Съ присущей ей сердечностью и торжественностью проводжала Москва всѣхъ отправлявшихся на Дальній Востокъ. Но, какъ ни странно, все населеніе раздѣлилось на два, совершенно противумыслиціе лагеря. Первую половину составляли настоящіе патріоты, которые если и не особенно смыслили въ политикѣ, но во всякомъ случаѣ сердечно и съ доброжелательствомъ относились къ нашимъ войскамъ, ушедшимъ и уходившимъ на Дальній Востокъ, радовались ихъ побѣдамъ и искренними слезами плакали надъ ихъ страданіями и пораженіями. Другую половину составляла озлобленная масса, враждебно относящаяся и къ арміи и ко всевозможному начальству (въ особенности къ военному); эти люди точно радовались нашимъ пораженіямъ и съ какимъ-го злорадствомъ говорили, что всѣ эти бѣды полезны Россіи, что онѣ ее отрезаютъ.

Сегодня Наташѣ какъ-то особенно тяжело и грустно. Коля въ караулѣ и вернется только завтра утромъ. Сердце чувствуетъ бѣду и болитъ и ноетъ. Мѣста она себѣ не находитъ. Ночь, конечно, проводитъ безъ сна. На другой день, услыхавъ, что онъ вернулся, она бѣжитъ къ нему навстрѣчу. Лицо веселое, беззаботное, но Наташа вопросительно смотритъ на него.

— „Ты знаешь, мамочка, говоритъ онъ быстро, какъ-бы желая одновременно и извѣстить объ угрожавшей опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе сказать, что ея уже нѣтъ, что она

миновала. Знаешь, мамочка, вѣдь меня вчера уже было назначили на Дальній Востокъ; но, представь себѣ, приѣхалъ Дмитрій Галицкій и просилъ меня уступить ему. Онъ почему-то ужасно хочетъ ѣхать туда. Я, конечно, согласился, и онъ на той недѣлѣ отправляется.

И Коля, видя испуганное и взволнованное лицо матери, обнимаетъ ее нѣжно,

— Ну, чего ты носъ повѣсила? смѣется онъ. Вѣдь миновало!

Да, миновало! Но она знала, чувствовала, что это только предупрежденіе, отерочка, но что ударъ не минуетъ ее и что чашу эту испить ей придется до дна.

И она не ошиблась. Въ мартѣ 1905 года она поѣхала проводить до Сызрани своего племянника, отправлявшагося на Востокъ; возвращаясь домой, она ясно чувствовала, что *быда* уже ждетъ ее.

Вотъ она входитъ въ квартиру; домашніе, встрѣчаютъ ее, но Коли между ними нѣтъ; она даже не спрашиваетъ объ немъ, она идетъ прямо къ нему въ комнату. Входитъ. Коля идетъ къ ней навстрѣчу и молча цѣлуетъ ее.

— Ну? и она жадно глядитъ на него.

— Мама, я назначенъ. 27-го долженъ выѣхать.

Она закрываетъ глаза и чувствуетъ, какъ вся холодбѣтъ и ноги подкашиваются.

— Я знала, тихо произноситъ она.

Ну, вотъ, свершилось! Какого чуда ждать ей теперь! Какъ и куда бѣжать отъ неизбежнаго.

Онъ покидаетъ ее, онъ уходитъ! И куда?.. Въ этотъ кровмѣшный адъ, въ этотъ край, гдѣ уже все залито кровью, гдѣ воздухъ весь пропитанъ стонами, страданіями, смертью, откуда нѣтъ возврата! И онъ, онъ, ея ненаглядный, долженъ ѣхать туда! Куда броситься, кого просить? Некуда и некого. Десятки тысячъ матерей уже оплакиваютъ своихъ сыновъ. Чѣмъ же она лучше ихъ, чѣмъ достойнѣе, чтобы избѣжать этого ужаса? Покорно склоняетъ она голову подъ занесенный мечъ и губы ея тихо шепчутъ: „Да будетъ воля Твоя“.

Двѣ недѣли сборовъ проходятъ скоро. Нужно купить и то, и другое. И бурку, и шапку, и складную постель, и котелочекъ. Нужно заказать шелковое бѣлье и теплыя валенки. Наташа ходитъ, ѣздитъ, покупаетъ, шьетъ; но дѣлаетъ это все,

какъ автоматъ. Все въ ней замерло. Мыслить она ни о чемъ не можетъ. Ночью проснется, и при одномъ воспоминаніи о дѣйствительности холодный потъ выступаетъ у ней, а сердце такъ стучить, что мѣшаетъ дышать.

Но вотъ и 27 марта. Холодный морозный день. Солнце яркими, огнистыми лучами заливаетъ ослѣпительно снѣжное поле передъ окнами ихъ корпусной квартиры, кое-гдѣ уже видны проталинки, а по дорогѣ уже стучать колеса. Пришелъ священникъ, отслужилъ напутственный молебенъ; по старинному обычаю сѣли, потомъ встали, перекрестились и начали собираться. Приѣхали на вокзалъ; уже тамъ шумно, тѣсно; вмѣстѣ съ Колей отправляются еще трое офицеровъ изъ его полка. Наташа старается ни на минуту не отходить отъ своего мальчугана, старается все время глядѣть на него, чтобы черты ея лица навѣки, навсегда запечатлѣлись въ ея памяти. Но его постоянно отзываютъ; да и народу собралось много его проводить; нужно каждому удѣлить хоть нѣсколько минутъ. Вѣдь они—эти знакомые, родные, чужіе—вѣдь они не понимаютъ, не думаютъ, что всѣ эти минуты отняты отъ нея!

Но вотъ всѣ офицеры Р—го полка, и уѣзжающіе, и провожающіе собираются въ одну группу. Приносятъ шампанское, и командиръ полка, поднимая бокалъ, громкимъ рѣзкимъ голосомъ говоритъ теплое задушевное слово отъѣзжающимъ. Называя каждого по имени, онъ говоритъ о его качествахъ и заслугахъ. Наташа стоитъ поодаль, опираясь на руку брата Андрея Александровича.

— Мы провожаемъ также самого младшаго члена нашей офицерской семьи—подпоручика Скарятина, украшеніе нашего полка... отчетливо раздается голосъ командира.

— Слышишь, Наташа! шепчетъ ей на ухо Сергѣй Александровичъ, ты можешь гордиться своимъ сыномъ!

Она слышитъ; но что ей въ томъ? Эту красоту, эту гордость отнимаютъ, берутъ отъ нея. И по какому праву! Кто смѣетъ! Отнять у матери сына, ея дѣтище, ея жизнь! Развѣ есть такой законъ? Какъ терпѣть это страна, народъ? И возмущенная душа трепещетъ и рвется. Но порывъ проходитъ, и она снова стоитъ безпомощная, убитая.

Первый звонокъ; идутъ къ вагонамъ. Теперь уже и Коля не отходить отъ матери и держать ее за руку. Всѣ толпятся около; каждому хочется быть поближе. Разговариваютъ о какихъ-то пустякахъ; кто-то кричитъ, чтобы ему привезли хорошенькую гейшу. Хохочутъ, болтаютъ, и всѣ оглично чув-

ствують, что все это напускное. Но вотъ второй звонокъ. Настроеніе сразу мѣняется; всѣ дѣлаются сосредоточенными, серьезными, начинаютъ прощаться. Наташа обхватываетъ руками голову Коли и замираетъ въ безконечномъ поцѣлуѣ. Его отрываютъ отъ нея; пора садиться. Офицеры вскакиваютъ на площадку вагона. Полковой оркестръ играетъ маршь, кричатъ „ура“, махаютъ платками, фуражками... поѣздъ тихо трогается...

— Коля!..

И Наташа, протягивая руки вслѣдъ уходящему поѣзду, падаетъ на колѣни, на платформу...

Ну вотъ его нѣтъ! Какъ она будетъ жить!

Вся въ слезахъ, убитая, вошла она въ его комнату. Вотъ его кровать, образокъ надъ ней; вотъ его вещи, разбросанныя по кресламъ и столу, бѣлье, не вошедшее въ маленькій дорожный сундучекъ, ненужная пара погонь, лишній шарфъ! Машинально перебираетъ она ихъ. Зачѣмъ теперь они? Куда ихъ дѣть? Можетъ быть, понадобятся, когда вернется?

Вернется! вернется!.. Какъ дико звучить это слово! Да развѣ это возможно: вернуться оттуда! изъ этого ада! Сколько ихъ туда уже ушло и не вернулось! Не вернулось—потому что оттуда нѣтъ возврата. Вотъ сегодня ночью, вмѣсто того, чтобы спать на своей постелѣ, подъ этимъ мягкимъ одѣяломъ, онъ будетъ спать въ вагонѣ, и много, много ночей пройдутъ такъ; а тамъ въ какой-нибудь фанзѣ, въ тѣсныхъ окопахъ, въ холодѣ, въ грязи; никто къ нему не подойдетъ, не поцѣлуетъ, не благословитъ, а тамъ, еще дальше... поле битвы, стоны раненыхъ, всѣ ужасы войны! Господь Милосердный, какими словами передать, что дѣлалось въ ея душѣ! Ея мальчикъ, ея сокровище! Съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой онъ все больше и больше удаляется отъ нея; и все ближе и ближе онъ къ тому неизвѣстному, страшному, ужасающему! И никакія силы, никакія молитвы не могутъ вернуть его. Господи, вотъ бы только еще разокъ поцѣловать и обнять его! Наташа становится на колѣни передъ кроватью и, опустивъ голову на осиротѣвшую подушку, горько, горько плачетъ...

Послѣ отъѣзда сына на войну, Андрей Александровичъ рѣшилъ покинуть кадетскій корпусъ. Не безъ труда и послѣ

многихъ хлопотъ, онъ получилъ мѣсто коменданта санитарнаго поѣзда. Наташа одобрила его намѣреніе. Она думала и надѣялась, что въ своихъ поѣздкахъ онъ будетъ со своимъ поѣздомъ доѣзжать до тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ находиться Коля, и хоть изрѣдка будетъ видѣться съ сыномъ или имѣть объ немъ прямыя извѣстія.

Наташа переѣхала на частную квартиру, и жизнь ея потекла грустно и одиноко. Одно время она рѣшила поступить въ сестры милосердія и для этого прослушала весь приготовительный курсъ въ одной изъ больницъ, но, заразившись, конечно, тамъ же трахомою глазъ, она должна была отказаться отъ этой мысли, такъ какъ ей долгое время пришлось возиться и лѣчить свои большыя глаза.

Первое время письма отъ Коли приходили часто; онъ писалъ со всѣхъ большихъ станцій. Но потомъ она стала ихъ получать все рѣже и рѣже. Между отправкой и получкой время все стало увеличиваться и достигло наконецъ своего максимума. т.-е. мѣсяца, а иногда и больше. Вотъ письма уже изъ Манчжуріи, съ китайскими названіями станцій и городовъ. Наташа купила себѣ карту военныхъ дѣйствій и вмѣстѣ съ газетными извѣстіями слѣдила, какъ японскій спрутъ все больше и больше захватывалъ своими щупальцами, какъ разстояніе отъ насъ до врага все укорачивалось... Вотъ Гунджугинь, вотъ Маймыкай, Куанчендзы, Сипингай... Здѣсь теперь, вотъ въ этой точкѣ ея ненаглядный!

А кто можетъ поручиться, что завтра эта точка, такая маленькая, такая ничтожная, но въ которой сейчасъ вотъ сосредоточилась вся ея жизнь, всѣ ея помыслы, что эта точка не очутится завтра въ лапахъ врага, что все тамъ будетъ сметено, уничтожено и что въ этомъ вихрѣ, въ этомъ ураганѣ исчезнетъ и ея сокровище, какъ былинка, какъ незамѣтная, крошечная песчинка!..

Кому какое дѣло до него! Онъ военный матеріалъ, онъ пушечное мясо. Неужели въ такія важныя политическія минуты государству есть время или оно обязанно думать о томъ, что вотъ теперь тысячи, десятки тысячъ матерей плачутъ и не могутъ утѣшиться, какъ ветхозавѣтныя Рахили о дѣтяхъ своихъ, которыхъ иныхъ ужъ нѣтъ, а иныхъ не будетъ завтра!..

Все длиннѣе и длиннѣе списки убитыхъ и раненыхъ. Сколько знакомыхъ именъ! Однихъ знала лично, другихъ по наслышкѣ. Вотъ послѣ этого осталась старуха-мать, вотъ у того—жена и дѣтки. А вотъ завтра или черезъ недѣлю она въ этихъ спис-

кахъ прочтеть и имя своего ненагляднаго! Вотъ письмо отъ него; онъ пишетъ, что здоровъ, чувствуетъ себя хорошо, дѣла большого не предвидится. Но письмо писано въ апрѣлѣ, а теперь—май. Прошелъ мѣсяцъ, дѣлный мѣсяцъ. Въ газетахъ было извѣстіе, что было дѣло тамъ-то и тамъ-то. Уцѣлѣли, конечно, не многіе. Можетъ быть, и его уже нѣтъ въ живыхъ! Можетъ быть, вотъ сейчасъ, когда она читаетъ это письмо, онъ уже лежитъ или мертвый, брошенный, или раненый, изуродованный! И онъ одинъ! Можетъ быть, даже зоветъ ея! А ея нѣтъ тамъ, возлѣ него!..

Чѣмъ она лучше другихъ, чтобы Господь помиловалъ ее! Чтобы этотъ ужасъ миновалъ ее! Почему и ей не пить чаши, которую пьютъ теперь всѣ осиротѣвшія матери и жены! Нѣтъ, конечно! и иногда она и не надѣялась больше. Она только думала о томъ, какъ она узнаетъ это, какимъ образомъ эта вѣсть дойдетъ до нея! Прочтеть ли она это въ газетахъ, получить ли письменное сообщеніе, что сынъ ея умеръ героемъ, или просто убить осколкомъ гранаты, или пропалъ безъ вѣсти!.. Она не знала. Но эта картина, картина полочки этого извѣстія была у нея постоянно передъ глазами. Ну вотъ, предположимъ, она узнала! Вѣсть эта поразила ея сознание. И что-жь! Она жива еще? Что съ ней? Что она сдѣлаетъ?.. И ей всегда казалось, что, если бы это случилось, она закричала бы, закричала бы такъ, какъ долженъ кричать человѣкъ, котораго убиваютъ, дикимъ, звѣринымъ крикомъ и что съ этимъ крикомъ отлетѣла бы и ея душа! Потому что дальше—ничего!.. Его нѣтъ и ничего нѣтъ! Не можетъ быть! И съ такими мыслями прожила она годъ, больше года... Какъ выносилъ человѣкъ! Онъ и самъ не знаетъ, что онъ можетъ пережить и вынести!

Какъ ни странно покажется, но среди этого безпросвѣтнаго горя, выдалось нѣсколько свѣтлыхъ минутъ, конечно, относительно. Это были тѣ минуты, когда она напутствовала своимъ материнскимъ благословеніемъ и обѣтомъ молиться за нихъ нѣкоторыхъ товарищей Коли; которые, отправляясь тоже на театръ военныхъ дѣйствій, заѣзжали нарочно къ ней проститься въ память той любви и ласки, которыми она ихъ дарила во времена ихъ юности. Это глубоко трогало ее и во все время войны вплоть до ихъ возвращенія, имена ихъ въ ея молитвѣ слѣдовали непосредственно за дорогимъ именемъ ея мальчугана.

А что дѣлалось тамъ, на Дальнемъ Востоку! Страшно подумать. Ни одной утѣшительной вѣсти! Пораженія за поражениями! Мукденъ, Лаоянь и наконецъ кровавый день Цусимскаго боя! Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Всѣ надежды рухнули. Если Москва была потрясена, то что сказать о Петербургѣ? Онъ весь облекся въ трауръ. Кажется, не было дома, семьи, гдѣ бы кого-нибудь не оплакивали. Встрѣчаясь на улицѣ, прѣзжая къ знакомымъ, говорили только объ этомъ ужасѣ. Недовольство противъ правительства росло. Немировичъ-Данченко въ своихъ статьяхъ „Слѣпая Война“ облекъ всѣ эти невысказанныя мысли въ слова. Изъ-за его статей даже розничная продажа той газеты, гдѣ онѣ печаталась, была воспрещена. Всѣмъ досталось отъ него, отъ мала до велика. Онъ доказывалъ, что одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ нашихъ неудачъ происходитъ отъ розни, которая существуетъ между начальствомъ и солдатомъ. Онъ осуждалъ начальство за то, что оно обезличиваетъ солдата. И въ этомъ онъ былъ правъ. Вѣдь солдатамъ воспрещалось думать самостоятельно.

Наташа знала взглядъ Коли на это. Она знала, какъ онъ былъ любимъ въ полку этой меньшей братіей, и потому въ письмахъ своихъ къ нему она часто и много говорила съ нимъ объ этомъ предметѣ. Она совѣтовала ему стараться поднять ихъ нравственный уровень, попробовать разсѣять ту страшную тьму, которой полны ихъ головы, взглянуть на солдата, какъ на человѣка, у котораго есть своя личная жизнь, личные интересы, личное горе; войти въ его положеніе, какъ человѣка ограниченнаго строгой рамкой дисциплины, достучаться до его души, до его ума; поднять его самого въ его собственныхъ глазахъ. Неужели это *только* пушечное мясо, которое безъ мысли, безъ желанія должно идти въ бой? Вѣдь, если интеллигентная часть общества не понимала смысла этой волны, то какъ же должно было быть тяжело имъ, этимъ несчастнымъ! Но ихъ легче успокоить, легче объяснить все, они не такіе требовательные, они будутъ довольны малымъ.

У Коли былъ денщикъ; по его отъѣздѣ онъ остался въ Москвѣ; но такъ тосковалъ по немъ, что рѣшилъ отправиться на войну. Въ послѣднихъ числахъ мая была отправлена на Востокъ изъ Р—аго полка партія солдатъ въ 250 человѣкъ, и Петръ отправился съ нимъ въ надеждѣ, что ему удастся розыскать тамъ своего барина. Грустная и взволнованная Наташа простилась съ нимъ, дала ему денегъ на дорогу и письмо къ Колѣ. Ее несказанно трогала эта привязанность; и она ее цѣ-

нила гораздо больше, чѣмъ любовь и хорошія отношенія къ Колѣ его начальства и товарищей.

Но вотъ и августъ 1905 года. Витте уѣзжаетъ въ Америку для переговоровъ. Портсмуть—вотъ точка, на которую устремлено теперь все вниманіе Россіи. Будетъ ли это Портъ-Смутъ или Портъ-Мира, какъ говорили тогда? Въ газетахъ вѣсти съ театра войны плохія, настроеніе натянутое. А если бы знать, какъ натянуты нервы у всѣхъ тѣхъ, у кого на поляхъ Манчжуріи есть дорогіе сердцу. Иногда кажется, что и не выдержать этого страха и тоски. Хочется уйти куда-нибудь, далеко, далеко отъ людей, отъ самой себя. Говорятъ о возможности большого, небывалаго боя. И значить опять пораженія, опять гекатомбы убитыхъ! Вѣдь въ той войнѣ у насъ нѣтъ ни одной побѣды. Говорятъ о свиданіи Государя съ Императоромъ Вильгельмомъ въ Біоркѣ, хотя Витте и опровергаетъ эти слухи.

Вотъ они, всѣ эти пункты Портемутскаго договора! Но какую мать или жену интересуютъ они? Прекратилась рѣзня—чего же больше? И всѣ возносятся къ Богу самыя искреннія и теплыя молитвы. Что же касается Сахалина, Ляодуна, Квантуна и т. д., то все это для большей части русскихъ одни пустые звуки!..

Но накопецъ миръ заключенъ, и сердца русскихъ вздохнули свободнѣе.

Какъ изобразить, какъ описать и передать то, что чувствуетъ Наташа! Ея положеніе схоже съ положеніемъ человѣка, обреченнаго на смертную казнь и которому читаютъ помилованье!

Сначала испугъ, оцѣпенѣніе, потомъ сознаніе совершившагося и радость, безконечная радость. Вотъ письмо, написанное ею Колѣ послѣ заключенія мира:

„Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ! Съ какимъ чувствомъ я пишу тебѣ эти слова—ты самъ поймешь, мой хорошій, дорогой, родной! Слово нѣтъ, чтобы сказать, какъ бьется мое сердце, слезы застилаютъ глаза, и вся я, все мое существо стремится къ тебѣ, моему ненаглядному, дорогому сынишкѣ! Но, какъ и всѣ измученные и изстрадавшіеся люди, я не смѣю еще, не могу вѣрить моему счастью! Не вѣрю, что придетъ минута (о времени я уже не говорю), что я тебя увижу, обниму, дотронусь руками до твоихъ глазъ, волосъ, до всего тебя... буду ласкать, ласкать тебя безъ конца!.. О, мой родной! вѣдь знаешь ли,

вотъ уже полгода, что я стараюсь приучить себя къ мысли, къ этой страшной, ужасной мысли, что я могу тебя больше не увидѣть! Вотъ шесть мѣсяцевъ, какъ душа моя умираетъ каждый день! И вдругъ, третьяго дня сердце встрепенулось уже не такъ болѣзненно, искра свѣта, счастья мелькнула въ моей измученной душѣ. Проснулась надежда! Господи, какъ много это значитъ! Вѣдь, пойми—ты, ея *не было* у меня! Я каждый день готовилась къ неизбѣжному несчастью и только все думала, какъ придетъ мнѣ вѣсть о немъ, *какимъ образомъ* поразить оно меня! Но не хочу больше говорить объ этомъ. „На землѣ миръ“! Будемъ молиться теперь только Господу, чтобы Онъ довершилъ свое милосердіе и далъ намъ встрѣтиться въ счастья и радости“...

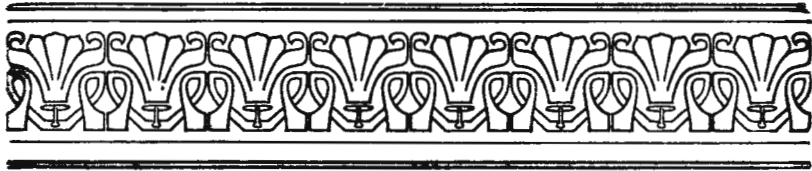
Но, Боже, какъ долго пришлось ей еще ждать завѣтной минуты! Сколько понадобилось времени, чтобы вернуть весь этотъ человѣческій потокъ по одноколѣйной Сибирекой дорогѣ!

Андрей Александровичъ дѣлаетъ уже пятый или шестой рейсъ въ Манчжурію со своимъ санитарнымъ поѣздомъ. Каждый разъ поѣздъ привозитъ цѣлыя партіи раненыхъ. Скарятинъ доволенъ своей службой; онъ можетъ здѣсь примѣнить свою энергичную и неутомимую дѣятельность. Но надежды Наташи о возможности свиданія отца съ сыномъ не сбываются. Ужъ очень трудно тамъ въ этомъ безпорядкѣ, на этомъ громадномъ пространствѣ найти другъ друга. Понемного начинаютъ двигаться и наши войска. Не съ триумфомъ и славою возвращаются они, эти незамѣтные герои, покорно подставлявшіе свои головы и груди подъ удары непріятеля. Не по своей, а по чужой волѣ возвращаются они, побѣжденные, раненые, изуродованные, безславные! Не хвалебными гимнами, не побѣдоносными кликами встрѣчаютъ ихъ родина, сама залитая вся кровью междоусобной войны. Иные изъ нихъ съ дороги, иные уже изъ центра бредутъ и расходятся по своимъ угламъ. Горе тѣмъ, которымъ уже ждать некого! Могильная тишина вокругъ нихъ не прерывается радостнымъ трепетомъ возвращенія и воскресенія изъ мертвыхъ. Но за то тамъ, гдѣ ждутъ, гдѣ надѣются—какой восторгъ, какая радость, какое блаженство! Только бы не было какихъ перемѣнъ, только бы не случилось что въ дорогѣ.

М. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дѣло о кражѣ книгъ изъ Императорской Публичной библіотеки д-ромъ богословія, нѣмцемъ, Алоизіемъ Пихлеромъ.

Просматривая старые журналы и газеты для своей научной работы, я случайно наткнулся на одно уголовное дѣло—дѣло крупной важности, которое въ свое время сильно взволновало наше общество, особенно столичное, но которое оказалось для меня совершенною новостью и, думаю, окажется таковою и для многихъ, кромѣ меня. Оно тѣмъ болѣе интересно, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ переживаемому нами грозному моменту исторіи, прибавляя еще одинъ штрихъ къ достаточно уже ясно опредѣлившемуся мрачному облику „культуртрегерской“ нѣмецкой націи.

Дѣло вотъ какого рода.

Въ 1869 году прибылъ изъ Баваріи въ С.-Петербургъ капелланъ и лекторъ Мюнхенскаго университета, докторъ богословія, Алоизій Пихлеръ ¹⁾. Въ Россію онъ явился по приглашенію нашего правительства. Суть въ томъ, что Пихлеръ заявилъ себя на первыхъ порахъ своей ученой карьеры въ Мюнхенѣ, какъ солидный ученый и особенно выдвинулъ свое имя сочиненіемъ, затрагивавшимъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ и въ настоящую пору вопросовъ—о соединеніи церковей православной и католической. Эта его работа подъ заглавіемъ. *Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient u.*

¹⁾ Въ Мюнхенскій университетъ онъ былъ приглашенъ въ качествѣ приватъ-доцента безъ жалованья.

Occident, попавшая даже въ Римскій Индексъ (списокъ запрещенныхъ книгъ). Поддерживаемый извѣстнымъ Деллингеромъ, къ школѣ котораго онъ и принадлежалъ, этотъ католическій священникъ сумѣлъ завоевать симпатіи нѣкоторыхъ правящихъ лицъ въ Россіи и такъ какъ писалъ въ духѣ православномъ, то русское правительство предложило ему продолжать работать въ этомъ духѣ съ обѣщаніемъ вознагражденія за его труды. Работа очевидно оплачивалась хорошо, такъ какъ въ 1871 г., когда возникло объ этомъ субъектѣ дѣло, при обыскѣ у него, сына простого столяра и прачки, буквально *нищого* студента (онъ, готовясь поступить въ университетъ по окончаніи гимназій, собиралъ милостыню), доцента безъ жалованья, чрезъ 2 года послѣ отъѣзда изъ Баваріи, было найдено 9/10 бумагъ на 10 тысячъ рублей и кромѣ того значительная сумма въ банкирской конторѣ Лампе.

Первое время послѣ завязавшихся сношеній между нимъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Пихлеръ продолжалъ работать, живя за границей и все по тому же вопросу о соединеніи церквей и въ духѣ, какъ и раньше. Затѣмъ, получивъ приглашеніе отъ русскаго правительства переселиться въ Россію, онъ рѣшилъ покинуть свой фатерландъ и ѣхать въ Петербургъ.

Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, онъ обратился къ баварскому министру народнаго просвѣщенія съ запросомъ: дадутъ ли ему мѣсто съ жалованьемъ и какимъ? Ему отвѣтили отрицательно, и Пихлеръ въ іюлѣ 1869 года прибылъ въ Петербургъ, былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ жалованьемъ въ 3 тысячи рублей въ годъ и зачисленъ сверхштатнымъ бібліотекаремъ Императорской Публичной бібліотеки ¹⁾ съ правомъ безконтрольнаго пользованія книгами. Надо замѣтить, что русскаго языка Пихлеръ совершенно не понималъ. Скоро онъ однако обратилъ на себя вниманіе своимъ усердіемъ, трудолюбіемъ и полезною дѣятельностью на столько, что даже удостоился получить орденъ Станислава 2-ой степ. Тогдашній бібліотекарь, — будущій графъ Деляновъ, былъ отъ него въ восторгѣ ²⁾. Вообще, Пихлеръ принятъ былъ въ Петербургѣ съ распростертыми объятіями. Имъ интересовались и въ высшихъ сферахъ; его часто приглашала къ себѣ великая княгиня Елена Павловна. Характеренъ, по этому послѣднему поводу, слѣдующій случай.

¹⁾ Ему собственно поручалось завѣдываніе только богословскимъ отдѣломъ.

²⁾ Деляновъ былъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Однажды Пихлеръ, несмотря на приглашеніе великой княгини, не пріѣхалъ къ ней и на вопросъ, почему онъ не былъ, отвѣтилъ: потому, что за нимъ не прислали придворной кареты, а онъ не на столько богатъ, чтобы имѣть свою. И послѣ этого каждый разъ карета посылалась.

Изъ Петербурга Пихлеръ уѣзжалъ, по порученію министерства, на конгрессъ католическаго духовенства въ Римъ, т.-е. на тотъ Ватиканскій соборъ, который подтвердилъ догматъ о непогрѣшимости папской. Но все это между прочимъ. А суть дѣла этого проходимца въ томъ, что, пріѣхавъ впервые въ Петербургъ въ іюль 1869 г. и обласканный далеко выше мѣры и заслугъ, онъ уже въ августъ того же 69 года началъ свою разрушительную работу.

Въ залы бібліотеки онъ входилъ обыкновенно въ пальто и галошахъ, ссылаясь на то, что ему якобы холодно работать. Книгъ, собственно говоря, онъ не читалъ (въ чемъ же была его заслужившая ему высокую награду полезная дѣятельность)? А только быстро просматривалъ, часто уходилъ и снова возвращался, записокъ о взятіи книгъ на домъ не оставлялъ; словомъ, велъ себя необычно и крайне подозрительно, но вѣдь онъ былъ нѣмецъ ¹⁾, да еще въ какомъ фаворѣ у сильныхъ міра сего!

Все шло такимъ образомъ прекрасно для г-на Алоизія Пихлера, но однажды бібліотекарь той же Публичной бібліотеки, т.-е. его сослуживецъ, завѣдывавшій иностраннымъ отдѣломъ, не нашелъ на полкахъ ни болѣе, ни менѣ какъ 70 томовъ Вольтера, при чемъ Вольтеръ не значился ни за кѣмъ изъ бібліотекарей, ни за читателями зала. Это смутило бібліотекаря; началась провѣрка, и скоро обнаружилась громадная и систематическая кража книгъ.

У одного изъ бібліотекарей — Соболевцова, подозрѣніе сразу пало на Пихлера. Обратились къ директору съ просьбою разрѣшить произвести у нѣмца обыскъ, но Деяновъ и слышать не хотѣлъ. У такого знаменитаго ученаго, окруженнаго ореоломъ европейской славы, и вдругъ обыскъ—это невозможно (слова графа).

Самъ Пихлеръ, какъ истый мошенникъ, принялъ дѣятельное на видъ участіе въ раскрытіи кражи. Онъ указывалъ и устно и письменно, кому считалъ нужнымъ, на „подозрительныхъ по его мнѣнію, читателей, шатающихся по отдѣленіямъ и рою-

¹⁾ А тогда добрая половина штата главныхъ служащихъ въ бібліотекѣ состояла изъ нѣмцевъ и вообще изъ иностранцевъ.

щихся по полкамъ“ и съ нескрываемымъ презрѣніемъ и сознаниемъ собственнаго достоинства, кинулъ разъ слѣдующую фразу самому Делянову: „такія вещи могутъ случаться только въ Россіи“.

Дѣло въ концѣ чуть было не заглохло, и Пихлеръ продолжалъ, не взирая на обнаруженіе кражи, свою „полезную“ дѣятельность, но произошелъ слѣдующій казусъ. Прорвалась труба водопровода (возопили камни), залила подвальные помѣщенія, гдѣ квартировали сторожа библиотечки. Ихъ пришлось переселить временно въ канцелярію и библиотекари должны были приходиться въ библиотеку не со двора, а съ параднаго хода мимо швейцара. И тотъ же неугомонный Соболичковъ на свой рискъ и отвѣтственность отдалъ швейцару приказъ слѣдить за Пихлеромъ.

Предупредительный и вѣжливый швейцаръ, замѣтя разъ подозрительность въ одеждѣ Пихлера, кинулся къ нему съ щеткою почистить сюртукъ и, какъ ни увертывался нѣмецъ, дотронулся до его спины. Ощупавъ тамъ книгу, онъ закричалъ въ канцелярію. Явился Соболичковъ, помощникъ директора Бычковъ, завѣдующій хозяйственною частію Плетеневъ, и изъ-подъ сюртука Пихлера изъ особо устроеннаго мѣшка былъ извлеченъ толстый фоліантъ средневѣковаго изданія твореній св. Амвросія. Все стало ясно.

Но Пихлеръ мгновенно овладѣлъ собою и сказалъ, что онъ, будучи разъ задержанъ сторожемъ съ нужной ему книгой, рѣшилъ, во избѣжаніе такихъ препятствій, проносить для своихъ занятій книги скрытно.

— Но вѣдь правила библиотечки запрещаютъ безусловно скрытный проносъ книгъ, возразилъ Соболичковъ. На это Пихлеръ не нашелъ ничего лучшаго сказать, какъ то, что онъ не знаетъ всѣхъ правилъ библиотечки (хотя самъ участвовалъ въ конференціи по поводу выработки этихъ правилъ), да и вообще ему, какъ ученому и библиотечкару, неудобно выполнять всѣ эти правила.

— Но, скажите, сколько у васъ книгъ? допрашивали его. Книгъ 100 будетъ?

На это онъ негодуяще отвѣчалъ, что у него всего 5—6 книгъ.

Отправились въ его квартиру на В. Конюшенную. Возшли. Пихлеръ съ первыхъ словъ заявилъ, что хотя въ его квартирѣ и нѣсколько комнатъ, но онъ живетъ въ одной; остальные холодны, пусты и запорты.

Въ первой комнатѣ на стлахъ, дѣйствительно, было найдено

только 5—6 книгъ, но, когда отворили книжны й шкафъ, то въ немъ оказалось до 100 книгъ изъ бібліотеки. Заглянули во 2-ю комнату, которая не была пуста, и нашли книгъ 200; въ 3-й комнатѣ, дѣйствительно пустой, изумленнымъ взорамъ бібліотекарей представились груды книгъ до 2 аршинъ высоты, лежавшія вдоль стѣнъ комнаты въ полномъ безпорядкѣ. Тутъ среди книгъ были и роскошные фаліанты, дорогія изданія; между ними найдено одно хранившееся въ запертой витринѣ. Эта книга была въ великолѣпномъ переплетѣ съ серебряными украшеніями, которыя оказались сорванными и куда-то сбыты. Штемпеля и орлы бібліотечные на книгахъ оказались тщательно вытравленными, даже на переплетахъ сорваны этикетки, а взамѣнъ ихъ наклеены ярлыки съ надписью: *Ex bibliotheca Pichleriana*.

Позвали полицію; составили протоколъ. По описи найдено было всего 4.372 книги. Часть ихъ была сложена въ ящики тщательно и крѣпко забита. Видимо, ихъ собирались отправить за границу.

Тутъ къ дѣлу примѣшалась и проживавшая съ Пихлеромъ его двоюродная сестра, Кресценція Виммеръ, которая заявила, что подскабливала и заклеивала книги она безъ вѣдома Пихлера, желая привести въ порядокъ книги, которыя она считала принадлежащими брату и что, когда послѣдній увидѣлъ ея работу, то былъ въ отчаяніи отъ ея непрошеннаго усердія.

Но сдѣлавъ такое заявленіе, явно неправдоподобное, она тотчасъ же по окончаніи обыска, просила свою сосѣдку по квартирѣ сходить за извозчикомъ, чтобы свезти ящики на Варшавскій вокзалъ, и только полиція воспрепятствовала этому. Книги, найденныя въ квартирѣ Пихлера, понятно, были водворены обратно въ бібліотеку, но значительная ихъ часть, несомнѣнно, была уже раньше отправлена за границу, и судьба ихъ неизвѣстна. Цифра краденыхъ сокровищъ бібліотеки въ общемъ до 60 тысячъ рублей.

Произведеннымъ 13 марта того же года вторымъ обыскомъ были найдены сюртукъ съ особымъ мѣшкомъ на спинѣ и 229 карточекъ алфавитнаго каталога бібліотеки. Такимъ образомъ Пихлеръ похищалъ не только книги, но и карточки, затрудняя тѣмъ дѣло раскрытія кражи въ подробностяхъ и замечая слѣды. Не имѣя карточки, обнаружить пропажу книги можно было только на основаніи инвентарныхъ погодныхъ или годовыхъ записей, что въ то время представляло громадную трудность.

5 марта Пихлеръ далъ слѣдующее показаніе на нѣмецкомъ языкѣ.

Его превосходительству, господину статсъ-секретарю директору Императорской публичной библіотеки, тайному совѣтнику всепреданнѣйшее прошеніе. Нижеподписавшійся приноситъ горестное добровольное сознание, что онъ, въ качествѣ библіотекаря, тайно взялъ домой, болѣе 4¹/₂ тысячъ книгъ и на большей части ихъ уничтожилъ библіотечные знаки. Дѣлая это чистосердечное сознание вины, онъ проситъ не передавать это дѣло въ судъ, а дозволить ему безпрепятственный выѣздъ за границу. С.-Петербургъ, 5/17 марта, 1871 г. докторъ Пихлеръ. И онъ, видимо, былъ увѣренъ, что этимъ дѣло и кончится и имѣлъ основанія надѣяться на это.

Недаромъ ходили злые слухи, что въ свое сознание и прошеніе на имя Делянова онъ приписалъ знаменательную по наглости фразу, что обязуется за это (за избѣжаніе суда) никакихъ претензій къ русскому правительству не имѣть.

Хотя документально помѣщенія имъ этой приписки доказать нельзя, но невольно вспоминается по этому поводу итальянская поговорка: *si non e vero, e ben trovato*.

Извѣстный своимъ либерализмомъ и прямолинейностью тогдашній „Голосъ“ сильнѣе другихъ органовъ печати реагировалъ по поводу этого возмутительнаго казуса, подчеркивая нѣмецкое происхожденіе Пихлера, чѣмъ вызвалъ остервенѣлую и своеобразную, чтобы не сказать болѣе, отвѣдъ тогдашней Петербургской нѣмецкой газеты, которая писала между проч. по этому поводу: мы слышали, что Пихлеръ едва-ли можетъ считаться нѣмцемъ, хотя онъ родомъ изъ Германіи и носить нѣмецкое имя (?!), и травила эту русскую газету, обвиняя ее въ возбужденіи ненависти національной.

Пихлеръ не миновалъ суда, какъ ни отвертывался отъ него. Этотъ судъ надъ нимъ состоялся въ Петербургѣ 24 іюня 1871 г.

Къ засѣданію прибыли великіе князья Константинъ Николаевичъ и Николай Константиновичъ въ сопровожденіи управляющаго министерствомъ юстиціи Эссеномъ, предсѣдательствовалъ И. И. Шамшевъ; обвинялъ тов. прок. О. А. Кобылинъ; гражд. истцомъ со стороны библіотеки выступалъ В. Н. Стасовъ; защищалъ извѣстный юристъ К. К. Арсеневъ, привлечена была и сестра Пихлера. Присяжные оправдали ее, какъ дѣйствовавшую подъ вліяніемъ послѣдняго.

Арсеневъ говорилъ 2¹/₂ часа. Онъ рисовалъ его больнымъ такъ называемою библіоклептоманіей.

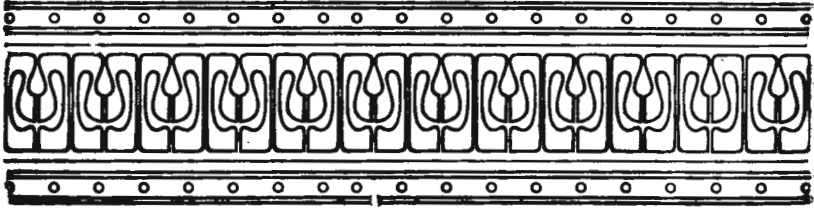
Пихлеръ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ по лишеніи особыхъ правъ и преимуществъ къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію.

Но Тобольской губ. онъ не увидалъ. По ходатайству баварскаго правительства, онъ былъ возвращенъ съ дороги и высланъ за границу.

О дальнѣйшей его судьбѣ и концѣ жизни бесѣду откладываемъ.

Н. А. Соловьевъ.

По родной землѣ.

(Преданія и легенды глухихъ уѣздовъ).

I.

Между двухъ волнъ.

Часто глухіе медвѣжіе углы нашей родины служатъ въ литературѣ мѣриломъ некультурности: „Это можетъ быть лишь въ какомъ-нибудь Царевококшайскѣ“—вотъ избитая фраза, которую приходится слышать изъ устъ нашихъ столичныхъ писателей. Но если внимательно къ этимъ глухимъ медвѣжьиимъ угламъ присмотрѣться, то мы увидимъ, что подъ пылью некультурности скрываются порой имѣющія большой научный интересъ преданія и легенды.

Г. Ядринъ Казанской губ.—это одинъ изъ тѣхъ русскихъ городковъ, которые рѣдко намѣчаются на географическихъ картахъ. Около города Ядрина сходятся чуть-ли не въ одну точку границы трехъ губерній: Казанской, Симбирской и Нижегородской, а самъ городъ является, какъ-бы, водораздѣломъ между двухъ еще не отжившихъ свой вѣкъ теченій—сектантствующей и языческой Руси.

...Вѣковой отецъ раскола Керженецъ перебросилъ черезъ Волгу свои ветхозавѣтные щупальцы и Васильскій уѣздъ Нижегородской губ., соприкасающійся съ Ядринскимъ, сплошь кишитъ сектантами всевозможныхъ толковъ. Въ Бѣлавкѣ, Шнырихѣ, Майданѣ, Воротынцѣ можно найти представителей 25 вѣръ, начиная съ австрійцевъ и кончая жуткимъ толкомъ душителей, пускающихъ „Красную смерть“ и тайно хоронящихъ

своихъ усопшихъ среди глухой ночи въ молчаливыхъ рѣдко выдающихся тайну лѣсахъ.

Характерный штрихъ русской жизни—въ Бѣлавкѣ, лежащей въ десяти верстахъ отъ г. Ядрина, православный храмъ сплошь окруженъ раскольниками безоповскаго толка.

По другую сторону отъ Ядрина въ вѣковыхъ лѣсахъ стоятъ еще не срубленными кряжистые дубы—языческаго бога „Керемети“. Недалеко чуть-ли не подъ самымъ Ядриномъ, лѣтомъ среди желтѣющей ржи черной плѣшиной виднѣется не запаханное пространство. Чувашиицъ лучше заѣдетъ на чужую полосу, нежели тронетъ то мѣсто, гдѣ когда-то по преданію стоялъ дубъ Керемети...

Къ сожалѣнію, приходится сознаться, что наши учебники географіи рѣзко расходятся съ жизненной географіей. Географія учитъ, что чуваша озарены свѣтомъ христіанства, а жизнь доказываетъ противоположное.

— Гаврила, спрашиваю я чувашина, исполняющаго у меня черновую домашнюю работу, — знаешь ли ты что-нибудь о Богѣ?

Гаврила съ полнымъ сознаниемъ собственнаго достоинства отвѣчаетъ:

— Снаемъ, какъ не спать-то! А какого тебѣ Бога надо, Михайлычъ?!

— Какъ какого?!—удивляюсь я, но Гаврила ничего не смущаясь продолжаетъ:

— Богъ, Михайлычъ, бываетъ разный: есть Богъ Микола, Богъ Христось... Много есть Бога...

Живя среди чувашъ, я хорошо знакомъ съ міровоззрѣніемъ рядового чувашина... Еще навѣрно у многихъ свѣжа въ памяти корреспонденція изъ одного, тоже лежащаго среди чувашъ. городка Казанской губ., въ которой описывалось, какъ чуваша поклонялись старой рѣзной иконѣ, хранящейся на колокольнѣ, и чуть-ли не требовали въ голодные годы, чтобы этой иконою обносились поля, а въ селѣ Ишаки Казанской губ. рядомъ съ глубоко чтимой чувашами церковью Торы (бога) Микола, находится не менѣе чтимый колодецъ кучера Торы Микола...

А вотъ бытовая картинка изъ жизни чувашъ.

Въ храмъ приходитъ сельскій староста чувашинъ съ женой. Покупаетъ свѣчку и, подойдя къ иконѣ Торы Микола, говоритъ:

— Тора Микола сана (тебѣ) свѣчка. Я сельскій староста, а это моя баба! Гляди, какъ мы тебѣ крестимся...

Приведенные примѣры живые свидѣтели настоящей жизни,

а попадающіяся тутъ и тамъ по Ядринскому уѣзду деревянныя, каменные часовенки безмолвные свидѣтели того соціального потрясенія русской жизни,—которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ „пугачевщины“...

Питая глубокою любовь къ родной старинѣ, я старался узнать отъ старожилъ г. Ядрина его исторію, но къ несчастію всѣ мои старанія давали слабыя результаты. Въ имѣющихся въ г. Ядринѣ женской гимназіи и въ реальномъ училищѣ и даже въ Городской управѣ я не могъ найти ни малѣйшаго слѣда, проливающего свѣтъ на историческое прошлое г. Ядрина...

— Если интересуетесь, то почитайте очерки родиновѣдѣнія Казанской губ.,—г-на Спаскаго, совѣтовали мнѣ педагоги. Прочелъ и не удовлетворился слабой попыткой изъ кабинета описать живую жизнь. Хотѣлось во что-бы-то ни стало отыскать живой человѣческой документъ, могущій приподнять завѣсу съ далекаго прошлаго...

Помогла случайность... Разговорился какъ-то съ соборнымъ сторожемъ, словоохотливымъ старичкомъ, и онъ рассказалъ мнѣ, что у нихъ въ соборѣ хранится документъ о томъ, какъ шелъ на г. Ядринъ Пугачевъ...

— Неужели никто изъ педагоговъ не поинтересовался этимъ документомъ, удивленно спросилъ я сторожа.

— Никто, милъ человѣкъ, не интересовался... Вотъ сколько годовъ служу, да и отецъ служилъ, а никому и дѣла не было до этого документа...

Документъ у меня въ рукахъ; это не что иное, какъ лѣтопись, заведенная съ 1867 года по приходской Троицкой церкви Казанской епархіи города Ядрина, который въ старину принадлежалъ епархіи Нижегородской...

Какой-то неизвѣстный священнослужитель началъ писать эту лѣтопись въ 1867 году и въ 1867 году поставилъ на лѣтописи окончательную точку.

Мнѣ, пишетъ лѣтописецъ, о самомъ нападѣніи на городъ Ядринъ Пугачева рассказывалъ 70-ти лѣтній старикъ, сынъ того отца, который сражался противъ Пугачевской шайки...

Передаю въ литературной обработкѣ этотъ рассказъ.

...Емельянъ Пугачевъ шелъ на Казань черезъ городъ Курмышъ Симбирской губерніи, который отъ города Ядрина находится въ 12 верстахъ по рѣкѣ Сурѣ... Мордва, жившая въ селѣ Шакино Нижегородской губ., находящемся отъ Ядрина въ 10 верстахъ, а отъ Курмыша въ 6-ти верстахъ, узнавъ, что

Пугачевъ, какъ царь приказываетъ вѣшать господъ и причты церковные, обирающіе народъ, устремилась на городъ Ядринъ для этой цѣли. Въ авангардѣ была выслана мордовка съ возомъ петлей.

Ядринцы ее поймали и, привязавъ къ оглоблѣ у запряженной лошади, гоняли по городу, при чемъ били кнутомъ по лошади одинъ разъ, а по мордовкѣ пять разъ, и такимъ образомъ замучили мордовку до смерти. За мордовкой тронулась на городъ густой толпой мордва, вооруженная косами, дубинами и обожженными кольями...

Ядринцы, увидѣвши мордву, ударили въ набатъ по всеѣмъ церквямъ. Вынесли иконы и вооружились ружьями, пушками, саблями и пиками...

Мордва была разбита наголову.

Въ память этого пораженія ядринцы по Шокинской дорогѣ поставили три часовни надъ убиенными изъ гражданъ (часовни стоятъ и сейчасъ).

Въ городъ Ядринъ Пугачевъ не заѣхалъ, а проѣхалъ 20-го іюля черезъ г. Курмышъ. Вблизи г. Курмыша, на другой сторонѣ рѣки Суры и понынѣ стоитъ село „Ильина гора“. Дѣдушка мой, повѣствовалъ старикъ лѣтописцу, въ это время былъ тутъ дьячкомъ.

На Ильиной горѣ 20-го іюля храмовой праздникъ, и причтъ, въ числѣ коего былъ и мой дѣдушка, служилъ передъ обѣдной молебны. Вдругъ ѣдетъ казакъ и кричитъ громкимъ голосомъ:

— Встрѣчайте, царь сейчасъ переѣдетъ черезъ Суру. Смотримъ, какъ говорилъ дѣдушка, и доподлинно ѣдетъ Пугачевъ верхомъ на свѣтложелтомъ конѣ. Одѣтъ Пугачевъ былъ въ халатъ, и нагайка у него висѣла черезъ плечо. Около него верхами ѣхали два генерала съ бородами въ лентахъ. Одинъ Бѣлобородовъ, а другой Бѣлокопытовъ, какъ теперь помню ихъ по разсказу дѣдушки моего. Причтъ вышелъ навстрѣчу съ крестомъ и святою водой; Пугачевъ слѣзъ съ коня, приложился ко кресту, и священникъ окрошилъ его святою водой. У села Пугачевъ остановился отдохнуть и велѣлъ причту послѣ обѣдни явиться къ нему въ лагерь.

Причтъ явился, и Пугачевъ подалъ всеѣмъ водки, и потомъ говорить:

— Ну, отецъ! Спасибо тебѣ, что ты почтилъ меня, какъ царя своего. Когда я возвращусь въ Москву на престолъ свой, то тебя и дьячка вызову къ себѣ, и сдѣлаю тебя первымъ протопопомъ, а дьячка твоего попомъ...

Причтъ палъ ему въ ноги за это...

Отсюда Пугачевъ тронулся большою дорогою къ Выльскому базару Ядринской округи и тамъ тоже остановился отдохнуть. Чуваши свезли къ нему тутъ разныхъ членовъ причта, перевязанныхъ, и жаловались Пугачеву, что они ихъ крайне обижаютъ и разоряютъ.

Пугачевъ въ отвѣтъ махнулъ бѣлымъ платкомъ, и тутъ же всѣхъ поповъ передушили чувашаи.

Недалеко отъ Выльскаго базара находится село Шумшевами, а отъ него въ верстахъ 6-ти село Шуматово; между этими двумя селами есть и теперь перелѣсокъ.

Въ этомъ перелѣскѣ стоялъ долго огромный дубъ; на этомъ дубу вѣшали чиновъ причта. Теперь нѣтъ и слѣда этого дуба, а на мѣстѣ его стоитъ столбикъ часовенный. Этотъ столбикъ поставленъ надъ тѣлами повѣшенныхъ и убиенныхъ чувашами.

Когда ихъ свезли къ этому дубу вѣшать, то они всѣ каялись во грѣхахъ своихъ вслухъ другъ другу и потомъ пропѣли:

„Со святыми упокой“...

Черезъ полгода, по приказу Императрицы Екатерины, всѣмъ попамъ, встрѣчавшимъ Пугачева съ иконами, были отрѣзаны уши. Ильинскій причтъ, благодаря невыдачи его крестьянами, избѣжалъ такой страшной казни.

Дѣдушка самъ видѣлъ казненныхъ поповъ урѣзываніемъ ушей.

Чувашаи, потревоженные Пугачевымъ, долго не могли успокоиться; изъ-за Суры они приходили въ городъ Ядринъ и кричали:

— Царь Петръ Ѳеодоровичъ приказалъ давать намъ даромъ соли за то, что мы вѣшали поповъ, обижающихъ насъ.

Чувашъ ловили и сажали въ тюрьму, а потомъ нѣкоторыхъ вѣшали, а иныхъ засѣкали до смерти, посыпая солью раненія.

.....

За отраженіе Пугачева ядринскому купцу Засыпкину и купцу Упрямкину Императрица Екатерина пожаловала потомственное дворянство и по серебряному съ золотомъ ковшу. Одинъ ковшъ и сейчасъ хранится въ Троицкой церкви г. Ядрина и къ крайнему сожалѣнію другой совершенно исчезъ, какъ исчезли кафтаны и сабли, подаренные Екатериной, и дарственная грамота жителямъ г. Ядрина.

Ядринскіе мѣщане и сейчасъ вздыхаютъ по этой грамотѣ, говоря:

—Екатериной земля грамотой была дадена и кто-то стащилъ эту грамоту.

Лѣтописецъ пишетъ о этой грамотѣ слѣдующее:

Въ Троицкой церкви хранилась грамота, писанная на столбцѣ; но невѣдомо, какъ утратившаяся въ послѣдствіи...

Лѣтопись упоминаетъ и о преданіи насчетъ происхожденія г. Ядрина. Учебникъ краевѣдѣнія Казанск. губ., Спаскаго, передаетъ, что городъ Ядринъ получилъ свое названіе отъ литя въ немъ ядръ. Гербъ г. Ядрина изображаетъ ядра, но преданіе гласитъ слѣдующее:

Городъ Ядринъ получилъ названіе не отъ литя въ немъ ядръ пушечныхъ; ибо тутъ негдѣ было брать матеріалу для этого, да о литейномъ заводѣ не сохранилось никакого ни слѣда, ни преданія; а говорятъ, что въ старину жили на мѣстѣ семь черемисы, чуваша, а послѣ нихъ и татары. Изъ черемисъ жилъ богачъ витязь Чабакъ, а изъ чувашъ богачъ Ядрый, отъ Чабака близъ г. Ядрина гора получила названіе Чебаковой, а городъ самъ получилъ названіе отъ чувашина Ядрыя. Когда русскіе вытѣснили инородцевъ за Суру, то Ядрый чувашанинъ поселился уже въ верстахъ 25-ти отъ города на большой дорогѣ въ г. Козмодемьянскъ, и это мѣсто слыветъ донынѣ село Ядрино.

Городъ въ старину писался Ядринъ (и сейчасъ есть печати, гдѣ написано Ядринъ), Чабакъ поселился за Сурой, и на этомъ мѣстѣ теперь село Чебаково.

Съ какимъ сожалѣніемъ приходится думать о томъ, что въ глухихъ уѣздахъ время и русская халатность губить жестоко, безощадно старину.

Стираются преданія, и уже теперь на вопросъ о происхожденіи города и его участіи въ русской исторіи получишь отвѣтъ:

—Произошелъ такъ, какъ происходятъ и другіе города...

Для характеристики считаю не лишнимъ отмѣтить, что ядринцы сплошь и рядомъ не знаютъ, почему одна часть города называется у нихъ Мартиновой горой, а озеро подъ ней Сергельскимъ:

Какое дѣло, что на Мартиновой горѣ былъ нѣкогда убитъ миссіонеръ Мартинъ, а въ озерѣ утопленъ миссіонеръ Сергій...

Народъ каждый годъ сопровождаетъ въ день пятидесятины крестный ходъ изо всѣхъ церквей... И никто не желаетъ ему сказать, почему на нѣкоторыхъ мѣстахъ крестный ходъ дѣлаетъ осѣненіе... Осѣненіе дѣлается на мѣстахъ, гдѣ стояли башни древней деревянной крѣпости...

Старина глухого уѣзда требуетъ защиты.

Со слезами на глазахъ смотрѣлъ я въ г. Ядринѣ на рѣдкіе памятники рѣзныхъ иконъ, валяющихся гдѣ-то въ чуланчикѣ на колокольнѣ, когда ихъ мѣсто въ музеѣ), также мѣсто въ музеѣ должна занимать и картина итальянской живописи Распятіе, находящаяся въ Троицкой церкви въ г. Ядринѣ. Писана она въ 1546 году.

Знатокъ исторіи живописи пришелъ бы въ восхищеніе отъ дивно чуднаго рисунка и особенной анатомичности тѣла Христа...

Постепенно исчезнетъ и эта картина и можетъ быть въ печь попадутъ въ видѣ дровъ рѣзныя иконы.

Пропадутъ такъ, какъ пропала грамота Екатерины и ея дарственные кафтаны и сабли.

Отношеніе русской глухой провинціи къ старинѣ я увидѣлъ и въ г. Васильурскѣ...

—Хотите посмотрѣть старый Василь? — предложилъ мнѣ одинъ изъ васильскихъ мѣщанъ.

Конечно, я съ радостью согласился.

Мѣщанинъ повелъ меня на одинъ изъ убогихъ двориковъ Васильурска и тамъ въ углу огорода, гдѣ мирно копались свиньи, лежала надгробная желѣзная плита надъ погибшимъ отъ холеры въ 1700 году какомъ-то купеческомъ сынѣ...

Рѣдкая надпись, рѣдкій памятникъ, и все это гибнетъ, гибнетъ...

Гниютъ на колокольняхъ рѣзныя иконы, копотью, сыростью уничтожаются старинныя картины... И какъ жаль эти пожелтѣвшія странички старинны глухихъ уѣздовъ и какъ хочется у археологическаго общества просить защиты ихъ, вѣдь это тѣ вѣхи, по которымъ намѣчается путь исторіи.

Н. Сутыринъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава ХLI ¹⁾.

Когда замерь, наконецъ, грохотъ орудій въ честь „новорожденной конституціи“, на землю сошла угрюмая, черная, южная ночь, такая жуткая для сѣверянина, привыкшаго встрѣчать и провожать день въ отблескахъ блѣдныхъ сумерекъ, не покидающихъ небесъ отъ зари до зари. Въ турецкихъ кварталахъ всѣ минареты опоясались рядами шкаликовъ и транспарантовъ; бронепосная эскадра, стоявшая на якоряхъ въ Хіосской бухтѣ, а также вся парусная флотилія греческихъ арматоровъ украсились разноцвѣтными огнями, купавшими свои лучи въ темной водѣ Эгейскаго моря. Точно изъ глубины морской доносились къ намъ нѣжные аккорды мандолины; какой-то музыкантъ, вѣроятно изъ Латинскаго квартала итальянцевъ, игралъ на ней серенаду, плавая въ лодкѣ надъ уснувшими волнами..

Дверная ручка повернулась, и въ комнату, гдѣ мы находись, вошелъ кавасъ Али:

— Госпожа!—обратился онъ къ тетущкѣ, дѣлая рукою селямъ по ея адресу:—Правду ли говорятъ въ народѣ, что якобы падишахъ взялъ себѣ въ жены какую-то очень важную принцессу, и вотъ почему стрѣляли изъ пушекъ—только забылъ ея имя?..

— „Конституція“,—подказали мы обѣ въ одинъ голосъ, забавляясь такимъ оборотомъ дѣла; но тутъ же мнѣ стало жаль моего бѣднаго друга, растерянный видъ котораго свидѣтельствовалъ, что ему было не до шутокъ, а на лицѣ, даже въ тонѣ го-

¹⁾ См. „Русск. Старина“, февраль 1916 г.

лоса я прочла: „О, пророкъ! Эти гяуры забрались уже въ твой рай, чтобы хозяйничать тамъ, какъ у себя дома“!..

— Интересно, кто сказалъ тебѣ, что якобы султанъ женился?—спросила тетя:—но если бы это и оказалась правда, что же тутъ необыкновеннаго: вашъ повелитель беретъ себѣ женъ сколько его душѣ угодно—ну, и пусть себѣ женится на здоровье хоть каждый день!..

— Госпожа,—почтительно возразилъ ей нашъ вѣрный слуга,—ты говоришь правильно: на то его священная воля, онъ тѣнь самого Аллаха, убѣжище міра и свѣта, а потому франки не имѣютъ никакого права мѣнять законы ислама...

— Что же они измѣнили?—улыбаясь, спросила тетя.

— Да то, что всю нашу жизнь перевернули вверхъ дномъ!—былъ отвѣтъ, и нашъ собесѣдникъ махнулъ рукою, какъ бы опредѣляя такимъ образомъ безнадежное положеніе вещей въ царствѣ Магомета.

— Али,—заговорила я,—ты напрасно огорчаешься: франки тутъ ни при чемъ, а конституцію устроилъ вамъ Мидхадъ-паша, такъ какъ онъ надѣется, что благодаря ей Турція опять станетъ, какъ прежде, богатой и сильной державой въ мірѣ...

— А онъ и повѣрилъ ей! Повѣрилъ тому, что обѣщала ему эта хитрая иностранка!—перебилъ меня фанатикъ, и въ глубинѣ его зрачковъ блеснулъ огонь пламенной ненависти:—Развѣ ему не извѣстно, что Аллахъ сотворилъ женщину изъ кривого ребра мужчины ¹⁾, а потому и языкъ у нея также кривой. Недаромъ одинъ святой дервишъ сказалъ, что у глупой овцы больше ума, чѣмъ...

Здѣсь Али, хотя и поздно, а спохватился, что и мы также, его собесѣдницы, принадлежали къ той же категоріи человѣческаго рода, которая не пользовалась хорошей репутаціей у пророка Магомета: голосъ у него вдругъ оборвался, и онъ замеръ на мѣстѣ, точно передъ нимъ упалъ съ неба аэролитъ или явился какой-то страшный призракъ; но это былъ не призракъ и не аэролитъ, а та сложная задача, которую онъ никакъ не могъ рѣшить въ ту или другую сторону, не ломая своего міровоззрѣнія на женщину. Впрочемъ, его психологія была для насъ открытой книгой, и мы свободно прочли въ ней то, что лежало у него въ глубокихъ тайникахъ души.

¹⁾ Въ Коранѣ дѣйствительно это сказано, а именно въ IV его главѣ.

— Дорогой Али,—какъ бы отвѣчая на его нѣмой вопросъ, сказала тетушка,—я не вижу для себя ровно ничего обиднаго, если ты вѣришь, что Аллахъ сотворилъ и меня также изъ кривого ребра! Такъ сказано въ Коранѣ—слѣдовательно, ты здѣсь ни при чемъ! Мы цѣнимъ твое вѣрное, преданное намъ сердце, а это дѣло религіи, и насъ не касается...

— О, госпожа моя!—воскликнулъ нашъ милый, добрый Али, смахивая набѣгавшую слезу и цѣлуя ее въ плечо:—ты сняла каменную гору съ моей души, такъ какъ я всегда думалъ, что это могло тебя оскорбить...

Долго еще обсуждали мы съ разныхъ сторонъ щекотливый вопросъ о „кривомъ ребрѣ“, а главное о „принцессѣ конституціи“; но такъ какъ нашъ милый оппонентъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о логикѣ, то убѣдить его было не легко.

А теперь не пожелаетъ ли читатель узнать, какъ реагировала народная турецкая масса на сложный для нея фактъ объявленія конституціи?.. Я не пишу исторіи, но передаю здѣсь мои чисто субъективныя впечатлѣнія, и мнѣ кажется, что они не должны были расходиться тогда съ правдой. Словомъ, мнѣ приходится опять мимоходомъ вернуться къ тому, о чемъ я уже говорила, а именно, что идея парламентаризма, безъ всякихъ церемоній навязанная турецкому народу, никогда и не могла проникнуть до корней его жизни и до глубины его сознанія.

„Калифъ-султанъ,—говорятъ мусульмане,—не простой обыкновенный смертный, какъ всѣ монархи у гяуровъ, а тѣнь Аллаха на землѣ—слѣдовательно, онъ владыка и повелитель міра“. А вотъ и другой тезисъ, охраняющій, какъ цитадель, прерогативы султана: „Никакой законъ,—гласитъ онъ,—писанный рукою человѣка, не можетъ ограничить власть намѣстника пророка на землѣ. Однако, честолюбивый до безумія реформаторъ Мидхадъ-паша, не взирая на этотъ слишкомъ убѣдительный аргументъ повелѣ тѣмъ не менѣе свой корабль между Сциллой и Харибдой и перевернулъ такимъ образомъ новую страницу въ исторіи оттоманскаго государства. Но я веду мою рѣчь вовсе не къ тому, что извѣстно каждому, а передаю здѣсь тѣ мелочи, которыя могутъ послужить для иллюстраціи настроенія турецкаго общества въ дни конституціонныхъ ликованій европейской прессы, такъ какъ все, что она рассказывала тогда, была лишь грубая фальсификація правды: масса турецкаго народа встрѣтила конституцію не только равнодушно, но и враждебно, проявляя свою антипатію къ ней слишкомъ наглядно. И

дѣйствительно, броженіе умовъ на этой почвѣ создавало много печальныхъ фактовъ и даже кровавыхъ эксцессовъ по отношенію къ христіанскому населенію въ дальнихъ вилайетахъ Малой Азіи, Сиріи, Месопотаніи, Аравіи и къ несказанному огорченію русской дипломатіи въ Болгаріи. Такова была не показная, а другая, обратная сторона „тріумфа“ Мидхадъ-паши надъ самодержавіемъ калифа Ислама! Тогда опять, какъ и въ дни стараго режима, заскрипѣли перья въ канцеляріяхъ посольскихъ дворцовъ, а изъ калемовъ ¹⁾ Блистательной Порты летѣли дерзкіе отвѣты приблизительно такого содержанія: „какихъ еще гарантій и реформъ требуете вы для христіанской „райи“, когда ей уже даны по необъятной милости нашего великаго падишаха всѣ права оттоманскаго гражданства“? Словомъ, при малѣйшемъ давленіи съ нашей стороны въ пользу балканскихъ народовъ и въ игрѣ съ европейской дипломатіей конституція превращалась, такимъ образомъ, въ громоотводъ для турецкой бюрократіи. Органъ Мидхадъ-паши журналъ „Stambul“, возражая генералу Игнатъеву на его требованія прекратить, наконецъ, злодѣянія редифовъ въ Болгаріи и Македоніи, выставилъ аргументъ, который вполне отражалъ міровоззрѣніе автора турецкой конституціи, созданной имъ на почвѣ западныхъ тенденцій.

„Ну, развѣ не ясно теперь каждому,—гласила передовая статья,—что генералъ Игнатъевъ не знаетъ исторіи своего же государства! Развѣ его Великій Императоръ Петръ I церемонился съ мятежнымъ элементомъ государства и также съ легкимъ сердцемъ, какъ дѣлаютъ это мясники надъ баранами, не отрубалъ у побѣжденныхъ народовъ тысячи головъ и не сажалъ ихъ на колъ? Развѣ и до нашихъ дней Московское правительство не истребляетъ огнемъ и мечомъ Кавказскія племена? А развѣ не обидно для нашего самолюбія, что всѣ дѣянія „русскихъ генераловъ“ ²⁾ проходятъ мимо европейскаго контроля, а намъ ставятъ на видъ каждый шагъ башибузука и не хотятъ понять такой простѣйшей истины, что „легкое кровопусканіе“ даже весьма полезно бываетъ для организма, захваченнаго процессомъ болѣзненныхъ явленій“...

Такая аргументація говорила сама за себя, что подъ флагомъ парламентаризма скрывались люди, носившіе тогда одну лишь маску, размазанную всѣми цвѣтами либеральныхъ

¹⁾ Министерскіе кабинеты.

²⁾ Образчикъ турецкаго остроумія по адресу генерала Игнатъева.

идей. Но гордая Европа не брезгала этими господами, а прославляла ихъ, какъ защитниковъ цивилизаціи на Востокъ отъ варварскихъ покушеній на нее со стороны кровожадной, деспотической Россіи.

Открытіе первой сессіи турецкаго парламента было назначено къ 19 марту новаго стilia, а тѣмъ временемъ я записала въ мой дневникъ нѣкоторые факты изъ жизни Эллинскаго населенія, ожидавшаго отъ конституціи всѣхъ рѣшительно благъ міра, не исключая трона древней Византійской имперіи для подроставшаго тогда „Константиноса“, наслѣдника престола мишіатюрной Греціи. Но, не забѣгая впередъ, я должна сказать еще нѣсколько словъ о нашемъ Али, благодаря которому у меня была возможность наблюдать издали картину самыхъ разнообразныхъ теченій вокругъ особы грознаго повелителя Ислама. Въ летучихъ воззваніяхъ, на примѣръ, ходившихъ по рукамъ въ глубинахъ Малой Азіи, на плоскогорьяхъ Тавра, гдѣ обитали свирѣпыя племена лазовъ и курдовъ, ближайшихъ сосѣдей нашему Кавказу, фанатичное, крайне невѣжественное духовенство призывало вѣрныхъ сыновъ Магомету подъ его знамя, собрать, такимъ образомъ, армію и во славу имени Аллаха двинуть ее прямо черезъ Галипполи къ резиденціи Абдуль-Гамида, чтобы освободить его изъ нечистыхъ рукъ какой-то проидохи—„конституціи“...

Въ западной части Анатолиі дикія банды зейбековъ и догочаховъ ¹⁾ также вѣрили, что якобы иностранная принцесса „конституція“ захватила власть намѣстника пророка и, руководимыя пропагандой „священной войны“, устраивали на этой почвѣ кровавые эксцессы...

Такіе листки и другіе съ нѣкоторыми вариантами самаго фантастическаго характера приносилъ мнѣ Али каждый разъ, возвращаясь изъ мечети, гдѣ муллы и улемы раздавали ихъ народу, возбуждая его противъ гяуровъ и сановниковъ Шорты, якобы измѣнившихъ законамъ шаріата...

Драгоманъ нашего консульства, читавшій свободно рукописи на арабскомъ и турецкомъ языкахъ, переводилъ намъ ихъ содержаніе, благодаря чему мы всегда были въ курсѣ движенія турецкихъ массъ противъ авантюры любимца Западной Европы Мидхадъ-паша. Словомъ, резюмируя все это, мнѣ приходится вернуться опять къ тому, о чемъ я говорила выше, а именно, что идею парламентаризма народъ встрѣтилъ съ гро-

¹⁾ Племя, населяющее долины и побережье Анатолиі.

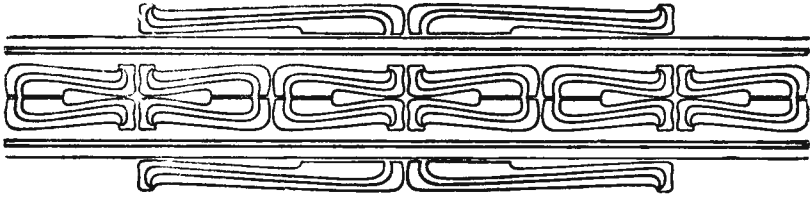
малымъ недоумѣніемъ и крайне враждебно, а это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что азіатъ понимаетъ власть, только исходящую отъ божества: лучи неба, по словамъ вѣрующихъ мусульманъ, блещутъ какъ солнце на священной головѣ падишаха. Отсюда не трудно видѣть, что прогрессивное теченіе, бравшее свое начало изъ апартаментовъ либеральныхъ сановниковъ, даже не коснулось народной души и не проникло въ его сознаніе.

Но такъ какъ турецкое правительство ходило всегда на помочахъ Европы, то и конституція его не оказалась потому на уровнѣ всѣхъ требованій для азіатскаго государства. Однако самодержавный до мозга костей Абдулъ-Гамидъ былъ далеко не изъ такихъ, чтобы церемониться ради какого-то писаннаго листа бумаги хотя бы, на примѣръ, съ могучей силой европейской дипломатіи, а тѣмъ болѣе съ народомъ, ему подвластнымъ, и вотъ что произошло. Въ одинъ изъ неудачныхъ моментовъ жизни Мидхадъ-паши, инициатора и творца конституціи, „либеральный“ султанъ только-что подписавшій актъ о свободѣ и равенствѣ христіанъ съ оттоманами передъ законами государства, взялъ да и показалъ ему свои острые зубы, удаливъ этого баловня фортуны отъ власти за то, что онъ имѣлъ дерзкую мысль ограничить права абсолютнаго монархизма, а дня черезъ два послѣ того, 7-го марта 1877 года, первая сессія турецкаго парламента была открыта при необычайно торжественной обстановкѣ и грохотѣ пушекъ съ высотъ Топхане.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ, дѣтямъ и внукамъ и внучкамъ).

Съ Петромъ Николаевичемъ Кудрявцевымъ я познакомился впервые у Авдотьи Андреевны Яковлевой въ первое полугодіе 1848 г., когда я по болѣзни не ходилъ въ университетъ. Я случайно съ нимъ встрѣтился и проговорилъ весь вечеръ; я былъ, кажется, первымъ студентомъ Московскаго университета, съ которымъ Петру Николаевичу пришлось долго бесѣдовать по возвращеніи его изъ-за границы. Бесѣдовали мы съ нимъ и о прослушанныхъ нами курсахъ Т. Н. Грановскаго и объ общихъ европейскихъ событіяхъ (это было уже послѣ февральской революціи), о вступительной лекціи П. М. Леонтьева, о замѣчаніяхъ, которыя онъ намъ сдѣлалъ по поводу того, что мы не записывали, и о впечатлѣніи, какое онъ этимъ произвелъ на студентовъ. Петръ Николаевичъ, много путешествовавшій съ Леонтьевымъ за границей, не только не считалъ его сердитымъ или взыскательнымъ, а напротивъ чрезвычайно кроткимъ, терпѣливымъ и снисходительнымъ, незлобивымъ и приводилъ тому примѣры. Встрѣчался я и впоследствии съ Петромъ Николаевичемъ у Авдотьи Андреевны, у которой онъ часто бывалъ запросто, видаясь у нея съ своею бывшею ученицей, подругой Авдотьи Андреевны по институту, Варварой Арсеньевой Нелидовой, на которой онъ впоследствии и женился и которая въ то время жила гувернанткой у моихъ знакомыхъ Соцъ; встрѣчался я съ нимъ и въ кондитерской

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

Педотти, куда онъ также заходилъ читать иностранныя газеты, впоследствии же я сталъ бывать и у него, уже послѣ того, какъ сталъ его слушателемъ. Выслушалъ я у него только одинъ курсъ новой исторіи, собственно только курсъ исторіи реформаціоннаго періода до Вестфальскаго мира включительно. Вотъ что я писалъ о немъ въ краткомъ его некрологѣ, напечатанномъ мною въ № 13 „Одесскаго Вѣстника“ (отъ 4-го февраля 1858 г.), котораго я былъ въ то время редакторомъ: „Съ глубокою и основательною ученостію онъ соединялъ блестящій даръ слова, живое пониманіе событій и лицъ историческихъ, глубокое и неизмѣнное сочувствіе ко всему высокому и прекрасному. Кто слушалъ его лекціи, тотъ не забудетъ, какое благотворное онѣ имѣли вліяніе не на обогащеніе только ума познаніями, а на возбужденіе его энергіи, любознательности и склонности къ самостоятельному изученію предмета; тотъ не забудетъ, съ какимъ сердечнымъ удовольствіемъ готовъ онъ былъ всѣхъ и cadaго изъ своихъ слушателей руководить на пути къ наукѣ, дѣлясь съ ними своими познаніями, посвящая имъ свое время въ частныхъ въ высшей степени полезныхъ бесѣдахъ“... Онъ былъ для насъ „образцомъ высочайшей добросовѣстности въ исполненіи всѣхъ обязанностей, образцомъ нераздѣльной преданности дѣлу, неизмѣнной нравственной твердости и вѣрности своимъ убѣжденіямъ... Говорить ли еще о многосторонности его образованія, о высокомъ развитіи его эстетическаго вкуса, о чрезвычайной воспримчивости къ красотамъ природы и къ изяществу въ произведеніяхъ всѣхъ искусствъ, какъ образовательныхъ, такъ равно словеснаго, музыкальнаго и сценическаго“.

Не разъ мнѣ случалось отъ него слышать, что онъ въ дѣлѣ своего образованія и развитія чрезвычайно многимъ былъ обязанъ Василю Петровичу Боткину: „Боткинъ взялъ меня, встряхнулъ и вытрясъ изъ меня всю семинарщину“,—говаривалъ Петръ Николаевичъ. И дѣйствительно едва-ли бы кто сказалъ, что первоначальное свое образованіе онъ получилъ въ духовной семинаріи. Собирались у него студенты по воскресеньямъ утромъ: другого времени онъ не могъ назначить, ибо кромѣ лекцій онъ еще давалъ не мало частныхъ уроковъ, особенно послѣ своей женитьбы, въ томъ числѣ, между прочимъ, извѣстной въ то время Московской красавицѣ Екатеринѣ Петровнѣ Ермоловой, о которой онъ говорилъ, что если бы учителю подобало питать чувства уваженія къ своей ученицѣ, то онъ сказалъ бы, что онъ искренно уважаетъ эту свою ученицу

за ея умъ, за ея даровитость, за ея добросовѣстное отношеніе къ ученію. Е. П. Ермолова съ такимъ же уваженіемъ и восхищеніемъ относилась къ своему учителю, какъ я слышалъ отъ нея самой, познакомившись съ нею у моей belle soeur, рожденной Апухтиной. „Что дѣлать“, говаривалъ Петръ Николаевичъ: „намъ приходится здѣсь справлять нашу обѣдню въ бесѣдѣ о различныхъ вопросахъ исторической науки“. Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ нисколько не имѣлъ въ виду отвлекать насъ отъ посѣщенія церкви или вести какую-либо антирелигіозную пропаганду, и никто изъ насъ не понималъ въ этомъ смыслѣ назначенія имъ времени для нашихъ посѣщеній. ни его словъ по этому поводу. Я не припомню ни на его лекціяхъ, ни въ его бесѣдахъ съ нами никакихъ антирелигіозныхъ заявленій, и умеръ онъ добрымъ христіаниномъ, приобщившись святыхъ таинъ за три дня до своей смерти.

Чаще всего я встрѣчался у него изъ студентовъ съ Лохвицкимъ, Θεоктистовымъ, Бестужевымъ-Рюминымъ и Ешевскимъ. Бесѣды шли обыкновенно о прочитанныхъ каждымъ изъ насъ книгахъ, которыя при этомъ нами и возвращались, и о вышедшихъ вновь замѣчательнѣйшихъ книгахъ по исторіи, большею частью иностранныхъ, которыя успѣлъ прочитать Петръ Николаевичъ и о которыхъ онъ сообщалъ намъ свои замѣчанія. Толковали при случаѣ и о нашей журналистикѣ и вообще литературѣ и о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ Московскомъ театральномъ мірѣ: помню, какъ восхищался Петръ Николаевичъ игрою Рашель и съ какимъ тонкимъ пониманіемъ относился къ исполненію ею каждой ея роли и какъ наслаждался онъ исполненіемъ „Севильскаго Цирюльника“ Россини прибывшею изъ Петербурга итальянскою труппою. Эта пьеса принадлежала къ числу любимѣйшихъ его оперъ, и онъ говаривалъ, что сколько бы разъ ее ни слушать, всякій разъ можно напередъ общать себѣ нѣсколько часовъ большого художественнаго удовольствія. Со студентами онъ очень охотно знакомился и сближался, хотя никогда не искалъ у нихъ популярности и всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ и потому очень простымъ и ровнымъ въ своемъ обращеніи съ ними. Какъ-то я уже по смерти татап, но еще на той же квартирѣ, рѣшился пригласить его къ себѣ на вечеринку, на которую должны были собраться многіе изъ его слушателей-студентовъ и изъ постороннихъ Рамазановъ, съ которымъ онъ интересовался познакомиться. Петръ Николаевичъ принялъ мое приглашеніе, замѣтивъ только, что онъ уклоняется, вообще, отъ всякихъ не

предположенныхъ имъ заранѣ дѣйствій и особенно развлеченій, но что въ данномъ случаѣ онъ дѣлаетъ исключеніе изъ правила, желая запросто провести время съ нѣкоторыми изъ своихъ слушателей и потолковать съ Рамазановымъ объ Италіи и особенно о Римѣ. Вечеръ прошелъ замѣчательно оживленно и пріятно, Петръ Николаевичъ никого не стѣснилъ своимъ присутвіемъ и обворожилъ всѣхъ насъ своею непринужденною бесѣдою и своими живыми воспоминаніями, вмѣстѣ съ Рамазановымъ, объ Италіи. Рамазановъ зналъ множество народныхъ итальянскихъ пѣсень, и мастеръ былъ ихъ пѣть, самъ себѣ аккомпанируя на рояли, чѣмъ онъ и въ этотъ вечеръ доставилъ намъ всѣмъ большое удовольствіе, заключивъ свое пѣніе собственнымъ весьма удачнымъ и въ поэтическомъ, и въ музыкальномъ отношеніи произведеніемъ „Четыре времени года“ о томъ, какъ онъ показывалъ прелестной посѣтителницѣ его мастерской свое скульптурное произведеніе, пзображавшее четыре времени года и все хотѣлъ, но запоздалъ сказать: „люблю, люблю тебя“. Мнѣ неизвѣстно, было ли имъ или кѣмъ другимъ записано и издано это музыкально-поэтическое его произведеніе; но оно очень бы того заслуживало—Рамазановъ былъ большой талантъ и мастеръ на всѣ руки, и достойно всякаго сожалѣнія, что онъ съ теченіемъ времени совсѣмъ поддался пагубной страсти къ спиртнымъ напиткамъ.

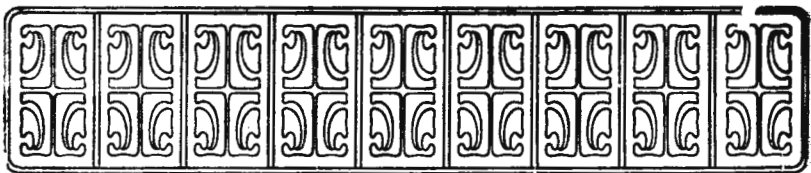
П. Н. Кудрявцевъ производилъ впечатлѣніе человѣка въ высшей степени надежнаго, честнаго, неизмѣнно вѣрнаго и устойчиваго въ своихъ привязанностяхъ, разъ навсегда опредѣлявшаго свои отношенія къ людямъ и глубоко гуманнаго и снисходительнаго. Дошла до меня, еще студента, вѣсть, что Петръ Николаевичъ женится и притомъ на Варварѣ Арсеневнѣ Нелидовой, которую я зналъ какъ гувернантку въ домѣ Соцъ, очень умную и остроумную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень некрасивую, и я, встрѣтивъ на другой день Петра Николаевича у Педотти, вдругъ обратился къ нему съ сорвавшимся у меня съ языка вопросомъ: „Неужели вы женитесь на Варварѣ Арсеневнѣ“.—Да, женюсь,—отвѣчалъ онъ очень просто, и я былъ совсѣмъ уничтоженъ этимъ простымъ отвѣтомъ и сразу почувствовалъ всю безтактность своего вопроса въ этой формѣ. Петръ Николаевичъ очень добродушно улыбнулся, и чтобы вывести меня изъ моего смущенія, спросилъ, прочелъ ли я какую-то передовую статью въ „Journal des débats“. Этотъ случай нисколько не измѣнилъ его отношеній ко мнѣ, но сталъ современемъ извѣстенъ самой Варварѣ Арсеневнѣ не отъ мужа

ея,—я въ томъ убѣжденъ,—а отъ 3-го лица, которому я имѣлъ неосторожность покаяться въ моей безтактности, и она, понятнымъ образомъ, стала меня недолюбливать, что, однако же, нисколько не отразилось на его отношеніяхъ ко мнѣ, какъ ни обожалъ онъ свою жену. Варвара Арсеньевна вообще не очень-то сочувствовала посѣщеніямъ ея мужа студентами и старалась по возможности ограждать его отъ нихъ; но въ этомъ отношеніи она никакого успѣха не имѣла. Впослѣдствіи у нихъ были назначенные вечера, помнится, по субботамъ, и эти вечера принадлежали къ числу самыхъ пріятныхъ, особенно когда на нихъ появлялся И. С. Тургеневъ, рѣдко пріятный собесѣдникъ, вносявшій съ собою необыкновенное оживленіе и воодушевленіе въ общество. Тутъ же я имѣлъ случай познакомиться съ графиней Сальясъ (Евгенія Туръ). Изъ книгъ, которыми я пользовался изъ бібліотеки Петра Николаевича, мнѣ помнятся особенно Michelet—Histoire de la révolution française и Achille de Vaulabelle—Histoire de deux restaurations; первое изъ этихъ многотомныхъ сочиненій Кудрявцевъ особенно хвалилъ за то, что Мишле вновь замѣчательно рельефно изобразилъ всѣхъ дѣятелей первой французской революціи, тогда какъ Ламартинъ въ своей Histoire des Girondins какъ бы нарочно всѣхъ ихъ стусевалъ. Я ставилъ въ вину Мишле, что онъ является не столько объективнымъ историкомъ, сколько пристрастнымъ адвокатомъ и панегиристомъ первой французской революціи. Это вовлекло меня тутъ же въ сильную полемику съ Ешевскимъ, который, будучи и въ то время очень болѣзненнымъ, отличался большою раздражительностью и запальчивостью въ спорахъ, такъ что Кудрявцеву не легко было его уговорить и успокоить: по существу вопроса онъ скорѣе стоялъ на моей сторонѣ и не отрицалъ большой тенденціозности въ сужденіяхъ и оцѣнкахъ Мишле. У Волябеля и я, и всѣ его читавшіе особенно восхищались необыкновеннымъ драматизмомъ въ изображеніи Ватерлооскаго сраженія и окончательнаго паденія Наполеона I. Отъ Петра же Николаевича я получилъ Mignet—Histoire de la Révolution française и Tocqueville—d'ancien régime et la révolution, и Gfrörer—Gustav Adolph und seine Zeit.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Георгіевскій.

Дневникъ Гордона во время его пребыванія въ Россіи ¹⁾).

ГЛАВА II.

1685. Война австрійцевъ съ турками.—Осада Немирова.—Просьба Гордона объ его увольненіи.—Событія въ Англии.—Побѣды австрійцевъ и поляковъ надъ турками.—Вызовъ Гордона въ Москву.

1 января 1685 г. прибылъ Михаилъ Сусловъ, посланный 1 мая минувшаго года изъ Кіева въ Польшу и Германію. Бояринъ былъ со своею супругою у меня до полуночи; мы пили и танцовали.

2 числа возвратился Филонъ Вариловъ и сообщилъ, что во время его пребыванія во Львовѣ (Львовъ или Лембергъ) и Солквѣ (Жолтквѣ), гдѣ находился король со своими полководцами и сенаторами, пріѣхали 15 татаръ, требовавшіе отъ имени хана, чтобы король польскій заключилъ миръ съ ними и съ турками. Онъ же рассказывалъ, что дворянинъ, по имени Юрій Папяро, его просилъ завѣрить правителя Кіева, что на предстоящемъ 20 февраля сеймѣ будетъ заключенъ миръ между Польшею, Турціею и татарами и поляки снова тогда нападутъ на Россію, при содѣйствіи турокъ и татаръ.

3 числа я получилъ съѣстные припасы отъ боярина. Извѣстія, сообщенныя Вариловымъ, были пересланы по почтѣ въ Москву.

4 числа Михаилъ Сусловъ представилъ письменное свое донесеніе, въ которомъ онъ значительно преувеличилъ побѣды и потери христіанъ въ Венгріи и высказалъ между прочимъ, что они, по причинѣ болѣзней, распространившихся среди

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

солдатъ, принуждены были снять осаду Буды, оставивъ до 5—6 тысячъ солдатъ въ ближайшихъ крѣпостяхъ, чтобы ее блокировать; что сераскиръ-паша, сдѣлавшій изъ Пяти церквей попытку освободить крѣпость, былъ вполнѣ разбитъ и едва самъ могъ спастись, что Венеція не очень упорно продолжаетъ войну противъ турокъ, при содѣйствіи папы и итальянскихъ князей; что, проѣзжая по Польшѣ онъ, Сусловъ, слышалъ отъ простого народа, что на предстоящемъ (рейхстагѣ) сеймѣ земскіе послы будутъ настаивать на томъ, чтобы миръ съ турками и татарами былъ бы заключенъ и объявлена война Россіи, и тому подобныя извѣстія.

5 числа было рѣшено донесеніе Суслова сократить, привести въ порядокъ и вкратцѣ послать въ Москву.

6 числа въ день Св. Крещенія Господня мои кавалерійскіе полки солдатъ и стрѣлецкіе полки при 16 орудіяхъ выступили. Послѣ богослуженія и водосвятія послѣдовали, по обыкновенію, три залпа: первый—изъ тяжелыхъ орудій, а остальные два изъ малыхъ орудій.—Каждый залпъ вызывалъ 21 отвѣтный выстрѣлъ изъ орудій, расположенныхъ въ замкѣ и по городскому валу, а также изъ малыхъ орудій шести полковъ, выстроенныхъ на валу замка и города, лицомъ къ нижнему городу. Я и прочіе офицеры послѣ этого обѣдали у боярина.

8 числа я писалъ въ Москву князю В. В. Голицыну и просилъ о разрѣшеніи мнѣ выѣзда изъ страны по желанію, съ тѣмъ чтобы, при невозможности дать мнѣ полное увольненіе, меня уволили бы по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Я писалъ о томъ же Ивану Михайловичу и Емельяну Игнатьевичу и просилъ ихъ ходатайствовать обо мнѣ. Отвѣчая Петру Васильевичу Шереметеву на его письмо я обѣщалъ ему помогать совѣтами его сыновьямъ и всячески имъ покровительствовать. Прочимъ лицамъ я писалъ одни, такъ сказать, комплименты, какъ напримѣръ Василю Савичу, Ивану Ѳедоровичу, Алексію Петровичу. Кромѣ того я писалъ слѣдующимъ лицамъ:

а) Лорду Грехаму, голландскому резиденту, и полковнику Менгдену, котораго просилъ помогать моимъ слугамъ въ ихъ дѣлахъ и передать имъ деньги, полученные отъ Якова Баара, а также сообщить мнѣ, кто изъ нихъ недоволенъ своимъ пребываніемъ въ странѣ и на какомъ основаніи;

б) капитану Менезесу, г. Слатеру и г. Гартману—объ обычныхъ обстоятельствахъ, а также г. Гуаскони, напоминая ему передать 400 рублей г. Натаніелю Кембриджу, купцу въ

Гамбургѣ, и прислать мнѣ анкерокъ испанскаго вина, который онъ мнѣ приготовилъ, и купить мнѣ еще анкерокъ краснаго вина; остатокъ же малоцѣнной монеты, полученной отъ г. Гас-сеніуса, выдать моему уполномоченному Джемсу Линдсею;

в) г. Боетенанту — съ просьбою похлопотать за меня, если князь В. В. Голицынъ не скоро приведетъ къ окончанію мое дѣло и находится при томъ, когда мой слуга передастъ письмо Ивану Михайловичу, потому что я очень желалъ бы знать, что мнѣ надлежитъ ожидать отъ всего этого;

г) Венедикту Андреевичу Змѣеву, — котораго я просилъ также поддержать мою просьбу о выѣздѣ изъ страны, напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ о письмѣ ему, не за долго предъ этимъ посланномъ;

д) Леонтію Романовичу Неплюеву — одни комплименты;

е) Джемсу Куку — съ просьбою купить сорокъ фунтовъ наилучшей икры и, распредѣливъ ихъ на три части, послать 20 фунтовъ графу Мидлетону, 10 фунтовъ сэру Андрею Фостеру, а остальные 10 фун. г. Меверелю, пославъ на его имя упомянутыя выше двѣ посылки;

ж) Полковнику Гамильтону — съ просьбою, въ случаѣ, если онъ направится въ Москву, не оставить моего слугу въ его дѣлѣ добрыми совѣтами и полезнымъ содѣйствіемъ. Въ случаѣ полученія отъ англійскаго короля письма, касающагося меня, Гордона, то вскрыть таковое, прочесть оное Меверелю и поступить вполне сообразно съ письмомъ. Если же письмо будетъ адресовано на имя одного изъ главныхъ министровъ — правителей въ Москвѣ, — то Гамильтонъ долженъ собственноручно передать письмо по назначенію и просить при этомъ дать возможно скорѣйшій отвѣтъ на оное. Если же письмо будетъ адресовано прямо на имя мое, Гордона, то переслать ему точную копію письма, вмѣстѣ съ прочими письмами, а подлинное оставить у себя, до полученія отъ меня, Гордона, указанія, что съ нимъ дѣлать;

з) Полковнику Ронаэру — объ обыкновенныхъ предметахъ;

и) г. Виніусу, сообщая различныя новости, я просилъ его выслать мнѣ *Theatrum scotiae*, на случай, что мнѣ не будетъ разрѣшенъ выѣздъ изъ страны;

і) Ивану Якимову, отъ 10 января, съ просьбою ходатайствовать, въ чемъ возможно, по просьбамъ Джемса Линдсея, моего уполномоченнаго.

Со всѣми этими письмами я отправилъ Джемса Линдсея, приказавъ ему торопиться на сколько возможно и исполнять всѣ данныя ему мною порученія съ поспѣшностію и рвеніемъ.

9 числа было получено извѣстіе, что стольникъ Семень Каладинскій посланъ къ Орели, чтобы разобрать жалобы казаковъ на полковника Гулица и ввѣренный ему полкъ; что стольникъ во время пребыванія своего въ Орели доставилъ казакамъ удовлетвореніе и присудилъ полковника къ уплатѣ ста рублей въ пользу одного казака, обокраденнаго слугою полковника Гулица и уже бѣжавшимъ. Между тѣмъ полковникъ помирился съ казакомъ и уплатилъ ему только шестьдесятъ рублей. Полкъ однако былъ отобранъ у Гулица и переданъ подполковнику, который и приведетъ оный въ Бѣлгородъ. При этомъ случаѣ узнали, что дворянинъ съ 500 рейтарами стоитъ въ Переволочной и уже въ третій разъ посылалъ въ Крымъ развѣдать, согласны ли татары приступить къ разбѣгу плѣнныхъ или нѣтъ и, наконецъ, что околыничій Леонтій Романовичъ Неплюевъ стоитъ вмѣстѣ съ арміею въ Ахтыркѣ.

Упомянутый офицеръ ѣхалъ изъ Кіева къ Орели слѣдующимъ путемъ: изъ г. Кіева до Борисполя—6 миль; до Переяслава—6 миль, до Алмазова (Хленазова)—5 миль, до Золотоноши—2 м., до Крапивны—одна миля, до Шклова—3 мили, до Зеремовки—3 мили, до Золнина—2 мили, до Чигиринской дубравы—2 мили, до Кабарды (Колоберды)—2 мили, до Переволочной—3 мили, до Кирзинки—1 миля, до Орели—2 мили.

10 числа я писалъ съ писцомъ Осипомъ Сусловымъ Джемеу Линдсею, а также Ивану Якимову.

11 числа—обѣдалъ со многими лицами у думнаго дворянина, въ день его именинъ.

13 числа обѣдалъ съ различными лицами у моего зятя Рудольфа Страсбурга, а послѣ всѣ были у боярина и у Боркова.

15 числа—обѣдалъ у полковника Бухана.

16 числа—прибылъ полковникъ Иванъ Григорьевъ Озеровъ.

17 числа—узнали, что много зернового хлѣба, особенно ржи и овса, отправляется изъ г. Кіева въ Польшу, отъ чего цѣны на хлѣбъ очень возвысились, особенно въ Кіевѣ, почти на цѣлую треть. Поэтому было рѣшено не пропускать отнюдь хлѣбъ въ Польшу и съ этою цѣлью поставить стражу у Межигорскаго и Кирилловскаго монастырей.

18 числа вечеромъ бояринъ со своею супругою былъ у думнаго дворянина Родіона Михайловича Павлова.

20 числа былъ отпущенъ изъ Кіева подполковникъ Аванасій Грезининъ. Я писалъ съ нимъ полковнику Гамильтону и Ронаэру,—одни комплименты.

21 числа получено приказаніе изъ Москвы, несмотря на званіе никого не пропускать изъ Польши въ Кіевъ, но возвращать обратно. Въ Россіи, по близкому сосѣдству съ Польшею, были не безъ тревогъ и заботъ, вѣдѣствіе письма гетмана Ивана Самойловича отъ 27 декабря минувшаго года, которымъ онъ сообщалъ о полученіи имъ отъ переяславскаго обывателя, недавно прибывшаго изъ Польши и другихъ мѣстъ, извѣстія, что нѣкій Контскій, родомъ иноземець и генераль иноземныхъ войскъ въ Польшѣ, именуется себя воеводою Кіевскимъ и что три полка польскихъ драгунъ должны быть перемѣщены въ окрестности Кіева, именно въ староство вышгородское и притомъ не на короткое время, но на постоянную стоянку и будутъ находиться подъ начальствомъ бѣло-церковскаго комеданта. Поляки же намѣреваются въ Вышгородѣ, въ трехъ миляхъ отъ Кіева, заложить укрѣпленіе. Онъ (гетманъ) поэтому приказалъ своимъ людямъ имѣть строгій надзоръ за границею и не дозволять никому переходить чрезъ Днѣпръ на переяславскую сторону.

22 числа въ Кіевѣ было получено приказаніе не пропускать въ Польшу никакого зернового хлѣба, что однако до сего времени разрѣшали за извѣстную пошлину.

23 числа я писалъ по адресу г. Адіе генералу-лейтенанту Друммонду и вложилъ въ пакетъ на имя г. Давіеля и все вмѣстѣ послалъ дяку Виніусу, имѣвшему надзоръ за почтами; онъ вложилъ это мое письмо въ другое, на имя Джемса Линдсея. Я писалъ такъ боярину, князю В. В. Голицыну, съ просьбою, чтобы меня на нѣкоторое время отпустили на родину. Это письмо я адресовалъ на имя полковниковъ Гамильтона и Менезеса и все вложилъ въ пакетъ на имя полковника Менгдена.

25 числа я отправилъ упомянутыя письма съ Кузьмою, слугою боярина, въ Москву, куда поѣхалъ также венеціанскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Джіовани Негри. Въ этотъ же день была свадьба въ домѣ боярина. У меня очень болѣли глаза и зубы и сдѣлалась опухоль на щекѣ.

26 числа бояринъ писалъ гетману и жаловался, что цѣны на хлѣбъ всякаго рода въ Кіевѣ очень высоки и при томъ по той причинѣ, что черкасы продаютъ и вывозятъ много хлѣба въ Польшу, частію по неосмотрительности, а частію—по плутовству фогта. Гетманъ отвѣчалъ на это, что онъ точно разрѣшилъ бѣднымъ обывателямъ, по ихъ о томъ просьбѣ, продавать хлѣбъ свой, гдѣ они всего лучше и удобнѣе продать

могутъ, но что теперь, когда чрезъ это цѣны на хлѣбъ столь поднялись въ Кіевѣ, онъ далъ приказаніе строго смотрѣть, чтобы никакой хлѣбъ не вывозился бы въ Польшу.

27 числа я получилъ письма изъ г. Сѣвска съ лицами, доставившими мнѣ мои сани.

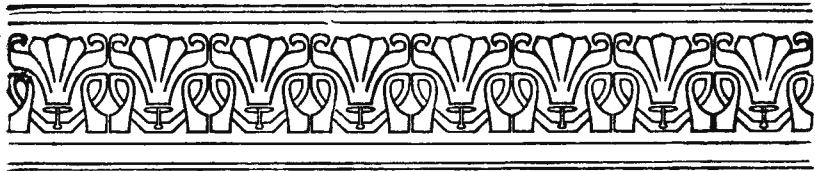
30 числа бояринъ получилъ отъ полковника въ Гадячѣ Михаила Васильевича письмо изъ Переволочной отъ 26 января, которымъ онъ сообщалъ, что 13 числа, онъ, вмѣстѣ съ окольнічимъ Леонтіемъ Романовичемъ Неплюевымъ, прибылъ туда и при встрѣчѣ съ татарами прочелъ имъ объявленіе отъ имени Ихъ Величества о томъ, что, уплачивая въ настоящее время причитывающіяся татарамъ деньги или дань ежегодно, они просятъ татаръ принять таковыя, но, чтобы устроить подобное дѣло прочно и отстранить всякія, могущія возникнуть, затрудненія, рѣшено впредь не посылать въ Крымъ большихъ посольствъ и посланниковъ съ таковыми обыкновенными годовыми платежами; равнымъ образомъ и татары не имѣютъ надобности посылать таковыхъ съ тою же цѣлью въ Москву. Означенные, ежегодные платежи, впредь, всякій разъ, будутъ имъ уплачиваться при ежегодномъ размѣнѣ плѣнныхъ, когда они съѣдутся, по обыкновенію. Татарскій комиссаръ, по имени Велишь-бей, сказалъ, что не получилъ въ этомъ отношеніи никакихъ приказаній или порученій отъ хаѣ, а потому не можетъ принять денегъ, не получивъ на то приказанія. Вслѣдствіе этого, рѣшено было послать кого-либо въ Крымъ; татары отправили агу; окольнічій и полковники снарядили туда же особыхъ лицъ, при чемъ на проѣздъ ихъ туда и обратно назначено было 15 дней. Тѣмъ временемъ татары должны были пребывать въ степени по ту сторону Днѣпра, а христіане находиться въ Переволочной и заняться размѣномъ плѣнныхъ; при этомъ одни плѣнные были выкуплены на чистыя деньги, другіе же размѣнены на плѣнныхъ же равнаго качества и свойства.

Вечеромъ собрались у меня бояринъ, товарищи и всѣ полковники и подполковники.

31 числа прибылъ Аванасій Спѣсивцевъ и сообщилъ, что встрѣтилъ подъ Болховомъ довѣреннаго кіевскихъ офицеровъ, который везъ жалованье.

П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

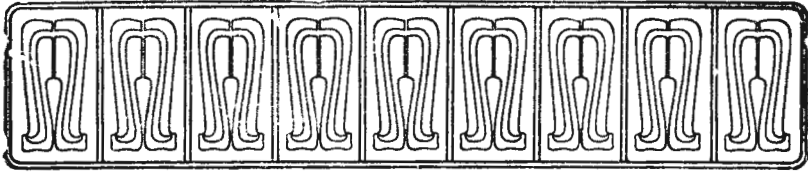
Къ портрету кн. Сангушко.

Въ то самое время, когда германцы въ завоеванныхъ ими земляхъ хищнически губятъ и безсовѣстно тащатъ къ себѣ въ Германію образцы искусствъ и художественныя произведенія и устраиваютъ въ Берлинѣ громадныя аукціоны награбленнаго добра,—тогда же русскія войска тщательно охраняютъ эти сокровища. Намъ удалось получить фотографическій снимокъ съ фамильнаго портрета кн. Сангушко, который позволилъ себѣ снять въ одномъ изъ польскихъ замковъ нашъ офицеръ. Портретъ этой красавицы и предлагаемъ вниманію нашихъ читателей, которые не посѣтуютъ за это ¹⁾.

Ред.

¹⁾ Здѣсь будетъ умѣстно также сообщить, какъ русскія войска относятся къ инославнымъ храмамъ. Лютеранскіе пасторы, покинувшіе свои кирки передъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ восточную Пруссію, и возвратившіеся туда послѣ нашего отступленія, доносили своему начальству, что они были очень удивлены полной сохранностью своихъ храмовъ. Все было цѣло и ничего не поругано послѣ ухода русскихъ войскъ.

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха ¹⁾.

Въ концѣ 1882 года выпала на мою долю весьма неприятная и тяжелая командировка. 12 декабря на церковномъ парадѣ л-гв. Финляндскаго полка въ манежѣ Инженернаго замка подошелъ ко мнѣ военный министръ и объявилъ мнѣ, что Государю Императору было угодно командировать меня на Кавказъ для производства разслѣдованія по поводу происшедшаго въ Елизаветполѣ весьма прискорбнаго происшествія, и что Его Величество приказалъ мнѣ Ему явиться, чтобъ получить отъ Него личныя по сему предмету указанія.

На другой день, когда я явился къ Государю Императору, Его Величество объявилъ мнѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до Его свѣдѣнія, что въ первыхъ числахъ декабря на Елизаветпольской станціи желѣзной дороги жандармскій унтеръ-офицеръ при исполненіи служебныхъ обязанностей избитъ казачьими офицерами, при чемъ присутствовали военный губернаторъ, начальникъ дивизіи, командиръ полка и другія лица, что онъ возмущенъ этимъ поступкомъ, въ особенности въ виду нахождения при этомъ высшихъ губернскихъ властей и высшихъ военныхъ начальниковъ, что онъ просить меня, хотя я и состою въ должности начальника окружнаго штаба, безотлагательно ѣхать на Кавказъ и произвести строжайшее разслѣдованіе, будучи увѣренъ, что лучше меня никто не исполнить это порученіе, и что Онъ желаетъ непременно знать всю истину.

Я позволилъ себѣ спросить Государя, получено ли объ

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

этомъ происшествіи донесеніе отъ исправляющаго должность главноначальствующаго (князь Дондуковъ-Карсаковъ находился въ Петербургѣ) и, получивъ отрицательный отвѣтъ, просилъ Его Величество, не будетъ ли мнѣ разрѣшено выждать это донесеніе, ибо если мѣстное начальство представитъ дѣло въ томъ же видѣ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, то быть можетъ Его Величество повелитъ взыскать съ виновныхъ, и не будетъ надобности въ командированіи меня на Кавказъ.

Государь согласился на представленный мною доводъ, и поѣздка моя была отложена впредь до приказанія.

Черезъ нѣсколько дней ожидаемое донесеніе дѣйствительно было получено, но дѣло было представлено въ совершенно иномъ видѣ. И. д. главноначальствующаго основывался на донесеніи губернатора, начальника Кавказской казачьей дивизіи и елизаветпольскаго воинскаго начальника, опровергалъ фактъ нанесенія побоевъ жандармскому унтеръ-офицеру, а напротивъ донесъ, что жандармскій унтеръ-офицеръ обошелся дерзко съ проѣзжающими черезъ полотно желѣзной дороги губернскими властями и офицерами. Извѣщенный военнымъ министромъ объ этомъ донесеніи, я вновь явился Государю, и согласно Его повелѣнію выѣхалъ въ третій день праздниковъ 27 декабря на Кавказъ. Въ самый новый годъ я переѣхалъ черезъ Кавказскій хребетъ и прибылъ въ тотъ же день въ Тифлисъ. Тутъ я явился высшимъ мѣстнымъ властямъ и выѣхалъ черезъ два дня въ Елизаветполь, взявъ съ собою товарища военнаго прокурора, назначеннаго по приказанію главнаго военнаго прокурора князя Имеретинскаго въ мое распоряженіе. Хорошо зная кавказское начальство и увѣренный, что имъ будетъ сдѣлано все возможное, чтобы запутать дѣло, я рѣшился вмѣсто разслѣдованія произвести формальное слѣдствіе.

Я забылъ упомянуть, что когда я передъ отъѣздомъ представился Государю Императору, Его Величество поручилъ мнѣ передать елизаветпольскому губернатору генералъ-маіору князю Накашидзе, что Онъ хорошо помнитъ его, и что Онъ увѣренъ, что князь Накашидзе окажетъ мнѣ полное содѣйствіе для раскрытія истины.

Въ Елизаветполѣ я помѣстился въ гостиницѣ. Погода стояла необычайно холодная, доходило до 20 градусовъ мороза, я зябъ страшно, живя въ домѣ, вовсе не приспособленномъ для такой погоды. Въ день моего пріѣзда явились ко мнѣ всѣ начальствующія лица, а на другой день я приступилъ къ производству слѣдствія. Опросивъ въ два дня всѣхъ участниковъ

происшествія, жандармовъ и множество свидѣтелей, я пришелъ къ убѣжденію, что донесеніе жандармскаго начальства было правильное, что жандармскому унтеръ-офицеру Толстому не только были нанесены побои, но что офицеры Кавказскаго казачьяго полка, поваливъ его, топтали ногами, и что происшествіе это совершилось на глазахъ высшихъ властей, не принявшихъ никакихъ мѣръ, чтобы остановить это безобразіе.

Окончивъ слѣдствіе, я выѣхалъ изъ Елизаветполя, остановился на день въ Тифлисъ и поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ явился на другой день Государю Императору, которому представилъ словесный докладъ о своей командировкѣ. Письменный отчетъ я представилъ военному министру.

Его Величество выразилъ желаніе, чтобы я присутствовалъ при докладѣ Ему генераль-адъютантомъ Ванновскимъ сего отчета. Выслушавъ чрезвычайно внимательно отчетъ и опредѣливъ участникамъ происшествія соотвѣтствующее наказаніе, Государь Императоръ выразилъ намѣреніе приказать отчислить генераль-лейтенанта Курзакова отъ командованія дивизіею. Тутъ я позволилъ просить снисхожденія за этого генерала, доложивъ Его Величеству, что генераль Курзаковъ въ данномъ случаѣ былъ введенъ въ заблужденіе неправильными докладами своихъ подчиненныхъ, конечно, виновать въ томъ, что не провѣрилъ ихъ, но что судя по прежней службѣ своей нельзя предполагать, что онъ намѣренно хотѣлъ обмануть начальство. Въ виду моего ходатайства Его Величество замѣнилъ предполагаемое наказаніе объявленіемъ генералу-лейтенанту Курзакову Высочайшаго выговора.

Въ Высочайшемъ приказѣ по военному вѣдомству мнѣ было объявлено Высочайшее благоволеніе за отличное исполненіе Лично Его Величествомъ возложеннаго на меня порученія.

Казалось, что это въ высшей степени для меня тяжелое дѣло окончено, и я обратился вновь къ своимъ прямымъ обязанностямъ.

Вдругъ разыгрался совершенно неожиданный для меня эпизодъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего возвращенія съ Кавказа заѣхалъ ко мнѣ военный министръ, генераль-адъютантъ Ванновскій, и передалъ мнѣ, что пріѣхавшій изъ Елизаветполя генераль-лейтенантъ Курзаковъ жалуется на меня, обвиняя меня въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ при производствѣ слѣдствія по Елизаветпольскому происшествію, что я будто бы упустилъ опросить многихъ свидѣтелей, показанія которыхъ представили бы дѣло въ совершенно иномъ видѣ, и что генераломъ Курза-

ковымъ представлена о семь докладная записка генераль-адъютанту князу Дондукову-Корсакову, которая симъ послѣднимъ передана военному министру для доклада Его Величеству.

Крайне удивленный этимъ заявленіемъ, тѣмъ болѣе, что всѣ обстоятельства этого дѣла хорошо были извѣстны князу Дондукову-Корсакову, я просилъ генераль-адъютанта Ванновскаго внимательно рассмотреть представленное мною разслѣдованіе, увѣренный въ томъ, что слѣдствіе мною было произведено настолько тщательно, что не могло возникнуть ни малѣйшее сомнѣніе въ правильности моихъ дѣйствій. Къ этому я присовокупилъ, что если Государю Императору благоугодно было бы дать мнѣ въ присутствіи военнаго министра очную ставку съ генераломъ Курзаковымъ, то я докажу съ полною очевидностью нецѣльность его обвиненія. Черезъ нѣсколько дней ген.-адъют. Ванновскій сообщилъ мнѣ, что Его Величество согласился на мое предложеніе, при чемъ повелѣлъ присутствовать на очной ставкѣ, кромѣ военнаго министра, и генераль-адъютанту Дондукову-Корсакову.

Генералъ Курзаковъ, извѣщенный объ этомъ рѣшеніи Государя, и, быть можетъ, посоветовавшись съ разумными людьми, указавшими ему на опрометчивость его поступка, просилъ военнаго министра о возвращеніи ему представленной имъ докладной записки и отказался отъ всякихъ обвиненій противъ меня. Послѣдствіемъ сего былъ приѣздъ ко мнѣ генераль-адъютанта Ванновскаго и предложеніе мнѣ быть великодушнымъ и отказаться отъ очной ставки.

Я отвѣтилъ военному министру, что генералъ Курзаковъ, вновь поддавъ вліянію неблагомѣренныхъ людей, снова можетъ распространить невыгодные для меня слухи, и что, какъ разъ мнѣ дана очная ставка, я считаю необходимымъ настоять на ней, что я докажу неосновательность обвиненій генерала Курзакова, и если послѣ очной ставки онъ пуститъ пудъ себя въ лобъ, я не буду считать себя виновнымъ.

И такъ состоялась очная ставка на квартирѣ военнаго министра; кромѣ лицъ, прежде поименованныхъ, присутствовалъ представитель отъ военно-судебнаго вѣдомства, на котораго было возложено веденіе протокола.

Военный министръ предложилъ генералу Курзакову формулировать свои обвиненія противъ меня. Выслушавъ ихъ, я прочелъ нѣсколько выдержекъ изъ слѣдственнаго дѣла; опровергнувъ съ полною наглядностью всѣ обвиненія и разбивъ въ пухъ и прахъ генерала Курзакова, я обратился къ военному министру съ

просьбою передать этому генералу, что онъ, ген.-адъют. Ванновскій, былъ свидѣтелемъ, какъ я, доложивъ Государю Императору всѣ обстоятельства происшествія, ходатайствовалъ передъ Его Величествомъ о смягченіи наказанія генералу Курзакову. Выслушавъ сіе, генераль Курзаковъ всталъ съ своего мѣста и рыдая подошелъ ко мнѣ, прося меня простить его. Я отвѣтилъ, что, будь я частное лицо, я протянулъ бы ему съ радостью руку примиренія, но какъ генераль-адъютантъ, бывшій облеченный Высочайшимъ довѣріемъ и оскорбленный при исполненіи своихъ обязанностей генераломъ Курзаковымъ, я его простить не могу. Затѣмъ, обратясь къ военному министру, я просилъ его приказать включить въ протоколъ вышеописанный эпизодъ.

Въ тотъ же день протоколъ былъ представленъ на возвращеніе Его Величества, а на другой день я прочелъ въ Высочайшемъ приказѣ объ отчисленіи генерала Курзакова отъ командованія дивизією и зачисленіи его въ запасъ.

Въ началѣ 1883 года начались приготовленія къ Священному Коронаванію Ихъ Императорскихъ Величествъ. Государь Императоръ возложилъ на Великаго Князя Владиміра Александровича на время Коронаціи командованіе всѣми войсками, расположенными въ Москвѣ и окрестностяхъ, при чемъ ему было присвоено званіе главнаго начальника войскъ. Исполненіе при семъ должности начальника штаба, на правахъ начальника главнаго штаба, было возложено на меня. На Великаго же Князя Владиміра Александровича были возложены всѣ распоряженія по формированію гвардейскаго отряда для отправленія въ Москву на время Коронаціи. Начальникомъ этого отряда назначенъ былъ командиръ гвардейскаго корпуса генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ.

По приказанію Великаго Князя Владиміра Александровича мною былъ составленъ особый докладъ о формированіи гвардейскаго отряда; докладъ этотъ былъ представленъ Его Высочествомъ Государю Императору и утвержденъ Его Величествомъ безъ измѣненій.

Въ составъ этого отряда была назначена между прочими частями 6 донская батарея въ 4-хъ орудійномъ составѣ.

Въ субботу наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія военный министръ потребовалъ меня внезапно къ себѣ. Я засталъ генераль-адъютанта Ванновскаго въ крайне возбужденномъ состояніи. Онъ объявилъ, что потребовалъ меня къ себѣ по слѣдующей причинѣ. Нѣсколько дней тому назадъ имъ былъ полученъ отъ

товарища генерала-фельдцейхмейстера генераль-лейтенанта Соханскаго рапортъ, въ которомъ генераль этотъ, по порученію Его Императорскаго Высочества фельдцейхмейстера, ему донесъ, что по Высочайшему повелѣнію и донская батарея должна слѣдовать въ Москву въ 6-ти-орудійномъ составѣ, т.-е. въ томъ составѣ, въ который она должна быть переформирована на основаніи, нѣсколько дней передъ симъ, состоявшагося приказа по военному вѣдомству.

Военный министръ, крайне задѣтый тѣмъ, что подчиненный ему генераль позволилъ себѣ объявить ему Высочайшее повелѣніе, представилъ объ этомъ на Высочайшее воззрѣніе, не спрашивая по сему предмету личное повелѣніе Его Величества. Государь объявилъ военному министру, что дѣйствительно Великій Князь Михаилъ Николаевичъ просилъ разрѣшенія Его отправить 6 донскую батарею въ Москву въ 6-ти-орудійномъ составѣ, но такъ какъ всѣ распоряженія по формированію гвардейскаго отряда возложены на Великаго Князя Владиміра Александровича, то Его Величество предоставляетъ ему рѣшеніе этого вопроса.

— Я потребовалъ Васъ къ себѣ, присвокупилъ военный министръ, чтобы объявить Вамъ это Высочайшее повелѣніе; пусть Великій Князь Владиміръ Александровичъ рѣшитъ этотъ вопросъ.

На другой день утромъ, когда я приносилъ Великому Князю поздравленіе съ Свѣтлымъ праздникомъ, я вмѣстѣ съ этимъ передалъ ему содержаніе моего разговора съ генераль-адъютантомъ Ванновскимъ, при чемъ совѣтовалъ ему въ угоду желанію Великаго Князя Михаила Николаевича отправить батарею въ Москву въ 6-ти-орудійномъ составѣ, хотя распоряженіе это и вызывало нѣкоторыя затрудненія и неудобства, заключающіяся въ томъ, что пришлось бы въ Москвѣ приготовить лишнія конюшни, на что потребовался бы нѣкоторый расходъ, а затѣмъ донская батарея, окончательно еще не переформированная въ 6-ти-орудійный составъ, вновь явится въ Красномъ Селѣ въ 4-хъ-орудійномъ составѣ, такъ какъ назначенныя на усиленіе состава лошади будутъ приведены съ Дона только осенью, въ Москву же пойдутъ лошади, взятые изъ другихъ частей. Великій Князь Владиміръ Александровичъ, выслушавъ мой докладъ, объявилъ мнѣ, что онъ обдумаетъ это дѣло и дастъ мнѣ черезъ нѣсколько дней отвѣтъ.

Отъ Его Высочества я поѣхалъ къ Великому Князю Михаилу Николаевичу, у котораго собралось все артиллерійское

начальство для принесенія поздравленія Августѣйшему фельдцейхмейстеру.

Его Высочество, увидя меня, сказалъ: „А 6 батарея пойдетъ въ Москву въ 6-ти-орудійномъ составѣ“. Не зная, какъ рѣшить Великій Князь Владиміръ Александровичъ этотъ вопросъ, я отвѣтилъ Его Высочеству, что по сему предмету вышло недоразумѣніе.

5-го мая я переѣхалъ съ штабомъ въ Москву, и съ этого дня до выѣзда Ихъ Величествъ вышло на мою долю не мало заботъ и хлопотъ, такъ какъ всѣ распоряженія по участию войскъ въ разныхъ церемоніяхъ во время Коронаціи дѣлались мною. Я слѣдилъ строго за тѣмъ, чтобы приказанія доходили до войскъ заблаговременно, за все время пребыванія Ихъ Величествъ въ Москвѣ не было случая, чтобы какое-либо распоряженіе по войскамъ было бы измѣнено, благодаря этому не было суеты, всегда царствовало спокойствіе и порядокъ.

Послѣ общаго парада всѣмъ войскамъ, которымъ окончились коронаціонныя торжества, я былъ приглашенъ на завтракъ къ Царскому столу. Тутъ Государь Императоръ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: „Я воображаю, Николай Оттоновичъ, какъ Вы были все время заняты“. При отъѣздѣ изъ Москвы, Его Величество благодарилъ меня въ сердечныхъ выраженіяхъ за всѣ мои распоряженія по войскамъ за время Коронаціи.

Не могу сказать, чтобы въ той степени милостиво ко мнѣ отнеслось придворное вѣдомство. По свойству моихъ служебныхъ обязанностей, требующихъ непрерывныхъ сношеній съ Его Императорскимъ Высочествомъ Главноначальствующимъ, я долженъ былъ непремѣнно жить въ Кремлѣ. Между тѣмъ придворнымъ вѣдомствомъ мнѣ не было отведено помѣщеніе въ дворцовомъ зданіи, и если командиръ 1 баталіона лейбъ-Екатеринославскаго Его Величества полка, флигель-адъютантъ Матвѣенко (бывшій мой подчиненный) не уступилъ бы мнѣ свою квартиру въ казармахъ полка въ Кремлѣ, я не зналъ бы, гдѣ жить. Къ министерскому столу я также не былъ приглашенъ и долженъ былъ искать пропитанія въ ближайшей гостиницѣ. Часто занятія не позволяли мнѣ отлучиться изъ Кремля до восьми часовъ, и такимъ образомъ я иногда оставался до самаго вечера безъ ѣды. Благодаря этому нездоровому образу жизни, я нажилъ себѣ сильный катарръ желудка, отъ котораго страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ.

25 декабря 1883 года, гуляя по Невскому проспекту, я встрѣ-

тилъ военнаго министра. Генераль-адъютантъ Ванновскій предложилъ мнѣ пройтись съ нимъ и разсказалъ мнѣ тутъ, что генераль Черняевъ уже вызванъ въ Петербургъ. „Что бы Вы сказали, присовокупилъ военный министръ, если этотъ постъ Вамъ былъ бы предложенъ“? Я отвѣтилъ военному министру, что прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ, мнѣ необходимо узнать мнѣніе Великаго Князя Владиміра Александровича. Пользуясь постоянно милостивымъ вниманіемъ Его Императорскаго Высочества, я себя считаю обязаннымъ узнать, согласенъ ли онъ отпустить меня отъ себя.

При первомъ моемъ свиданіи съ Великимъ Княземъ, я передалъ Ему содержаніе моего разговора съ военнымъ министромъ.

Выслушавъ меня, Его Императорское Высочество сказалъ: „Вы знаете, что пользуетесь полнымъ Моимъ довѣріемъ, и на сколько я дорожу Вашою службою при Мнѣ, но постъ туркестанскаго губернатора настолько важенъ, занимая его, Вы можете принести громадную пользу Государю и Россіи, успѣшное веденіе дѣлъ въ Средней Азіи имѣетъ для насъ первенствующее значеніе, тутъ не можетъ быть колебаній, берите, берите, берите!“

Затѣмъ перейдя къ вопросу, кто бы могъ быть назначенъ на должность начальника штаба Петербургскаго округа, и получивъ отъ меня отвѣтъ, что я затрудняюсь указать на кого-либо, Великій Князь выразилъ, что его выборъ въ такомъ случаѣ остановится на генераль-маіорѣ Бобриковѣ. „Онъ былъ Вашимъ помощникомъ, присовокупилъ Его Императорское Высочество, и поэтому сдѣлаетъ лучше всякаго другого повести дѣла, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ Вы ихъ вели.“

Въ половинѣ января 1884 года генераль Черняевъ пріѣхалъ изъ Ташкента въ Петербургъ, ему было объявлено, что онъ въ край не возвратится. 21-го февраля состоялся Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи туркестанскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа. Въ приказѣ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа отъ 23 февраля за № 8 Великій Князь Владиміръ Александровичъ объявилъ о моемъ новомъ назначеніи въ слѣдующихъ для меня въ высшей степени лестныхъ выраженіяхъ:

„Съ настоящимъ назначеніемъ генераль-адъютанта Розенбаха, Я, къ искреннему сожалѣнію, лишаюсь ближайшаго сотрудника, трехлѣтняя дѣятельность котораго въ должности начальника моего штаба отличалась беззавѣтною преданностью

дѣлу, просвѣщенной заботливостью о благѣ войскъ и, при твердой волѣ, обширною и всестороннею опытностью.

Проникнутый уваженіемъ къ заслугамъ генераль-адъютанта Розенбаха, пользовавшагося моимъ полнымъ довѣріемъ и существенно облегчавшаго мои труды по управленію Высочайше вѣренными мнѣ войсками, выражаю ему мою душевную благодарность.

Отличную во всѣхъ отношеніяхъ службу этого достойнаго генерала въ войскахъ округа всегда буду цѣнить и помнить“.

Великій Князь не ограничилъ выше приведеннымъ приказомъ свое милостивое ко мнѣ вниманіе. Онъ далъ для меня обѣдъ, на который были приглашены высшія начальствующія лица округа, и подарилъ мнѣ при прощаніи свой портретъ со слѣдующею надписью: „помощнику и другу, 1881—1884 г. Владимиръ“.

Въ распоряженіи генерала Черняева, по званію туркестанскаго генераль-губернатора, состоялъ въ числѣ другихъ лицъ, Свиты Его Величества генераль-маіоръ князь Витгенштейнъ. Зная его за совершенно несоотвѣтствующаго чловѣка, и опасаясь, что, оставаясь при мнѣ, онъ можетъ принести мнѣ вредъ, я, немедленно послѣ моего назначенія генераль-губернаторомъ, просилъ военнаго министра сдѣлать распоряженіе объ его отчисленіи. Генераль-адъютантъ Ванновскій обѣщался мнѣ испросить на это Высочайшее разрѣшеніе.

Немедленно послѣ моего назначенія генераль-губернаторомъ состоялось распоряженіе участвовать мнѣ въ комиссіи члена Государственнаго Совѣта генераль-адъютанта графа Игнатъева, на которую было возложено составленіе проекта положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Однимъ изъ членовъ этой комиссіи былъ и тайный совѣтникъ Гирсъ, только-что образовавшій по Высочайшему повелѣнію этотъ край. Занятія комиссіи тянулись вплоть до моего отъѣзда изъ Петербурга, т. е. до 12 мая. Не будучи знакомъ съ Туркестаномъ и поэтому не имѣя возможности оцѣнить, насколько составленный комиссіею проектъ положенія дѣлъ былъ цѣлесообразенъ, я просилъ передъ моимъ отъѣздомъ военнаго министра прислать проектъ положенія на мое заключеніе въ Ташкентъ; генераль-адъютантъ Ванновскій согласился на это только послѣ настойчивыхъ моихъ просьбъ.

Будущее показало, насколько я былъ правъ. Обѣхавъ край и ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, я представилъ массу замѣчаній на проектъ графа Игнатъева.

За день до моего отъезда изъ Петербурга я представился Государю Императору въ Аничковомъ дворцѣ въ 4 часа. Аудіенція мною была испрошена слѣдующимъ образомъ: Въ началѣ мая я просилъ генераль-адъютанта Рихтера, командующаго Императорскою главною квартирою, испросить повелѣніе Его Величества, когда Ему будетъ угодно меня принять. День и часъ мнѣ былъ назначенъ, но, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, представленіе не состоялось. Другой день для пріема мнѣ не былъ назначенъ. 9 мая я побѣхалъ въ Гатчину на полковой праздникъ Кирасирскаго Его Величества полка; тутъ я вторично обратился къ генераль-адъютанту Рихтеру съ просьбою испросить повелѣніе Государя, когда ему Ему будетъ угодно меня принять. „Обратитесь съ этимъ сами къ Государю“, отвѣтилъ мнѣ генераль. Имѣя въ виду, что всѣ распоряженія къ отъезду были сдѣланы, и не желая упустить случая, я послѣ Высочайшаго завтрака подошелъ къ Его Величеству и испросилъ повелѣніе Государя. „Я буду завтра въ Петербургѣ“, отвѣтилъ мнѣ Его Величество, и пріѣзжайте ко Мнѣ въ Аничковъ дворецъ въ 4 часа“.

Когда я явился на другой день къ Государю, Его Величество удостоилъ меня самаго милостиваго пріема. Много было разговоровъ о Бухарскѣмъ ханствѣ. Согласно донесеніямъ генераль-маіора Гродекова, временно исправлявшаго должность генераль-губернатора, Эмиръ Бухарскій оставлялъ безъ отвѣта всѣ письма туркестанскаго генераль-губернатора, не приводилъ въ исполненіе данное генералу Черняеву обѣщаніе построить телеграфную линію отъ русской границы въ г. Бухару и не выпускалъ Русскую военную депутацію, командированную въ его распоряженіе генераломъ Черняевымъ для обученія бухарскихъ войскъ, заявляя, что депутація имъ будетъ отпущена только тогда, когда русское правительство ему дастъ 20.000 рублей. Вообще наше положеніе въ ханствѣ было настолько испорчено, что самыя крайнія мѣры казались необходимыми.

На вопросъ Государя, много ли я беру съ собою чиновниковъ и офицеровъ, я отвѣтилъ Его Величеству, что я пока не думаю дѣлать никакихъ перемѣнъ въ администраціи, и что, кромѣ вновь назначенныхъ ко мнѣ двухъ личныхъ адъютантовъ, я всѣхъ оставляю на мѣстахъ. „Хорошо ль вы дѣлаете, Николай Оттоновичъ“, сказалъ мнѣ Государь. Я отвѣтилъ Его Величеству, что прежде, чѣмъ рѣшиться на какія-либо перемѣны, я признаю необходимымъ осмотрѣться на мѣстѣ. Если я приду къ убѣжденію, что не могу обойтись тѣми силами

которыя найду въ краѣ, я буду ходатайствовать передъ Его Величествомъ о назначеніи въ мое распоряженіе новыхъ лицъ, дѣлая же перемѣщенія въ настоящее время, я легко могу сдѣлать ошибку и лишить куска хлѣба достойныхъ людей. Государь согласился съ моими доводами, и, пріѣхавъ на мѣсто, я убѣдился, насколько справедливы были мои соображенія. Я засталъ въ Туркестанѣ массу дѣльныхъ и способныхъ людей, и только исподоволь мнѣ пришлось сдѣлать кой-какія перемѣны въ личномъ составѣ. Благодаря этому образу дѣйствій, мое управленіе краемъ пріобрѣло съ перваго же дня должную устойчивость, всѣ служащіе, честно и добросовѣстно исполняющіе свои обязанности, пріобрѣли увѣренность, что не будутъ смѣщены, и дѣла пошла вполне успѣшно.

При прощаніи Государь сказалъ мнѣ, что въ случаѣ какой-либо серіозной надобности, Онъ разрѣшаетъ мнѣ Ему лично писать.

12-го мая, какъ выше было сказано, я выѣхалъ изъ Петербурга. Сопровождали меня личные мои адъютанты: ротмистръ Шафровъ и сотникъ Рындицъ, и чиновникъ генераль-губернаторской канцеляріи Ѳедоровъ. Поѣхалъ я по заранѣ утвержденному маршруту, по которому не только день, но и часъ пріѣзда въ попутный городъ былъ точно опредѣленъ. Маршрутъ былъ составленъ весьма осторожно, и во весь путь не было сдѣлано отъ него отступленія. Вездѣ меня встрѣчало населеніе, заранѣе увѣдомленное о моемъ проѣздѣ. Точное выполненіе маршрута производило общее удивленіе. При проѣздѣ моихъ предшественниковъ, населенію приходилось ожидать ихъ проѣзда не только нѣсколько дней, но иногда и недѣлю. Въ Казалинскѣ меня встрѣтилъ начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, генераль-майоръ Гротенгельмъ, пріѣхавшій изъ Петро-Александровска. Согласно его ходатайству мною было сдѣлано одно весьма серьезное распоряженіе. Я разрѣшилъ ему двинуть одну казачью сотню изъ Петро-Александровска въ Хивинское ханство и расположить ее въ г. Кунградѣ. Мѣра эта была вызвана грабежами туркменъ, неоднократно нападавшихъ на русскіе караваны, двигающіеся съ Аму-Дарьи въ Оренбургъ по западному берегу Аральскаго озера. Благодаря казачьей сотнѣ и содержимымъ ею по разнымъ направленіямъ разѣздамъ, спокойствіе водворилось скоро въ этомъ мѣстѣ и грабежи прекратились. Русскіе купцы, торгующіе въ Хивинскомъ ханствѣ, очень оцѣнили мою заботливость о ихъ нуждахъ.

Въ г. Туркестанѣ я нашелъ шифрованную телеграмму отъ

генераль-маіора Гродекова. Генеральъ извѣщалъ меня о прибытіи въ Ташкентъ бухарскаго посольства, командированнаго Эмиромъ для встрѣчи меня. Во главѣ посольства стоялъ, согласно извѣщенію генерала Гродекова, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ сановниковъ Эмира, Рахметъ-Улла-Бій, извѣстный какъ большой фанатикъ и глава партіи, враждебной Россіи.

Къ этому генеральъ Гродековъ присовокуплялъ, что хотя послѣ моего выѣзда изъ Петербурга наша военная депутація и отпущена изъ Бухары, но тѣмъ не менѣе отношенія крайне натянутыя.

6 іюня 1884 г. министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ мнѣ: „начальникъ главнаго штаба передалъ мнѣ телеграмму генерала Гродекова отъ 27 мая. Изъ нея явствуетъ, что Эмиръ Бухарскій отказывается поставить столбы для телеграфной линіи и отпустить инструкторовъ нашихъ, пока не будутъ присланы обѣщанные будто бы ему 19.000 рублей. Онъ обнаруживаетъ также намѣреніе совершенно измѣнить прежнія отношенія къ начальнику Туркестанскаго края. Положеніе это крайне прискорбно. Не имѣемъ здѣсь достаточно данныхъ, чтобы судить о причинахъ, его вызвавшихъ, но во избѣжаніе крутыхъ мѣръ, могущихъ совершенно измѣнить положеніе дѣлъ въ Средней Азіи и увлечь другія державы, полагаемъ бы необходимымъ устранить затрудненія путемъ переговоровъ. Въ виду этого прошу Васъ поспѣшить сообщить заключеніе ваше о томъ, полагаете ли вы болѣе сообразнымъ тотчасъ же отъ себя возобновить эмиру требованія объ отпускѣ инструкторовъ или же предпочтете дожидаться пріѣзда дипломатическаго чиновника Чарыкова, который отправляется на дняхъ въ Ташкентъ и можетъ быть снабженъ письмомъ къ эмиру отъ меня, въ коемъ наши требованія будутъ заявлены эмиру, по повелѣнію Государя Императора“. Подписалъ: Гирсъ.

13 писемъ генерала Черняева къ эмиру, остались до сихъ поръ безъ отвѣта, и отъ постройки телеграфа эмиръ рѣшительно отказывается.

2 іюня рано утромъ я пріѣхалъ на станцію Гишкупрюкъ, послѣднюю не доѣзжая Ташкента. Тутъ я былъ встрѣченъ высланною мнѣ навстрѣчу конвойною сотней и бухарскимъ посольствомъ. Желая съ перваго шага показать полное мое неудовольствіе эмиру, я обошелъ сначала конвойную сотню, поздоровался съ казаками, и затѣмъ уже подошелъ къ посольству. Сказавъ нѣсколько словъ членамъ посольства и не по-

давъ никому руки, я разрѣшилъ имъ ѣхать обратно въ Ташкентъ, не пригласивъ ихъ къ достархану (восточное угощеніе), приготовленному для меня на станціи. Столь явно нелюбезное съ ними обращеніе произвело на нихъ конечно сильное впечатлѣніе. Рахметъ-Улла-Бій, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, послалъ, какъ я потомъ узналъ, немедленно эмиру подробное донесеніе о моемъ болѣе, чѣмъ нелюбезномъ пріемѣ.

Въ тотъ же день въ 10 часовъ утра я выѣхалъ въ Ташкентъ гдѣ былъ встрѣченъ войсками, служащими и населеніемъ, русскимъ и туземнымъ. Погода стояла чудная, и городъ произвелъ на меня въ общемъ благоприятное впечатлѣніе.

4 іюня я назначилъ аудіенцію бухарскому посольству. Тутъ я выразилъ Рахметъ-Улла-Бію неудовольствіе русскаго правительства на образъ дѣйствій эмира, потребовалъ, чтобы всѣ требованія генерала Черняева, изъясненныя въ 13 его письмахъ къ эмиру, безотлагательно были выполнены, а также приступлено къ постройкѣ телеграфной линіи. Рѣшительный мой образъ дѣйствій произвелъ должное впечатлѣніе. Рахметъ-Улла-Бій сказалъ мнѣ, что обо всемъ, мною переданномъ, онъ сообщитъ немедленно эмиру, и всѣ мои требованія будутъ несомнѣнно удовлетворены. Дѣйствительно при слѣдующей аудіенціи онъ мнѣ представилъ нѣсколько писемъ эмира, послѣдовавшихъ въ отвѣтъ на письма генерала Черняева.

Признавая необходимымъ настоять на всѣхъ моихъ требованіяхъ, я рѣшился безотлагательно отправить въ Бухару особое посольство, въ главу котораго я поставилъ помощника начальника окружнаго штаба полковника Матвѣева, чловѣка рѣзкаго, можно сказать даже грубаго. Мною ему было приказано не выѣзжать изъ Бухары, пока эмиромъ не будетъ подписана конценція о постройкѣ телеграфной линіи и не исполнены всѣ безъ исключенія требованія, заявленныя генераломъ Черняевымъ. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ, по моему мнѣнію, и были неосновательны, но, разъ о нихъ было сообщено генералъ-губернаторомъ, я призналъ необходимымъ настоять на выполненіи ихъ.

Посольство полковника Матвѣева имѣло полный успѣхъ. Эмиръ согласился на все, телеграфная конвенція подписана эмиромъ, и къ 26 августа постройка линіи окончена.

Въ этотъ день, въ бытность мою въ Самаркандѣ, я получилъ изъ Бухары телеграмму отъ эмира, извѣщающаго меня объ открытіи телеграфной линіи. Въ настоящее время русское правительство, не истратившее ни одной копейки на постройку,

получаетъ въ годъ 15—20.000 рублей чистаго дохода. Эмиръ получаетъ также на затраченный капиталъ весьма приличный процентъ. Для русской торговли телеграфная линія приноситъ громадную пользу; политическое ея значеніе чрезвычайно важно; съ проведеніемъ телеграфной линіи прекратилась, такъ сказать, обособленность Бухары; это былъ первый рѣшительный шагъ къ мирному завоеванію ханства, которое довершено въ 1888 г. проведеніемъ желѣзной дороги и расположеніемъ русскихъ гарнизоновъ въ Чарджуѣ и Карки.

Первое время пребыванія моего въ Ташкентѣ я посвятилъ ознакомленію съ текущими дѣлами, ближайшему знакомству съ моими подчиненными и осмотру города. Всѣ распоряженія и мѣры, принятія мною, подробно изложены въ моихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, лично мною представленныхъ Государю въ 1885 и 1888 годахъ, копии съ которыхъ хранятся въ моихъ бумагахъ; въ настоящихъ запискахъ я коснусь только тѣхъ распоряженій, которыя имѣли особое значеніе для края, и требуютъ ближайшаго освѣщенія.

8 іюня я посѣтилъ въ первый разъ туземный городъ, который произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе; дороги отвратительныя, вездѣ вонь и грязь, базаръ отчаянный. По наведенной мною справкѣ оказалось, что изъ 150.000 рублей, составляющихъ доходную смѣту города Ташкента, ежегодно тратилось на туземный городъ не болѣе 4—5.000 руб.; городскимъ хозяйствомъ завѣдовала дума; выборный городской голова находился подъ судомъ, его замѣщалъ товарищъ головы, купецъ Кожевниковъ. Воспользовавшись этимъ ненормальнымъ положеніемъ и предоставленною мнѣ властью, я рѣшился назначить городскимъ головою начальника города Ташкента, полковника Путинцева, чрезвычайно распорядительнаго и дѣльнаго штабъ-офицера. Благодаря его заботамъ, городское хозяйство поправилось быстро. Лежащій на городѣ долгъ въ 18.000 руб. уплаченъ, въ настоящее время почти всѣ улицы въ русскомъ городѣ шоссированы, устроены тротуары, учреждена прекрасная полиція, вырыто множество колодцевъ, городъ по своему благоустройству не уступаетъ лучшимъ городамъ въ Европейской Россіи. Въ туземномъ городѣ исправлены мосты и дороги, обращено особое вниманіе на чистоту, открыта амбулаторная лѣчебница для туземцевъ, открыты 4 русскія школы для туземцевъ, и наконецъ построены, безъ всякихъ расходовъ отъ казны, великолѣпный базаръ, лучшій въ Средней Азіи.

Все это достигнуто въ теченіе 5 лѣтъ. Городское общество,

встрѣтившее первоначально весьма несочувственно назначеніе начальника города городскимъ головою, помирилось въ настоящее время вполне съ этимъ распоряженіемъ и сдѣлало въ 1888 году полковнику Путинцеву, при отъѣздѣ его въ 4 мѣсячный отпускъ въ Россію, самую сердечную овацію. Вслѣдъ за введеніемъ новаго положенія объ управленіи краемъ, въ 1888 году изданъ законъ, на основаніи котораго городской голова назначается распоряженіемъ правительства; такимъ образомъ сдѣланное мною въ 1884 году распоряженіе получило законодательную санкцію.

Желая насколько возможно содѣйствовать развитію производительности края, я немедленно по назначенію генералъ-губернаторомъ опредѣлилъ на должность чиновника по особымъ порученіямъ натуралиста г-на Вилькинса... Чиновникъ этотъ служилъ въ теченіе болѣе 10 лѣтъ въ Туркестанѣ, былъ вполне знакомъ съ производительными силами края и, по непонятному распоряженію генерала Черняева, оставленъ за штатомъ. Пользуясь его свѣдѣніями, я желалъ прежде всего дать толчекъ культурѣ въ краѣ хлопка изъ американскихъ сѣмянъ и поддержать шелководство, пришедшее, вслѣдствіе развитія болѣзни шелковичныхъ червей, въ полный упадокъ. Согласно докладамъ господина Вилькинса мною были учреждены въ Ташкентѣ, вслѣдъ за моимъ прибытіемъ въ край, хлопковая ферма и гренажная станція, первая открытая въ Россіи.

На Кавказѣ въ Тифлисѣ учреждена гренажная станція въ 1888 году. Желая распространить въ краѣ свѣдѣнія о культурѣ американскаго хлопка, былъ напечатанъ по моему распоряженію въ „Туркестанскихъ вѣдомостяхъ“ отчетъ д. с. с. Бродовскаго, командированнаго за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ бывшимъ ген.-губернаторомъ Кауфманомъ въ Сѣверную Америку для изученія хлопковаго дѣла. Отчетъ этотъ въ высшей степени поучительный, по непонятной причинѣ, не былъ до моего пріѣзда въ край обнародованъ. Вышесказанныя мѣры, а рядомъ съ ними даровая выдача нѣкоторымъ лицамъ сѣмянъ американскаго хлопка, происходящія подъ моимъ предсѣдательствомъ ежегодные съѣзды хлопководовъ дали этой отрасли сельскаго хозяйства рѣшительный толчекъ, и результаты превзошли самыя смѣлыя ожиданія.

(Окончаніе съдуетъ).

Л

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾).

1 декабря. Англійскій журналъ „The graphic“ пишетъ, что „на Балтійскомъ морѣ, несмотря на несоизмѣримое превосходство германскаго флота, русскія морскія силы всегда побѣдною закапчивали всѣ боевыя встрѣчи съ непріателемъ“. Не только одна Россія, но и всѣ ея союзники должны быть признательны этому флоту за то, что подобная благоприятная для насъ обстановка на Балтійскомъ морѣ сдѣлалась возможной.

Германское предпріятіе на Балканахъ кончилось, какъ и повсюду, полууспѣхомъ: сербская земля завоевана, разорена и поругана. Быть можетъ та же участь постигнетъ и Черногорію. Но сербская армія осталась и существуетъ. Нѣмцамъ и болгарамъ еще придется, но уже совершенно при другихъ условіяхъ, испытать могучіе удары сербовъ.

Полууспѣхъ германцевъ на Балканахъ сказался еще въ томъ, что союзная армія крѣпко и прочно сидитъ въ Салоникахъ и центральнымъ державамъ ихъ никогда оттуда не выбить.

Надежды кайзера на запасы людей и довольствія въ Болгаріи и Турціи оказались пуфомъ. Обѣ страны разорены и бѣдны людьми. Германское распыленіе турецкой арміи на части во Фракіи, Константинополѣ, Дарданеллахъ, а также переброска турокъ на авантюры противъ Египта и Суэца, все это вѣроятно

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

готовить оставшимся на другихъ театрахъ турецкимъ силамъ крайне неприятыя осложненія.

Въ то самое время, когда разыгрывается такая тяжкая трагедія въ Сербіи, въ русской газетѣ „Русское Знамя“ № 245 мы находимъ слѣдующія позорныя строки:

„Подальше отъ сербовъ, подальше, будемъ мы просить Царя: недостойны они, чтобы пальцемъ о палець ударить для спасенія ихъ отъ нѣмцевъ“.

Интересныя строки набрасываетъ въ „Новомъ Времени“ г. Смоляниновъ о дѣянiяхъ убитаго любимца всѣхъ, одного изъ полковыхъ батюшекъ.—„Невысокая, увалистая гряда песчаныхъ холмовъ, прикрытыхъ снѣгомъ, занята противникомъ. Видны только передовые окопы германцевъ. Непосредственно за холмами тянутся двѣ большія роци, промежутокъ между ними занятъ большой деревней. Все это отлично скрываетъ отъ насъ всѣ передвиженія германскихъ резервовъ. Тяжелыя батареи уже обстрѣливаютъ и обѣ роци, и деревню по площадямъ. Легкая засыпаетъ шрапнелью окопы, а пѣхота дружно наступаетъ цѣлыми рядами цѣпей, двигающихся одна за другой.

Видно, какъ онѣ залегаютъ, встаютъ, какъ подъ бѣлыми облаками шрапнельныхъ разрывовъ нѣтъ-нѣтъ, да и перевернется одинъ-другой стрѣлокъ, какъ около него возьмется сапатары, выносятъ...

Рядомъ съ одной изъ цѣпей рѣзкимъ чернымъ пятномъ выдѣляется на бѣломъ снѣгу какая-то фигура. Всмотриваюсь въ большую трубу и узнаю въ этой фигурѣ батюшку.

Не отвѣтая отъ цѣпи ни на шагъ, онъ идетъ за ней, въ полный ростъ, не сгибаясь, въ своемъ черномъ, кожаномъ костюмѣ, не обращая вниманія ни на шрапнель, ни на пули.

Упадетъ кто-нибудь, и батюшка бѣжитъ къ нему, наклоняется надъ раненымъ, возится около него, накладывая повязку, напутствуя умирающаго. Управится съ однимъ, переходитъ къ другому, подвигаясь все дальше и дальше впередъ, вслѣдъ за цѣпью.

Долго продолжалась атака, но къ вечеру германскіе окопы были взяты и бой затихъ.

Батюшку я увидалъ лишь на слѣдующее утро. Надѣвъ епитрахиль, замѣнивъ солдатскую папаху скуфьей, онъ шелъ къ братской могилѣ. Лицо его было грустно, и мнѣ показалось

осунувшимся. Я пошелъ за нимъ. На фронтѣ рѣдкій ружейный огонь. А здѣсь, у перекрестка дорогъ, вырыто четыре братскихъ могилы для стрѣлковъ, а у нихъ „въ головахъ“ одна—офицерская. Могилы еще открыты, и поблѣднѣвшія, землистыя лица убитыхъ, у иныхъ сплошь закрытыя налетомъ смершейся крови, видны хорошо.

...„Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, рабомъ Твоимъ, воинамъ, на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество животь свой положившимъ“...—плачущимъ голосомъ, нараспѣвъ возглашаетъ батюшка, поминая всѣхъ убитыхъ поименно, и крупныя слезы бѣгутъ по его полному лицу, складывающемуся въ невольныя, скорбныя морщины...

Одинъ изъ вліятельныхъ въ своей странѣ, норвежець передавалъ мнѣ, что норвежцы очень расположено относятся къ Россіи.

Симпатіи эти начали проявляться особенно сильно съ тѣхъ поръ, когда Россія первая изъ всѣхъ государствъ признала самостоятельность Норвегіи.

Когда началась настоящая война, то Швеція заявила Норвегіи, что она пойдетъ противъ Россіи. На это отъ Норвегіи былъ полученъ отвѣтъ—„Норвегія за Россію“. Это и удержало Швецію отъ рискованнаго шага.

Въ Норвегіи очень много помогали и помогаютъ тѣмъ пострадавшимъ въ Германіи русскимъ людямъ, которые проѣзжаютъ Норвегію, и во главѣ тамошняго комитета, щедро оказывающаго эту помощь, стоитъ норвежскій президентъ министръ.

На эти сердечныя слова петроградскій обыватель отвѣтилъ, что онъ увѣренъ, что на будущее время Россія встрѣтитъ въ Норвегіи не только прекраснаго друга, но и доблестнаго союзника, тѣмъ болѣе, что никакихъ симпатій къ германцамъ норвежцы не проявляютъ.

Въ юго-западномъ краѣ г.г. прибалтійцамъ предоставлены особыя льготы и привилегіи, включительно до денежныхъ ссудъ, при покупкѣ въ этомъ краѣ казенныхъ и частныхъ имѣній. Въ этомъ случаѣ прибалтійцы именуются: „лицами русскаго происхожденія протестантскаго вѣроисповѣданія“.

2-го декабря. Глава нѣмецкаго шпіонажа въ Греціи фонъ Шенкъ не разъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ королемъ. Фонъ-Шенкъ таинственно бѣгалъ во дворець къ королевѣ, черезъ которую германцы стараются воздѣйствовать на греческаго монарха. Это имъ во многомъ удается, такъ какъ королева имѣетъ несомнѣнное вліяніе и охотно вмѣшивается въ политику, получая соотвѣтствующія инструкціи изъ Берлина ¹⁾).

Прибывшіе изъ Новогеоргіевска сестры милосердія рассказываютъ ²⁾, что наши больные и раненые, прибывшіе въ Новогеоргіевскъ изъ германскихъ госпиталей, были покрыты корой грязи, которую отмывали щетками, о перевязкахъ эти страдальцы и понятія не имѣли, почти всѣ заражены гнилокровіемъ.

Сестеръ нашихъ изъ 10 и 11 новогеоргіевскихъ госпиталей принудительно заставляли ходить за нѣмцами, больными дезинтеріей и холерой. Былъ случай, когда одного умершаго холерой держали въ палатѣ четыре дня.

Нижній чинъ былъ посланъ на работы и вслѣдствіе истощенія не былъ въ силахъ исполнить изнурительную тяжелую задачу, за это нѣмецъ-солдатъ искололъ его штыкомъ настолько, что несчастный отдалъ Богу душу.

Съ плѣнными врачами обхожденіе не лучше: слово „швейнехундъ“ сопровождаетъ обращеніе даже къ русскимъ интеллигентамъ, недавно послѣ какого-то недоразумѣнія нашего врача съ нѣмецкимъ солдатомъ, послѣдній выстрѣлилъ въ упоръ въ животъ доктору.

Въ Альтдамѣ подвергли сестеръ карантину. Всѣ сакъ-воязи просто взламывали, не трудясь открыть ключомъ. Когда вещи дезинфицировали, сестры, совершенно обнаженные, сидѣли, прикрывшись простынями въ досчатомъ баракѣ, черезъ щели котораго видна была улица. Теперь большинство чувствуютъ себя нездоровыми.

По сіе время Италия все еще не состоитъ въ войнѣ съ Германіей.

Всѣ банки, акціонерныя предпріятія и массы промышленныхъ предпріятій находятся въ германскихъ рукахъ.

Вотъ гдѣ зарыта собака.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 2 декабря 1915 г.

²⁾ Тамъ же.

По словамъ газеты „Lihdums“, изъ Венденскаго уѣзда Лифл. губ. высланы въ Иркутскую область слѣдующіе нѣмцы:

Пасторъ венденскаго нѣмецкаго прихода Бергенгрюкъ, директоръ юрьевскаго нѣмецкаго банка Гурляндъ, два брата барона Кампенгаузенъ, предсѣдатель венденскаго сиротскаго суда фонъ-Вольфертсъ, секретарь лифл. нѣмецкаго с.-хоз. общества Розенфлянцеръ, владѣлецъ им. Катериненъ фонъ-Раутенфельдъ и прис. пов. фонъ-Эрддорфъ Купферъ.

Кромѣ того арестованъ въ Финляндіи скрывавшійся тамъ предводитель дворянства Илукстскаго уѣзда, Курл. губ., баронъ Руммель, приказъ о высылкѣ котораго послѣдовалъ уже въ августѣ мѣсяцѣ.

3 декабря Петроградскому обывателю кажется, что теперь, когда уже совершенно точно выяснилось замариваніе германцами нашихъ плѣнныхъ недостаточнымъ питаніемъ, грозящимъ совершеннымъ полнымъ истощеніемъ ихъ организма, и ихъ гибелью, намъ надо совершенно прекратить закармливаніе на убой плѣнныхъ, находящихся въ Россіи,—до полнаго примѣненія пищевого режима плѣнныхъ въ Германіи для плѣнныхъ въ Россіи, самой энергичной посылкой нѣмцевъ на работы, съ сообщеніемъ объ этихъ мѣрахъ германцамъ, черезъ американское посольство. Медлить значитъ загубить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ.

По словамъ „Вечерняго Времени“ ¹⁾, когда наши плѣнные солдаты были отправлены изъ концентраціонныхъ лагерей на австрійскій юго-западный фронтъ, имъ было приказано рыть траншеи и сооружать проволочныя загражденія. Отказавшіеся повиноваться подвергались пыткамъ, какъ-то: голоду въ теченіе 3—4 дней, палочнымъ ударамъ, подвѣшиванію на кистяхъ рукъ, скрученныхъ за спиной, при связанныхъ ногахъ, при чемъ пытка эта продолжалась до впаденія въ обморочное состояніе.

Такимъ пыткамъ были подвергнуты унтеръ-офицеръ Александръ Сергѣевъ, пѣхотнаго полка, Григорій Серко, Андрей Роткинъ, который застрѣлился, не выдержавъ пытки, Савелюкъ, пытавшійся покончить съ собой, фельдфебель Данилъ Мандрыкинъ, Свирскаго пѣхотнаго полка, фельдфебель Петръ Семенчукъ, 42-го пѣхотнаго Иркутскаго полка, перенесшій

¹⁾ „Веч. В.“, 3 декабря 1915 г.

пытку подвѣшиванія и голода въ теченіе четырехъ дней, при-
нужденъ былъ присутствовать съ 150 плѣнными, нѣкоторые
изъ которыхъ, а именно, старшій унтеръ-офицеръ, Василій
Митаниръ, стрѣлковаго Сибирскаго полка, рядовой Чернолус-
скій, Сибирскаго стрѣлковаго полка, старшій унтеръ-офицеръ
Яковъ Грибковъ, 82-го пѣхотнаго полка также бѣжали въ Ита-
лію, при разстрѣлѣ четырехъ ихъ товарищей, который про-
изводился самымъ варварскимъ образомъ кадетами австрійской
военной школы въ Тироли.

Въ каждаго изъ казенныхъ плѣнныхъ было выпущено по
четыре пули: двѣ въ голову, двѣ въ грудь, при чемъ стрѣляли
каждый разъ четыре австрійскихъ кадета. Этотъ фактъ под-
тверждается во всѣхъ подробностяхъ однимъ изъ этихъ каде-
товъ, находящимся въ настоящее время въ плѣну въ Италиі.
Всѣ кадеты, разстрѣливавшіе плѣнныхъ, были нѣмцы, за ис-
ключеніемъ нѣсколькихъ тиролецевъ.

Лица, проѣзжавшія черезъ Румынію, рассказывали мнѣ, что
въ бесѣдахъ съ румынскими офицерами, послѣдніе неизмѣнно
высказывали ихъ завѣтную мысль сражаться плечо къ плечу
съ русской арміей противъ австро-германцевъ.

Каковы наши сестры милосердія, приводитъ г. Пиленко
трогательное повѣствованіе ¹⁾ объ одной изъ нашихъ святыхъ
сестеръ милосердія, изувѣченныхъ германскимъ снарядомъ во
время бомбардировки Новогеоргіевска.

„Сестра Ф. въ небольшомъ нижнемъ помѣщеніи собрала
раненныхъ и дѣлала самыя экстренныя перевязки. По близос-
ти разорвался снарядъ; большой осколокъ пробилъ дверь и
ударилъ ее въ ногу; раненныхъ не задѣло, вѣроятно оттого,
что они лежали на полу, а она стояла. Покликали мы санита-
ровъ; но санитаровъ нѣтъ; докторовъ тоже поблизости не было.
Побѣжали туда двѣ сестры, захватили съ собой только жгутъ
для остановки крови... На площади, въ буквальномъ смыслѣ
слова, адъ: снаряды такъ и взрываются, одинъ за другимъ,
пыль, копоть, известка; дымомъ застилаетъ; земля вся изрыта
громкими ямами, тутъ же валяются убитыя лошади; деревья
расщеплены, вѣтки разбросаны; около канцеляріи начинается

¹⁾ „Веч. Вр.“ 3 декабря 1915 г.

пожаръ, тушить некому, воздухъ такой, что почти дышать невозможно... Прибѣжали... Сестра Ф. лежитъ на полу, совсѣмъ бѣлая; видимъ, истекаетъ кровью, кругомъ громадная лужа, и все платье буквально пропитано кровью. Одна нога перебита пониже колѣна, расщепленныя кости торчатъ изъ раны; ступня виситъ, можно сказать, на одной кожицѣ. Другая нога въ нѣсколькихъ мѣстахъ поранена тѣмъ же осколкомъ, но кость, къ счастью, уплѣбла. Стали мы ее поднимать, очень ей, бѣдной, было больно, она только сказала тихо:

— Оставьте меня тутъ помирать...

— Зачѣмъ же вамъ, Наточка, умирать? Мы васъ сейчасъ донесемъ въ перевязочную.

Наложили ей жгутъ выше колѣна; кричимъ:

— Носилки!.. Носилки!

А носилокъ никакихъ нѣтъ. Прибѣжала ея младшая сестра... На нее видъ крови и ноги сильнѣе подѣйствовалъ, чѣмъ на раненую. Испугалась.. Кричить страшно... Прямо не знали, куда ее и дѣвать! Въ это время подошелъ одинъ молодой докторъ; взяли ее втроемъ и кое-какъ, поддерживая ногу, понесли. Только ужъ при входѣ въ нашъ лазаретъ, на крылечкѣ, нашли мы носилки и положили ее. Видимъ, что надо сейчасъ же дѣлать ампутацію, потому что нога совершенно раздроблена. А какъ дѣлать? Въ перевязочную попалъ снарядъ, окна всѣ выбиты; всѣ столы и инструменты покрыты густымъ слоемъ пыли и известки. Подумали, подумали... Докторъ говоритъ:

— Вынесемъ ее подъ лѣстницу, тамъ все-таки почище.

Составили два столика, сполоснули сулемой, обожгли инструменты спиртомъ, и тутъ же, подъ лѣстницей, въ полутемномъ помѣщеніи, стали дѣлать операцію... Отъ мѣстнаго зараженія крови все-таки уберечь не смогли; потомъ пришлось дѣлать вылущиваніе одной изъ костей... Обрѣзали ногу чуть-чуть пониже колѣна, перевязали. Снесли въ комнату, которая выходила окномъ на улицу. И надо же такое несчастье: черезъ нѣсколько минутъ подъ окномъ опять разорвался снарядъ и влетѣли мелкіе осколки; одинъ упалъ около кровати, а другой—помельче, такъ съ наперстокъ величиной,—запутался у нея въ волосахъ. Мы, когда вынимали ей изъ головы шпильки и остатки гребенки, такъ нашли и этотъ осколокъ; подарили ей на память... Тутъ были такіе ночные столики, очень прочные, дубовые, тяжелые; мы поставили три такихъ столика вдоль кровати, наложили нѣсколько матрацовъ: отъ снаряда не спасетъ, а отъ осколковъ, все-таки, можетъ быть нѣкоторая защита. Зало-

жили также окно, чтобы ей покойнѣе было... Ничего подъ руками не было... Навалили мѣшковъ съ сахаромъ и сдѣлали ей изъ этого защиту. Такъ она и лежала. Чистая, кроткая, наивная. Только-что передъ тѣмъ исповѣдалась и пріобщалась... Начнемъ ее передвигать, боль безумная. Другіе, здоровеннѣйшіе солдаты, не выдерживаютъ, нервничаютъ, кричатъ, бранятся. А эта—ни слова упрека не проронила. Какъ станетъ ей ужъ очень больно, она тихо и кротко заплачетъ, а ничего не говоритъ. Позвали мы старшую сестру. И знаете, что она ей первое сказала? Протянула руку и стала извиняться:

— Евгенія Андреевна... Пожалуйста, простите... Я виновата... Тамъ раненые... Я должна была перевязывать...

Мы ее успокаивали. Она опять говоритъ:

— Вотъ я рада, что исполнила свой долгъ...

А потомъ, подъ вечеръ, такъ осторожно, испытующе спрашиваетъ:

— А что у меня съ ногой?

— Да нога у васъ сильно раздроблена.

Ей, вѣдь, знаете, только бы приподнять одѣяло, она увидала бы, что ноги нѣтъ. Но боится посмотрѣть. Опять издали заходитъ.

— Что же, пожалуй, отрѣжутъ ногу?

— Вѣрно, Наточка, отрѣжутъ... Кость очень сильно раздроблена.

Она подумала, поколебалась, а потомъ тихо прибавляетъ (все еще боялась спросить):

— Кость можетъ быть раздроблена, а вотъ нервы цѣлы...

— Мы это хорошо знаемъ, съ солдатами ампутированными, вотъ которые отмороженные бываютъ. Имъ еще долго потомъ кажется, что и пальцами двигаетъ, и пятка болитъ, когда нога ужъ давно отрѣзана. Мы тогда промолчали. А она опять настаиваетъ (трудно вѣдь въ 25 лѣтъ пріучать себя къ страшной мысли):

— Туго у меня пальцы стянута; можетъ быть, распусть можно?..

Провѣрить хотѣла: станемъ ли мы поправлять повязку на пальцахъ...

Трудно было намъ выдерживать; вѣроятно, она поняла; замолчала, заплакала.

Потомъ на слѣдующій день приходитъ другая сестра и начинаетъ вести разговоръ о штурмѣ.

Ротная сестра посмотрѣла, посмотрѣла—намъ тихо говоритъ:

- Моей ножки уже нѣтъ.
- Что жъ. Богу значить угодно.
- Ко всему надо привыкать.

Прошло почти полтора года (декабрь 1915 г.) со времени начала войны, и германскій флотъ адмирала Тирпица позорно укрывается въ своихъ военныхъ гаваняхъ, не вступаетъ въ морской бой съ англійскимъ флотомъ, и терпитъ постоянныя неудачи при встрѣчѣ съ нашимъ, слабѣйшимъ, балтійскимъ флотомъ.

Дѣянія германскаго флота въ началѣ войны заключались въ пиратскихъ дѣйствіяхъ ихъ крейсеровъ до ихъ уничтоженія, и позорныхъ дѣяніяхъ ихъ подводныхъ лодокъ, изумляющихъ своимъ звѣрствомъ весь цивилизованный міръ.

Одинъ изъ нашихъ раненыхъ, вернувшихся изъ германскаго плѣна, повѣствуетъ ¹⁾ о нѣмецкихъ звѣрствахъ нижеслѣдующее.

1) Послѣ отвратительной перевязки на полѣ сраженія ее не мѣняли въ теченіе *двѣнадцати дней*, и въ ранахъ *завелись черви*.

2) Ни одинъ изъ общественныхъ лазаретовъ не желалъ принимать русскихъ, а въ гор. Ангбургѣ, пока они, раненые, лежали на носилкахъ на мостовой, собравшаяся толпа нѣмецкихъ женщинъ и дѣтей забавлялась тѣмъ, что ругала ихъ, *плевала въ лицо, дѣти дергали за бороду и усы* и бросали грязью.

3) Изъ тринадцати госпиталей, гдѣ ему пришлось лежать, только въ данцигскомъ были сносныя условія, да и то потому, что главнымъ врачомъ былъ профессоръ-полякъ.

4) Только благодаря плѣнному французу-врачу удалось сохранить ему руку, т.-е. не ампутировать. Рука искалѣчена и не дѣйствуетъ совершенно.

5) Плѣнныхъ не раненыхъ и легко раненыхъ, первые мѣсяцы, приблизительно до декабря, держали *подъ открытымъ небомъ* и въ такихъ условіяхъ, что въ одномъ изъ такихъ лагерей за мѣсяць изъ 30.000 плѣнныхъ умерло отъ холеры и тифа шесть тысячъ человѣкъ.

6) Въ госпиталяхъ такой режимъ, что невольно приходишь къ мысли, что заведенъ онъ исключительно для издѣвательства надъ плѣнными.

¹⁾ „Веч. Вр.“, 3 декабря 1915 г.

Въ офицерскихъ баракахъ безконтрольная власть принадлежитъ нѣмецкому унтеръ-офицеру, который прибѣгаетъ иногда даже къ физическому воздѣйствію.

7) Кормятъ отвратительно.

8) Но ужаснѣе всего разыгрывались сцены при кормленіи. Иногда послѣ раздачи супа оставалось его немного. Завѣдующій раздачей любезно спрашивалъ, не желаетъ ли кто прибавки. Но какъ только проголодавшаяся толпа бросалась къ чану, онъ приказывалъ солдатамъ *прикладами и резинами* разгонять толпу, *звалъ собакъ и имъ выливалъ этотъ супъ*. То же происходило, когда плѣнные приходили за картофельной шелухой.

Въ настоящее время германцы и австрійцы ведутъ среди плѣнныхъ усиленную, печатную, революціонную пропаганду. Замѣтно сконцентрированіе разныхъ народностей, особенно малороссовъ, гдѣ идетъ во всю украинофильская дѣятельность. Замѣтно также соединеніе бѣлоруссовъ и пакостныя инсинуаціи среди нихъ. Для нашихъ плѣнныхъ даже издается особая подлая газета.

У насъ въ Петроградѣ каждая отрасль промышленности, говорятъ, находится въ рукахъ 3—5 лицъ, которыя стовариваются придержать доставку того или другого продукта и скрываютъ по складамъ уже имѣющійся запасъ. Какъ было бы прекрасно, если бы предержавшіе, пользуясь военнымъ положеніемъ, вздернули бы кверху одного изъ сихъ продуктовыхъ королей, или направили бы одного изъ сихъ дѣятелей на каторгу.

Сразу бы все измѣнилось.

Говорятъ, что на пакгаузахъ товарныхъ станцій Николаевской дороги масса неразгруженныхъ вагоновъ съ мясомъ, масломъ, сахаромъ, дровами и углемъ.

4—6 декабря. Вотъ какъ хозяйничали, по рассказамъ одной изъ сестеръ милосердія, нѣмцы при взятіи Новогоргіевска ¹⁾.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 4 декабря 1915.

„Всѣ склады разбили; стали вывозить. Вы себѣ представить не можете: пустыя банки изъ-подъ консервовъ, если жестяныя, нагружали въ вагоны и увозили! Приговаривали:

— Какіе вы, русскіе, богатые! Какъ у васъ всего много! Откуда это у васъ берется?

Отдѣльные солдаты, конечно, грабили на себя. Разъ сестра вышла на улицу въ кожанной курткѣ и большихъ сапогахъ... Сапоги тоже надѣла для того, чтобы въ ея отсутствіе нѣмцы не украли; все равно, спрятать нельзя; закроешь—взломають и унесутъ. Вдругъ на нее два солдата нѣмецкихъ:

— Отдавайте куртку и сапоги.

Она возмущилась:

— Куда вамъ эти сапоги? Они на васъ не влѣзутъ.

— Если не влѣзутъ, мы вамъ вернемъ... Вы только дайте примѣрить...

— Да вотъ у насъ вчера приходилъ нѣмецкій солдатъ, просилъ дать электрической фонарикъ, чтобы дойти до вала... Общались принести назадъ; развѣ онъ принесъ? Вы не вернете...

Еле-еле отъ нихъ спаслась. Нѣмцы ужасно жадные; все, что ни увидятъ, хватаютъ. Стоить часовой у склада. Въмѣсто того, чтобы караулить, ломаетъ ящики; возьметъ ружье подъ мышку и вытаскиваетъ разныя вещи, оставленныя офицерскими семьями: дамскіе капоты разсматриваютъ, туфли, башмаки, картины. Мы видѣли, какъ разъ офицеръ шелъ по улицѣ и увидаль, что лежитъ на мостовой небольшой кусочекъ кожи; ну, совсѣмъ маленькій, никчемушный кусочекъ кожи; такъ, нѣтъ,—поднялъ, посмотрѣлъ, спряталъ въ карманъ. Бѣдетъ какой-нибудь нѣмецкій солдатъ на велосипедѣ; держитъ одной рукой эмалированный тазъ, а сверху гитара. И все куда-то везутъ, тащатъ. Когда осматривали наши вещи при отъѣздѣ, такъ брали все, что хотѣли:—чехоль съ чемодана, чемоданъ вернули, а чехоль украли; палочку шоколада чиновникъ долго разсматривалъ, и такъ, и эдакъ; видимо, хотѣлъ украсть, да постыдился. Фотографическій аппаратъ отдали, когда увидали, что онъ совсѣмъ плохонькій, игрушечный, дѣтскій.

Германцы очень озабочены формированіемъ стратегическаго резерва на случай перехода союзниковъ въ наступленіе. Для этой цѣли они перечисляютъ четвертые полки дивизіи въ новыя дивизіи и формируютъ изъ нихъ болѣе подвижныя единицы, чѣмъ корпусъ. Значительную часть своихъ людей съ тыла они

снимають и замѣняютъ здоровыми женщинами занятыхъ мѣстностей Волыни и Польши для работъ хлѣбопекаренъ, прачешныхъ, портняжныхъ и другихъ мастерскихъ, гдѣ можетъ быть примѣненъ женскій трудъ.

Пора прекратить колоссальныя наживы приволжскихъ мукомоловъ отъ крупчатки. Мелкіе изъ владѣльцевъ этихъ мельницъ нѣмцы или ихъ присные. Красная цѣна пятипудовику мѣшку крупчатки 13—15 рублей, а эти господа продаютъ по 18—20 р. за мѣшокъ. Необходимо установить предѣльныя цѣны. Учетъ выработки муки совершенно простъ и провѣрить его можетъ каждый чиновникъ министерства финансовъ. Пора и пора приняться за это дѣло довольствія первой необходимости.

Недавно было въ Петроградѣ совѣщаніе пріѣхавшихъ по торговымъ дѣламъ иностранцевъ. Присутствовали лица, говорящіе на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Предсѣдательствующій въ собраніи англичанинъ, открывая засѣданіе, обратился по направленію къ сочленамъ собранія, говорящимъ по-нѣмецки и сказалъ: „На мертвомъ языкѣ говорить не будемъ“.

7 декабря. Въ Лунинецкое отдѣленіе ¹⁾ Татьянанскаго комитета поступили официально запротоколенныя показанія бѣжавшихъ изъ германскаго члѣна четырехъ свидѣтелей-крестьянъ о звѣрствахъ нѣмцевъ и мадьяръ въ занятыхъ мѣстностяхъ Пинскаго уѣзда.

„Въ селѣ Желѣзницѣ мадьяры, размѣстясь по крестьянскимъ избамъ, изнасиловали многихъ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, въ томъ числѣ трехъ дѣвочекъ 10, 14 и 15 лѣтъ, которыя вскорѣ послѣ насилія скончались. Мать 14-лѣтней дѣвочки, пытавшаяся спасти дочь отъ позора, была ранена штыкомъ въ лицо и выброшена изъ избы. Крестьянинъ, протестовавшій противъ звѣрства солдатъ, подвергся аресту и истязаніямъ и умеръ по дорогѣ къ этапному пункту.

Въ селѣ Станкахъ нѣмцы собрали всѣхъ мужчинъ и за-

¹⁾ „Веч. Вр.“, 7 декабря 1915 г.

перли въ сараѣ, предварительно снявъ сапоги и теплую одежду. На слѣдующій день всѣхъ жителей куда-то угнали, отобрали у населенія все имущество, скоть, лошадей. Крестьянинъ Джиковицкій просилъ разрѣшить ему на собственныхъ лошадяхъ и повозкѣ перевезти въ указанное мѣсто дѣтей-малютокъ, но германцы грубо отказали ему въ этомъ, избивли его палками и прикладами и застрѣлили, бросивъ въ колодезь, гдѣ трупъ пролежалъ восемь дней, пока случайными людьми не былъ похороненъ.

Въ селѣ Муровинѣ нѣмцы согнали всѣхъ мужчинъ въ церковь, сняли съ нихъ сапоги и полушубки, а утромъ погнали рыть окопы. Крестьянинъ Демчукъ отказался работать, заявивъ: „Что хотите дѣлайте, а противъ своихъ русскихъ рыть окопы не буду“. Демчукъ былъ на мѣстѣ убитъ выстрѣломъ изъ винтовки, заряженной, повидимому, разрывной пулей. При этомъ нѣмцы крайне неохотно разрѣшили похоронить тѣло Демчука на кладбищѣ, требуя, чтобы оно было зарыто въ землю на мѣстѣ разстрѣла“.

Не взирая на то, что ходъ событій при массовой перевозкѣ войскъ и запасовъ въ Ламаншѣ, Средиземномъ морѣ, у Дарданеллъ и Салоникъ наглядно доказалъ ничтожные результаты дѣятельности германскихъ подводныхъ лодокъ, германцы готовятся усиленнымъ образомъ къ подводной войнѣ. Говорятъ, что они лихорадочно строятъ новыя, большія подводныя лодки съ большимъ ходомъ, вооруженныя орудіями, могущія сражаться съ истребителями миноносцевъ.

8 декабря. Daily Telegraph сообщилъ, что германцы готовятся къ новому грандіозному наступленію на западѣ. Желѣзнодорожное сообщеніе между Голландіей и Германіей было снова прервано на нѣсколько дней. Послѣ предшествовавшаго подобнаго же перерыва, длившагося 9 дней, не остается уже никакого сомнѣнія въ томъ, что въ это время желѣзнодорожныя линіи, ведущія въ Бельгію и во Францію, были заняты перевозкой людей, орудій и боевыхъ припасовъ. Германцами доставлено также въ Бельгію огромное количество дерева и другихъ матеріаловъ для сооруженія новыхъ траншей или укрѣпленія старыхъ.

9 декабря. Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ за это число напечатано:

**Именной Высочайшій указъ
Правительствующему Сенату.**

Нашего генераль-адъютанта, члена Государственного и Военнаго совѣтовъ, главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта, генерала-отъ-инфантеріи Русскаго Всемилостивѣйше увольняемъ отъ должности главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта, съ оставленіемъ членомъ Государственного и Военнаго совѣтовъ и генераль-адъютантомъ.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукой написано:

„НИКОЛАЙ“.

Царское Село, 6-го декабря 1915 г.

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя генераль-адъютанта Русскаго.

Николай Владимировичъ.

Съ самаго начала возникновенія настоящей великой войны вы, будучи призваны на высокія и отвѣтственныя должности командующаго третьей арміей, а затѣмъ главнокомандующаго арміями сѣверо-западнаго фронта, неизмѣнно проявляли отличныя качества опытнаго и искуснаго военачальника, мужественно и доблестно отражая яростныя стремленія врага нашего посягнуть на предѣлы дорогого намъ отечества.

Неустанные труды ваши и тягости походно-боевой жизни, къ сожалѣнію, настолько разстроили здоровье ваше, что дальнѣйшее пребываніе въ обстановкѣ военнаго времени могло угрожать самой жизни вашей, а потому въ мартѣ сего года Я призналъ необходимымъ освободить васъ отъ возложенныхъ на васъ тяжелыхъ обязанностей и назначить членомъ Государственнаго и Военнаго совѣтовъ.

Благодаря лѣченію и необходимому отдыху, силы ваши въ скоромъ времени окрѣпли настолько, что вы вновь могли быть призваны къ столь свойственной природѣ нашей ратной работѣ, въ виду чего Мною были возложены на васъ обязанности сначала командующаго шестой арміей, а затѣмъ главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта.

Твердой и энергичной рукой взяли вы дѣло осуществленія порученной вамъ важной боевой задачи, въ основѣ которой лежитъ защита неприкосновенности столицы нашей—Петрограда.

Однако, эти новые труды и великія заботы не прошли для васъ безслѣдно.

Здоровье ваше, не вполнѣ еще возстановленное, снова пошатнулось и не позволяетъ вамъ оставаться долѣе во главѣ вѣренныхъ вамъ доблестныхъ армій.

Съ увѣренностью въ близости того времени, когда вамъ вновь будетъ возможно принять участіе въ руководствѣ боевыми дѣйствіями, искренно благодарю васъ за тѣ блестящіе результаты, которыми сопровождалось ваше выдающееся участіе въ общихъ нашихъ усиліяхъ на защиту родины.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„глубоко уважающій васъ и благодарный

НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ, 6-го декабря 1915 г.

Непоколебимая увѣренность нашего Монарха и всей Россіи къ боевымъ талантамъ ген.-ад. Рузскаго усиливаетъ надежды всѣхъ на скорое возстановленіе здоровья доблестнаго генерала для руководства боевыми дѣйствіями.

Вотъ, что пишетъ по этому поводу „Новое Время“:

Тревожные слухи, ходившіе уже нѣкоторое время въ арміи и вообще о состояніи здоровья генералъ-адъютанта Н. В. Рузскаго, къ глубокому огорченію всѣхъ русскихъ людей, нашли себѣ подтвержденіе въ сегодняшнемъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя бывшаго главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта.

Разстроенное здоровье Н. В. Рузскаго вторично лишаетъ армію одного изъ самыхъ талантливыхъ и популярныхъ ея вождей. Присутствіе генералъ-адъютанта Рузскаго во главѣ войскъ сѣвернаго фронта воодушевляло и ободряло нашихъ воиновъ и служило обществу лучшимъ ручательствомъ того, что торжествующій врагъ дошелъ до крайней грани вторженія

въ предѣлы нашей родины и дальше на этомъ фронтѣ не будетъ въ силахъ продвинуться ни на одинъ шагъ.

Генераль-адъютантъ Н. В. Рузскій вступилъ въ командование войсками сѣвернаго фронта въ то тяжелое для насъ время, когда волна нѣмецкаго нашествія докатилась до Риги и Двинска, готовилась смести и эти препятствія, стоящія на пути, казалось, неудержимаго вражескаго натиска. Стоило лишь любимому вождю прибыть къ войскамъ, и нѣмцы тотчасъ же узнали былую мощь русской арміи и стихійную силу русскаго штыка. Напрасно Вильгельмъ требовалъ отъ Гинденбурга взятія Риги и Двинска, напрасно нѣмецкій фельдмаршалъ посылалъ все новые и новые резервы, — атаки нѣмцевъ неизбежно отбивались съ огромнымъ для нихъ урономъ какъ подъ Ригой, такъ и подъ Двинскомъ. Неудивительно поэтому, что въ войскахъ съ благоговѣніемъ повторяютъ имя Рузскаго.

Непреклонная воля генераль-адъютанта Рузскаго сковала вѣрныя ему войска въ несокрушимую преграду, разрушить которую были не въ силахъ всѣ ухищренія нѣмецкой техники.

Освобожденіе Н. В. Рузскаго отъ главнокомандованія арміями сѣвернаго фронта больно отзовется въ сердцахъ любящихъ его солдатъ и русскаго общества. Единственнымъ утѣшеніемъ остается у насъ надежда на скорое возвращеніе въ ряды арміи генерала Рузскаго и вѣра, что имя доблестнаго вождя будетъ и впредь воодушевлять войска на новые подвиги.

Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Morgenpost“¹⁾ Гинденбургъ говорилъ:

Постъ главнокомандующаго — слишкомъ отвѣтственный постъ Горячіе люди, руководствующіеся темпераментомъ, для замѣщенія подобныхъ постовъ не пригодны. Это уже показало опытъ войны.

„Новое Время“²⁾ передаетъ про одного изъ современныхъ начальниковъ станцій:

Взяты съ грузоотправителей брались имъ отъ 50 до 100 руб. съ вагона; кромѣ того, бралъ онъ натурою: мукой, пшеномъ и

¹⁾ „Русск. Сл.“ 8 декабря 1915 г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 10 декабря 1915 г.

всѣми остальными съѣстными продуктами. Но больше всего любилъ брать деньгами.

Оказывается, что у насъ есть даже архіерей нѣмецъ; это епископъ эриванскій Леонтій—бывшій баронъ фонъ Вимпфенъ.

11 декабря. Разсказываютъ, что между Гинденбургомъ и Макензенномъ идутъ большіе нелады, а Вильгельмъ уже пишетъ въ приказѣ—известъ и цементъ дешевле крови германскаго солдата.

Г. Пиленко описываетъ въ „Новомъ Времени“¹⁾ боевую развѣдку одного изъ нашихъ летчиковъ:

На рѣкѣ Б. переправы были разрушены: деревянные мосты горѣли, а желѣзные безобразно вырисовывались своими взорванными фермами, беспомощно упирающимися въ воду. Нѣмцы уже наводили понтонные мосты; тутъ же стояли ихъ войска въ ожиданіи переправъ. Около города Я. замѣтилъ я хорошо знакомыя очертанія аэропланнхъ палатокъ. Аэродромъ... На стартѣ стоитъ альбатросъ; черные кресты на свѣтло-сѣрыхъ крыльяхъ. Вдругъ онъ двинулся и плавно взлетѣлъ. Немного дальше было еще два аэродрома. Впереди насъ другой альбатросъ набиралъ высоты. „Это за нами“, крикнулъ мнѣ М. Мы продолжали развѣдку. Но вдругъ я услышалъ какой-то странный звукъ, точно стукъ пули при попаданіи въ деревянный предметъ. Посмотрѣлъ кругомъ, никого не видно. Неужели пули съ земли достаютъ? Анероидъ показывалъ 2.100; значить, невѣроятно. Опять тѣ же звуки: тикъ-тикъ-тикъ. Куда-то попадаютъ... Сталъ я еще осматриваться: вдругъ вижу, сзади, за хвостомъ, подъ рулями идетъ альбатросъ. Онъ былъ нѣсколько ниже насъ; дѣлалъ быстрые повороты, ныряя на виражахъ носомъ внизъ; своими красивыми движеніями и почти бѣлой окраской напоминалъ рыбку, которая, играя, выпрыгиваетъ изъ воды. Стрѣлять назадъ было невозможно, а звуки попаданія учащались... Появился еще альбатросъ. Оба они шли сзади насъ; но на ихъ аппаратахъ нельзя стрѣлять впередъ: винтъ мѣшаетъ; поэтому они, пользуясь своей значительно большей скоростью, подходили къ намъ поближе, дѣлали по очереди

¹⁾ „Нов. Вр“. 11 декабря 1915 г.

поворотъ и при боковомъ положеніи безнаказанно насъ обстрѣливали. Отвратительное чувство... Сидишь и ждешь, что всадятъ пулю или въ моторъ или въ спину. Видимо, и М. почувствовалъ то же самое. „Готовьте пулеметь“,—сказалъ онъ мнѣ рѣзко, и, внимательно оглянувшись, сталъ быстро поворачивать назадъ.

— Интересно...

— Сильно забилось мое сердце... Вотъ оно, настоящее... Наконецъ-то!.. Лишь бы пулеметь не отказалъ!.. Помню: я бросилъ свою карту на полъ гондолы и наступилъ на нее ногой, чтобы она какъ-нибудь не попала въ пропеллеръ. Хотѣлъ быстро встать, но меня что-то сильно дернуло за поясъ: забылъ развязаться... Отстегнулъ пряжку ремня, осмотрѣлъ пулеметь, взвелъ курокъ. Вижу, что мы идемъ уже прямо навстрѣчу альбатросу, который, не ожидая нашего маневра, оказался въ невыгодномъ для него положеніи. Онъ шелъ прямо подъ насъ, вѣроятно, желая обстрѣлять насъ на самомъ близкомъ разстояніи снизу. Моментъ захватывающій... М., круто снижаясь—точно съ намѣреніемъ таранить,—еще больше насъ сблизилъ. Я выпустилъ патроновъ сорокъ...

— Ну что же, попали?

— Увѣренъ!.. Я вообще стрѣляю недурно. А здѣсь просто невозможно было промахнуться; послѣдніе выстрѣлы я дѣлалъ почти въ упоръ. Видны были всѣ детали альбатроса и даже лица нѣмцевъ-летчиковъ. Но былъ ли онъ сбитъ,—сознаюсь, сказать не могу. Все это, вѣдь, происходило страшно быстро. Помню лишь, что аппаратъ скрылся подъ нашимъ крыломъ, и больше мы его не видѣли. Да и не до того намъ было. Едва успѣлъ переменить обойму у пулемета, какъ М. снова круто повернулъ, и передъ нами оказались еще два непріятельскихъ аэроплана. Они были довольно далеко; казалось, что идутъ одинъ за другимъ по охватывающей насъ дугѣ. Стрѣляли съ праваго борта. М. держалъ прямо на нихъ. Скорости у насъ было меньше, но, идя по радіусу ихъ пути, мы естественно сближались. Метровъ съ восьмисотъ я открылъ огонь. Тахъ-тахъ-тахъ!.. Я берегъ патроны; выпускалъ по три и по пять выстрѣловъ въ приѣмъ, мѣняя прицѣлъ и опереженіе на ходъ альбатроса. Въ воздухѣ, вѣдь, очень трудно правильно оцѣнить дистанцію и скорость аппарата. Наводилъ все время на передняго, типа шнейдеръ. Вдругъ—ура!—онъ пошелъ круто внизъ... еще круче... совсѣмъ вертикально! Это произошло такъ внезапно, и видъ стремительно идущаго аппарата былъ такъ не-

естествененъ, что я невольно оторопѣлъ... прервалъ стрѣльбу и смотрѣлъ на него; третьяго упустилъ изъ виду, который сейчасъ же быстро повернулъ и скрылся. А шнейдеръ все падалъ. Лишь у самой земли я потерялъ его глазами. „Осмотрите моторъ и аппаратъ“,—сказалъ мнѣ М., отрываясь отъ борта гондолы, черезъ который онъ все время наблюдалъ за падающимъ врагомъ. Я оставилъ пулеметь. Моторъ работалъ хорошо. Поврежденій нигдѣ не было видно.

— Странное ощущеніе!..

— И представьте себѣ: въ этотъ день намъ особенно повезло. Около города Б. летчикъ мнѣ показываетъ впередъ. Смотрю въ бинокль: еще альбатросъ идетъ прямо навстрѣчу, вѣроятно, возвращается съ развѣдки. Взялъ опять пулеметь... Быстро сближаемся: ощущеніе какъ на охотѣ; все время одна мысль: лишь бы онъ попозже насъ замѣтилъ. Вдругъ—онъ вправо; мы ему наперерѣзъ. Приложился я; кажется, что можно стрѣлять... Тахъ-тахъ-тахъ!.. Нѣмецъ круто повернулъ и со сниженіемъ спрятался въ мутно-грязной дымовой тучѣ пожара... Послѣ этого мы летѣли спокойно, дурачились, ѣли шоколадъ и шутили. М. снялъ ноги съ педалей, и я управлялъ аппаратомъ по его указаніямъ.

— Какія же были у васъ поврежденія?

— Представьте себѣ, ни одной пробоины.

12—20 декабря. Корреспондентъ „Русскаго Слова“¹⁾ приводитъ рѣчь кайзера германскимъ войскамъ въ Вильнѣ. Между прочимъ Вильгельмъ сказалъ:

„Путь нашъ тернистъ. Русскій народъ могучъ и далеко еще не разбитъ. Но все же конечная побѣда будетъ наша, ибо мы, нѣмцы, создали величайшую культуру міра, а эта культура есть высшая сила, противъ которой ничто не устоитъ. Дѣти, не падайте духомъ!“

Сегодня²⁾ въ Петроградскій палатѣ слушалось дѣло, по которому помѣщикъ Лифляндской губ. Бергманъ былъ приговоренъ къ штрафу въ размѣрѣ 1.050 руб. за утайку 6 лошадей. Палата утвердила приговоръ суда.

¹⁾ „Русское Слово“, 15 декабря 1915 г.

²⁾ „Нов. Вр.“, 15 декабря 1915 г.

Въ Туккумѣ выходитъ „Газета Туккумскаго Округа“, въ которой прославляются почти ежедневно тѣ бароны-помѣщики, которые сражаются въ рядахъ германской арміи. Между прочимъ въ послѣднемъ номерѣ упомянуть нѣкій Пантониусъ, у котораго пали два сына, одинъ въ Польшѣ, другой на рижскомъ фронтѣ. „Ихъ имена останутся на вѣчныя времена въ памяти благодарнаго нѣмецкаго потомства, записанныя огненными буквами въ скрижали исторіи“¹⁾.

Въ Швеціи производятся опыты по отопляванію паровозовъ торфомъ, и пришли къ заключенію, что этого рода топливо можетъ вполне замѣнить каменный уголь, какъ съ технической, такъ и съ экономической точки зрѣнія, и что тяжелые поѣзда, съ примѣненіемъ этого топлива, могутъ достигнуть такой же скорости, какъ и при каменномъ углѣ.

Извѣстный радѣтель интересовъ Австріи и Фердинанда Болгарскаго генераль іезуитовъ Ледоховскій пріѣзжалъ въ Ченстоховъ; при пріемѣ депутацій онъ упрекалъ нѣкоторыя организаціи въ томъ, что онѣ слишкомъ много занимаются политикой, о чемъ лучше всего свидѣтельствуютъ репрессіи пруссаковъ. Депутаціи вынесли отъ этого пріема весьма непріятное впечатлѣніе.

Въ приказѣ по N армейскому корпусу напечатано:

„Въ бою 2-го іюля с. г. у дер. В. былъ смертельно раненъ прапорщикъ 164 пѣхотнаго Закавальскаго полка П. Е. Кудряшовъ.

Умирая, прапорщикъ Кудряшовъ, въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, сказалъ полковому священнику:

— Батя! Скажи 12-й ротѣ, что умирать вовсе не страшно: чтобы боролись во славу дорогой намъ Россіи. Я не рисуюсь и умираю совершенно спокойно.

Да послужатъ эти слова офицера, умершаго смертью храбрыхъ, назиданіемъ всѣмъ прочимъ чинамъ корпуса!

Пусть этотъ примѣръ доблести, святого исполненія воинномъ своего долга передъ Царемъ и родиной неизгладимо запечатлѣтся въ памяти и станетъ обычнымъ среди чиновъ N корпуса“²⁾.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 15 декабря 1915 г.

²⁾ „Рус. Сл.“ 19 декабря 1915 г.

Лицо, раздававшее въ окопахъ подарки нашимъ воинамъ, передавало намъ, какое великое общеніе боевыхъ витязей съ родиной имѣютъ эти подарки.

— Получаемъ подарки, значить, насъ помнятъ, говорятъ солдаты.

— Нѣтъ ничего— „значить, о насъ забыли“.

Корреспондентъ „Новаго Времени“¹⁾ Пенчковскій приводитъ письмо отъ бѣжавшаго изъ плѣна ефрейтора пулеметной команды О—го полка Демкина.

Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, приведены такія ужасныя строки:

Всѣ плѣнные ходятъ, какъ мертвыя тѣни. Очень ужасно, какъ вспомню прежніе девять мѣсяцевъ, что провелъ въ Австріи. Заставляютъ рыть окопы. На плѣнныхъ пашутъ землю, возятъ бревна, песокъ; наши плѣнные отвѣчаютъ за лошадей. Въ плугъ запрягаютъ шесть солдатъ нашихъ и пашутъ землю.

Говорятъ, что для борьбы съ воинствующимъ натискомъ экономическаго германизма въ Парижѣ открыли школу отельнаго искусства и въ главѣ этой школы сталъ предѣдатель парижскаго муниципальнаго совѣта Адриенъ Митуаръ и профессоръ Ландузи, деканъ медицинскаго факультета въ Парижѣ.

Пора бы и русскимъ послѣдовать этому прекрасному начинанію.

Въ Красноярскѣ²⁾ состоялось совѣщаніе по вопросу о недостаткѣ въ городѣ нѣкоторыхъ хлѣбныхъ припасовъ и, главнымъ образомъ, сахара.

Предѣдательствовалъ на совѣщаніи губернаторъ Я. Г. Гололобовъ, участвовали представители вѣдомствъ, кооперативовъ и общественныхъ организацій.

Совѣщаніе пришло къ заключенію, что недостатокъ этихъ продуктовъ вызванъ тѣмъ, что военноплѣнные,—главнымъ образомъ, германскіе и австрійскіе офицеры,—безконтрольно скупаютъ продукты продовольствія большими партіями, не считаясь ни съ таксами, ни съ рыночными цѣнами.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 20 декабря 1915 г.

²⁾ „Русское Слово“ 20 декабря 1915 г.

Присутствовавшій въ совѣщаніи епископъ Никонъ отмѣтилъ, что плѣнные офицеры въ Красноярскѣ получаютъ изъ разныхъ источниковъ до 300.000 руб. въ мѣсяцъ и тратятъ изъ нихъ на разнаго рода покупки до 200.000 рублей.

— Возможно—высказалъ далѣе епископъ,—что плѣнные намѣренно скупаютъ большое количество предметовъ потребления, чтобы вызвать дороговизну ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, и ропотъ среди народа и недовольство властями.

По предложенію городского головы, совѣщаніе постановило просить военное начальство объ урегулированіи массовой скупки продуктовъ плѣнными.

На квази лояльныхъ финляндцевъ сыплется дождь золота. Финляндія получаетъ массу заказовъ отъ поставокъ и милліоны отъ заграничныхъ комиссіонныхъ товаровъ, куда идутъ комиссіонные товары, намъ не извѣстно. Сколько зарабатываютъ финляндцы на одной только бумагѣ. Сколько финляндскихъ рабочихъ и мастеровыхъ гребутъ денежки и въ Россіи.

Чѣмъ же они отплачиваютъ за дождь золота.

Паденіемъ курса нашего рубля. Нѣкоторыя финляндскія газеты одобряютъ вторженіе германцевъ въ Бельгію, германскія звѣрства, потопленіе „Лузитаніи“, называютъ нѣмцевъ спасителями человѣчества.

Конечно, если бы мы примѣняли надлежащимъ образомъ тѣ законныя основанія, которыя проводили наши извѣстные изслѣдователи финляндскаго вопроса относительно монеты и таможи и другихъ данныхъ, то дѣло бы обстояло теперь совершенно иначе. Невольно вспоминается теперь классическій трудъ К. Ф. Ордина. Собраніе сочиненій по Финляндскому вопросу Т. I, II и III (покореніе Финляндіи), изданный вторымъ изданіемъ его сыномъ Б. К. Ординымъ. Трудъ К. Ф. Ордина имѣлъ громадное значеніе на правильное уясненіе русскимъ правительствомъ и обществомъ правовыхъ отношеній Россіи и Финляндіи. Необходимо намъ и теперь, для надлежащаго уразумѣнія финляндскаго вопроса, руководиться этимъ превосходнымъ трудомъ.

Агентство Стефани сообщаетъ ¹⁾:

„Попавшія въ Италію письма русскихъ плѣнныхъ, находящихся на работахъ по рытью окоповъ на итальянскомъ фронтѣ,

¹⁾ „Веч. Вр.“ 20 декабря 1915 г.

полны самыхъ ужасныхъ подробностей. Австрійцы обращаются съ ними чрезвычайно жестоко и за малѣйшій проступокъ подвергаютъ мучительнымъ истязаніямъ и разстрѣлу.

Унтеръ-офицеръ Александръ Сергѣевъ, пѣхотнаго полка, за отказъ работать, посаженъ на четыре дня подъ арестъ безъ хлѣба и воды, и (потомъ разстрѣлянъ. Григорій Сѣрно—по той же причинѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней лежалъ скрюченнымъ, съ привязанными руками къ ногамъ. Андрей Родкинъ, 9-го стрѣлковаго Сибирскаго полка, не вынесъ жестокаго обращенія и покончилъ самоубійствомъ. Андрей Севрюкъ, 14-го стрѣлк. Сибирскаго полка, покушался на самоубійство. Даніилъ Мандринкинъ, пѣхотнаго полка, убить изъ револьвера для устрашенія другихъ плѣнныхъ. вмѣстѣ съ другими онъ отъказался рыть окопы и палъ первымъ.

Петръ Семенчукъ, 42-го пѣхотн. полка, долженъ былъ присутствовать при наказаніи своихъ товарищей, отказался отъ этого зрѣлища и самъ подвергся наказанію—его подвѣшивали и потомъ оставляли безъ пищи. Въ Тиrolѣ (Газенау) разстрѣляно четыре русскихъ унтеръ-офицера. Въ Бренербадѣ вольноопредѣляющійся, инженеръ изъ Москвы, былъ распятъ, вмѣстѣ съ другими двадцатью плѣнными.

21—23 декабря. Г. Кожуховъ, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“¹⁾, такъ повѣствуетъ о настроеніи на позиціяхъ:

„Тотъ, кто не былъ самъ на позиціяхъ, едва-ли можетъ имѣть точное представленіе о томъ, дѣйствительно спокойно настойчивомъ, настроеніи, которое царитъ здѣсь повсюду.

Ничего абсолютно тревожнаго или чего-нибудь такого, что свидѣтельствовало о какихъ бы то ни было колебаніяхъ, или сомнѣніяхъ, вы здѣсь совершенно не встрѣтите. Зайдете ли вы въ землянку простого солдата или юнаго прапорщика, или же командира полка,—всюду и вездѣ простое, чисто бытовое и дѣловое настроеніе.

Землянки устроены основательно изъ хорошо сколоченныхъ бревенъ, вездѣ теплыя и хорошія печи, хорошія двойныя окна.

Вслушайтесь также въ то, о чемъ здѣсь говорятъ. Текуція событія, настоящая война, то, что вчера нѣмцы шли въ атаку и мы ихъ прогнали, то, что они стрѣляли изъ тяжелыхъ орудій,—обо всемъ этомъ разказываютъ, но какъ-то вскользь,

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 22 декабря 1915 г.

какъ о чемъ-то совершенно обыденномъ и никому неинтересномъ. Это будничная хроника мѣстной жизни, такая же приблизительно, какъ у насъ рассказы о жертвахъ трамвая, самоубійствахъ и т. д. Съ восторгомъ рассказываютъ и вспоминаютъ, напримѣръ, о томъ, что было въ Манчжуріи, какъ воевали съ японцами, подробно и долго рассказываютъ эпизоды изъ этой, уже нами забытой, войны.

Вся романтика здѣсь въ прошломъ. А то, что происходитъ сейчасъ, при всемъ своемъ героизмѣ, такъ удивляющемъ насъ здѣсь, въ тылу, здѣсь только простое и самое обыкновенное дѣло. Никто не удивляется совершеннымъ подвигамъ, и сами участники герои, и тѣ, которые объ этомъ будутъ вамъ рассказывать, даже не пытаются окрасить это въ какую-нибудь романтическую краску.

Видно, что люди дѣлаютъ дѣла, считаютъ это дѣло чѣмъ-то крайне необходимымъ, и что они не уйдутъ отсюда, пока этого дѣла не кончатъ“.

Уже давно работаетъ Крестьянскій поземельный банкъ. Уже давно прочно сложились законодательныя и правовыя отношенія при покупкѣ земель. Казалось, что при такихъ условіяхъ нѣтъ препятствій при закупкѣ банкомъ нѣмецкихъ земель, о чемъ уже и давно было оповѣщено во всѣхъ газетахъ. На дѣлѣ же выходитъ такъ, что вездѣ, гдѣ замѣшаны интересы нѣмцевъ, повсюду становится мертвая точка.

Въ Петроградѣ говорятъ очень много о госпожѣ Васильчиковой и о ея приверженности къ австро-германцамъ и о ея миссіи съ предложеніями о мирѣ.

...Въ „Нашемъ Вѣстникѣ“ отъ 21 декабря напечатано ¹⁾:

Верховный Главнокомандующій Его Императорское Величество, во время смотра арміи 20 декабря, изволилъ обратиться со слѣдующими словами къ георгіевскимъ кавалерамъ:

„Къ вамъ, какъ самымъ доблестнымъ представителямъ нашей арміи, Я обращаюсь съ сердечнѣйшей и глубокой благодарностью за вашу доблестную, беззабѣтно храбрую службу въ эту кампанію. Прошу васъ передать вашимъ частямъ Мою

¹⁾ „Нов. Вр.“ 22 декабря 1915 года.

сердечную благодарность за тяжелую службу, которую они несутъ и которую цѣнить вся Россія и Я. Будьте вполнѣ покойны, какъ Я сказалъ въ началѣ войны, Я не заключу мира, пока мы не изгонимъ послѣдняго непріятельскаго воина изъ предѣловъ нашихъ, и не заключу его иначе, какъ въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, съ которыми мы связаны не бумажными договорами, а истинной дружбой и кровью. Я не забуду этого смотра и радъ, что Мнѣ удалось увидѣть доблестныя части арміи, и въ вашемъ лицѣ прошу передать Мою благодарность всѣмъ войскамъ за ихъ преданную службу, радующую Мое сердце. Храни васъ Богъ, господа“.

24 декабря. Встрѣтилъ офицера, раненаго три раза въ голову. Онъ слышитъ плохо на оба уха. На одно ухо слышитъ лучше, на другое хуже. Онъ говорилъ мнѣ: какъ только буду слышать поотчетливѣй на глухое ухо, сейчасъ же уѣду на фронтъ. И на мое замѣчаніе: можетъ ли онъ тамъ и въ такомъ видѣ успѣшно работать, получился отвѣтъ: знаю многихъ офицеровъ, которые возвращаются въ строй съ пятью ранами.

„Новое Время“ ¹⁾ сообщаетъ, что, 23 декабря на Калашниковской пристани среди хлѣбныхъ дѣльцовъ наблюдался большой переполюхъ. До свѣдѣнія полиціи дошло, что на биржѣ работаетъ большая группа лицъ, искусственно взвинчивающая цѣны на предметы довольствія, въ томъ числѣ на муку. Съ этою цѣлью, какъ оказывается, разсылались въ крупные центры телеграммы съ просьбою задержать на мѣстахъ транспортъ, предназначенный къ отправкѣ въ столицу. Въ ночь на сегодня чинами полиціи у Я. М. Левина, Ф. Я. Гриднева, И. Н. Егузинскаго, Е. А. Коникова, Берне, Мейерсона, В. М. Зубкова, Собакина, бр. Чапниковъ и другихъ лицъ былъ произведенъ обыскъ, а затѣмъ названныя лица были арестованы“.

Петроградскому обывателю невольно приходитъ на мысль, какая кара постигнетъ сихъ господъ и будетъ ли къ нимъ примѣнено военное положеніе. По городу ходятъ слухи, что послѣ только одного ареста сихъ лицъ, цѣны на нѣкоторые продукты пали и что сразу обнаружились запасы нѣкоторыхъ продуктовъ.

¹⁾ „Новое Время“ 24 декабря 1915 г.

Вернувшійся изъ германскаго плѣна содержатель табачнаго магазина въ Минскѣ Фишеръ рассказываетъ, что первымъ лагеремъ, въ которомъ онъ былъ, это—Гальбе, гдѣ живутъ 6.000 плѣнныхъ русскихъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Живутъ въ баракахъ, приспособленныхъ изъ навѣсовъ, нѣтъ наръ, а потому спать на голой землѣ, въ качествѣ подстилки даются стружки, нѣтъ бани и всѣхъ съѣдаютъ паразиты. Кормятъ отвратительно. Полгода въ лагерѣ свирѣпствовалъ тифъ. Всѣ надзиратели вооружены нагайками и бьютъ за малѣйшую провинность. Освѣщенія не полагается вовсе. Воспрещено курить. Изъ прибывающихъ посылокъ нѣмцы выбираютъ табакъ, сласти и колбасу для „своихъ“ больныхъ.

25—31 декабря. Въ теченіе декабря военныя дѣйствія на всѣхъ русскихъ фронтахъ, за исключеніемъ юго-западнаго, во второй половинѣ мѣсяца, не отличались особой напряженностью. Повсюду шли стычки развѣдчиковъ, передовыхъ частей, налеты аэроплановъ и артиллерійская перестрѣлка; во всѣхъ этихъ дѣлахъ, въ особенности, энергичныхъ, преисполненныхъ инициативы, дѣйствій нашихъ развѣдчиковъ преимущество было на нашей сторонѣ. Выдѣлялась также искусная стрѣльба нашей артиллеріи, достигавшая, къ великому удивленію противника, особой интенсивности, точно также позиціонная война съ примѣненіемъ минометовъ, бомбометовъ и взрывовъ минъ, съ занятіемъ воронокъ; производились наскоки бронированныхъ автомобилей.

Во второй половинѣ декабря, по донесеніямъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, къ югу отъ Припяти въ окрестностяхъ Чарторійска (на Волыни), на средней Стрыпѣ въ Галиціи и къ сѣверо-востоку отъ Черновицъ въ Буковинѣ шли ожесточенные бои, при чемъ мы продвигались впередъ, отбивая бѣшенныя контръ-атаки противника, зачастую съ удушливыми газами.

Кавказская армія въ Персіи овладѣла г. Хамаданомъ, гнѣздомъ персео-германскихъ мятежниковъ, а въ Балтійскомъ морѣ нами потопленъ германскій крейсеръ „Бременъ“.

„Standard“ сообщаетъ, что германскіе теологи всѣхъ направлений съ самаго начала войны прилагаютъ всѣ старанія, чтобы оправдать политику своей страны съ точки зрѣнія своихъ

религіозныхъ вѣрованій. Нѣмецкіе католическіе священники одобряли всѣ насилія и жестокости, которымъ подвергалось католическое населеніе Бельгіи; протестантскіе пасторы провозгласили справедливость военнаго террора; нѣмецкіе равнины восхваляли преступленія германскихъ правителей. Черезъ всѣ проповѣди этихъ духовныхъ лицъ красною нитью проходитъ одна мысль—Германія избрана волею Всевышняго покарать преступный міръ.

Пасторъ Фрицъ Филиппи, одинъ изъ выдающихся лютеранскихъ проповѣдниковъ, произнесъ на эту тему проповѣдь въ Берлинѣ. „Съ полнымъ правомъ можемъ мы, самый миролюбивый народъ на свѣтѣ, повторить слова князя Мира: „Не миръ посланъ Я принести людямъ, а мечъ“. Подобно тому, какъ Всемогущій отдалъ Своего Сына на распятіе для искупленія человѣчества, такъ и Германія нынѣ должна распять человѣчество для всеобщаго спасенія людей. Человѣчество должно быть искуплено огнемъ, мечемъ и кровью. Не по доброй волѣ проливаютъ германскіе воители кровь другихъ народовъ. Нашъ обожаемый императоръ болѣе всѣхъ питаетъ отвращеніе къ ужасамъ войны. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ неустанно трудился на пользу мира. Германія никогда не употребляла своей силы, чтобы угрожать независимости другихъ народовъ, и потому Всевышній избралъ насъ, какъ орудіе, чтобы покарать завистливыхъ и наказать преступные и грѣшныя народы земли. Германіи свыше послана миссія распять человѣчество.

Поэтому священный долгъ германскихъ солдатъ наносить безъ пощадны удары, убивать, жечь и разрушать во имя спасенія человѣчества. Полумѣры должны быть отброшены; война должна быть безпощадна“.

Эту проповѣдь нѣмцевъ слѣдуетъ запомнить всѣмъ народамъ, борющимся противъ Германіи ¹⁾.

Отовсюду получаютъ извѣстія о той особой пользѣ, которую приносятъ нашимъ войскамъ на фронтѣ учрежденія земскаго союза и союза городовъ.

Недавно видѣлъ возвращеннаго изъ плѣна офицера: онъ былъ взятъ въ плѣнъ раненымъ во время наступленія германцевъ въ Галиціи. Его повели для допроса къ германскому гене-

¹⁾ „Русск. Инв.“ № 296, 1915 г.

ралу, который любезно угостил кофеемъ и сталъ спрашивать въ присутствіи другихъ офицеровъ о расположеніи нашихъ войскъ. Не получая отвѣта, нѣмецкій генераль удалилъ остальныхъ офицеровъ изъ комнаты и сталъ допрашивать офицера наединѣ. Не получивъ и тутъ отвѣта, генераль приказалъ отвести нашего раненаго офицера двумъ германскимъ солдатамъ. Тѣ повели его, слѣдуя по сторонамъ, и когда офицеръ повернулъ голову въ лѣвую сторону, то конвойный выстрѣлилъ въ лѣвый високъ разрывной пулей—лѣвый глазъ вытекъ, а правый остался цѣлъ. Раненый упалъ, затѣмъ его подобрали австрійцы и повезли въ госпиталь въ Вѣну. Тамъ его демонстрировали, какъ чудесно оставшагося живымъ, при такой ужасной ранѣ, а затѣмъ отпустили въ Россію при размѣнѣ инвалидовъ. Офицеръ этотъ теперь поправился и говоритъ, но ротъ разжимается съ трудомъ и питается жидкой пищей.

Въ „Вечернемъ Времени“ со словъ участника, интересно описанъ партизанскій налетъ на германцевъ въ г. Невелѣ¹⁾.

„Вотъ какъ происходило дѣло со словъ одного изъ участниковъ набѣга, корнета Л., командовавшаго въ отрядѣ взводомъ татаръ.

— Наша задача,—говоритъ корнетъ Л., — заключалась въ томъ, чтобы проникнуть въ глубокой тылъ нѣмецкихъ позицій, въ деревушку Невель, гдѣ по имѣвшимся свѣдѣніямъ находился штабъ 271 нѣмецкаго полка. Въ газетахъ писали, что партизаны были верхомъ, расписывали подробно какую-то кавалерійскую атаку, но все это, конечно, неправда. Вся эта мѣстность сплошь болотистая, громадныя площади совершенно не проходимы, и только немногіе аборигены знаютъ сокровенныя тропинки и проходы. Дѣйствовать верхомъ въ такой обстановкѣ полный абсурдъ, не говоря уже о томъ, что ржаніе одной лошади можетъ выдать весь отрядъ. И это тамъ, гдѣ людямъ строжайше запрещено не только говорить, но даже кашлять.

Гуськомъ вытянулся весь нашъ отрядъ длинной линіей, впереди проводники, среди нихъ особенно характерный бородастый, плечистый, настоящій лѣсной волкъ, разбивавшійся въ незамѣтныхъ дорожкахъ и тропкахъ среди этихъ дебрей и зловѣщихъ своею мертвой тишиною трясины, словно у себя дома.

1) № 1329, 1915 г.

Ночь была свѣтла и ясна, кругомъ видно было далеко, сіяли звѣзды, подъ ногами хрустѣлъ свѣжій снѣгъ и изрядно щипалъ морозъ. Отрядъ медленно продвигался впередъ, каждый въ затылокъ переднему. Чуть оступишься на шагъ въ сторону, и только одно чувство въ душѣ, что точно насторожившаяся трясина жадно схватитъ въ свои объятія и уже не выпуститъ...

Влѣво, вправо, впереди, а самое главное сзади, тянутся во всѣхъ направленіяхъ линіи нѣмецкихъ окоповъ съ часовыми, съ дозорами, и мы все время должны лавировать между ними.

Свои далеко сзади, а кругомъ кишмя кишать одни враги. И это сознаніе, что въ случаѣ чего помощи ждать неоткуда, и нужно разчитывать только на свои силы, удивительно спаиваетъ людей, и весь отрядъ становится точно одинъ человекъ.

Несмотря на всю осторожность, иногда кто-нибудь проваливался въ трясину, но сосѣди тотчасъ же быстро вытаскивали проваливашагося. Благополучно дошли до мѣста, гдѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, стояла нѣмецкая сторожевая застава, человекъ въ сорокъ. Это было не страшно, но важно было снять ее безъ всякаго шума, чтобы не поднять вокругъ тревоги, которая могла бы оказаться фатальной для всего дѣла.

Едва раздался крикъ нѣмецкаго часового: „Halt Ver-da?“, какъ одновременно съ отвѣтомъ поднялись со всѣхъ сторонъ штыки, и черезъ минуту отъ заставы никого не осталось. Только нѣсколько выстрѣловъ успѣли дать не ожидавшіе ничего нѣмцы, но имъ, очевидно, въ нѣмецкомъ тылу, какъ мы убѣдились дальше, никто не придалъ значенія. Для начала это вышло очень недурно и придавало всѣмъ бодрости и увѣренности въ дальнѣйшемъ успѣхѣ.

Немного погода, мы уже были у цѣли нашего похода. Въ сіяніи свѣтлой ночи обрисовались ясно халупы вытянувашагося Невеля, тихаго, соннаго, ничего не подозрѣвающаго. Нѣмцы даже не могли представить себѣ мысли о самой возможности появленія здѣсь, въ глубокомъ тылу ихъ позицій, незваныхъ гостей.

Безъ одинаго звука и лишней стрѣлбы были сняты дремавшіе часовые.

И послѣ этого пошла настоящая работа.

Главная роль въ первомъ актѣ ея выпала бомбистамъ. Проводники знали точно, что мѣстные жители всѣ поголовно ушли и что въ халупахъ одни только нѣмцы, что и давало

намъ полную свободу дѣйствій. Нами былъ взятъ большой запасъ бомбъ, съ которыми, кѣтати сказать, наши солдаты выучились теперь мастерски обращаться. Сила этихъ бомбъ ужасающая: въ діаметрѣ десяти шаговъ отъ точки разрыва все разлетается въ дребезги, и особенно страшно дѣйствіе ихъ въ крытыхъ помѣщеніяхъ. Обыкновенно выдавливается локтемъ стекло въ халупѣ, и бомба бросается вовнутрь. Черезъ десять секундъ, время вполне достаточное для того, чтобы бомбометчикъ отскочилъ въ сторону, брошенный снарядъ со страшною силою взрывается. Все, что въ серединѣ халупы, разлетается вдребезги: людей разноситъ на куски, а самая халупа загорается.

И всему конецъ...

Этимъ начался первый актъ невельской трагедіи, дорого обошедшейся нѣмцамъ. Гробовая тишина, царившая въ мѣстечкѣ, сразу смѣнилась какимъ-то адомъ. Со всѣхъ сторонъ слышались взрывы бомбъ, уничтожавшихъ все живое въ халупахъ, и быстро ширилось зарево вспыхнувшего пожара. Большинство нѣмцевъ перешло въ лучшій міръ спящими, даже и не почувствовавъ этого. Но были и такія картины:

Черезъ свѣтящееся окно одной изъ халупъ была видна группа расположившихся тамъ, вѣроятно только недавно, прибывшихъ офицеровъ. Стоялъ столъ съ остатками ужина, лежали открытые чемоданы и дорожныя принадлежности. Сами офицеры, вѣроятно, ожидая, пока денщики приготовятъ имъ все ко сну, играли въ карты, не подозрѣвая, что къ окну прильнули слѣдящіе за ними глаза.

Легкій звонъ стекла, взрывъ брошенной бомбы, и отъ всей этой идилліи осталось только зарево горящей хаты съ погребенными подъ развалинами ея людьми.

Весьма можетъ быть, что это была какая-нибудь часть дивизіоннаго штаба, нахожденіе котораго здѣсь явилось для насъ пріятнымъ сюрпризомъ.

Взрывы бомбъ, все разгорающееся зарево пожара и поднявшаяся ружейная трескотня не могли, конечно, уже долго держать наше дѣло въ секретѣ. Проснувшіеся перепуганные нѣмцы въ уцѣлѣвшей еще части деревни стрѣляли наугадъ изъ оконъ, выбѣгали изъ дверей и всюду неизмѣнно натыкались на пулю или штыкъ зорко сторожившихъ нашихъ людей. Слишкомъ ужъ выгодна обстановка такого набѣга для нападающаго, и слишкомъ ужъ въ глупомъ и неудобномъ положеніи оказывается застигнутый врасплохъ.

Однимъ словомъ, черезъ какіе-нибудь полчаса съ момента взрыва первой брошенной бомбы, а было это уже въ три съ половиною часа ночи,—отъ стоявшаго въ Невелѣ батальона 271 нѣмецкаго полка уцѣлѣло очень немного, которымъ удалось убѣжать и скрыться. Нѣсколько сотъ погибшихъ нѣмцевъ на полтора десятка нашихъ потерь во всемъ этомъ дѣлѣ—результатъ недурной. Но этимъ не ограничилась наша удача.

Пока часть отряда энергично работала надъ халупами, другая разыскала батарею артиллеріи и такъ какъ съ замками возиться было некогда, пироксилиновыми шашками подорвала пушки. Разыскали большой складъ снарядовъ и патроновъ и все это пустили въ воздухъ. Долго шла потомъ трескотня взрывовъ въ той сторонѣ...

А часть окружила господскій домъ, откуда нужно было извлечь цѣнные для насъ трофеи, которые оказались на дѣлѣ еще гораздо болѣе заманчивыми, чѣмъ мы предполагали.

По имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, рассчитывали забрать тамъ штабъ полка. А судьба послала неожиданно намъ награду въ видѣ цѣлаго штаба дивизіи, только наканунѣ прибывшаго въ Невель. Впрочемъ, изъ офицеровъ штаба, поднявшихъ стрѣльбу, мало кто уцѣлѣлъ, почти всѣхъ ихъ перерубили. Но генераль фонъ-Табернись, командиръ 82 дивизіи, какъ разъ во-время поднялъ одну руку; это спасло ему жизнь въ самый послѣдній моментъ передъ поднятымъ уже штыкомъ. Взяли его въ простой вязанной курткѣ,—догадайся по наружному виду, что онъ генераль.

Не теряя драгоцѣннаго времени, захватили всѣ бумаги, карты громадной важности, однимъ словомъ, все, что только было найдено въ штабѣ. Мало взять, надо было подумать о томъ, чтобы благополучно унести все это. Пора было спѣшить въ обратный путь. Пальба, взрывы, зарево пожара, несомнѣнно вызвали повсюду тревогу, а вѣдь мы были въ тылу непріятельскихъ позицій. Тайна нашего присутствія здѣсь уже не существовала, каждая промедленная минута только способствовала тому, что нѣмцы успѣли бы накопиться большими силами на пути нашего отступленія, и тогда безвыходное положеніе грозило бы намъ самимъ.

И мы тронулись назадъ уже въ виду клубящихся и наседающихъ со всѣхъ сторонъ нѣмецкихъ цѣпей, отбивая стрѣльбой ихъ попытки сдавить насъ. Кромѣ пѣхоты, прискакала къ намъ и какая-то кавалерійская часть. Но переполохъ вызвалъ у нѣмцевъ такую растерянность, отсутствіе сообразитель-

ности и энергіи, что, несмотря на выгоды уже теперь ихъ положенія и подавляющее превосходство въ силахъ, счастье до конца не измѣнило намъ. И на разсвѣтъ, выбравшись вполнѣ благополучно изъ нѣмецкихъ тисковъ, мы радостно подходили къ своимъ.

Оживленны и приподняты были всѣ люди невѣроятно. Теперь уже не было строжайшаго неоднократнаго: „ты мнѣ только закашлини и заговори, такъ я тебя!“ Тутъ уже шли съ пѣснями во все горло, счастливые, гордые успѣхомъ, съ чувствами, которыя вполнѣ можетъ понять только тотъ, кому придется пережить длинные часы длинной ноябрьской ночи въ перипетіяхъ такого дѣла.

Плѣнныхъ привели немного, эта роскошь не для партизанскихъ набѣговъ, гдѣ избѣгаютъ всего, что стѣсняетъ въ движеніяхъ, гдѣ каждая промедленная минута можетъ погубить и самое дѣло, и самихъ людей. Зато добыча была очень цѣнная по качеству, и стоило рискнуть изъ-за нея кое-чѣмъ.

Привели командира дивизіи, командира уничтоженной батареи и еще кое-кого изъ штабныхъ. А главное, массу очень цѣннаго матеріала. Генераль фонъ-Табернисъ, еще не старый человѣкъ, сухощавый, съ военной выправкой, имѣлъ все время очень сумрачный видъ и упорно молчалъ. Шелъ съ нами въ курткѣ и безъ каски, которую забыли прихватить для него. Было холодно, генералу предложили папаху, но онъ, поблагодаривши, категорически отказался и обвязалъ голову носовымъ платкомъ. Когда ему предложили нѣкоторые вопросы, на военные сюжеты, то онъ лаконически сказалъ:

— Зачѣмъ вы спрашиваете объ этомъ? Вѣдь вы знаете, что я прусскій генераль и отвѣчать не буду.

Былъ упорно молчаливъ, шелъ покорно, но сохраняя вполнѣ чувство собственнаго достоинства. Спросилъ только коротко объ участіи начальника своего штаба.

— Я его зарубилъ—отозвался одинъ прапорщикъ и показалъ свою окровавленную шапку.

Генераль фонъ-Табернисъ, молча, посмотрѣлъ на прапорщика, на его шапку и потушился. Всѣ окружающіе тоже молчали... Что дѣлать? Война какъ война и въ ней не до сантиментальностей. А въ партизанскомъ набѣгѣ и подавно: не убьешь самъ, убьютъ тебя.

Послѣ этого невельскаго разгрома нѣмцы прозвали насъ болотными чертями“.

Надлежитъ повторить еще разъ, что петроградскій обыватель не состоитъ въ рядахъ никакой политической партіи,—ему одинаковы противны германскія симпатіи крайнихъ правыхъ и дикіе выкрики за миръ крайнихъ лѣвыхъ. Онъ считаетъ себя причисленнымъ къ тѣмъ милліонамъ россіянъ, которые болѣе всего на свѣтѣ любятъ свою родину, а потому ему легче всего разобраться въ запутанныхъ, внутреннихъ политическихъ вопросахъ.

Со времени созыва третьей Государственной Думы петроградскій обыватель неизмѣнно посѣщаетъ засѣданія этого законодательнаго учрежденія, а иногда присутствуетъ на совѣщаніяхъ Государственнаго Совѣта.

Недавнее время, со времени созыва нашихъ законодательныхъ учреждений, препятствовало образованію сильной политической партіи.

Обывателя сильно поражало, когда еще, во времена Столыпина, при особенно жгучихъ вопросахъ крайніе правые, батюшки и епископы голосовали заодно съ самыми крайними лѣвыми. Значить, обѣ партіи сказывались одиномышленниками.

Со времени великой настоящей войны, случившейся къ счастью Россіи, волна искренней любви къ родинѣ хлынула въ двери Таврическаго Дворца и объединила членовъ Государственной Думы въ одну могучую партію, желающую во что бы то ни стало привести войну къ побѣдоносному концу. Препятствующимъ остается использовать эту могучую народную силу.

Мы не можемъ закончить свое сказаніе о прогрессивномъ блокѣ, не приведа высокопоучительной корреспонденціи газеты Б. А. Суворина „Вечерняго Времени“ подъ названіемъ „*Праздникъ плынныхъ*“. Просимъ читателя внимательно отнестись къ этой статьѣ. По прочтеніи ея становится совершенно ясно, что никакой компромиссъ, никакое соглашеніе съ тевтономъ не мыслимо до полнаго его обезсиленія—будь онъ германецъ, или нѣмецкій колонистъ, или якобы лояльный прибалтіецъ ¹⁾.

„Всѣмъ извѣстно, что плѣнные влачатъ жалкое, полуголодное существованіе. Постоянные побои отбиваютъ всякое желаніе сопротивляться у самыхъ энергичныхъ.

Идутъ темные, ненастные дни. Жизнь однообразна. Всѣ привыкли и къ голоду и постояннымъ окрыкамъ. Получилась

¹⁾ „Веч. Вр.“. № 1328 1915 г.

какая-то животная жизнь. Люди бродятъ вялые, какъ мухи осенью.

Ничто ихъ не интересуеть. И вотъ въ эту одурманивающую тишину врывается радостный звукъ, который взбудоражилъ весь лагерь и надолго внесъ оживленіе.

„Самсонова пріѣдетъ“.

Лица стали свѣтлыя, глаза горять надеждой.

Съ кѣмъ ни встрѣтишься, только одинъ разговоръ: „Самсонова была въ Кроссенѣ, говорятъ, скоро и къ намъ пріѣдетъ. Тогда мы ей расскажемъ все“.

Лица горять надеждой—наконецъ-то пріѣдетъ русскій человекъ, который самъ посмотритъ на нашу жизнь и увидитъ всѣ наши страданія.

Солдатики ободрились, стали глядѣть веселѣе и, посмѣиваясь, говорили: „Это вѣдь русская сестра, мы ей все покажемъ, все докажемъ. Это наша, она не сдѣлаетъ, какъ испанскій консулъ: пріѣхалъ насъ смотрѣть, а только попилъ кофе у нѣмецкаго генерала и былъ таковъ. Въ лагерь и не заглянулъ“.

Среди нѣмцевъ пріѣздъ г-жи Самсоновой также произвелъ переполохъ. Начали вводить улучшенія.

Прежде всего людей изъ землянокъ перевели въ бараки и даже калитку, которая вела во дворъ, гдѣ находятся землянки, забили—будто здѣсь никто и не жилъ.

Кухню вычистили. Плѣннымъ, у которыхъ вмѣсто одежды были рубища, выдали одежду и сапоги. Заключенныхъ въ тюрьмѣ выпустили.

Въ лазаретѣ больнымъ было выдано чистое бѣлье и по два одѣяла.

Настолько нѣмцы были встревожены этимъ пріѣздомъ, что въ лазаретахъ въ день посѣщенія лазарета г-жой Самсоновой главный нѣмецкій врачъ самъ накрывалъ постели больныхъ, находя, что постели прибраны неаккуратно.

Все было замаскировано. Только одно забыли замаскировать—холодъ. Забыли выдавать больше угля, и поэтому въ баракахъ царилъ обычный холодъ.

Однажды утромъ (я лежалъ въ лазаретѣ) слышу крикъ: „пріѣхала, ходитъ по лагерю, смотритъ“.

Гдѣ же тутъ утерпѣть? Вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ въ лагерь. Отовсюду бѣгутъ плѣнные, каждому хочется поскорѣе взглянуть на русскую сестру.

Вотъ это-то и былъ нашъ праздникъ. Это единственный

день, когда мы почувствовали, что не всѣхъ русскихъ, по крайней мѣрѣ въ глаза, нѣмецъ называетъ... „проклятой свиньей“ и не всякаго можно бить. Въ этотъ день даже и насъ не били.

Всѣ плѣнники съ живѣйшимъ вниманіемъ и восторгомъ наблюдали, какъ шествовала г-жа Самсонова по лагерю. Именно это было шествіе.

Впереди буквально бѣжали нѣмецкіе офицеры и показывали дорогу, около г-жи Самсоновой самъ Бонинъ—нашъ свирѣпый генераль, на котораго въ обычное время плѣнные даже и смотрѣть боялись. Идутъ и почтительно смотрятъ на русскую сестру.

Солдаты радостно смѣются, „что видно и Кащяя (генерала) забрало. И на тебя наплась управа“.

Рядомъ съ г-жой Самсоновой шли русскіе врачи—А. В. Селезневъ (старшій врачъ 15 мортирнаго дивизіона), Магалифъ, Станевичъ, Михайловъ и др.

Дальше длинной вереницей шли—графъ Бреде (помощникъ коменданта лагеря), нѣмецкіе врачи и длинная вереница нѣмецкихъ унтеръ-офицеровъ.

На лицахъ нѣмцевъ безпокойство, всѣ напряженно смотрятъ за движеніями г-жи Самсоновой, которая, надо сказать, не оставила въ лагерѣ ни одного мѣстечка, не осмотрѣвъ его тщательно.

Генераль, повидимому, тоже волнуется и даже не скрываетъ своего волненія. Подзываетъ офицеровъ и даетъ имъ какія-то спѣшныя приказанія, послѣ чего тѣ бѣгутъ стремительно куда-то впередъ.

А г-жа Самсонова ходитъ по лагерю, смотритъ наши жилища и только горестно покачиваетъ головой. Повидимому, даже нѣмецкія декораціи не могли привести лагерь хотя бы въ немного сносное состояніе.

Пока идетъ только молчаливый осмотръ, объясненія даютъ нѣмцы, и русскимъ врачамъ приходится говорить мало, но на пути встрѣчается такъ много истощенныхъ, изможденныхъ лицъ, что дѣйствительность говоритъ сама за себя, и сестрѣ все безъ словъ ясно.

Лицо сестры дѣлается грустнѣе, у нѣмцевъ на сердцѣ кошки скребуть.

У нихъ есть три жупела, которыми они пытаются создать благопріятное для нихъ впечатлѣніе—это баня, театръ и церковь. Все это они показываютъ и съ большимъ достоинствомъ обращаютъ вниманіе сестры на свою заботливость по отношенію къ плѣннымъ.

Да, дѣйствительно, заботливость, только она нуждается въ поясненіяхъ, которыхъ нѣмцы „по всей скромности“ сестрѣ не дали.

Баня хороша, но для плѣнныхъ она пытка и возможное средство простудиться. Нѣмцы не рассказали, какъ вымывшихся въ банѣ заставляютъ въ одномъ бѣльѣ на холодѣ (не въ баракѣ) по 4—6 часовъ дожидаться одежды изъ дезинфекціи, и не сказали они сестрѣ, сколько народа получило изъ-за этой бани плевать. Многого они не рассказали.

Церковь, правда, сооружена, конечно, русскими и на русскія деньги, послѣ долгихъ хлопотъ русскихъ врачей. Не рассказали нѣмцы также, какъ они толпой приходятъ смотрѣть на наше богослуженіе, при чемъ даже шапокъ не снимаютъ.

Театръ. Да вѣдь его устроила группа богатыхъ русскихъ плѣнныхъ, исключительно для которыхъ онъ и существуетъ, и нѣмцы въ немъ совсѣмъ неповинны.

Во все время осмотра лагеря г-жой Самсоновой, нѣмцы тщательно скрывали землянки, и когда сестра проходила мимо калитки, ведущей къ землянкамъ, то тутъ былъ поставленъ цѣлый рядъ унтеръ-офицеровъ и г-жѣ Самсоновой пришлось пройти мимо.

Хитрость нѣмецкая не принесла хорошихъ для нѣмцевъ результатовъ. Наши солдатики все-таки рассказали г-жѣ Самсоновой о землянкахъ, и все шествіе должно было повернуть назадъ.

Какъ были сконфужены нѣмцы. Болѣе дурацкое положеніе трудно представить. Они попались какъ школьники.

Волей-неволей, а пришлось идти въ землянки, и вотъ тутъ русская сестра увидѣла настоящее жилище: землянки безъ пола, окна безъ стеколъ, печей нѣтъ. Много видѣла плохого г-жа Самсонова и въ другихъ лагеряхъ, но въ этомъ отношеніи нашъ лагерь всѣхъ перещеголялъ.

„Худшаго лагеря, чѣмъ вашъ, я не видала“,—сказала русскимъ врачамъ г-жа Самсонова.

Когда всѣ вышли изъ землянокъ, нѣмцы преобразились. Вышли какими-то побитыми, сконфуженными. Даже генералъ какъ-то съезжился и окончательно потерялъ свой бравый, гордый видъ. Г-жа Самсонова съ нимъ даже и не разговаривала, и это, повидимому, окончательно его убило: онъ отошелъ далеко въ сторону и потихоньку пошелъ сзади. Зато какъ торжествовали наши плѣнные. Кругомъ слышались восклицанія: „Думали на-

дуть, да не удалось. Вишь, проклятые, пакостить могутъ, а отбѣчать бояться. Не удалось! Не дадимъ обмануть“.

Радость и ликование были написаны на лицахъ плѣнниковъ. За годъ страданій, измывательствъ — одинъ день торжества. Пережили хотя только и морально, но все-таки тяжелое. Это чувствовали и нѣмцы. Вѣдь этотъ человекъ видѣлъ все. Поѣдетъ, скажетъ всю правду о плѣнѣ. Тогда никакія опроверженія не помогутъ. Вѣдь этого слѣдователя даже и задержать въ лагерѣ самъ полномочный комендантъ не можетъ!

Все это радовало нашихъ солдатъ, и этотъ день былъ дѣйствительно праздникомъ для нихъ.

Посѣтила г-жа Самсонова нашъ лазаретъ. Ничего особеннаго замѣтить было нельзя; вездѣ чисто, чистыя простыни, чистое бѣлье — только сегодня утромъ все надѣто, когда же испачкаться?

Во дворѣ больные окружили русскую сестрицу, какъ называли плѣнные г-жу Самсонову, и началась бесѣда. Нѣмцы отошли въ сторону. Разговоръ сталъ свободнѣе, всѣ перестали бояться, что имъ за жалобы нагорить.

Сунулся нѣмецкій унтеръ-офицеръ, знающій русскій языкъ, послушать, о чемъ говорятъ, но былъ сконфуженъ заявленіемъ г-жи Самсоновой: „Я сама по-русски хорошо говорю“. Послѣ этихъ словъ сконфуженный нѣмецъ взялъ подъ козырекъ и скрылся.

Побесѣдовала г-жа Самсонова съ больными, а затѣмъ пошла въ докторскій баракъ.

Пребываніе г-жи Самсоновой закончилось событіемъ, о которомъ наши солдатики не могутъ вспомнить безъ радостнаго, торжествующаго смѣха. Да и было чему порадоваться и посмѣяться.

Дѣйствительно, сегодня наша сила, наше торжество.

Дѣло было такъ. На площади въ ожиданіи выхода г-жи Самсоновой изъ докторскаго барака, такъ сказать, для параднаго прощанія съ ней, нѣмцы выстроили поротно всѣхъ плѣнныхъ. Во главѣ каждой роты стоялъ унтеръ-офицеръ, молодцовато закручивая свои усы. Палки на этотъ разъ они оставили дома, въ ходъ пускали только кулаки и то очень рѣдко. Плѣннымъ было строго-настрого подъ угрозой ареста запрещено говорить съ сестрой и приказано только на прощаніе крикнуть: „досвиданія“.

По близости расположились нѣмецкіе офицеры и доктора.

Картина была внушительная.

Увѣковѣчить ее былъ приглашенъ специальный фотографъ, который тутъ же расположился со своимъ аппаратомъ.

Ждали только появленія г-жи Самсоновой, которая, конечно, какъ предполагали нѣмцы, займетъ центральное мѣсто на фотографіи.

Вотъ она появилась, и вмѣсто торжества для нѣмцевъ получился полный конфузъ, отъ котораго у многихъ даже лихіе усы опустились.

Увидавъ парадъ, г-жа Самсонова съ негодованіемъ громко сказала: „Это что? Нѣмецкіе унтеръ-офицеры назадъ!“

И что же? Мановеніе руки слабой женщины, и всѣ эти нахальные, самодовольные тевтоны были побѣждены.

Всю ихъ спесь какъ рукой сняло!

Всѣ они, какъ по командѣ, повернулись къ воротамъ и пошли.

Проходя мимо г-жи Самсоновой, они брали подъ козырекъ.

Генераль до того сконфузился, что окончательно оробѣлъ и скрылся.

Фотографъ подобралъ свой аппаратъ и подставку и поспѣшилъ за остальными нѣмцами. „Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою“.

„Вотъ сестра, а нѣмцами командуетъ лучше генерала“,— радостно говорили наши плѣнные.

Послѣ „пораженія“ нѣмцевъ солдатики окружили свою сестрицу, и тутъ началась бесѣда, которой, можетъ быть, всю жизнь не забудутъ наши плѣнные.

Каждаго внимательно выслушивала г-жа Самсонова; каждый находилъ у нея слово утѣшенія. Все, что тяготило плѣнныхъ, всѣ бѣды, несчастья и униженія—все выложили они предъ своей сестрицей.

Этотъ кошмаръ плѣна какъ бы охватилъ г-жу Самсонову, и у ней вырвалось: „Неужели же совсѣмъ нѣмцы ничего хорошаго не сдѣлали? Вы расскажите и о хорошемъ. Мнѣ все надо знать. Вѣдь есть же церковь, театръ, баня? Что-нибудь же нѣмцы сдѣлали для васъ“?

Начались отвѣты. И увидѣла сестра, въ какомъ мы ужасѣ жили, увидала все наше униженіе. Плакали солдаты, рассказывая о своемъ житѣѣ.

Уѣхала Самсонова. На душѣ хотя немного чувствовалось облегченіе: „все-таки раскрыли правду предъ сестрицей!“.

Уѣзжая, г-жа Самсонова отъ имени Государыни оставила 900 марокъ—600 на помощь плѣннымъ въ лагерьъ и 300 марокъ больнымъ.

Долго будутъ помнить наши плѣнные это посѣщеніе, какъ единственное свѣтлое событіе въ ихъ жизни въ плѣну.

На другой день все пошло по-старому.

Выпущенныхъ арестантовъ посадили снова; палки по-прежнему были въ рукахъ нѣмцевъ—однимъ словомъ, началась обычная лагерная жизнь.

Роково окончился этотъ пріѣздъ для одного моего товарища, вольноопредѣляющагося Л. Мацкевича, больного туберкулезомъ въ сильной степени.

Мацкевичъ, какъ и я, былъ признанъ нѣмецкими врачами больнымъ и годнымъ къ отправленію на родину въ качествѣ инвалида.

Мы вмѣстѣ съ нимъ доживали въ лагерѣ послѣдніе дни, со дня на день ожидая отъѣзда.

И вотъ, когда г-жа Самсонова разговаривала съ больными въ лазаретѣ, онъ началъ излагать передъ ней всѣ наши бѣды и дѣйствительно многое раскрылъ передъ г-жой Самсоновой.

И что же? Нѣмцы ему за это оплатили. По приказанію коменданта лагеря имя Мацкевича было вычеркнуто изъ списка отправляемыхъ.

У человѣка идетъ горломъ кровь; можетъ быть, ему и жить осталось не долго, но все-таки ему нѣмцы рѣшили мстить. Только за то, что онъ сказалъ правду!

Мацкевичъ, при скоромъ возвращеніи на родину, при хорошемъ уходѣ, могъ бы еще поправиться, но въ плѣну, конечно, онъ обреченъ на гибель.

Вотъ картинка дѣйствительной жизни въ плѣну“.

Программа прогрессивнаго блока построена на единеніи. При этомъ строеніи допущена блокомъ грубая политическая ошибка, которая впоследствии подвергнется беспощадному суду исторіи. Россія ведетъ войну на жизнь и смерть съ Германіей. Значить, всякій германецъ въ той или другой формѣ внѣ или внутри Россіи лютый ея врагъ, съ коимъ никакія соглашенія не мыслимы до полного его обезсиленія. Это совершенно ясно. Между тѣмъ на платформѣ прогрессивнаго блока нѣтъ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ. Г.г. прибалтійцы, или ихъ присные, которые выѣдрились во всѣ щелки Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, напѣвами сирены яростно пропагандировали тамъ мысль, что не надо возбуждать одну народность Россіи противъ другой, что это препятствуетъ единенію блока

и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выдвигали польскій и еврейскій вопросъ. Г.г. блокисты сознательно или безсознательно попали на эту удочку.

Не понимаю и. блокисты ту простую мысль, что полякъ и еврей въ Россіи есть русскій, а нѣмецкій колонистъ или лояльный прибалтіецъ есть нѣмецъ и никакой союзъ съ ними немислимъ. Необходимо теперь же самая безпощадная война внутри Россіи съ нѣмецкимъ засильемъ, а не союзъ съ нимъ.

Слышалъ потрясающій разказъ отъ одного изъ участниковъ нашего лѣтнаго отступленія на Варшавскомъ фронтѣ. Ураганный огонь непріятели превратилъ въ пахотное поле всѣ наши окопы. Затѣмъ густыми колоннами, съ ружьями, надѣтыми ремнемъ на правое плечо, съ нахальнымъ смѣхомъ и ругательствами, германцы пошли на насъ въ атаку. Съ нашей стороны нѣтъ отвѣта ни снарядомъ, ни пулей. Нѣтъ ничего. Только арьергардная часть останавливается и только могучимъ русскимъ штыкомъ осаживаетъ назадъ наглеца-германца и затѣмъ отступаетъ на новую позицію.

Такія дѣянія могла свершать лишь одна русская армія—ея солдатъ, ея офицеръ и ея генераль.

Другая армія при такихъ условіяхъ побѣждала бы и развалилась.

Такія же блестящія страницы русской военной исторіи представляетъ героическій отходъ доблестной 3-й арміи Радко-Дмитріева отъ Дунайца до Сана въ апрѣль 1915 года.

В. П.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12-го сентября по 13-е октября 1915 г.

Антикварная книжная торговли В. И. Ключкова. Каталогъ № 569. ПГ. 1915. Тип. Арнольда (Литейный, 59). 8° (16 × 24). 16 стр. Въсь 3 л. 1.200 экз.

Бертенсонъ, Сергій. Дѣды русской сцены. О жизни и дѣятельности Ивана Ивановича Сосницкаго. ПГ. 1916. Тип. Главн. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (22 × 26). 175 + XXI стр. Съ портр. и рис. Въсь 1 ф. 12 л. 1.200 экз.

Бочковъ, Д. А. Памяти Александра Ивановича Покорскаго-Жоравко (1813--1913 г.г.). (Оттискъ изъ XI вып. „Трудовъ“ Черниговской Губернской Ученой Архивной Коммиссии). Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17 × 25). 29 стр. Съ портр. и рис. Въсь 4 л. 300 экз.

Веселовскій, Н. И. Современное состояніе вопроса о „Каменныхъ бабахъ“ или „Балбилахъ“. (Отд. оттискъ изъ XXXII тома „Записокъ Имп. Одесскаго об-ва исторіи и древностей“). Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20 × 27). 39 стр. Въсь 6 л. 150 экз.

Гладкій, И. Смысль жизни въ творчествѣ А. П. Чехова. (Отд. оттиски изъ ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1915 г.). Харьковъ. 1915. Тип. Епархіальная (Каплуновская, 2). 8° (15 × 23). 14 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Либровичъ, С. Ф. Загадочный фельдмаршалъ. Историческій очеркъ. ПГ. 1915. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфа (В. О., 16 лин., соб. д., 8° (16 × 22). 64 стр. съ рис. Ц. 50 к. Въсь 8 л. 2.000 экз.

Махнова, Елена. Помощь самообразованію. Языкознаніе. Искусства. Критика. Историко-литературныя изслѣдованія. (Опытъ систематическаго указателя). Ставрополь. 1915. Тип. Т. Тимошеева. 8° (18 × 28). 13 + 132 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 29 л. 600 экз.

Нуссбаумъ, Е. I. Содержаніе главныхъ произведеній русской и всеобщей литературы по лучшимъ историко-литературнымъ источникамъ. Вып. I. Русская литература. Вып. II. Всеобщая литература. Кіевъ. 1915. Изд. 2-е; значит. доп., к-ва И. И. Самоненко. Тип. 1-й Кіев. Артели (Трехсвятительская, 5). 8° (16 × 23) III + 154 стр. Ц. 1 р. Въсь 15 л. 2.000 экз.

Отчетъ о состояніи Нижегородскаго Городскаго Художественнаго и Историческаго Музея за 1914 г. Н. Новгородъ. 1915. Тип. И. Съркина. 8° (17 × 26). 38 стр. Въсь 4 л. 300 экз.

Перечень пособій, методическихъ и научныхъ, рекомендуемыхъ для преподавателей русскаго языка и словесности. ПГ. 1915. Тип. Т-ва Худож. Печатня (Демидовъ, 4). 8° (14 × 21). 15 стр. Въсь 2 л. 500 экз.

Русскій историческій календарь на 1916 годъ. ПГ. 1915. Изд. и Тип. Отто Кирхперъ. 8° (16 × 23). 732 стр. Съ рис. Въсь 1 ф. 20 л. 9.000 экз.

Рыхликъ, Е. А. Жизнь Славянъ. Популярныя очерки. Вып. 2-й Поэзія славянскаго горя и славянскихъ надеждъ (Колларъ и Сладковичъ). Кіевъ. 1915. Изд. автора. Тип. В. Ф. Швигорскаго и К^о (Владимірская, 34). 8° (15 × 23). 32 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Сингалевичъ, С. П. Страница изъ методики исторіи. (Какъ вести пробныя уроки въ VIII кл. ж. г.). Съ приложеніемъ программы по методикѣ преподаванія исторіи. Казань. 1915. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 27 стр. Вѣсъ 4 л. 330 экз.

Сингалевичъ, С. Янъ Гусъ и возрожденіе Чехи въ XIV вѣкѣ. (Отд. оттискъ изъ журн. „Вѣстникъ образованія и воспитанія“, за 1915 г. №№ 5—6). Казань. 1915. Тип. Центральная. 8° (17 × 26). 9 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Чего ждетъ Россія отъ войны. Сборникъ статей: Туганъ-Барановскаго, М. Н. Фридмана, П. Н. Милюкова, П. Н. Вернадскаго, В. Н. Карѣва, Н. Н. Гиппиусъ, З. Н. Славинскаго, М. А. Курбатова, В. Я. Знаменскаго, С. Ф. Бехтерева, В. М. Шингарева, А. Н. Шинкиной-Явейнъ, П. Н. Стрѣльцова. Р. Е. ПГ. 1915. Изд. 2-е, Кн-ва Прометей. Тип. Печатный Трудъ (Прачешный пер., 4). 8° (16 × 23). 227 стр. + 4 карты. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 25 л. 3.100 экз.

Георгіевскій, А. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ и современная дѣйствительность. Съ приложеніемъ портрета Аксакова, избранныхъ стихотвореній и указателя важнѣйшихъ статей его по славянскому вопросу. Казань. 1915. Изд. О-ва вспом. нуж. уч. Каз. втор. реального учил. Тип. Центральная. 8° (17 × 25). 47 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 800 экз.

Грибковскій, В. М., проф. Древне-русское право. (Краткій обзоръ чтеній по исторіи русскаго права). Вып. I. (Древнѣйшій земско-княжескій періодъ). ПГ. 1915. Тип. Двигатель (Казначейская, 6). 8° (16 × 23). 131 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 12 л. 2.600 экз.

Зуммеръ, В. С. Система библейскихъ композицій А. А. Иванова. Анализъ 13-ти сложныхъ сюжетныхъ цикловъ. Со статьей проф. Г. Г. Павлуцкаго. Источники художественнаго творчества А. А. Иванова (Оттискъ изъ журн. „Искусство“). Кіевъ. 1915. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4° (20 × 36). 9 + XXIV стр. + 112 ст. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 20 экз.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1915 г. Тома XX-го Книжка 2-я.

Содержаніе: Обнорскій, С. П. Памяти Ѳ. Е. Корша. Степановъ, Н. В. Календарно-хронологич. факторы Ипатьевской лѣтописи XIII в. Даниловъ, Н. М. Матеріалы для полнаго собранія сочин. И. И. Козлова. Щегловъ, С. А. Слово на побѣду 1541 г. Чижиковъ, Л. А. Адамъ Мицкевичъ. Абель, А. П. Объ акцентуаціи ударенныхъ простыхъ гласныхъ въ латышскомъ языкѣ. Святскій, Д. О. Астрономическія явленія въ русскихъ лѣтописяхъ съ научно-критической точки зрѣнія. ПГ. 1915. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 линия, 12). 8° (17 × 26). VIII + 330 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 813 экз.

Исторія Московскаго Купеческаго общества. Учрежденія, недвижности и капиталы Московскаго Купеческаго общества. Т. 5, вып. 3. Подъ ред. В. Н. Сторожева. М. 1915. Тип. Городская. 4° (22 × 30). 807—1152 + 216 + 104 стр. съ рис. и портр. Вѣсъ 7 ф. 950 экз.

Каталогъ антикварнаго книжнаго магазина Θεодора Андреевича Семенова. ПГ. 1915. Тип. М. С. Персона (Казанская, 35). 8° (15 × 24), 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Кирияковъ, М. М. О родѣ Кирияковыхъ. Записки Михаила Михайловича Кириякова. (1810—1839). (Оттискъ изъ XI вып. „Трудовъ“ Черниговской губ. учен. архивной комиссiи). Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17 × 25). 14 стр. Въсь 3 л. 100 экз.

Латышевъ, В. В. Византійская „Царекая“ минея. (Записки Имп. Академіи Наукъ. Т. XII. № 7). ПГ. 1915. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 4° (22 × 31). 326 стр. Въсь 1 ф. 27 л. 650 экз.

Лебедевъ, Е. Е. Порховъ и его окрестности. Историческій очеркъ. Новгородъ. 1915. Тип. Губернская. 8° (16 × 24). IV+65+13 стр. Съ рис. Въсь 9 л. 1.000 экз.

Материалы для исторiи Гангутской операціи. Вып. II. Донесенiя и письма Петру Великому 1713 и 1714 гг. и Шведскому Королю Карлу XII. 1914 г. (Къ 200-лѣтнему юбилею Гангутскаго боя). ПГ. 1915. Изд. и тип. Морского Министерства (Главное Адмир.). 8° (18 × 26). IV + 549 + II стр. съ карт. Въсь 2 ф. 15 л. 1.000 экз.

Морозовъ, Ѳ. Антиминсъ 1149 (6667) года. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4° (20 × 28). 13 стр. съ 2 табл. Въсь 6 л. 200 экз.

Мухинъ, Н. П. Къ двадцатилѣтiю Петрозаводскаго окружнаго суда въ связи съ пятидесятилѣтiемъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II (1864—1894—1914). Петрозаводскъ. 1915. Тип. Олонеккая губернская. 8° (17 × 25). 21 стр. Въсь 8 л. 180 экз.

Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію. Подъ ред. В. Н. Бернешевича. 1911 г. Указатель личныхъ именъ. (Приложеніе къ „Извѣстіямъ Отд. русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ“). ПГ. 1915. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (17 × 25). LIX стр. Въсь 9 л. 915 экз.

Одиннадцать интермедій. XVIII вѣка. Памятники древней письменности и искусства. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43). 8 (19 × 27). 60 стр. Въсь 12 л. 450 экз.

Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній 1864—1914 г. Указатель докладовъ и сообщеній. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (20—26). 158 стр. Въсь 1 ф. 700 экз.

Письма Александра Ивановича Покорскаго-Жоравко къ женѣ Серафимѣ Павловнѣ, рожд. Потье-де-ла-Фромандьеръ. (1858—1859). Подъ ред. В. Л. Модзалевскаго. (Оттискъ изъ XI вып. „Трудовъ“ Черниговской Губернской Ученой Архивной Коммиссiи). Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17 × 25). 53 стр. Въсь 7 л. 100 экз.

Погодинъ, А. проф. Исторія польскаго народа въ XIX вѣкѣ. М. 1915. Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. Тип. Мысль (Петровка, 17). 8° (17 × 24). II + 297 стр. II. 2 р. 25 к. Въсь 30 л. 2.500 экз.

Покровскій, Н. В. Церковная археологія въ связи съ исторіею христіанскаго искусства ПГ. 1916. Тип. А. Н. Лавровъ и К° (Ул. Голяя, 9). 8° (19 × 22) XX + 222 стр. съ 417 рис. Въсь 1 ф. 5 л. 6.500 экз.

Антикварный книжный магазинъ Н. В. Соловьева. Каталогъ. № 140. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (17 × 21). 18 стр. Съ 1 портр. Въсь 4 л. 1.200 экз.

Бѣлоликовъ, В. Изъ исторiи поморскаго раскола во второй половинѣ XVIII в. (Оттискъ изъ журнала „Труды Императорской Кіев. Дух. Академіи“). Кіевъ. 1915. Тип. Акц. о-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 25). 14 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Бѣляевъ, Мих. Великій Князь Владиміръ Святославовичъ Кіевскій Строитель Земли Русской. (Историческая справка ко дню 900-лѣтія кончины 15-го іюля 1015 г.—15-го іюля 1915 г.). Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1915. Тип. Губ. Правленія. 8° (18×28). 14 стр. Въсь 3 л. 400 экз.

Врангель, Н. Н., бар. Искусство и Государь Николай Павловичъ. Пг. 1915. Изд. ежемѣсячника Старые годы. Тип. Сириусъ (Рыночная, 10). 8° (19×27). 115 стр. съ рис. Ц. 4 р. Въсь 1 ф. 8 л. 100 экз.

Записки Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II. Изд. подъ ред. А. И. Успенскаго. Т. XX. М. 1915. Тип. Печатня А. И. Снегиревой. 8° (18×27). VI + 392 стр. Ц. 4 р. Въсь 2 ф. 1 л. 500 экз.

Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XI. Пг. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4° (20×29). 250 стр. съ рис. + 29 табл. Ц. 2 р. Въсь 2 ф. 12 л. 500 экз.

Извѣстія Императорскаго Русскаго географическаго общества, издаваемая подъ ред. секретаря общества Д. И. Мушкетова. Томъ LI. 1915 г. Вып. VII. Пг. 1915. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 лин., 28). 8° (17×24). 40 стр. Въсь 5 л. 24.206 экз.

Историко-статистическія таблицы дѣятельности Уфимскихъ земствъ. Къ сорокалѣтію существованія земствъ Уфимской губ. 1875—1914 г.г. Уфа. 1915. Тип. Печать. 8° (17×25). 445 стр. Съ рис. Въсь 1 ф. 9 л. 500 экз.

Новомбергскій, Н., проф. Очерки внутренняго управленія въ Московской Руси XVII столѣтія. Продовольственное строеніе. Матеріалы. Т. II. (Изъ записокъ Императорскаго Московскаго Археологическаго института имени Императора Николая II. Т. XX. 1915 г.). М. 1915. Тип. Печатня А. Снегиревой (Савеловск. п.). 8° (19×28). 392 стр. Ц. 2 р. Въсь 2 ф. 5 л. 100 экз.

Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ 1862—1910 г. М. 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Шименовск., с. д.). 8° (15×21). IV + 604 стр. Въсь 1 ф. 17 л. 5.000 экз.

Рудинъ, С. Д. Межевое законодательство и дѣятельность межевой части въ Россіи за 150 лѣтъ. 19 сентября 1765—1915. Пг. 1915. Тип. В. О. Киришбаума (Новосакіевская, 20). 8° (18×26). X + 546 стр. Ц. 5 р. Въсь 2 ф. 12 л. 4.000 экз.

Русско-Японская война. 1904—1905 гг. Книга третья. Морское сраженіе въ Желтомъ морѣ 28 іюля (10 августа) 1914 г. Захватъ японцами миноносца „Рѣшительный“ въ Чифу. Пг. 1915. Тип. А. Бенке (Новый пер., 2). 8° (18×26). VIII + 193 стр. Въсь 1 ф. 3.000 экз.

Рыдзевская, Е. Кладъ серебряныхъ вещей изъ Терслева. Пг. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск. 43). 4° (19×28). 12 стр. + 3 табл. Въсь 6 л. 100 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть I. Вып. I. (Народная словесность). Пг. 1915. Изд. 8-е, Я. Башмакова и К°. Тип. М. Волковича, (Садовая, 60). 8° (16×22). XII + 145 + 4 нен. стр. Ц. 60 к. Въсь 16 л. 3.000 экз.

Судебная реформа. Подъ ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянскаго. При ближайшемъ участіи М. Н. Гернета, А. Э. Вормса, Н. К.

Муравьева и А. Н. Паренаго. Т. П. М. 1915. Изд. К-ва Объединеніе (Моховая, 20). Тип. Т-ва А. А. Левенсона (Трехпрудный, с. д.). 8° (18 × 27). 309 стр. Вѣсь 2 ф. 8 л. 5.200 экз.

Щепкинъ, Е. Н. Варяжская Вира (отд. оттискъ изъ XXXII т. „Записокъ Имп. Одесскаго об-ва исторіи и древностей“). Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20 × 28). 153 стр. Вѣсь 21 л. 55 экз.

Богословскій, М. М., проф. Исторія Россія XVIII в. (1725—1796 г.). М. 1915. Изд. О-ва взаимн. студ. фил. при И. М. У Тип. И. Ф. Смирнова (Б. Дмитровка, 13). 8° (18 × 27). 375 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 12 л. 300 экз.

Вышіе женскіе курсы въ Казани. Историко-филологическій факультетъ. Обзорніе преподаванія въ 1915—16 учебномъ году. Казань 1915. Тип. Центральная. 8° (17 × 25). 21 стр. + 1 табл. Вѣсь 4 л. 900 экз.

Императорскій Казанскій университетъ. Обзорніе преподаванія въ 1915—1916 учебномъ году. Казань. 1915. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 20 + 32 + 15 + 39 стр. съ табл. Вѣсь 20 л. 1.120 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ, подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Ник. Морозова и проф. О. М. Шимкевича. М. 1915. Изд. Т-ва Миръ, (Знаменская, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовская, с. д.). 8° (19 × 27). 257—384 стр. съ иллюстр. Вѣсь Вѣсь 1 ф. 5 л. 3.800 экз.

Каталогъ аукціона русскихъ монетъ, выставляемыхъ фирмою „Монеты и марки“. Императорское общество поощренія художествъ. ПГ. 1915. Тип. Экономическая, (В. О., 14 лин., 5). 8° (14 × 24). 27 стр. Вѣсь 3 л. 250 экз.

Каталогъ изданій Императорской Академіи Наукъ. Часть II. Отдѣльныя изданія на русскомъ языкѣ. Съ 1726 года по 1-е іюня 1915 года. ПГ. 1915. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9-я лин., 12). 8° (17 × 25) 184 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 20 л. 2.010 экз.

Каталогъ изданій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. ПГ. 1915. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9-я лин., 12). 8° (16 × 24). 25 стр. Вѣсь 4 л. 315 экз.

Краинскій, В. Е. Основы русской исторіи. Борисполь. 1915. Тип. Трудъ. 8° (15 × 23). 21 стр. Вѣсь 3 л. 200 экз.

Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ. Сочиненія. Т. I. Статьи и изслѣдованія. Исторія русской литературы XVIII и XIX стол. Критика. Библиографія. Исторія. Родословія. Театръ. Музыка. М. 1915. Изд. Л. Э. Бухгейма. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Пятницкая, с. д.). 8° (18 × 27). XI + 614 стр. Съ 1 портр. Ц. 4 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 20 л. 625 экз.

Отчетъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера за 1914 годъ. Архангельскъ. 1915. Тип. губернская. 8° (17 × 26). 31 + 37 + 6 + 6 стр. Вѣсь 8 л. 1.000 экз.

Павлова, Каролина. Собраніе сочиненій. Редакція и матеріалы для біографіи К. Павловой. Валерія Брюсова. Томъ первый. Томъ второй. М. 1915. Изд. и тип. К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ. 16° (14 × 19). XLIX + 336 + VIII стр. съ 1 портр. + 436 + II стр. Ц. 5 р. (за 2 тома). Вѣсь 2 ф. 10 л. 1.480 экз.

Пчелинъ, И. Н. Екатерининская коммисія „О сочиненіи проекта Новаго Уложенія“ и современное ей русское законодательство. (Изъ ученыхъ записокъ Имп. Моск. Университета, отдѣлъ юридической, вып. XLV). М. 1915. Тип. Печатня А. Снегиревой (Савелов. п.). 8° (18 × 26). II + 144 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 18 л. 200 экз.

Савельевъ, Е. П. Средняя исторія Казачества. (Историческое изслѣдованіе). Часть II. Вып. 4-й. Новочеркасскъ. 1915. Тип. Донской печатникъ. 8° (19 × 28). 185—216 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 700 экз.

Сооруженіе храма во имя иконы Казанскія Божія Матери въ селѣ Ламишинѣ, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи и краткія лѣтописныя замѣтки о разобранномъ храмѣ и приходѣ. М. 1915. Тип. т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8° (15 × 22). 106 стр. Вѣсъ 10 л. 300 экз.

Такъ говоритъ Германія. Подлинныя нѣмецкіе документы и изреченія о германскихъ замыслахъ и поступкахъ. Съ предисловіемъ депутата рейхстага аббата Э. Ветерле. Съ французскаго перевелъ Н. М. Лаговъ. ПГ. 1915. Изд. книж. маг. б. Мелье и К°. Тип. Печатн. Трудъ (Шрачешный пер., 4) 8° (16 × 23). 136 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 14 л. 2.500 экз.

Альбомъ достопримѣчательностей Церковно-Археологическаго музея при Императорской Кіевской духовной академіи. Вып. IV—V. Кіевъ. 1915. Тип. С. В. Кульженко. 4° (28 × 37). VIII + 61 стр. + XI табл. Ц. 5 р. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 600 экз.

Антикварная Книжная Торговля Э. Шилова. Каталогъ № 27. Автографы, письма документы и рукописи. ПГ. 1915. Тип. А. Арнгольда (Литейный, 59). 8° (16 × 23). 48 стр. Вѣсъ 6 л. 1.200 экз.

Василенко, Н. П. Очерки по исторіи Западной Руси и Украины. Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. III. Приложение. Кіевъ. 1915. Изд. Н. Я. Оглобина (Крепачикъ, 33). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15 × 24). XI + 589 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 2.500 экз.

Веревкинъ, М. С. Краткое описаніе придворнаго Петропавловскаго собора въ Петроградской крѣпости. ПГ. 1915. Изд. III-е. Тип. Редакц. період. изд. Мин. Финансовъ. 8° (15 × 22). 37 стр. Съ пл. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Г. С. III. Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. Старая Москва. П. М. 1915. Тип. Синодальная. 8° (16 × 24). 28 стр. Вѣсъ 9 л. 400 экз.

Гнѣвушевъ, А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельскаго населенія Новгородской области послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ. Томъ I. Сельское населеніе Новгородской области по писцовымъ книгамъ 1495—1505 г. Часть I (Приложеніе къ № X Университетскихъ Извѣстій 1915 г.). Кіевъ. 1915. Тип. Акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18 × 26). II + 203 — 439 стр. Вѣсъ 17 л. 600 экз.

Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета историко-филологическаго факультета. Вып. X, изданный подъ ред. и д. ордр. проф. А. П. Доброклонскаго. Одесса. 1915. Тип. Техника (Екатерининская, 58). 8° (18 × 26). VII + 609 стр. Ц. 3 р. 50 к. вѣсъ 2 ф. 7 л. 300 экз.

(Продолженіе на обложкѣ).

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ редакціею Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 2. М. 1915. Изд. Т-ва Миръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовск., с. д.). 8° (19×28). 81—160 стр. Съ 5 портр. Вѣсь 18 л. 1.700 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ редакціею Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 6. М. 1915. Изд. Т-ва Миръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовск., с. д.). 8° (19×28). 401—430 + 48 стр. + 5 портретовъ. Вѣсь 20 л. 1.670 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ редакціею Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 7. М. 1915. Изд. Т-ва Миръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовск., с. д.). 8° (19×28). 433—503 стр. съ портр. Вѣсь 17 л. 1.500 экз.

Калевала. Финскій народный эпосъ. Пер. Л. Бѣльскаго (Памятники мировой литературы). М. 1915. Изд. 2-е испр., М. и С. Сабашниковыхъ. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (16×22). XXX + 428 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 8.000 экз.

Кони, А. Ѳ. На жизненномъ пути. Томъ второй. Изъ воспоминаній. Житейскія встрѣчи. Въ верхней палатѣ. М. 1915. Изд. 3-е. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×22). 736 + II стр. Ц. 2 р. 25 к. Вѣсь 2 ф. 20 л. 4.000 экз.

Королюковъ, Іоаннъ, прот. Преосвященный Ѳеофанъ, бывшій епископъ Владимірскій и полковникъ С. А. Первухинъ въ ихъ взаимной перепискѣ. Съ приложеніемъ статьи „Сужденія еп. Ѳеофана и еп. Порфирія о переводѣ Св. Писанія на русскій языкъ“. Кіевъ. 1915. Тип. акад. о-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 141 + IV стр. + 1 портр. Ц. 70 к. Вѣсь 18 л. 300 экз.

Меркуловъ, А. В. Историческій очеркъ потребительной кооперации въ Россіи. (Библиотека Кооператора). М. 1915. Изд. Моск. Союза потребит. обществъ. Тип. Русск. т-ва печат. издат. дѣла (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (16×23). IV + 112 стр. съ рис. Ц. 60 к. Вѣсь 15 л. 6.000 экз.

Нижегородскій Альманахъ. Н.-Новгородъ. 1915. Изд. Т-ва Нижегород. литераторовъ. Тип. И. Сѣркина 8° (18×27). 112 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 14 л. 1.000 экз.

Новый энциклопедическій словарь. Двадцать пятый томъ. Лубъ-Махъ. ПГ. 1915. Изд. и тип. Акц. общ. Издательское дѣло б. Брокгаузъ-Ефронъ (Прачешный пер., 6). 8° (19×27). 959 стр. съ рис. и карт. Ц. 3 р. 60 к. Вѣсь 2 ф. 22 л. 16.000 экз.

Памятная книжка Томской губерніи на 1915 годъ. Томскъ. 1915. Изд. Томскаго Губернскаго статистическаго комитета. Тип. Губ. Управленія. 8° (18×26). 212 + 27 + 42 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсь 1 ф. 20 л. 500 экз.

Ракянть, В. А. Исторія Гренадерскаго сапернаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича баталіона. 1 Дополненіе 1897—1914 г. Казань. 1915. Тип. И. Н. Харитонова. 4° (23×30). XL + 99 + 16 стр. съ рис. и портр. Вѣсь 1 ф. 7 л. 600 экз.

Флоровскій, А. В. Составъ законодательной комиссіи 1767—74 г.г. (Отд. оттиски изъ записокъ Имп. Новороссійскаго университета). Одесса. 1915. Тип. Техникъ (Екатерининск., 56). 6° (19×26). VII + 609 стр. Вѣсь 2 ф. 12 л. 300 экз.

Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Вып. второй М. 1915. Изд. 2-е доп. Тип. Синодальная. 8° (18×27). 103 стр. Вѣсь 14 л. 50 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢНАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка, 18 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки прислать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о пѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

==== Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 г.г. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889 1890, и 1893 по 1911, 1913 и 1914 г.г. по 9 рублей, 1915 г. — 10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„Михаилъ Ивановичъ Семевскій, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ. Б. Подъяческая ул. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

МАЙ.

1916 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Телеграмма Государя Императора Генераль-Лейтенанту Воронову. I—II	
II. Власть пршлаго. М. С. 161—171	
III. Записки Н. А. фонъ-Розенбаха 172—244	
IV. Къ исторіи „Литературной Газеты“ барона А. А. Дельвига. Н. Замкова. . . 245—281	
V. Мои воспоминанія и размышленія, А. Георгіевскаго. . 282—292	
VI. Дневникъ Патрика Гордона. П. М. Майкова. 293—303	
VII. Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П. . 304—309	
VIII. Къ портрету бонапарта. Н. Лернера . 310	
IX. Письмо П. А. Плетнева къ В. И. Григоровичу. Сообщ. Д. Кобеко 311—312	
X. Воевода Путникъ, генералиссимусъ сербскихъ армій. В. П. Ключарева . 313—314	
XI. Очерки прошлаго. Григорія де-Воллана 315—317	
XII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 24-го октября по 14-е ноября 1915 г. (на обложкѣ).	

Приложеніе: Его Императорское Величество, Государь Императоръ Николай Александровичъ, въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и охотники 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, послѣ 54-хъ-верстнаго перехода 1 іюля 1893 года.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ—10 руб., за границу—12 руб.

Приемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1916 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 24-го октября по 14-ое ноября 1915 г.

Бесѣды. Сборникъ Общества исторіи литературы въ Москвѣ. I. М. 1915. Тип. Печатня А. Снегиревой (Савелов. п.). 8° (17×25). 222 + 98 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 8 л. 600 экз.

Ведерниковъ, Н. В. Очерки изъ исторіи кораблей русскаго военнаго флота. ПГ. 1915. Изд. комис. по завѣд. кап. им. гр. С. А. Строганова. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (17×25). 112 стр. съ рис. и портр. Въсь 23 л. 3.000 экз.

Гиппиусъ, Владиміръ. Пушкинь и христіанство. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (17×24). 42 стр. Ц. 80 к. Въсь 8 л. 1.000 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій. Подъ ред. В. О. Саводника. Вып. 2. Основанія органической критики. М. 1915. Тип. т-ва П. Н. Кушнерева и К° (Шименовск., с. д.) 8° (15×23). VI + 164 стр. Ц. 60 к. Въсь 17 л. 2.050 экз.

Модестовъ, Н., свящ. Изъ недавней Оренбургской старины. Историческіе очерки. Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи, вып. XXXII. Оренбургъ, 1915. Тип. А. А. Хусайнова и К°. 8° (17×25). III + 62 стр. Ц. 50 к. Въсь 6 л. 50 экз.

Библиотека Д. В. Ульянинскаго. Библиографическое описаніе. Томъ III. Исторія російскаго дворянства. Генеалогія. Геральдика. Сношенія Московской Руси съ чужими странами до начала XVIII в. Русская словесность преимущественно XIX в., до восьмидесятихъ годовъ. М. 1915. Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., с. д.) 8° (20×27). II + 1201—1716 стр. Ц. за 3 т. 15 р. Въсь 2 ф. 21 л. 325 экз.

Гнѣдичъ, П. А. Матеріалы по народной словесности Полтавской губерніи. Роменскій уѣздъ. Вып. II, часть I. Пѣсни необрядовыя. Полтава. 1915. Изд. Полтавской ученой архивной комиссіи. Тип. Г. И. Маркевича (Бульваръ Котляревскаго). 8° (17×26). V + 224 + IV стр. Ц. за обѣ части 1 р. 20 к. Въсь 30 л. 600 экз.

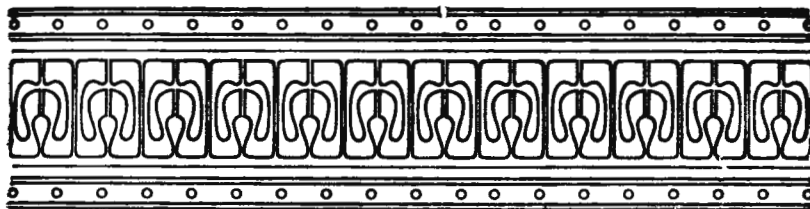
Гротъ, Константинъ Карловичъ, какъ государственный и общественный дѣятель (12 января 1815—30 октября 1897). Матеріалы для его біографіи и характеристики. Къ столѣтію со дня его рожденія. Томъ третій. ПГ. 1915. Изд. Попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17×24), 492 стр. Въсь 1 ф. 19 л. 2.000 экз.

Дорошkevичъ, А. К. Критическія замѣтки о преподаваніи древней русской литературы. (Для педагоговъ-практиковъ). (Изъ „Рус. Филологическаго Вѣстника“). М. 1915. Тип. Синодальная. 8° (17×26). 42 стр. Въсь 5 л. 204 экз.

Кондаковъ, Н. П. Иконографія Богоматери. Томъ II. ПГ. 1915. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 линія, 12) 4° (21×29). 451 стр. Съ рис. Ц. 6 р. Въсь 4 ф. 5 л. 2.016 экз.

Примѣрный списокъ пособій для преподавателей при прохожденіи курса исторіи. ПГ. 1915. Тип. „Худож. печатни“ (Демидовъ, 4). 16 стр. Въсь 1 л. 500 экз.

Русская литература по всеобщей исторіи. Вып. 3-й. Библиограф. обзоръ подъ ред. Д. Н. Егорова. М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (16×24). 50 стр. Ц. 60 к. Въсь 5 л. 800 экз.

**Телеграмма ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
Генераль-Лейтенанту Воронову.**

Петроградъ. Генераль-лейтенанту Воронову.

Искренно благодарю Васъ за поздравленіе очень Меня тронувшее.

НИКОЛАЙ.

Изъ Царскаго Села.
27 октября 1915 г.
7 ч. 52 м. дня.

ТЕЛЕГРАММА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТУ ВОРОНОВУ.

Телеграмма эта была получена въ отвѣтъ на приведенную ниже телеграмму съ поздравленіемъ о присужденіи ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ Георгіевской думой Георгіевскаго креста.

Царское Село. ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Бывшій начальникъ штаба 1-й Гвардейской пѣхотной дивизіи ¹⁾ имѣетъ счастье всеподданнѣйше поздравить Ваше Императорское Величество съ высокимъ боевымъ орденомъ.

Генераль-лейтенантъ *Вороновъ*.

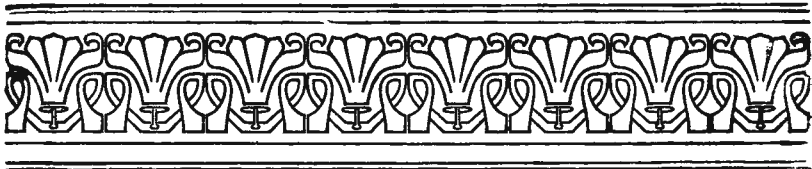
Петроградъ
27 октября 1915 г.
3 ч. дня.

¹⁾ Генеральнаго штаба, генераль-лейтенантъ Павелъ Николаевичъ Вороновъ, настоящій редакторъ „Русской Старины“. былъ начальникомъ штаба 1-й Гвардейской пѣхотной дивизіи въ то время (1893—1894 г.г.), когда Наслѣдникъ Цесаревичъ командовалъ первымъ баталіономъ л.-гв. Преображенскаго полка.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАИ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ,
въ бытность НАСЛѢДНИКОМЪ ЦЕСАРЬВИЧЕМЪ, и охотники 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, послѣ
54-хл-верстнаго перехода 1 іюня 1898 года.

Власть прошлаго ¹⁾.

(Окончаніе).

А Россія бунтовала со всѣхъ концовъ. На сѣверѣ — Кронштадтъ, на югѣ — Севастополь. Кавказъ тоже не отставалъ.

Вотъ и 17 октября. Высочайшій Манифестъ о конституціяхъ (и о свободахъ)! Боже, что дѣлалось въ Москвѣ. Русскій народъ, какъ и всегда, показалъ себя во всю.

Какъ проявлялась у него радость при чтеніи о дарованныхъ ему свободахъ? Разгулъ, своеволие, дерзость и нахальство. А дальше? Дальше репрессивныя мѣры свыше и полное нежеланіе разобраться въ этомъ хаосѣ. Наташа въ убѣжденіяхъ своихъ и мысляхъ не примыкала вполне ни къ той, ни къ другой партіи. Ей казалось, что обѣ стороны были и безусловно правы въ своихъ требованіяхъ, и обѣ виноваты во многомъ, главное въ своихъ дѣяніяхъ. Требованіе Трепова, чтобы всѣ эти неурядицы, столкновения съ полиціей, забастовки рѣшались военнымъ судомъ произвело удручающее впечатлѣніе. Спокойствіе страны уже было подорвано. Сначала глухо, а потомъ все громче и громче раздавались раскаты народнаго неудовольствія. Въ концѣ ноября въ воздухѣ уже чуялась гроза и наконецъ разразилась.

Наташа жила въ это время на Сущевской улицѣ съ племянницей и съ одной прислугой. Вечеромъ 5 декабря фабричный и простой народъ ходили кучками по улицамъ, били фонари и окна въ нижнихъ этажахъ, кричали, грозили, и къ

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

10 часамъ вся Москва тонула въ мракъ. На другой день рано утромъ знакомый лавочникъ принесъ на квартиру Наташи немного мяса и черного хлѣба, сказавъ, что лавки всѣ закрыты, торговать не будутъ, такъ какъ забастовщики запретили. И дѣйствительно всѣ лавки были наглухо заперты, поставлены баррикады и во всемъ городѣ началась какая-то особенная жизнь. Противъ дома, гдѣ жила Наташа, стоялъ домъ Курникова. Здѣсь была устроена одна изъ главныхъ квартиръ революціонеровъ, и вообще весь этотъ кварталъ сдѣлался ареной ихъ особенной дѣятельности. По утрамъ разносили печатныя воззванія отъ стачечнаго комитета, днемъ бросали бомбы, а по вечерамъ стрѣляли изъ оконъ и убивали городовыхъ. Домъ, гдѣ жила Наташа, былъ предназначенъ къ бомбардированію. Въ комнатахъ, выходящихъ на улицу, жить было не безопасно и Наташа со своими сожительницами ютилась въ небольшомъ темномъ коридорѣ. Любопытство брало иногда верхъ, и она въ окно смотрѣла, какъ въ ворота Курниковскаго дома вносили на носилкахъ раненыхъ „товарищей“, а впереди шла какая-нибудь дѣвица и держала палку, на которой болталась красная тряпка. Слышно было, какъ раздавалось пѣніе „Вы жертвой пали“ Почти двѣ недѣли такой жизни. Сидѣли безъ мяса, безъ хлѣба, въ темнотѣ. Наконецъ Дубасовъ началъ *успокаивать* Москву. Днемъ грохотали орудія, по ночамъ небо озарялось то тамъ, то сямъ заревами. Горѣли вокзалы, горѣла Прѣсня. Стѣна дома, гдѣ жила Наташа, была вся пробита пулями, да и ее чуть не убили, когда она какъ-то поздно вечеромъ, среди жуткой тишины вышла во дворъ подышать воздухомъ.

Телеграфъ, почта стали. Ни писемъ, ни извѣстій отъ дорогихъ сердцу. А тутъ еще тревожные слухи все росли и росли. Увѣряли, что на выручку бастующихъ идетъ цѣлая дружина съ подмосковныхъ фабрикъ. Александровское и Алексѣевское училища были объявлены на военномъ положеніи, юнкерамъ роздано по 50 патроновъ; кругомъ училища стояли солдаты и весь старшій курсъ ходилъ въ наружный караулъ. Вся эта молодежь волновалась и жаждала выказать себя.

Къ празднику Рождества Наташа, отчаявшись дожидаться сына, думала, что хоть Андрей Александровичъ пріѣдетъ съ своимъ поѣздомъ и они вмѣстѣ встрѣтятъ праздникъ. Думалось ей это и вѣстями объ Колѣ побалуется онъ ее. Но въ канунъ Рождества къ ней явился человекъ съ письмомъ отъ Андрея Александровича: Андрей Александровичъ извѣщалъ, что вернулся изъ

Манчжуріи, стоитъ съ поѣздомъ въ 5 верстахъ отъ Москвы, но что забастовщики не пускаютъ ихъ въ Москву. Такимъ образомъ простоялъ онъ болѣе недѣли. Страшно вспомнить, какой произволъ царилъ въ эти памятные дни въ стѣнахъ Бѣлокаменной!

Къ новому году всѣ вздохнули свободнѣе. Жизнь начала входить въ обычную колею. Почта и телеграфъ заработали. Поверхность житейскаго моря стала успокаиваться. Въ глубинахъ же не переставало бурлить и кипѣть. Измученная Наташа стала понемногу получать письма съ Востока. Коля писалъ, что имъ всѣмъ разрѣшено вернуться въ свои полки.

Вотъ письмо уже изъ тыла арміи, изъ Харбина, изъ Читы... Вотъ проѣхали Байкаль, Иркутскъ, Омскъ... Вотъ переѣхали Ураль! Все ближе, ближе! Духъ захватываетъ у Наташи. И вдругъ, она сама заболѣетъ, умретъ, не дождется его! Ея умъ мутится, нервы напряжены до послѣдней степени...

Вотъ и телеграмма: „пріѣду завтра почтовымъ“. Наташа распечатала, прочла и—зарыдала...

20 февраля! Сегодня, сегодня вечеромъ я его увижу! Да правда ли это? И она готова говорить, кричать объ этомъ всему свѣту. Она перечитывала телеграмму, она не вѣритъ своимъ глазамъ. Сегодня будетъ здѣсь, около нея, она увидитъ его, услышитъ его голосъ, будетъ его цѣловать, ласкать...

Поѣздъ приходитъ въ восемь вечера. Съ семи часовъ Наташа уже на вокзалѣ. Она даже не можетъ опредѣлить, что она чувствуетъ. И радостно, и страшно. И въ головѣ стучить, и сердце бьется такъ, что мѣшается дышать.

Народу на вокзалѣ много. Среди публики Наташа встрѣчаетъ М. Петрову, тоже мать, которая ждетъ сына. Онъ товарищъ Коли, однополчанинъ и его также зовутъ Колей.

Товарки по несчастью, онѣ за этотъ годъ часто видѣлись, часто горевали и плакали вмѣстѣ. Наташа цѣлуетъ ее.

— Дождались! шепчетъ она.

— Да, дождалась! отвѣчаетъ та. Обѣ хотять улыбнуться, но ничего не выходитъ; улыбка кривитъ ротъ, и слезы застилаютъ глаза.

Но вотъ по вокзалу проносится гулъ: поѣздъ опаздываетъ на полтора часа.

Господи, Боже мой! что случилось? Не несчастье ли какое-нибудь! Вѣдь случается иногда такъ—въ послѣднюю минуту.

И Наташа вспоминаетъ, какъ среди зимы въ своемъ санитарномъ поѣздѣ Андрей Александровичъ въ числѣ раненыхъ привезъ одного молодого казака. Рана была опасная; онъ долгое время былъ при смерти; но его выносили на поѣздѣ, и онъ, почти оправившійся, доѣхалъ до Москвы, чтобы на другой день ѣхать въ Тверь, къ матери. Но вечеромъ того же дня онъ былъ убитъ на Тверской, около кофейни Филиппова какимъ-то разнузданнымъ пролетаріемъ, который во имя свободы и равенства безумно уничтожалъ все попадающееся на его пути. А мать такъ и не дождалась его; а можетъ быть, потерявъ рассудокъ отъ этого ужаса, ждетъ его и по сю пору, если могила не успокоила ее! Все это съ быстротой молніи пронесется въ головѣ Наташи, и сердце замираетъ до боли.

Сидя другъ передъ другомъ около какого-то столика въ углу залы, онъ положили передъ собою часы и поочередно смотрѣли на нихъ. Господи, какъ медленно двигается стрѣлка! Остается еще цѣлыхъ полчаса, пятнадцать минутъ, десять!..

— Поѣздъ ужъ подошелъ! Кричитъ кто-то.

Петрова и Наташа рванулись обѣ къ выходу.

— Я не могу идти! шепчетъ Наташа, у меня... ноги.

Кто-то беретъ ее подъ руку и выводитъ на платформу. Подошедшій и остановившійся паровозъ пыхтитъ и посылаетъ клубы густого пара въ морозный воздухъ. Близорукими, ничего въ эту минуту невидящими глазами, Наташа жадно глядитъ на шумящую, снующую толпу. Гдѣ, гдѣ онъ?.. Господи, почему она ничего не видитъ!.. Но вотъ передъ ней вырастаетъ высокая фигура въ нагольномъ тулупѣ и въ фуражкѣ N-скаго полка...

Онъ быстро бѣжитъ къ ней...

— Мамочка, дорогая!

— Родной мой!

И она рыдающая лежитъ у него на груди...

Руки судорожно обхватываютъ и обнимаютъ его шею.

— Ну, мамочка, ну, дорогая! О чемъ? Вѣдь я тутъ съ тобою!

Она подымаетъ свое лицо къ нему, улыбается сквозь слезы... Она видитъ его глаза, ея рай, ея небо...

— О мой Колюшка, да неужели это правда!..

Спокойно и тихо потекла ихъ жизнь въ этотъ періодъ. Андрей Александровичъ къ лѣту тоже вернулся домой и по-

далъ въ отставку, а потомъ ему предложили подходящее мѣсто на частной службѣ въ Петербургѣ, и вскорѣ переселился туда. Наталья Николаевна осталась въ Москвѣ съ Колей. Онъ не хотѣлъ бросать своего полка, въ который онъ опять былъ переведенъ, и мать и сынъ поселились вдвоемъ недалеко отъ центра города. Посѣщали вмѣстѣ театры, концерты, выставки. Наташа порвала почти со всѣми знакомыми и родными и жила жизнью сына. Бывали у нихъ только товарищи и знакомые Коли. Наташа была рада, что ей не приходилось принимать и отдавать визиты; о туалетѣ думать особенно тоже не было нужно такъ что она была совершенно счастлива и довольна своей скромной жизнью.

Коля весь предался живописи, бралъ уроки у профессора-художника и, въ свободное отъ службы время, не отходилъ отъ своего мольберта. Всѣ стѣны ихъ квартиры были увѣшаны его картинами.

Сколько незабываемыхъ, дивныхъ вечеровъ провели они вдвоемъ. Она обыкновенно работала, а онъ или читалъ ей вслухъ, или дѣлился впечатлѣніями, вынесенными съ послѣдняго концерта, выставки; или спорили и судили вмѣстѣ о какой-нибудь театральной новинкѣ. Ей было такъ пріятно сознавать, что она необходима ему; сохранить здоровыми и добрыми его душу и тѣло—вотъ въ чемъ была вся забота, вся цѣль существованія. Такъ прошелъ цѣлый годъ.—И вотъ новая бѣда стряслась надъ ними!

Въ лагеряхъ, въ холодномъ баракѣ, въ сырое, дождливое лѣто, послѣ утомительныхъ маневровъ, Коля заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Наташа въ это время какъ нарочно уѣхала въ Константинополь къ своей младшей сестрѣ, мужъ которой служилъ въ посольствѣ.

Хотя ей страшно грустно было расставаться съ Колей, но онъ и самъ уговорилъ ее проѣхать, да и соблазнъ былъ великъ: повидать Константинополь, пожить въ Буюкъ-Дере на берегахъ Босфора. Она поѣхала, но не прошло и трехъ недѣль, какъ Андрей Александровичъ вызвалъ ее телеграммой къ больному сыну. Наташа прямо не помнитъ, какъ она летѣла домой; вернуться она могла лишь на пятые сутки, а мало-ли что могло случиться за это время! Она знала, какая эта страшная болѣзнь; она боялась не застать его уже въ живыхъ. Самыя мрачныя картины рисовались ей во время этого долгаго обратнаго путешествія. Минуты, полныя отчаянія, смѣнялись проблесками надежды.

„Нѣтъ, нѣтъ! думалось ей, не можетъ этого быть! Вѣдь Господь только-что вернулъ мнѣ его изъ этого ада цѣлымъ и невредимымъ. Зачѣмъ же, за что же онъ вдругъ погибнетъ теперь... Нужно только вѣрить въ Его милосердіе... Вѣрую вѣрую, Господи! Помоги моему невѣрію“!

Коля лежалъ въ госпиталѣ на Ходынкѣ. Тиѣъ былъ тяжелый, и одно время положеніе больного было очень опаснымъ. Шесть недѣль не отходила Наташа отъ его постели. Шесть недѣль ея душа была—одна молитва.

— „Господь мой! Сдѣлай чудо, сдѣлай, молю тебя! Если нужно, чтобы кто-нибудь пострадалъ, возьми меня! Но его, его спаси! Онъ такъ молодъ еще, онъ и жизни еще не видалъ. Господь Милосердный, спаси и помилуй“...

И чудо совершилось. Коля былъ спасенъ. Господь вернулъ матери сына.

Поправлялся онъ медленно и такъ какъ наступала осень, холода, то докторъ приказалъ ѣхать на югъ или за границу.

Какъ счастлива была Наташа, что въ данную минуту имѣла возможность исполнить это.

Рѣшено было ѣхать въ Италію. Цѣлый мѣсяць прошелъ въ приготовленіяхъ къ путешествію. Составляли маршрутъ, шили и заказывали подходящіе костюмы, выхлопывали заграничные паспорта, совѣщались о томъ, какія вещи брать. Ихъ предупредили, что во избѣжаніе лишннихъ хлопотъ, багажъ долженъ быть очень небольшой. Но вотъ наконецъ все готово, и Наташа съ Колей ѣдутъ впервые „за границу“. Наташа счастлива не менѣ сына. Вѣдь это всегда было ея тайнымъ желаніемъ, казавшимся ей неисполнимымъ.

Это путешествіе, эта фантастическая сказка! Сколько пріятныхъ воспоминаній будить оно въ ней! Вдвоемъ со своимъ ненагляднымъ ѣдетъ она въ эту зачарованную страну, въ эту Италію, о которой она никогда и мечтать не смѣла.

Вотъ миновали Варшаву, нарядную Вѣну съ ея Пратеромъ и соборомъ Св. Стефана и летятъ на югъ къ солнцу, къ теплу. Красивый Земмерингъ, Тироль мелькаютъ передъ ними. Поздно ночью подъѣзжаютъ они къ Венеціи. Прямо изъ вагона садятся въ гондолу и плывутъ узкими темными каналами. Городъ спитъ, и слышенъ только плескъ воды и окрики красиваго, черномазаго гондолера. Наташѣ и жутко, и радостно. Ихъ подвозятъ къ какой-то темной гостиницѣ. Отводятъ номеръ. Большая уютная комната съ неуклюжей, старинной мебелью. Коля рѣ-

шааетъ, что въ ней непремѣнно жили Отелло и Дездемона. Но они такъ устали, что заваливаются спать. На другое утро, проснувшись, подбѣгаютъ къ окошку и замираютъ отъ восторга и удивленія. Передъ ихъ глазами площадь Св. Марка, вдали лазурь Адриатическаго моря, налѣво соборъ, паллацо Дожей направо аркады зданій. Наскоро напившись кофе, они сбѣгаютъ внизъ на площадь. Вся она—мозаичный коверъ. Вотъ традиціонные голуби. Они кормятъ, ласкаютъ ихъ. Идутъ въ соборъ, гдѣ Коля дѣлаетъ нѣсколько набросковъ въ своемъ маленькомъ этюдномъ альбомѣ. Осматриваютъ Дворецъ Дожей, Вотъ залъ Большаго Совѣта. Трагическая тѣнь Марино Фальери встаетъ передъ ними. Вотъ темницы, мрачныя подземелья, мость Вздоховъ... Они берутъ гондолу и ѣдутъ на Лидо...

Это ихъ первый этапъ. Дальше идетъ Флоренція съ ея дивными садами Боболи, гдѣ такъ пріятно гулять среди зелени миртовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ и странно думать и сознать, что въ Россіи стоятъ теперь Рождественскіе морозы, заливается вьюга и все засыпано бѣлымъ саваномъ. Для художника Флоренція—кладъ. Стоя на Piazza di signoria, вы окружены памятниками старины и искусства. Лоджія Ланци, наполненная статуями работы Бенвенуто Челлини и другихъ знаменитыхъ скульпторовъ, среди площади Козьма Медичи на своемъ бронзовомъ конѣ, оригинальный массивъ Palazzo Vecchio, мѣстопребываніе флорентійскихъ дуковъ... Все производитъ невыразимое впечатлѣніе.—Въ одинъ изъ вечеровъ передъ заходомъ солнца они ѣдутъ за городъ на площадь Микель-Анджело. Посреди стоитъ его знаменитый Давидъ, а съ террасы открывается дивный видъ на всю Флоренцію...

Цѣлый мѣсяць отдыхаютъ они въ Неаполѣ. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города, начиная съ знаменитаго Акваріума на Villa Nazionale и кончая замкомъ St. Elma, вѣнчающимъ городъ, совершивъ экскурсію въ Помпею и Геркуланумъ, побывавъ въ Кастелламаре, Позилиппо и на Капри, они поселяются въ Поцуали, небольшомъ мѣстечкѣ, отстоящемъ въ десяти километрахъ отъ города. Большая, свѣтлая комната въ домѣ, фундаментъ котораго уходитъ въ море. Волны все время бьютъ въ стѣны, а когда непогода и море бурно, то дохлестываютъ и до ихъ балкона, который во второмъ этажѣ. Коля много гуляетъ по окрестностямъ, много рисуетъ; вѣдь на каждомъ шагѣ, на каждомъ поворотѣ сюжетъ для картины. Среди января, какъ-то ночью разражается небывалая гроза. Удары грома, непрерывная молнія, ревъ бушующаго моря, все

это вмѣстѣ производитъ потрясающее впечатлѣніе. И море, и небо совершенно черныя, и только влѣво по направленію Везувія видно зарево. Безпокойный великанъ все время напоминаетъ о себѣ.—Съ облегченной душой привѣтствуетъ Наташа разсвѣтъ и первые лучи солнца, освѣщающіе волнующееся, все бѣлое отъ пѣны, море и красные паруса большихъ рыбацкихъ лодокъ, возвращающихся въ портъ.

А вотъ и Римъ! Вѣчный городъ! Это не Европейскій, не Италіанскій, а міровой городъ. Наташа чувствуетъ себя здѣсь, какъ на родинѣ, на родинѣ ея души; ей хотѣлось бы жить и умереть здѣсь. Древній Римъ въ особенности близокъ ея сердцу. Римъ царей, республики и императоровъ. Все здѣсь интересно; все говоритъ сердцу и уму. Палатинскій холмъ, Колизей, Пантеонъ, замокъ св. Ангела, Базилика св. Петра, построенная на мѣстѣ древняго цирка Нерона, мѣсто страданія и смерти св. апостола, Капитолій съ его большой отлогой лѣстницей и статуей Марка-Аврелія. Справа, въ окружающей ее зелени, виднѣется желѣзная клѣтка, въ которой на пространствѣ трехъ—четырехъ квадратныхъ аршинъ угрюмо и равномерно шагаетъ традиціонная волчица и жадно скалитъ зубы на проходящихъ.

Римскій Форумъ! Памятникъ или вѣрнѣе сказать собраніе памятниковъ древняго Рима! Тѣнь Юлія Цезаря проносится въ воображеніи.

Вотъ ростра, съ которой онъ можетъ быть говорилъ со своимъ народомъ и будилъ въ немъ любовь и жажду славы и власти; а вотъ остатки помоста, гдѣ по преданію лежало его бездыханное тѣло, и Маркъ-Антоній, стоя надъ нимъ, произносилъ свою знаменитую рѣчь.

Сколько дивныхъ вечеровъ проводятъ они на Monte Pincio. Здѣсь были когда-то сады Лукулла; а теперь сквозь роскошную, почти тропическую листву, мелькаютъ тамъ и сямъ красныя рясы и такія же шапочки! А какой чудный видъ отсюда на весь Римъ! Осмотрѣвъ все въ городѣ, они ѣдутъ по старой Аппіевой дорогѣ въ катакомбы св. Каликста. Худой монахъ съ изможденнымъ лицомъ, въ коричневой рясѣ, подпоясанный бичевкой, даетъ имъ въ руки маленькія зажженные восковыя свѣчи, и они спускаются въ этотъ подземный лабиринтъ.

Темнота, спертый воздухъ. Здѣсь по этимъ узкимъ длиннымъ коридорамъ ходили первые христіане, здѣсь въ глубокихъ

нишахъ на гробницахъ первыхъ мучениковъ и на каменныхъ алтаряхъ совершали они первое христіанское богослуженіе, здѣсь скрывались они отъ своихъ гонителей. Съ какимъ чувствомъ страха и благоговѣнія слѣдуетъ Наташа за проводникомъ, слушая его объясненія и какъ облегченно вздыхаетъ, когда онъ наконецъ выводитъ ихъ изъ этого мрака и она снова видитъ лазурное небо и сіяющее солнце.

И здѣсь же, на этой дорогѣ стоитъ маленькая часовня, среди которой возвышается мраморное изваяніе Спасителя съ крестомъ. Стоитъ она по преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ Онъ Самъ явился апостолу Петру, который, увидавъ своего Божественнаго Учителя, со страхомъ и радостью бросился передъ Нимъ на колѣни, говоря: „*Quo vadis, Domine?*“ О, съ какимъ благоговѣніемъ припадаетъ и Наташа къ этому небольшому пространству земли, которое виднѣется здѣсь же между бѣлыми мраморными плитами, земля, къ которой прикоснулись стопы Спасителя Міра и Его св. апостола!

Конца нѣтъ воспоминаніямъ о Римѣ! Ими можно было бы наполнить цѣлую книгу. Пребываніе въ немъ глубоко запечатлѣлось и въ умѣ и въ сердцѣ Наташи.

Красивой вереницей [мелькаютъ дальше Миланъ съ его бѣлымъ, кружевнымъ соборомъ, Генуя съ знаменитымъ Савро-Санто, кладбище, гдѣ каждый памятникъ красота и очарованіе.

Потомъ вся Итальянская Ривьера, поражающая разнообразіемъ красокъ и видовъ. А тамъ дальше двигаются на сѣверъ, объѣзжаютъ всѣ озера. Лаго-Маджіоре, Лугано, Комо—все это одна волшебная, красивая панорама.

И глаза, и память съ жадностью (воспринимаютъ всѣ эти разнообразныя впечатлѣнія, чтобы потомъ воспоминанія о нихъ служили радостью и утѣшеніемъ—и уму, и сердцу.

И вотъ они снова у себя въ Москвѣ, въ своей маленькой квартиркѣ. Наташа отдыхаетъ.

Послѣ столькихъ впечатлѣній она рада, что можетъ, спокойно сидя дома, разобраться въ нихъ. Они вернулись къ Пасхѣ. Коля ѣздитъ по знакомымъ, дѣлаетъ визиты; иногда тащить и мать съ собою.

Наташа присматривается къ молодымъ дѣвушкамъ. Странное

чувство у нея къ нимъ! Она въ каждой видитъ врага; и хотя Коля ни за кѣмъ особенно и не ухаживаетъ, но мысль у нея одна: которая изъ нихъ отниметъ его у меня? И неуловимое чувство враждебности проглядываетъ у нея невольно къ каждой изъ нихъ.

Семья N—очень любезна и внимательна и къ ней, и къ Колѣ. Тамъ двѣ молодыхъ дѣвушки; и этого достаточно, чтобы Наташа относилась къ нимъ съ затаенной подозрительностью. А между тѣмъ дѣвушки милыя, хорошія, образованныя; съ ней ласковы, привѣтливы. На желаніе Коли узнать ея мнѣніе о нихъ, она можетъ отвѣтить только похвалой. Вторая изъ нихъ, повидимому, нравится ему.

Наташа старается анализировать себя. Что это? Ревность, зависть?.. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. И какъ глупы тѣ, которые утверждаютъ это! Не ревность же, нѣтъ. Это какое-то другое, необъяснимое, непобѣдимое, гнетущее чувство! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Коля уѣхалъ погостить къ нимъ въ Финляндію. Обѣщавшись пробыть недѣли двѣ—три, небольшое. И вотъ, когда она его такъ ждала, такъ мечтала о томъ, что онъ опять вернется къ ней, будетъ жить около нея, и вдругъ эта телеграмма!..

Все рухнуло, все исчезло!—И эта жизнь вдвоемъ изо дня въ день, возможность его видѣть постоянно, знать всѣ его мысли, оберегать его отъ всего дурного, предупреждать всякую опасность, чувствовать, какъ она необходима ему—и вотъ всего этого больше не будетъ. Онъ уйдетъ отъ нея. Отдастъ свое сердце, свою любовь, свои заботы той, чужой. А она, та чужая, какъ она отплатитъ ему за это? Будетъ ли его цѣнить, будетъ ли любить такъ же безгранично, какъ любить его *она*? И какъ подумаешь, что то, что теперь она дѣлаетъ для него—то же самое *онъ* будетъ дѣлать для той, другой: такъ же будетъ лелѣять, такъ же беречь и баловать. Получитъ ли онъ за это награду? Отплатятъ ли ему тѣмъ же? Или съ полнымъ равнодушіемъ и эгоизмомъ будутъ принимать всѣ эти проявленія, какъ должное? Теперь вотъ она, мать, смотритъ ему въ глаза, старается отгадать малѣйшее желаніе, готова на всякій подвигъ для него, ради него, изъ любви къ нему! А тамъ въ будущемъ *такъ поступать* будетъ *онъ*, будетъ готовъ на всѣ жертвы и подвиги; и дѣлать будетъ онъ это, потому что *будетъ тоже любить* ту, другую!..

И вотъ ей стало вдругъ все понятно и ясно. Вся истина открылась передъ ней!

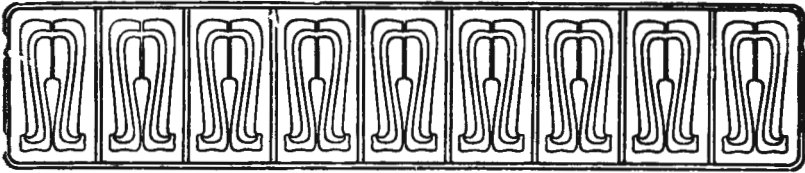
Вѣдь Коля такой же человѣкъ, какъ и она; ему присуще,

значить, все человѣческое. Она жила, любила и страдала. Безъ страданья нѣтъ любви, нѣтъ жизни. Любовь—это и есть то страданіе, котораго мы въ жизни не можемъ избѣгнуть. *Любить—это значитъ ежеминутно рисковать быть раненой въ самыхъ тайникахъ нашего сердца и души.* Мы должны пройти черезъ это, и ничто, и никто не можетъ насъ отъ этого уберечь и спасти. Это неизбежно! Ея Коля начинаетъ жить, новые горизонты открываются передъ нимъ и, онъ пройдетъ, долженъ будетъ пройти черезъ все это.

А ея жизнь—кончена! Она не смѣетъ, не имѣетъ нравственнаго права требовать или желать что-нибудь лично для себя. Она уйдетъ съ жизненнаго пути, покорно и со смиреніемъ говоря: „Нынѣ, Господи, отпускаешь рабу твою“!..

М. С.

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха ¹⁾.

Было собрано въ 1884 году, нѣсколько сотъ пудовъ хлопка, въ 1885 году около 20 тысячъ пудовъ, въ 1886 году около 40 тыс. пуд., въ 1887 г. около 250 тыс. пуд., въ 1888 году не менѣе милліона пудовъ, въ томъ числѣ въ одной Ферганской области не менѣе 300.000 пуд. Если хлопководство и впредь будетъ развиваться въ той же пропорціи, то можно съ увѣренностью сказать, что лѣтъ черезъ десять Россія не будетъ нуждаться въ ввозѣ изъ Америки хлопка, и тѣ 100 милл. руб. золотомъ, которые мы до сихъ поръ платили, будутъ оставаться у насъ дома. Могу съ гордостью сказать, что Россія мнѣ въ этомъ будетъ обязана. Составленное и изданное г. Вилькенсомъ по моему распоряженію руководство хлопководамъ принесетъ также несомнѣнную пользу.

Не меньшую пользу принесутъ Туркестану учрежденныя въ 1884 г. въ Ташкентѣ, а въ слѣдующіе годы въ Самаркандѣ, Новомъ-Маргеланѣ и Петро-Александровскѣ гренажныя станціи. Шелководство процвѣтало съ давняго времени въ Средней Азіи. Проявившаяся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Средней Азіи болѣзнь червей грозила, какъ она и имѣла мѣсто въ Хивинскомъ ханствѣ, совершенно погубить шелководство. Учрежденныя мною гренажныя станціи, снабжая население здоровою греною, отстраняютъ эту опасность. Населеніе Туркестанскаго края оцѣнило вполне, какъ оно видно между прочимъ изъ представленныхъ мнѣ въ 1889 году въ Ферганской области адресовъ, мою заботливость, и ни одна изъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

принятыхъ мною въ край мѣръ не была принята съ такимъ общимъ сочувствіемъ, какъ снабженіе населенія здоровою шелковичною гренюю.

Въ 1883 году генераломъ Черняевымъ была закрыта Ташкентская публичная библіотека, и книги переданы въ устроенное имъ книгохранилище, библіотеку окружного штаба и учебныя заведенія. Немедленно по приѣздѣ моемъ въ Ташкентъ, публичная библіотека была мною вновь открыта.

19 августа 1884 года я выѣхалъ изъ Ташкента, чтобы осмотрѣть часть Сыръ - Дарьинской области, Заравшанскій округъ и Ферганскую область. Это былъ мой первый объѣздъ края.

Пробывъ сутки въ Джизакѣ, я выѣхалъ 21 августа въ Самаркандъ. На берегу рѣки Заравшана я былъ встрѣченъ массою населенія и Бухарскимъ посольствомъ, во главѣ котораго стоялъ наслѣднй принцъ, нынѣ царствующій Эмиръ бухарскій. Картина встрѣчи была восхитительна и произвела на меня сильное впечатлѣніе. Наслѣднй принцъ держалъ себя во все время моего пребыванія въ Самаркандѣ съ большимъ тактомъ и достоинствомъ, и такъ какъ ко времени моего приѣзда въ Самаркандъ уже установились вполне правильныя отношенія къ Бухарскому правительству, то я, съ своей стороны, оказывалъ ему всякое вниманіе. Эмиръ былъ настолько доволенъ оказанному мною принцу приему, равно и умѣнью и такту, съ которыми себя держалъ сей послѣднй, что по возвращеніи его въ Бухару онъ возстановилъ его Керминскимъ бекомъ, — и должность, отъ которой онъ былъ отчисленъ въ 1883 году по возвращеніи изъ Москвы, гдѣ присутствовалъ на коронаціи. Наслѣднй принцъ, обязанный мнѣ въ томъ, что вновь установились добрыя отношенія между имъ и отцомъ, сохранилъ о свиданіи со мною самое благодарное воспоминаніе.

Въ теченіе десяти дней я осмотрѣлъ подробно г. Самаркандъ и весь Заравшанскій округъ. Это была, ко времени моего приѣзда въ Туркестанъ, единственная благоустроенная часть края, что меня побудило 30 августа на официальномъ обѣдѣ, между прочими тостами, выпить за здоровье бывшаго начальника округа генераль-лейтенанта Абрамова, которому городъ Самаркандъ и весь Заравшанскій округъ обязанъ своимъ благоустройствомъ.

Войскамъ я сдѣлалъ смотръ, и присутствовалъ на двухстороннемъ маневрѣ. Наслѣднй принцъ сопровождалъ меня постоянно. Строевое обученіе войскъ было хорошо, въ такти-

ческомъ же отношеніи они были подготовлены неудовлетворительно. Въ г. Катта-Курганѣ меня поразила ветхость православной церкви. Несмотря на самыя настойчивыя представленія, мнѣ удалось только въ 1889 году исходатайствовать нужный кредитъ на постройку новой церкви.

Туземное населеніе я нашелъ весьма зажиточнымъ и по видимому вполне довольнымъ русскою администраціею и порядками, установленными русскимъ правительствомъ. Оно встрѣчало меня вездѣ привѣтливо.

1 сентября я выѣхалъ черезъ Ура-Тюбе и Ходжентъ въ Ферганскую область. На границѣ области я былъ встрѣченъ военнымъ губернаторомъ генералъ-маіоромъ Ивановымъ. Приѣмъ, оказанный мнѣ населеніемъ, рѣзко отличался отъ сдѣланнаго мнѣ въ Заравшанскомъ округѣ; вездѣ проявлялось неудовольствіе, можно сказать враждебность къ русскому правительству; я былъ заваленъ просьбами, въ которыхъ преимущественно приносились жалобы на тяжесть поземельнаго налога; во время моего пребыванія въ области мнѣ было подано таковыхъ не менѣе 2.000. Не имѣя возможности оказать немедленную помощь, я объявлялъ населенію, что буду со временемъ ходатайствовать о новой переработкѣ, пока же населеніе обязано уплачивать налогъ, установленный организаціонными комиссіями. Населеніе, не удовлетворяясь этимъ рѣшеніемъ, продолжало настаивать на безотлагательномъ уменьшеніи налога, и бывали случаи, что мнѣ приходилось обращаться къ содѣйствію казаковъ, чтобы разгонять толпу, подступавшую ко мнѣ съ дерзкими требованіями.

Ирригаціонная система находилась въ полномъ запущеніи, и жалобы населенія на недостатокъ воды для обработки земель имѣли полное основаніе. Генераломъ Черняевымъ была упразднена должность завѣдывающаго ирригаціею и его помощника; распоряженіе это имѣло самыя погубныя послѣдствія, не было лица, отвѣтственнаго за состояніе ирригаціонной системы и наблюдающаго за правильнымъ состояніемъ каналовъ и арыковъ. Я рѣшился возстановить эти должности, что мною и было произведено въ исполненіе 1 января 1885 года; на вновь назначеннаго ирригатора мною была возложена обязанность выработать и представить соображенія о сооруженіяхъ необходимыхъ для приведенія въ благоустройство ирригаціонной системы въ Ферганской области.

Городъ Кокандъ произвелъ на меня самое удручающее впечатлѣніе. Широко раскинувшись, туземный городъ, съ

60 тысячнымъ населеніемъ, отличался, какъ всё сартовскіе города, грязью и смрадомъ: узкія, извилистыя улицы содержались дурно; движеніе по нимъ было крайне затруднительно. Русскаго города вовсе не было; кромѣ развалившихся казармъ 16 батальона и тюрьмы, не было никакихъ казенныхъ зданій. Офицеры и чиновники должны были жить въ сартовскомъ городѣ; кромѣ неудобствъ, положеніе это представляло большую опасность; въ случаѣ возмущенія, которое, при тогдашнемъ настроеніи населенія, было вполне возможно, офицеры и чиновники легко могли быть зарѣзаны. Конечно, я обратилъ самое серьезное вниманіе на печальное положеніе русскихъ; по сдѣланнымъ мною на мѣстѣ указаніямъ, военнымъ губернаторомъ былъ составленъ планъ русскаго города, который былъ мною утвержденъ въ 1884 же году; всё находящіяся въ моемъ распоряженіи свободныя средства были назначены на постройку необходимыхъ казенныхъ зданій въ Кокандѣ, городъ быстро обстроился, и въ 1889 году я имѣлъ радость видѣть прекрасно распланированный съ шоссированными улицами изящный городокъ, лучший можно сказать уѣздный городокъ во всемъ краѣ.

Новый-Маргеланъ заставлялъ также многого желать; рядомъ съ колоссальными строеніями, частью, какъ домъ военнаго губернатора за недостаткомъ средствъ, неоконченными, ютились крошечныя домики; многихъ необходимыхъ казенныхъ зданій не доставало; церковь убогая. Къ сожалѣнію, бывшая администрація не сумѣла правильно распорядиться находившимися въ ея распоряженіи широкими средствами. Такъ называемыя Ферганскія суммы были, можно сказать, зря израсходованы. Ничтожность городскихъ суммъ не давала мнѣ возможности серьезно улучшить состояніе города; единственное, что мнѣ удалось сдѣлать, это исходатайствовать необходимую сумму на постройку новой церкви, къ чему было приступлено въ 1889 году.

Обѣхавъ, вслѣдъ за осмотромъ Коканда и Маргелана, Ошъ, Андижанъ и Намангамъ, гдѣ я вынесъ тѣ же неудовлетворительныя впечатлѣнія, я вернулся 20 сентября въ Ташкентъ.

Осенью 1884 года былъ присланъ на мое заключеніе, составленный комиссіею графа Игнатъева, проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, при чемъ военный министръ меня обязалъ представить мои соображенія въ срокъ не болѣе мѣсяца. Пришлось усиленно заняться этимъ дѣломъ, къ назначенному сроку мое заключеніе было отправлено въ Петербургъ, при чемъ на многія изъ предположеній комиссіи графа Игнатъева

были представлены всѣскія возраженія. Въ особенности я настаивалъ на образованіи изъ Заравшанскаго округа, съ присоединеніемъ къ нему Ходжентскаго и Джизакскаго уѣзда, Самаркандской области, тогда какъ комиссія по узкимъ, финансовымъ соображеніямъ предполагала всю эту территорію присоединить къ Сыръ-Дарьинской области.

Осенью того же года начались дѣйствія Афганской пограничной комиссіи, и такъ какъ нельзя было рассчитывать съ увѣренностью на мирный исходъ переговоровъ съ Англіею, то мнѣ было приказано имѣть въ готовности, на случай открытія военныхъ дѣйствій, отрядъ въ составѣ около 10.000 человекъ для движенія въ Сѣверный Афганистанъ. Въ концѣ года военный министръ сообщилъ мнѣ въ шифрованной телеграммѣ Высочайшее повелѣніе занять однимъ батальономъ Ходже-Сале, пунктъ, находящійся близъ Келифа на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи. Повелѣніе это привело меня въ полное недоумѣніе. Ходже-Сале находился по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ на Афганской территоріи, занявъ его батальономъ, можно было съ увѣренностью ожидать, что онъ будетъ атакованъ афганцами, своевременно поддержать его туркестанскими войсками я бы не могъ, ибо ближайшіе резервы были расположены въ Самаркандѣ, т.-е. въ разстояніи болѣе 350 верстъ отъ Ходже-Сале. Можно было ожидать, что батальонъ будетъ разбитъ, что съ нашей стороны неизбѣжно бы вызвало начало общихъ военныхъ дѣйствій. Въ Средней Азій, гдѣ населеніе крайне впечатлительно, нужно остерегаться всякихъ опрометчивыхъ дѣйствій; всякій, хотя и ничтожный неуспѣхъ можетъ подорвать наше положеніе. Основываясь на вышеизложенныхъ соображеніяхъ, я рѣшился не исполнить сообщенное мнѣ Высочайшее повелѣніе, донести обо всемъ военному министру, прося новыхъ приказаній.

Полученною мною черезъ нѣсколько дней телеграммою, занятіе Ходже-Сале Высочайше было отмѣнено. Я думаю, что въ данномъ случаѣ, моимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, я оказалъ Государю и Россіи громадную услугу.

Пользуясь услугами одного почетнаго туземца, хорошо извѣстнаго Абдурахманъ-Хану, я, съ согласія министра иностранныхъ дѣлъ, вошелъ въ секретныя сношенія съ эмиромъ Афганскимъ, съ цѣлью ему выяснить, что Русское правительство не имѣетъ противъ него никакихъ враждебныхъ замысловъ, и цѣль пограничной комиссіи установить прочную границу, обезпечивающую на будущее время сохраненіе мирныхъ и дружескихъ отношеній между Россіею и Афганистаномъ. Эмиръ

отвѣтилъ въ томъ же дружескомъ тонѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что веденныя въ этомъ направленіи секретныя сношенія облегчили бы дѣйствія пограничной комиссіи, но тутъ неожиданно разыгрался бой при Кушкѣ, Абдурахманъ-Ханъ подумалъ, что я обманываю его, и наши сношенія прекратились.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1884 года я получилъ приказаніе двинуть одинъ лишній батальонъ отъ Самарканда въ Закаспійскую область для подкрѣпленія генерала Комарова. Въ прежнее время при управленіи краемъ генераломъ Кауфманомъ, каждый разъ, когда приходилось двигать русское войско черезъ Бухарское ханство, посылалось посольство къ эмиру Бухарскому, чтобы испросить его разрѣшенія на движеніе войскъ. Въ данномъ случаѣ, желая выиграть время и пользуясь авторитетомъ, который пріобрѣлъ, я поступилъ иначе. Я двинулъ 3 батальона изъ Самарканда и одновременно послалъ моего личнаго адъютанта ротмистра Шафрова въ Бухару съ порученіемъ сообщить эмиру о сдѣланномъ мною распоряженіи, и просить его оказать содѣйствіе батальону во время слѣдованія по ханству. Эмиръ исполнилъ съ точностью мою просьбу и приложилъ всякое стараніе къ удобному движенію батальона.

Благодаря вышеизложеннымъ мѣрамъ, 3 Туркестанскій батальонъ прибылъ въ Мервъ раньше, чѣмъ генералъ Комаровъ успѣлъ передвинуть собственные свои резервы къ этому пункту, и принялъ участіе въ дѣлѣ при Кушкѣ. Не будь тамъ этотъ батальонъ, сраженіе, быть можетъ, иначе бы разыгралось.

Послѣ сраженія при Кушкѣ, отношенія наши къ Англіи и Афганистану приняли самый острый характеръ. Можно было ожидать каждый день начало военныхъ дѣйствій. Составъ Туркестанскаго отряда былъ въ точности опредѣленъ, и сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія къ движенію. Когда я осенью 1885 года представлялся Государю, по случаю пріѣзда въ Петербургъ, Его Величество сказалъ мнѣ, что было время, когда война съ Англіею казалась неизбѣжною.—Однакожь гордый Альбіонъ уступилъ, войны не было, и проведена пограничная черта, вполне выгодная для Россіи.

Лѣтомъ 1885 г. я осмотрѣлъ Чимкентскій и Ауліятинскій уѣзды. Въ послѣднемъ было нѣсколько русскихъ поселеній, которыя я посѣтилъ. Къ сожалѣнію, вынесенное впечатлѣніе было далеко не отрадное. Большинство поселенцевъ жило въ большой бѣдности; церковей, школъ не было нигдѣ. Благодаря заботливости и толковымъ распоряженіямъ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области генераль-маіора Гродекова, за

послѣднее время состояніе поселеній улучшилось замѣтно, открыто нѣсколько школъ и въ одномъ изъ нихъ (Чалбовары) построена церковь (1889 г.).

Въ августѣ началъ я получать весьма неутѣшительныя извѣстія изъ Ферганской области. Неудовольствіе населенія, замѣченное мною при объѣздѣ въ 1884 году, начало выступать въ болѣе рѣшительной формѣ. По области стали бродить шайки человѣкъ въ 100—150, призывающихъ населеніе къ открытому возстанію противъ русскихъ властей и совершающихъ разныя безчинства. Ими были захвачены и зарѣзаны нѣсколько волостныхъ управителей, оставшіеся вѣрными русскимъ. Проѣздъ по почтовымъ дорогамъ дѣлался не безопаснымъ, мирными жителями овладѣла общая тревога. Военнымъ губернаторомъ области генераломъ Ивановымъ принимались всякія мѣры къ прекращенію беспорядковъ, направлялись летучіе отряды войскъ по разнымъ направленіямъ для поимки шаякъ и успокоенія населенія. Нѣсколько шаякъ было настигнуто, но при первыхъ встрѣчахъ онѣ разбѣжались, и появлялись вновь въ другихъ пунктахъ. Тревожное положеніе продолжалось до конца сентября, когда начальнику Андижанскаго уѣзда капитану Брянову удалось настичь одну значительную шайку человѣкъ въ 200, при чемъ нѣсколько человѣкъ было убито и человѣкъ 50 захвачено въ плѣнъ.

Главные зачинщики беспорядковъ, 21 человѣкъ, были посланы мною въ Сибирь. Спокойствіе возстановилось въ области.

Осенью же 1885 года стали до меня доходить слухи о серьезной болѣзни эмира Бухарскаго. Пользуясь командировкою въ Бухару генеральнаго штаба капитана Карцева, я приказалъ ему проѣздомъ черезъ Кермнъ представиться наслѣдному принцу и передать ему, что въ случаѣ смерти отца онъ дѣйствовалъ бы рѣшительно, при чемъ можетъ разсчитывать не только на мою нравственную, но въ случаѣ надобности и фактическую поддержку. Зная, что наслѣдный принцъ окруженъ шпионами отца, я призналъ необходимымъ приказать капитану Карцеву передать слова, сообщенныя наслѣдному принцу, и эмиру. При существующихъ добрыхъ отношеніяхъ къ эмиру, мнѣ было весьма тяжело возложить подобное порученіе на капитана Карцева, но, имѣя въ виду, что послѣ смерти царствующаго эмира всегда происходили народные беспорядки, часто и рѣзныя, въ нашихъ же интересахъ было, чтобы, признанный Русскимъ Царемъ, наслѣдный принцъ вступилъ бы на престолъ безъ кровопролитія, я призналъ необходимымъ принять вышеобъясненную

мѣру, будучи увѣренъ, что она произведетъ свое дѣйствіе на сановниковъ и жителей Бухары. Выслушавъ слова, переданныя капитаномъ Карцевымъ, эмиръ сдержалъ себя съ трудомъ, ему показалось обиднымъ напоминаніе о возможности его близкой кончины, и онъ обошелся очень холодно съ моимъ посланцемъ. Но дальнѣйшее мое чрезвычайно внимательное къ нему отношеніе изгладило невыгодное впечатлѣніе, но слѣдующія же событія доказали, насколько полезна была моя предусмотрительность. Когда въ послѣднихъ числахъ октября эмиръ скончался, наследный принцъ, увѣренный въ моей поддержкѣ, двинулся смѣло въ Бухару, народъ же въ Бухарѣ, зная, что въ случаѣ беспорядковъ я двину ему на помощь русскія войска, подчинился ему безпрекословно, и восшествіе на престолъ совершилось спокойно, безъ пролитія единой капли крови. Въ 1888 году, при свиданіи моемъ съ эмиромъ, онъ выразилъ мнѣ, что обязанъ мнѣ, что сдѣлался эмиромъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1885 года предполагалось разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ проекта Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Получивъ въ началѣ октября болѣе успокоительныя извѣстія о состояніи здоровья эмира, и признавая совершенно необходимымъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ при предстоящихъ работахъ по составленію Положенія, я испросилъ черезъ военнаго министра Высочайшее разрѣшеніе на пріѣздъ въ Петербургъ, по полученіи котораго я и выѣхалъ 22 октября изъ Ташкента. Въ ночь съ 2-го на 3 ноября, при проѣздѣ черезъ г. Иргизъ, мнѣ были доставлены телеграммы политическаго агента въ Бухарѣ камеръ-юнкера Чарыкова, а вслѣдъ за ней генерала Яфимовича, извѣщающія меня о смерти эмира Бухарскаго. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій, я остановился въ Иргизѣ. Проведенная въ Бухару телеграфная линія принесла неоцѣнимые плоды. Благодаря ей въ теченіе 3 ноября выяснилось вполне для меня, что нельзя было ожидать смуть въ Бухарѣ. Наслѣдный принцъ вступилъ спокойно на престолъ, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, все населеніе и войска признали его эмиромъ. 4-го ноября я выѣхалъ изъ Иргиза, продолжая путь въ Петербургъ, куда пріѣхалъ 12 ноября. Въ тотъ же день я представился военному министру. Генераль-адъютантъ Ванновскій встрѣтилъ меня словами: „А Вы пріѣхали меня смѣнить?“ Пораженный этимъ вопросомъ, я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и отвѣтилъ ему, что ничто подобное не приходило мнѣ въ голову. Впослѣдствіи я узналъ, что незадолго до моего пріѣзда въ Петер-

бургъ военный министръ былъ тяжело боленъ. Находящійся въ то время въ столицѣ М. Н. Катковъ слышалъ отъ Государя, что въ случаѣ, если генераль-адъютантъ Ванновскій долженъ будетъ за болѣзнью оставить занимаемый имъ постъ, онъ назначить меня военнымъ министромъ. Катковъ сообщилъ объ этомъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ московскому генераль-губернатору князю Долгорукому, и обѣ столицы заговорили о моемъ назначеніи военнымъ министромъ. Нескромностью своею Михаилъ Никифоровичъ оказалъ мнѣ дурную услугу: генераль-адъютантъ Ванновскій сталъ смотрѣть на меня, какъ на кандидата на постъ военнаго министра, и вотъ начало его непріятныхъ отношеній ко мнѣ. Во время управленія моего Туркестанскимъ краемъ, чувства эти проявлялись неоднократно, и въ настоящее время, когда я сошелъ съ политической сцены, и никакъ не могу быть ему соперникомъ, онъ все-таки, я думаю, не переборолъ свою ко мнѣ неприязнь.

Я имѣлъ неосторожность передать генераль-адъютанту графу Воронцову-Дашкову мой разговоръ съ военнымъ министромъ, тотъ сообщилъ его князю Мещерскому, и въ одинъ прекрасный день онъ появился на страницахъ „Гражданина“, что конечно не улучшило мои отношенія къ генералу Ванновскому.

13-го ноября я представился въ Гатчинѣ Государю Императору и Императрицѣ, и удостоился со стороны Ихъ Величествъ самаго милостиваго приѣма. Вслѣдъ за симъ я съ женою были приглашены, въ числѣ весьма немногихъ, на придворный спектакль въ Гатчину, и удостоились самаго милостиваго вниманія Ихъ Величествъ, что было замѣчено всѣми присутствующими.

По приѣздѣ въ Петербургъ я сдѣлалъ, по установленному обычаю, визиты всѣмъ министрамъ, которые мнѣ немедленно ихъ отплатили, за исключеніемъ генераль-адъютанта Ванновскаго, не удостоившаго меня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль своимъ посѣщеніемъ. Образъ дѣйствій этотъ наводилъ на меня грустныя размышленія. Чувство это еще усилилось, когда я узналъ, что мои замѣчанія на проектъ комиссіи графа Игнатьева объ управленіи краемъ были переданы на заключеніе графа, имъ конечно отвергнуты, и что генераль-адъютантъ Ванновскій во всемъ согласился съ мнѣніемъ предсѣдателя комиссіи. Мнѣ предстояла въ Государственномъ Совѣтѣ борьба, не только съ графомъ Игнатьевымъ, но и съ военнымъ министромъ. Убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и правильности сдѣланныхъ мною замѣчаній, я рѣшился ихъ твердо отстаивать въ Госу-

дарственномъ Совѣтѣ, съ тѣмъ, что если самыя существенныя представленія не будутъ уважены, въ край не возвратиться. О рѣшеніи этомъ я не дѣлалъ секрета и заявлялъ его открыто. Меня возмущало въ особенности, что нѣкоторыя изъ моихъ замѣчаній на проектъ Положенія были опровергнуты въ самой неприличной формѣ.

Въ представленіи своемъ въ Государственный Совѣтъ, военный министр, между прочимъ, выражалъ свое удивленіе, что я, не выждавъ утвержденія Положенія объ управленіи краемъ, рѣшился собственною властью возстановить публичную бібліотеку и ирригаціонное управленіе въ Ферганской области. Онъ обвинялъ меня въ опрометчивости, между тѣмъ какъ вторую изъ вышеобъясненныхъ мѣръ я спасъ область отъ неминуемыхъ бѣдствій, и сохранилъ для казны сотня тысячъ рублей, которыя населеніе не въ состояніи было бы уплатить, если мною не были бы приняты рѣшительныя мѣры къ приведенію ирригаціонной системы въ благоустройство.

Къ счастью, разсмотрѣніе Положенія въ Государственномъ Совѣтѣ было отложено до пачала января 1886 года, и я имѣлъ время составить при содѣйствіи завѣдывающаго моею походною канцелярією надворнаго совѣтника Хомутова, весьма способнаго и отлично знающаго край чиновника, новую записку, въ которой опровергались доводы графа Игнатъева, одобренные военнымъ министромъ и внесенные имъ въ Государственный Совѣтъ. Записка моя была напечатана и представлена въ большомъ числѣ экземпляровъ генералъ-адъютанту Ванновскому, съ просьбою представить ее въ Государственный Совѣтъ, для разсылки членамъ и подлежащимъ министрамъ. За нѣсколько дней до Рождества пріѣхалъ ко мнѣ, совершенно для меня неожиданно, военный министр, одѣтый въ мундиръ. Оказалось, что онъ заѣхалъ ко мнѣ прямо послѣ доклада у Государя. „Однакожь надо же мнѣ съ Вами прійти къ какому-либо соглашенію“, сказалъ мнѣ генералъ-адъютантъ Ванновскій; „пріѣзжайте ко мнѣ сегодня вечеромъ и потолкуемте о тѣхъ статьяхъ Положенія, по которымъ расходимся въ мнѣніяхъ“. Въ тотъ же вечеръ состоялось совѣщаніе при участіи завѣдывающаго Азіатскою частью главнаго штаба генералъ-маіора Иванова, моего главнаго оппонента. Представленные мною доводы были настолько убѣдительны, что военный министр согласился на все, отказался отъ сдѣланныхъ имъ возраженій и объявилъ, что не будетъ мнѣ возражать въ Государственномъ Совѣтѣ. Общаніе это генералъ-адъютантъ Ванновскій сдержалъ вполне. На пер-

вомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта онъ прямо заявилъ, что отказывается отъ возраженій, сдѣланныхъ имъ на мои замѣчанія, и согласенъ со мною по всѣмъ пунктамъ. Положеніе мое замѣтно улучшилось, мнѣ предстояла борьба съ однимъ графомъ Игнатъевымъ, но простилъ ли мнѣ чистосердечно генераль-адъютантъ Ванновскій ударъ, нанесенный его самолюбію, другой вопросъ! Я думаю, что нѣтъ.

Въ половинѣ января 1886 года началось въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта разсмотрѣніе проекта Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Всѣхъ засѣданій было двадцать, и всѣ пункты Положенія подверглись самому тщательному разсмотрѣнію. Я твердо отстаивалъ всѣ сдѣланныя мною замѣчанія, и несмотря на горячія возраженія со стороны графа Игнатъева, былъ настолько счастливъ, что всѣ безъ исключенія были приняты во вниманіе соединенными департаментами. Проектъ графа Игнатъева подвергся самымъ существеннымъ измѣненіямъ. Я готовился тщательно къ каждому засѣданію, и не мало трудовъ стоила мнѣ защита моего мнѣнія. Наиболѣе трудно было мнѣ настоять на образованіи Самаркандской области, что вызывало расхоть въ 60.000 руб., въ то время, какъ графъ Игнатъевъ предполагалъ присоединить Заравшанскій округъ къ Сыръ-Дарьинской области. Въ вопросѣ этомъ поддержали меня предсѣдатель департамента экономіи д. т. с. Абаза и министръ финансовъ Бунге. Нынѣ, когда русскіе гарнизоны стоятъ въ Чарджуѣ и Керки, которые подчинены командирующему войсками Самаркандской области, особенно рельефно выразилась необходимость образованія Самаркандской области. Не будъ этой области, гарнизоны въ выше названныхъ пунктахъ подчинялись бы военному губернатору Сыръ-Дарьинской области, территория которой была бы настолько обширна, что успѣшно ею управлять было бы невымыслимо.

Въ виду того, что проектъ графа Игнатъева подвергся, какъ выше было сказано, самымъ существеннымъ измѣненіямъ, приложенные къ проекту Положенія штаты оказались не соответствующими. Соединенные департаменты возложили на меня составленіе проекта новыхъ штатовъ, сообразно съ постановленіями департаментовъ, при чемъ министръ финансовъ Бунге и государственной контролеръ Сольскій выразили мнѣ, что при составленіи штатовъ я долженъ имѣть въ виду, чтобы расхоть на администрацію никоимъ образомъ не привывшалъ расхода

на существовавшую до того времени администрацію. Я выразилъ готовность въ точности руководствоваться этимъ указаніемъ, и мнѣ удалось дѣйствительно, несмотря на то, что вновь вводимые въ краѣ новые суды вызывали значительный расходъ, проектировать штаты, уменьшающіе расходы казны по управленію краемъ приблизительно на 20.000 руб.

Наканунѣ дня разсмотрѣнія штатовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, заѣхалъ ко мнѣ графъ Игнатъевъ, чтобы узнать результатъ моей работы. Получивъ должное объясненіе, онъ заявилъ мнѣ, что, въ виду достигнутаго мною сокращенія расходовъ, онъ согласенъ на мои штаты и возражать мнѣ не будетъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Несмотря на это рѣшительное заявленіе, графъ Игнатъевъ въ засѣданіи Совѣта подвергъ мою работу самой строгой критикѣ и настаивалъ горячо на дальнѣйшемъ сокращеніи расхода. Остальные члены соединенныхъ департаментовъ, въ томъ числѣ и министръ финансовъ и государственный контролеръ, удовлетворенные вполнѣ тѣмъ, какъ я исполнилъ возложенное на меня порученіе, не поддержали его.

Графъ Игнатъевъ доказывалъ въ особенности горячо бесполезность учрежденія въ Ферганской области ирригаціоннаго управленія, основываясь на томъ, что управленіе это было упразднено бывшимъ генераль-губернаторомъ генераломъ Черняевымъ.—„Одно то, что управленіе это было упразднено генераломъ Черняевымъ“, отвѣтилъ ему д. т. с. Абаза, „доказываетъ необходимость его возстановить“.

Чтобы положить конецъ бесполезнымъ преніямъ, председательствующій въ соединенныхъ департаментахъ Д. Т. С. баронъ Николай обратился къ графу Игнатъеву съ слѣдующими словами: „Finissez donc, M-er le Comte. Vous voyez que tout le monde est content“. Тутъ графъ Игнатъевъ замолчалъ наконецъ; проектированные мною штаты были утверждены безъ всякаго измѣненія. Весьма задѣтый понесеннымъ имъ полнымъ пораженіемъ, графъ оставилъ засѣданіе крайне взволнованный, что однакожь не помѣшало ему весьма дружески встрѣтиться со мною черезъ нѣсколько дней, и по Высочайшемъ утвержденіи Положенія, телеграфировать мнѣ объ этомъ въ Ташкентъ, присовокупивъ, что общимъ собраніемъ Государственного Совѣта не сдѣлано никакихъ измѣненій въ проектѣ, представленномъ соединенными департаментами.

Изъ вышесказаннаго можно вывести заключеніе, что графъ Игнатъевъ не злопамятенъ.

Въ началѣ апрѣля состоялось у министра иностранныхъ дѣлъ д. т. с. Гирса особое совѣщаніе, гдѣ присутствовали военный министръ г.-а. Ванновскій, начальникъ главнаго штаба г.-а. Обручевъ, начальникъ Азіатскаго департамента т. с. Зиновьевъ и я. На обсужденіе совѣщанія былъ предложенъ вопросъ, слѣдуетъ ли въ инструкціи предсѣдателю комиссіи по афганскому разграниченію указать, чтобы онъ настоялъ на включеніе Ходже-Салара въ наши предѣлы. По всестороннему обсужденію этого вопроса выяснилось, что пунктъ этотъ не имѣть для насъ значенія. Послѣ этого генераль-адъютантъ Обручевъ предложилъ рѣшить, слѣдуетъ ли присоединить Закаспійскую область къ Туркестанскому генераль-губернаторству или образовать изъ нея самостоятельную область, подчинивъ ее непосредственно военному министерству. Военный министръ, начальникъ главнаго штаба и я отстаивали горячо необходимость рѣшенія вопроса въ смыслѣ присоединенія ея къ Туркестанскому генераль-губернаторству, министръ же иностранныхъ дѣлъ, и въ особенности начальникъ Азіатскаго департамента, высказали мнѣніе, что необходимо образовать изъ нея отдѣльную область. Въ виду не послѣдовавшаго по сему предмету соглашенія, Государь Императоръ, по прочтеніи журнала совѣщанія, повелѣлъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе комитета министровъ. Засѣданіе комитета министровъ состоялось въ 1887 году, когда меня не было въ Петербургѣ, но когда присутствовалъ начальникъ Закаспійской области г.-л. Комаровъ. Военный министръ остался при своемъ мнѣніи, всѣ же остальные министры, находившіеся, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Средней Азій, подъ вліяніемъ личнаго доклада г.-л. Комарова, высказались въ пользу образованія изъ Закаспійской области самостоятельной области. Генераль-адъютантъ Ванновскій не сдѣлалъ разногласія и Государю Императору осталось только утвердить единогласное постановленіе комитета министровъ.

Нѣтъ сомнѣнія, будь я въ Петербургѣ, не состоялось бы это роковое рѣшеніе, которое неизбежно поведетъ къ большимъ затрудненіямъ.

Въ мартѣ 1886 года военный министръ внесъ въ комитетъ министровъ мое ходатайство о проведеніи желѣзной дороги изъ Мерва черезъ Чарджуй и Бухару въ Самаркандъ. Въ комитетѣ министровъ, куда я былъ приглашенъ для представленія личныхъ объясненій, я доложилъ, что продолженіе Закаспійской желѣзной дороги до Самарканда, независимо отъ громаднаго

политическаго и экономическаго значенія для Туркестанскаго края, принесетъ несомнѣнную пользу для Государства и въ томъ смыслѣ, что уменьшить расходы казны по эксплуатаціи коренного участка Закаспійской дороги. Дорога, доведенная только до Мерва, имѣетъ значеніе исключительно стратегическое; Закаспійская область, представляющая изъ себя почти исключительно пустыню, весьма мало производительна, мѣстныхъ грузовъ почти нѣтъ, доведенная же до Самарканда она пріобрѣтетъ серьезное экономическое значеніе: по ней пойдутъ произведенія Туркестанскаго края и Средне-Азіатскихъ ханствъ; доходы возрастутъ и вмѣстѣ съ этимъ уменьшатся расходы по эксплуатаціи. Военный министръ меня поддержалъ; изъ членовъ комитета никто не возражалъ кромѣ бывшаго министра путей сообщенія генераль-адъютанта Посьета, недовольнаго тѣмъ, что дорога строилась распоряженіемъ военнаго министерства. Постройка Самаркандскаго участка была рѣшена.

Въ день засѣданія комитета министровъ появилась въ журналѣ „Новое Время“ статья М. Г. Черняева, доказывающаго невозможность проведенія желѣзной дороги черезъ сыпучіе пески между Мервомъ и Чарджуемъ. Статья была написана въ совершенно неприличномъ тонѣ и произвела на всѣхъ министровъ непріятное впечатлѣніе.

Одинъ изъ членовъ-министровъ указалъ на эту статью. Военный министръ заявилъ, что о неприличномъ поступкѣ генерала Черняева онъ доведетъ до свѣдѣнія Государя Императора. Послѣдствіемъ сего было отчисленіе этого генерала отъ званія члена военнаго совѣта и затѣмъ увольненіе его отъ службы.

По окончаніи засѣданія подошли ко мнѣ министръ финансовъ и государственный контролеръ и заявили мнѣ, что согласились на постройку дороги только потому, что я былъ увѣренъ въ своемъ ходатайствѣ, прося о проведеніи дороги только до Самарканда: если бы я, прибавили они, просилъ бы о постройкѣ дороги до Ташкента, то они безусловно бы воспротивились продолженію Закаспійской желѣзной дороги.

Нынѣ очевидно, насколько я былъ правъ въ своемъ ходатайствѣ, и насколько оправдались мои предположенія. Туркестанскій край развивается съ изумительною быстротою; до проведенія желѣзной дороги до Самарканда, эксплуатація Закаспійской желѣзной дороги обходилась казнѣ 1 до 1½ милл. въ годъ, въ 1888 году, какъ видно изъ отчетовъ, всѣ расходы по

эксплоатаціи покрыты, и остался чистый остатокъ въ 70.000 руб.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Петербурга, ген.-ад. Обручевъ высказалъ мнѣ, что по его мнѣнію совершенно необходимо присоединить къ Русскимъ владѣніямъ принадлежащую Бухарѣ культурную полосу по лѣвому берегу Аму-Дарьи. Я рѣшительно воспротивился этому, заявивъ, что отрѣзавъ у эмира часть его владѣній, онъ потеряетъ вѣру въ лояльность Русской политики, и дальнѣйшія съ ними сношенія сдѣлаются затруднительными, что лучше, если это признается своевременнымъ, занять все ханство. Къ этому я присовокупилъ, что если русскому правительству необходимо, что я не отвергаю, стать твердо ногою на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, то я нахожу возможнымъ занять, не вызывая никакихъ осложнений, бухарскіе города Чарджуй и Керки русскими гарнизонами. Послѣ продолжительнаго спора ген.-ад. Обручевъ уступилъ мнѣ. Въ началѣ 1889 года пункты эти мною были заняты съ Высочайшаго разрѣшенія.

15-го марта 1890 г.

Окончивъ всѣ дѣла въ Петербургѣ, я выѣхалъ 29 апрѣля 1886 г. обратно въ Туркестанскій край. Настроеніе мое было наилучшее, дѣла окончены въ Петербургѣ вполнѣ успѣшно, мнѣ казалось, что, пользуясь въ полной степени довѣріемъ Государя и всѣхъ министровъ, я могу рассчитывать на полную поддержку правительства.

При пріѣздѣ въ Москву, я былъ встрѣченъ въ вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги М. Н. Катковымъ. Михаилъ Никифоровичъ, узнавъ, что я не предполагаю остановиться въ Москвѣ, и поэтому не буду имѣть возможности навѣстить его, что обыкновенно дѣлалъ, выѣхалъ мнѣ навстрѣчу. Въ своемъ экипажѣ онъ перевезъ меня въ вокзалъ Рязанской желѣзной дороги, и тутъ я провелъ съ нимъ до отхода поѣзда въ пріятной бесѣдѣ часть времени. Онъ подтвердилъ мнѣ вновь, что его газета въ моемъ распоряженіи, и все, что я желаю, будетъ напечатано въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“. За все время моего управленія краемъ, до самой кончины Михаила Никифоровича, я пользовался постоянно его добрымъ расположеніемъ, и неоднократно являлись въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ статьи, относящіяся съ большимъ сочувствіемъ къ моей дѣятельности въ Туркестанскомъ краѣ. Послѣ его смерти прекратились мои отношенія къ „Московскимъ вѣдомостямъ“.

Остальныя газеты мало интересовались Туркестанскимъ краемъ, очевидно не сочувствовали моей дѣятельности. При оставленіи мною осенью 1889 года Туркестана, ни одна газета не замолвила доброе слово обо мнѣ и не дала себѣ труда войти въ оцѣнку результата моего управленія. Вѣроятно, не будь я назначенъ членомъ военнаго совѣта, онѣ поступили бы иначе.

7-го мая я пріѣхалъ въ Казалинскъ, откуда выѣхалъ 9-го въ Петро-Александровскъ. Переѣздъ этотъ былъ сопряженъ съ громадными затрудненіями и лишеніями, на всемъ пути не было ни одной крыши, кромѣ 4-хъ станціонныхъ домовъ, построенныхъ въ 1885 году по моему распоряженію, пришлось ѣхать по совершенной пустынѣ, частью по сыпучимъ пескамъ, колдцевъ мало, вода въ нихъ мѣстами настолько неудовлетворительная, что не только не рѣшался ее пить, но даже пользоваться для мытья рукъ. Для облегченія моего путешествія администраціею было сдѣлано все возможное, тѣмъ не менѣе 5 дней, проведенные мною въ пути, останутся навсегда въ моей памяти. Каково же было положеніе несчастныхъ офицеровъ и чиновниковъ, дѣлающихъ путешествіе изъ Казалинска въ Петро-Александровскъ часто съ женами и дѣтьми, въ особенности въ то время, когда не существовали построенные въ 1885 году 4 станціонныхъ дома. На переѣздъ этотъ требовалось для нихъ 10—12 дней.

Нынѣ, съ проведеніемъ желѣзной дороги до Самарканда и открытіемъ пароходства между Петро-Александровскомъ и Чарджуемъ, Петро-Александровскъ достигается сравнительно легко, и путешественники должны вспоминать съ благодарностью меня, какъ генераль-губернатора, въ управленіе котораго построена Самаркандская желѣзная дорога, и открыто пароходство по Аму-Дарьѣ. Не менѣе удовольствія сдѣлала жителямъ Петро-Александровска построенная въ 1889 году, вслѣдствіе моихъ настойчивыхъ ходатайствъ, телеграфная линія между Чарджуемъ и Петро-Александровскомъ.

Теперь этотъ городъ не тотъ медвѣжій уголъ, коимъ я его засталъ. По истинѣ сказать, положеніе его было ужасное, и пужно удивляться чиновникамъ, рѣшившимся прежде въ немъ служить.

Въ Петро-Александровскѣ мнѣ была сдѣлана восторженная встрѣча. Войска и служащіе высоко оцѣнили мою рѣшимость пріѣхать къ нимъ, не взирая на трудность пути. Въ этомъ отношеніи они не были избалованы бывшими генераль-губернаторами. Покойный генералъ-адъютантъ Кауфманъ съ 1873 г.

(годъ взятія Хивы) по 1882 годъ не былъ ни разу въ Петро-Александровскѣ.

На другой день по прїѣздѣ я принялъ хана хивинскаго, прїѣхавшаго съ ближайшими родственниками и высшими сановниками ханства меня привѣтствовать въ Петро-Александровскѣ. Свиданіе продолжалось около часа. Ханъ просилъ, между прочимъ, моего ходатайства объ утвержденіи Государемъ Императоромъ его второго сына наследникомъ престола. Черезъ нѣсколько часовъ, послѣ отъѣзда хана, я сдѣлалъ ему отвѣтный визитъ и пригласилъ его съ родственниками и сановниками на другой день къ себѣ на обѣдъ. Обѣдъ былъ сервированъ по-европейски, и тутъ произошла очень смѣшная сцена. Когда мои гости подошли къ столу съ закусками, то одинъ изъ братьевъ хана налилъ себѣ рюмку водки; первый министр хана Мать-Мурадъ, замѣтивъ это, вырвалъ изъ рукъ принца рюмку и сунулъ ему кусокъ хлѣба. За обѣдомъ никто изъ хивинцевъ не пилъ вина, хотя, какъ мнѣ говорили, самъ ханъ большой охотникъ до шампанскаго, и у себя дома преисправно его пьетъ. Прослушавъ, по окончаніи обѣда, еще часъ музыку, мои гости уѣхали, вполнѣ довольные оказаннымъ имъ пріемомъ, и простившись со мною самымъ сердечнымъ образомъ. Ханъ произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе, онъ человѣкъ еще молодой, полный силъ и не лишенный природнаго ума, держалъ онъ себя все время съ большимъ тактомъ. Но какъ большинство правителей на востокѣ, онъ входитъ мало въ дѣла ханства, предоставивъ управленіе имъ первому министру Мать-Мурату. Сей сановникъ, отличаясь жадностью, обираетъ подданныхъ хана самымъ ужаснымъ образомъ. Обстоятельство это заставило меня, при прощаніи, сказать ему, что желаніе Императора Всероссийскаго, чтобы хивинцы, находясь подъ высокимъ его покровительствомъ, жили бы счастливо и въ полномъ благополучіи. Мать-Муратъ, какъ полагать надо, понялъ этотъ намекъ; по заявленію начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла ген.-маіора Гротенгельма, онъ сталъ, послѣ свиданія со мною, болѣе умѣренъ въ своихъ вымогательствахъ.

Въ 1888 году ханъ хивинскій отмѣнилъ въ ханствѣ пытки въ память чудеснаго спасенія 17 октября Царской семьи отъ грозившей опасности.

Сдѣлавъ это распоряженіе, ханъ просилъ меня объ этомъ довести до свѣдѣнія Государя Императора, что мною и было исполнено 26 февраля 1889 года въ день рожденія Его Величества.

Осмотрѣвъ во всей подробности войска и учрежденія, указавъ мѣсто для постройки храма и городского училища, на что мною были исходатайствованы необходимыя средства, я выѣхалъ 19-го мая изъ Петро-Александровска, направляясь черезъ Казалинскъ въ Ташкентъ, куда пріѣхалъ 31-го мая. На пути остановился только въ Чемкентѣ, чтобы присутствовать при освященіи вновь построенной церкви. Все лѣто 1886 года я провелъ безвыѣздно въ Ташкентѣ. Необходимо было усердно заняться всѣми приготовительными распоряженіями къ введенію въ краѣ новаго Положенія объ его управленіи. Желая лично выяснитъ военнымъ губернаторамъ это Положеніе и разъяснитъ имъ то, что могло показаться темнымъ и непонятнымъ, я ихъ всѣхъ вызвалъ въ Ташкентъ и прошелъ съ ними вмѣстѣ Положеніе. Вмѣстѣ съ этимъ мною было сдѣлано распоряженіе о переводѣ Положенія на сартовскій языкъ, для чего была составлена особая комиссія изъ компетентныхъ лицъ; было приступлено къ составленію разныхъ инструкцій въ дополненіе къ Высочайше утвержденному Положенію. Всѣ эти работы были окончены въ теченіе двухъ лѣтъ, и въ 1888 году, когда я вновь выѣхалъ въ Петербургъ, Положеніе было введено въ краѣ въ полномъ его объемѣ. Благодаря знанію и усердію ближайшихъ моихъ помощниковъ, умѣлости военныхъ губернаторовъ и начальниковъ уѣздовъ, быть можетъ, и лично моему вниманію къ этому важному дѣлу, новый законъ былъ введенъ въ краѣ вполне спокойно, и введеніе его не вызвало нигдѣ какихъ-либо недоразумѣній или смуть. Лично я, какъ генераль-губернаторъ, потерялъ много изъ принадлежащихъ мнѣ прежде правъ, и я я думаю, что моя дѣятельность въ краѣ не была настолько плодотворна, какъ до введенія Положенія; но въ общемъ нельзя отрицать, что управленіе приняло большую устойчивость, и новый законъ принесетъ несомнѣнную пользу, въ особенности при назначеніи новаго генераль-губернатора.

Къ сожалѣнію, только всѣ послѣдующія разъясненія министровъ, неизбежныя при введеніи всякаго новаго закона, были направлены къ тому, чтобы съузить власть генераль-губернатора, въ особенности по хозяйственнымъ операціямъ. Стремленіе умалить значеніе мѣстной власти, вредное всюду, въ особенности пагубное для окраинъ.

Рядомъ съ этимъ, крайняя медленность въ разрѣшеніи самыхъ неотложныхъ представленій, желаніе все заирать въ свои руки, при полномъ незнаніи мѣстныхъ условій. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ для человѣка, желающаго принести дѣйстви-

тельную пользу, крайне труднымъ и непривлекательнымъ занимать постъ главнаго начальника окраины. Могу по совѣсти сказать, что мое почти шестилѣтнее управленіе краемъ было непрерывная борьба съ Петербургомъ. Въ справедливости этого убѣдится всякій, знакомый съ дѣлами генераль-губернаторской канцеляріи окружнаго штаба. По опыту могу сказать, что личными объясненіями съ министрами можно многого добиться; дѣлать же по серьезнымъ вопросамъ письменныя представленія совершенно бесполезно. Министры настолько обременены заботами, что не имѣютъ возможности серьезно вникать въ дѣла, все зависитъ отъ начальниковъ отдѣленій и столоначальниковъ. По моему глубокому убѣжденію, Россію губить излишняя централизація; она такъ велика, мѣстныя условія настолько различны, что Петербургу невозможно входить во все мелочи управленія. Нужно быть крайне осмотрительнымъ при назначеніяхъ на высшіе государственныя посты, но рядомъ съ этимъ должно быть оказываемо постоянное имъ довѣріе и расширена ихъ власть. Въ особенности это необходимо на окраинахъ.

Во второй половинѣ 1886 года были открыты областныя суды и военно-окружной судъ. Реформа эта была благодѣтельная. До открытія названныхъ судовъ, функционировали судныя отдѣленія при областныхъ правленіяхъ и военно-судныя комиссіи. Въ тѣхъ и другихъ дѣла шли медленно и рѣшались часто неправильно въ виду отсутствія въ нихъ юридически подготовленныхъ лицъ. Дѣла, рѣшенныя въ военно-судныхъ комиссіяхъ, представлялись на конфирмацію командующаго войсками. Въ числѣ подобныхъ встрѣчались возникшія 5—6, иногда 10 лѣтъ тому назадъ. Къ сожалѣнію, министерство юстиціи не отнеслось съ должнымъ вниманіемъ къ выбору лицъ на должности председателей областныхъ судовъ; двое изъ нихъ были смѣщены черезъ годъ. Составъ прокуроровъ былъ несравненно лучше; все они состоятъ на своихъ мѣстахъ по сіе время, въ особенности выдавался по отличному знанію дѣла и прекраснымъ нравственнымъ качествамъ прокуроръ ташкентскаго суда М. М. Шарыгинъ.

Къ концу 1886 года относится открытіе мною 22 русскихъ школъ для туземцевъ и учрежденіе при нихъ курса изученія русскаго языка для взрослыхъ. Одною изъ первыхъ моихъ мѣръ, по прибытіи въ 1884 году въ край, было введеніе обученія въ учительской семинаріи сартовскаго и персидскаго языковъ. Для этого я воспользовался отличнымъ знаніемъ этихъ языковъ одного русскаго, бывшаго офицера, г-на Наливкина, про-

ведшаго для изученія сартовскаго языка нѣсколько лѣтъ въ сартовскомъ киплактѣ, а затѣмъ отлично теоретически изучившаго персидскій языкъ и превосходно знакомаго съ обычаями туземцевъ. Этого молодого, вполне развитаго и образованнаго человѣка я назначилъ учителемъ мѣстныхъ нарѣчій въ учительскую семинарію, и ему удалось въ теченіе двухъ лѣтъ настолько хорошо подготовить учениковъ старшихъ классовъ семинаріи, что я могъ назначить ихъ учителями во вновь открываемыя школы для туземцевъ.

Вначалѣ многіе отнеслись скептически къ этимъ школамъ, предсказывая неизбѣжный неуспѣхъ; нынѣ же, когда школы существуютъ уже 4 года, можно съ увѣренностью сказать, что ожиданія мои оправдались вполне. Благодаря несложности программъ, хорошему подбору учителей, вниманію къ нимъ со стороны вышшаго начальства, наконецъ сознанной многими сартами и киргизами полезности изученія русскаго языка, школы исправно посѣщаются, и русскій языкъ распространяется по краю. Въ особенности успѣшно идутъ школы въ большихъ торговыхъ центрахъ. Вначалѣ мусульманское духовенство дѣлало попытки къ дискредитированію школъ въ глазахъ населенія и распространяло разные нелѣпныя про нихъ слухи, но благодаря постоянному вниманію русскихъ властей, вполне понимающихъ значеніе этихъ школъ, удалось остановить броженіе и возстановить къ нимъ довѣріе родителей дѣтей, обучающихся въ нихъ.

Желая по возможности содѣйствовать распространенію русскаго языка въ населеніи, я вмѣстѣ съ этимъ требовалъ отъ чиновъ русской администраціи, имѣющей непосредственныя сношенія съ туземцами, изученія туземныхъ нарѣчій. Въ этомъ отношеніи мною были достигнуты довольно удовлетворительные результаты; въ концѣ моего управленія краемъ большинство служащихъ въ уѣздныхъ администраціяхъ знало языки настолько, что могло понять туземцевъ безъ переводчиковъ. Этому успѣху содѣйствовали въ нѣкоторой степени открытыя мною въ областныхъ городахъ курсы для изученія сартовскаго языка. Въ особенности успѣшно они шли въ Ташкентѣ подъ руководствомъ г-на Наливкина.

Въ концѣ 1883 года была учреждена въ Ташкентѣ амбулаторная лѣчебница для туземныхъ женщинъ и дѣтей. Сознывая полезность этой мѣры въ особености въ политическомъ отношеніи, я вызвалъ нѣсколько женщинъ-врачей изъ Европейской Россіи и открылъ въ теченіе моего управленія краемъ еще пять лѣчебницъ въ городахъ: Самаркандѣ, Ходжентѣ, Кокандѣ, Анди-

жанъ и Наманганъ. Лѣчебницы эти содержатся на городскія средства и ничего не стоятъ казнѣ. Населеніемъ онѣ были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ, въ чемъ я лично убѣдился при посѣщеніи Самарканда въ первый разъ по открытіи лѣчебницъ. Подѣзжая къ ней, я былъ встрѣченъ массою населенія, выразившей мнѣ горячую благодарность за открытіе лѣчебницъ. На крышахъ близъ лежащихъ домовъ стояла толпа женщинъ, открывшихъ при моемъ появленіи свои лица, и желавшихъ этимъ способомъ заявить о воодушевляющихъ ихъ чувствахъ признательности.

Не такъ отнеслись въ Петербургѣ къ этому мѣропріятію. Туркестанскій военно-медицинскій инспекторъ т. с. Суворовъ получилъ отъ главнаго медицинскаго инспектора запросъ, на основаніи какого закона открываются женскія лѣчебницы въ Туркестанскомъ краѣ. Къ счастью туркестанскому генералъ-губернатору предоставлены по богоугоднымъ заведеніямъ, содержимымъ на городскія суммы, права министра внутреннихъ дѣлъ. На существованіе этого закона было указано г-ну Ремерту, и онъ замолчалъ.

Сознавая, что мы станемъ въ Средней Азіи твердою ногою только тогда, когда въ ней усилятся русское населеніе, я обратилъ особое вниманіе на развитіе въ Туркестанѣ русскихъ поселеній. Въ этомъ дѣлѣ я встрѣтилъ горячее сочувствіе и содѣйствіе въ лицѣ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области генералъ-маіора Гродекова. Несмотря на всю трудность и скудность отпускаемыхъ отъ казны средствъ, устройство русскихъ поселеній двинулось за время моего управленія краемъ быстро впередъ. Заставъ при пріѣздѣ не болѣе 100 дворовъ, я оставилъ 20 поселеній съ 1.500 дворами. Въ многихъ изъ нихъ открыты школы для дѣтей и въ двухъ построены церкви. Пользуясь предоставленнымъ мнѣ правомъ, я, не взирая на всѣ настоянія вѣдомства финансовъ, строго воспретилъ открытіе въ нихъ питейныхъ заведеній, и благодаря этому быстро растетъ благосостояніе поселенцевъ. Поселенія обстраиваются, разводятся сады, количество запашекъ увеличивается. Въ 1889 году я имѣлъ радость узнать, что въ Троицкомъ поселкѣ (40 верстъ отъ Ташкента), основанномъ въ 1886 году, поселенцы заработали приблизительно по 300 руб. на дворъ. Столь значительный заработокъ конечно дастъ имъ возможность завести вполне исправное хозяйство. При оставленіи мною края оставалось въ распоряженіи администраціи свободной земли для надѣла 2.000

семей. Дай Богъ, чтобы столь успѣшно начатое дѣло велось и впредь съ тою же энергіею и умѣlostью.

Особое вниманіе мною было обращено на приведеніе въ благоустройство ирригаціонной системы въ Ферганской области. Въ видахъ сего мною были командированы всѣ находящіеся въ моемъ распоряженіи техники-ирригаторы въ эту область; по выработкѣ ими проекта необходимыхъ исправленій, было приступлено съ 1887 года къ этимъ работамъ, и въ 1889 году я имѣлъ утѣшеніе видѣть ирригаціонную систему, приведенную въ должный порядокъ. На эти работы израсходовано за время моего управленія краемъ до 150.000 руб. Не легко было выдѣлать столь значительную сумму изъ земскаго кредита.

Значительные расходы были сдѣланы также на приведеніе въ порядокъ дорогъ въ краѣ. Въ этомъ отношеніи былъ достигнутъ довольно удовлетворительный результатъ.

Большинство казармъ и помѣщеній для госпиталей и лазаретовъ было, при моемъ прибытіи въ край, въ самомъ жалкомъ состояніи. Я исходатайствовалъ ежегодный отпускъ, по инженерной смѣтѣ, вмѣсто прежде отпускаемыхъ 200.000 руб.—триста тысячъ руб. Деньги эти расходовались за время моего командованія войсками исключительно на постройку казармъ и врачебныхъ учрежденій, и при моемъ отъѣздѣ изъ края большинство войскъ было прекрасно размѣщено. Къ сожалѣнію, въ настоящее время, какъ дошло до моего свѣдѣнія, начали строить на эти деньги и помѣщенія для служащихъ, что противорѣчитъ прямому назначенію отпускаемыхъ суммъ, и вслѣдствіе чего конечно замедлится постройка еще не достающихъ казармъ для войскъ.

Въ 1884 году не было ни одного вполнѣ благоустроеннаго военнаго собранія, кромѣ маргеланскаго. Въ настоящее время они всѣ въ прекрасномъ состояніи. Ташкентское, я полагаю, одно изъ лучшихъ во всей Россіи.

Въ 1887 году состоялось Высочайшее повелѣніе о постройкѣ желѣзной дороги изъ Чарджуя въ Самаркандъ: постройка дороги была возложена, согласно моему ходатайству, на генерал-лейтенанта М. Н. Анненкова; военный министръ согласился поручить постройку Самаркандскаго участка желѣзной дороги генералу Анненкову только при условіи, если я соглашусь взять на себя наблюденіе за постройкой. Мнѣ было повелѣно заключить съ эмиромъ Бухарскимъ конвенцію относительно проведенія желѣзной дороги черезъ ханство. При существующихъ добрыхъ отношеніяхъ съ бухарскимъ правительствомъ, заклю-

ченіе конвенціи не представляло затрудненій, но вся трудность задачи заключалась въ принятіи мѣръ, чтобы мѣстное населеніе, руководимое фанатичнымъ духовенствомъ, не препятствовало бы постройкѣ. Прежде всего необходимо было избрать лицо, которое, состоя при постройкѣ, имѣло бы наблюденіе, чтобы туземцы получали за отчуждаемую подъ дорогу землю справедливое вознагражденіе. Выборъ мой палъ на инженера подполковника Пославскаго, который, снабженный мною весьма детальною по сему предмету инструкціею, выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Рядомъ съ этимъ приходилось за все время постройки зорко наблюдать за настроеніемъ туземнаго населенія, которое въ началѣ работъ весьма враждебно къ нимъ относилось. Были лица, даже занимающія крупное служебное положеніе въ ханствѣ, которыя возбуждали населеніе къ безпорядкамъ. Въ виду сего, я съ Высочайшаго разрѣшенія, приготовилъ въ Самаркандѣ небольшой отрядъ (1 батальонъ, 8 орудій, 2 сотни казаковъ), готовый во всякую минуту къ выступленію въ Бухару. Приготовленія эти я дѣлалъ открыто, предупреждая бухарское правительство, что при возникновеніи малѣйшаго безпорядка я займу безотлагательно ханство.

Рядомъ съ этимъ я старался нравственно вліять на населеніе, разъясняя бухарцамъ, съ коими имѣлъ личныя сношенія, какія выгоды населеніе извлечетъ отъ постройки желѣзной дороги. Совокупность всѣхъ этихъ мѣръ дала наилучшіе результаты; во все время постройки нигдѣ не произошло безпорядковъ. Я могу съ гордостью вспоминать это время; подъ моимъ руководствомъ была спокойно, не вызывая никакихъ осложненій, построена желѣзная дорога въ чужихъ владѣніяхъ; и гдѣ жь въ Бухарскомъ ханствѣ, считаемся центромъ мусульманскаго фанатизма!

Я забылъ упомянуть, что въ началѣ 1887 года, до постройки Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, мною были поставлены съ Высочайшаго разрѣшенія русскіе гарнизоны въ бухарскихъ городахъ Чарджуѣ и Керки. Занятіе этихъ пунктовъ, въ особенности Керки, имѣло громадное политическое значеніе. Благодаря этому распоряженію, мы стали твердою ногою на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, охватили желѣзнымъ кольцомъ Бухарское ханство; въ случаѣ могущихъ произойти когда-либо военныхъ дѣйствій, не будемъ имѣть надобности въ форсированіи переправы черезъ Аму-Дарью, операціи весьма трудной; прорубили, такъ сказать, окно въ Афганскій Туркестанъ, который можемъ занять изъ Керки въ нѣсколько дней, находясь

въ 6—7 переходахъ отъ Мазаръ-Шерифа. Занятіе Чарджуя русскими войсками не представляло затрудненія, но нельзя того же сказать относительно Керки. Для занятія этого города пришлось нашему отряду двигаться на разстояніи около 200 верстъ по землѣ эргаринцевъ, весьма воинственнаго туркменскаго племени, признававшаго въ слабой степени власть эмира Бухарскаго. Наконецъ движеніе это могло вызвать смуту на Афганской границѣ, находящейся въ 15 верстахъ отъ Керки. Вслѣдствіе внезапности движенія и нахождения въ то время Абдурахмана, занятаго прекращеніемъ возмущенія гильзцевъ, въ южномъ Афганистанѣ, занятіе Керки совершилось спокойно и не вызвало никакихъ политическихъ осложненій. Благодаря разумнымъ распоряженіямъ начальника гарнизона полковника Шорохова, установились въ скоромъ времени вполне дружескія отношенія между русскими и туземцами.

Несмотря на всю важность занятія нами Керки, русская пресса почти не обратила вниманія на этотъ фактъ. Но нельзя же того сказать относительно иностранной литературы; имѣя въ своей главѣ профессора Вамбери, дѣйствительнаго знатока Средней Азіи, она вся затрубила тревогу и указывала англичанамъ на громадное значеніе завладѣнія русскими Керки.

На начальниковъ Чарджуйскаго и Керкинскаго гарнизоновъ, полковниковъ Казанцева и Шорохова мною были возложены обязанности воинскихъ начальниковъ и начальниковъ уѣздовъ. Въ данной имъ мною и впослѣдствіи военнымъ министромъ утвержденной инструкціи, на нихъ была возложена обязанность заняться устройствомъ въ этихъ пунктахъ, на отчужденной русскому правительству землѣ, городовъ, поддерживать въ войскахъ строгій порядокъ и дисциплину, при чемъ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ администрацію бухарскаго правительства. Независимо отъ этого полковникъ Шороховъ былъ мною снабженъ политической инструкціей, указывающей ему образъ дѣйствій относительно афганскаго правительства и къ афганскому пограничному населенію.

Цѣли, намѣченныя въ этихъ инструкціяхъ, нынѣ вполне достигнуты. Въ Чарджуѣ и Керки построены казармы, возникли благоустроенныя русскія поселенія, разбиты улицы, посажены сады, въ первомъ изъ этихъ пунктовъ построена хорошенькая церковь. Съ бухарцами и афганцами установились вполне дружескія сношенія, происходитъ оживленный обмѣнъ товаровъ, который принимаетъ съ каждымъ днемъ все большій и большій размѣръ. Русскія мануфактурныя произведенія и сахаръ стали

проникать въ значительномъ количествѣ въ Мазаръ-Шерифъ. Между Чарджуемъ и Карки проложена эмиромъ бухарскимъ прекрасная колесная дорога, я полагаю, лучшая во всемъ ханствѣ.

Все это достигнуто безъ всякаго расхода для русскаго правительства, за исключеніемъ постройки казармъ.

Въ августѣ 1887 года пріѣхалъ въ Ташкентъ строитель Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, генералъ-лейтенантъ Анненковъ для доклада мнѣ своихъ соображеній по постройкѣ дороги, испрошенія моего утвержденія пѣ-которыхъ предположеній, а главное чтобы испросить мое разрѣшеніе на постройку моста черезъ Аму-Дарью. Въ Высочайше утвержденной расцѣночной вѣдомости, постройка моста не была предусмотрѣна, а предполагалось устроить перевозку грузовъ на судахъ. По ближайшему разсмотрѣнію, генералъ Анненковъ пришелъ къ убѣжденію, что перевозка грузовъ, необходимыхъ для постройки дороги, вѣсомъ свыше 4-хъ милліоновъ пудовъ, на судахъ, потребуеть чрезвычайно продолжительное время, которое вслѣдствіе трудности переправы даже приблизительно опредѣлить невозможно, для быстраго же окончанія постройки дороги является совершенно необходимымъ построить мостъ черезъ Аму-Дарью. При этомъ генералъ Анненковъ доложилъ, что инженеръ Балинскій вызвался построить временный деревянный мостъ на деньги, ассигнованныя по расцѣночной вѣдомости на перевозку грузовъ, потребныхъ для постройки дороги, и укрѣпленіе береговъ Аму-Дарьи, всего 300 тысячъ руб. По окончаніи постройки желѣзной дороги мостъ долженъ былъ поступить въ собственность казны.

Сознавая съ одной стороны всю заманчивость предложенія, съ другой тяжкую отвѣтственность, которую я беру на себя, разрѣшая постройку моста, не предусмотрѣнную Высочайше утвержденною расцѣночною вѣдомостію, я находился въ большомъ затрудненіи. Разсмотрѣнный находящимися въ моемъ веденіи техниками инженеръ генералъ-майоромъ Зигернъ-Корномъ, инженеромъ путей сообщеній Петровымъ и нѣсколькими другими военными инженерами, проектъ моста былъ ими одобренъ за сдѣланными незначительными исправленіями, и по мнѣнію ихъ постройка его была осуществима.

Я могъ конечно испросить черезъ Государственный Совѣтъ Высочайшее разрѣшеніе на постройку моста, но путь этотъ представлялъ мало шансовъ на успѣхъ. Нельзя было ожидать, чтобы подлежащіе министры, находясь подъ вліяніемъ заявленія извѣст-

наго инженера генералъ-лейтенанта Паукера, отрицавшаго возможность постройки моста черезъ Аму-Дарью, согласились бы на утверждение проекта инженера Балинскаго. Во всякомъ случаѣ дѣло это требовало немедленнаго рѣшенія; необходимо было, или безотлагательно построить мостъ, или приступить къ перевозкѣ желѣзнодорожныхъ грузовъ на судахъ. Во второмъ случаѣ, даже въ случаѣ утверждения проекта, не было бы необходимыхъ суммъ на осуществленіе постройки моста, такъ какъ часть денегъ, ассигнованныхъ на перевозку грузовъ, уже была бы израсходована.

Послѣ трехдневныхъ размышленій я рѣшился разрѣшить постройку моста при слѣдующемъ видоизмѣненіи предположенія генерала Анненкова: Я разрѣшилъ заключить контрактъ съ инженеромъ Балинскимъ на перевозку имъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ грузовъ черезъ Аму-Дарью посредствомъ моста, за 300.000 руб., при чемъ мостъ по окончаніи перевозки долженъ былъ поступить въ пользу казны. Г-нъ Балинскій былъ человекъ состоятельный, и вопросъ, рѣшенный въ вышеуказанномъ смыслѣ, гарантировалъ казнѣ, въ случаѣ, если постройка моста бы не удалась, по крайней мѣрѣ перевозку грузовъ, безъ испрошенія новаго кредита.

О сдѣланномъ мною распоряженіи я увѣдомилъ военнаго министра, который мнѣ отвѣтилъ, что удивляется моею рѣшимости, и возлагаетъ, въ случаѣ неуспѣха, всю отвѣтственность на меня.

По полученіи отъ меня разрѣшенія, было немедленно приступлено къ сооруженію моста. Благодаря необычайной энергіи и распорядительности генерала Анненкова и инженера Балинскаго, постройка была окончена съ невѣроятною быстротою: 6 января 1888 г., т.-е. черезъ 4 мѣсяца, двинулся по мосту черезъ Аму-Дарью желѣзнодорожный поѣздъ. Мостъ стоитъ по сіе время; хотя онъ и требуетъ ежегодно починокъ на нѣсколько тысячъ рублей, тѣмъ не менѣе, оказываемыя имъ услуги неоцѣнимы. Періоды, когда временно приостанавливалось по немъ движеніе и приходилось перевозить грузъ на судахъ, доказали съ очевидностью, насколько затруднительна и какіе громадные расходы вызываетъ перевозка грузовъ на судахъ. Можно сказать съ полною увѣренностью, что, не будь моста, желѣзная дорога оказалась бы почти бесполезною.

По окончаніи постройки моста, было немедленно приступлено къ проведенію желѣзной дороги: благодаря безостановочному привозу желѣзнодорожныхъ грузовъ и чрезвычайной рас-

порядительности генерала Анненкова, она была доведена 15-го мая 1888 г. до Самарканда, и въ этотъ день разрѣшено мною временное пассажирское и товарное движеніе по вновь построенному Самаркандскому участку. Быстрая постройка этого участка принесла правительству неопѣнимыя выгоды. При бывшихъ въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 года смутахъ въ Афганскомъ Туркестанѣ и проявленіи враждебныхъ замысловъ со стороны Абдурахманъ-Хана, существованіе желѣзной дороги имѣло для насъ громадное значеніе, давая возможность быстро передвигать войска и перевозить военные грузы и провіантъ изъ Самарканда на Аму-Дарью. Независимо отъ этого были весьма существенныя финансовыя выгоды, достигнутыя благодаря быстрой постройкѣ Самаркандскаго участка. До сооруженія его, казнѣ приходилось доплачивать ежегодно около 1—1½ милліона рублей по эксплуатаціи Закаспійской желѣзной дороги; нынѣ, когда благодаря этому участку, всѣ произведенія Туркестана и Бухары перевозятся по ней, не только покрываются всѣ расходы по эксплуатаціи, но даже оказывается чистая прибыль, достигшая въ 1889 году цифры въ 70.000 руб. Нѣтъ сомнѣнія, что съ каждымъ годомъ доходъ будетъ увеличиваться.

Эти блистательные результаты достигнуты главное благодаря Аму-Дарьинскому мосту; не будь его, я увѣренъ, дорога по сіе время не была бы доведена до Самарканда (1890 г.).

Какъ же отнеслось правительство къ моей рѣшимости взять на себя громадную отвѣтственность разрѣшить постройку моста? По пріѣздѣ моемъ осенью 1888 года въ Петербургъ, не только никто мнѣ не выразилъ на это одобреніе, но даже не было рѣчи объ Аму-Дарьинскомъ мостѣ!! Скажутъ, слава Богу, что не объявили еще выговоръ за превышеніе власти.

Открытіе Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги мною было назначено на 15 мая 1888 г. Къ этому дню ожидался въ Самаркандъ вице-президентъ Императорскаго Географическаго Общества сенаторъ П. П. Семеновъ и много иностранцевъ, изъявившихъ желаніе присутствовать на этомъ торжествѣ и приглашенныхъ генераломъ Анненковымъ. Въ числѣ иностранцевъ, желающихъ быть на открытіи дороги, былъ и профессоръ Вамбери. Не взирая на мое ходатайство, высшее правительство рѣшительно воспротивилось его пріѣзду, находя, что такому руссофобу не можетъ быть разрѣшенъ доступъ въ наши Средне-Азіатскія владѣнія. Я очень сожалѣлъ объ этомъ рѣшеніи. Я былъ убѣжденъ, что г. Вамбери, посѣтившій много лѣтъ тому назадъ Бухару, былъ бы пораженъ

громадными культурными успѣхами, достигнутыми русскими въ последнее время въ Средней Азіи, и измѣнилъ бы совершенно свое мнѣніе о русской политикѣ. Считаю его за человека безусловно честнаго, я увѣренъ, что онъ не скрылъ бы вынесенныя имъ впечатлѣнія, и статьи его, которымъ нельзя было бы не вѣрить, обратили бы на себя общее вниманіе всего образованнаго міра.

10 мая я выѣхалъ изъ Ташкента и прибылъ 11-го въ Самаркандъ, гдѣ былъ встрѣченъ многочисленнымъ бухарскимъ посольствомъ, командированнымъ эмиромъ для присутствованія при открытіи желѣзной дороги. 12, 13 и 14-го числа прошли въ приготовленіяхъ къ ожидаемому торжеству, и 15-го утромъ я выѣхалъ навстрѣчу желѣзнодорожному поѣзду, на которомъ и пріѣхалъ около 12 часовъ въ Самаркандъ, въ сопровожденіи генерала Анненкова, почетныхъ гостей и желѣзнодорожнаго баталіона. Открытіе было обставлено самымъ торжественнымъ образомъ. На площади у вокзала были построены всѣ войска Самаркандскаго гарнизона, тутъ же находилась многочисленная русская публика и масса туземцевъ. По окончаніи молебствія, подходили къ генералу Анненкову, съ моего разрѣшенія, разныя депутаціи отъ городовъ Туркестанскаго края и отъ ученыхъ обществъ, подносившихъ ему адреса съ поздравленіями съ совершеннымъ имъ великимъ подвигомъ, проведенія желѣзной дороги въ глубь Средней Азіи по сыпучимъ пескамъ. Послѣ прохожденія войскъ церемоніальнымъ маршемъ, чѣмъ окончилось торжество, избранная публика, въ числѣ свыше 300 лицъ, собралась у меня къ завтраку, который былъ сервированъ въ прелестномъ садѣ, при домѣ военнаго губернатора Самаркандской области. Настроеніе всѣхъ было самое радостное, и завтракъ удался вполне.

Вечеромъ былъ блистательно иллюминированъ ригестанъ въ туземномъ Самаркандѣ. На обширной его площади давались туземцами народныя представленія, весьма оригинальныя, и очень заинтересовавшія лицъ, не видавшихъ таковыхъ. Видъ иллюминированнаго ригестана былъ великолѣпенъ и произвелъ на всѣхъ присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Въ особенности громко выражалъ свой восторгъ зять Анненкова, графъ Вогюе (нынѣ членъ французской академіи наукъ); онъ утверждалъ, что во всю жизнь не видѣлъ подобнаго великолѣпнаго зрѣлища.

День окончился вечеромъ у меня.

Для осмотра Самаркандскаго участка Закаспійской желѣз-

ной дороги, я предполагалъ ѣхать изъ Самарканда въ Чарджуй. Такимъ образомъ мнѣ предстоялъ проѣздъ черезъ Бухарское ханство. Еще до открытія желѣзной дороги мною было возложено на политическаго агента въ Бухарѣ, камеръ-юнкера Чарыкова войти въ соглашеніе съ Бухарскимъ правительствомъ относительно почестей, которыя мнѣ должны были быть оказаны при проѣздѣ черезъ ханство. Вопросъ этотъ имѣлъ первенствующее значеніе, къ тому же программа встрѣчи должна была быть выработана, ибо я былъ первый генераль-губернаторъ, являющійся въ предѣлахъ ханства. Бухарское правительство изъявило полную готовность обставить мой проѣздъ самымъ торжественнымъ образомъ и оказать мнѣ всевозможныя почести, только вопросъ, какимъ образомъ устроить мое свиданіе съ эмиромъ, вызвалъ затрудненіе. Эмиръ желалъ, чтобы я первый ему сдѣлалъ визитъ въ его загородномъ дворцѣ близъ Бухары, я же съ своей стороны признавалъ необходимымъ, чтобы онъ встрѣтилъ меня на желѣзнодорожной станціи. Вопросу этому я придавалъ большое значеніе. Встрѣчая на желѣзной дорогѣ, эмиръ объявилъ бы себя покорнымъ вассаломъ Россіи. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, какъ мнѣ донесъ Чарыковъ, эмиръ изъявилъ согласіе исполнить мое желаніе, поставивъ только условіемъ, чтобы встрѣча произошла не на станціи „Бухара“, а на станціи „Кермине“.

За два дня до моего выѣзда изъ Самарканда, глава бухарскаго посольства, находящагося въ Самаркандѣ, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ эмира, Дурбанъ-Даванъ-Беги испросилъ у меня особую аудіенцію. Тутъ онъ мнѣ заявилъ, что эмиръ, по чувствамъ искренней ко мнѣ дружбы и благодарности, былъ бы съ радостью готовъ меня встрѣтить на желѣзнодорожной станціи, но, опасаясь, что поступокъ этотъ могъ бы подорвать его престижъ въ главѣ его подданныхъ, просить меня отказаться отъ моего требованія. Я отвѣтилъ ему, что, какъ на предстоящее свиданіе обращено вниманіе 3 милліоновъ подданныхъ эмира, такое же число мусульманъ, подданныхъ Бѣлаго Царя, смотрятъ на меня; что гостепріимство требуетъ, чтобы хозяинъ встрѣтилъ своего гостя, что послѣ свиданія на желѣзной дорогѣ, я поѣду немедленно въ Кермине отдать визитъ эмиру, и что я поѣду, желая показать передъ населеніемъ полное мое уваженіе къ эмиру, къ нему верхомъ и въ парадной формѣ, что наконецъ, если свиданіе вовсе бы не состоялось, это гораздо болѣе подорвало бы положеніе эмира въ глазахъ его подданныхъ.

Посланецъ сказалъ мнѣ, что обо всемъ слышанномъ лично отъ меня онъ немедленно донесетъ эмиру, и что тотъ несомнѣнно меня встрѣтитъ на Керминенской станціи желѣзной дороги.

19-го мая я выѣхалъ черезъ Катте-Курганъ въ Кермине. Меня сопровождали: начальникъ штаба, управляющій канцелярією, начальникъ инженеръ, политическій агентъ въ Бухарѣ и 3 моихъ личныхъ адъютанта. Кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, назначенныхъ для держанія лошадей, я не взялъ съ собою никакого военнаго конвоя. Конвой, соотвѣтствующій понятію туземцевъ, долженъ былъ бы состоять изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ; не имѣя возможности окружить себя подобнымъ многочисленнымъ конвоемъ, я рѣшился ѣхать безъ всякаго конвоя, рассчитывая, что такое рѣшеніе не преминетъ произвести на бухарцевъ сильное впечатлѣніе. Въ этомъ образѣ дѣйствій они должны были усмотрѣть, что я смотрю на Бухару, не какъ на чужую страну, а какъ на область, мнѣ подчиненную.

20-го мая въ 6 часовъ утра я пріѣхалъ на станцію Кермине, и тутъ, при выходѣ изъ вагона, былъ встрѣченъ эмиромъ Бухарекимъ, окруженнымъ своими сановниками. Послѣ дружескаго привѣтствія и представленія нашихъ свитъ, я вошелъ съ эмиромъ въ роскошную палатку, разбитую близъ полотна желѣзной дороги. Тутъ произошла между нами самый дружескій разговоръ. Эмиръ выразилъ мнѣ самую искреннюю благодарность за содѣйствіе, оказанное ему при вступленіи его на престолъ. „Великому Русскому Императору и Вамъ“, сказалъ онъ мнѣ, „я только обязанъ, что сталъ эмиромъ“.

Я передалъ эмиру мою признательность за искреннее содѣйствіе, оказанное имъ генералу Анненкову при проведеніи желѣзной дороги черезъ ханство; и что увѣренъ въ громадной пользѣ, которую принесетъ дорога бухарскому народу, и что она будетъ содѣйствовать усиленію дружбы между обоими народами.

Въ заключеніе эмиръ выразилъ мнѣ просьбу исходатайствовать разрѣшенія Государя Императора на опредѣленіе старшаго его сына въ одно изъ русскихъ военно-учебныхъ заведеній и на отправленіе въ Петербургъ Бухарскаго посольства для принесенія Его Императорскому Величеству благодарности эмира за постройку дороги.

Послѣ получасоваго разговора эмиръ уѣхалъ въ Кермине. Спустя нѣкоторое время и я поѣхалъ туда, верхомъ, въ парадной формѣ, въ сопровожденіи моей свиты и двухъ эскадро-

новъ Бухарской кавалеріи, назначенныхъ эмиромъ мнѣ въ почетный конвой.

Въ лѣтней резиденціи эмира близъ Кермине, въ роскошнѣйшей палаткѣ, гдѣ были приготовлены по восточному обычаю разныя угощенія, произошло вторичное свиданіе. Разговоръ имѣлъ частный характеръ; эмиръ вспоминалъ о своемъ посѣщеніи Москвы во время коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ и о своемъ пребываніи въ 1884 году въ Самаркандѣ, гдѣ впервые познакомился со мною. Въ концѣ разговора онъ передалъ мнѣ брилліантовую Бухарскую звѣзду. „Эту звѣзду“, сказалъ онъ мнѣ, „носилъ покойный мой отецъ; теперь Вы мнѣ его замѣнили; прошу Васъ ее носить“.

По окончаніи моего визита, эмиръ принялъ лицъ моей свиты, при чемъ управляющимъ моей канцелярей Нестеровскимъ имъ были поднесены мои подарки. Въ это же время одинъ изъ сановниковъ эмира поднесъ мнѣ его подарки.

Послѣ сего, я простился окончательно съ эмиромъ и выѣхалъ въ его коляскѣ (подаренной мною ему въ 1886 году) на станцію Кермине, опять въ сопровожденіи 2 эскадроновъ Бухарской кавалеріи. Послѣ непродолжительной остановки въ Кермине, я продолжалъ путь въ Бухару, куда пріѣхалъ 20-го же числа около 2-хъ часовъ.

Подъѣзжая къ станціи „Бухара“, я былъ встрѣченъ Бухарскими войсками, въ числѣ 10.000 человекъ, построенныхъ шпалерами по пути желѣзной дороги, и привѣтствовавшими меня крикомъ „ура“. При выходѣ изъ вагона я былъ встрѣченъ Бухарскими сановниками, имѣвшими во главѣ перваго министра эмира, русскою колонією въ Бухарѣ и громадною массою населенія, выѣхавшаго для встрѣчи меня изъ города Бухары (11 верстъ отъ станціи).

Пропустивъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ Бухарскія войска, и принявъ обѣдъ, предложенный мнѣ въ богатѣйшей палаткѣ бухарскими сановниками отъ имени эмира, а затѣмъ обѣдъ, предложенный полит. агентомъ камеръ-юнкеромъ Чарыковымъ, я выѣхалъ около 5-ти часовъ въ Чарджуй, куда пріѣхалъ въ тотъ же день вечеромъ.

Сильнѣйшее впечатлѣніе произвелъ на меня, построенный нижеверомъ Балпинскимъ, мостъ черезъ Аму-Дарью, длиною около 2-хъ верстъ. Смотря на быстрое теченіе рѣки, нельзя было не задюбоваться смѣлостью этого колоссальнаго сооруженія.

Во время пребыванія моего въ Чарджуѣ, мною былъ осмо-

трѣтъ во всей подробности русскій городъ, который благодаря стараніямъ командира 3-го линейнаго баталіона полковника Казанцева уже началъ принимать вполнѣ благоустроенный видъ. Я разрѣшилъ приступить къ постройкѣ на добровольныя пожертвованія православной церкви, при чемъ сдѣлалъ изъ личныхъ моихъ средствъ значительный взносъ. Постройка эта была ведена съ необычайною быстротою, и уже лѣтомъ 1889 года храмъ былъ освященъ. Громадный для меня представлялъ интересъ осмотръ только-что доставленныхъ на Аму-Дарью двухъ казенныхъ пароходовъ. Въ моемъ присутствіи былъ поднятъ на одномъ изъ нихъ, на пароходѣ „Царь“, русскій военный флагъ. Въ концѣ мая оба парохода сдѣлали первые пробные рейсы въ Петро-Александровскъ и Керки. Въ началѣ рейсы эти были сопряжены съ громадными затрудненіями, вслѣдствіе измѣчивости русла Аму-Дарьи, но мало-по-малу трудности эти были преодолены, и въ настоящее время установлены правильные рейсы между вышеназванными городами (1890).

Въ радостномъ настроеніи выѣхалъ я послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Чарджуѣ, обратно въ Ташкентъ. Мнѣ казалось, что мною оказаны Государю и отечеству значительныя услуги: Самаркандъ соединенъ желѣзнымъ путемъ съ Европейскою Россіею, проведена желѣзная дорога черезъ Бухарское ханство, открыто пароходство по Аму-Дарьѣ; русскіе гарнизоны стоятъ въ Чарджуѣ и Керки, Бухарское ханство, такъ сказать, завоевано мирнымъ путемъ, безъ капли крови, безъ копѣйки расхода на военныя дѣйствія.

Но не такъ отнеслось правительство и общество къ совершившимся событіямъ. Правда, мнѣ было объявлено въ шифрованной телеграммѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ Высочайшее одобреніе, но донесенія мои, въ которыхъ я подробно описалъ открытіе желѣзной дороги, проѣздъ черезъ Бухарское ханство и пребываніе въ Чарджуѣ, не были опубликованы. За то телеграмма Сѣвернаго агентства, въ которой сообщалось о томъ, что эмиремъ мнѣ были поднесены подарки, была перепечатана во всѣхъ газетахъ, при чемъ газета „Свѣтъ“ выразила полное негодованіе, что „русскіе генералы принимаютъ подарки отъ эмира, что обычай этотъ, подлежащій давно прекращенію, поддерживается начальствующими лицами съ корыстными цѣлями, при чемъ конечно дѣлаются разныя поблажки Бухарскому правительству“.

Трудно описать мое негодованіе при чтеніи этой статьи. Ходатайствуя о должности политическаго агента въ Бухарѣ,

я имѣлъ главное въ виду отнять у эмира возможность посылать частыя посольства въ Ташкентъ съ письмами и подарками отъ него; подносимые мнѣ лично подарки я обращалъ преимущественно на дѣла благотворительности и на украшеніе церквей. Лицамъ, командированнымъ мною въ Бухару, воспретилъ наистрожайше продавать, полученные отъ эмира подарки въ Бухарѣ, какъ оно практиковалось до моего назначенія генераль-губернаторомъ. Совершенно же отказаться отъ установленнаго вѣками на Востокѣ обычая я не призналъ возможнымъ. Моими предшественниками принимались подарки, весьма часто посылались эмиромъ посольства въ Петербургъ, которыя подносили подарки Государю Императору и всѣмъ министрамъ, отказать эмиру въ принятіи отъ него подарковъ значило бы оскорбить его.

Въ особенности поразило меня, что возмутительная статья газеты „Свѣтъ“ была оставлена высшимъ правительствомъ безъ всякихъ послѣдствій, и редакторъ газеты не подвергнутъ взысканію. Этотъ образъ дѣйствій правительства наводилъ по неволѣ на грустные размышленія и заставлялъ оцѣнить, насколько труденъ и неблагодаренъ, при данной обстановкѣ, постъ генераль-губернатора.

По возвращеніи изъ Чарджуя въ Ташкентъ, все мое вниманіе было обращено на скорѣйшее окончаніе постройки собора. Благодаря усердію прелесѣдателя и членовъ строительной комиссіи, а также стараніямъ моеѣ жены, написавшей 11 образовъ, храмъ былъ совершенно оконченъ въ первыхъ числахъ іюля, и 11-го іюля состоялось торжественное его освященіе.

Ко дню освященія собора прибылъ въ Ташкентъ изъ Вѣрнаго епископъ Туркестанскій и Ташкентскій Неофитъ. Несмотря на всѣ мои заботы о церквахъ и духовенствѣ въ краѣ, епископъ отнесся ко мнѣ съ крайнимъ невниманіемъ, вѣроятно потому, что я лютеранинъ. Благодѣтельный г. Ташкента отецъ Покровскій предполагалъ въ день освященія, при входѣ моемъ въ соборъ, сказать мнѣ привѣтственное слово и благодарить за мои попеченія о постройкѣ храма. Это было ему воспрещено архіереемъ. Но этимъ не ограничилось невниманіе ко мнѣ преосвященнаго. По окончаніи освященія онъ передалъ женѣ моеѣ просфору, мнѣ же нѣтъ, что конечно было замѣчено всѣми присутствующими въ соборѣ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ радостныхъ для меня дней за все время моего пребыванія въ Туркестанѣ. Заставъ, при пріѣздѣ въ 1884-хъ году въ Ташкентъ однѣ выведенныя стѣны,

мнѣ удалось въ 4 года закончить эту грандіозную постройку. Но не мало заботъ и трудовъ это стоило. Наемъ на мои средства архитектора, превышеніе власти по разнымъ измѣненіямъ смѣтъ, постоянно бдительный надзоръ за постройкою и отстраненіе всего, что могло мѣшать быстрому ходу работъ, наконецъ, личные труды моей жены, все это, вмѣстѣ взятое, было причиною достигнутаго успѣха. Наконецъ было удовлетворено пламенное желаніе всего православнаго населенія Ташкента. Городъ имѣлъ соборъ, по красотѣ не уступающій лучшимъ церквямъ въ губернскихъ городахъ Европейской Россіи.

Нѣсколько дней послѣ освященія православнаго собора, состоялось открытіе соборной мечети въ туземномъ городѣ.

Исторія этой мечети слѣдующая: ко дню коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ эмиръ Бухарскій сдѣлалъ Государю Императору подарокъ въ 100.000 руб. на благотворительныя дѣла. Его Величество назначилъ изъ этой суммы 50.000 руб. на возстановленіе древнѣйшей мечети въ Бухарѣ, другіе 50.000 руб. по повелѣнію Его Величества были переданы въ распоряженіе бывшаго туркестанскаго генераль-губернатора генерала Черняева для употребленія по его усмотрѣнію на поддержаніе мусульманскихъ духовныхъ учреждений въ Туркестанскомъ краѣ.

Изъ этой суммы генераломъ Черняевымъ было назначено 15.000 руб. на ремонтъ 4 мечетей въ Ташкентѣ; но такъ какъ къ ремонту этихъ мечетей еще не было приступлено, и желая, чтобы память о милостивомъ распоряженіи Его Величества сохранилась въ Ташкентѣ на вѣчныя времена, я видоизмѣнилъ предположеніе генерала Черняева и назначилъ всѣ 15.000 руб. на капитальную перестройку древнѣйшей въ Ташкентѣ мечети Ходжа-Ахраръ, обратившейся въ развалины. Перестройка мечети мною была поручена, подъ наблюденіемъ русскаго техника, комиссіи изъ нѣсколькихъ почетныхъ мусульманъ, обывателей Ташкента. Полагая, что на туземное населеніе произведетъ сильное и выгодное для интересовъ русскаго правительства впечатлѣніе одновременное окончаніе перестройки мечети съ освященіемъ православнаго собора, я принялъ для этого всѣ соответствующія мѣры.

Я присутствовалъ лично при открытіи мечети. По окончаніи службы, мулла и старшій казіи города Ташкента пролили меня повергнуть къ стопамъ Государя Императора горячую благодарность населенія за оказанную ему милость. Мечеть была названа Царскою, и въ ней произносятся въ цар-

скіе дни молитвы о здравіи Его Императорскаго Величества, что прежде не дѣлалось ни въ одной изъ мечетей во всемъ Туркестанскомъ краѣ.

Содѣйствіемъ своимъ перестройкѣ мечети, я думаю, что оказалъ существенную услугу интересамъ правительства. Населеніе высоко оцѣнило заботы о немъ, стало относиться съ большимъ довѣріемъ къ русской власти, многія изъ принятыхъ мною мѣръ, въ томъ числѣ и открытіе русскихъ туземныхъ школъ, перестали возбуждать прежнюю подозрительность. Развитію мусульманства вновь отстроенная мечеть не могла содѣйствовать. Въ городѣ, гдѣ 80 мечетей, одна лишняя не можетъ имѣть значенія. Обращать мусульманъ въ православіе я не пытался никогда, и думаю, что это была бы большая политическая ошибка. Я стремился всѣми силами къ тому, чтобы сдѣлать изъ жителей Туркестана вѣрнопопданныхъ Государю.

Въ декабрьской книгѣ 1889 г. „Чтеній любителей духовнаго просвѣщенія“ присутствіе мое при открытіи мечети было подвергнуто строгой критикѣ. Нѣкто Воронежъ, указывая на этотъ фактъ, обвинилъ меня въ томъ, что я велъ въ Туркестанѣ анти-русско-православную политику и выразилъ восторгъ, что я смѣщенъ съ должности генераль-губернатора, чему, по его мнѣнію, вся Россія должна радоваться. Высшее правительство, которому не могла не быть извѣстна эта статья, оставило редактора безъ кары (1890 г.).

Лѣтомъ 1888 года пріѣхалъ въ Ташкентъ второй сынъ хана Хивинскаго, чтобы благодарить за мое ходатайство предъ Государемъ Императоромъ объ утвержденіи его наслѣдникомъ престола. Наслѣдника Хивинскаго сопровождали дядя хана и нѣсколько сановниковъ. Наслѣдный принцъ былъ молодой 19-ти лѣтній юнша, однакожь уже отецъ трехъ дѣтей; на его изнеможенномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ полнаго пресыщенія ко всему, что видѣлъ въ пути, и въ Ташкентѣ онъ относился съ замѣтнымъ равнодушіемъ. Не таковъ былъ дядя хана; его все интересовало; съ особымъ вниманіемъ онъ осмотрѣлъ Ташкентскую гренажную станцію и благодарилъ меня за учрежденіе таковой же въ Петро-Александровскѣ, откуда хивинское населеніе уже стало получать здоровую шелковичную грену. Въ послѣдніе годы шелководство совершенно уничтожилось въ Хивинскомъ ханствѣ, вслѣдствіе болѣзни червей. Учрежденная мною гренажная станція обѣщала вновь поднять эту полезнѣйшую отрасль производительности.

Въ честь Хивинскаго посольства, я далъ у себя на дачѣ вечеръ. Трудно описать восторгъ хивинцевъ, при видѣ прелестно иллюминированнаго сада и многочисленнаго наряднаго общества.

Даже наслѣдный принцъ оживился замѣтно.

Лѣтомъ 1888 года скончался въ Ташкентѣ помощникъ окружнаго медицинскаго инспектора, тайный совѣтникъ Логгиновичъ. Господинъ Логгиновичъ былъ католикъ, но такъ какъ въ Туркестанѣ не было ксендза, то въ день его кончины была православнымъ духовенствомъ отслужена по немъ панихида. Вмѣстѣ съ этимъ я телеграфировалъ въ г. Вѣрный епископу Туркестанскому и Ташкентскому Неофиту и просилъ его разрѣшить отпѣваніе его по православному обряду. На другое утро, въ тотъ моментъ, когда духовенство собралось отслужить по Логгиновичу вторую панихиду, была получена отъ архіерея отвѣтная телеграмма, извѣщающая, что разрѣшить этого онъ не можетъ. Получивъ это распоряженіе, духовенство отказалось служить панихиду, и вся собравшаяся публика въ числѣ болѣе 100 человекъ разбѣжалась по домамъ. Распоряженіе преосвященнаго произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Докторъ Логгиновичъ пользовался, какъ врачъ и человекъ, всеобщимъ уваженіемъ. За неимѣніемъ костела въ Ташкентѣ, онъ постоянно посѣщалъ православную церковь, и до кончины его многіе даже не знали, что онъ католикъ. Чтобы успокоить общественное мнѣніе, я рѣшился телеграфировать оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и просить его содѣйствія къ отпѣванію праха Логгиновича по православному обряду. Между тѣмъ, когда шла эта переписка, трупъ подвергся полному разложенію, оставить его на квартирѣ было невозможно, и было рѣшено перенести его на кладбище и поставить временно въ часовню, принадлежащую одному частному лицу, г-жѣ Жемчужниковой. При перевезеніи тѣла присутствовалъ весь Ташкентъ. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ результатъ моего ходатайства.

Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ отвѣтъ отъ оберъ-прокурора; г-нъ Побѣдоносцевъ увѣдомилъ меня, что разрѣшеніе предать землѣ тѣло Логгиновича по православному обряду зависитъ исключительно отъ архіерея. Получивъ эту телеграмму, я телеграфировалъ вторично преосвященному, который отвѣтилъ мнѣ: „По апостолу разрѣшаю молиться по всѣмъ“.

Тогда состоялось отпѣваніе тѣла Логгиновича по православному обряду. на десятый день послѣ его кончины.

Въ бытность мою въ Петербургѣ осенью 1888 года я поѣхалъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и заявилъ ему, что я по сіе время не ходатайствовалъ о назначеніи въ Ташкентъ ксендза и пастора въ виду малочисленности иновѣрцевъ въ Туркестанѣ и по соображеніямъ политическаго свойства, но теперь, если я не буду имѣть гарантію, что не будутъ повторяться инциденты, подобные съ погребеніемъ Логгиновича, я буду считать себя обязаннымъ возбудить это ходатайство самымъ настойчивымъ образомъ.

Д. т. с. Побѣдоносцевъ обѣщался мнѣ сдѣлать преосвященному Неофиту соответствующія указанія. Дѣйствительно, послѣ сего, скончавшіеся въ Туркестанѣ католики и лютеране предавались землѣ по православному обряду безпрепятственно.

Въ концѣ іюля совершилось въ Средней Азіи событіе, самой серьезной важности. Въ Керки прибылъ къ начальнику русскаго гарнизона генералъ-маіоръ Христіани, посланецъ отъ правителя Афганскаго Туркестана Исхакъ-Хана, съ извѣщеніемъ о томъ, что Исхакъ-Ханъ отложился отъ Афганскаго эмира Абдурахманъ-Хана, и съ просьбою оказать ему помощь. Генералъ Христіани, руководствуясь данною ему мною политическою инструкціею, отвѣтилъ посланцу, что русскому правительству нѣтъ дѣла до внутреннихъ смуть, происходящихъ въ Афганистанѣ, и что ни на какую помощь со стороны Россіи Исхакъ-Ханъ разсчитывать не долженъ. Отвѣтъ, данный генераломъ Христіани, я сообщилъ немедленно по телеграфу министрамъ военному и иностранныхъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ телеграмму отъ статсъ-секретаря Гирса, въ которой онъ меня увѣдомилъ, что Государь Императоръ одобрилъ въ полной мѣрѣ отвѣтъ, данный генераломъ Христіани посланцу Исхакъ-Хана. Въ полученномъ вслѣдъ за тѣмъ письмѣ министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что Высочайше повелѣно воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ афганскія дѣла и ожидать дальнѣйшихъ событій. Инструкція эта согласовалась вполне съ моимъ личнымъ мнѣніемъ. Мнѣ казался весьма сомнительнымъ успѣхъ предпріятія Исхакъ-Хана. Основываясь на массѣ отдѣльныхъ фактовъ, я не усматривалъ никогда враждебности со стороны Абдурахманъ-Хана къ Россіи; получая значительную субсидію отъ англійскаго правительства, конечно нельзя было ожидать, что онъ станетъ открыто на нашу сторону. Мнѣ казалось несомнѣннымъ, что въ случаѣ, если бы, противъ всякаго ожиданія, Исхакъ-Хану бы удалось сдѣлаться Афганскимъ эмиромъ, онъ будетъ вынужденъ стать къ англійскому прави-

тельству въ тѣ же отношенія, какъ и его предшественникъ. Въ той же степени казалось мнѣ нежелательнымъ, пользуясь настоящею смутою, занятіе русскими войсками Чаръ-Валіэта. Занятіе это вовлекло бы насъ въ значительныя денежныя издержки и вызвало бы большія затрудненія. Весьма было бы затруднительно управлять этою странюю, отдѣленною Бухарскимъ ханствомъ отъ русскихъ владѣній.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, меня искренно обрадовалъ отвѣтъ статсъ-секретаря Гирса, заключающій въ себѣ совершенно опредѣлительныя, и по моему мнѣнію вѣрныя, указанія.

Въ половинѣ августа прибылъ въ Керки второй посланецъ отъ Исхакъ-Хана съ письмами отъ него къ Государю Императору и ко мнѣ, и съ словесною просьбою поддержать его, если не вооруженною силою, то выдачею ружей. Къ сожалѣнію, въ Керки не было генерала Христіани, уѣхавшаго для осмотра 3-го линейнаго баталіона въ Чарджуй. Замѣняющій его старшій по немъ штабсъ-офицеръ, полковникъ Рѣшетниковъ, имѣлъ неосторожность принять отъ посланца письма и обѣщаль доставить ихъ по назначенію, равно и донести о словесной просьбѣ.

Получивъ о вышеизложенномъ извѣщеніе, я предписалъ начальнику Керкинскаго гарнизона отпустить посланца Исхакъ-Хана, подтвердивъ ему уже разъ данный отвѣтъ; вмѣстѣ съ этимъ, имѣя въ виду, что письма уже были приняты, я испросилъ по телеграфу указаніе министра иностранныхъ дѣлъ, слѣдуетъ ли отправить письма на имя Государя Императора въ Петербургъ, и донесъ о сдѣланномъ мною распоряженіи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я получилъ къ крайнему моему удивленію телеграмму отъ военнаго министра, въ которой генераль-адъютантъ Ванновскій мнѣ сообщилъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ Средней Азіи, неоказаніе никакой помощи Исхакъ-Хану можетъ подорвать престижъ Россіи въ глазахъ населенія Афганскаго Туркестана, и что поэтому онъ съ своей стороны полагаетъ необходимымъ мнѣ сдѣлать распоряженіе объ отправленіи изъ ташкентскаго склада нѣсколькихъ тысячъ ружей Исхакъ-Хану. Что по докладу о семъ Государю Императору, Его Величеству благоугодно было повелѣть запросить по сему предмету мое мнѣніе.

Я отвѣтилъ военному министру, что въ случаѣ выдачи ружей, немедленно долженъ быть сформированъ отрядъ и передвинутъ къ Афганской границѣ, что послѣ выдачи Исхакъ-Хану ружей, населеніе будетъ смотрѣть на него какъ на ставленника

русскаго правительства, почему въ случаѣ его неуспѣха, намъ необходимо поддержать его вооруженною силою.

Генераль-адъютантъ Вапновскій не удовлетворился моимъ отвѣтомъ и просилъ меня категорически высказаться, повредить ли нашему престижу неоказаніе никакой помощи Исхакъ-Хану.

Одновременно съ полученіемъ этого запроса, я получилъ частную телеграмму отъ военнаго губернатора Самаркандской области генераль-лейтенанта Яфимовича, находившагося въ отпуску въ Петербургѣ, въ которой генераль этотъ меня извѣщалъ, что ему извѣстно, что военный министръ непремѣнно желаетъ, чтобы я согласился на отправленіе Исхакъ-Хану ружей.

Какъ я впоследствии узналъ, телеграмма генерала Яфимовича была представлена передъ отправленіемъ на предварительный пересмотръ военнаго министра.

Убѣжденный въ правотѣ своего мнѣнія, я увѣдомилъ военнаго министра, что такъ какъ русское правительство никогда не поощряло Исхакъ-Хана отложиться отъ Абдурахманъ-Хана, то и неоказаніе ему помощи не можетъ подорвать престижъ Россіи въ глазахъ населенія Афганскаго Туркестана ¹⁾.

Оглядываясь назадъ на вышеописанныя событія, не могу не сознать, что настойчивыми моими отказами выдать Исхакъ-Хану ружья я оказалъ Россіи громадную услугу. Нѣтъ сомнѣнія, что выдача ружей неизбежно повлекла бы за собою войну съ Афганистаномъ, и можетъ быть и Европейскую войну. Во всякомъ случаѣ мы были бы вовлечены въ Средне-Азіатскія затрудненія, что такъ пламенно желали князь Бисмаркъ и графъ Кальноки.

Вышеприведенный случай, вмѣстѣ съ этимъ, доказываетъ, насколько я былъ правъ, настаивая на необходимости подчиненія Закаспійской области туркестанскому генераль-губернатору. Для успѣшнаго веденія нашей Средне-Азіатской политики власть должна быть сосредоточена въ однѣхъ рукахъ. Можно ли такого успѣха ожидать при существованіи двухъ неподчиненныхъ другъ другу властей, разныхъ взглядовъ и направленія, какъ оно имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ. По моему мнѣнію, уже большая ошибка, что въ Петербургѣ вѣдаютъ восточными

¹⁾ Окончательное рѣшеніе вопроса по этому поводу достигло Туркестанскаго края, когда Исхакъ-Ханъ былъ наголову разбитъ Абдурахманомъ
Ред.

дѣлами два министерства; при существованіи въ Средней Азій одной сильной власти это неудобство еще менѣе бы отразилось. При настоящемъ же положеніи дѣла, могутъ быть гибельныя послѣдствія. Примѣръ Болгарія. Необычайно трудно также положеніе туркестанскаго генераль-губернатора; безъ вины можно оказаться виноватымъ. Общественное мнѣніе обвинить, въ случаѣ неуспѣха нашей политики, его, а не министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго. Нельзя же будетъ опубликовать ему полученныя шифрованныя телеграммы, могуція пролить свѣтъ на обстоятельства дѣла.

Этого не позволяетъ служебная дисциплина. Вотъ грустныя размышленія, которыя преслѣдовали меня за все время управленія краемъ, въ особенности послѣ вышеописанныхъ событій.

Примѣчаніе 2 марта 1894 г.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1894 года появилась въ газетахъ рѣчь, сказанная въ Парижѣ, англійскимъ посломъ лордомъ Дефферингомъ.

Въ рѣчи этой посолъ выразилъ, что въ бытность его вице-королемъ Индіи (съ 1884 по 1888 г.г.) онъ неоднократно имѣлъ случай убѣждаться въ прямотѣ и корректности русской политики въ Средней Азій. Въ особенности великодушна была эта политика во время возстанія Исхакъ-Хала, когда русское правительство имѣло возможность причинить Англій большія непріятности. По мнѣнію лорда Дефферинга, то недовѣріе, съ коимъ Англія относится къ дѣйствіямъ русскаго правительства въ Средней Азій, не основано ни на чемъ.

Столь категорическое заявленіе не могло не произвести сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе въ Англій, и несомнѣнно облегчить ведущіеся въ настоящее время переговоры между Англією и Россією по памирскому вопросу, который вѣроятно и будетъ рѣшенъ къ взаимному удовольствію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

4 марта 1894 г.

Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Н. П. Шишкинъ, управляющій, за болѣзнью Н. К. Гирса, министерствомъ, разсказалъ мнѣ, что П. С. Ванновскій передалъ ему, что, читая рѣчь лорда Дефферинга, онъ краснѣлъ за русское правительство. Очевидно, военный министръ остался при прежнемъ своемъ взглядѣ, продолжаетъ считать единственною правильною политикою—бросаніе камня въ-за угла.

Не мало пришлось мнѣ бороться со всякими затрудненіями во время управленія краемъ.

Со времени введенія Положенія 12 іюня 1886 г. генераль-губернаторъ уже не располагалъ по своему усмотрѣнію земскими суммами. Земская смѣта представлялась ежегодно черезъ министра финансовъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта; тутъ дѣлались всевозможныя сокращенія, часто въ ущербъ прямымъ интересамъ края. Утверждалась смѣта несвоевременно; получена она была на мѣстѣ: въ 1887 году въ августѣ, въ 1888 году въ іюнѣ, въ 1889 году въ іюль. Возможно ли при подобномъ веденіи дѣлъ правильное хозяйство? Къ постройкамъ и исправленіямъ дорогъ можно было приступить не ранѣе осени. Всѣ мои просьбы и настоянія относительно ускоренія утвержденія смѣты постоянно оставались безъ послѣдствій.

Проводя Положеніе черезъ Государственный Совѣтъ, я настоялъ на томъ, чтобы генераль-губернатору было предоставлено право переносить остатки по земской смѣтѣ изъ одной статьи въ другую. Это давало возможность производить въ теченіе года разные расходы по нуждамъ края, не предусмотрѣнные смѣтою. Этимъ правомъ я широко пользовался на 1887 и 1888 годахъ. Къ сожалѣнію, въ 1889 году, по настоянію государственнаго контролера и министра финансовъ, смѣта была раздѣлена, взамѣнъ двухъ, на двѣнадцать параграфовъ, вслѣдствіе чего предоставленное мнѣ Положеніемъ 12 іюня право стало фиктивнымъ.

На основаніи Положенія, генераль-губернаторъ могъ утвердить проектъ смѣты на сумму не выше 30.000 руб. Стѣсненіе это могло отозваться въ особенности пагубно при исполненіи ирригаціонныхъ работъ, въ которыхъ часто внезапно являлась надобность. Несмотря на мои настойчивыя ходатайства, подкрѣпленныя самыми убѣдительными мотивами, вопросъ по настоящее время (1899) не рѣшенъ въ благоприятномъ смыслѣ. Въ 1888 году я по необходимости превысилъ власть и утвердилъ одну смѣту въ 35.000 руб. Если работы не были бы своевременно произведены, нѣкоторымъ волостямъ въ Андижанскомъ уѣздѣ Ферганской области грозила бы опасность сильно бы пострадать отъ наводненія; населеніе понесло бы большіе убытки, пострадала бы и казна, такъ какъ было бы невозможно собрать установленный поземельный налогъ. О сдѣланномъ распоряженіи я сообщилъ военному министру, прося объ утвержденіи его. Сколько мнѣ извѣстно, оно по сіе время (1890 г.) не послѣдовало.

До 1889 года податные инспекторы не были введены въ Турке-

станскомъ краѣ, въ этомъ же году они были туда отправлены, при чемъ имъ было приказано руководствоваться инструкціею, установленною для нихъ въ Европейской Россіи, несмотря на мои настойчивыя просьбы о радикальномъ измѣненіи этой инструкціи. Мало пользы, а скорѣе существенный вредъ ожидаю я отъ этого распоряженія. Налоги взимались въ Туркестанскомъ краѣ, за время моего управленія, безнедоимочно; сборомъ податей распоряжалась одна мѣстная администрація (начальники уѣздовъ и участковые пристава). Съ прибытіемъ въ край податныхъ инспекторовъ положеніе радикально измѣнилось. Я опасаюсь, что рвеніе мѣстной администраціи уменьшится, а туземное населеніе будетъ сбито съ толка, оно не будетъ знать, кто ихъ начальники: начальники ли уѣздовъ или податные инспектора. Неизбѣжныя столкновенія нарушатъ тотъ порядокъ, который по сіе время въ краѣ существовалъ. Въ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, столь недавно покоренныхъ, нельзя допустить двойственность власти. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ этого не сознаютъ, и думаютъ, что можно управлять Туркестанскимъ краемъ, какъ Московскою или Тверскою губерніею. Главный виновникъ этого неправильнаго взгляда тайный совѣтникъ Гирсъ, ревизовавшій въ 1883 году, на правахъ сенатора, Туркестанскій край. Онъ отнесся къ данному порученію, какъ истый чиновникъ; особенности края онъ совершенно не подмѣтилъ; все его вниманіе было обращено на сокращеніе штатовъ служащихъ и сокращеніе казенныхъ расходовъ. Въ его отчетѣ не заключается и намека на возможное экономическое развитіе края, на что должно быть обращено преимущественно вниманіе администраціи. Съ экономическимъ развитіемъ, рядомъ растутъ и доходы казны. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія, могу указать на слѣдующій фактъ. Въ 1884 году, когда я прибылъ въ край, таможенный доходъ составлялъ около 100.000 р. въ годъ, въ 1889-мъ же году доходъ повысился до 575.000 руб. Неуклонно заботясь за все время моего управленія краемъ объ его экономическомъ развитіи, могу съ увѣренностью сказать, я содѣйствовалъ интересамъ Государственнаго казначейства.

Въ сентябрѣ 1888 года я испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на прїѣздъ въ Петербургъ. Главная цѣль поѣздки была исходатайствовать разрѣшеніе на переоброчку Ферганской области, въ которой предстояла настоятельная надобность, въ виду истеченія установленнаго срока сдѣланной при генераль-губернаторѣ фонъ-Кауфманѣ оброchkъ земель и несправедливаго въ многихъ случаяхъ обложенія обывателей, а также, чтобы настоять на

скорѣйшемъ утверженіи правилъ объ отводѣ частнымъ лицамъ и обществамъ земель подъ орошеніе. Неутверженіе этихъ правилъ задерживало экономическое развитіе края и наносило ущербъ интересамъ Государственнаго казначейства.

Правила сіи по настоящее время не утверждены, на что справедливо жаловались русскіе промышленники министру финансовъ при посѣщеніи имъ въ 1890 году выставки въ Ташкентѣ. Едва-ли вина въ этомъ можетъ быть отнесена ко мнѣ. Съ моей стороны все возможное было сдѣлано для скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса. Дѣло затормозилось вслѣдствіе разногласія между нѣкоторыми министрами (1890 г.).

Всѣ сдѣланныя мною въ теченіе двухъ лѣтъ представленія по вышеуказаннымъ двумъ вопросамъ оставались безъ результатовъ. Мое присутствіе въ Петербургѣ было необходимо, чтобы двинуть эти вопросы.

29 сентября я выѣхалъ изъ Ташкента. Кто прочелъ эти записки, пойметъ, что настроеніе мое было не веселое. Къ этому нужно еще прибавить, что здоровье моей жены пострадало сильно во время пребыванія въ Ташкентѣ. Климатъ дѣйствовалъ губительно на нее, дальнѣйшее пребываніе въ Ташкентѣ могло повлечь за собою самыя тяжкія для нея послѣдствія. Въ той же степени дурно отзывалась жизньъ въ Ташкентѣ на двухъ моихъ дочеряхъ. Исключительная обстановка, въ которой онѣ жили, не могла не отозваться вредно на нихъ. Дальнѣйшее пребываніе въ Ташкентѣ могло дурно отозваться на всю ихъ предстоящую жизньъ.

Я рѣшился, если окажется возможнымъ, не вернуться въ край. 17 октября я приѣхалъ въ Петербургъ и представился на другой день военному министру. Словами „напрасно Вы не дали ружья Исхакъ-Хану“ встрѣтилъ меня генераль-адъютантъ Ванновскій. Послѣ весьма непродолжительнаго разговора, въ продолженіе котораго не было и намека на выраженіе мнѣ какого-либо одобренія за мою дѣятельность, въ Туркестанскомъ краѣ, я простился съ его высокопревосходительствомъ.

21 октября я представился Государю Императору въ Гатчинскомъ дворцѣ. Его Величество принялъ меня очень благосклонно и много спрашивалъ о положеніи края. Въ концѣ аудіенціи, я сказалъ Его Величеству, что, чувствуя себя крайне утомленнымъ отъ чрезмѣрной дѣятельности, и по семейнымъ обстоятельствамъ, я желалъ бы, если на это послѣдуетъ соизволеніе Его Величества, не возвращаться въ край. Государь, по-

видимому удивленный этой просьбою, отвѣтили мнѣ: „Отдохните здѣсь, а уже потомъ мы этотъ вопросъ рѣшимъ“.

До самаго моего отъѣзда обратно въ Ташкентъ, разговоръ по сему предмету не возобновлялся.

Сдѣлавши визиты всѣмъ министрамъ, я взялся немедленно за дѣла. Большого труда стоило мнѣ убѣдить министра финансовъ въ необходимости переобработки Ферганской области. Наконецъ, мнѣ это удалось, но благодаря придиркамъ мелкихъ чиновниковъ министерства, закидавшихъ меня разными запросами, вопросъ тянулся до безконечности и получилъ окончательное рѣшеніе только при моемъ выѣздѣ изъ Петербурга, и то исключительно благодаря рѣшительному содѣйствію тайнаго совѣтника Вышнеградскаго.

Еще меньшій успѣхъ имѣли мои представленія объ утвержденіи правилъ объ отводѣ земель подъ орошеніе. Министры государственныхъ имуществъ и финансовъ высказались рѣшительнымъ образомъ за меня, государственный же контролеръ, на заключеніе котораго было передано мое ходатайство, призналъ по причинамъ, не выдерживающимъ ни малѣйшей критики, утвержденіе правилъ объ отводахъ несвоевременнымъ. Въ виду сего протеста, правила объ отводахъ по сіе время не утверждены (1890 г.), не взирая на все стараніе статсъ-секретаря Островскаго.

Большинство мелкихъ дѣлъ, возбужденныхъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ, было рѣшено въ благопріятномъ для края смыслѣ.

Всѣ министры, за исключеніемъ военнаго, относились ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ. Генералъ-адъютантъ Ванновскій продолжалъ оказывать мнѣ явное нерасположеніе; никогда и ни въ чемъ я не встрѣчалъ въ немъ какую-либо поддержку. Въ подтвержденіе сего, могу, между прочимъ, указать на слѣдующіе факты.

На основаніи Положенія объ управленіи краемъ, служащіе, не получившіе повышенія при введеніи его, были освобождены отъ всякихъ вычетовъ изъ содержанія. Генералъ-адъютантъ Ванновскій, основываясь на томъ, что Военный Совѣтъ призналъ служащихъ въ Туркестанскомъ краѣ по полицейско-административному управленію добровольными участниками эмеритурной кассы, внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе о томъ, чтобы вычетъ въ эмеритuru производился изъ ихъ содержанія.

Многіе изъ членовъ Государственнаго Совѣта признали такое

рѣшеніе несправедливымъ и несогласнымъ съ Положеніемъ 12 іюня 1887 года, тѣмъ не менѣе, такъ какъ оно соотвѣтствовало интересамъ Государственнаго казначейства и согласное съ мнѣніемъ военнаго министра, въ вѣдѣніи котораго состоитъ Туркестанское генераль-губернаторство, вопросъ былъ рѣшенъ согласно представленію генераль-адъютанта Ванновскаго.

Я случайно узналъ объ этомъ постановленіи Государственнаго Совѣта отъ генераль-адъютанта Кауфмана на выходѣ въ Новый Годъ. Сознывая, какія тяжелыя послѣдствія оно будетъ имѣть для всѣхъ служащихъ и какое удручающее впечатлѣніе оно произведетъ въ краѣ, я немедленно обратился къ присутствующему на выходѣ предсѣдателю департамента экономіи Государственнаго Совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Абаза, выяснивъ ему обстоятельство дѣла и несправедливость рѣшенія.

Г. Абаза отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ моему заявленію и узнавъ отъ государственнаго секретаря тайн. сов. Половцева, что постановленіе еще Высочайше не утверждено, назначилъ представленіе военнаго министра къ новому разсмотрѣнію въ моемъ присутствіи.

Соединенные департаменты, выслушавъ мои объясненія, единогласно рѣшили дѣло въ благопріятномъ для служащихъ смыслѣ.

Дѣло это было весьма серьезное; я не могъ поступить иначе, но не думаю, что мой образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ бы содѣйствовалъ улучшенію моихъ отношеній къ военному министру! Другой случай.

Въ день полкового праздника л.-гв. Финляндскаго полка послѣ завтрака въ Аничковомъ дворцѣ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ спросилъ меня, въ какое время года прибываютъ въ Ташкентъ молодые солдаты. Я отвѣтилъ Его Императорскому Высочеству, что, благодаря доведенію желѣзной дороги до Самарканда, они прибываютъ въ этотъ городъ зимою, немедленно послѣ призыва; въ Ташкентъ же они приходятъ только лѣтомъ; если же, присовокупилъ я, указывая на рядомъ стоящаго военнаго министра, его высокопревосходительство поможетъ мнѣ исходатайствовать постройку желѣзной дороги между Ташкентомъ и Самаркандомъ, они будутъ прибывать и въ Ташкентъ зимою. „Въ 1886 году“, сказалъ генераль-адъютантъ Ванновскій—„Вы не хотѣли дороги до Ташкента, теперь я ее не хочу“. Великій Князь, хорошо зная обстоятельства дѣла и удивленный этою странною выходкою, замолчалъ и отвернулся; то же сдѣлалъ и я.

При одной изъ встрѣчъ съ военнымъ министромъ я выска-

залъ ген.-ад. Ванновскому, что для успѣшнаго управленія окраиною, генераль-губернаторъ долженъ пользоваться не только довѣріемъ Государя Императора, но и господъ министровъ, „я же сознаю,—присовокупилъ я,—что не пользуюсь довѣріемъ одного изъ господъ министровъ“. „На кого вы намекаете“, спросилъ меня ген.-ад. Ванновскій. „На васъ, ваше высокопревосходительство“, отвѣтилъ я. Военный министръ замолкъ и отвернулся отъ меня.

Съ конца декабря стали получаться въ Петербургѣ тревожныя извѣстія изъ Средней Азіи. Начальникъ Закаспійской области генераль-лейтенантъ Комаровъ доносилъ, что Абдурахманъ-Ханъ объявилъ священную войну противъ русскихъ, въ Афганистанѣ дѣлаются приготовленія къ войнѣ, передвигаются войска изъ Кабула въ Черваліэтъ, Абдурахманъ-Ханъ завязываетъ какія-то секретныя сношенія съ эмиромъ Бухарскимъ. Исправляющій мою должность генераль-лейтенантъ Яфимовичъ также не отрицалъ возможности открытія враждебныхъ дѣйствій Абдурахманъ-Ханомъ. Пріѣхавшій въ первыхъ числахъ января 1889 г. въ Петербургъ генераль-лейтенантъ Анненковъ разсказывалъ, что оставилъ Закаспійскую область въ крайне напряженномъ и тревожномъ состояніи; по его мнѣнію, война была неизбежна.

Въ половинѣ января состоялось у военнаго министра совѣщаніе, куда были приглашены: князь Дондуковъ-Корсаковъ, генераль-адъютантъ Обручевъ, генераль-маіоръ Куропаткинъ и я. Большинство признало необходимымъ безотлагательно усилить Керкинскій гарнизонъ, передвинувъ 2 баталіона изъ Самарканда. Я съ своей стороны полагалъ достаточнымъ сдѣлать необходимыя приготовленія къ выступленію этихъ частей въ походъ, но до полученія болѣе точныхъ свѣдѣній оставить ихъ на мѣстѣ. Военный министръ согласился съ мнѣніемъ большинства и сдѣлалъ представленіе объ ассигнованіи 100.000 р. въ его распоряженіе на предполагаемое передвиженіе 2-хъ баталіоновъ въ Керки и на приготовленіе еще нѣкоторыхъ частей къ походу. Ходатайство это было уважено.

Послѣ совѣщанія, оставшійся наединѣ съ военнымъ министромъ, я заявилъ ему, что, въ виду политическихъ осложненій въ Средней Азіи, я беру назадъ свою просьбу оставить Туркестанскій край и готовъ туда вернуться по первому требованію правительства.

Въ половинѣ февраля были получены еще болѣе тревожныя извѣстія. Генераль Комаровъ доносилъ (подлинная телеграмма

хранится въ главномъ штабѣ, копии въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора), что, по имѣющимся у него вполне достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Абдурахманъ-Ханъ откроетъ военныя дѣйствія въ первыхъ числахъ марта; что не слѣдуетъ довѣряться дружбѣ эмира Бухарскаго, что въ Самаркандѣ и Мервѣ не спокойно. По докладѣ этой телеграммы Государю Императору, Его Величество поручилъ военному министру мнѣ передать, что ему угодно, чтобы я немедленно возвратился въ Туркестанъ.

Получивъ это Высочайшее повелѣніе, я заявилъ военному министру, что я съ радостью готовъ исполнить его, но считаю себя нравственно обязаннымъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, доложить лично Его Величеству о двухъ обстоятельствахъ, которыя меня сильно беспокоятъ. Первое это—неразрѣшеніе по настоящее время переобработки Ферганской области; „Абдурахманъ-Ханъ“, сказалъ я: „можетъ быть намъ опасенъ только при отсутствіи спокойствія въ краѣ и недовольствѣ мѣстнаго населенія; Ферганская область ждетъ переобработки, она успокоится только, когда справедливая просьба жителей будетъ удовлетворена; въ виду настоящихъ обстоятельствъ, переобработка настоятельно необходима. Второй вопросъ, меня сильно беспокоящій и лишаящій меня увѣренности въ успѣхѣхъ предстоящихъ дѣйствій, это неподчиненіе туркестанскому генераль-губернатору Закаспійской области. Едва-ли можно ожидать, при двойственности власти, хорошихъ результатовъ. Оба эти вопроса имѣютъ въ моихъ глазахъ такую важность, что я прошу его, военного министра, испросить для меня у Государя Императора особую аудіенцію, чтобы дать мнѣ возможность подробно съ ними ознакомиться Его Величество.

Испрашиваемая мною аудіенція мнѣ была дана 23 февраля (четвергъ на первой недѣлѣ поста). Она продолжалась около часа, и я имѣлъ возможность развить подробно мои мысли. Государь обѣщавъ мнѣ, что по первому вопросу переговорить съ министромъ финансовъ, относительно же самостоятельнаго существованія Закаспійской области, онъ мнѣ сказалъ, что нужно выждать результатовъ этого рѣшенія; въ случаѣ же неизбежности военныхъ дѣйствій, присовокупилъ онъ, она вамъ будетъ подчинена, равно и расположенныя въ ней войска. Въ заключеніе Его Величество выразилъ мнѣ надежду, что мнѣ удастся, конечно не нарушая достоинства Россіи, избѣжать войны. При прощаніи Государь сказалъ мнѣ: „Приведите на мѣстѣ все въ

порядокъ, затѣмъ возвращайтесь въ Петербургъ; въ Туркестанскій край вы уже не вернетесь“.

Я просилъ разрѣшеніе Его Величества остаться въ Петербургѣ до 26 февраля (день рожденія Государя). Онъ на это согласился.

Въ послѣдніе дни, проведенные въ Петербургѣ, я былъ предметомъ самаго любезнаго вниманія со стороны многихъ министровъ. Всѣ они были очень обезпокоены положеніемъ дѣлъ въ Средней Азіи. Наше правительство рѣшительно не желало войны, справедливо сознавая, что война въ Средней Азіи уменьшила бы наши силы на западной границѣ. Вызвать войну значило бы играть въ руки князю Бисмарку и лигѣ мира. Особое вниманіе оказывали мнѣ: военный министр (генералъ-адъютантъ Ванновскій повторилъ мнѣ слова, сказанныя Государемъ: „Въ случаѣ войны вамъ будетъ подчинена Закаспійская область и расположенныя въ ней войска. Но войны мы не желаемъ, и увѣрены, что при вашемъ умѣнии, удастся ея избѣжать, не вредя достоинству Россіи. Лучше васъ эту задачу никто не исполнить“), министръ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ. Послѣдній заявилъ мнѣ, что я могу считать переобработку въ Ферганской области дѣломъ рѣшеннымъ, что онъ будетъ моимъ адвокатомъ въ Петербургѣ, что я не успѣю доѣхать до Ташкента, когда вопросъ этотъ уже будетъ окончательно рѣшенъ. И дѣйствительно тайный совѣтникъ Вышнеградскій сдержалъ блистательно данное мнѣ слово. При пріѣздѣ въ Ташкентъ, я нашелъ его телеграмму, извѣщающую меня, что переобработка Ферганской области проведена черезъ Государственный Совѣтъ и Высочайше утверждена.

26 февраля я присутствовалъ на выходѣ въ Аничковомъ дворцѣ. Тутъ я доложилъ Его Величеству о полученной мною наканунѣ телеграммѣ генералъ-лейтенанта Яфимовича, въ которой онъ меня извѣстилъ, что ханъ хивинскій, въ письмѣ на мое имя, сообщаетъ, что онъ въ память событія 17 октября 1888 года отмѣнилъ въ ханствѣ пытки.

По окончанію выхода Государь и Императрица простились со мною самымъ милостивымъ образомъ. Его Величество повторилъ еще разъ, что послѣ исполненія нынѣ на меня возложеннаго порученія, онъ меня уволитъ отъ должности генералъ-губернатора.

28-го февраля я выѣхалъ изъ Петербурга.

До Владикавказа я доѣхалъ вполне благополучно; за то перѣздъ черезъ Кавказскій хребетъ горъ былъ сопряженъ съ большими затрудненіями. Между станціями Куби и Кандау-

ромъ образовались большіе завалы, въ экипажѣ проѣхать было невозможно и нельзя было ожидать скорого восстановленія пути. Желая какъ можно быстрѣе доѣхать до мѣста назначенія, въ виду напряженнаго положенія дѣлъ, я рѣшился пройти пѣшкомъ по глубокому снѣгу отъ Коби въ Кандауръ. Переходъ былъ трудный и сопряженъ съ опасностью жизни. Вездѣ торчали зловѣщіе черные флаги, каждую минуты я рисковалъ быть засыпаннымъ снѣжнымъ обваломъ. Но съ Божьею помощію я достигъ благополучно станцію Кандауръ, а оттуда продолжалъ путь безъ дальнѣйшихъ затрудненій. Въ Тифлисѣ провель только нѣсколько часовъ въ ожиданіи отхода поѣзда. Въ Баку меня застала страшная буря, немедленно выѣхать было невозможно, и только на другое утро я сѣлъ на казенный пароходъ „Шахъ“, обязательно предоставленный управляющимъ морскимъ министерствомъ въ мое распоряженіе. На пароходѣ этомъ я доѣхалъ въ сутки благополучно въ Узунъ-Ада, гдѣ меня ожидалъ экстренный поѣздъ Закаспійской желѣзной дороги. Нигдѣ не останавливаясь, я пріѣхалъ 8-го марта утромъ въ Асхабадъ; тутъ на станціи встрѣтилъ меня военный губернаторъ Закаспійской области генералъ-лейтенантъ Комаровъ.

Въ происшедшемъ между нами разговорѣ, я передалъ генералу мое мнѣніе о положеніи дѣлъ въ Средней Азіи; я выразилъ ему, что рѣшительно не вѣрю въ возможность нападенія на насъ Абдурахманъ-Хана, но вижу опасность въ томъ, что при наэлектризованномъ настроеніи войскъ и населенія изъ-за схватки нашихъ и афганскихъ разбѣдовъ могутъ возникнуть самыя серьезныя послѣдствія. Обязанность старшихъ начальниковъ, сказалъ я генералу Комарову, имѣть строгое наблюденіе, чтобы расположенныя на Афганской границѣ наши войска не задирали афганцевъ и не позволяли себѣ вызывающей относительно ихъ образъ дѣйствій. Военный губернаторъ Закаспійской области обѣщался мнѣ сообразоваться впредь съ этимъ взглядомъ, что однакожъ ему не помѣшало отправить, въ день нашего свиданія, въ Петербургъ телеграмму тревожнаго характера, впрочемъ послѣднюю такого свойства.

Послѣ двухъ-часовой остановки въ Асхабадѣ я продолжалъ путь въ Мервъ. Тутъ я былъ встрѣченъ начальникомъ округа полковникомъ Алихановымъ. Штабъ-офицеръ этотъ, весьма способный и энергичный человекъ, былъ главный виновникъ настоящаго тревожнаго положенія дѣлъ. Желая во что бы то ни стало добиться, изъ личныхъ видовъ, столкновенія съ афганцами, онъ доставлялъ генералу Комарову постоянныя свѣ-

дѣнія о враждебныхъ замыслахъ Абдурахманъ-Хана. Какъ участникъ боя при Кушкѣ и награжденный за это Георгіевскимъ крестомъ, онъ понималъ, что гораздо выгоднѣе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, чѣмъ заниматься мирнымъ управленіемъ вѣреннаго ему округа. Воспользовавшись 1½ часовой остановкою въ Мервѣ, я принялъ въ своемъ вагонѣ полковника Алиханова, при чемъ былъ къ нему крайне внимателенъ, много его спрашивалъ о населеніи, культурѣ и положеніи ирригаціи въ округѣ, о возможности же военныхъ дѣйствій не заикнулся. Сдѣлавъ я это потому, что, говори я о пограничныхъ дѣлахъ, полковникъ Алихановъ неизбежно высыпалъ бы мнѣ цѣлый запасъ свѣдѣній о мнимыхъ замыслахъ Абдурахманъ-Хана, полученныхъ имъ черезъ развѣдчиковъ; и не могъ же я ему сказать, что онъ вретъ. Воздерживаясь же въ разговорѣ съ нимъ касаться это предмета, я хотѣлъ этимъ дать понять, что въ моихъ глазахъ настолько невѣроятно нападеніе на насъ Адурахманъ-Хана, что объ этомъ и не стоитъ разговаривать.

Полковникъ Алихановъ вышелъ изъ моего вагона ошеломленный. Онъ жаловался на меня, какъ я узналъ впоследствии, что я его вовсе не спрашивалъ о пограничныхъ дѣлахъ, и лишилъ этимъ возможности доложить мнѣ массу свѣдѣній, добытыхъ черезъ развѣдчиковъ.

Я же думаю, что мой образъ дѣйствій былъ цѣлесообразенъ, и не преминулъ произвести дѣйствіе на храброго полковника, умѣривъ его пылкое воображеніе и убѣдивъ его, что не всѣмъ такъ легко втереть очки въ глаза, какъ генералу Комарову.

Дальнѣшнія событія доказали, насколько было въ интересахъ начальства Закаспійской области вызвать внѣшнія осложненія. Произведенная по Высочайшему повелѣнію въ 1890 году генералъ-лейтенантомъ Максимовскимъ ревизія Закаспійской области обнаружила страшныя злоупотребленія администраціи, въ особенности въ Мервскомъ округѣ. Война бы все прикрыла.

10-го марта я пріѣхалъ въ Чарджуй; тутъ я нашелъ настроеніе войскъ, служащихъ и населенія такимъ же тревожнымъ, какъ и въ Закаспійской области; но, находясь уже вблизи Афганской границы, я считалъ себя хозяиномъ положенія и былъ увѣренъ въ успѣхѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. Изъ Чарджуя я рѣшился ѣхать на пароходѣ въ Керки; цѣль этой поѣздки: воспроизвести впечатлѣнія на Абдурахманъ-Хана, указавъ ему, въ случаѣ неизмѣненія имъ его нѣсколько двух-

смысленнаго образа дѣйствій, на возможность движенія русскихъ войскъ въ Афганскій Туркестантъ, вмѣстѣ съ этимъ я хотѣлъ лично подробно ознакомиться съ положеніемъ дѣла на границѣ и успокоить воинственное настроеніе русскаго гарнизона въ Керки.

Встрѣтившіе меня въ Чарджуѣ ближайшіе мои подчиненные отговаривали меня убѣдительно отъ предполагаемой поѣздки, указывая на трудность перѣзда изъ Чарджуя въ Керки на пароходѣ, который, по ихъ мнѣнію, вслѣдствіе недостаточнаго изслѣдованія Аму-Дарьи, легко могъ съѣсть на мель, что произвело на населеніе удручающее впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ этимъ они выражали опасеніе, чтобы Абдурахманъ, конечно, предувѣдомленный о моемъ предстоящемъ пріѣздѣ въ Керки, не бросился всѣми силами на меня, что представляло, по ихъ мнѣнію, опасность въ виду немногочисленности Керкинскаго гарнизона (3 батальона, 8 орудій, 2 сотни казаковъ).

Убѣжденный въ пользу, которую принесетъ мой пріѣздъ въ Керки, я послѣ трехдневнаго пребыванія въ Чарджуѣ, во время котораго осмотрѣлъ во всей подробности войска, всѣ учрежденія, Аму-Дарьинскій мостъ, и присутствовалъ при подъемѣ креста на строящейся православной церкви, сѣлъ на пароходъ и направился на Афганскую границу. Послѣ трехдневнаго вполне благополучнаго плаванія, я пріѣхалъ 18-го марта въ Керки. Сдѣлавъ войскамъ немедленно осмотръ, я приступилъ затѣмъ къ осмотру мѣстности и строящагося форта. Въ моемъ присутствіи былъ составленъ планъ будущаго русскаго города Керки, намѣчены мѣста для постройки церкви и казармъ. Узнавая изъ-подъ руки о положеніи дѣлъ на границѣ, я не говорилъ ни съ кѣмъ о возможности войны, напротивъ подтвердилъ начальнику Керкинскаго гарнизона точное исполненіе данной ему политической инструкціи. Желая оказать вниманіе мѣстному бухарскому населенію, я роздалъ ему, черезъ мѣстнаго бека, нѣсколько фунтовъ шелковичной грены для оживленія шелководства. Собранныя мною на мѣстѣ свѣдѣнія убѣдили меня въ вѣрности моего взгляда на положеніе дѣлъ; Абурахманъ-Ханъ и не думалъ о нападеніи на насъ; объявленный имъ хазаватъ (война противъ невѣрныхъ) имѣлъ исключительно цѣлью поднять его престижъ въ глазахъ его подданныхъ.

Подшучивая въ разговорахъ съ начальниками надъ тѣми, которые могли допустить мысль, что Абдурахманъ-Ханъ осмѣлится напасть на русскія войска, я скоро успокоилъ воинственное настроеніе въ войскахъ.

Рядомъ съ этимъ прїѣздъ мой въ Керки произвелъ должное дѣйствіе на эмира. Черезъ нѣсколько дней стало извѣстнымъ, что находящійся въ Мазаръ-Шерифѣ орудія, направленные до того на русскую границу, были имъ направлены въ обратную сторону; воспрещенный имъ въ русскія владѣнія ввозъ фуража былъ вновь разрѣшенъ; русскіе товары опять допущены въ Афганскіе предѣлы.

Послѣ трехдневнаго пребыванія я выѣхалъ изъ Керки, причемъ направился въ Чарджуи по проложенной эмиромъ Бухарскимъ, согласно моему требованію, дорогѣ, желая осмотрѣть ее и построенные по ней мосты. Во время этой поѣздки меня сопровождали мѣстные бухарскіе беки, рѣшившіеся по этому случаю впервые выѣхать изъ крѣпостей, по мѣстности, гдѣ незадолго происходили постоянные грабежи, я проѣхалъ съ самымъ ограниченнымъ казачьимъ конвоемъ.

Путь совершилъ въ два дня вполне благополучно, дорога и мосты найдены въ полной исправности. Желая на будущее время облегчить переѣзды русскихъ чиновниковъ и офицеровъ изъ Чарджуя въ Керки, я поручилъ бухарскимъ бекамъ построить по дорогѣ семь станціонныхъ домовъ, гдѣ бы проѣзжающіе всегда бы могли найти нужный фуржъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Желаніе мое было немедленно исполнено.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Чарджуѣ, я выѣхалъ 24 марта по желѣзной дорогѣ въ Самаркандъ. На станціи Бухара была устроена обычная встрѣча; вдоль желѣзной дороги были построены бухарскія войска, а около станціи меня встрѣтила масса бухарскаго населенія въ нѣсколько тысячъ человекъ. Тутъ же меня ожидала коляска эмира Бухарскаго. Желая осмотрѣть построенный бухарскимъ правительствомъ близъ желѣзнодорожной станціи новый базаръ и вмѣстѣ съ этимъ доказать, что настроеніе бухарцевъ къ русскимъ вполне дружеское и мирное, я сѣлъ одинъ въ коляску эмира и проѣхалъ безъ всякаго конвоя черезъ толпу бухарцевъ къ базару. Толпа разступилась и дала мнѣ почтительно дорогу. Всѣ присутствующіе могли убѣдиться, насколько были основательны предположенія генерала Комарова, указывающія на враждебные противъ насъ замыслы бухарскаго правительства.

25-го марта утромъ я прїѣхалъ въ Самаркандъ.

Во время пребыванія въ этомъ городѣ я осмотрѣлъ открытую въ 1887 году гренажную станцію. Къ сожалѣнію, я не нашелъ ее настолько устроенной, какъ ожидалъ. Завѣдующій ею врачъ былъ командированъ въ Керки для сопровожденія 9 ли-

нейнаго батальона, и завѣдованіе ею было передано въ совершенно неумѣлыя руки. Сдѣлавъ должное внушеніе губернатору, я приказалъ врача немедленно вернуть въ Самаркандъ. Примѣръ этотъ доказываетъ, какъ часто самыя полезныя мѣры не встрѣчаютъ сочувствія въ комъ слѣдуетъ. Никакой надобности не было въ командированіи врача въ Керки, гдѣ былъ въ нихъ избытокъ.

Въ Ташкентѣ, куда пріѣхалъ 29 марта, мнѣ была сдѣлана самая сочувственная встрѣча. Какъ русское, такъ и туземное населеніе радовалось искренно моему возвращенію.

Первая принятая мною мѣра была пріостановка дальнѣйшаго передвиженія войскъ къ Афганской границѣ; благодаря этому ассигнованный на передвиженіе войскъ кредитъ въ 100.000 руб. былъ далеко не исчерпанъ, и образовался значительный остатокъ. Велѣдъ за этимъ я сдѣлалъ распоряженіе объ увольненіи въ запасъ нижнихъ чиновъ подлежащаго срока, задержанныхъ на службѣ въ виду политическихъ осложненій.

Тревожное настроеніе прекратилось быстро, и черезъ мѣсяцъ послѣ моего возвращенія въ Туркестанъ уже никто не помышлялъ о возможности войны съ Афганистаномъ. Торговля сношенія съ Афганистаномъ, возобновились и усилились настолько, что въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ было вывезено въ эту страну на 1.400.000 руб. русскихъ товаровъ.

О всѣхъ сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ и достигнутыхъ результатахъ я сообщилъ военному министру. Мнѣ извѣстно, что письмо мое возбудило въ то время общее удовольствіе. Но скоро оно было забыто. При пріѣздѣ моемъ въ іюль мѣсяцѣ въ Петербургъ, мнѣ не только никѣмъ не была выражена благодарность, но даже никто не упомянулъ о бывшемъ напряженномъ положеніи дѣлъ. Между тѣмъ, раздайся хоть бы одинъ выстрѣлъ въ Средней Азій, конечно, министру финансовъ не удалось бы столь успѣшно выполненныя въ теченіе лѣта конверсіи нѣкоторыхъ нашихъ займовъ.

Въ 1888 году министромъ государственныхъ имуществъ былъ посланъ въ Ташкентъ, вслѣдствіе моей просьбы, избранный г-омъ Черняевымъ приборъ для огневой сушки фруктовъ.

При огромномъ изобиліи фруктовъ въ Туркестанѣ, крайне было желательно замѣнить болѣе усовершенствованнымъ способомъ существовавшей до того времени примитивный способъ сушки. Высланный Черняевскій приборъ мною былъ переданъ въ распоряженіе Ташкентскаго отдѣла Императорскаго обще-

ства садоводства. Предсѣдатель отдѣла, г-нъ Полевицкій, построилъ особый павильонъ, гдѣ были поставлены необходимыя печки для сушки фруктовъ, и я имѣлъ въ маѣ мѣсяцъ радость присутствовать при первыхъ опытахъ сушки. Опыты удались вполне и дали прекрасные результаты; можно надѣяться, что и частныя лица послѣдуютъ примѣру отдѣла общества садоводства, и такимъ образомъ установится въ Туркестанѣ новая отрасль производства, которой, можно съ увѣренностью предсказать, блестящую будущность. Починъ этого полезнаго дѣла принадлежитъ несомнѣнно мнѣ; не обратись я къ министру государственныхъ имуществъ съ просьбою о высылкѣ Черняевскаго прибора, огневой способъ сушки фруктовъ остался бы безъ примѣненія въ Туркестанскомъ краѣ.

Особое вниманіе мною было обращено на производящіяся въ Ташкентскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области организаціонныя работы по оброчкѣ населенія. Опытъ указалъ что изданная въ 1887 году инструкція податнымъ комиссіямъ, требовала въ смыслѣ ускоренія работъ существенныя измѣненія. Инструкція была пересмотрѣна самымъ тщательнымъ образомъ, и сдѣланы необходимыя исправленія.

Во всеподданнѣйшемъ моемъ отчетѣ по учебному вѣдомству, представленномъ въ 1888 году Государю Императору, я ходатайствовалъ объ открытіи въ Самаркандѣ и Маргеланѣ Маринскихъ женскихъ училищъ. Въ открытіи этихъ училищъ чувствовалась крайняя надобность. Офицеры и чиновники, неимѣющіе необходимыхъ средствъ отправить дочерей въ Ташкентскую женскую гимназію, были лишены возможности дать имъ приличное воспитаніе. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ, я пришелъ въ соглашеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія объ условіяхъ, при которыхъ училища могли бы быть открыты, и по возвращеніи въ Ташкентъ сдѣлалъ немедленно по сему предмету представленіе. Въ настоящее время (1890 г.) ходатайство мое уважено, разрѣшено открытіе училищъ. Распоряженіе это встрѣчено несомнѣнно мѣстнымъ русскимъ населеніемъ съ искреннею благодарностью.

Весною же 1889 года былъ разработанъ, по моимъ указаніямъ, проектъ новаго Положенія объ учительской семинаріи. Существовавшее до того времени Положеніе требовало существенныхъ измѣненій. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ проектъ новаго Положенія былъ мною представленъ министру народнаго просвѣщенія.

Помѣщеніе публичной бібліотеки было крайне тѣсное. Же-

лая предоставить публикѣ болѣе удобствъ для чтенія, я приказалъ пристроить обширную комнату для читальни.

На замѣну убогихъ шкаповъ для книгъ, новыми приличными шкапами, я пожертвовалъ триста рублей.

19 мая я выѣхалъ изъ Ташкента для обозрѣнія Ферганской области. Поѣздка эта была въ свое время подробно описана въ „Туркестанскихъ вѣдомостяхъ“, и отдѣльно напечатанная брошюра хранится въ моихъ бумагахъ при копіяхъ съ моихъ Всеподаннѣйшихъ отчетовъ. Считаю тутъ у мѣста только выразить, что обозрѣніе Ферганской области въ 1889 году доставило мнѣ громадное удовольствіе, и воспоминаніе объ этой поѣздкѣ не изгладится никогда изъ моей памяти. Результаты моего управленія, достигнутые въ Ферганской области, доказываютъ, что можетъ быть достигнуто, въ сравнительно короткое время, постоянными и настойчивыми заботами о нуждахъ населенія.

Тамъ, гдѣ въ 1884 году, при первомъ моемъ объѣздѣ, мнѣ неоднократно приходилось обращаться къ вооруженной силѣ, чтобы разгонять толпы народа, обращавшейся ко мнѣ въ дерзкой формѣ съ разными неисполнимыми просьбами; тамъ, гдѣ въ 1885 году бродили вооруженныя шайки, призывающія населеніе къ открытому возстанію противъ русской власти, и приходилось отправлять отряды войскъ для разсѣянія этихъ шаекъ, въ 1889 году я восторженно былъ встрѣченъ населеніемъ. Въ поданныхъ мнѣ многочисленныхъ адресахъ населеніе меня благодарило за мое ходатайство о переоброцкѣ области; за постройку Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, благодаря которому облегчился сбытъ произведеній; за мои попеченія о развитіи хлопководства; за учрежденіе гренажныхъ станцій; за исправленіе ирригаціонной системы; наконецъ, за открытіе во многихъ городахъ амбулаторныхъ лѣчебницъ для туземныхъ женщинъ. Въ г. Маргеланѣ, при представленіи мнѣ почетныхъ туземцевъ всей области, собравшихся въ этомъ городѣ для привѣтствія меня, старшій казій стараго Маргелана, отличавшійся прежде своими анти-русскими тенденціями, обратился ко мнѣ съ рѣчью, въ которой благодарилъ меня отъ имени всего населенія, за мои о немъ заботы. „Попеченіями Вашими о насъ“, закончилъ онъ свою рѣчь, „Вы записали навсегда Ваше имя въ исторію Ферганской области“.

Все видѣнное въ области произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе. Пути сообщенія улучшились замѣтно, благосостояніе населенія увеличилось. Въ особенности поразили и обра-

довали меня успѣхи по хлопководству; культура хлопчатника изъ американскихъ сѣмянъ началась только съ 1887 года, и уже въ 1888 году было собрано не менѣе 800.000 п. хлопка. Считая стоимость пуда въ 6 рублей, область выручила около 5 милліоновъ рублей; такіе результаты не могли, конечно, не отразиться на благосостояніи населенія.

Въ 1884 году вовсе не было русскаго города въ Кокандѣ; чиновники и офицеры жили, какъ я уже прежде упомянулъ, въ туземномъ городѣ, подвергаясь всякимъ лишеніямъ. Въ 1889 году я нашелъ прекрасный русскій городъ, лучший изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Въ новомъ Маргеланѣ мною было указано мѣсто для постройки новой православной церкви; по ассигнованіи 10.000 руб. на начало постройки, осенью было приступлено къ работамъ. Бывшая церковь, построенная въ 1886 году изъ сырца, была настолько ветха, что грозила полнымъ разрушеніемъ.

Не могу не вспомнить съ благодарностью о военномъ губернаторѣ Ферганской области, генераль-маіорѣ Корольковѣ. Его умѣлости и усердію должны быть, во многомъ, приписаны достигнутые превосходные результаты. Будучи выдающимся ботаникомъ, онъ своими полезными указаніями содѣйствовалъ въ значительной степени подъему культуры въ области.

Я провелъ 10 дней въ Ферганѣ. Выраженная мнѣ населеніемъ сердечная благодарность лучшая для меня награда за все время управленія краемъ.

30 мая я вернулся въ Ташкентъ. Послѣ трехнедѣльнаго тамъ пребыванія, я выѣхалъ 21 іюня въ Высочайше мнѣ разрѣшенный 4 мѣсячный отпускъ въ Европейскую Россію. Желая уклониться, во время переѣзда черезъ Бухарское ханство, отъ всякихъ встрѣчъ и сопряженнаго съ ними подношенія подарковъ, я поручилъ политическому агенту въ Бухарѣ передать бухарскому правительству, что ѣду лѣчиться въ Россію, чувствую себя нездоровымъ и утомленнымъ, и прошу поэтому, чтобы никто изъ бухарскихъ сановниковъ не былъ командированъ для встрѣчи и сопровожденія меня во время переѣзда черезъ ханство. Эмиръ Бухарскій, нехотя, подчинился этому требованію.

Весьма труденъ былъ мой переѣздъ черезъ Сыръ-Дарью и Заравшанъ вслѣдствіе полноводья, въ особенности черезъ послѣднюю изъ этихъ рѣкъ. Могу сказать, что переѣхалъ Заравшанъ съ опасностью жизни. Путешествіе изъ Самарканда до Узунъ-Ада я сдѣлалъ по Закаспійской желѣзной дорогѣ со всѣми

удобствами. Не могу того же сказать о переѣздѣ изъ Узунъ-Ада въ Астрахань по Каспійскому морю. Общество „Кавказъ и Меркурій“, обязанное, согласно заключенному съ правительствомъ условію, содержать между вышеназванными двумя пунктами почтовое сообщеніе, отправило изъ Узунъ-Ада, вмѣсто пассажирскаго парохода, шкуну „Жандръ“, нагруженную хлопкомъ и вовсе не приспособленную для пассажировъ. На этой шкунѣ я и сдѣлалъ переѣздъ въ Астрахань. Погода стояла бурная. Легко себѣ представить, насколько это путешествіе было пріятно.

Изъ Астрахани я поднялся по Волгѣ до Царицына, а оттуда дальше уже по желѣзной дорогѣ.

3 іюля я пріѣхалъ въ Петербургъ.

12 іюля я представился Государю Императору въ Петергофѣ.

Его Величество принялъ меня очень милостиво, и, послѣ обычныхъ разспросовъ о положеніи края, спросилъ меня, гдѣ я предполагаю провести лѣто. Узнавъ, что я ѣду лѣчиться въ Виши, Государь пожелалъ мнѣ успѣшное лѣченіе и сказалъ: „По возвращеніи въ Петербургъ, Вы уже въ Туркестанскій край не вернетесь“. Узнавъ о такомъ рѣшеніи, я доложилъ Его Величеству, не будетъ ли въ такомъ случаѣ удобнѣе теперь же уволить меня отъ должности генераль-губернатора. „Край“, сказалъ я, находясь продолжительное время въ управленіи временнаго генераль-губернатора, всегда отъ этого страдаетъ“. Дѣлая такое заявленіе, я конечно руководствовался исключительно пользою службы; лично бы я пострадалъ, лишившись уже лѣтомъ генераль-губернаторскаго жалованья, 2.000 руб. въ мѣсяць.

Результатомъ аудіенціи я остался вполне доволенъ. Мнѣ не пришлось возобновить просьбу объ увольненіи отъ должности генераль-губернатора. Государь самъ мнѣ объ этомъ сказалъ. Вмѣстѣ съ этимъ, мнѣ казалось несомнѣннымъ, что Его Величество имѣетъ для меня въ виду какое-либо другое соотвѣтствующее назначеніе.

20 іюля я выѣхалъ за границу, откуда вернулся 3 сентября въ мое имѣніе близъ станціи Преображенской.

Тутъ наступилъ самый тягостный періодъ всей моей усердной, и за послѣднія пять^{1,2} лѣтъ, я думаю, и плодотворной тридцати-пяти-лѣтней службы.

Государя не было въ Петербургѣ; онъ находился въ Копенгагенѣ.

10 сентября я поѣхалъ въ Петербургъ къ военному мини-

стру, чтобы узнать, послѣдовало ли распоряженіе о назначеніи новаго туркестанскаго генераль-губернатора, и на что я могу рассчитывать.

Генераль-адъютантъ Ванновскій принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ и объяснилъ мнѣ, что Государь поручилъ ему, передъ своимъ отъѣздомъ въ Данію, прискаты лицо на постъ генераль-губернатора, но что онъ пока ни на комъ остановиться не можетъ. „Не можете ли вы мнѣ на кого указать“, спросилъ меня военный министръ. Я назвалъ трехъ генераловъ: сенатора князя Григорія Сергѣевича Голицына, военнаго губернатора Терской области и наказнаго атамана Терскаго казачьяго войска Смѣкалова, и военнаго губернатора Уральской области и наказнаго атамана казачьяго войска Шипова. На это генераль-адъютантъ Ванновскій мнѣ отвѣтилъ, что князь Голицынъ не согласится принять постъ генераль-губернатора, оба же другіе не соотвѣтствуютъ, по его мнѣнію, этому назначенію, что онъ поищетъ другое лицо, и когда найдетъ соотвѣтствующаго кандидата, то напишетъ объ этомъ Государю въ Данію.

Въ заключеніе военный министръ сказалъ, что относительно меня не получилъ пока никакого приказанія отъ Государя, но что вѣроятно Его Величество имѣетъ для меня въ виду назначеніе. „Весь городъ говоритъ“, присовокупилъ генераль-адъютантъ Ванновскій, „что вы назначаетесь на должность Главноуправляющаго Собственною Его Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи; зная довѣріе къ вамъ Государя и расположеніе къ вамъ Императрицы, я считаю этотъ слухъ весьма правдоподобнымъ“.

Въ первыхъ числахъ октября Государь Императоръ вернулся въ Гатчину.

28 октября вечеромъ мнѣ былъ присланъ начальникомъ главнаго штаба Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи членомъ Военнаго Совѣта. Изъ этого приказа же я узналъ, что туркестанскимъ генераль-губернаторомъ назначенъ начальникъ штаба Одесскаго военнаго округа, генераль-лейтенантъ баронъ Вревскій.

Назначеніе это было для меня совершенная неожиданность. На бывшемъ 12 октября свиданіи съ военнымъ министромъ, генераль-адъютантъ Ванновскій сказалъ мнѣ, что имѣется въ виду лицо, вполне соотвѣтствующее посту генераль-губернатора, но кто это лицо, не назвалъ.

Я совершенно не зналъ генерала барона Вревскаго. Никто

о немъ прежде не слышалъ, и онъ имѣлъ репутацію самаго зауряднаго офицера генеральнаго штаба.

Въ первый пріемный день, послѣ моего назначенія, я поѣхалъ въ Гатчину представиться Государю Императору.

Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно моего заграничнаго путешествія, Государь спросилъ меня, знаю ли я барона Вревскаго Я отвѣтилъ Его Величеству, что помню барона 35 лѣтъ тому назадъ молодымъ офицеромъ Кирасирскаго полка, а съ тѣхъ поръ не встрѣчался съ нимъ.

На другой день я явился военному министру, который мнѣ не сказалъ ничего особеннаго. Вслѣдъ за этимъ, сдѣлавъ визитъ всѣмъ членамъ Военнаго Совѣта, я сталъ ѣздить въ засѣданія Совѣта.

Содержаніе мнѣ было назначено въ томъ же размѣрѣ, какъ и генералу Колпаковскому, по 12.000 руб. въ годъ.

Считаю тутъ у мѣста сказать, что никѣмъ не было сдѣлано и слабой попытки удержать меня на постѣ туркестанскаго генераль-губернатора.

Въ половинѣ декабря, передъ однимъ изъ засѣданій Военнаго Совѣта я былъ приглашенъ въ кабинетъ военнаго министра. „Я передъ вами виноватъ“, сказалъ мнѣ генераль Ванновскій, „при оставленіи вами края, я упустилъ напомнить Государю объ удостоеніи васъ благодарственнымъ рескриптомъ за управленіе краемъ. Теперь ошибка исправлена, проектъ рескрипта написанъ и уже утвержденъ Государемъ.

„Но вы получите его только 1 января, послѣ оставленія вами должности генераль-губернатора уже прошелъ значительный срокъ, посему Его Величество находитъ болѣе удобнымъ послать вамъ рескриптъ въ новый годъ“.

Дѣйствительно 1 января 1890 года я получилъ Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Николай Оттоновичъ. По прежней службѣ вашей въ войскахъ гвардіи, я имѣлъ возможность непосредственно оцѣнить ваши способности и служебное усердіе, и потому въ 1884 году рѣшилъ призвать васъ къ высшему государственному управленію, ввѣривъ вамъ отвѣтственный постъ туркестанскаго генераль-губернатора и командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа. Въ теченіе пяти лѣтъ ваши благоразумныя и твердыя распоряженія, способствовавшія упроченію гражданскаго и экономическаго развитія отдаленнаго края, поддержанію исполнѣ согласныхъ съ видами моей политики мирныхъ отношеній къ сосѣднимъ владѣтелямъ и племенамъ

Средней Азіи и хорошему состоянію ввѣренныхъ вамъ войскъ, постоянно заслуживали Мое одобреніе. Снисходя, съ большимъ сожалѣніемъ, къ просьбѣ вашей объ увольненіи отъ занимаемой должности по разстроенному здоровью, Я назначилъ васъ членомъ Военнаго Совѣта, дабы участіемъ вашимъ въ обсужденіи дѣлъ, ввѣренныхъ заботамъ этого высшаго учрежденія, вы могли продолжать вашу полезную службу. вмѣстѣ съ симъ Я считаю справедливымъ выразить вамъ искреннюю благодарность за вполне успѣшныя труды по управленію туркестанскимъ генераль-губернаторствомъ и по командованію войсками Туркестанскаго военнаго округа“.

Пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

31 декабря 1889 г.
С.-Петербургъ.

3 января, въ первый пріемный день, я поѣхалъ благодарить Государя Императора за Высочайшій рескриптъ.

Его Величество принялъ меня довольно милостиво и сказалъ, что я заслужилъ вполне выраженную въ рескриптѣ благодарность. Къ этому Государь присовокупилъ, что сожалѣетъ, что благодарность эта мнѣ объявлена не своевременно, но что ему никто не напомнилъ о рескриптѣ, когда я оставилъ край.

На этомъ я прекращаю сіи записки. Не описывать же участіе мое въ засѣданіяхъ Военнаго Совѣта.

9 апрѣля 1890 года.

31-го августа 1890 г.

Въ половинѣ іюля мнѣ было объявлено черезъ Командующаго Императорскою главною квартирою Высочайшее повелѣніе состоять при императорѣ германскомъ Вильгельмѣ II во время пребыванія Его Величества въ Россіи. То же назначеніе получили Свиты Его Величества генераль-маіоръ графъ Голевищевъ-Кутузовъ и флигель-адъютантъ ротмистръ графъ Бенкендорфъ.

4-го августа въ 7 часовъ вечера мы выѣхали на императорскомъ поѣздѣ изъ Петербурга въ Ревель навстрѣчу Императору. Въ Нарвѣ присоединился къ намъ Главнокомандующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Великій

Князь Владиміръ Александровичъ, получившій также Высочайшее повелѣніе встрѣтить Императора въ Ревелѣ.

5-го августа въ 8 часовъ утра, когда ожидался прїѣздъ Императора, собрались на пристани Великій Князь, лица свиты, назначенныя при Его Величествѣ, и начальствующія лица города Ревеля. Тутъ же былъ построенъ почетный караулъ отъ Выборгскаго пѣхотнаго императора Вильгельма II полка. Эстляндскаго губернатора князя Шаховскаго и предводителя дворянства барона Майделя, выѣхавшихъ наканунѣ навстрѣчу нашему Государю въ Нарву, не было. Перваго замѣнялъ вице-губернаторъ Василевскій. Представителей отъ дворянства при встрѣчѣ не было. Этотъ образъ дѣйствія былъ очевидно вызванъ опасеніемъ, чтобы при современномъ положеніи дѣлъ въ губерніи встрѣча дворянами императора германскаго не была принята за анти-правительственную демонстрацію.

Задержанный противными вѣтрами пароходъ „Гогенцоллернъ“ показался на рейдѣ только около 12-ти часовъ. Немедленно было приступлено къ выгрузкѣ императорскаго багажа, и въ часъ императоръ сошелъ на берегъ; поздоровавшись самымъ сердечнымъ образомъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, Его Величество подошелъ ко мнѣ и выразилъ удовольствіе, что я назначенъ состоять при немъ. „Я очень много слышалъ о Васѣ“, сказалъ императоръ, „и очень радъ ближе съ Вами познакомиться“. Поздоровавшись затѣмъ съ графами Кутузовымъ и Бенкендорфомъ и сказавъ имъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, императоръ подошелъ къ почетному караулу. На лѣвомъ флангѣ караула стояли гражданскія власти города Ревеля, въ числѣ ихъ вице-губернаторъ Василевскій и городской голова баронъ Майдель. Первый изъ нихъ былъ мною представленъ императору, второй Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Его Величество молча поклонился г-ну Василевскому, барону же Майделю подаль руку и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Было ли это сдѣлано преднамѣрено или простая случайность, я не знаю, но присутствующими при встрѣчѣ корреспондентами разныхъ газетъ фактъ этотъ былъ подмѣченъ и затѣмъ подчеркнутъ въ появившихся въ газетахъ корреспонденціяхъ.

Посторонней публики при встрѣчѣ было много; держали они себя почтительно, никакихъ особыхъ овацій не было. Отпустивъ почетный караулъ, императоръ сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ подготовленный для него желѣзнодорожный поѣздъ, на которомъ отправился въ Ревельскій вокзалъ, гдѣ послѣ короткой оста-

новки пересѣлъ въ императорскій поѣздъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Нарву. Вслѣдствіе того, что „Гогенцоллернъ“ опоздалъ на три часа прибытіемъ въ Ревель, мы не могли пріѣхать къ 6-ти часамъ въ Нарву, какъ предполагалось, и передъ выѣздомъ изъ Ревеля была послана телеграмма Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ Государю Императору, а мною командующему главною императорскою квартирою генераль-адъютанту Рихтеру о томъ, что императоръ прибудетъ въ Нарву вмѣсто 6-ти, въ 8^{1/2} часовъ вечера.

Немедленно по отъѣздѣ изъ Ревеля былъ сервированъ въ вагонъ-салонъ завтракъ, при чемъ, согласно желанію Великаго Князя, я взялъ на себя обязанность гофмаршала. Завтракъ прошелъ самымъ оживленнымъ образомъ, и сразу установились прекрасныя отношенія между лицами свиты нашего Государя и германскаго императора. Въ свитѣ его величества находились: государственный канцлеръ генералъ Каприви, начальникъ военнаго кабинета генераль-адъютантъ Ганнеке, оберъ-гофмаршалъ графъ Эйленбургъ, начальники гражданскаго кабинета и морскаго кабинета, генераль-адъютантъ Виттинъ, свиты его величества генераль-маіоръ графъ Ведель, два флигель-адъютанта. Тутъ же на поѣздѣ находились: германскій посолъ генералъ Швейницъ и военный уполномоченный полковникъ Вильомъ.

По отзывамъ лицъ, присутствовавшихъ при свиданіи двухъ императоровъ въ 1888 году въ Петергофѣ, свита императора Вильгельма въ 1890 году была составлена несравненно лучше. Въ 1888 году особенно непріятное впечатлѣніе произвелъ графъ Гербертъ Бисмаркъ, дававшій тонъ всей свитѣ и нахальствомъ своимъ оттолкнувшій всѣхъ отъ себя. Не совсѣмъ удаченъ былъ также выборъ лицъ русской свиты, назначенныхъ состоять при императорѣ Вильгельмѣ: генераль-адъютантъ Глинка, по старости лѣтъ, не соответствовалъ своему назначенію, и флигель-адъютантъ полковникъ графъ Шуваловъ позволялъ себѣ разныя насмѣшки надъ лицами свиты императора Вильгельма. Вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ, установились, какъ рассказывали очевидцы, самыя холодныя и натянутыя отношенія между лицами свиты обоихъ императоровъ. Ничего подобнаго не было въ 1890 году.

Въ особенности благопріятное впечатлѣніе произвелъ на насъ всѣхъ генералъ Каприви. Прямодушіе и лойяльность главныя черты характера новаго государственнаго канцлера; вмѣстѣ съ этимъ онъ поражалъ всѣхъ своею необычайною скромностью. Нашему Государю, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, онъ чрезъ-

вычайно понравился. Вотъ человѣкъ, который внушаетъ къ себѣ довѣріе, выразился о немъ Его Величество, послѣ данной ему въ Петергофѣ въ день отъѣзда императора Вильгельма аудіенціи.

Ровно въ 8^{1/2} часовъ вечера императоръ Вильгельмъ пріѣхалъ въ Нарву, гдѣ былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ, всѣми Великими Князьями и лицами свиты. На платформѣ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ л.-гв. Преображенскаго полка.

Государь Императоръ поздоровался съ императоромъ Вильгельмомъ, какъ показалось мнѣ и другимъ лицамъ, довольно холодно и сухо. Объясняли это тѣмъ, что будто бы Государь былъ недоволенъ, что императоръ германскій опоздалъ на два съ половиною часа своимъ пріѣздомъ на Нарву. Но едва-ли это было такъ. При продолжительномъ морскомъ путешествіи невозможно точно расчитать время пріѣзда, при этомъ Государь былъ своевременно извѣщенъ, что императоръ Вильгельмъ прибудетъ въ Нарву только въ 8^{1/2} часовъ. Вѣроятно, причина сухости первой встрѣчи была иная.

Въ 9 часовъ былъ сервированъ въ палаткѣ близъ помѣщенія, гдѣ жили оба императора, обѣденный столъ на 150 человѣкъ. Тостовъ не было никакихъ.

6-го августа Ихъ Величества присутствовали на церковномъ парадѣ л.-гв. Преображенскаго полка. Послѣ этого былъ завтракъ, на которомъ Его Величество провозгласилъ тостъ за здоровье императора германскаго, а вслѣдъ за нимъ тостъ за здоровье императора австрійскаго, празднующаго 6-го августа день своего рожденія. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ тостомъ за здоровье Императора Александра.

Въ тотъ же день въ 11^{1/2} часовъ вечера былъ ужинъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку у Великаго Князя Сергѣя Александровича. На ужинѣ присутствовали принцъ Генрихъ Прусскій, великій герцогъ Дармштадтскій съ сыномъ, великій герцогъ Павелъ Мекленбургскій и всѣ наши Великіе Князья. Въ два часа ночью, пользуясь отъѣздомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, и я уѣхалъ. Остальные гости оставались до четырехъ часовъ и уѣхали изъ полка, какъ мнѣ потомъ рассказали, болѣе чѣмъ навеселѣ.

7-го и 8-го августа происходили маневры. Находясь безотлучно при императорѣ Вильгельмѣ, я имѣлъ полную возможность наблюдать за обоими императорами. Съ каждымъ днемъ взаимное ихъ обращеніе дѣлалось дружественнѣе. Императоръ

Вильгельмъ относился къ нашему Государю съ изысканною предупредительностью и вниманіемъ.

Нашъ Государь отвѣчалъ ему тѣмъ же. За ходомъ маневровъ императоръ Вильгельмъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ. Прекраснымъ видомъ войскъ и ихъ выносливостью онъ очень восхищался; дѣлаемые начальниками промахи и ошибки не ускользали отъ его опытнаго глаза, но замѣчаній своихъ онъ не выражалъ.

Во время моего состоянія при немъ, я съ нимъ имѣлъ продолжительные разговоры и возможность его хорошо изучить. Своимъ глубокимъ умомъ, любезностью, откровенностью и пріятнымъ обращеніемъ онъ очень привлекаетъ къ себѣ. Энергія и рѣшительность основныя черты его характера; разъ намѣченную цѣль онъ твердо преслѣдуетъ и для достиженія ея не остановится ни передъ какими препятствіями. Это человѣкъ, который еще много заставитъ о себѣ говорить. Но онъ нервентъ, впечатлителенъ и порывистъ, хотя эти свойства, какъ выразился въ моемъ присутствіи о немъ нашъ Государь, за послѣдніе два года замѣтно ослабли.

Военнымъ дѣломъ онъ горячо интересуется. Въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ, онъ разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ смотритъ войска. По пріѣздѣ онъ дѣлаетъ парадъ войскамъ, на другой день производитъ односторонній маневръ, при чемъ обозначеннымъ противникомъ командуетъ генераль-адъютантъ Виттинъ, который, какъ выразился императоръ въ совершенствѣ ведетъ это дѣло, начальство же надъ корпусами обыкновенно принимаетъ императоръ, затѣмъ въ теченіе трехъ дней происходятъ двухсторонніе маневры, при чемъ опять же императоръ лично принимаетъ начальство надъ корпусомъ, который попалъ въ критическое положеніе. Командованіе войсками, сказалъ императоръ, дѣло сложное и требуетъ практики; вотъ почему я при всякомъ удобномъ случаѣ въ этомъ упражняюсь. „Мои смотри“, добавилъ императоръ, „имѣютъ рѣшающее значеніе въ дальнѣйшей карьерѣ высшихъ начальниковъ. Корпусные командиры и начальники дивизіи, не умѣющіе маневрировать войсками, отстраняются мною отъ должностей“.

Мнѣ кажется, что такой образъ дѣйствій черезчуръ крутъ и несомнѣнно во многихъ случаяхъ не дѣлесообразенъ. Маневры не война; военно-начальникъ, неудачно распорядившійся на маневрахъ, часто съ честью и успѣшно поведетъ войска въ бой. На войнѣ требуются качества, которыя на маневрахъ проявиться не могутъ.

Бывшія за послѣднее время частыя перемѣны въ составѣ старшихъ начальниковъ германской арміи указываютъ на то, что вышеизложенные принципы строго примѣняются императоромъ Вильгельмомъ.

9-го августа войскамъ былъ данъ отдыхъ. Въ этотъ день утромъ оба императора осматривали въ Нарвѣ суконную фабрику Штиглица, самую большую въ мірѣ. Нашъ Государь ознакомился во всей подробности съ производствомъ суконъ, фабричное дѣло его живо интересовало. Про императора Вильгельма я этого сказать не могу. Онъ ограничился самымъ поверхностнымъ осмотромъ и провелъ большую часть времени въ разговорѣ со мною. Тутъ же на фабрикѣ онъ заказалъ 600 метровъ лучшаго драпа (13 рублей за метръ); заказъ этотъ назначался на постройку плащей для нижнихъ чиновъ 1-й роты 1-го Гвардейскаго полка. Когда я объ этомъ рассказалъ генералу Каприви, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что императору придется деньги уплатить изъ собственной шкатулки; на такой расходъ казенныхъ денегъ не имѣется.

Послѣ завтрака оба императора со свитою переѣхали изъ Нарвы въ имѣніе Гомонтово, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ на 9-е число. Ихъ Величества помѣстились въ помѣщичьемъ домѣ, большая же часть свиты, въ томъ числѣ и я, въ палаткахъ. Къ сожалѣнію, весь день шелъ проливной дождь; ночлегъ въ палаткахъ представлялъ мало пріятностей. Нельзя было не осудить штаба Петербургскаго округа, выбравшаго для маневровъ въ присутствіи императора германскаго такой районъ, гдѣ не было дворцовъ, и пришлось лишать присутствующихъ всякихъ удобствъ.

Въ Нарвѣ, на принадлежащей т. сов. Половцеву фабрикѣ (бывшей Штиглица,) свита хотя и была помѣщена подъ крышей, но помѣщеніе было далеко не роскошное.

10-го утромъ при сильномъ дождѣ оба императора выѣхали на маневры. Не доѣзжая до деревни Чирковицы, Государь по предложенію Великаго Князя Владиміра Александровича повернулъ по проселочной дорогѣ направо, чтобы слѣдить за движеніемъ обходной колонны восточнаго корпуса. Дорога, размоченная большими дождями, оказалась ужасной; съ трудомъ можно было по ней проѣхать. Войска уже совершили обходное движеніе, дѣйствій не было. Государь остановился, настроеніе его было сумрачное. „Все это выдумалъ Бобриковъ“, сказалъ онъ съ сердцемъ; близъ него находящіеся генераль-адъютантъ

Воронцовъ, графъ Шуваловъ и я слышали эти, столь немилостивыя для начальника штаба, слова.

Тутъ же было доложено императору Вильгельму, что Выборгскій имени его полкъ находится не въ далекомъ отъ стоянки Государя разстояніи. Испросивъ разрѣшеніе Его Величества поѣхать къ своему полку, онъ направился полнымъ галопомъ къ нему; за нимъ направилась германская свита и мы, русскіе, состоящіе при немъ. Полкъ оказался въ разстояніи не менѣе трехъ верстъ; все это пространство было пройдено полнымъ галопомъ, можно сказать карьеромъ. Лошадь моя страшно горячилась, и я удержалъ ее съ трудомъ, когда императоръ подъѣхалъ къ Выборгскому полку.

Обѣхавъ полкъ и поздоровавшись съ нимъ, его величество сначала намѣревался вернуться къ Государю, куда и направилась вся сопровождавшая его свита, за исключеніемъ меня и дежурнаго при немъ флигель-адъютанта (маіоръ Цисковицъ), но затѣмъ, измѣнивъ свое намѣреніе, онъ сталъ въ главу колонны, въ составъ которой входилъ Выборгскій полкъ. Колонна эта направлялась для рѣшительной атаки главныхъ силъ западнаго отряда къ селу Чирковицы, по отвратительной лѣсной проселочной дорогѣ. Во время этого движенія, была выдвинута начальникомъ колонны 1-ая резервная артиллерійская бригада для обстрѣливанія непріятельской позиціи.

Несмотря на отчаянную дорогу, бригада двигалась рысью съ посаженною на передки прислугою. Императоръ пришелъ въ восторгъ отъ лихости, съ которою было исполнено это движеніе. „Моя артиллерія не прошла бы такъ молодецки по подобной дорогѣ“, сказалъ онъ мнѣ. Въ той же степени заслужилъ его одобреніе бодрый видъ пѣхоты. „Несмотря на семь дней, проведенныхъ на бивуакахъ подъ постояннымъ дождемъ, солдаты смотрятъ отлично, и я не вижу ни одного недовольнаго лица“, выразился его величество.

Не думаю, чтобы императоръ восхищался въ той же степени дѣйствіями начальниковъ отрядовъ и нѣкоторыхъ изъ начальниковъ частей. Во 2-ой и въ особенности въ 3-ій день маневровъ было сдѣлано много ошибокъ, которыя бросались въ глаза и не могли пройти незамѣченными. Тѣмъ не менѣе его величество воздержался что-либо осудить.

Когда артиллерія вышла изъ лѣса и открыла огонь, императоръ остановился и просилъ меня ему доложить, когда на опушкѣ появится Выборгскій полкъ, слѣдующій вслѣдъ за 1-ю резервною артиллерійскою бригадою. Его желаніе очевидно было

встать передъ полкомъ и лично вести его въ атаку. Я немедленно сообщилъ начальнику колонны, барону Врангелю, а вслѣдъ за тѣмъ и командиру восточнаго корпуса генералу Данилову, что императоръ ожидаетъ появленіе своего полка. Къ сожалѣнію, полкъ своевременно не явился и показался на опушкѣ лѣса только тогда, когда Государемъ Императоромъ былъ данъ общій отбой и маневръ оконченъ. „Бѣдные солдаты, несомнѣнно они торопились“, сказалъ императоръ, „имъ не удалось еще разъ видѣть своего шефа“.

Немедленно по окончаніи маневровъ былъ сервированъ въ станціонномъ домѣ Чирковицы завтракъ, во время котораго Государь приказалъ пригласить всѣхъ начальниковъ частей въ ту комнату, въ которой онъ съ императоромъ Вильгельмомъ и членами Августѣйшей семьи сидѣлъ за столомъ. Поднявъ бокалъ и обратясь къ присутствующимъ, онъ провозгласилъ по-французски тостъ за здоровье германской арміи и ея доблестнаго вождя. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ по-русски тостомъ за здоровье Императора Александра и русской арміи.

Маневры были закончены, и всѣ уѣхали въ Петергофъ, куда прибыли въ 8 часовъ вечера.

Въ 9 часовъ императоръ Вильгельмъ былъ у Государя въ Александріи на фамиліномъ обѣдѣ, для германской же свиты былъ сервированъ въ Большомъ дворцѣ гофмаршальскій столъ, куда и я былъ приглашенъ.

11-го августа утромъ императоръ сдѣлалъ визитъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, завтракалъ у Государя въ Александріи, а затѣмъ катался съ Императорскою семьей по Петергофу.

Въ 7 1/2 часовъ вечера состоялся парадный обѣдъ въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ, на который были приглашены всѣ министры и нѣкоторые изъ лицъ свиты, убранство стола было великолѣпно, и обѣдъ не могъ не произвести сильное впечатлѣніе на иностранцевъ, въ особенности послѣ сравнительно убогой обстановки въ Нарвѣ и Гомонтовѣ. За обѣдомъ Государь Императоръ провозгласилъ по-французски тостъ за здоровье императора германскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пью за здоровье императора Вильгельма. Ура“. Императоръ германскій отвѣтилъ по-русски тостомъ за здоровье Императора Александра.

Отъѣздъ императора былъ назначенъ въ 10 часовъ вечера.

До пристани проводили его величество Государь Императоръ, всѣ Великіе Князья, лица свиты Государя и офицеры Выборгскаго полка. Тутъ императоръ сѣлъ на пароходъ „Александрію“, на которомъ направился на малый Крондштадтскій рейдъ, гдѣ его ожидалъ „Гогенцоллернъ“. Провожали его величество до Крондштадта германскій посолъ, генераль Швейницъ, и состоящіе при немъ: я, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и графъ Бенкендорфъ.

Германская свита пошла въ каюту переодѣваться, туда же направились генераль Швейницъ, графъ Кутузовъ и Бенкендорфъ; я остался на палубѣ одинъ съ императоромъ. Его величество заговорилъ вновь о бывшихъ маневрахъ и повторилъ выраженное мнѣніе о достоинствахъ русской арміи.

Затѣмъ разговоръ принялъ политическій характеръ и былъ настолько интересенъ, что я постараюсь его дословно записать.

Императоръ выразилъ, что дружба между Германією и Россією традиціонна, что онъ себѣ представить не можетъ, чтобы когда-либо могла возникнуть война между сими державами, что не существуетъ никакихъ условій, которыя могли бы ее вызвать. Германскій народъ, сказалъ онъ, иногда раздражаютъ статьи въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, проповѣдывающія вражду въ Германіи, но что, послѣ послѣдняго свиданія съ Императоромъ Александромъ, онъ лично вполне успокоился, впредь не будетъ придавать значенія подобнымъ статьямъ, и нынѣ вполне увѣренъ въ устойчивости дружбы съ Россією ¹⁾.

О расширеніи Германіи онъ не помышляетъ и намѣренъ посвятить все свое время внутреннимъ реформамъ, въ которыхъ Германія нуждается.

Опасность для всей Европы, сказалъ императоръ, заключается въ анархистахъ и социалистахъ, неустанно работающихъ и имѣющихъ главный очагъ въ Франціи, откуда они распространяютъ свое вредное ученіе. Частыя его поѣздки по Европѣ, о которыхъ столько говорятъ, вызваны желаніемъ ближе сойтись съ монархами и убѣдить ихъ тѣснѣ сплотиться для дружныхъ дѣйствій противъ этого общаго врага.

Онъ, императоръ,—убѣжденный монархистъ, всегда твердо будетъ стоять за этотъ принципъ, что онъ убѣдился, что Им-

¹⁾ Какъ нагло фальшиво кажутся эти слова въ настоящее время (1916 г.), когда они напечатаны. *Ред.*

ператоръ Александръ человѣкъ такого же закала, и вполне раздѣляетъ его взгляды.

Германскій народъ ненавидитъ французовъ, и онъ съ нимъ въ этомъ вполне солидаренъ. Германцы не могутъ по настоящее время простить французамъ 1806-й годъ. Одна Бранденбургская провинція была обложена Наполеономъ I контрибуціею въ 6 ¹/₂ миллиардовъ франковъ. До сихъ поръ населеніе выплачиваетъ долги, сдѣланные ихъ предками для уплаты этой колоссальной контрибуціи.

Французскую женщину онъ уважаетъ; конечно, и между мужчинами есть достойные люди, но они своего голоса подать не смѣютъ; общая же масса мерзость и гадость. Недавно онъ поздравилъ одного французскаго генерала телеграммою, по случаю назначенія его корпуснымъ командиромъ. Генераль этотъ, желая вѣроятно избѣгнуть подозрѣнія ярыхъ республиканцевъ, не посмѣлъ ему отвѣтить. Таковыя они всѣ.

Въ последнее время, добавилъ императоръ, установились между Франціею и Германіею, благодаря вліянію предсѣдателя комитета министровъ Фрейсине, вполне достойнаго человѣка, нѣсколько лучшія отношенія, но на долго ли. Фрейсине истратилъ громадныя суммы на преобразование арміи и подорвалъ этимъ экономическое благосостояніе страны, и поэтому едва-ли удержится долго у кормила правленія.

Франція, сказалъ императоръ, причина тревожнаго состоянія всей Европы, и оно не прекратится, пока она будетъ существовать. Онъ надѣется, что настанетъ время, когда русская и германская арміи вступятъ одновременно въ Парижъ и положить конецъ настоящему невыносимому положенію дѣлъ.

Все вышеизложенное было высказано императоромъ съ крайнимъ оживленіемъ.

Въ заключеніе его величество передалъ мнѣ, что въ Петергофѣ государственный канцлеръ Каприви былъ принятъ нашимъ Государемъ въ особой аудіенціи и произвелъ на него вполне благопріятное впечатлѣніе, чему онъ искренно радуется. Это человѣкъ разумный, твердый и прямодушный, добавилъ императоръ.

„Дай Богъ этому человѣку и впредь пользоваться довѣріемъ своего государя и быть полезнымъ совѣтникомъ своего впечатлительнаго и пылкаго юнаго монарха“, добавлю я.

Въ 11 часовъ вечера „Александрія“ прибыла на Кронштадтскій рейдъ, и императоръ Вильгельмъ, милостиво простившись съ своею русскою свитою, переѣхалъ на „Гогенцоллернъ“.

Мы двинулись обратно въ Петергофъ.

Прощаясь съ посломъ Швейницомъ, я спросилъ его, доволенъ ли онъ результатомъ свиданія двухъ императоровъ.

— Въ полной мѣрѣ, отвѣтилъ онъ, и въ этомъ во многомъ содѣйствовали.

Если въ любезномъ отвѣтѣ почтеннаго генерала была доля правды, то время нахождения моего при императорѣ Вильгельмѣ было время не потерянное. Миръ нуженъ Россіи, а пока сохраняются дружескія отношенія между ею и Германією, не быть войнѣ.

11 февраля 1891 г.

14-го января 1891 года мнѣ было объявлено командующимъ императорскою главною квартирою генераль-адъютантомъ Рихтеромъ Высочайшее повелѣніе состоять при эрцъ-герцогѣ австрійскомъ Францѣ-Фердинандѣ Эсте во время предстоящаго пребыванія его императорскаго королевскаго высочества въ Россіи.

22-го января я отправился въ сопровожденіи флигель-адъютанта Пашкова навстрѣчу его высочества въ Варшаву, гдѣ и представился ему въ Праго-Вислянскомъ вокзалѣ. Эрцъ-герцога сопровождали: генераль-лейтенантъ графъ Иксюль, полковникъ графъ Вурмбрандъ, управляющій его дворомъ, князь Шварценбергъ и князь Гогенлоэ.

Эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ молодой человѣкъ 27 лѣтъ, сынъ эрцъ-герцога Карла-Людвига, брата императора, ожидаемый наслѣдникъ австрійскаго престола.

Не стану подробно описывать время пребыванія эрцъ-герцога въ Петербургѣ и Москвѣ; это былъ непрерывный рядъ празднествъ, обѣдовъ, баловъ, смотровъ войскъ и осмотровъ всѣхъ достопримѣчательностей обѣихъ столицъ.

Государь Императоръ оказывалъ ему все время большое вниманіе; своею простотою, добродушіемъ и прямою онъ произвелъ на Его Величество, Государыню и всю Царскую фамилію весьма благопріятное впечатлѣніе и сумѣлъ завоевать общую симпатію.

Въ первый же день пріѣзда Государь пожаловалъ ему Андреевскую ленту и назначилъ его шефомъ Бугскаго драгунскаго полка, назначеніе это обрадовало несказанно эрцъ-герцога.

Никакое политическое порученіе на него не было возложено, тѣмъ не менѣе фактъ пріѣзда его въ Петербургъ указывалъ ясно на желаніе императора австрійскаго искать сближенія съ русскимъ правительствомъ. Эрцъ-герцогъ оцѣнилъ въ высшей степени оказанное ему Государемъ вниманіе, все видѣнное имъ въ

Россіи произвело на него чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе, и выѣхалъ онъ изъ нашего отечества настоящимъ руссофиломъ. Я увѣренъ, что посѣщеніе имъ Россіи и оказанный ему почетный пріемъ облегчитъ наши дальнѣйшія отношенія къ Австріи. То же мнѣніе выражалъ мнѣ неоднократно сопровождавшій эрцъ-герцога генераль-лейтенантъ графъ Иксюль, другъ графа Кальноки и австрійскаго посла въ Петербургѣ графа Волькенштейна.

Я находился безотлучно при эрцъ-герцогѣ во время его 16-ти-дневнаго пребыванія въ предѣлахъ Россіи, и онъ удостоивалъ меня все время самымъ изысканнымъ вниманіемъ и оказывалъ постоянное довѣріе. Меня въ особенности поразилъ его отзывъ объ императорѣ Вильгельмѣ II. „Этотъ человѣкъ“, сказалъ онъ мнѣ, „хочетъ самовластно управлять всею Европою, забывая, что есть и другіе монархи, столь же могущественные, какъ и онъ, къ тому же несравненно опытные въ веденіи государственныхъ дѣлъ“. „Относительно меня, прибавилъ онъ, „императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ большую безтактность. Въ 1888 году онъ меня пригласилъ на охоту въ Ганноверъ, совершенно упустивъ изъ виду, что едва-ли мнѣ могло быть пріятно встрѣтиться съ нимъ въ этомъ городѣ. Король Ганноверскій, лишенный его дѣдомъ престола, былъ всегда вѣрнымъ другомъ Австріи, и въ настоящее время находящаяся въ изгнаніи, королева Ганноверская пользуется гостепріимствомъ императора Франца-Иосифа и искренною симпатіею австрійскаго императорскаго дома. Пребываніе въ Ганноверѣ оставило во мнѣ настолько непріятное воспоминаніе, что когда въ слѣдующемъ году императоръ Вильгельмъ меня вновь пригласилъ на охоту, я отклонилъ это приглашеніе подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, и съ тѣхъ поръ не видался съ нимъ“.

Въ той же мѣрѣ рѣзко эрцъ-герцогъ осуждалъ непостоянство императора Вильгельма II, только-что отчислившаго графа Вальдерзе отъ должности начальника генеральнаго штаба и уволившаго генерала Лещинскаго (корпуснаго командира) въ отставку.

„При подобной системѣ“,—сказалъ эрцъ-герцогъ, „императоръ рискуетъ потерять самыхъ полезныхъ и вѣрныхъ слугъ“.

Желая мнѣ выразить свою благодарность за мои попеченія и заботы о немъ, эрцъ-герцогъ сдѣлалъ наканунѣ своего отъѣзда визитъ моей женѣ. Она и графиня Волькенштейнъ были единственныя дамы, которыхъ онъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ въ Петербургѣ.

Я сопровождалъ эрцъ-герцога до Варшавы, гдѣ простился съ нимъ 7-го февраля самымъ сердечнымъ образомъ.

На другой день по возвращеніи въ Петербургъ, я представился Государю и отдалъ ему отчетъ о моей командировкѣ. Его Величество удостоилъ меня самаго милостиваго приѣма.

27 марта 1891 г.

Пользуясь свободнымъ временемъ, продолжаю мои записки.

21-го ноября 1891 г.

Сегодня состоялось мое назначеніе членомъ Государственнаго совѣта.

О назначеніи этомъ я узналъ слѣдующимъ образомъ: Приѣхавъ въ Инженерный манежъ, чтобы присутствовать на церковномъ парадѣ л.-гв. Семеновскаго полка, я встрѣтилъ военнаго министра, который мнѣ сказалъ, что онъ по порученію Е. И. В. предсѣдателя Государственнаго Совѣта, во время бывшаго своего 19-го ноября доклада, предупредилъ Государя Императора, что Великій Князь Михаилъ Николаевичъ будетъ ходатайствовать о моемъ назначеніи членомъ Государственнаго Совѣта. „Его Величество“, присовокупилъ генералъ-адъютантъ Ванновскій, „повидимому соглашается на это назначеніе; онъ по-прежнему къ вамъ расположенъ и цѣнитъ вашу службу. Я спрошу сейчасъ Великаго Князя Михаила Николаевича, соизволилъ ли Государь на ваше назначеніе“.

Вслѣдъ за этимъ подошелъ ко мнѣ Великій Князь и объявилъ мнѣ, что Государь Императоръ назначилъ меня членомъ Государственнаго совѣта. „Когда Его Величество подойдетъ къ лицамъ, имѣющимъ представиться ему сегодня“, присовокупилъ Великій Князь, то подойдите къ нему, и принесите Ему вашу благодарность за назначеніе“.

Я такъ и сдѣлалъ. Государь сказалъ мнѣ, что онъ увѣренъ, что я въ званіи члена Государственнаго Совѣта, буду настолько же полезенъ, какъ во всѣхъ-должностяхъ, которыя я прежде занималъ. Къ этому Его Величество прибавилъ, что онъ назначилъ меня въ Департаментъ экономіи.

И такъ, опала съ меня снята!

26-го ноября 1891 г.

Вчера, 25-го ноября, я явился въ первый разъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

Большинство членовъ, въ томъ числѣ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, встрѣтили меня словами, что сердечно рады моему назначенію членомъ Государственнаго Совѣта, и давно ожидали это назначеніе.

Предсѣдательствующіе въ департаментахъ экономіи и законовъ, А. А. Абаза и Е. А. Перетцъ выразили мнѣ, что рѣдко вновь назначенный членъ Государственнаго Совѣта былъ встрѣченъ съ такимъ общимъ сочувствіемъ, какъ я.

Не мало удовольствія сдѣлалъ мнѣ этотъ сочувственный приѣмъ.

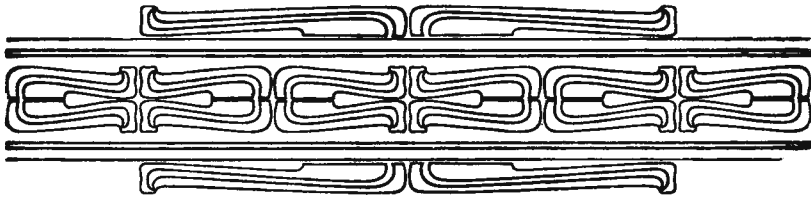
10-го января 1894 г.

Сегодня въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта военный министръ генераль-адъютантъ Ванновскій при встрѣчѣ со мною отнесся ко мнѣ крайне невѣжливо, еле-отвѣтивъ на мой поклонъ. Я этому очень удивился, такъ какъ въ послѣднее время установились между нами вполне приличныя отношенія. Причина этой внезапной перемѣны въ обращеніи тутъ же выяснилась. Министръ путей сообщенія Кривошеинъ (другъ министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново), взявъ меня въ сторону, разсказалъ мнѣ, что по всей вѣроятности мнѣ въ скоромъ времени предстоитъ быть назначеннымъ варшавскимъ генераль-губернаторомъ и Командующимъ войсками Варшавскаго военного округа. Онъ сообщилъ мнѣ, что военнымъ министромъ представлены Государю Императору на этотъ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни генераль-адъютанта Гурко, открывающійся постъ, три кандидата: генераль-адъютантъ Обручевъ, графъ Шуваловъ и князь Имеретинскій, и что Его Величество всѣхъ этихъ кандидатовъ отвергъ. „Несомнѣнно, Государь Императоръ имѣетъ Васъ въ виду“, прибавилъ А. К. Кривошеинъ. (Вѣроятно эти свѣдѣнія имъ были почерпнуты отъ И. Н. Дурново). Я отвѣтилъ ему, что увѣренъ, что не буду назначенъ, и считалъ бы это назначеніе большимъ для себя несчастіемъ; постъ варшавскаго генер.-губери. и команд. войсками крайне трудный, въ особенности при явной ко мнѣ неприязни военного министра.

3-го мая 1895 года по возвращеніи изъ продолжительнаго заграничнаго отпуска я имѣлъ счастье представиться Государю Императору Николаю Александровичу.

Возвращаясь изъ Царскаго Села въ Петербургъ, я ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ ген.-адм. графомъ Шуваловымъ, незадолго передъ этимъ назначеннымъ варшавскимъ генераль-губернаторомъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что когда увольненіе ген.-ад. Гурко отъ должности генераль-губернатора было рѣшено, Его Величеству были представлены два кандидата на этотъ постъ, онъ и я. „Будь ты здоровъ“,—сказалъ Шуваловъ, ты былъ бы назначенъ“. Насколько заявленіе графа вѣрно, не знаю.

(Окончаніе).

Къ исторіи „Литературной Газеты“ барона А. А. Дельвига.

(Изъ архивныхъ разысканій).

Литературная Газета“ бар. А. А. Дельвига существовала въ теченіе 1830-го и половины 1831-го гг. ¹⁾ и была органомъ группы выдающихся русскихъ писателей, считавшихъ литературное поприще своимъ призваніемъ—и призваніемъ много обязывающимъ. Группировались они около Пушкина и барона Дельвига, и художественный вкусъ двухъ поэтовъ-друзей былъ—за рѣдкими исключеніями—непререкаемымъ мѣриломъ значительности того или иного произведенія. Сознавая всю безпринципность такихъ „литературныхъ предпринимателей“, какъ Булгаринъ и Гречъ, и чувствуя нравственную обязанность бороться съ ихъ взглядами и литературными оцѣнками, проникавшими въ широкую публику,—Пушкинъ и его друзья все болѣе проникались убѣжденіемъ, что безъ собственнаго органа борьба эта не дѣйствительна. Началъ было ее Н. А. Полевой въ своемъ „Московскомъ Телеграфѣ“ (съ 1825 г.), лучшимъ журналѣ того времени,—но продолжалось это недолго: оскорбленный нѣсколько презрительнымъ и насмѣшливымъ отношеніемъ къ себѣ „литературныхъ аристократовъ“,—вызваннымъ нападкама журнала на Карамзина, рѣзкой критикой произведеній лучшихъ писателей того времени и поверх-

¹⁾ Впослѣдствіи, съ 1840 г. А. А. Краевскій началъ вновь издавать „Литературную Газету“, служившую продолженіемъ „Литературныхъ прибавленій къ „Русскому Инвалиду“.

ностною энциклопедичностью самого издателя, — къ концу 1820-хъ гг. и Полевой занялъ дружественную позицію по отношенію къ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Сыну Отечества“. Много надеждъ возбудилъ сначала и „Московский Вѣстникъ“ (съ 1827 г.) М. П. Погодина. Пушкинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ организаціи журнала, горячо заботился и о поддержаніи изданія, отдавая въ него цѣлый рядъ своихъ произведеній и усиленно привлекая къ сотрудничеству лучшихъ писателей того времени. Но и въ этомъ случаѣ надежды быстро разсѣялись и наступило разочарованіе: въ журналѣ хотѣли видѣть органъ группы писателей, считавшихъ своею обязанностью распространять правильныя и безпристрастныя воззрѣнія на литературу, Погодинъ же допустилъ рѣзкіе выпады Арцыбышева противъ Карамзина и вообще не хотѣлъ считаться съ мнѣніями нѣкоторыхъ ближайшихъ сотрудниковъ. Имя Пушкина и его друзей все рѣже стало появляться на страницахъ „Московского Вѣстника“, — и безъ того мало популярнаго, — и журналъ замѣтно клонился къ упадку — съ тѣмъ, чтобы въ 1830 г. погибнуть окончательно¹⁾. Но параллельно зарождались новые планы, и чѣмъ болѣе хирѣлъ „Московский Вѣстникъ“, тѣмъ сильнѣе Пушкинъ и его друзья сознавали необходимость созданія собственнаго органа, въ которомъ можно было бы безъ помѣхъ и планомѣрно бороться съ пристрастными, предвзятыми и намѣренно-ложными взглядами „литературныхъ предпринимателей“, къ числу коихъ полемическій задоръ заставлялъ уже присоединить и Н. А. Полевого. Въ концѣ 1829-го г. мысль о такомъ органѣ созрѣла, были предприняты соответствующіе шаги и, при помощи Жуковского²⁾, также сочувствовавшего этой идеѣ, разрѣшеніе на изданіе „Литературной Газеты“ было получено. Весьма трудно было рѣшить вопросъ, кому поручить исполненіе редакторскихъ обязанностей: Пушкину, кн. П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу и др. мѣшали различныя жизненныя условія, и, въ концѣ-концовъ, за редакторство пришлось взяться бар. Дельвигу, хотя онъ менѣе всѣхъ по своему характеру былъ способенъ къ этому дѣлу; въ помощники же ему

¹⁾ Последнія книжки „Моск. Вѣстника“ за 1830 г. вышли въ 1831 г.

²⁾ Бар. А. И. Дельвигъ: „Мои воспоминанія“ — I т. (Москва, 1912 г.), 99 стр. — Воспоминанія эти удивительно точны и правдивы, представляя, повидимому, позднѣйшую переработку дневника: см. различныя сопоставленія свидѣтельствъ бар. А. И. Дельвига съ другими источниками въ примѣчаніяхъ М. Л. Гофмана къ „Дневнику А. Н. Вульфа“ („Пушкинъ и его современники“, XXI—XXII вып., — 1915 г.).

дали О. М. Сомова,—недавняго сотрудника изданій Булгарина и Греча,—но къ тому времени бывшаго уже злѣйшимъ ихъ врагомъ. Дѣло было организовано, и 1-го января 1830-го г. первый номеръ „Литературной Газеты“ вышелъ въ свѣтъ ¹⁾).

Новое изданіе появилось въ тяжелое время,—время расцвѣта николаевского режима и усиленной дѣятельности тайныхъ и явныхъ пружинъ созданнаго Бенкендорфомъ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. На литературу, особенно періодическую, было обращено усиленное вниманіе, и Бенкендорфъ открыто третировалъ издателей журналовъ, не церемонясь съ ними: такъ, напр., въ январѣ 1830-го г. онъ посадилъ на гауптвахту редактора „Славянина“ А. Θ. Воейкова, за напечатаніе въ 1-мъ № журнала стихотворенія: „Цензоръ“ ²⁾). Не церемонился онъ, впоследствии, и съ бар. Дельвигомъ при объясненіи съ нимъ по поводу напечатанныхъ въ „Литературной Газетѣ“ стиховъ Казимира Деламина.—Внушенія и выговоры цензорамъ слѣдовали одни за другими,—и вызываемое этимъ рвеніе заходило нерѣдко такъ далеко, что Главное управленіе цензуры прямо отказывалось понимать доводы цензоровъ о необходимости запрещенія того или иного произведенія, той или иной фразы. Даже Главное управленіе цензуры получало выговоры, хотя во главѣ его стоялъ министръ народнаго просвѣщенія: такъ, напр., по настоянію Бенкендорфа оно получило высочайшій выговоръ за пропускъ статьи: „Общій статистическій взглядъ на Петербургъ“, напечатанной въ 120 и 121-мъ №№ „Сѣвернаго Меркурія“ за 1830-й г. и представлявшей сатирическое изображеніе русскаго чиновничества ³⁾). Въ статьяхъ и литературныхъ произведеніяхъ запрещено было употреблять цѣлый рядъ словъ, и, напр., въ корректурахъ „Литературной Газеты“, чтобы не задерживать выхода номера, приходилось слово „республика“ замѣнять словомъ „общество“, а вмѣсто: „мятежникъ“—писать: „злодѣй“ ⁴⁾).

Кромѣ бар. Дельвига и Сомова—въ изданіи „Литературной Газеты“ ближайшее участіе принимали Пушкинъ и кн. Вяземскій, а обязанности секретаря редакціи исполнялъ В. Н.

¹⁾ Выходила газета чрезъ 5 дней и цензуровалась въ корректурахъ, за исключеніемъ первыхъ номеровъ.

²⁾ Стихотвореніе было подписано: „К. В-ій“ и принадлежало перу кн. Вяземскаго; Воейковъ же заявилъ, что не помнитъ, кто доставилъ стихотвореніе; см. „Записки и дневникъ А. В. Никитенко“ (СПБ., 1904 г.) I т. 199—200 стр.

³⁾ „Русская Старина“ 1901 г. IX кн., 663 стр.

⁴⁾ „Мои воспоминанія“ бар. А. П. Дельвига—I т., 99 стр.

Щастный ¹⁾); помѣщали же въ газетѣ свои произведенія: Боратынскій, Катенинъ, Гоголь, Языковъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, кн. А. И. Одоевскій, А. А. Перовскій (Погорѣльскій), И. А. Крыловъ, И. И. Козловъ, П. А. Плетневъ, А. С. Хомяковъ, Н. В. Станкевичъ, Д. В. Давыдовъ, А. И. Подолинскій, Ѳ. Н. Глинка и др. Несмотря, однако, на столь блестящій составъ сотрудниковъ,—ни внѣшняя, ни внутренняя исторія газеты почти совсѣмъ не изучена ²⁾); только вопросъ объ анонимныхъ статьяхъ Пушкина болѣе или менѣе разработанъ ³⁾). О цензурной же исторіи „Литературной Газеты“ лишь В. В. Стасовъ далъ весьма скудныя свѣдѣнія въ своей анонимной статьѣ: „Цензура въ царствованіе Николая I“ (см. „Русскую Старину“ 1901 г.—IX кн.), да и то лишь о немногихъ эпизодахъ ⁴⁾). Между тѣмъ, почти съ первыхъ номеровъ газеты, цензоры не рѣшались пропускать то одно, то другое произведеніе, и вниманіе цензоровъ, а иногда и Бенкендорфа, привлекали произведенія Пушкина ⁵⁾), кн. Вяземскаго, Катенина, В. И. Туманскаго, кн. А. И. Одоевскаго, Сомова и др.—Настоящимъ очеркомъ мы и имѣемъ въ виду дать свѣдѣнія о цензурныхъ судьбахъ журнальнаго предпріятія Пушкина и его друзей.

¹⁾ П. Н. Полевой: „Листки изъ архива Литературной газеты“ („Историческій Вѣстникъ“ 1886 г., ноябрь).

²⁾ Единственная попытка была сдѣлана В. П. Гаевскимъ въ его работѣ о Дельвигѣ („Современникъ“ 1854 г.—47 г. Критика).

³⁾ Н. О. Лернеръ тщательно проанализировалъ содержаніе „Литературной Газеты“ и доказалъ принадлежность Пушкину ряда замѣтокъ и статей, которыя и вошли въ собр. соч. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова. Въ XXII—XXIV выпускѣ изд. „Пушкинъ и его современники“ (Пг. 1916 г.) М. Л. Гофманъ убѣдительно доказываетъ принадлежность Пушкину еще одной статьи въ 10 № „Литературной Газеты“ 1830 г.—рецензіи на поэму Ѳ. Н. Глинки: „Карелія“. Въ 9 № „Журнала журналовъ“ 1916 г. Н. О. Лернеръ доказываетъ также, что Пушкину же принадлежитъ отзывъ о трагедіи Н. В. Станкевича: „Василій Шуйскій“, помѣщенный въ 38 № „Лит. Газеты“ за 1830 г.

⁴⁾ Принадлежность статьи В. В. Стасову указалъ М. К. Лемке въ своей книгѣ: „Николаевскіе жандармы“—54 стр.

⁵⁾ Въ замѣткѣ Пушкина по поводу его же объявленія о выходѣ въ свѣтъ „Иліады“ въ переводѣ Гнѣдича, напечатанной въ 12 № „Литературной Газеты“, Щегловъ и цензурный комитетъ не хотѣли пропускать фразы о недружелюбныхъ отношеніяхъ Гнѣдича и бар. Дельвига, но Главное управленіе цензуры пропустило ее. Кромѣ того Бенкендорфомъ было возбуждено дѣло изъ-за анонимной замѣтки Пушкина въ 45 № „Литературной Газеты“: „Новыя выходы противу такъ называемой литературной нашей аристократіи...—Найденныя нами дѣла объ этихъ замѣткахъ будутъ напечатаны въ изданіи: „Пушкинъ и его современники“.

Въ 5 № „Литературной Газеты“ отъ 21-го января была помѣщена статья: „О поэзіи Еврейской“, представлявшая отрывокъ изъ „Размышлений и разборовъ“¹⁾ П. А. Катенина, извѣстнаго критика и поэта, убѣжденнаго поклонника и знатока классической литературы. Статья эта привлекла, очевидно, вниманіе какого-либо духовнаго лица,—счешшаго необходимымъ обратить вниманіе начальства на ея характеръ,—т. к. лишь 1-го марта министръ народнаго просвѣщенія обратился къ непосредственному начальнику Спб. цензурнаго комитета—почетителю округа Бороздину со слѣдующимъ неофициальнымъ письмомъ:

„Милостивый государь Константинъ Матвѣевичъ!—Въ № 5 Литературной газеты“ помѣщена статья „О поэзіи Еврейской“, въ которой разсуждается о книгахъ священнаго писанія, какъ о піитическихъ и разбираются онѣ хотя съ похвалою въ семь отношеніи, но какъ сочиненія обыкновенныя, человѣческія, что ослабляетъ должное и истинно христіанской душѣ свойственное уваженіе къ святости слова Божія. По сему я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить Спб. цензурному комитету, чтобы впредь всѣ статбі, заключающія въ себѣ разсужденія о книгахъ священнаго писанія, не были пропускаемы къ напечатанію безъ предварительнаго сообщенія ихъ цензурѣ духовной.—Съ соверш. почт.—кн. Карлъ Ливень“²⁾.

Письмо министра было прочитано Бороздинымъ въ засѣданіи комитета 4-го марта и „принято къ свѣдѣнію и исполненію“.—Но еще ранѣе вниманіе цензора Щеглова уже привлекали произведенія, назначенныя въ „Литературную Газету“. Такъ, въ засѣданіи комитета 4-го февраля разсматривалось стихотвореніе Дениса Давыдова: „Зайцевскому, поэту-моряку“, въ которомъ Щегловъ не хотѣлъ пропускать два стиха:

„О будьте вы оба³⁾ отечества щить, Перунъ вѣковѣчной Державы“...

Щегловъ находилъ, что стихи эти имѣютъ „смыслъ

¹⁾ „Размышленія и разборы“ были начаты еще въ началѣ 1827 г. и первоначально предназначались въ „Сѣверные Цвѣты“: см. „Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину“ со вступительной статьей и примѣчаніями А. А. Чебышева (СПБ., 1911 г.—оттискъ изъ „Русской Старины“). стр. 146 и 161—письма отъ 7-го іюля и отъ 18-го дек. 1829 г.

²⁾ Архивъ Петроградскаго университета. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 37. Дѣло по предложенію г. министра народнаго просвѣщенія о помѣщенной въ № 5-мъ „Литературной Газеты“ статьѣ о поэзіи Еврейской. Нач. 3 марта 1830 г.—конч. 4-го марта.

³⁾ Зайцевскій и Козарскій,—герой войны съ турками въ 1829 г.

весьма преувеличенный“, однако, „не нашелъ себя въ правѣ запрещать подобную гиперболу, какъ вольность, позволенную поэзіи, и потому опредѣлилъ допустить къ напечатанію“¹⁾; 10-го февраля стихотвореніе появилось безъ пропусковъ въ 9 № „Литературной Газеты“.

Въ томъ же засѣданіи комитета 4-го февраля былъ разсмотрѣнъ представленный Щегловымъ „Критическій разборъ письма г. Усова и лекціи г. проф. Соколова“²⁾, вмѣстѣ съ письмомъ автора разбора—„доктора изящныхъ наукъ“ В. Масловича³⁾—къ издателямъ „Литературной Газеты“. Комитетъ не рѣшилъ дѣло, и попечитель округа препроводилъ 7-го февраля разборъ и письмо Масловича въ Главное управленіе цензуры. Въ отношеніи за № 52 онъ указывалъ причины нерѣшительности комитета: „г. Цензоръ объявилъ, что упомянутое письмо состоитъ изъ частнаго разговора [Масловича] съ издателемъ „Сѣверной Пчелы“ при томъ случаѣ, когда онъ ему представлялъ свой разборъ для помѣщенія въ сей газетѣ. Самое же сочиненіе, кромѣ оужденія преподаванія профессора, какъ и принятаго имъ намѣренія читать свои лекціи безденежно, заключаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, отмѣченныхъ карандашемъ, неприличные, по его мнѣнію, отзывы относительно преподаванія наукъ въ русскихъ университетахъ... Засѣданіе комитета, удостоверяясь въ подлинности сего засвидѣтельствowanія, не могло принять на себя одобреніе сочиненія сего къ напечатанію по причинамъ, изложеннымъ отъ г. цензора, и потому опредѣлило представить на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“...⁴⁾. Управленіе разсмотрѣло 19 февр. соч. Ма-

¹⁾ Ibid.—№ 20. „Дѣло о рукописяхъ или статьяхъ, допущенныхъ къ напечатанію засѣданіями комитета по докладу г. цензора Щеглова“. Нач. 4 февр.—конч. 11 ноября.

²⁾ „Письмо въ Нижній Новгородъ“ Степана Усова было напечатано въ 6 № „Сѣверной Пчелы“ отъ 14-го янв. 1830 г. и заключало въ себѣ восторженный отзывъ о первой лекціи „физико-геогностическаго курса“, который бесплатно читался проф. Соколовымъ въ „минеральномъ кабинетѣ Горнаго кадетскаго корпуса“.

³⁾ Вас. Григ. Масловичъ (1793—1841), харьковскій баснописецъ, изд. журнала: „Харьковскій Демокритъ“ (1816 г.) и авт. біографіи А. Н. Нахимова—харьковскаго поэта. Біографич. свѣдѣнія о Масловичѣ даны Н. В. Масловичемъ въ „Русской Старинѣ“ 1892 г., июль—139 стр. Тамъ же помѣщено нѣсколько его басенъ.

⁴⁾ Архивъ Министерства нар. проsv. Цензурныя дѣла 1830 г., карт. X—№ 146875. „Дѣло по представленію попечителя Спб. уч. округа о статьѣ: Критическій разборъ письма г. Усова и лекціи г. Соколова“. Нач. 11 февр.—конч. 26 февр.—Краткія свѣдѣнія о дѣлѣ даны въ упомянутой статьѣ В. В. Стасова („Русская Старина“ 1901 г.—IX кн., 649 стр.).

словича, а 26 февр. министр народнаго просвѣщенія сообщалъ попечителю округа Бороздину, что оно „признало помянутый разборъ позволительнымъ въ цѣлости, нашедъ, что письмо не можетъ быть пропущено къ напечатанію“... 1). Цензурный комитетъ выслушалъ предписаніе министра въ засѣданіи 28-го февр. и опредѣлилъ „удержать означенное письмо при дѣлахъ комитета, а разборъ передать для подписи одобренія г. цензору Щеглову“ 2). Въ „Литературной Газетѣ“ разборъ однако не появился, а былъ напечатанъ въ 14 № „Московского Телеграфа“ за 1830 г. (ценз. помѣта отъ 21-го августа), 190—201 стр., за подписью: „Докт. Масловичъ“. Наивное же письмо „доктора изящныхъ наукъ“ сохранилось при дѣлѣ цензурнаго комитета; текстъ его слѣдующій:

„Поводомъ къ сей критикѣ было письмо г. Усова, напечатанное въ „Сѣверной Пчелѣ“, куда и критика сія адресована была для напечатанія; но г. издатель не принялъ оной!—Генваря 23-го дня по утру пошелъ я самъ къ г. Гречу и подаль ему бумагу, которую сочинялъ я болѣе двухъ дней. Онъ, будучи занятъ чрезвычайно своими дѣлами, взглянулъ на мою бумагу бѣгомъ и, отдавая мнѣ оную назадъ, сказалъ: „нельзя ее напечатать въ „Сѣв. Пчелѣ“, ибо она писана бранчивымъ тономъ“! Цомидуйте, Николай Ивановичъ, разсмотрите повнятнѣе! Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго признака брани! Онъ взглянулъ еще нѣсколько секундъ на бумагу и сказалъ: „нѣтъ, тонъ слишкомъ суровъ! Слава Богу, что у насъ начинаютъ заводиться такыя просвѣтители! а вы уже вздумали ихъ критиковать! г. Соколовъ разгнѣвается и будущій годъ не станетъ преподавать своего чтенія безденежно“. Да это бы хорошо, отвѣчалъ я,—по крайней мѣрѣ простая публика не вводилась бы въ заблужденіе ложными мнѣніями о физическихъ наукахъ. Загляните еще разъ въ тетрадку!—и вы увидите, что изъ всей лекціи г. Соколова нѣтъ ни одного положенія справедливаго! „Какъ!—воскликнулъ онъ, поднявъ очки къверху,—я самъ знаю величайшую пользу публичныхъ чтеній! Лѣтъ тому 30 назадъ, когда мнѣ было отъ роду 15 лѣтъ, посѣщалъ я Академическія лекціи покойныхъ академикомъ: Озерецковскаго и Севергина, и довольно узналъ изъ зоологіи и минералогіи“. Какъ я слабъ въ сихъ наукахъ,

1) Архивъ Петрогр. унив. „Дѣла Спб. ценз. комитета 1830 г.—№ 22. „Дѣло по представленію г. цензора Щеглова о статьѣ подъ заглавіемъ: „Критич. разборъ письма г. Усова и лекціи профессора Соколова“. Нач. 4 февр.—конч. 28 февр.

2) Ibid.

то не могъ ничего возразить г. Гречу, а сказалъ ему, что я хотѣлъ сдѣлать честь вашему журналу своею критикою, но если вамъ не угодно, то я надѣюсь, что она помѣщена будетъ въ „Литературную Газету“. „Извольте помѣщать, отвѣчалъ г. Грець, — этой газеты никто и въ руки не беретъ; и вава критика останется безгласной!“—Пришедши къ моимъ пріятелямъ-землякамъ, рассказалъ я имъ о моемъ сношеніи съ г. Гречемъ; и они дивились наипаче зоологическому его знанію!—Въ одномъ № „С. Пчелы“ написано: „Наша пчела будетъ употреблять жало свое на уничтоженіе трутней, пауковъ и другихъ бесполезныхъ насѣкомыхъ“. Итакъ издатели „С. Пчелы“ имѣютъ совершенно ложное понятіе о пчелѣ! Они думаютъ—по деревенскому толку,—что трутни бесполезны для рабочихъ пчелъ,—ѣдятъ только ихъ медъ и ничего не дѣлаютъ; а посему пчелы не терпятъ ихъ въ своемъ ульѣ и убиваютъ.—Вотъ мнѣніе достойное просвѣщенныхъ журналистовъ! Имъ неизвѣстно, что трутни суть самцы одной самки-матки, которая безъ нихъ не могла бы класть своихъ яичекъ и выводить роя пчелъ, но они, такъ какъ и большая часть изъ насѣкомыхъ самцовъ, послѣ совокупленія съ самкою умираютъ.—Чувствуя справедливость и пользу моей критики, я обращаюсь къ издателямъ „Литературной Газеты“ и прошу принять оную въ свое изданіе! Но ежели, подобно г. Гречу, отринуть и они (чего я не ожидаю) усердное мое приношеніе, то я попрошу моихъ пріятелей-земляковъ перевести критическій сей разборъ на нѣмецкій и французскій языки и пошлю оный къ иностраннымъ газетчикамъ, для публикованія во всей Европѣ—В. М.“.

Запрещая письмо такого невиннаго содержанія, цензурное вѣдомство должно было, конечно, не менѣе строго отнестись и ко второй части анонимной статьи кн. П. А. Вяземскаго: „О московскихъ журналахъ“, заключавшей въ себѣ дѣйствительно рѣзкіе выпады противъ Н. А. Полевого и его „Московского Телеграфа“. Первая часть статьи, помѣщенная въ 8 № „Литературной Газеты“ отъ 5-го февраля, была посвящена разбору вышедшихъ въ 1830 г. книжекъ „Дамскаго Журнала“ и „Москов. Вѣстника“, но въ концѣ ея кн. Вяземскій началъ уже нападеніе на Н. А. Полевого, замѣчая, что запозданіе выхода „Московского Телеграфа“ весьма странно, также какъ и посвященіе „Исторіи русскаго народа“ Нибуру ¹⁾. Вторая же часть

¹⁾ Начало статьи, появившееся въ „Литературной Газетѣ“, почему-то не вошло въ „полное“ собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, хотя принадлеж-

статьи, хотя и заключала въ себѣ разборъ „Московского Телеграфа“, „Вѣстника Европы“—Каченовскаго и „Атеней“—Павлова,—однако въ сущности была почти цѣликомъ направлена противъ Полевого. Рѣзкость тона статьи, конечно, сразу же привлекла вниманіе цензора и предрѣшила ея судьбу.—По разсмотрѣніи цензурнымъ комитетомъ въ засѣданіи 18-го февр.—она была препровождена 25 февр. въ Главное управленіе цензуры, при чѣмъ попечитель округа сообщалъ въ отношеніи за № 88, что „Щегловъ представилъ оную на разсужденіе комитета, не рѣшаясь самъ по себѣ допустить къ напечатанію потому, что многія изъ предлагаемыхъ сужденій не столько относятся къ журналамъ, сколько къ самимъ издателямъ оныхъ. Засѣданіе комитета, соображая отмѣченныя въ рукописи мѣста, признало съ своей стороны, что, по свойству каждаго сочиненія полемическаго, сужденія о произведеніи какомъ-либо необходимо сливаются съ сужденіями о самомъ авторѣ; и поелику разность между оними состоитъ нерѣдко въ одномъ обращеніи словъ къ лицу, или предмету, то подобныя критики неоднократно до сего времени пропускаемы были цензурою: въ настоящемъ же случаѣ, когда полемика журналовъ обратила на себя вниманіе правительства, засѣданіе комитета признало нужнымъ испросить на упомянутую статью разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“¹⁾.—Статья была разсмотрѣна въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры 26-го февр., а 5-го марта министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ попечителю округа, что „нѣкоторыя мѣста надлежитъ исключить изъ оной, но, по неудобству произвести таковое исключеніе, [Главное упр. ценз.] призналъ за лучшее

ность статьи кн. Вяземскому была указана С. И. Пономаревымъ въ его „Указатель соч. кн. Вяземскаго“ („Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. Наукъ“—XX т. (1880 г.) 87 стр.). Кроме того самъ кн. Вяземскій въ экземплярѣ „Литературной Газеты“, посланномъ имъ А. П. Тургеневу, написалъ противъ статьи: „О Московскихъ журналахъ“: „моя“ (см. А. А. *Омнинъ*: „Къ вопросу объ авторахъ неподписанныхъ статей въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г.“—въ „Русскомъ Библіофилѣ“ 1914 г.—апрѣль, 49 стр.—и отдѣльно: „Памяти Пушкина“—СПБ., 1914 г.,—15 стр.). Вторая же часть статьи, запрещенная цензурой, была напечатана во II т. собр. соч. кн. Вяземскаго, 121—132 стр., но безъ всякаго упоминанія о судьбѣ статьи и о появленіи въ печати начала ея.

¹⁾ Архивъ Министерства нар. проsv. Цензурныя дѣла 1830 г.—карт. X, № 146883. „Дѣло по представленію попечителя СІВ. уч. округа о статьѣ подъ названіемъ: „О московскихъ журналахъ“. Нач. 26 февр.— конч. 5 марта.

не давать дозволенія на напечатаніе оной“¹⁾.—Цензурный комитетъ выслушалъ 7-го марта это предписаніе и постановилъ „удержать означенную рукопись при дѣлахъ комитета“²⁾. Рукопись статьи, увидѣвшей свѣтъ лишь черезъ 50 съ лишнимъ лѣтъ, сохранилась при дѣлѣ, и цензорскія помѣтки въ ней даютъ возможность установить, что именно вызвало запрещеніе³⁾.

Карандашъ цензора отмѣтилъ прежде всего почти всѣ мѣста, заключающія въ себѣ выпады противъ Полевого, какъ историка.—Извѣстно, какъ многочисленны, рѣзки и часто несправедливы были нападки на „Исторію русскаго народа“. „Литературная Газета“—почти съ первыхъ номеровъ ея—взяла рѣзко-отрицательный тонъ по отношенію къ Полевому, и началъ эту войну въ 4 № Пушкинъ—своей первой статьей строгаго разбора „Исторіи русскаго народа“⁴⁾. Кн. Вяземскій особенно враждебно относился къ Полевому и больше другихъ имѣлъ къ тому оснований. Онъ былъ главнымъ вдохновителемъ „Моск. Телеграфа“ въ первые годы существованія журнала, и Полевой всегда обращался къ нему за совѣтами, давалъ на просмотръ свои работы и безпрекословно вносилъ въ нихъ указываемыя измѣненія⁵⁾; но чѣмъ болѣе опредѣлялся успѣхъ журнала, чѣмъ тверже становилась почва подъ ногами Полевого, тѣмъ менѣе ощущалъ онъ потребность въ постороннемъ руководителѣ; все болѣе и болѣе удаляясь отъ кн. Вяземскаго, онъ сталъ допускать въ „Московскомъ Телеграфѣ“ рѣзкую критику „Исторіи“ Карамзина, произведеній Пушкина, бар. Дельвига и его самого; критика Н. А. Полевого на XII-й посмертный томъ „Исторіи“ Карамзина, изданный въ 1829 г. друзьями покойнаго исторіографа—Д. Н. Блу-

¹⁾ Архивъ Петроградскаго унив. Дѣла СПБ. ценз. комитета 1830 г.—№ 32. „Дѣло по докладу г. цензора Щеглова о назначенной для помѣщенія въ „Литературной Газетѣ“ статьѣ: „О московскихъ журналахъ“ и потомъ запрещенной Главнымъ упр. цензуры къ напечатанію“. Нач. 18 февр.—кон. 7-го марта.

²⁾ Ibid.

³⁾ Въ собр. соч. кн. Вяземскаго статья напечатана—вѣроятно съ оригинала—вноснѣ сходно съ копіей, отданной въ цензуру и сохранившейся при дѣлѣ.

⁴⁾ Вторая статья разбора была помѣщена въ 12 № „Литературной Газеты“, а въ бумагахъ Пушкина сохранилась программа и третьей статьи (см. собр. соч. подъ ред. С. А. Венгерова—IV т., 542—545 стр.).—И кромѣ этого Пушкинъ не разъ высказывалъ свое рѣзко-отрицательное отношеніе къ труду Полевого-историка.

⁵⁾ См. „Записки Кс. Полеваго“ (СПБ., 1888 г.), 104—109, 116, 126—127 и 166 стр.

довымъ и К. С. Сербиновичемъ, послужила поводомъ къ окончательному разрыву съ кн. Вяземскимъ, страстнымъ поклонникомъ „Исторіи Государства Россійскаго“¹⁾: къ 1830 г. отношенія между ними были уже открыто враждебными.—Въ мѣстахъ своей статьи, отчеркнутыхъ цензоромъ, кн. Вяземскій дѣйствительно не щадитъ Полевого. Такъ, говоря о нападкахъ на издателя „Московскаго Телеграфа“ за приложеніе къ журналу картинокъ модъ, онъ замѣчаетъ, что обвиненія могутъ еще болѣе усиливаться теперь, „когда вспомнишь, что русскій законодатель портнихъ и модистокъ есть въ одно время и историкъ русскаго народа“... „Обѣщаніе довести исторію до нашего времени есть та же *разкрашенная выѣвка*“²⁾... Современная исторія нигдѣ не доступна, особливо же у насъ... Историкъ, который добровольно берется перефразировать „Московскія Вѣдомости“, писать о томъ, о чемъ писать невозможно, и выдавать свою книгопродавческую работу за исторію, тотъ накидываетъ большое подозрѣніе на свой историческій характеръ и на свою историческую добросовѣстность. Отказываясь вѣрить ему въ одномъ, трудно довѣрять ему и тамъ, гдѣ онъ могъ бы свободно излагать свое мнѣніе. Несбыточныя обѣщанія изобличаютъ по крайней мѣрѣ неосновательность ума, если не хвастовство и не шарлатанство; но и одной неосновательности довольно, чтобы отбить вѣру и уваженіе“³⁾... Указывая далѣе, что рѣзкія критическія нападки на Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ подготовили и появленіе „Исторіи русскаго народа“,—кн. Вяземскій считаетъ, что „г. Полевой поступилъ неблагодарно: слѣдовало ему посвятить твореніе свое не Нибуру, а *Каченовскому и Арцыбашеву*. Они удобрили ниву, на которой онъ собираетъ жатву: они вложили въ него мысль и усердіе обработать ее. Въ политическомъ мірѣ анархія ведетъ къ деспотизму: въ литературномъ мірѣ низпроверженіе законовъ изящности, анархическое своеволие есть также вступленіе къ лжецарствію невѣжества“⁴⁾...

1) Ibid., 291—293 стр.

2) Курсивъ вездѣ кн. Вяземскаго.

3) Слова эти почти буквально повторены кн. Вяземскимъ въ его анонимной статьѣ: „О нашихъ медо-литературныхъ журналахъ“ („Лит. Газета“ 1830 г.—35 №—пенз. помѣта отъ 19 іюня,—282 стр.).

4) Повторено въ статьѣ: „Объясненіе нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ литературныхъ“, статья II-ая („Лит. Газета“ 1830 г., 31 № — ц. п. отъ 30 мая.—251 стр.: см. также „Собр. сочиненій“ кн. П. А. Вяземскаго, II т. 147 стр.).

Отмѣтили цензоръ и характеристики „Московского Телеграфа“ и его издателя.—Считая отдѣлъ переводной литературы въ журналѣ образцовымъ, кн. Вяземскій полагаетъ, однако, что „въ составъ уложенія критики отечественной не входятъ ни добросовѣтность, ни вкусъ, который также есть совѣсть эстетическая. Приговоры, произносимые издателемъ, отзываются всегда пристрастіями, лицепріятіями *экстреннаго суда*, руководствующагося не внутреннимъ убѣжденіемъ, не коренными законами, а одною силою обстоятельствъ и личныхъ отношеній. Это настоящій революціонный трибуналъ: опалы, торжества, казни, апофеозы, дѣйствія и противодѣйствія смѣняются и примѣняются съ непрерывнымъ противорѣчіемъ, съ примѣрною забывчивостію къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, однимъ и тѣмъ же дѣламъ, смотря по времени и постороннимъ принадлежностямъ. Правда и то, что жертвы сего трибунала могутъ сказать ему: „Les gens que vous tuez se portent assez bien!“.. Указавъ затѣмъ на отсутствіе у издателя вкуса, который можетъ быть лишь врожденъ человѣку, кн. Вяземскій даетъ убійственную и въ цѣломъ, конечно, несправедливую характеристику Полевого: „Знающимъ г-на Полеваго извѣстно по изустнымъ и письменнымъ свидѣтельствамъ, что фундаментальное невѣдѣніе его въ первыхъ литературскихъ познаніяхъ доходить до границъ баснословнаго невѣроятія: образованіе его совершенно практическое и оно ровесникъ „Московскому Телеграфу“, которому не болѣе шести лѣтъ. По этому возрѣнію г. Полевой относительно къ нему самому приносить честь русскому имени, и мы охотно, безъ малѣйшаго эпиграмматическаго подразумѣнія, подтвердимъ слова умнаго человѣка, который называлъ его: представителемъ русской промышленности. Но изъ того, что онъ неимовѣрно многому научился для себя, не слѣдуетъ, чтобы онъ зналъ многое въ отношеніи къ литературѣ нашей. Жаль, что, не постигнувъ выгоды положенія своего, не умѣлъ и не хотѣлъ онъ благоразумнѣйшею умѣренностію, расчетливымъ ограниченіемъ дѣйствій своихъ въ мѣрномъ кругу сосредоточить силы и дарованія свои. Теперь, если г. Полевой и принадлежитъ какой-нибудь школѣ, то развѣ Суворовской, которая не терпѣла *не могузнайки*. И въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ умственномъ и ученномъ мірѣ ни одного запроса, отъ коего зацпнулся бы онъ. Читателямъ нашимъ вѣроятно не покажется неумѣтнымъ, что мы нѣсколько разпространились въ характеристикѣ г. Полеваго. По способностямъ и погрѣшностямъ своимъ, по многимъ дѣйствіямъ благонамѣреннымъ и по злоупотребленіямъ своимъ,

по ролю, которую онъ играетъ въ современной эпохѣ словесности нашей, онъ любопытный предметъ изслѣдованія, изученія и указаній. Смѣемъ надѣяться, что мы въ обрисовкѣ своей не отступили отъ безпристрастія и добросовѣстности; желали бы мы надѣяться, что безкорыстныя, откровенныя указанія наши послужатъ въ пользу“...

Кромѣ этихъ характеристикъ вниманіе цензора привлекли еще двѣ фразы статьи: въ первой изъ нихъ, говоря о помѣщенномъ въ 1 № „Вѣстника Европы“ анонимномъ отрывкѣ изъ „Опыта о романтической поэзіи“ Н. И. Надеждина, кн. Вяземскій выражаетъ удивленіе, „что журналистъ [т. е. Каченовскій], предлагающій читателямъ своимъ сочиненія, писанныя подобнымъ языкомъ, сочиненія, гдѣ слова и выраженія низкія и высокопарныя, витійство семинарійское и краснобайство площадное воють разногласно, могъ когда-нибудь почитаемъ быть судіею и знатокомъ въ русской словесности“; вторую фразу кн. Вяземскій бросаетъ при разборѣ „Атенея“, разсуждая о разницѣ между полемикой и критикой: „Впрочемъ, говоритъ онъ, и полемика полемикѣ и споръ спору рознь. Между равно благовоспитанными, образованными людьми нерѣдко и въ спорѣ бываетъ обмѣнъ насмѣшекъ, колкостей, но изъ того не слѣдуетъ, что споръ въ гостиниѣ между благовоспитанными людьми есть одно и то же, что споръ въ сѣняхъ между лакеями, или на улицѣ между черни“¹⁾. Фраза эта весьма характерна для „литературныхъ аристократовъ“ пушкинскаго круга²⁾ и напоминаетъ извѣстную шутку о „трехъ исторіяхъ“ (въ 10 № „Лит. Газеты“ за 1830 г.), приписываемую Пушкину.

¹⁾ Ту же мысль кн. Вяземскій повторяетъ и развиваетъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ о Полемикѣ“ („Лит. Газета“ 1830 г., 18 №—ц. п. отъ 26-го марта, 143 стр.).

²⁾ Терминъ „Литературная аристократія“ приходится брать въ кавычки потому, что Полевымъ и Булгаринымъ ему была придана насмѣшливая окраска; Пушкинъ и его друзья возставали поэтому противъ примѣненія термина къ нимъ; кн. Вяземскій писалъ, напр., 23 янв. 1831 г. М. А. Максимовичу: „Охота вамъ держаться терминологіи вралей и вслѣдъ за ними твердить о литературной аристократіи, объ аристократіи [Литературной] Газеты“ („Сборн. отд. русскаго языка и слов. Академіи Наукъ“ XX т. (1880 г.) № 5, 156 стр.). Подробно касается вопроса о „литературной“ аристократіи кн. Вяземскій въ первой части своей статьи: „Объясненіе нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ литературныхъ“ („Лит. Газ.“ 1830 г., 23 №—ц. п. отъ 20 апр.—и во II т. собр. соч. кн. Вяземскаго, 156—165 стр.).

Внимание „усерднаго“ цензора привлекло, между прочимъ, и одно анонимное стихотвореніе декабриста кн. А. И. Одоевскаго, бывшаго тогда въ ссылкѣ—въ Читѣ. Вопреки утверженію біографовъ поэта, указывавшихъ, что съ 1825 по 1838 г. въ печати не появлялось ни одно произведеніе князя ¹⁾,—въ „Литературной Газетѣ“ было напечатано нѣсколько его стихотвореній, но, конечно, безъ подписи. Безъ подписи было и стихотвореніе: „Плѣнникъ, элегія—В. И. Ланской“ ²⁾ („Что вы печальны, дѣти сновъ“...), представленное въ цензуру въ мартѣ 1830 г. Въ засѣданіи цензурнаго комитета 28 марта „Щегловъ представилъ оную [статью] на разрѣшеніе комитета, находя весьма темною по содержанію, такъ что трудно усмотрѣть дѣйствительное намѣреніе сочинителя. При семь г. цензоръ, надворный совѣтникъ Гаевскій объявилъ, что онъ, съ своей стороны, полагаетъ неприличнымъ такую статью печатать въ газетѣ, обращающейся во всеобщемъ употребленіи: но г. предѣдатель [Бороздинъ] и гг. цензоры Бутырскій и Щегловъ [sic!] большинствомъ голосовъ рѣшили допустить къ напечатанію, какъ не заключающую въ себѣ явнаго смысла, противнаго правиламъ устава о цензурѣ“ ³⁾. Появилось, однако, стихотвореніе лишь въ 52 № „Литературной Газеты“ отъ 13-го сентября 1830 г. и безъ посвященія В. И. Ланской ⁴⁾.

Особенно бдительное вниманіе должна была проявлять цензура по отношенію къ статьямъ и литературнымъ произведе-

¹⁾ См., напр., біографич. очеркъ при собр. соч. кн. А. И. Одоевскаго (СПб., 1893 г.,—приложеніе къ журналу „Сѣверъ“), составленный М. Н. Мазаевымъ, XI стр.

²⁾ Варвара Ив. Ланская (род. ок. 1800 г., † въ 1844 г.), дочь кн. Ив. Ив. Одоевскаго, двоюроднаго брата отца поэта. Ея переписка съ О. М. Свистуновой, ярко рисующая грибоѣдовскіе прототипы московскаго общества, напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1874—1875 г.г.

³⁾ Архивъ Петрогр. унив. Дѣла Спб. ценз. комитета 1830 г. — № 20. „Дѣло“ о статьяхъ, пропущенныхъ комитетомъ по докладамъ Щеглова.

⁴⁾ Напечатано это стихотвореніе и въ собраніяхъ соч. кн. А. И. Одоевскаго—1883 и 1893 г.г., но съ другимъ заглавіемъ: „Элегія“ (дата „Чита—1830 г.“) и съ нѣкоторыми вариантами: такъ—во второмъ стихѣ читается: „летучей жизни...“, а въ „Литературной Газетѣ“: „безпвѣтной жизни...“; въ 76 стихѣ: „чуждый міръ...“, въ „Лит. Газетѣ“ же: „чудный міръ...“; кромѣ того въ „Литературной Газетѣ“ нѣтъ заключительной строфы:

„Въ лазурь небесъ восходитъ зданье:
Оно незримо. каждый день,
Трудами возростаеъ вѣка;
Но со ступени на ступень
Вѣка возводятъ человекъ“.

ніямъ, такъ или иначе касавшимся политическихъ событій, разыгрывавшихся на Западѣ. Іюльская революція во Франціи, вызвавшая замѣну одной династіи другою, и введеніе иной формы правленія, испугала правительство и у насъ, вызвавъ рядъ репрессій и предупредительныхъ мѣръ. Дѣлалось все возможное, чтобы отклики парижскихъ событій и послѣдовавшихъ народныхъ волненій въ разныхъ концахъ Европы не проникли въ Россію,—и прежде всего, конечно, было обращено вниманіе на печать. Уже 4-го августа генераль-адъютантъ кн. Ливень официально сообщилъ своему брату,—министру народнаго просвѣщенія, что по высочайшему повелѣнію всякія извѣстія о Франціи могутъ быть заимствованы лишь изъ нѣмецкой газеты: „Preussische Staats Zeitung“, всѣ нужныя свѣдѣнія изъ которой будутъ помѣщаться въ официальномъ изданіи: „Journal de St.-Petersbourg“ ¹⁾. Министръ народнаго просвѣщенія кн. Ливень 4-го же августа сдѣлалъ соотвѣтствующее предписаніе цензурнымъ комитетамъ, а 27-го августа напоминалъ попечителю Спб. учебнаго округа Бороздину, что политическія свѣдѣнія могутъ печататься только въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Сынѣ Отечества“ ²⁾.

Между тѣмъ въ концѣ 61-го № „Литературной Газеты“ отъ 28 октября 1830 г. была помѣщена слѣдующая замѣтка: „Вотъ новые четыре стиха Казимира де-ла Виня, на памятникъ, который въ Парижѣ предполагають воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля:

„France, dis-moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funebre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître“ ³⁾.

¹⁾ „Русская Старина“ 1901 г.—IX кн., 662 стр.—Братъ министра народнаго просвѣщенія генераль-адъютантъ князь Ливень былъ, между прочимъ, женатъ на сестрѣ Бенкендорфа (ibid.—656 стр.), знаменитой женщиной-дипломаткѣ.

²⁾ Архивъ Петроградскаго Унив. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 72. Дѣло по представленію г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы цензурный комитетъ позволялъ печатать въ поврежденныхъ изданіяхъ о Франціи только тѣ политическія статьи, кои помѣщены будутъ въ журналѣ de St.-Petersbourg politique et litteraire.—Здѣсь же о доставленіи всѣмъ цензорамъ по экземпляру журнала“.

³⁾ Т. е.: „Франція, скажи мнѣ ихъ имена? Я ихъ не вижу на этомъ печальномъ памятникѣ. Они такъ скоро побѣдили, что ты была свободна раньше, чѣмъ успѣла ихъ узнать“.

Пропущено было это четверостишіе цензоромъ Семеновымъ, — незадолго, лишь, передъ тѣмъ поступившимъ на службу ¹⁾, и на страницы „Литературной Газеты“ попало совершенно случайно, — только для того, чтобы заполнить остававшееся пустое мѣсто въ номерѣ: сообщено же оно было бар. Дельвигу кѣмъ-то изъ его знакомыхъ въ письмѣ изъ Парижа ²⁾. Уже 30-го октября Бенкендорфъ писалъ министру нар. просв. кн. Ливену за № 4222-мъ:

„Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичъ! По лежащей на мнѣ прямой обязанности нахожусь принужденнымъ обратить вниманіе Вашей Свѣтлости на нѣкоторыя неумѣстныя статьи, помѣщенныя въ выходящихъ здѣсь періодическихъ изданійхъ и на небрежность цензуры. — 1) Въ 61-мъ номерѣ „Литературной Газеты“, прилагаемомъ при семъ, помѣщены, ни къ какой статьѣ, четыре стиха Казимира де-ла Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагають воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля. Прошу покорнѣйше Вашу Свѣтлость почтить меня увѣдомленіемъ, для доклада Государю Императору, кто именно прислалъ сіи стихи къ напечатанію и какими правилами руководствовался цензоръ, позволивъ напечатать въ русской газетѣ, *на французскомъ языкѣ*, стихи, коихъ содержаніе, мягко сказать, неприлично и можетъ служить поводомъ къ различнымъ неблагоприятнымъ толкамъ и сужденіямъ. 2) Въ французскомъ журналѣ: „Le Furet“ помѣщаются часто статьи совершенно неумѣстныя, какъ, напримѣръ, въ прилагаемомъ при семъ [86] номерѣ, статья: „Le Prince Royal de France à l'auberge“. Не благоугодно-ли будетъ Вашей Свѣтлости приказать, чтобы на сіе обращено было особенное вниманіе цензуры. — 3) г. Цензору Семенову должно быть извѣстно, что по приказанію моему сообщаются издателямъ „Сѣверной Пчелы“, для помѣщенія въ ихъ газетѣ, разныя офиціальныя свѣдѣнія и статьи. Между тѣмъ г. Семеновъ, къ крайнему моему удивленію, позволилъ напечатать въ „Литературной газетѣ“ замѣчанія о мнимой будто бы ложности сихъ извѣстій ³⁾. Сіе

¹⁾ Онъ занялъ мѣсто Сербиновича, назначеннаго въ іюлѣ мѣсяцѣ начальникомъ 3-го отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія (см. дѣла цenz. комитета — №№ 62 и 69); цензуровать же „Литературную Газету“ Семеновъ началъ съ 46 № ея — отъ 14-го августа.

²⁾ Бар. А. И. Дельвигъ: „Мои воспоминанія“ I т., III стр.

³⁾ Въ 59 № „Литературной Газеты“ отъ 18-го октября была помѣщена рецензія на книжку проф. Н. П. Щеглова: „Краткое наставленіе о употребленіи хлористыхъ соединеній, для предохраненія... отъ заразитель-

кажется мнѣ неприличнымъ, ибо ослабляетъ довѣріе публики къ извѣстіямъ, кои правительство находитъ нужнымъ сообщать къ ея успокоенію.—Въ ожиданіи благосклоннаго Вашего отвѣта, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ... А. Бенкендорфъ“¹⁾).

Кн. Ливенъ въ отношеніи отъ 31-го октября—за № 399-мъ—сообщилъ содержаніе письма Бенкендорфа попечителю округа и просилъ его во 1) потребовать объясненія отъ издателя „Литературной Газеты“ и отъ цензора Семенова, во 2) сдѣлать распоряженіе по поводу неумѣстныхъ статей „Le Furet“ и въ 3) „поставить на видъ Семенову неприличіе дозволенія“ замѣтки „Литературной Газеты“, указывавшей на недостоверность офици-

ныхъ и зловонныхъ веществъ“ (Спб., 1830 г.), восхвалявшая Щеглова за бесплатное распространеніе этой книги и за бесплатную же раздачу хлористыхъ соединеній, приготовленныхъ имъ въ лабораторіи университета; въ послѣсловіи къ рецензіи приводился отрывокъ письма изъ Астрахани отъ 18 сент., гдѣ сообщалось, что въ замѣткѣ „Сѣверной Пчелы“ (отъ 28 авг.—103 №) о холерной эпидеміи въ Поволжѣ сильно преувеличены размѣры эпидеміи въ Астрахани: доказывалъ это авторъ письма точными данными „официальныхъ бумагъ“. Въ заключеніи,—послѣ отрывка изъ письма,—замѣчалось: „жаль, что непростительно пугаютъ робкихъ слушателей и читателей преувеличенными ужасами; тогда какъ въ настоящемъ самыя предписанія врачей совѣтуютъ всемъ спокойствіе духа и остерегаютъ отъ страха и унынія“.—Издатели „Сѣверной Пчелы“ отвѣчали „увѣдомленіемъ“ (въ 126 № отъ 21 октября), гдѣ, нападая, по своему обыкновенію, на „брань и нелитературныя выходки.. такъ называемой „Литературной Газеты“, извѣщали, что „они не помѣщаютъ въ своей газетѣ никакихъ *частныхъ* увѣдомленій о ходѣ и распространеніи холеры, а печатаютъ одни тѣ извѣстія, которыя сообщаются имъ *официально* высшимъ правительствомъ, извлеченныя изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ“... Попутно высказывалось сомнѣніе въ самомъ существованіи письма, цитированнаго въ „Литературной Газетѣ“. Закончилась полемика замѣткой въ 60 № „Литературной Газеты“ отъ 23 окт., гдѣ издатель ея приглашалъ „издателей „С. Пчелы“ собственными глазами убѣдиться въ достовѣрности и официальности сего письма“.

¹⁾ Архивъ министерства нар. проsv. Цензурныя дѣла 1830 г., карт. XIV,—№ 146974. „Дѣло по отношенію ген.-адъют. Бенкендорфа о четырехъ стихахъ, помѣщенныхъ въ „Литературной Газетѣ“, соч. Казимира де-ла Виня. Тутъ же о запрещеніи изданія „Литературной Газеты“ и о позволеніи продолжать оную г. Сомову“. Нач. 31 окт. конч. 15 дек.—О содержаніи заключающихся въ дѣлѣ объясненій Семенова и бар. Дельвига и переписки Бенкендорфа съ кн. Ливеномъ даетъ скучныя свѣдѣнія В. В. Стасовъ, но не указываетъ источника ихъ („Русская Старина“ 1901 г. IX кн., 662 стр.). См. также Д. Юбеко: „Императ. Царскосельскій Лицей“ (Спб., 1911 г.), 318—320 стр.

ціальныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ „Сѣверной Пчелой“ ¹⁾. Попечитель въ тотъ же день писалъ барону Дельвигу, за № 239-мъ:

„Милостивый государь мой Антонъ Антоновичъ! г. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, въ отношеніи къ г. министру народнаго просвѣщенія отъ сего 30 октября, изъяснивъ, что въ № 61 „Литературной Газеты“ помѣщены ни къ какой статѣ четыре стиха Казимира де-ла Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29 іюля, проситъ объ увѣдомленіи для доклада Государю Императору, кто именно прислалъ сіи стихи къ напечатанію и какими правилами руководствовался цензоръ, позволивъ напечатать въ русской газетѣ стихи на французскомъ языкѣ, коихъ содержаніе (мягко сказать) неприлично и можетъ служить поводомъ къ различнымъ неблаговиднымъ толкамъ и сужденіямъ. Въ слѣдствіе сего я васъ покорнѣйше прошу, милостивый государь мой, доставить въ скорѣйшемъ времени по сему случаю объясненіе для донесенія г. министру народнаго просвѣщенія. Съ истиннымъ почтеніемъ... К. Бороздинъ“ ²⁾.

Бар. Дельвигъ отвѣчалъ того же „октября 31-го дня 1830 года“:

„Милостивый Государь Константинъ Матвѣевичъ! На почтеннѣйшее отношеніе Вашего Превосходительства за № 239 симъ имѣю честь отвѣтствовать, что четыре стиха извѣстнаго Французскаго Поэта Казимира де - ла Виня, напечатанные въ № 61 издаваемой мною „Литературной Газеты“ и полавшіе поводъ къ запросу г. Генераль-Адъютанта Бенкендорфа, доставлены мнѣ отъ неизвѣстнаго, какъ произведеніе поэзіи, имѣющее достоинство новости. А какъ „Литературная Газета“ имѣетъ въ виду сообщать единственно новости чисто-литературныя, безъ всякаго ихъ примѣненія къ обстоятельствамъ или отношеніямъ какимъ бы то ни было; что читатели могли замѣтить изъ доселѣ вышедшихъ №№ оной; то я и представилъ сіе четверостишіе на разсмотрѣніе цензуры, закон-

¹⁾ Архивъ Петрогр. унив. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 69. „Дѣло о службѣ сторонняго цензора Спб. ценз. комитета колл. асс. Василя Семенова“. Нач. 28 іюля 1830 г., конч. 26 апр. 1836 г.

²⁾ Ibid.—№ 98. „Дѣло по предписанію г. министра нар. проsv. о пропущенныхъ къ напечатанію г. цензоромъ Семеновымъ 4-хъ стиховъ на франц. языкѣ Казимира де-ла Виня въ 61 № „Литературной Газеты“ и журнала „La Furet“ статьи въ № 86“. Нач. 31 окт., конч. 14 дек.

нымъ порядкомъ, бывъ убѣжденъ, что въ немъ ничего нѣтъ противнаго Цензурному Уставу.—Доводя сіе до свѣдѣнія Вашего Превосходительства съ соверш. почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою—Баронъ А. Дельвиго¹⁾.

Въ тотъ же день официальнымъ отношеніемъ за № 240 Бороздинъ потребовалъ объясненій и отъ цензора Семенова, приславшаго слѣдующее „донесеніе“:

„По поводу отношенія г. Ген.-адъют. Бенкендорфа къ Его Свѣтлости г. министру нар. проsv. отъ 30-го окт. сего года о дозволенныхъ мною къ напечатанію въ № 61 „Литературной Газеты“ четырехъ франц. стиховъ, долгомъ поставляю донести Вашему Превосходительству, что въ сихъ стихахъ, сочиненныхъ Казимиромъ де-ла Винемъ, по чистой совѣсти не нашелъ я ничего противнаго законамъ отечественнымъ и правиламъ цензурнымъ, и сіе тѣмъ болѣе, что смерть людей, на памятникъ коихъ предположено сдѣлать сію надпись, сопряжена съ новымъ правительствомъ Франціи, которое, сколько извѣстно по официальнымъ статьямъ вѣдомостей, признано Россією и прочими державами Европы. Притомъ я никакъ не предполагалъ и не предполагаю, чтобы сіи стихи могли сколько-нибудь [быть] примѣнены къ Россіи, которая, блаженствуя подъ скиптромъ мудраго Монарха, находится въ совершенно другихъ отношеніяхъ, нежели Франція. Что же касается до самаго дозволенія печатать въ русскомъ журналѣ стихи на иностранныхъ языкахъ: то въ такомъ дозволеніи я никакъ не смѣлъ отказать издателю, ибо ни однимъ § устава о цензурѣ сіе не воспрещается. Въ заключеніе долгомъ поставляю увѣрить Ваше Превосходительство, что, руководствуясь въ исполненіи моей должности правилами, въ уставѣ цензуры изложенными, и внушеніями сердца, благоговѣющаго предъ престоломъ Монарха Великаго, не разъ мнѣ благодѣтельствовавшаго, и исполненнаго любви и признательности къ правительству, меня воспитавшему, я никогда не дозволю себѣ какихъ-либо мыслей и чувствъ, не согласныхъ съ сими побужденіями, руководящими меня на поприщѣ жизни гражданской и общественной.—Цензоръ Василій Семеновъ,

¹⁾ Ibid—копія. Подлинники объясненій Семенова и бар. Дельвиго были препровождены къ Бенкендорфу, — копіи же имѣются и при дѣлѣ Главнаго управленія цензуры—№ 146974. Полный текстъ письма бар. А. А. Дельвиго печатается впервые.

31 октября 1830 г.“¹⁾ Бороздинъ препроводилъ 1-го ноября подлинники объясненій къ министру, а тотъ 1-го же переслалъ ихъ Бенкендорфу при письмѣ за № 400-мъ.

„Милостивый государь Александръ Христофоровичъ! Въ слѣдствіе отношенія Вашего Высокопревосходительства отъ 30-го минувшаго октября—№ 4222-й,—я предписывалъ г. попечителю Спб. учебн. округа истребовать объясненія отъ издателя „Литературной Газеты“, кто именно прислалъ ему франц. стихи Казимира де-ла-Виня, напечатанные въ № 61 сей газеты, и отъ цензора Семенова, какими правилами руководствовался, позволивъ напечатать сіи франц. стихи въ русской газетѣ. Получивъ нынѣ отъ г. попечителя вышеказанныя объясненія, имѣю честь въ подлинникахъ препроводить при семъ оныя къ Вашему Высокопревосходительству, и почитаю долгомъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что я поставилъ также на видъ цензурѣ неприличіе дозволенія къ напечатанію въ журналѣ: „Le Furet“ статьи, означенной въ вышеупомянутомъ отношеніи Вашего Высокопревосходительства. Что касается до позволеннаго цензоромъ Семеновымъ въ „Литературной Газетѣ“ возраженія относительно свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, то, вслѣдствіе сдѣланнаго мною о семъ замѣчанія, г. цензоръ Семеновъ объяснилъ, что кромѣ частнаго показанія издателя „Пчелы“, на которомъ цензоръ не могъ основаться, онъ не имѣлъ доселѣ ни чрезъ какое официальное предписаніе начальства свѣдѣній, что вышеозначенныя статьи сообщаются по приказанію Вашего Высокопревосходительства; чему я тѣмъ болѣе долженъ дать вѣру, что такое распоряженіе и мнѣ было неизвѣстно.—Возвращая при семъ листки франц. журнала „Furet“ № 86 и „Литературной Газеты“ № 61, честь имѣю быть... князь Карлъ Ливенъ“²⁾).

Въ засѣданіи 3-го ноября Главное управленіе цензуры выслушало и приняло къ свѣдѣнію сообщеніе кн. Ливена „о нѣкоторыхъ упущеніяхъ цензуры“, замѣченныхъ Бенкендорфомъ³⁾

¹⁾ В. Н. Семеновъ былъ почти товарищемъ бар. Дельвига и Пушкина по лицу (II-го курса—выпуска 1820 г.; см. *Кобеко*: „П. Паркосельскій Лицей“, 120 и 506 стр.).—Бар. А. П. Дельвигъ рассказываетъ (I т. 112 стр.), что Семеновъ извинялся [передъ бар. А. А. Дельвигомъ?] въ пропускѣ четверостишія тѣмъ, что, хорошо зная о направленіи Дельвига, который никогда не подведетъ цензора подъ отвѣтственность, не обратилъ вниманія на то, что четверостишіе относилось къ послѣдней французской революціи, а не къ революціи прошедшаго столѣтія“.

²⁾ Цензурное дѣло архива министерства нар. проsv.—№ 146974; копія.

³⁾ Ibid.

а на слѣдующій день въ засѣданіи цензурнаго комитета Бороздинъ ознакомилъ членовъ его съ ходомъ дѣла и „предложилъ комитету имѣть наблюденіе и осмотрительность, дабы, согласно съ предписаніемъ Его Свѣтлости, какъ вообще неумѣстныхъ какихъ-либо статей, такъ и въ особенности ослабляющихъ довѣріе публики къ официальнымъ извѣстіямъ, отнюдь допускаемо къ напечатанію не было“¹⁾. Въ томъ же засѣданіи цензурнаго комитета 4-го ноября—цензоръ Семеновъ, не ожидая выясненія результатовъ возбужденнаго дѣла, просилъ, „дабы въ облегченіе его при разсматриваніи разныхъ повременныхъ сочиненій, благоволено было поручить кому-нибудь другому изъ г. г. цензоровъ разсматриваніе „Литературной Газеты“: рѣшено было опять поручить это Щеглову²⁾.

Бенкендорфъ не удовлетворился, конечно, объясненіемъ бар. Дельвига,—тѣмъ болѣе, что не далѣе, какъ въ концѣ августа, онъ уже вызывалъ его къ себѣ, чтобы сдѣлать строгій выговоръ за помѣщенную въ 45 № „Литературной Газеты“ анонимную замѣтку Пушкина: „Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи“... И на этотъ разъ бар. А. А. Дельвигъ получилъ „приглашеніе“ явиться въ III-е отдѣленіе. Объ этомъ свиданіи его съ Бенкендорфомъ,—равно, какъ и о первомъ,—разсказываетъ двоюродный братъ поэта—бар. А. И. Дельвигъ, очень близкій тогда къ нему и даже принимавшій фактическое участіе въ хлопотахъ по изданію „Литературной Газеты“³⁾:

„Въ ноябрѣ Бенкендорфъ снова потребовалъ къ себѣ Дельвига, который введенъ былъ къ нему въ кабинетъ въ присутствіи жандармовъ. Бенкендорфъ самымъ грубымъ образомъ обратился къ Дельвигу съ вопросомъ: „Что ты опять печатаешь недозволенное?“—Выраженіе „ты“ вмѣсто общеупотребительнаго „вы“ не могло съ самаго начала этой сцены не подѣйствовать весьма непріятно на Дельвига. Послѣдній отвѣчалъ, что о сдѣланномъ

¹⁾ Архивъ Министерства нар. проsv. Цензурныя дѣла 1830 г., карт. XIV—№ 146973. „Дѣло по представленіямъ комитетовъ цензуры внутренней съ препровожденіемъ реэстровъ одобреннымъ рукописямъ и книгамъ и выписокъ изъ журналовъ ихъ засѣданій“. Нач. 8-го окт. 1830 г.—конч. 16-го февр. 1831 года.

²⁾ Архивъ Петрогр. унив. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 55. „Дѣло о разсматриваніи г. г. цензорами разныхъ журналовъ и повременныхъ сочиненій въ 1830 г.“ Нач. 13-го мая—конч. 4-го ноября.

³⁾ Онъ читалъ, напр., иногда корректуры газеты вмѣсто заболѣвшаго брата: см. его воспоминанія—I т., 99 стр.

распоряженіи не печатать ничего, относящагося до послѣдней французской рѣволюціи, онъ не зналъ и что въ напечатанномъ четверостишіи, за которое онъ подвергся гнѣву, нѣтъ ничего недозволительнаго для печати. Бенкендорфъ объяснилъ, что онъ газеты, издаваемой Дельвигомъ, не читаетъ; и когда послѣдній, въ доказательство своихъ словъ, вынулъ изъ кармана номеръ газеты, хотѣлъ прочесть четверостишіе, Бенкендорфъ его до этого не допустилъ, сказавъ, что ему все равно, что бы не было напечатано, и что онъ троихъ друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземскаго уже упрячетъ если не теперь, то вскорѣ, въ Сибирь. Тогда Дельвигъ спросилъ, въ чемъ же онъ и двое другихъ, названныхъ Бенкендорфомъ, могли провиниться до такой степени, что должны вскорѣ подвергнуться ссылкѣ, и кто можетъ дѣлать такіе ложные доносы. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что Дельвигъ собираетъ у себя молодыхъ людей, при чемъ происходятъ разговоры, которые возстановляютъ ихъ противъ правительства, и что на Дельвига донесъ чловѣкъ, хорошо ему знакомый. Когда Дельвигъ возразилъ, что собирающееся у него общество говоритъ только о литературѣ, что большая часть бывающихъ у него посѣтителей или старѣе его, или однихъ съ нимъ лѣтъ, такъ какъ ему всего 32 года отъ роду, и что онъ между знакомыми своими не находитъ никого, кто бы могъ рѣшиться на ложные доносы, Бенкендорфъ сказалъ, что доносить Булгаринъ и если онъ знакомъ съ Бенкендорфомъ, то можетъ и подавно быть знакомъ съ Дельвигомъ. На возраженіе послѣдняго, что Булгаринъ у него никогда не бываетъ, а потому онъ его не считаетъ своимъ знакомымъ и полагаетъ, что Бенкендорфъ считаетъ Булгарина своимъ агентомъ, а не знакомымъ, Бенкендорфъ раскричался и выгналъ Дельвига словами: „Вонъ, вонъ, я упрячу тебя съ твоими друзьями въ Сибирь“¹⁾...

Слѣдствіемъ этой сцены было письмо Бенкендорфа къ кн. Ливену отъ 8 ноября—за № 4328-мъ:

„Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичъ! Получивъ при отношеніи Вашей Свѣтлости объясненіе издателя „Литературной Газеты“, касательно до помѣщенныхъ въ 61 номерѣ сей газеты стиховъ Казимира де-ла Виня, я долженъ признаться предъ Вами, милостивый государь, что нахожу сіе объясненіе не только недостаточнымъ, но даже непростительнымъ для чловѣка, коему сдѣлано довѣріе издавать журналъ.

¹⁾ „Мои воспоминанія“—I т., 111—112 стр.

Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ семъ моемъ заключеніи.— Можно ли назвать „чисто-литературною“ новостію, „безъ всякаго примѣненія къ обстоятельствамъ“, стихи, при напечатаніи коихъ издатель самъ помѣстилъ слѣдующее замѣчаніе: „Вотъ новые четыре стиха Казимира де-ла Виня, на памятникъ ¹⁾, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть *жертвамъ 27, 28 и 29 іюля*“ ¹⁾.—Предоставляю сіе собственному суду Вашей Свѣтлости.—Между тѣмъ, не осмѣлился я еще довести о семъ обстоятельстве до свѣдѣнія Государя Императора, ибо Его Величество непременно желаетъ знать, кто именно представилъ сіи стихи къ напечатанію? По сему уваженію, обращаюсь вновь съ покорнѣйшею просьбою къ Вамъ, милостивый государь, почтить меня увѣдомленіемъ о Вашемъ заключеніи, дабы я уже согласно съ онымъ могъ всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству.—Съ совершеннымъ почтеніемъ... А. Бенкендорфъ“ ²⁾.

Давленіе въ сторону репрессіи было слишкомъ очевидно, и кн. Ливену пришлось первому высказать мысль о закрытіи „Литературной Газеты“—въ отвѣтномъ письмѣ отъ того же 8 ноября, за № 404-мъ:

„Милостивый государь Александръ Христофоровичъ! На отношеніе Вашего Высокопревосходительства отъ 8-го сего ноября, № 4328-й, имѣю честь отвѣтствовать, что, по полученіи перваго отношенія Вашего отъ 30-го минувшаго октября, я, согласно оному, потребовалъ объясненія въ разсужденіи извѣстныхъ стиховъ де-ла Виня, какъ отъ издателя „Литературной Газеты“, такъ и отъ цензора, разсматривавшаго оную; и какъ дѣло о семъ дошло уже до Вашего Высокопревосходительства и Вы имѣли намѣреніе доложить о семъ Государю Императору, то я не полагалъ отъ себя никакого заключенія и счелъ обязанностію моею ограничиться только доставленіемъ оныхъ отзывовъ въ подлинникѣ, ожидая, какъ Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ рѣшить сіе дѣло.—Съ моей стороны я совершенно согласенъ съ заключеніемъ Вашего Высокопревосходительства, что помянутые стихи, по содержанію оныхъ, не слѣдовало печатать въ „Литературной Газетѣ“, тѣмъ болѣе, что на основаніи устава о цензурѣ журналистъ не можетъ

¹⁾ Курсивъ Бенкендорфа.

²⁾ Дѣло архива Министерства нар. просв.—№ 146974.

включать въ составъ своего изданія статьи и свѣдѣнія, относящіяся къ политикѣ, иначе, какъ по полученіи на то особаго Высочайшаго соизволенія. Посему объясненіе г. издателя „Литературной Газеты“ ни мало не оправдываетъ его и представляетъ неудовлетворительное извиненіе. Такъ какъ Ваше Высочайшее изволеніе требуетъ моего по сему предмету мнѣнія, то я полагаю, что за нарушеніе вышеозначеннаго правила надлежитъ воспретить г. Издателю продолжать изданіе „Литературной Газеты“.—Цензоръ, дозволившій напечатаніе упомянутыхъ стиховъ, конечно, не можетъ быть оправданъ; но какъ доселѣ, сколько я зналъ его по службѣ, онъ всегда старался исполнять свои обязанности въ точности: то пропускъ помянутыхъ стиховъ я не могу приписать ничему иному, какъ необдуманной поспѣшности. Сообщая сіе мнѣніе мое, съ совершеннымъ почтеніемъ... князь Карлъ Ливенъ“¹⁾.

Получивъ, наконецъ, желаемое „мнѣніе“ министра, Бенкендорфъ представилъ его Государю, а результаты сообщалъ 13-го ноября въ письмѣ за № 4393-мъ:

„Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичъ! Почтеннѣйшее отношеніе Вашей Свѣтлости о цензорѣ Семеновѣ и издателѣ „Литературной Газеты“ баронѣ Дельвигѣ, по случаю напечатанныхъ въ сей газетѣ стиховъ Казимира де-ла Виня, доводилъ я всеподданнѣйше до свѣдѣнія Государя Императора; и Его Величество, согласно съ заключеніемъ Вашей Свѣтлости, Высочайше повелѣтъ изволилъ: „Семенову сдѣлать строгій выговоръ, а Дельвигу запретить изданіе газеты“. Извѣщая о семъ Высочайшемъ повелѣніи Васъ, милостивый государь, для должнаго исполненія, имѣю честь быть... А. Бенкендорфъ“²⁾.

На слѣдующій день кн. Ливенъ сообщилъ о Высочайшей резолюціи попечителю округа³⁾, который 15-го ноября писалъ „г. коллежскому ассесору барону Дельвигу“ за № 255-мъ:

„г. Министръ народнаго просвѣщенія извѣстилъ меня, отъ 14-го текущаго ноября за № 1197, что г. генераль-адъютантъ Бенкендорфъ объявилъ ему Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о запрещеніи издавать Вамъ „Литературную Газету“.—Сообщая Вамъ о таковой Высочайшей волѣ Государя Императора, покорнѣйше прошу увѣдомить меня о полученіи сего сообщенія. При чемъ нужнымъ считаю при-

¹⁾ Ibid.—копія.

²⁾ Ibid.

³⁾ Дѣло пенз. комитета о службѣ Семенова—№ 69.

соединить, что я, съ своей стороны, увѣдомилъ объ ономъ такъ же г. цензора, разсматривавшаго вашу газету, дабы номера, слѣдующіе къ изданію послѣ сего числа, пропускаемы имъ не были.—Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа К. Бороздинъ“¹⁾.

Бар. Дельви́гъ отвѣчалъ:

„Милостивый Государь Константинъ Матвѣевичъ.—Объявленное мнѣ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о запрещеніи мнѣ издавать „Литературную Газету“ я получилъ, и о семъ честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, пребывая къ вамъ съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностію, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Баронъ А. Дельви́гъ. 15-го ноября 1830 года“²⁾.

Въ тотъ же день попечитель сообщилъ кн. Ливену, что бар. Дельви́гъ и Семеновъ извѣщены, а изданіе „Литературной Газеты“ приостановлено³⁾,—въ засѣданіи же цензурнаго комитета 18-го ноября ознакомилъ съ результатами возбужденнаго дѣла членовъ комитета. Главное управленіе цензуры въ засѣданіи своемъ 25-го ноября также выслушало сообщеніе Бенкендорфа о Высочайшей резолюціи и приняло ее къ свѣдѣнію, „поелику надлежащее исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія уже сдѣлано въ свое время“⁴⁾.

Между тѣмъ, бар. Дельви́гъ, глубоко оскорбленный безцеремонной грубостью Бенкендорфа и возмущенный несправедливымъ запрещеніемъ изданія „Литературной Газеты“, рѣшилъ подать жалобу Государю; только послѣ долгихъ уговоровъ отказался онъ отъ своей мысли: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Блудовъ⁵⁾ нѣсколько разъ приѣзжалъ отговаривать его, говоря, что „можно жаловаться Государю на всѣхъ, даже на самого Государя, но не на Бенкендорфа“, и что подобная жалоба поведетъ Дельвига только къ большимъ неприятностямъ, а онъ, имѣя жену и дочь, обязанъ ихъ избѣгать. Блудовъ при

¹⁾ Дѣло ценз. комитета—№ 98, копія.

²⁾ Ibid.—автографъ бар. А. А. Дельвига.

³⁾ Архивъ Министерства нар. просв.—дѣло № 146974.

⁴⁾ Ibid.—дѣло № 146973.

⁵⁾ Гр. Дм. Никол. Блудовъ (1785—1864)—извѣстный государств. дѣятель и основатель литературнаго общества: „Арзамасъ“,—впослѣдствіи—предсѣдатель Госуд. Совѣта и президентъ Академіи Наукъ; принималъ участіе въ работахъ по подготовкѣ освобожденія крестьянъ и стоялъ за безплатное надѣленіе ихъ землею.

этомъ бралъ на себя объяснить все Бенкендорфу и довести его до того, что онъ прїѣдетъ извиниться передъ Дельвигомъ и что дозволено будетъ продолжать изданіе „Литературной Газеты“ ¹⁾. Скоро, дѣйствительно, отъ Бенкендорфа явился чиновникъ III-го отдѣленія, сообщившій, что самъ Бенкендорфъ не могъ прїѣхать по нездоровью, а прислалъ его извиниться въ своей горячности при объясненіи съ Дельвигомъ Бенкендорфъ сообщалъ также, что изданіе „Литературной Газеты“ будетъ разрѣшено, но только подъ редакціей Сомова, т. к. уже состоялось Высочайшее повелѣніе о запрещеніи бар. Дельвигу продолжать изданіе ²⁾. Бар. Дельвигъ передалъ тогда официально свои права на изданіе Сомову слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый Государь Орестъ Михайловичъ! По распоряженію Высшаго Начальства, сообщено мнѣ запрещеніе издавать „Литерат. Газету“; но какъ запрещеніе сіе относится лично ко мнѣ, а не къ изданію помянутой газеты отъ другихъ лицъ, то я, сообразно изъявленному Вами желанію, предоставляю Вамъ право испрашивать позволеніе на изданіе оной Газеты отъ Вашего имени. Вмѣстѣ съ симъ, передаю Вамъ всѣ дѣлки по оному изданію, счеты съ типографіей и бумажною фабрикой Дѣйствительной Статской Совѣтницы Кайдановой, требованія Газетной Экспедиціи С-Петербургскаго Почтамта, съ именами подписчиковъ на сей и на будущій 1831-й годъ; во всѣхъ же понесенныхъ мною издержкахъ, признаю себя вполне отъ Васъ удовлетвореннымъ.—Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою—Баронъ Дельвигъ.—1830 года, 19 ноября“ ³⁾.

Сомовъ представилъ это письмо попечителю округа Бороздину вмѣстѣ съ своимъ прошеніемъ:

„По предоставленному мнѣ отъ Надворнаго Совѣтника ⁴⁾ Барона Дельвига праву, желаю я продолжать изданіе „Литерат. Газеты“ отъ моего имени; почему всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство позволить мнѣ продолжать изданіе оной Газеты, утвердивъ за мною права и обязанности отвѣтствующ-

¹⁾ Бар. А. И. Дельвигъ: „Мои воспоминанія“—I т., 115 стр.

²⁾ Ibid.—116 стр.

³⁾ Автографъ этого письма, печатаемаго впервые, сохранился въ дѣлѣ архива Министерства нар. просв.—№ 146974.

⁴⁾ Бар. А. А. Дельвигъ служилъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ (съ 1829 г.—въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій) и, повидимому, именно въ это время получилъ чинъ „надворнаго совѣтника“.

щаго издателя.—Дворянинъ Орестъ Сомовъ.—Ноября 24 дня 1830-го года“ ¹⁾.

Бороздинъ 24-го же препроводилъ прошеніе Сомова и письмо барона Дельвига къ министру народнаго просвѣщенія при отношеніи за №262-мъ: изложивъ просьбу Сомова и указавъ, что, по его мнѣнію, Высочайшее повелѣніе дѣйствительно относится къ бывшему издателю, а не къ самой газетѣ, онъ спрашивалъ, „благоугодно ли будетъ предписать комитету о выдачѣ г. Сомову просимаго имъ дозволенія“? ²⁾ Представленіе это, содержаніе коего Бороздинъ сообщилъ членамъ цензурнаго комитета въ засѣданіи 25-го ноября ³⁾, 25-го же разсматривалось въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры ⁴⁾,—но лишь 1-го декабря, повидимому послѣ переговоровъ съ Бенкендорфомъ, кн. Ливень отвѣчалъ попечителю округа, за № 431-мъ, что „Главное управленіе цензуры, принявъ въ уваженіе, что прекращеніе изданія „Литературной Газеты“ оставило бы неудовлетворенными подписчиковъ на оную, согласилось на дозволеніе дворянину О. Сомову продолжать сіе повременное изданіе“ ⁵⁾. Въ засѣданіи цензурнаго комитета 9-го декабря предписаніе министра было выслушано ⁶⁾, а 12 дек. Бороздинъ писалъ, за № 285-мъ, въ Главное управленіе цензуры, что комитетъ постановилъ „выдать позволеніе г. Сомову“ ⁷⁾. Въ письмѣ отъ 14-го дек., № 289, цензоръ Бутырскій сообщилъ и Сомову о согласіи Главнаго управленія цензуры на продолженіе имъ изданія „Литературной Газеты“ и о предоставленіи цензурованія ея Щеглову ⁸⁾.

Наконецъ, въ засѣданіи своемъ 15-го декабря, Главное управленіе цензуры выслушало сообщеніе попечителя о „выдачѣ позволенія Сомову“, приняло его къ свѣдѣнію и этимъ кончило дѣло ⁹⁾.

¹⁾ Прошеніе—автографъ Сомова: сохранилось въ дѣлѣ архива Минист. нар. проsv. № 146974.

²⁾ Ibid.

³⁾ Дѣло пенз. комитета № 98.

⁴⁾ Дѣло архива Мин. нар. проsv.—№ 146974.

⁵⁾ Дѣло ц. ком.—№ 98.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Дѣло арх. М. н. пр.—№ 146974.

⁸⁾ Дѣло ц. ком. № 98—копія.

⁹⁾ Дѣло арх. М. н. пр.—146974.—Дѣло о стихахъ Казимира Делавина вызвало одинъ изъ цензурныхъ „анекдотовъ“: въ началѣ 1831 г. Главное управленіе цензуры запретило по представленію ценз. комитета статью (стих.?): „Обелискъ“; мотивировалось запрещеніе въ представленіи коми-

Эпизодъ съ злополучнымъ четверостишіемъ не только вызвалъ запозданіе послѣднихъ № № „Литературной Газеты“ за 1830-й г. ¹⁾, но подѣйствовалъ и на здоровье бар. Дельвига: потрясенный грубой выходкой Бенкендорфа, „онъ, всегда хворый и постоянно принимающій лѣкарства, заболѣлъ сильноѣе прежняго, такъ что пользовавшій его докторъ запретилъ ему выходить изъ дома. Нравственное состояніе Дельвига было самое грустное. Онъ впалъ въ апатію, не хотѣлъ никого видѣть, кромѣ самыхъ близкихъ, и принималъ постороннихъ лицъ весьма рѣдко“. Появились въ домѣ даже карты, не допускавшіяся ранѣе ²⁾. Вскорѣ присоединилась еще простуда, и 14-го января 1831-го года бар. А. А. Дельвига не стало.

Выписки изъ журналовъ засѣданій Спб. цензурнаго комитета, сохранившіяся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, даютъ возможность возстановить исчезнувшее дѣло цензурнаго комитета, освѣщающее любопытный фактъ изъ жизни О. М. Сомова, неизвѣстный его біографамъ ³⁾. Нѣсколько загадочная личность этого малоросса еще мало освѣщена, а между тѣмъ онъ игралъ въ свое время довольно значительную роль въ русской журналистикѣ. Его малороссійскія повѣсти (напр.,

тета тѣмъ, что „можетъ быть сочинитель разумѣть подъ онымъ какой-либо обелискъ во Франціи, въ память послѣднихъ переворотовъ: въ такомъ случаѣ статья подлежитъ запрещенію на томъ же основаніи, на какомъ начальство признало непозволительными стихи Казимира де-ла Виня“. Такая „дальновидность“ цензоровъ была слѣдствіемъ Высочайшей резолюціи, объявленной комитету министровъ 10-го января 1831 г.: „Министру нар. проsv. велѣтъ подтвердить цензорамъ быть осторожнѣе, ибо съ нѣкоторыхъ поръ во всѣхъ журналахъ, не исключая даже „Академическихъ Вѣдомостей“, проскакиваютъ неприличныя и даже часто весьма дерзкія статьи. Впрелъ министр нар. проsv. за сіе отвѣчаетъ“ („Русская Стар.“ 1903 г. II кв., 307—310 стр.).

¹⁾ №№ 65—69 опаздывали на 3 недѣли, а 70—72 вышли уже послѣ появленія первыхъ номеровъ „Литературной Газеты“ за 1831 г.

²⁾ Бар. А. *И. Дельвигъ*: „Мои воспоминанія“ I т. 116 стр.; „Воспоминанія и критич. очерки“ Анненкова—III т., 233 стр. и дневникъ Никитенко Спб., 1904 г. 2-ое изд., I т.—207 стр. (запись отъ 28 янв. 1831 г.).

³⁾ Наиболее богата фактическимъ матеріаломъ, —къ сожалѣнію, мало изслѣдованнымъ,—работа С. Н. Бранловскаго: „Къ вопросу о Пушкинскои плеядѣ.—Орестъ Михайловичъ Сомовъ“ („Русскій Филологич. Вѣстникъ“ 1909 г. и отдѣльно: Варшава. 1909 г., 1—151 стр.). Библиографію о Сомовѣ см. въ замѣткѣ В. П. Маслова: „Къ біографіи Сомова“ („Чтенія въ общ. Нестора лѣтописца“—XXXII кн., 1—2 вып.—и отдѣльно: „Библиографич. замѣтки“—Кіевъ, 1913 г.).

„Гайдамаки“) читались съ удовольствіемъ, а стиль его произведеній и переводовъ не разъ ставился въ примѣръ многимъ его современникамъ. Повидимому, не безъ его вліянія появились въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и въ „Литературной Газетѣ“ первыя печатныя строки Гоголя ¹⁾.—Вѣчно необезпеченный, Сомовъ сотрудничаетъ въ изданіяхъ Булгарина и Греча, пишетъ критическія статьи противъ бар. Дельвига и т. п., но въ то же время находится въ близкихъ отношеніяхъ съ вождями декабрьскаго движенія—К. О. Рылѣвымъ и А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ), и послѣдній даже живетъ вмѣстѣ съ нимъ ²⁾; къ концу 1820-хъ г.г. онъ окончательно разрываетъ отношенія съ Булгариномъ, сближается съ бар. Дельвигомъ и его друзьями и всѣхъ заставляеть полюбить „добрѣйшаго Ореста Михайловича“; въ 1831 г. онъ начинаетъ сотрудничать въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“ А. Ѳ. Воейкова (подъ псевд. „Никита Луговой“), хотя тотъ же Воейковъ постоянно нападалъ на него въ своемъ „Славянинѣ“, особенно въ 1830 г. Такое отсутствіе опредѣленныхъ воззрѣній біографъ Сомова объясняетъ его „природной мягкостью, слабохарактерностью и нуждой въ деньгахъ“ ³⁾. Матеріальные расчеты не разъ портили отношенія Сомова съ его знакомыми, напр.—съ Пушкинымъ, при изданіи „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ на 1832-й г.; приводимая выписка изъ журнала засѣданія Спб. цензурнаго комитета 9-го января 1831 г. также раскрываетъ послѣдствія одной его неудачной сдѣлки: „Слушали,—гласить эта выписка, — прошеніе дворянина Ореста Сомова отъ 7-го генваря текущаго года, въ которомъ изъяснено, что въ № 69 „Литературной Газеты“ онъ помѣстилъ начало сочиненной имъ повѣсти: „Исполнскія горы“ и къ удивленію его нашель отрывокъ сей же повѣсти въ 1-мъ № „Петербургскаго Вѣстника“, издаваемаго г. Аладьинымъ ⁴⁾; а какъ онъ не давалъ г. Аладьину права на печатаніе или перепечатаніе статьи сей, въ какомъ бы то ни было журналѣ, то

¹⁾ См. „Библиографич. замѣтки“ В. И. Маслова, отд. изданіе, 17—18 стр.

²⁾ С. Н. Браиловскій: „О. М. Сомовъ“, отд. изданіе—76 стр.

³⁾ Ibid.—144 стр.

⁴⁾ „Санктпетербургскій Вѣстникъ“ Е. В. Аладьина, еженедѣльный „журналъ словесности, театра, новостей и музыки“, выходилъ лишь въ теченіе первой половины 1831 г. Повѣсть: „Исполнскія горы“ напечатана въ первыхъ 3-хъ номерахъ его, что не указано Браиловскимъ въ его перечнѣ произведеній Сомова.

и просить цензурный комитетъ запретить издателю „Петербургскаго Вѣстника“ г. Аладьину печатать или перепечатывать въ своемъ журналѣ продолженіе помянутой статьи; ибо, въ силу Высочайше утвержденныхъ—устава о цензурѣ и положенія о правахъ сочинителей, въ 22 день апрѣля 1828 г. состоявшагося, никто не имѣетъ права печатать или перепечатывать чужого сочиненія, не предъявивъ законныхъ документовъ, коими право сіе предоставляется ему отъ сочинителя.—§ 4 положенія о правахъ сочинителей гласитъ: „Условія, заключенныя между сочинителями и издателями или книгопродавцами, записываются въ маклерской книгѣ на обыкновенныхъ правилахъ“. Въ слѣдствіе сего, какъ г. Аладьинъ не могъ предъявить подобнаго условія съ нимъ—г. Сомовымъ, яко сочинителемъ помянутой статьи, то и права перепечатанія въ своемъ журналѣ статей его не можетъ имѣть; а долженъ быть признанъ, по смыслу § 9 вышеупомянутаго положенія, за коптрофактора; почему г. Сомовъ предупреждаетъ цензурный комитетъ, что если онъ—г. Аладьинъ—будетъ продолжать печатаніе сей или другихъ статей его въ своемъ журналѣ, безъ письменнаго его на то согласія, то онъ принужденъ будетъ просить о поступленіи съ нимъ на основаніи § 16 того же положенія о правахъ сочинителей. При семъ Его Превосходительство [Бороздинъ] извѣстилъ комитетъ, что, по распоряженію его, означенное прошеніе г. Сомова препровождено было 8 сего генваря для прочтенія разсматривающему „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ цензору Гаевскому. Вслѣдствіе чего цензоръ того же числа извѣстилъ Его Превосходительство, что издатель „С.-Пет. Вѣстника“—г. Аладьинъ объявлялъ ему, что повѣсть „Исполнскія горы“ приобрѣтена имъ отъ г. Сомова покушкою; для соображенія чего онъ препроводилъ также письмо къ нему отъ г. Сомова, писанное 8 генваря и полученное имъ—г. цензоромъ—только вечеромъ 7 генваря; поелику же окончаніе означенной повѣсти въ корректурѣ пропущено имъ 7 генваря утромъ, то онъ и не видитъ, съ своей стороны, возможности остановить печатаніе сего листа. Въ заключеніе г. цензоръ полагалъ предоставить г.г. Сомову и Аладьину вѣдаться формою суда, ибо ни цензору, ни комитету не возможно повѣрять сдѣлокъ между авторами и издателями. Засѣданіе комитета усмотрѣло изъ копіи письма г. Сомова къ Аладьину, присланной первымъ къ г. цензору Гаевскому и симъ послѣднимъ представленной комитету, а также изъ подлинной записки г. Сомова къ Аладьину, что условія о статьѣ „Исполнскія горы“ между ними дѣйствительно

были; но поелику комитетъ не можетъ входить въ изслѣдованіе, исполнены ли надлежащимъ образомъ сіи условія, то положено: объявить г. Сомову, коль скоро онъ явится въ канцелярію, что комитетъ предоставляетъ ему отыскивать претензію свою гражданскимъ судомъ, но остановить въ настоящее время печатанія оной не можетъ; ибо рукопись статьи, подписанная самимъ г. Сомовымъ, была одобрена г. цензоромъ гораздо прежде сдѣланнаго комитету и г. цензору извѣщенія о послѣдовавшемъ между ними—г.г. Сомовымъ и Аладьинымъ—несогласіи¹⁾.

Кто былъ виноватъ въ этомъ несогласіи—трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ выразить удивленіе по поводу появленія своей повѣсти въ журналѣ Аладьина Сомову не слѣдовало, т. к. 1-й № „Санктпетербургскаго Вѣстника“ былъ подписанъ цензоромъ еще 9-го декабря 1830 г., а 69-й № „Литературной Газеты“—лишь 29-го декабря! Поэтому ни о какой перепечаткѣ и рѣчи не могло быть²⁾. Аладьинъ, повидимому, чувствовалъ свою правоту въ этой размолвкѣ, т. к. помѣстилъ во 2-мъ № своего журнала (68 стр.) слѣдующую замѣтку „отъ издателя“: „Для пользы русской литературы—мы умалчиваемъ о причинѣ, по которой статья О. М. Сомова, подъ названіемъ „Исполинскія горы“, является въ одно и то же время въ „Литературной Газетѣ“ и въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“.

Сомовъ все же отвѣчалъ на это въ своей статьѣ: „Новые русскіе журналы“ („Литерат. Газета“—5 №, 39 стр.); отмѣчая злоупотребленіе терминомъ „изящное“, онъ говоритъ: „Сочинитель сей статьи обязанъ благодарностью г. Аладьину, который, повидимому, призналъ изящною повѣсть его: „Исполинскія горы“, и для того рѣшился ее перепечатать въ своемъ „Вѣстникѣ“. Такое лестное сознаніе конечно должно уничтожить другое притязаніе сочинителя, а именно, что на сіе перепечатаніе не было отъ него получено предварительнаго согласія, въ замѣнъ коего издатель „Спб. Вѣстника“ объявилъ, что рѣшается на помянутое перепечатаніе „для пользы русской литературы“.

¹⁾ Архивъ министерства нар. проsv. Цензурныя дѣла 1831 г.—№ 147020. „Дѣло“ съ реестрами одобренныхъ рукописей и книгъ и съ выписками изъ журналовъ засѣданій цензурн. комитетовъ. Нач. 18 февр., конч. 1 июня.

²⁾ Подтверждаютъ это и другія даты: 2 и 3 номера „Спб. Вѣстника“, гдѣ печаталось продолженіе и окончаніе повѣсти Сомова, имѣютъ ценз. помѣты отъ 5 и 8 января 1831-го г. номера же „Литературной Газеты“ (70—72), гдѣ Сомовъ продолжалъ самъ печатать „Исполинскія горы“, имѣютъ ценз. помѣты отъ 13 янв., 22 янв. и 4 февр.!

Другая, весьма лестная для сочинителя повѣсти, оговорка! Все это не помѣшало, однако, Аладьину напечатать въ № 8 своего журнала (ценз. пом.—отъ 26 янв.) замѣтку Сомова: „Народныя имена“, также не отмѣченную въ работѣ С. Н. Браиловскаго. Наконецъ, отголоски этого эпизода находимъ въ письмѣ Сомова къ М. Н. Загоскину отъ 15 іюня 1831 г.: „Аладьина не знаю, гдѣ отыскать, пишетъ Сомовъ: онъ долженъ мнѣ, не платитъ уже съ полгода послѣ срока и глазъ не показываетъ“¹⁾.

Цензоръ Щегловъ, между тѣмъ, опять скоро обратилъ вниманіе на „Литературную Газету“: въ засѣданіи цензурнаго комитета 23 января онъ представилъ на разсмотрѣніе его рецензію Сомова на повѣсть Ушакова²⁾: „Киргизъ-Кайсакъ“ (Москва, 1830 г.); согласно этому представленію — засѣданіе комитета нашло нужнымъ исключить въ этой статьѣ слѣдующую мысль: „Древность дворянскаго рода ничего общаго не имѣетъ у насъ со знатностью. Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ (официальномъ—№ сказано было, что шестисотлѣтніе дворяне не что иное, какъ мѣщане въ дворянствѣ; и справедливо“³⁾... Повѣсть Ушакова,—друга Полевого и Булгарина,—была отраженіемъ споровъ о „шестисотлѣтнемъ дворянствѣ“, въ которыхъ столь близкое участіе принималъ Пушкинъ⁴⁾: главной задачей автора было доказать вредъ, причиняемый сословными предрасудками. Сомовъ въ своей рецензіи, напечатанной въ № 5 „Литературной Газеты“ отъ 21 января 1831 г. (ценз. помѣта—отъ 31 января), указывалъ несправедливость нападокъ автора: „Привязанность къ стариннымъ дворянскимъ грамотамъ, говорить онъ, не есть у насъ общепонятный характеръ, но частная странность, какъ любовь къ древнимъ монетамъ или экзоти-

¹⁾ „Русская Старина“ 1902 г. сентябрь—620 стр.

²⁾ Вас. Аполлонов. Ушаковъ (1789—1838)—критикъ, переводчикъ и беллетристъ; лучшимъ его произведеніемъ была именно повѣсть „Киргизъ-Кайсакъ“, которую Бѣлинскій назвалъ „удивительнымъ и неожиданнымъ явленіемъ“; въ „Библ. д. Чт.“ 1835 г. была напечатана его повѣсть: „Цююпа“—пастыль на Бѣлинскаго (см. собр. соч. Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова—III т., примѣч.).

³⁾ Дѣло архива министерства нар. проsv. № 147020. Упомянутый „журналъ“—„Сѣверная Пчела“.

⁴⁾ Отраженіемъ этихъ споровъ была „Моя родословная“ Пушкина и рядъ его замѣтокъ, болѣею частью оставшихся ненапечатанными при жизни поэта: см., напр., замѣтку: „Въ одной газетѣ, почти официальной, сказано было, что я мѣщанинъ во дворянствѣ“... (собр. соч. подъ ред. С. А. Венгерова—V т., 6 стр.).

ческимъ растеніямъ. Разсмотрѣніе выгодъ и невыгодъ сего порядка вещей было бы здѣсь неумѣстно. Скажемъ только, что г. Ушаковъ напалъ на предразсудокъ, который у насъ не существуетъ“.

Не хотѣлъ Щегловъ пропустить и басню Измайлова: „Слонъ и Собака“, но цензурный комитетъ въ засѣданіи 10 марта „призналъ ее позволительною, на основаніи устава о цензурѣ, и допустилъ къ напечатанію“¹⁾: появилась басня въ № 23 „Литературной Газеты“ отъ 21 апрѣля 1831 г.

Рядъ цензурныхъ мытарствъ претерпѣло также стихотвореніе В. И. Туманскаго: „Сѣтованіе“, напечатанное уже ранѣе въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г.²⁾ Въ концѣ 1830 г. Туманскій снова хотѣлъ напечатать „Сѣтованіе“ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, внося въ текстъ кое-какія измѣненія. Цензурный комитетъ не пропустилъ двѣ строфы стихотворенія, и „Сѣтованіе“ не появилось въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“; въ мартѣ 1831 г. снова была сдѣлана попытка напечатать стихотвореніе пѣбликомъ въ „Литературной Газетѣ“, но 24-го марта попечитель округа Бородинъ писалъ въ Главное управленіе цензуры—за № 63-мъ:

„Въ засѣданіи комитета 17 сего марта³⁾ г. цензоръ, колл. сов. Щегловъ представилъ статью для „Литературной Газеты“, подъ заглавіемъ: „Сѣтованіе“—соч. Туманскаго; г. цензоръ изъяснилъ при томъ, что, по журналу 9-го декабря 1830 г.⁴⁾, означенная статья пропущена была комитетомъ, за исключеніемъ двухъ мѣстъ, именно:

1) „Уже кипѣлъ во мнѣ сосудъ душевныхъ силъ“⁵⁾,
 Меня сокрытый Богъ насильственно стремилъ
 На поприще труда и славы“..

¹⁾ Дѣло арх. м. н. пр.—№ 147020.

²⁾ VIII ч., № 8358—361 стр. Дата стихотворенія: „Августъ 1825 г.—Одесса“. Текстъ „Моск. Вѣстника“ перепечатанъ и въ собр. соч. В. И. Туманскаго, подъ ред. С. Н. Браиловскаго (Спб., 1912 г.—изд. Суворина), 150—152 стр.

³⁾ Соотвѣтствующая выписка изъ журнала засѣданія—въ дѣлѣ Спб. ценз. комитета, хранящемся въ архивѣ Пушкинскаго Дома.—I б. 28.

⁴⁾ Выписка—ibid. „Сѣтованіе“ разсматривалось тогда вмѣстѣ съ другимъ стихотвореніемъ Туманскаго: „Стансы“ („Ни думъ благихъ, ни пѣсней нѣжныхъ“ .) и статьей гр. Д. Толстого: „О поэзін Ломоносова, Державина и Пушкина“, также назначенными въ „Сѣверные Цвѣты“. „Стансы“ и статья были запрещены, и при дѣлѣ сохранилась рукопись статьи и автографъ стих. Туманскаго. „Стансы“ были напечатаны въ Пушкинскомъ „Современникѣ“ 1836 г.: см. собр. соч. подъ ред. С. Н. Браиловскаго.

⁵⁾ Въ „Моск. Вѣстникѣ“ и въ собр. соч. стихъ этотъ читается иначе: „Уже я чувствовалъ отвагу юныхъ силъ“..

- 2) „Я какъ орелъ съ вершинъ направляю свой полетъ,
 При имени моемъ гонимый отдохнетъ
 И дрогнетъ дерзостный гонитель;
 Чтобъ злобу поразить, проникну въ самой Адъ
 И не приму земныхъ наградъ ¹⁾.
 А буду славы побѣдитель“ ²⁾.

Нынѣ же г. издатель „Литературной Газеты“ доставилъ къ нему—г. цензору—статью сію вновь, прося о допущеніи ея къ напечатанію въ цѣлости, безъ исключеній приведенныхъ выше мѣсть, какъ, по убѣжденію его, не представляющихъ чего-либо, противнаго уставу о цензурѣ, или объ испрошеніи разрѣшенія на сіе у высшаго начальства. Засѣданіе комитета, оставаясь при томъ мнѣніи, что означенные стихи выражены довольно темно, что весьма легко, давъ онымъ произвольное толкованіе, извлечь такіа заключенія, по которымъ цензура и не въ правѣ была бы допустить ихъ къ напечатанію,—положило: согласно съ § 45 устава, представить на разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“ ³⁾.

Въ засѣданіи 30-го марта стихотвореніе было рассмотрѣно Главнымъ управленіемъ цензуры ⁴⁾, а 6-го апрѣля кн. Ливенъ сообщилъ Бороздину за № 149-мъ, что управленіе „согласилось съ мнѣніемъ комитета объ исключеніи помянутыхъ мѣсть“ ⁵⁾. Цензурный комитетъ выслушалъ сообщеніе министра въ засѣданіи 7-го апрѣля и опредѣлилъ: „передать рукопись для исполненія по предписанію г. цензору Щеглову“ ⁶⁾. Въ урѣзанномъ видѣ Туманскій не согласился печатать стихотворенія, и оно не появилось въ „Литературной Газетѣ“.

Параллельно съ дѣломъ о стихотвореніи Туманскаго попечителемъ округа было возбуждено дѣло и о предназначенной въ „Литературную Газету“ статьѣ Тихонова: „Замѣчанія на статью, помѣщенную въ „Московскомъ Телеграфѣ“ сего года, въ январѣ мѣсяцѣ, подъ названіемъ: „Обозрѣніе XVIII вѣка“ ⁷⁾. Препровождая эту статью въ Главное управленіе цензуры, Бо-

¹⁾ Ibid.: „И насыщу душевный гладъ“...

²⁾ Ibid.: „Покоритель“.

³⁾ Архивъ министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1831 г.—карт. XVI. № 147033. „Дѣло по представленію попечителя Слб. учебн. округа о стихотвореніи, подъ названіемъ: „Сѣтованіе“, соч. Туманскаго“. Нач. 27 марта--конч. 6 апрѣля.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Архивъ Пушкинскаго Дома. Цензурныя дѣла—I б. 28.

⁶⁾ Дѣло архива мин. нар. просв. № 147020.

⁷⁾ „XVIII-й вѣкъ, или историческое значеніе времени съ 1700 по 1800 г.“, — анонимный переводъ съ французскаго: „Моск. Телеграфъ“ 1831 г.—№ 1 (ценз. помѣтка отъ 15 декабря 1830 г.). 3—33 стр.

роздинъ писалъ 31 марта за № 73-мъ: „Обративъ на оную вниманіе, я нужнымъ почелъ предложить сіе сочиненіе для прочтенія всѣмъ членамъ комитета, дабы, при общемъ сужденіи, каждый изъ нихъ имѣлъ объ немъ удовлетворительнѣйшее помятіе. Вслѣдствіе чего, въ засѣданіи 24-го сего марта, комитетъ согласно призналъ упомянутую статью благонамѣренною и позволительною для напечатанія. Если же она заключаетъ въ себѣ указанія или выписки изъ такого сочиненія, которое, по настоящимъ обстоятельствамъ, можетъ быть, не было бы пропущено цензурою, то обстоятельство сіе разрѣшено предписаніемъ Главнаго управленія цензуры отъ 16-го сего марта—за № 98, дабы руководствоваться, въ подобныхъ случаяхъ, правилами § 77, предписанными для иностранной цензуры. Посему, согласно съ означеннымъ §, имѣю честь представить прописанное мнѣніе комитета на разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“¹⁾.

Въ 1830 г. Главное управленіе цензуры не разъ охлаждало и парализовало рвеніе цензурнаго комитета, не соглашаясь слѣдовать его „запретительнымъ“ тенденціямъ, но въ 1831 г. роли переменялись. Рядъ репрессій свѣше,—особенно строгая резолюція Государя, возлагавшая отвѣтственность за „проскакивающія“ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ „неприличныя“ статьи на министра народнаго просвѣщенія²⁾),—заставили кн. Ливена быть осторожнѣе.—Главное управленіе цензуры разсмотрѣло статью Тихонова въ засѣданіи своемъ 6-го апрѣля и оказалось предусмотрительнѣе цензурнаго комитета: 27-го апрѣля—за № 173—кн. Ливень сообщилъ Бороздину, что управленіе не согласилось пропустить статью, „потому что въ оной разсуждается о предметахъ высокихъ съ такою неясностію, что она можетъ быть поводомъ къ превратнымъ толкованіямъ“³⁾). Предписаніе министра было выслушано 5-го мая въ засѣданіи цензурнаго комитета, который и опредѣлилъ „удержать рукопись при дѣлахъ комитета“⁴⁾).—Къ сожалѣнію, соответствующее дѣло

¹⁾ Архивъ министерства нар. проsv. Цензурныя дѣла 1831 г.—карт. XVI: № 147034. „Дѣло по представленію попечителя Слб. уч. округа о статьѣ „Замѣчанія на статью, помѣщенную въ „Моск. Телеграфъ“, подъ названіемъ: „Обозрѣніе XVIII вѣка“. Нач. 6 апрѣля—конч. 27 апрѣля.—Краткое упоминаніе о дѣлѣ см. у В. В. Стасова: „Русская Старина“ 1903 г., II кн.—310 стр.“

²⁾ „Русская Старина“ 1903 г., II кн.—307 стр.

³⁾ Архивъ Минист. нар. проsv., дѣло № 147034—копія.

⁴⁾ Ibid.—дѣло съ реэстрами одобренныхъ рукописей и книгъ и съ выписками изъ журналовъ засѣданій цензурныхъ комитетовъ. — № 147055. Нач. 18 іюля—конч. 7 декабря.

цензурнаго комитета, заключавшее въ себѣ и рукопись запрещенной статьи Тихонова, не сохранилось въ архивѣ Петроградскаго университета.

Послѣднимъ эпизодомъ цензурной исторіи „Литературной Газеты“ было запрещеніе статьи Сомова, написанной по поводу статьи въ 12 № „Сына Отечества“ за 1831 г.: „Бѣлое и черное, или семь пятницъ на недѣлѣ“¹⁾. Статья „Сына Отечества“ заключала въ себѣ рядъ цитатъ изъ „Обозрѣній российской словесности“, помѣщавшихся Сомовымъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828, 1829, 1830 и 1831 г. г.,—и раздѣлялась на двѣ части; первая была озаглавлена: „Что сказано г. Сомовымъ въ похвалу сочиненій *Θ.* Булгарина, когда почтенный *О. М.* Сомовъ былъ сотрудникомъ періодическихъ изданій *Н. И.* Греча и *Θ.* Булгарина“,—а вторая: „Что сказано г. Сомовымъ въ порицаніе сочиненій *Θ.* Булгарина, когда почтенный *О. М.* Сомовъ пересталъ быть сотрудникомъ періодическихъ изданій *Н. И.* Греча и *Θ.* Булгарина“. Цитаты изъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ Булгаринъ снабдилъ колкими примѣчаніями, особенно напавъ на выраженіе Сомова, что авторъ „Выжигина“ „пишетъ, какъ иностранецъ“: „Не знаю, восклицалъ онъ, по какому праву *Θ. Б.*, учившійся русскому языку отъ 6-ти лѣтняго возраста въ Сухопутномъ Корпусѣ, что нынѣ 1-й кадетскій, пожалованъ г. Сомовымъ въ иностранцы? И Фонъ Визинъ, и баронъ Дельвиго, и проч. и проч. не кореннаго русскаго происхожденія, но *не иностранцы*. Знаменитый Карлъ Нодье сказалъ весьма справедливо, что отечество не есть часть земли, заключенная между такихъ-то рѣкъ и такихъ-то горъ, но есть языкъ. Люди, говорящіе, а тѣмъ болѣе пишущіе однимъ языкомъ—суть соотчичи. *Θ.* Булгаринъ писалъ по русски тогда уже, когда почтенный г. Сомовъ, его критикъ, еще учился грамотѣ русской, и что болѣе, *Θ.* Булгаринъ проливалъ кровь свою за Россію на поляхъ битвы прежде, нежели г. г. критики, называющіе его иностранцемъ, стали проливать чернила! Другой, вѣря на слово критикамъ, въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что Булгаринъ какой-нибудь чухонецъ! Нѣтъ! Онъ истый славянинъ, а не чужеземецъ въ Россіи, матери славянскихъ поколѣній! Прозваніе объясняетъ его происхожденіе! Стыдно, г. г. критики!“²⁾.

Сомовъ понималъ, конечно, справедливость упрековъ въ непостоянствѣ своихъ мнѣній, но невѣроятная наглость Булга-

¹⁾ Статья подписана: „...ъ“ и принадлежитъ, конечно, Булгарину, подписавшему и примѣчанія къ ней.

²⁾ „С. О.“ 1831 г., № 12—317 стр.

рина, сражавшагося, какъ извѣстно, въ 1812 г. *противъ* Россіи, заставила все-таки его написать возраженіе. Щегловъ представилъ 7-го апрѣля статью на разсмотрѣніе цензурнаго комитета, а 14 апр. Бороздинъ сообщилъ Главному управленію цензуры—за № 78-мъ—мнѣніе комитета, нашедшаго, „что статья сія заключаетъ въ себѣ не литературный разборъ какого-либо сочиненія, но обнародованіе обстоятельствъ, касающихся до частной жизни и службы г. Булгарина; потому засѣданіе комитета полагало неприличнымъ и даже непозволительнымъ напечатаніе оной, по силѣ § 3 пункта 4 устава о цензурѣ: но г. издатель „Литературной Газеты“ просилъ комитетъ, чрезъ г. цензора, о представленіи статьи сей на благоусмотрѣніе Главнаго управленія цензуры, коль скоро комитетъ нашелъ бы, съ своей стороны, затрудненіе допустить оную къ напечатанію“¹⁾.

Главное управленіе цензуры разсмотрѣло статью въ засѣданіи 27-го апрѣля²⁾, но лишь 18-го мая кн. Ливень оповѣстилъ попечителя округа—за № 186-мъ,—„что, по изложенной цензурнымъ комитетомъ причинѣ, предполагаемая для напечатанія въ „Литературной Газетѣ“ статья [Сомова] не можетъ быть доволена въ настоящемъ ея видѣ“³⁾. Предписаніе это было выслушано цензурнымъ комитетомъ въ засѣданіи 26-го мая и во исполненіе его постановлено: „объявить г. сочинителю о такомъ рѣшеніи Главнаго управленія цензуры, рукопись же статьи удержать при дѣлахъ комитета для сравненія, которое можетъ быть нужнымъ въ томъ случаѣ, коль скоро статья сія вновь была бы представлена комитету передѣланною“⁴⁾. Сомовъ не дѣлалъ, однако, новыхъ попытокъ; неизвѣстно намъ и содержаніе его отповѣди Булгарину, т. к. соответствующее дѣло цензурнаго комитета тоже не сохранилось.

Таковы цензурныя судьбы „Литературной Газеты“.—Начавъ хирѣть еще въ концѣ 1830 г., „Литературная Газета“ послѣ смерти бар. Дельвига становилась все безжизненнѣе: количество подписчиковъ все уменьшалось,—и на 37-мъ номерѣ⁵⁾, начавшемъ IV-й томъ, изданіе оборвалось. **Н. Замковъ.**

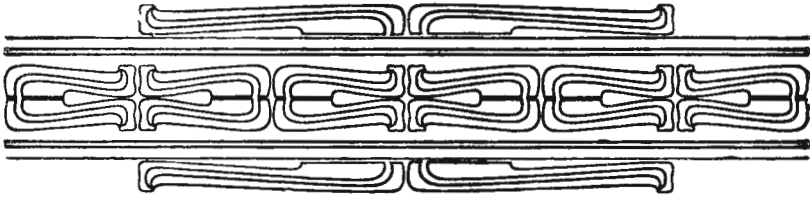
¹⁾ Архивъ Мин. нар. проsv. Цензурныя дѣла 1831 г.—карт. XVI, № 147040. „Дѣло по представленію попечителя Спб. уч. округа о статьѣ Сомова на статью, помѣщенную въ „Сынѣ Отечества“, подъ заглавіемъ: „Бѣлое и черное“. Нач. 25 апр.—конч. 18 мая.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.—копія.

⁴⁾ Дѣло архива Министерства нар. проsv.—№ 147055.

⁵⁾ Отъ 30 іюня: ценз. помѣта отъ 4 іюля.—Полугодовой комплектъ изъ 36 №№ составлялъ томъ „Литературной Газеты“.

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ, дѣтямъ и внукамъ и внучкамъ).

Лѣто 1849 г. я снова проводилъ въ Таболовѣ и тамъ открылъ цѣлую библиотечку, для которой была отведена отдѣльная комната, какъ въ англійскихъ аристократическихкихъ замкахъ (library), и которая была размѣщена въ большомъ порядкѣ, въ очень красивыхъ большихъ шкафахъ: ключи отъ этихъ шкафовъ мнѣ удалось выпросить себѣ у старшаго сына Наталіи Алексѣевны, кандидата правъ Александра Степановича Мельгунова, но подѣ условіемъ не брать книгъ къ себѣ въ комнату, а читать ихъ въ самой библиотекѣ, что представляло немалыя неудобства, такъ какъ комната эта была совсѣмъ въ сторонѣ, почти всегда заперта, съ невыставленными окнами, со спертымъ воздухомъ, хотя я и настаивалъ, чтобы въ ней отворялись на цѣлый день форточки. Библиотека эта собрана была отцомъ и дѣдомъ Александра Степановича и заключала въ себѣ очень полную коллекцію французскихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ въ очень хорошихъ переплетахъ и Revue des deux Mondes съ самаго начала его и до 1845 г. Французскими классиками я мало въ то время интересовался и прочелъ только Confessions de Jean Jacques Rousseau; но Revue des deux Mondes я подробно разсматривалъ и въ немъ особенно увлекся блистательными статьями Franz Comte de Champagne—les Césars, которыми я впоследствии запасся въ отдѣльномъ изданіи изъ

¹⁾ См. „Русская Старина“. апрѣль 1916 г.

университетской библиотеки (2 тома истории Цезарей и 2-же тома *Fableau du monde Romain pendant les Césars*) и которые я основательно прочиталъ уже по окончаніи университетскаго курса, справляясь съ источниками, на которые ссылался даровитый, очень религіозно настроенный и преданный католицизму авторъ.

Такимъ образомъ, въ историческомъ моемъ чтеніи ничего систематическаго не было, а было много случайнаго, и только три эпохи стали мнѣ этимъ путемъ ближе извѣстны—1) гуманизма и германской реформаци, 2) первой французской революціи и 3) римскихъ Цезарей, особенно же Августа.

Наибольшую систематичностью все-таки отличалось мое чтеніе и изученіе сочиненій по части философіи: благодаря руководству М. Н. Каткова, я довольно близко ознакомился съ Платономъ, затѣмъ изучилъ логическій органъ Аристотеля и читалъ его политику, а въ 1848—1849 учебномъ году принялся за изученіе Бенеке. Прежде всего, по рекомендаціи Михаила Никифоровича, я прочиталъ его *Grundlegung zur Physik der itten* (въ противоположность Кантовской *Metaphysik der Sitten*) очень увлекательно изложенную въ формѣ писемъ. Не менѣе увлекательнымъ чтеніемъ были его *Psychologische Skizzen* (2 тома), къ которымъ я перешелъ потомъ и которые я завершилъ тщательнымъ изученіемъ его *Lehrbuch der Psychologie*.

Тяжкія времена тогда наступали для нашего просвѣщенія: слухи объ этомъ доходили и до насъ, студентовъ. Руками самого же Уварова разрушался болѣе чѣмъ умѣренный и скромный уваровскій классицизмъ и шли толки уже о прекращеніи преподаванія въ университетахъ исторіи философіи и о передачѣ преподаванія психологіи и логики профессору богословія. Въ виду этого ни Леонтьевъ, ни Катковъ не рѣшались усиленно вербовать себя послѣдователей по ихъ специальности, и Михаилъ Никифоровичъ, рекомендуя мнѣ изученіе психологическихъ сочиненій Бенеке, прямо указывалъ, что это мнѣ во всякомъ случаѣ пригодится и въ жизненномъ обиходѣ вообще, и въ занятіяхъ по исторіи, и въ педагогической дѣятельности, буде я себя ей посвящу. Впослѣдствіи уже, по окончаніи мною университетскаго курса, благодаря М. Н. Каткову, я имѣлъ счастливую возможность изучить 4 новыхъ берлинскихъ курса Шеллинга, которые въ то время еще не были изданы въ свѣтъ. Вообще все, что я изучалъ по части философіи подъ руководствомъ или по указанію М. Н. Каткова, было для меня важнымъ приобрѣтеніемъ на всю жизнь.

Къ числу тяжкихъ ударовъ, поражавшихъ наше просвѣщеніе въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ началѣ 50-хъ, принадлежитъ и закрытіе Московскаго дворянскаго института, изумившее все Московское общество и въ особенности насъ, бывшихъ питомцевъ института: въ объясненіе этого грустнаго событія мы не могли привести ничего кромѣ словъ, незадолго передъ тѣмъ вычитанныхъ нами у Тацита, по поводу изгнанія философовъ изъ Рима: *ne quid honesti occurrat* (да не встрѣтится что-либо честное, что-либо достойное уваженія). Рассказывалось въ то время по этому поводу нѣчто совсѣмъ невѣроятное, между прочимъ, будто бы великолѣпное зданіе института очень поправилось великому князю Михаилу Павловичу, и онъ хотѣлъ обратить его въ свой дворецъ. Другіе прибавляли къ этому, что Императоръ Николай Павловичъ, все еще не забывшій, что при первомъ своемъ посѣщеніи института (тогда еще университетскаго благороднаго пансіона), послѣ восшествія своего на престолъ, онъ на золотой его доскѣ прочелъ имена многихъ декабристовъ—Пестеля, Рылѣва, Муравьева, и теперь при посѣщеніи института весною 1849 г. былъ въ очень дурномъ расположеніи духа и, войдя въ актовъ залъ, гдѣ были собраны всѣ ученики, прежде всего замѣтилъ, что у одного изъ учениковъ старшаго класса была оборвана пуговица на мундирѣ, и тотчасъ указалъ директору: „Это что такое? Что это за безпорядокъ!“ Директоръ въ смущеніи не понялъ вопроса и ничего не отвѣтилъ. „А это что значить?“—будто бы продолжалъ Государь: „маленькіе возлѣ большихъ, большіе среди маленькихъ“. Тогда директоръ вмѣсто того, чтобы просто отвѣтить, что ученики расположены по классамъ, началъ будто бы объяснять, что ученики располагаются въ институтѣ не по росту, а по своимъ успѣхамъ въ наукахъ, и Государь, усмотрѣвъ въ этомъ какъ бы дерзкій намекъ, гнѣвно вскричалъ на весь залъ: „Молчать, дуракъ!“ повернулся назадъ и уѣхалъ изъ института. Мы вѣрили тогда этимъ рассказамъ, хотя они состоятъ въ прямомъ противорѣчій съ послѣдующими фактами, съ тѣмъ, что директоръ института А. П. Чивилевъ вслѣдъ за тѣмъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго воспитателя дѣтей Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, графа С. Г. Строгонова, и что зданіе института не было обращено въ дворецъ, а перешло сначала къ замѣнившей институтъ 4-й Московской гимназіи, а затѣмъ употреблено было для Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музея. Но и въ томъ видѣ, какъ дѣло изображается въ сборникѣ постановленій по министерству народнаго

просвѣщенія, оно представляется въ высшей степени прискорбнымъ. 21 марта 1849 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ полагалось существенное начало разгрому уваровскихъ гимназій. 30 апрѣля 1849 г. статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія два Высочайшія повелѣнія: одно объ ограниченіи числа студентовъ въ каждомъ университетѣ тремя стами, а другое слѣдующаго содержанія: „Съ учрежденіемъ въ Москвѣ втораго кадетскаго корпуса Государь Императоръ, признавъ существованіе Московскаго дворянскаго института бесполезнымъ, Высочайше повелѣтъ изволилъ сдѣлать соображеніе о закрытіи его съ передачею дѣтей меньшихъ классовъ въ кадетскій корпусъ и съ оставленіемъ вышихъ классовъ только до окончанія курса сего года, родителямъ же предоставить на волю, если они не согласятся на переводъ ихъ дѣтей въ кадеты, взять ихъ къ себѣ обратно“. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ министръ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровъ отъ 1 іюня 1849 г. всячески старался отстоять существованіе дворянскаго института и заключилъ свой всеподданнѣйшій докладъ словами: „Ежели Ваше Императорское Величество изволите признать необходимымъ закрытіе Московскаго дворянскаго института, въ такомъ случаѣ я осмѣливаюсь испрашивать Всемилостивѣйшаго соизволенія на учрежденіе въ Москвѣ 4-й гимназіи по общему уставу“. Государь не измѣнилъ своего рѣшенія закрыть институтъ, но согласился на замѣну его 4-ю гимназіей. Высочайшее на то соизволеніе послѣдовало того же 1 іюня 1849 г., но съ тѣмъ, чтобы къ этой новой гимназіи примѣнены были тѣ мѣры, которыя состоялись въ силу Высочайше утвержденного 21 марта 1849 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта и которыя въ сущности упраздняли совѣмъ классическіе языки, и чтобы ей же было предоставлено зданіе института съ лежащимъ на немъ долгомъ и изъ казны на ея содержаніе отпускалось по 8.330 р. 30 к. Такъ было прекращено плодотворное и славное существованіе учебно-воспитательнаго заведенія, возникшаго въ 1779 г., въ славное царствованіе Императрицы Екатерины II, подъ именемъ университетскаго благороднаго пансіона и потомъ преобразованнаго въ 1833 г. въ Московскій дворянскій институтъ, даващаго русской государственной службѣ, русской наукѣ и литературѣ многихъ замѣчательныхъ дѣятелей и имѣвшаго свои многія и несомнѣнно добрыя преданія.

Директоръ института А. И. Чивилевъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ

и профессоромъ политической экономіи и статистики, которыя въ то время принадлежали къ историко-филологическому факультету, хотя слушались и юристами, и которыя читались совмѣстно двумъ курсамъ III и IV-му: одинъ годъ—политическая экономія, другой годъ—статистика. Въ 1848—1849 учебномъ году я слушалъ статистику, а затѣмъ съ закрытіемъ дворянскаго института Чивилевъ перешелъ на службу въ С.-Петербургъ, и катедра политической экономіи и статистики осталась въ продолженіе цѣлаго года вакантною до назначенія на нее И. В. Вернадскаго. Такимъ образомъ мнѣ не пришлось слушать лекцій въ университетѣ по политической экономіи. Я очень объ этомъ сожалѣлъ, постоянно наталкиваясь на политико-экономическіе вопросы при чтеніи книгъ по новой и новѣйшей исторіи, равно какъ и при чтеніи иностранныхъ газетъ. При томъ же говорили, что въ составъ экзамена на IV курсѣ все-таки войдетъ политическая экономія, и несомнѣнно изъ нея производился экзаменъ на степень магистра всеобщей исторіи. Случайно въ числѣ книгъ, не помню чьей бібліотеки, продававшейся у М. Н. Каткова, мнѣ вмѣстѣ съ Шекспиромъ въ переводѣ Шлегеля на нѣмецкомъ языкѣ, съ *S quattro poeti italiani* и сочиненіями Маккиавелли на итальянскомъ же языкѣ, попались и *Guillouin—Dictionnaire d'Economie politique*, *Rau—Lehrbuch der politischen Economie*, *Michel Chevalier—Cours d'Economie politique*.

Всѣ эти книги продавались съ большою уступкою, и я ихъ приобрѣлъ, и вскорѣ засѣлъ за политико-экономическія книги, положивъ въ основу сухой, но очень содержательный и точный учебникъ Рау, по которому читалъ свои лекціи Чивилевъ, и пополнялъ его статьями изъ вышеупомянутаго словаря, а затѣмъ прочиталъ и весь курсъ Мишеля Шевалье; изъ Рау я дѣлалъ даже письменное извлеченіе. Путемъ такихъ самостоятельныхъ занятій по отличнымъ книгамъ я приобрѣлъ, конечно, гораздо болѣе обширныя и болѣе прочныя познанія въ политической экономіи, чѣмъ если бы мнѣ удалось прослушать курсъ Чивилева или Вернадскаго, и эти познанія очень мнѣ пригодились впоследствии.

Начало 1848—1849 учебнаго года ознаменовалось посѣщеніемъ и осмотромъ Московскаго университета со стороны министра графа Уварова. Намъ онъ показался живымъ, но искусственнымъ, поддѣльнымъ, на пружинахъ, и раскрашеннымъ старичкомъ. Намъ, студентамъ, было предложено отъ его имени избрать по какому угодно предмету какую-либо тему, по со-

глашенію съ профессоромъ соотвѣтственной каедры и обработать ее въ видѣ лекціи для устнаго ея изложенія передъ министромъ по его назначенію. Для этихъ нашихъ чтеній по историко-филологическому факультету было назначено 20 сентября 1848 г. Охотниковъ нашлось множество. Списокъ ихъ и заглавія приготовленныхъ ими лекцій напечатаны въ X томѣ (стр. 140—143) въ высшей степени интереснаго и важнаго для всей современной общественной, литературной и научной русской исторіи сочиненія Н. П. Барсукова: *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Здѣсь перечислены 19 именъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ два только-что окончившихъ курсъ кандидата Филипповъ и Зедергольмъ: изъ нихъ приготовились читать 7 по русскому языку и словесности (Магницкій, Свербеевъ, Рогозинниковъ, Гарусовъ, Бартенева, Сипягинъ, Базилевскій); 2—по русской исторіи (Худяковъ и канд. Филипповъ); 2—по славянскимъ нарѣчіямъ (Магницкій и Бѣляевъ); 4—по классической филологіи (Зедергольмъ, Соколовъ, Возницынъ и Хлоповъ); 1 по философіи (Безсоновъ); 1—по политической экономіи (Горловъ) и 3 по всеобщей исторіи (Рогозинниковъ, Ешевскій и я, Георгіевскій); изъ нихъ двое по двумъ предметамъ (Рогозинниковъ по русской словесности и всеобщей исторіи и Магницкій по русской словесности и славянскимъ нарѣчіямъ). Если не считать двоихъ кандидатовъ, то все-таки нашлось 17 человекъ, которые чувствовали себя въ силахъ въ 2—3 дня приготовиться къ устному изложенію передъ ученымъ министромъ, профессорами и студентами факультета и многими посторонними лицами избраннаго ими изъ какой-либо науки вопроса, а и всѣхъ-то студентовъ на нашемъ факультетѣ, не считая I курса, который къ этому экзамену не привлекался, было едва-ли больше 100 человекъ; очевидно, что въ то время было много настоящихъ студентовъ по крайней мѣрѣ на нашемъ факультетѣ.

Кому изъ этихъ 19 лицъ читать свою лекцію передъ министромъ, это повидимому было рѣшено имъ самимъ по соглашенію съ деканомъ факультета С. П. Шевыревымъ на основаніи представленнаго имъ списка студентовъ и ихъ лекцій. Русской словесности при этомъ было отдано предпочтеніе: по ней читали двое—Магницкій о Державинѣ и Свербеевъ о Крыловѣ. Отца Свербеева, вѣроятно, зналъ и самъ министръ, такъ какъ онъ занималъ видное и почетное мѣсто въ Московскомъ обществѣ. Другія лекціи были выбраны, вѣроятно, потому, что судя по ихъ темамъ можно было удобнѣе составить себѣ понятіе о

направленіи преподаванія въ университетѣ. Это были Безсоновъ—о современномъ состояніи психологіи, Худяковъ о междоусобицѣ въ Московскомъ государствѣ и Горловъ о постепенномъ развитіи народнаго хозяйства. Наибольшею зрѣлостью и обдуманностью, наибольшею послѣдовательностью изложенія отличалась лекція Безсонова: онъ читалъ какъ настоящій профессоръ, съ твердою самоувѣренностью, безъ малѣйшей робости или оторопѣлости. Онъ былъ много старше всѣхъ насъ и былъ изъ числа окончившихъ полный курсъ ученія духовной семинаріи. Мы очень имъ гордились по этому случаю и говорили, что онъ поддержалъ честь студентовъ Московскаго университета предъ лицомъ министра. Еще до начала этихъ чтеній было намъ объявлено, кто будетъ читать, и потому не попавшіе въ число избранныхъ могли быть спокойными слушателями своихъ товарищей. Хотя выдающимся лекторомъ оказался собственно одинъ только Безсоновъ, но и другіе исполнили свое дѣло очень сносно.

Избранная мною лекція озаглавлена въ сочиненіи Н. Пл. Барсукова: „О предшественникахъ реформаціи“; въ сохранившихся у меня наброскахъ этой лекціи она носитъ болѣе точное заглавіе: „О значеніи гуманизма въ началѣ новой исторіи“. Мнѣ пригодились въ этомъ случаѣ мои работы лѣтомъ 1847 г., объ Ульрихѣ Гуттенѣ. Прежде всего я думалъ коснуться въ своей лекціи противоположности воззрѣній древне-классическаго міра и міра средневѣковаго и указать, что увлеченіе классическою древностью сильно подрывало авторитетъ и средневѣковой науки-схоластики и средневѣковыхъ учреждений—іерархическихъ и феодальныхъ, что въ Италіи гуманизмъ ограничился главнѣйше возрожденіемъ наукъ и искусствъ, преобразивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и политическія воззрѣнія (Маккиавелли), а въ Германіи, примкнувъ къ реформаціи, онъ содѣйствовалъ ея торжеству пораженіемъ схоластики и ея приверженцевъ, доминиканцевъ, въ ихъ борьбѣ противъ Рейхлина, и заготовленіемъ средствъ и способовъ для постановки дѣла реформаціи на твердую почву доступнаго для всей массы народа перевода священнаго писанія ветхаго и новаго заветъа съ ихъ подлинныхъ языковъ, еврейскаго и греческаго, на языкъ нѣмецкій. Съ болѣею подробностью я предполагалъ остановиться при этомъ на Эразмѣ Роттердамскомъ, на Рейхлинѣ и на борьбѣ его съ схоластикой и инквизиціей по поводу изученія имъ древне-еврейскаго языка у евреевъ и на содѣйствіи ему Гуттена составленіемъ и напечатаніемъ *Epistolae obscurorum virorum*. Свой

планъ и нѣкоторыя подробности самаго изложенія я предварительно сообщилъ П. Н. Кудрявцеву, который ихъ вполне одобрилъ и потомъ очень сожалѣлъ, что ни я и никто по всеобщей исторіи не попалъ въ число избранныхъ лекторовъ. Странно, что никто изъ нашихъ профессоровъ не напалъ на мысль предоставить всѣмъ заготовившимъ лекціи изложить ихъ передъ товарищами и профессорами въ особые назначенныя для того часы. Быть можетъ, этому воспрепятствовали нижеслѣдующія обстоятельства, которыя излагаетъ Н. П. Барсуковъ въ X томѣ своего превосходнаго труда. (Стр. 144, 145).

Графъ Уваровъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ писалъ о нихъ: „Дабы нѣкоторымъ образомъ доказать юношеству степень и родъ участія, которое высшее начальство принимаетъ въ ихъ успѣхахъ, я допустилъ экзамены особаго рода, упражненія, въ коихъ студенты замѣняли преподавателей и гдѣ каждый по желанію могъ съ каеэдры говорить о предметѣ, имъ избранномъ. Эти бесѣды, коими былъ мною сдѣланъ первый опытъ за 16 лѣтъ въ Московскомъ же университетѣ, имѣли полный успѣхъ: онѣ возбудили живое и благородное соревнованіе между студентами, рѣзко отдѣляя способныхъ отъ слабыхъ и открывая нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ; мнѣ же служили, такъ сказать, зеркаломъ, въ коемъ непосредственно отражались и духъ преподаванія профессоровъ, и собственный взглядъ молодыхъ людей на предметы, ихъ занимающіе. Этими вѣрными данными министерство не оставитъ воспользоваться и на будущее время“. Каково должно было быть и удивленіе, и огорченіе гр. Уварова, когда онъ прочелъ слѣдующее объ этомъ замѣчаніе Императора Николая Павловича: „Подобныя рѣчи съ каеэдры студентовъ считаю полезными *только и единственно* для тѣхъ изъ нихъ, которые сами готовятся служить по ученой или учебной части; для прочихъ же считаю сіе рѣшительно *вреднымъ* и не могу дозволить продолжать сего, ибо оно вселяетъ въ нихъ привычку и желаніе блистать краснорѣчіемъ, что противно духу нашихъ постановленій и вовсе бесполезно“.

Первый опытъ въ этомъ родѣ, о коемъ упоминаетъ гр. Уваровъ въ своемъ отчетѣ, былъ имъ произведенъ въ 1832 г., въ качествѣ товарища министра при обзорѣніи Московскаго университета и гимназій. Въ своемъ отчетѣ объ этомъ обзорѣніи, который по его просьбѣ былъ въ подлинникѣ представленъ 4 декабря 1832 г. на Высочайшее воззрѣніе, С. С. Уваровъ, между прочимъ, говорилъ: „Во время моего пребыванія въ

Москвѣ я не только посѣщалъ ежедневно лекціи профессоровъ, но еще передъ отъѣздомъ учредилъ на сей разъ въ каждомъ факультетѣ новый родъ испытанія для студентовъ, заставляя отличнѣйшихъ изъ нихъ отвѣчать съ кафедръ въ видѣ краткихъ лекцій на заданные имъ письменные вопросы, приуроченные къ пройденнымъ ими предметамъ. Дабы лучше обозрѣть цѣль сихъ упражненій, скажу, что включая впечатлѣніе, произведенное робостью молодыхъ людей и новостью сего образа испытанія, къ коему ни они, ни профессора не были ни мало приготовлены, я во многихъ изъ молодыхъ людей нашелъ весьма хорошія познанія и даръ выражать мысли правильно и даже пріятно. Прибавлю, что студенты медицинскаго факультета превосходили прочихъ въ сихъ упражненіяхъ или бесѣдахъ, коихъ примѣненіе могло бы быть повсюду полезно, ибо они служатъ для опытнаго наблюдателя лучшимъ мѣриломъ къ узнанію степени успѣховъ и способности каждаго и даже къ изслѣдованію образа мыслей предстоящаго юношества. Сей новый способъ, сначала напугавшій нѣкоторымъ образомъ не привыкшихъ къ оному студентовъ, возродилъ потомъ такое соревнованіе, что они неотступно и толпою искали у профессоровъ соизволенія явиться мгновенно на кафедру въ моемъ присутствіи и въ присутствіи многихъ особъ, привлеченныхъ любопытствомъ, какъ-то: князя Д. В. Голицына, графа Румянцева, И. И. Дмитріева, князя С. С. Гагарина и многихъ другихъ, удостаивавшихъ весьма часто въ мою бытность университетскія лекціи своего посѣщенія“¹⁾. Тогда сей „новый способъ“ не вызвалъ со стороны Императора Николая Павловича никакого укоризненнаго замѣчанія. „Способъ“ 1832 г. впрочемъ существенно отличался отъ „способа“ 1848 г.: въ 1832 г. это были, повидимому, отвѣты безъ всякой предварительной подготовки на предложенные письменно вопросы-отвѣты, излагаемые студентами связно и безъ перерывовъ съ кафедры, а въ 1848 г. это были настоящія пробныя лекціи, заранѣе подготовленныя, хотя и въ короткій срокъ времени, на избранную самимъ студентомъ тему. Можетъ ли служить тотъ или другой изъ этихъ способовъ лучшимъ, то-есть, наиболѣе надежнымъ и достовѣрнымъ, „мѣриломъ къ указанію степени успѣховъ и способностей каждаго и даже къ изслѣдованію образа мыслей юношества“, этотъ вопросъ можетъ быть здѣсь оставленъ безъ

¹⁾ Доп. къ сборн. постан. по Минист. Нар. Пр. Спб. 1867 г., стр. 346 и 347.

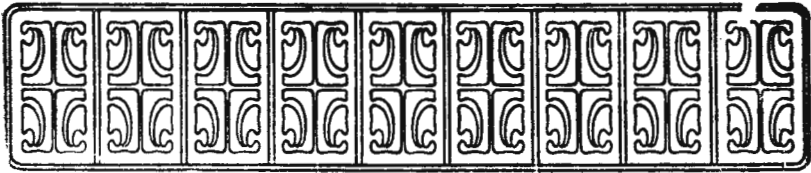
дальнѣйшаго разъясненія; но что и тотъ, и другой могутъ быть вполне пригодны при производствѣ экзаменовъ какъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и быть можетъ особенно при окончаніи курса въ тѣхъ и другихъ, это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію: ни съ педагогической, ни тѣмъ паче съ политической точки зрѣнія ни тотъ, ни другой не заслуживаютъ порицанія. „Новыми“ способами едва-ли можно ихъ назвать: издавна и у насъ, и за границей въ большомъ ходу предъ допущеніемъ къ преподаванію какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ и даже въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ пробныя лекціи, такъ и пробныя уроки на избранную самимъ испытуемымъ тему или на предложенную ему, или на ту и на другую, предъ воображаемыми слушателями или учениками и сообразно съ предполагаемымъ ихъ развитіемъ, познаніями и способностями. Но наиболѣе цѣнны подобныя лекціи, когда онѣ являются не въ качествѣ пробныхъ или служащихъ для испытанія, а въ качествѣ постоянныхъ научно-практическихъ упражненій. Имъ издавна придается большое значеніе и дано очень широкое развитіе въ знаменитой Парижской Ecole normale supérieure: упражненія эти составляютъ наибольшую силу этой школы и чуть ли не одну изъ главныхъ причинъ ея процвѣтанія и того, что она стала гордостью какъ всей Франціи, такъ и лучшихъ ея ученыхъ литераторовъ, которые чрезвычайно дорожатъ возможностью прибавить къ прочимъ своимъ званіямъ и титуламъ еще и указаніе на мѣсто своего высшаго образованія—normalien. Нашъ главный педагогическій институтъ былъ въ свое время устроенъ на подобіе этой Ecole normale supérieure, и весьма вѣроятно, что и этого рода научно-практическія упражненія были въ немъ въ ходу. Въ Германіи они также распространены и въ старшихъ классахъ гимназій, и въ университетахъ, да и у насъ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, были распространены въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Императоръ Николай Павловичъ съ своей стороны признавалъ ихъ полезными *только и единственно* для тѣхъ, кто самъ готовится служить по ученой или учебной части; но къ этому кругу лицъ должно было и въ то время прибавить, кромѣ священно-служителей-проповѣдниковъ, еще секретарей-докладчиковъ по судебной и административной частямъ, а въ настоящее время и всѣхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ и ихъ помощниковъ, всѣхъ земскихъ дѣятелей и дѣятелей по городскому общественному управленію, равно какъ всѣхъ чле-

новъ многоразличныхъ обществъ и комиссій, всѣхъ, кому приходится говорить публично въ качествѣ экспертовъ, и т. д. А противъ „желанія и привычки блистать краснорѣчіемъ“ опытные и разумные руководители этихъ полезныхъ научно-практическихъ упражненій должны быть постоянно насторожѣ и должны предостерегать отъ подобныхъ наклонностей и всячески имъ противодействовать съ чисто-научной, дѣловой и педагогической точки зрѣнія. Я возвращусь еще къ этому предмету, если мнѣ суждено будетъ дойти въ этихъ моихъ воспоминаніяхъ до осмотра мною въ ноябрѣ 1896 г. Ecole Normale supérieure de Paris.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ Гордона во время его пребыванія въ Россіи ¹⁾).

Перваго февраля я немного оправился отъ спльнаго флюса и опухоли на глазахъ, зубахъ, шеѣ и плечахъ, которыми хворалъ съ 20 января и притомъ настолько, что могъ быть, хотя и не безъ затрудненій, на крестинахъ у думнаго дворянина Родіона Михайловича Павлова.

2 числа узнали, что польскіе казаки ропщутъ на неплатежъ имъ жалованья и грозятъ возвратиться за Днѣпръ, въ свои жилища и что, по этому поводу были посланы ими уполномоченные къ королю польскому. Въ тотъ же день доставлены пять царскихъ писемъ, относящихся до различныхъ предметовъ.

3 числа вмѣстѣ съ многими другими я былъ на празднествѣ у боярина.

5 числа писалъ полковникамъ Гамильтону и фонъ-Менгдену, а также Джемсу Линдсею, которому напоминалъ о своей просьбѣ (объ увольненіи изъ страны). Писалъ полковнику Ронаэру съ г. Лемакомъ.

6 числа прибылъ дворянинъ по имени Александръ Якубовскій, живущій въ Неродицѣ (Народицѣ), въ 24 миляхъ отъ Кіева, съ четырьмя возами меда, который онъ хотѣлъ продать въ Кіевѣ. Онъ сообщилъ, что во время его пребыванія въ Уфдимірѣ, гетманъ Гогола или Могила увѣдомилъ тамошняго полковника, что турки и татары, вмѣстѣ съ поставленнымъ татарами казацкимъ атаманомъ Сулимкою подошли съ пушками къ Немирову, съ намѣреніемъ овладѣть этимъ мѣстомъ и что поэтому упомянутый полковникъ долженъ спѣшить на помощь городу.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

Полякъ, по имени Стенька Прохоровъ, былъ найденъ кузнецомъ Абрамомъ, при чемъ оказалось, что онъ прибылъ изъ Бѣлой Церкви, съ намѣреніемъ уговорить казаковъ перейти на сторону поляковъ и служить королю польскому. Схваченный, онъ при допросѣ показалъ, что служилъ солдатомъ въ Бѣлой Церкви и 2 февраля, вмѣстѣ съ двумя другими, бѣжалъ черезъ валь. Другіе двое, Гришка и Оедька, направились къ Переяславлю съ намѣреніемъ украсть лошадей и съ ними поступить въ королевскую армію; это уже они ранѣе продѣлали съ бѣжавшимъ слугою окольного князя Ивана Степановича Хотяевского. Онъ еще добавилъ, что, за день передъ тѣмъ какъ они ушли, два казака на лыжахъ прибыли отъ гетмана Могилы и сообщили, что сынъ хана крымскаго съ 6.000 татарами, 1.000 янычарами и Сулимкою, при которомъ тысяча казаковъ, а также 16 орудіями подошли къ Немирову, который обыватели города немедленно имъ сдали; что Могила съ большимъ трудомъ укрылся въ замкѣ и что его осаждаютъ тамъ незначительный отрядъ войска; что въ тотъ же день они штурмовали замокъ съ полудни до ночи, но не могли овладѣть имъ и, размѣстившись по квартирамъ въ городѣ у обывателей, рѣшили принудить замокъ къ сдачѣ. Поэтому Могила отправилъ этихъ двухъ казаковъ повѣстить объ этомъ вездѣ польскимъ войскамъ и просить ихъ спѣшить къ нему на помощь. Король Великой Британіи, Карлъ II скончался въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня.

7 числа вышеизложенныя извѣстія были сообщены по почтѣ въ Москву.

8 числа возвратились изъ Москвы кievскіе просители и доставили полугодное жалованье мнѣ, офицерамъ и солдатамъ, а также стрѣльцамъ Кіевского гарнизона, всего 3.468 р. серебряною и 800 р. мѣдною монетою и вмѣстѣ съ тѣмъ доставили приказаніе выдать каждому солдату и стрѣльцу по одному рублю на покупку бараньяго тулуца и уплатить 30 р. за провозъ муки, которая будетъ прислана изъ Брянска, точно также какъ была доставлена для Московскихъ стрѣльцовъ.

Я получилъ письмо отъ голландскаго резидента съ разными комплименстами и всякими иностранными новостями, а также и отъ графа Грехама, который сообщилъ, что былъ командированъ въ Бѣлгородъ на мѣсто генерала Блица. Другія лица писали мнѣ, что ничего не рѣшено относительно моего отпуска. Изъ письма г. Гуаскони я узналъ, что онъ получилъ отъ капитана Кристи, за мой счетъ, сто рублей и долженъ,

черезъ 10 дней, получить и отъ г. Гассениуса — остальные 61 руб. и что онъ надѣется вскорѣ переслать деньги, согласно моему приказанію г. Натаніэлю Кэмбриджу, купцу въ Гамбургѣ, чтобы онъ уплатилъ кому слѣдуетъ спеціэсъ-талерами. Кромѣ того, получилъ письмо отъ патера Шмидта, сообщавшее, что г. Курцъ, шталмейстеръ бывшаго римско-католическаго посла, вскорѣ прибудетъ въ Москву съ письмами къ царямъ отъ Римскаго императора.

Я и другія лица обѣдали у Ивана Озерова, и вечеромъ у меня ужинали бояринъ съ супругою.

9 числа я передалъ имянной списокъ солдатъ и стрѣльцовъ для отпуска по немъ денегъ на покупку бараньихъ тулуповъ; въ немъ было показано 138 солдатъ и унтеръ-офицеровъ и 276 стрѣльцовъ и прочихъ, всего 414 человекъ.

10 числа пришелъ архимандритъ Савинскаго монастыря въ Москвѣ паломникомъ въ Кіевъ и обѣдалъ у боярина, при чемъ, кромѣ меня и товарищей, никого болѣе не было.

Гетманъ прислалъ приказаніе Кіевскому полковнику, чтобы въ Польшу отнюдь не пропускали водку, табаку или какихъ-либо съѣстныхъ и жизненныхъ припасовъ.

11 числа я передалъ списокъ офицеровъ для полученія по немъ жалованья.

12 числа прибылъ казакъ, бывшій въ *Димирь* у полковника Семена Корсунца, и сказалъ, что во время обѣда прибылъ еще другой казакъ отъ коменданта Бѣлой Церкви съ извѣстіемъ, что турки, татары и измѣнившіе казаки приступили къ Немирову и осадили тамъ гетмана Андрея Могилу; что онъ долженъ послать туда немедленно на помощь войско и сообщить объ этомъ польскимъ войскамъ, находящимся въ этой же мѣстности, дабы они спѣшили на помощь Немирову; что тотъ же полковникъ Семень Корсунецъ узналъ, что полковникъ Лосницкій съ 18 хоругвями двинулся уже, чтобы принудить враговъ покинуть осаду Немирова и что татары заперли послѣдняго съ его людьми въ Богуславовскомъ; полковникъ Палей, двинувшійся туда же съ 800 человекъ, осажденъ равнымъ образомъ въ Мусиговѣ; что полковникъ Апостоль, прибывъ въ Черногородку и услыхавъ о дѣйствіяхъ татаръ, отступилъ къ Чернобылю; что польскія войска стягиваются у Любара, чтобы затѣмъ освободить Немировъ; что полковникъ Семень Корсунецъ писалъ коменданту, что онъ самъ не пойдетъ въ Немировъ и не пошлетъ туда и помощи, но рѣшится скорѣе оставить Димирь, переправиться черезъ Днѣпръ и идти слу-

жить царю; что казакъ съ деньгами прибылъ отъ короля польскаго, чтобы набрать роту пѣшихъ казаковъ и одну роту конныхъ. Всѣ эти извѣстія въ тотъ же вечеръ были сообщены, по почтѣ, въ Москву.

Пришло приказаніе набрать 23 солдатскихъ дѣтей, 17 стрѣльцовъ и еще трехъ солдатъ, такъ что теперь будетъ солдатъ 162, стрѣльцовъ и унтеръ-офицеровъ 295 и всего 457 человекъ.

14 числа я получилъ изъ Москвы отъ г. Виніуса письма отъ 30 января и при этомъ печатныя газеты.

15 числа всѣ старшіе офицеры обѣдали у окольного, который праздновалъ день именинъ своего сына.

18 числа пришли казаки изъ Ямполья и Острога, сообщившіе, что они слышали въ этихъ мѣстахъ, а также отъ купцовъ, прибывшихъ изъ Немирова и отъ сторонниковъ Могилы и Сулимки, что тамъ собрались около 2.000 татаръ, турокъ и казаковъ, но не проявляютъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Могилы и его партіи, а состоятъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ настолько, что вмѣстѣ ѣдятъ и пьютъ; что польскія войска стягиваются у Любара и кажется для того, чтобы освободить Немировъ, но, повидному, скорѣе намѣреваются переправиться черезъ Днѣпръ и идти въ Переяславль и оттуда на Кіевъ, потому что, по ихъ словамъ, русскіе нарушили миръ, захвативъ три города, принадлежавшіе полякамъ. Последнее совершенно ложно и потому не повѣрили разсказу о предстоящемъ нападеніи поляковъ на Россію, тѣмъ болѣе, что они же говорили, что слышали, какъ читали вслухъ письмо къ коменданту г. Заслава, которымъ каждый предостерегался быть насторожѣнъ, въ виду возможнаго нападенія татаръ. Тѣмъ не менѣе съ этимъ извѣстіями былъ отпращенъ курьеръ въ Москву.

Въ складѣ находилось всякаго желѣза 332 п. 14 фунтовъ.

Узнавъ, что показались 50 казаковъ, принадлежащихъ къ войску полковника Апостола, бояринъ послалъ сдѣлать замѣчаніе настоятелю Межигорскаго монастыря за то, что онъ не увѣдомилъ объ ихъ приближеніи. Настоятель отрицалъ появленіе подобныхъ казаковъ вообще.

19 числа пришли жители Переяславля съ подтвержденіемъ прежнихъ извѣстій изъ Острога и Тарнополя (Ямполья?).

Я сдѣлалъ представленіе, которое надлежало послать въ Москву; въ немъ я испрашивалъ разрѣшеніе на покупку балокъ и бревенъ для исправленія домовъ солдатскихъ и крѣпостныхъ укрѣпленій въ городѣ.

Было получено извѣщеніе, что стольникъ изъ Москвы ѣдетъ въ Кіевъ.

20 числа бояринъ и думный дворянинъ имѣли между собою объясненіе.

22 числа я и всѣ главнѣйшіе офицеры были у боярина на угощеньи, при чемъ между бояриномъ и думнымъ дворяниномъ были возстановлены мирныя отношенія.

Прибыль стольникъ, съ которымъ я получилъ отъ полковника Менгдена письмо, сообщавшее, что думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ сказалъ ему, что разъ навсегда рѣшено меня, Гордона, изъ Кіева не выпускать по причинамъ, которыя онъ не отваживается изложить и что мнѣ надлежитъ о всѣхъ моихъ обстоятельствахъ подать прошеніе.

21 числа стольникъ Потапъ Филимоновичъ Шеншинъ прибыль въ приказъ, спросилъ сперва Именемъ Ихъ Величествъ боярина и товарищей объ ихъ здоровьи, на что они съ поклонами благодарили; потомъ онъ продолжалъ говорить, что Ихъ Величества хвалятъ ихъ службу,—на что опять сдѣланы были поклоны. Послѣ этого стольникъ обратился къ мнѣ, полковникамъ, подполковникамъ и прочимъ офицерамъ и спросилъ также Именемъ Ихъ Величествъ о здоровьи и благодарилъ за службу, за что мы всѣ также два раза благодарили и дѣлали поклоны. Наконецъ, стольникъ обратился къ нижнимъ чинамъ и предложилъ имъ тѣ же вопросы, на которые они въ свою очередь кланялись и благодарили. Всѣ офицеры обѣдали въ этотъ день у боярина. Послѣ обѣда пили здравіе Ихъ Величествъ изъ большого бокала, вмѣщавшаго въ себѣ цѣлую шотландскую пинту. Затѣмъ стольнику были сдѣланы подарки, именно бояринъ подарилъ лошадь цѣною рублей въ 20, амалейку въ 2 руб., окольничій кусокъ тонкаго дамаста и *амалейку*; думный дворянинъ Павловъ—пару пистолетовъ, одинъ изъ дьяковъ—пару дорожныхъ пистолетъ (въ мѣшкѣ) съ кобурами.

24 числа бояринъ со всѣми офицерами направился въ Печерскій монастырь, гдѣ совершалось поминовеніе усопшаго архимандрита Иннокентія Чизеля.

Вечеромъ прибыль ко мнѣ стольникъ и проводилъ время за стаканомъ вина. Отъ него я узналъ, что татары не захотѣли принять ежегодно платимыя имъ деньги, посланныя къ мѣсту размѣна плѣнныхъ, но требовали, чтобы деньги, по прежнимъ примѣрамъ, были бы доставлены въ Крымъ, заявивъ, что въ

такомъ случаѣ освободятъ изъ плѣна, за деньги, дьяка Ивана Ишполитова и другихъ плѣнныхъ, а также и плѣнныхъ татаръ.

25 числа читалось большое Царское письмо, въ которомъ выражалась благодарность боярину и его товарищамъ за исправленіе городского вала. Я писалъ въ Москву и отвѣчалъ также на письма: полковнику Менгдену отъ 3 февраля; г. Виніусу, сообщая ему различныя новости; полковнику Гамильтону— сообщая ему мои мнѣнія, и полковнику Ронаэру, сообщая всякія ежедневныя новости и разные комплименты.

26 числа послѣ обѣда я съ другими лицами былъ въ Выдубецкомъ монастырѣ.

27 числа прибылъ обыватель Полоннаго съ извѣщеніемъ, что турки и татары, услыхавъ о сборѣ поляковъ на выручку Немирова, сожгли самый городъ, увели въ плѣнъ всѣхъ его обывателей съ женами и дѣтьми и сами удалились не извѣстно куда.

28 числа было получено извѣстіе, что польскіе казаки запаслись съѣстными припасами и изготовились къ выступленію послѣ дня Св. Георгія.

1 марта, послѣдній день русской масляницы; меня посѣтили всѣ и даже бояринъ; мы всѣ по очереди посѣщали другъ друга.

4 числа стрѣлецъ по имени Вавила поручилъ написать письмо околицнику князю Якову Шаховскому, въ которомъ содержались разныя несоотвѣтственныя свѣдѣнія. Писецъ принесъ письмо полковнику Озерову, который отправилъ стрѣльца въ приказъ съ письмомъ и съ донесеніемъ отъ себя. При допросѣ въ приказѣ стрѣлецъ показалъ, что во время его пребыванія въ Острогѣ одинъ казакъ, по имени Наумъ Кожемяковъ, сказалъ ему, если ты когда-либо захочешь быть богатымъ, то долженъ перейти къ намъ; мы къ тому имѣемъ случай. Мы рѣшили въ скоромъ времени погубить гетмана за взимаемыя имъ аренды, пошлины и другія притѣсенія. Мы послали также и къ донскимъ казакамъ предложеніе, чтобы они къ намъ присоединились, но они потребовали отъ насъ письменнаго обязательства.—Относительно письмо своего къ околицнику онъ объяснилъ, что нѣкогда сообщилъ ему тайну объ убійствѣ одного дворянина и былъ за это награжденъ, и теперь онъ намѣревается попасть въ Москву, благодаря этому письму и самъ сдѣлать извѣстнымъ свою заслугу.

Фендрихъ моего полка былъ отправленъ съ этимъ донесеніемъ въ Москву. Я съ нимъ писалъ думному дьяку Емельяну

Игнатъевичу Украинцеву, Ивану Бирину, голландскому резиденту, полковнику Менгдену, г. Виніусу, г. Гуаскони и патеру Шмидту.

5 числа я получилъ письмо изъ Москвы отъ полковниковъ Гамильтона и Менгдена, г. Боетенанта и отъ моего слуги Якова, съ извѣщеніемъ, что совершенно отказано отпускать меня далеко изъ Кіева, а тѣмъ болѣе изъ всей страны. Я писалъ поэтому брату моему и гг. Меверелль, Кэмбриджу и Гуаскони, сообщивъ имъ объ этомъ, а также и о другихъ предметахъ. Кромѣ того, я писалъ гг. Боетенанту, Гартману, Спарвенфельду, подъ адресомъ полковника фонъ-Менгдена. Я получилъ еще письмо отъ генераль-маіора графа фонъ-Грехамъ, на которое не могъ отвѣтить, потому что фонъ-Грехамъ былъ командированъ въ Бѣлгородъ. Эти письма я отправилъ съ пушкаремъ Архипомъ Макаровымъ. Съ Иваномъ Поздѣвымъ я писалъ въ Сѣвскъ Леонтію Романовичу Неплюеву и его тестю.

7 числа отъ купцовъ изъ Лубенъ, находившихся въ Немировѣ во время осады, въ самомъ замкѣ, узнали мы о всемъ тамъ происходившемъ, именно слѣдующее. Горожане и обыватели Немирова были очень недовольны разными притѣсненіями и своевольствомъ казаковъ Могилы и въ тайнѣ послали просить татарскаго гетмана (кошеваго атамана) Сулимку явиться съ войскомъ къ Немирову, обѣщая ему отдать въ его руки весь большой городъ. Вслѣдствіе этого Сулимка, съ нѣсколькими тысячами татаръ и немногими турками, подошелъ къ городу и, благодаря измѣнѣ гражданъ, овладѣлъ большимъ городомъ. Могила же со своими казаками и нѣкоторыми обывателями, не знавшими вовсе о подобной измѣнѣ, укрылся съ большимъ трудомъ въ замкѣ. Турки стали обстрѣливать замокъ изъ трехъ пушекъ, которыя они привезли съ собою или нашли въ городѣ, и въ теченіе трехъ недѣль штурмовали его три раза, при чемъ они гнали обывателей впереди себя и объявили, что если они овладѣютъ замкомъ, то поступятъ съ ними милостиво; въ противномъ же случаѣ они не должны ожидать милости и пощады. Несмотря на сильныя и храбрыя нападенія, они, тѣмъ не менѣе, были три раза отбиты казаками Могилы, съ большими потерями. Въ самую первую ночь изъ числа обывателей, укрьпившихся съ Могилою въ замкѣ, бѣжали 300 человекъ. Могила поэтому заставилъ остальныхъ всѣхъ дать клятву, что они не уйдутъ, и приказалъ строже за ними смотрѣть. Черезъ три недѣли осаждающіе отошли отъ Неми-

рова, быть можетъ за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ или узнавъ, что на выручку города собираются прибыть поляки; при этомъ они зажгли городъ и увели въ плѣнъ всѣхъ его обывателей.

8 числа прибылъ околичичій князь Василій Ѳеодоровичъ Широкой-Засѣкинъ со своею супругою, а другой околичичій Иванъ Степановичъ Хотяевскій, а также думный дворянинъ Ѳеодоръ Андреевичъ Сиговъ уѣхали. Думный дворянинъ первый переправился черезъ Днѣпръ и затѣмъ князь провожалъ его до Троицына. Пробывъ тутъ около часа за выпивкою, провожатые вернулись вечеромъ въ Кіевъ. Другой околичичій, которому, къ его великому огорченію, никто не поѣхалъ навстрѣчу, прибылъ вскорѣ послѣ этого и привѣтствовалъ боярина въ его домѣ.

Филаретъ изъ Печерскаго монастыря прибылъ изъ Москвы.

10 числа новый сотникъ Игнатій Григорьевичъ производилъ ученіе Кіевскимъ войскамъ, состоявшимъ изъ 80 рейтеръ и 200 человекъ пѣхоты.

Джемсъ Линдсей возвратился изъ Москвы и доставилъ мнѣ письма отъ лорда Грехама, голландскаго резидента, полковниковъ фонъ-Менгдена и Девица, отъ гг. Гартмана, Кока, Гуаскони и Ивана Бирина, а также князя Никиты Семеновича Урусова, Леонтія Романовича Неплюева и его тестя изъ Сѣвска. Въ то же время я получилъ письмо отъ подполковника Гамильтона изъ Эдинбурга отъ 28 апрѣля 1684 года.

11 числа я писалъ князю Никитѣ Семеновичу Урусову и послалъ ему съ людьми околичичаго Василя Ѳеодоровича пробочникъ.

12 числа, послѣ того какъ супруга боярина 9 дней хворала женскою болѣзнію, она получила облегченіе отъ частаго употребленія теплыхъ ваннъ съ травами. Прибылъ Мазепа отъ гетмана, чтобы освѣдомиться о болѣзни его дочери.

13 числа. Въ Москвѣ въ тайномъ совѣщаніи было рѣшено, что ежегодно уплачиваемыя татарамъ деньги (или гонорарій) будутъ выдаваться имъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ производиться размѣнъ плѣнныхъ; что никакого резидента изъ Крыма не будетъ находиться въ Москвѣ и таковой не будетъ также посланъ изъ Москвы въ Крымъ, по тѣмъ причинамъ, чтобы ни одна изъ сторонъ не могла понести впередъ какія-либо оскорбленія, или скорѣе ради того, чтобы избавиться въ Москвѣ отъ присутствія подобныхъ шпионовъ. Все это было не согласно съ мирными условіями, а потому татары

были недовольны этимъ; они и не приняли въ Переволочнѣ ежегодно платимыхъ имъ денегъ и намѣревались обо всемъ этомъ принести жалобы въ Москвѣ.

14 числа я со всѣми главными офицерами присутствовалъ на празднествѣ у боярина, гдѣ очень много пили. Послѣ этого общество сдѣлало много посѣщеній. Бояринъ и Мазепа ужинали у меня въ этотъ вечеръ.

15 числа я былъ на обѣдѣ у окольногочаго. Бояринъ пришелъ послѣ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ поѣхали въ поле.

16 числа бояринъ внезапно заболѣлъ.

17 числа стали дѣлать плоты на льду и ставили разныя лодки.

18 числа съ супругою боярина сдѣлался такой сильный припадокъ, что она упала на землю и долгое время лежала безъ чувствъ. Произошло это, быть можетъ, отъ испуга при извѣстїи, что ея мужъ очень боленъ, а быть можетъ и по другой причинѣ. Немного очнувшись, она пришла въ какой-то страхъ при мысли, что мужъ ея отчаянно боленъ, и съ нею сдѣлались снова припадки, лишившіе ее въ четверть часа разсудка. Въ этомъ состоянїи она, при страшныхъ припадкахъ, пребывала до слѣдующаго дня, именно до того часа, въ которомъ съ нею приключился наканунѣ первый припадокъ. Тѣмъ временемъ пришелъ настоятель монастыря св. Михаила и русскій священникъ причастилъ ея Св. Таинъ, чего она прежде не желала.

19 числа, лишенную уже совѣтъ дара слова, ее соборовали. Она, повидимому, спала, но съ страшнымъ внутреннимъ стономъ, почти до 9 часовъ вечера, когда опять начались сильныя эпилептическіе припадки и сильный бредъ съ порывистыми движеніями всѣхъ членовъ тѣла, такъ что жалко и горестно было смотрѣть. Все это продолжалось непрерывно и 20 числа, до самого того часа, въ которомъ случился съ нею первый припадокъ, и затѣмъ она умерла при сильныхъ внутреннихъ движеніяхъ. Немедленно о ея кончинѣ дали знать гетману, чтобы узнать отъ него, какъ желаетъ онъ ее хоронить.

21 числа утромъ былъ погребенъ въ монастырѣ св. Софіи подполковникъ Петръ Ивановъ; онъ завѣщалъ мнѣ длинное турецкое ружье. Около 11 часовъ до обѣда тѣло супруги боярина, въ сопровожденїи архимандрита и всѣхъ настоятелей, было перенесено въ церковь монастыря св. Михаила. По прибытїи тѣла въ церковь началась литургія. По окончанїи надгробной проповѣди и прочихъ церемоній я, по просьбѣ боярина, который по

болѣзни своей не могъ сопровождать прахъ своей супруги, долженъ былъ объяснить это и, извинивъ его отсутствіе, поблагодарить духовенство. Я ею все исполнилъ рѣчью на латинскомъ языкѣ, на которую кратко отвѣтилъ архимандритъ тихимъ голосомъ, на славянскомъ языкѣ.

Мазепа сказалъ, что гетманъ помнить это священное мѣсто и не преминетъ вознаграждать ихъ за труды.

Полагали многіе, что болѣзнь супруги боярина была нѣчто въ родѣ обладанія ею нечистымъ духомъ; другіе же считали это сильнымъ обморокомъ (*cordiaca*). Если, однако, принять во вниманіе всѣ обстоятельства болѣзни, то должно предположить, по моему мнѣнію, что это былъ родъ необычайной меланхоліи, вызванный *immundetiem et vitium matricis*. Отъ этого произошли запоры и стѣсненія. Первый припадокъ имѣлъ характеръ эпилептической, вызвавшей *oppilationem in ventriculis cerebri*, это лишило больную зрѣнія и перешло въ родъ безумія, при чемъ нервы и жизненный духъ такъ сильно были напряжены, что подъ конецъ должна была наступить смерть.

Было получено приказаніе отпустить въ Москву два стрѣleckихъ полка и вмѣсто ихъ взять изъ городовъ тысячу чело-вѣкъ и подчинить ихъ мнѣ.

Городовой судья Лабуни, по имени Евстафій Максимовичъ, прибылъ въ Кіевъ и сообщилъ, что польскій сеймъ открылся и большинство сенаторовъ и земскихъ пословъ уже съѣхались; что между королемъ и дворянствомъ не существуетъ такого разногласія, какъ говорили; что на сеймикахъ единогласно рѣшено было назначить необходимыя денежныя средства для продолженія войны съ турками; что полковникъ Ланчинскій съ 12 ротами польской кавалеріи посланъ въ Баръ и Меджибожь, потому что получено было извѣстіе, что татары должны были сопровождать въ эти мѣста пашу или агу; что польская пѣхота и кавалерія стягиваются у Гришки, въ одной милѣ отъ Лабуни, съ тѣмъ, чтобы, какъ скоро всѣ части ихъ соберутся, выступить съ артиллеріею для нападенія на Баръ и Меджибожь. Шпіонъ Ивана Филимоновъ Варилловъ возвратился съ извѣстіемъ, что слышалъ въ Немировѣ, что при осадѣ этого города находился сынъ хана съ 7.000 татарами, 500 казаками съ Сулимкою и 500 турокъ, частью пѣшими, частью конными, при которыхъ было 4 пушки изъ Каменца, а также папа или ага; что сотникъ немировскій, по имени Бардей, доставилъ казакамъ письмо короля польскаго, которымъ имъ обѣщалось дать всѣ доходы съ Украины, начиная съ рѣки Слудка, при чемъ Польша

болѣе въ подобныя дѣла вмѣшиваться не будетъ и что казаки были этимъ довольны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ, что между королемъ и дворянствомъ, особенно литовскимъ, существуютъ большія несогласія; что римскій императоръ весьма недоволенъ послѣднимъ походомъ короля польскаго къ Каменцу; что онъ изыскиваетъ средства доставить корону польскую одному изъ сыновей короля Михаила Висневецкаго, исключивъ отъ наслѣдія престола сына настоящаго короля; что посланники: папскій, римскаго императора, республики Венеціанской, персидскаго шаха и другихъ князей ожидаютъ въ Варшавѣ; что они все совѣтуютъ продолжать войну съ турками и обѣщаютъ содѣйствіе ихъ державъ въ этомъ дѣлѣ.

Съ этими извѣстіями былъ отправленъ курьеръ въ Москву.

П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾).

1—6 января 1916 г. Со времени вступленія Государя Императора въ Верховное командованіе арміей и флотомъ въ сообщеніяхъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго появилась между прочимъ одна особенность, которой прежде не встрѣчалось. По всему фронту сразу, какъ бы маніемъ руки, зашевелилось появленіе самостоятельности дѣйствій мелкихъ начальниковъ, начальниковъ развѣдочныхъ партій, охотниковъ, патрулей и дозоровъ. Въ этихъ предпріятіяхъ отчаянно смѣлыхъ, преисполненныхъ изумительной храбрости, находчивости и выносливости протекала осенняя и зимняя кампанія 1915—1916 г.г. Если сравнить сообщенія Штаба Верховнаго Главнокомандующаго за это время съ таковыми же за 1914—1915 г.г., то является изумительная картина въ уступающемъ развитіи самостоятельности дѣйствій мелкихъ начальниковъ за 1914—1915 г.г. Петроградскому обывателю выпало на долю выяснить это явленіе. Опъ видѣлъ, какъ Государь Императоръ, будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, служа л.-гв. въ Преображенскомъ полку, относился къ дѣятельности нарождающихся тогда охотничьихъ командъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ принималъ самое сердечное участіе въ дѣятельности охотничьихъ командъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ ихъ маневрахъ, усиленныхъ переходахъ, и зачастую во время командованія на маневрахъ частями лично изволилъ давать указанія начальникамъ охотничьихъ командъ.

Приложенная фотографія изображаетъ ту минуту, когда 1-го іюня 1893 года, Наслѣдникъ Цесаревичъ соизволилъ сняться вмѣстѣ съ охотниками 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи послѣ только-что совершеннаго ими 54-верстнаго перехода.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

Все это и сказалось въ дѣйствующей арміи съ августа 1915 г., когда Державный Вождь обратилъ Свое особое вниманіе также и на самостоятельный починъ дѣйствій мелкихъ начальниковъ. Цѣлый рядъ непрерывныхъ, смѣлыхъ и удачныхъ дѣйствій открыли духъ этихъ начальниковъ, внушили имъ довѣріе къ своимъ силамъ и побудили ихъ на новые подвиги.

Это строеніе духа низшихъ начальниковъ также скоро было проявлено и высшими. Особенно ярко оно отразилось, когда нашимъ начальникамъ и войскамъ пришлось заграждать прорывъ нашего фронта у Молодечно и Сморгони, а также въ бояхъ на Рижскомъ районѣ въ концѣ октября и началѣ ноября.

Въ прежнее время не придавалось надлежащаго значенія Либавѣ, Рижскому и Шавельскому районамъ: туда было назначено малое количество войскъ съ несоотвѣтствующимъ числомъ конницы. Результатомъ этого и былъ отходъ нашихъ войскъ до Двины и прорывъ германской конницы у Молодечно и Сморгони. Наши начальники всѣхъ степеней отлично поняли значеніе Молодеченскаго прорыва и какъ орлы налетѣли со своими войсками заграждать этотъ прорывъ.

Соперничая другъ съ другомъ въ находчивости, въ проявленіи самостоятельности и храбрости, они быстро прикончили прорывъ германцевъ и прочно заградили наглому нѣмцу дорогу.

Это произошло потому, что теперь каждый изъ нихъ былъ увѣренъ, что за невольную ошибку онъ не будетъ смѣщенъ въ командованіи, и что ему надо смотрѣть впередъ на внѣшняго врага германца, а не оглядываться, съ опаской, назадъ.

То же самое произошло въ концѣ октября и началѣ ноября на фронтѣ Рижскаго района подъ верховодительствомъ начальника этого района, отмѣченнаго перстомъ Божьяго дарованія, когда начальники всѣхъ степеней и ихъ войска показали полную возможность брать линіи германскихъ окоповъ, обильно снабженныя артиллеріей и пулеметами съ каждымъ аршиномъ земли, заплетеннымъ колючей проволокой.

Здѣсь тоже въ полной мѣрѣ была проявлена инициатива дѣйствій начальниковъ всѣхъ степеней и неприступныя, якобы, линіи германскихъ укрѣпленій, послѣ надлежащей артиллерійской подготовки, были взяты съ налету съ малыми потерями.

Всѣ эти дѣянія отчетливо выяснили, какое высокое поднятіе духа, какую увѣренность въ свои силы и способности, какое развитіе самодѣятельности и находчивости вызвало къ жизни новое Верховное командованіе у начальниковъ всѣхъ степеней.

Отъ начальниковъ оно передалось каждому воину и объединило ихъ всѣхъ могучимъ духомъ инициативы.

И не далеко то будущее, когда это одухотвореніе окажетъ великія дѣла торжества духа надъ высокой техникой военного дѣла.

2—5 января. Вотъ до какихъ кощунственныхъ изліяній дошло германское духовенство въ настоящую войну, какъ о томъ повѣствуетъ англійская министерская „Westminster Gazette“; она приводитъ отрывки проповѣдей германскихъ пасторовъ, опубликованныхъ недавно въ нѣмецкихъ газетахъ. Проповѣди эти доказываютъ полное нравственное паденіе Германіи, а также необыкновенную неискренность и нетерпимость пресловутой германской культуры. Пасторъ Цебель заявилъ въ Лейпцигѣ слѣдующее ¹⁾:

— „Глубокое сознание нашей миссіи позволяетъ намъ радоваться и считать себя удовлетворенными, съ сердцемъ полной благодарности Небу въ тѣ минуты, когда наши орудія несутъ смерть дѣтямъ сатаны, и когда наши чудесныя подводныя лодки, являясь орудіемъ Божественнаго возмездія, посылаютъ на дно моря тысячи подданныхъ избранныхъ народовъ. Мы должны уничтожать враговъ всѣми средствами, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, ихъ страданія должны доставлять намъ большое удовольствіе, ихъ отчаянные крики не должны заставлять волноваться германскія сердца. Не нужно входить въ какіе-либо компромиссы съ адомъ и соглашаться на какое-либо милосердіе по отношенію къ слугамъ сатаны.

Въ дальнѣйшей своей рѣчи, посвященной англичанамъ, французамъ и русскимъ, пасторъ сказалъ:

— Всѣ націи, которыя продались дьяволу, должны быть приговорены къ смерти. Приговоръ этотъ вынесенъ уже небесными силами.

Другой христіанскій священникъ, профессоръ богословія Берлинскаго университета, докторъ Зейби, сказалъ:

— Мы не ненавидимъ нашихъ враговъ, но мы увѣрены, что, убивая ихъ, причиняя имъ страданія, сжигая ихъ дома и разоряя ихъ земли, мы дѣлаемъ доброе дѣло. Германія любитъ всѣ народы, и когда она ихъ наказываетъ, то дѣлаетъ это для ихъ же собственнаго блага.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 2 января с. г.

Извѣстный берлинскій пасторъ Филиппи сказалъ:

— Подобно тому, какъ Богъ позволилъ распять Своего Сына для того, чтобы свершился великій актъ искупленія и спасенія, такъ же и Германія получила миссію распять все человѣчество для того, чтобы оздоровить человѣческую расу, которая могутъ быть спасены лишь кровью, огнемъ и мечомъ. Германцамъ выпало на долю исполнить этотъ актъ очищенія, потому что они сами чисты и высшая сила избрала ихъ орудіемъ наказанія злыхъ и недостойныхъ людей и народовъ. Германскіе солдаты должны убивать, жечь и разрушать все, такъ какъ всякія полумѣры были бы грѣхомъ. Кайзеръ останется повелителемъ великаго царства добрыхъ людей“.

Въ настоящее время возникаетъ жгучій вопросъ о необходимости предоставленія права покупки ликвидируемыхъ на льготныхъ условіяхъ нѣмецкихъ земель отъ крестьянскаго банка участникамъ войны, а также и ихъ осиротѣлымъ семьямъ. Это было бы вполнѣ справедливо и высокополезно для государства. О мѣстѣ расположенія и величинѣ участковъ надлежало бы крестьянскому банку освѣдомлять части дѣйствующей арміи публикаціями въ болѣе распространенныхъ газетахъ.

У нашихъ военноплѣнныхъ въ Австріи срываютъ погоны, полковые значки и кокарды ¹⁾.

Въ „Развѣдчикѣ“ ²⁾ г. Логофетъ сообщаетъ интересный рассказъ жены офицера о поѣздкѣ къ мужу:

„Пишетъ мужъ, „если здорова, пріѣзжай“, и адресъ сообщаетъ. Я-то была въ положеніи на восьмомъ мѣсяцѣ. Гдѣ тамъ думать, здорова ли я. Прямо подхватила меня какаѣ-то сила. Говорю мамѣ своей „ѣду“. Она мнѣ всякіе резоны: и больна ты, и не доѣдешь, и все такое. Но только я все-таки поѣхала.

Добралась съ трудомъ до послѣдней станціи, встрѣтила казака изъ нашего полка. Спрашиваю: „гдѣ наша сотня, все ли благополучно?“.. „Стоимъ, говоритъ, въ окопахъ, верстъ двадцать отсюда, и все у насъ хорошо, а папъ нашъ здоровъ“.

Обрадовалась я страсть. „Ѣдемъ сейчасъ же“.

Поѣхали на лошадяхъ. Только слышно впереди, какъ громъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ № 14304, 1916 г.

²⁾ „Развѣдчикъ“ 5 января 1916 г.

гремятъ... „Что это такое?“ „А это, пани, изъ арматы нѣмецъ палить“.

Ну я и вниманія не обратила, не тѣмъ голова занята была. Такъ, подъ вечеръ доѣхали мы до резервныхъ окоповъ. Слѣзла я, съ версту лѣсомъ пѣшкомъ дошла.

Мужа увидала, такъ со мною дурно сдѣлалось... Такая радость, что его вижу и слышу. Два дня прожила я въ блиндажѣ, и казалась мнѣ эта самая земляная нора краше всякихъ богатыхъ палатъ. Такъ хорошо на душѣ. Спокойно...

А нѣмцы-то въ это самое время, какъ нарочно, начали палить изъ пушекъ своихъ. Цѣлый день палять и палять. Но никакого страха у меня не было. Возьму руку мужа и держу, и какая-то увѣренность была, что рядомъ съ нимъ я въ полной безопасности. Къ вечеру второго дня вдругъ почувствовала я, что не хорошо мнѣ. Видно, перевозновалась сильно. И начались у меня роды. И тяжело мнѣ было, и смѣшно, какъ мужъ и всѣ казачки около меня заматались. Позвали доктора. Тоже молодой да неопытный. Промучилась я ночь и къ утру Богъ сынка далъ. Смотрю я на мужа, а онъ плачетъ и всѣ такіе вокругъ растерянные... А нѣмецъ такъ и садитъ, даже земля трясется вокругъ. Отлежалась день, а къ вечеру уже положили меня на носилки и въ лазаретъ отвезли, тамъ я недѣлю вылежала, тамъ же и крестины справили. Мужъ довольный радуется: „хорошій ты мнѣ подарокъ, Катя, привезла. Боевой казакъ нашъ Миша будетъ“. Какъ узнали, что я въ окопѣ родила, пріѣхали меня поздравлять всѣ наши, и генералъ тоже побывалъ, казаки просто какъ на чудо, на моего Мишу смотрѣли...

Теперь назадъ ѣду.—Вотъ удивится-то мама, какъ я ей внука съ позицій привезу... Посмотрите на моего Мишу... Не правда ли какая прелесть... А я-то какъ рада“...

6—7 января. Германцы задались дѣлю въ теченіе этой войны распылить нашу армію на 11 тысячъ верстъ приграничнаго пространства на востокъ¹⁾. Отъ Чернаго до Желтаго моря въ Турціи, Персіи, Афганистанѣ, Монголіи и Китаѣ они предполагали возсоздать повсюду возстанія, поднять мусульманскія, и иныхъ вѣроисповѣданій, населенія своими многочисленными агентами. Одного они не разсчитали—войну они начали, не кончивъ Баг-

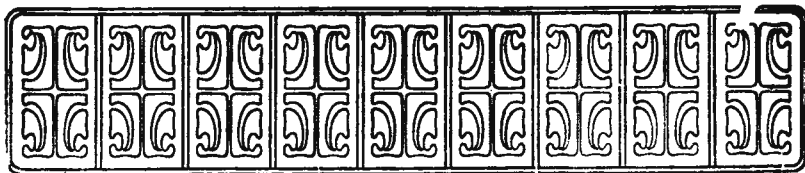
¹⁾ „Нов. Вр.“ № 14306, 1916 г.

дадской дороги, и тѣмъ спутали свои карты въ Турціи и Персіи противъ грозной нашей кавказской арміи.

По словамъ прибалтійскихъ газетъ, баронъ Арнольдъ Арнольдовичъ Фитингофъ состоитъ предсѣдателемъ валкскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія. У этого барона имѣются и братья. Одинъ изъ нихъ германскій подданный, собственникъ имѣнія, расположеннаго въ Пруссіи, лейтенантъ германской службы и воюетъ на полѣ брани противъ Россіи. Въ то время, какъ одинъ братъ призванъ принимать въ Россіи нижнихъ чиновъ и ратниковъ и посылать на войну, другой братъ въ Германіи долженъ заботиться объ ихъ уничтоженіи. Трагизмъ положенія предсѣдателя валкскаго присутствія еще увеличивается тѣмъ, что до начала войны съ Германіей его племянникъ изъ Германіи, баронъ Арнольдъ Фитингофъ (18—20 лѣтъ), жилъ въ Маріенбургѣ у него, какъ у своего крестнаго. Погостивъ, племянничекъ собирался обратно въ Пруссію, но это ему не удалось, и онъ вернулся въ Маріенбургъ, поѣхалъ затѣмъ въ Ригу и, какъ писали въ газетахъ, былъ высланъ во внутреннія губерніи.

В. П.

Къ портрету Бонапарте.

Сей корсиканецъ цѣлой вѣкъ
Гремитъ кровавыми дѣлами,
Бѣтъ по сту тысячь человѣкъъ
И с—ъ королями.

Давыдовъ,
поэтъ и партизанъ.

Автографъ находится въ собраніи Э. П. Юргенсона, съ дозволенія котораго печатаемъ эпиграмму поэта-воина.

Н. Лернеръ.

Письмо П. А. Плетнева къ В. И. Григоровичу.

Милостивый Государь,
Василій Ивановичь!

Я имѣю къ Вамъ порученіе. Бывшій Директоромъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ Д. С. С. Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, не занятый болѣе службою, рѣшился употребить свободное свое время на изданіе журнала, который будетъ печататься въ Германіи на нѣмецкомъ языкѣ. Ему хочется показать состояніе Россіи въ истинномъ видѣ по части ея образованности во всѣхъ отношеніяхъ, т. е., что сдѣлано для внутренняго благосостоянія и славы государства правительствомъ и частными людьми. Вы согласитесь, что исполненіе такого намѣренія требуетъ большихъ пособій. Онъ полагаетъ, что отечественные журналы составляютъ одно изъ главнѣйшихъ. Но въ теперешнемъ положеніи своемъ онъ не въ состояніи получать оныя за деньги. Не имѣя чести быть лично съ вами знакомымъ, онъ проситъ чрезъ меня, не сдѣлаете ли вы ему одолженія доставленіемъ экземпляра вашего журнала, если у васъ найдется лишній, чѣмъ обяжете его чувствительно и доставите ему способъ познакомить просвѣщенную Германію какъ съ вашими трудами, такъ и съ отечествомъ нашимъ.

Я имѣю честь быть
покорнымъ слугою
П. Плетневъ.

Адресъ его: На Васильев. остр. во 2-й линіи, за среднимъ Проспектомъ, въ домѣ титулярной совѣтницы Шобертъ подъ № 286.

9 февр. 1824.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, стяжавшій громкую извѣстность какъ директоръ Царскосельскаго Лицея, вынужденъ былъ оставить эту должность 23 октября 1823 года.

Прослуживъ близъ 30 лѣтъ,—писалъ онъ одному изъ своихъ питомцевъ по Лицею, В. К. Кюхельбекеру, я на 50-мъ году жизни моей, долженъ начинать помышлять о томъ, что буду ѣсть и чѣмъ буду кормить тѣхъ изъ близкихъ сердцу моему, которые не могутъ сами добывать себѣ хлѣбъ...

Помыслы эти привели Энгельгардта къ рѣшенію начать изданіе нѣмецкаго журнала¹⁾, къ участию въ которомъ онъ приглашалъ того же Кюхельбекера. За содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ онъ обратился, между прочимъ, къ П. А. Плетневу, какъ къ бывшему студенту Педагогическаго института, директоромъ котораго до перевода его въ Лицей, былъ Энгельгардтъ. По его рекомендаціи Плетневъ, еще студентомъ, давалъ частные уроки.

Печатаемое выше письмо Плетнева къ В. И. Григоровичу²⁾, издателю „Журнала Изыщныхъ Искусствъ“ (1823—1825 г.г.) въ которомъ Плетневъ принималъ участіе³⁾, доказываетъ, что онъ не забылъ своего бывшего наставника.

Мысль Энгельгардта объ изданіи въ Германіи журнала однако не осуществилась. Взамѣнъ заграничнаго журнала онъ предпринялъ изданіе въ Петербургѣ сборника подъ заглавіемъ „Russische Miscellen“, четыре книжки котораго явились въ свѣтъ въ 1828—1830 гг.

До послѣднихъ дней жизни, Энгельгардтъ сохранилъ пріятельскія отношенія къ Плетневу. Ихъ соединяла любовь къ литературѣ, любовь къ труду и, что еще важнѣе, любовь къ нуждающимся, на помощь которымъ они всегда охотно шли.

Димитрій Кобеко.

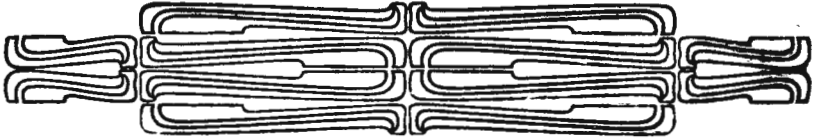

¹⁾ Кобеко. Императорскій Царскосельскій Лицей. Спб. 1911, стр. 195 и 208.

²⁾ Хранится въ числѣ автографовъ Императорской Публичной Библиотеки.

³⁾ Ср. письмо Плетнева къ Кюхельбекеру отъ 8 сентября 1823 г. „Рус. Стар.“ 1875, XIII, 372.

⁴⁾ Интересные объ этомъ свѣдѣнія можно найти въ перепискѣ съ П. А. Плетневымъ Я. К. Грота Спб. 1896, 3 т.

Воевода Путникъ, генералиссимусъ сербскихъ армій.

Удное синее небо. Арсеналь и фабрика снарядовъ, трубы которыхъ высоко поднимаются къ небу на сельскихъ улицахъ Крагуеваца, гдѣ проѣзжаютъ живописныя арбы, запряженныя волами и управляемыя крестьянками, въ ихъ пестрой одеждѣ, придаютъ какой-то промышленный видъ, обыкновенно не свойственный Сербіи.

Казалось бы, что находишься на какой-то окраинѣ какого-нибудь большого города, и удивляешься, замѣтивъ въ концѣ одной изъ улицъ, обсаженной платанами, хорошенькій домикъ, схожіи съ сельскою школою.

Это бывшая префектура, преобразованная въ общій штабъ, съ начала враждебныхъ дѣйствій.

Въ сопровожденіи капитана, Милана V' Георгіевича, и его трехъ товарищей, я легко достигъ помѣщенія, занимаемаго генералиссимусомъ Путникомъ и его начальникомъ штаба.

Жандармъ, взявши наши карточки, пошелъ впереди насъ вдоль корридора и ввелъ насъ въ большую комнату необычайной простоты, стѣны которой видимо наскоро выкрашены.

Три стола, конторка, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, два телефонныхъ аппарата,—вотъ вся обстановка комнаты. Украшенія же ея составляютъ карты австрійскаго генеральнаго штаба, найденныя у плѣнныхъ, сербскія карты, общія, пространныя и планы.

Тутъ насъ любезно принимаетъ офицеръ высокаго роста, молодой, съ усами, какъ прежде носили сербскіе воеводы, съ глазами полными блеска и ума: это капитанъ Живко Павловичъ, начальникъ общаго генеральнаго штаба, стоявшаго во главѣ кампаніи 1914 г. съ генералиссимусомъ.

Онъ обѣщаетъ намъ поразсказать многое, но ранѣе мы будемъ приняты воеводою Путникомъ.

Полковникъ Павловичъ вводитъ насъ въ сосѣднюю комнату,

столь же простую, какъ и первая, и взорамъ нашимъ представляется сидящій у своей конторки знаменитый начальникъ, борющійся уже много лѣтъ съ неподдающеюся излѣченію болѣзнию, и направляющій изъ своей же комнаты, сербскія арміи, воюющія за спасеніе своей родины.

Генераль привсталъ при нашемъ появленіи. Одѣтый въ старый мундиръ свѣтло-голубого цвѣта сукна, украшенный исключительно медалью за храбрость на груди, онъ пришелъ намъ навстрѣчу съ улыбкою на устахъ, нѣсколько сгорбленный, протянулъ намъ руку и тихимъ слабымъ голосомъ сказалъ намъ, что онъ сдѣлалъ для насъ исключеніе, принявъ насъ.

Въ разговорѣ, глаза его блестятъ, и его красивое лицо оживляется. Въ немъ виденъ человекъ большого ума, желѣзной воли, несмотря на то, что доктора уже не разъ приговаривали его къ смерти, но онъ чувствуетъ, что нуженъ своему отечеству, а потому и не жалѣетъ себя.

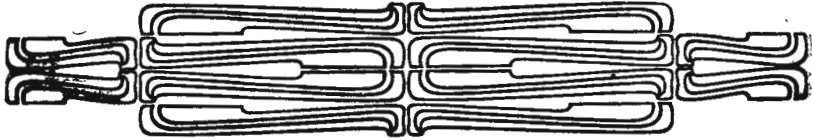
Онъ воевалъ съ турками въ 1876, 1877 и 1912 гг., а съ болгарами въ 1885 и 1913 гг., такъ что переживаетъ шестую кампанію. Кабинетно ученый, одаренный замѣчательною топографическою памятію и рѣдкимъ инстинктомъ, онъ не увлекается. Онъ никогда не пребываетъ среди войска, но находясь въ своей страдной комнатѣ въ Крагуевацѣ, гдѣ часто недомагаетъ, онъ, во всякое время знаетъ, что онъ можетъ требовать отъ него. Его офицеры и солдаты полны довѣрія къ нему и къ его глубокимъ военнымъ знаніямъ, помня имъ одержанныя побѣды, они безгранично восхищаются имъ, и преданы его волѣ душой и тѣломъ, иной разъ не зная его даже лично.

Черезъ полуоткрытую дверь, видна была его спальня. Постель его, еще не убрана. Нѣсколько минутъ спустя, пока мы разговаривали съ его начальникомъ штаба, генералиссимусъ кашляя вошелъ въ нее, застигнутый припадкомъ астмы, заставляющей его такъ страдать. Возлѣ кровати, столикъ съ разными записками и даже висящими на стѣнѣ, расположенными такимъ образомъ, чтобы генераль Путникъ могъ бы не вставая слѣдить за своимъ войскомъ, да еще карта Сербіи, вся испещренная замѣтками. Вся мебелировка необычайной простоты.

Генералиссимусъ оптимистъ: армія реорганизована, снаряды прибываютъ, и войска всегда готовы въ бой.

Минуту спустя, полковникъ Павловичъ повторилъ намъ, что никакая атака не застигнетъ врасплохъ непобѣдимую сербскую армію.

В. П. Ключаревъ.

Очерки прошлаго ¹⁾.

Съ трудомъ добрались мы до стоянки Тиможской арміи. Лошадей и повозки надо было брать съ боя. Хлудовъ, видя неуспѣшность нашихъ исканій, завалился спать и его трудно бывало привести въ бодрствующее состояніе, когда какимъ-нибудь чудомъ приводили лошадей. Холодная мгла покрывала землю, и мы шагомъ подвигались къ мѣсту нашего назначенія. Дохтуровъ съ двумя адъютантами показался впереди. Нашъ возница не зналъ дороги и слѣдовалъ за ними. Но вотъ они исчезли изъ виду, и намъ пришлось цѣлый день путаться по незнакомой мѣстности. Когда мы доѣхали до главной квартиры, то при насъ привели шпионовъ. Все это былъ народъ съ виду тупой, бѣдный. Нельзя удивляться, что турки знали о нашихъ намѣреніяхъ. По всей Сербіи говорили о предстоящемъ сраженіи. Турки, раньше дня, условленнаго для нападенія со стороны сербовъ, сами затѣяли рекогносцировку.

По диспозиціи графу Келлеру надо было начать сраженіе въ 11 часовъ дня. Наканунѣ вечеромъ я пріѣхалъ къ графу Келлеру. Онъ лежалъ на травѣ вмѣстѣ со своими ординарцами. Ъли они медь съ сардинками. Одна коробка приходилась на всю компанію. Хлѣбъ можно было достать развѣ у солдатъ-сербовъ. Когда кому-то захотѣлось воды (а воды не было), то другіе сказали: „Ничего, завтра напьемся въ Зайчарѣ, тамъ и лавки есть“.

Лагерь располагался на возвышенности; по обѣимъ концамъ были батареи; Келлеръ приказалъ мнѣ находиться при немъ и ждать его распоряженій. Въ 6 часовъ утра лагерь былъ уже на ногахъ. Нашелся добрый человѣкъ, который раздобылся водой, заварили чай, и мы, имѣя много времени до сраженія, стали наслаждаться чаепітіемъ; но не успѣли выпить и по чашкѣ чая, какъ грянулъ одинъ и другой выстрѣлъ съ турецкой

¹⁾ См. „Русская Старина“ апр. 1916 г.

стороны. Я стоялъ около батареи вмѣстѣ съ Келлеромъ, Гирсомъ, Мельниковымъ. Графъ Келлеръ вскочилъ на ноги, разставилъ людей, сѣлъ на лошадь. Отрядъ выстроился и понесся на турецкіе шанцы. Кавалерійскій отрядъ княгини Наталіи также пошелъ впередъ. Въ воздухѣ раздавалась пушечная пальба, шипѣніе лопающихся гранатъ. Графъ Келлеръ, какъ его ни упрашивали беречься, невозмутимо сидѣлъ на своей лошади и отдавалъ приказанія. Вотъ и сербъ-артиллеристъ Недѣльковичъ сидитъ на конѣ и посматриваетъ въ турецкую сторону. Шипѣніе, и бомба не долетаетъ; слышатся палильники. Вотъ другая, третья... Но это что-то ударило очень близко? Всѣхъ обдало землей. Лошадь Недѣльковича уже валяется на землѣ въ предсмертныхъ мукахъ, и блѣдный Недѣльковичъ подъ нею. Цѣлая лужа крови вокругъ сѣдока и лошади. Подбѣжали къ нему, подняли лошадь и освободили Недѣльковича. Солдатъ и я взяли раненаго и отнесли его на ближайшую колу. Потомъ вернулись. „Оставьте, бросьте меня“, стоналъ раненый.

Стройно двигавшійся впередъ отрядъ уже возвращался бѣгомъ въ полномъ разстройствѣ. „Турци, турци“, раздавался испуганный голосъ. „Пушки увезть, а то турки возьмутъ ихъ“, слышалъ я распоряженіе, и артиллерія понеслась вскачь. Паническій страхъ овладѣлъ массою дрогнувшаго войска. Кто не могъ бѣжать, хватался за колеса, садился на пушку. „Турци, турци“, только и слышно было отовсюду. Огонь становился убійственный. Кромѣ пушечныхъ выстрѣловъ раздавались ружейные залпы. Графъ Келлеръ и Трофимовичъ остановились съ артиллеріей на слѣдующей высотѣ. Мнѣ нельзя было за ними слѣдовать, потому что у меня не было лошади—къ счастью для меня одинъ сербъ подвелъ мнѣ лошадь, и я сѣлъ на нее (лошадь была ранена); я далъ ему на чай за то, что онъ помогъ мнѣ сѣсть. Такъ много грязи собралось на сапогахъ, что трудно было положить ногу въ стремя. Турки наступали по большой дорогѣ. Бѣгущихъ трудно было удержать: чувство самосохраненія заговорило въ каждомъ такъ громко, что заглушало собою чувство долга и любовь къ отечеству. Войска не было; было нѣсколько человѣкъ, окружавшихъ Келлера и артиллерію. Кавалеріи не было видно. Осману стоило только энергичнѣе вести наступленіе, и сербы потерпѣли бы ужасный разгромъ, но турки тоже остановились въ нерѣшительности. Пушки загремѣли въ другомъ направленіи, должно быть въ центрѣ. Солдатъ трудно было отыскать. Были, правда, еще

цѣлые отряды, не находившіеся въ огнѣ, но они должны были прибыть поздиѣе. Вся дорога покрылась бѣгущими. Графъ Келлеръ выходилъ изъ себя, кричалъ, упрашивалъ; но тутъ нужны были другія средства. Сербъ Топаковичъ увидѣлъ одного бѣгунца и сказалъ мнѣ: „У васъ есть револьверъ, застрѣлите его“. Но я безъ разговора подалъ ему револьверъ, не желая брать на свою душу такой грѣхъ. Сербы, которыхъ я видѣлъ въ этомъ сраженіи, держали себя съ достоинствомъ. Но чего можно требовать отъ человѣка, взятаго прямо отъ сохи? Его и не одѣли какъ солдата. Онъ сошелъ съ дороги, высыпалъ патроны, бросилъ пушку, ружье¹⁾, и вы не признаете его за солдата. Топаковичъ, замѣтивъ, что лошадь моя скоро свалится, кликнулъ больничару, который велъ двухъ лошадей за уздцы, чтобы онъ отвелъ ее въ Банью, а мнѣ далъ бы другую, и я сѣлъ на нее.

Графъ Келлеръ смотрѣлъ въ бинокль. Онъ обратился ко мнѣ: „Вы возьмите двухъ коняниковъ (верховыхъ) и поѣжайте осмотрѣть по этому направленію, не заходятъ ли турки намъ въ тылъ“. Кавалеристы оказались русскіе. Мы спускались ко всѣмъ крутизнамъ, но не нашли турокъ. Вотъ возвращаемся назадъ. Между моими провожатыми завязывается разговоръ: „Смотрите, турки“. „Нѣтъ, это не турки, это сербы“. Когда мы подъѣхали, то увидѣли, что это были наши. Народу было много уже, и войско подымалось на прежнюю позицію. Графъ Келлеръ кричалъ нѣкоторымъ: „напередъ, напередъ, тамъ нема турци“.

Турки дѣйствительно отступили. По дорогѣ валялись трупы людей, лошадей, разный скарбъ, брошенный бѣгущими. Кто рисуетъ себѣ битву какъ какой-нибудь торжественный праздникъ съ музыкой съ одушевленіемъ на всѣхъ лицахъ, тотъ въ настоящемъ случаѣ далекъ отъ истины. Что можетъ быть поэтическаго, когда околѣваетъ лошадь, когда падаетъ передъ вами человѣкъ и когда на лицахъ видны не то страхъ, не то ужасъ. Слышатся только сигналы противниковъ, наступленіе, отбой, визгъ пуль, лопанье гранатъ и стоны раненыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Григорій де-Волланъ.

¹⁾ Селякъ, отправляясь въ битву, въ одной рукѣ держалъ гуся, а на штыкъ воткнулъ курицу. Понималъ ли онъ, что онъ, какъ солдатъ, идетъ въ бой?

„ДЕЛЪТА XIII“

Привилегіи заявлены.

ДЛЯ ВИНТОВОКЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ РАЗРУШАЕТЪ ПРОВОЛОКУ
ДО 12 МИЛЛИМЕТРОВЪ (ОК. $1\frac{1}{2}$ ДЮЙМА) ТОЛЩИНЫ.

Запросы: Петроградъ, Ковенскій пер. 14 Телеф. 659—87.

Телеграммы: Петроградъ, ГЕЛЬГАРУ.

Сербовъ, П. А. Бѣлоруссы — сакуны. Краткій этнографическій очеркъ. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Томъ ХСІV, № 1. ПГ. 1915. Тип. Имп. Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., 12). 8° (17 × 25). XVII + 180 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 25 л. 663 экз.

Титовъ, Ѳ. И., проф. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. Томъ III. Литовскій періодъ въ жизни м. Макарія (1868—1879 г.г.). Первая половина тома. Епархіальная дѣятельность м. Макарія въ Литвѣ и приложенія. Кіевъ. 1915. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крепцатиць, 40). 8° (17 × 25). 171 + ССХХХVІ стр. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 8 л. 270 экз.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III (1796—1869 г.г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями проф. прот. Ѳ. И. Титова. Т. 5. Кіевъ. 1915. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (18 × 26). XXVI + 828 стр. Ц. 4 р. Вѣсь 2 ф. 27 л. 500 экз.

Дарскій, Д. Маленькія трагедіи Пушкина. М. 1915. Тип. Москов. Художеств. Печатня (Трехпрудный пер., 9). 8° (17 × 23). 72 стр. Складъ кн. маг. Наука (Б. Никитская, 10). Ц. 75 к. Вѣсь 13 л. 2.000 экз.

Ждановичъ, Я. Н. Отдѣлъ „Малороссія“ на выставкѣ „Ломоносовъ и Елизаветинское время“. (Оттискъ изъ XI вып. „Трудовъ“ Черниговской губернской ученой архивной комиссіи). Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17 × 25). 43 стр. Вѣсь 5 л. 100 экз.

Императорская Академія Художествъ. Музей. Русская Живопись. ПГ. 1915. Тип. Уніонъ (Казачій, 11). 16° (14 × 19). 306 + XXXVI стр. съ рис. Вѣсь 1 ф. 12 л. 5.000 экз.

Корниловичъ, М. И. Земское и городское самоуправленіе въ Царствѣ Польскомъ въ 1861—1863 г.г. ПГ. 1915. Тип. Сенатская. 8° (17 × 25). 39 стр. Вѣсь 4 л. 500 экз.

Корниловъ, А. А. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка. Историческій очеркъ. ПГ. 1915. Изд. из-ва Огни (Фонтанка, 80). Тип. Якорь (Б. Болотная, 10). 8° (17 × 22). 93 стр. съ 3 карт. Ц. 80 к. Вѣсь 12 л. 3.000 экз.

Модзалевскій, В. Л. Матеріалы и замѣтки. 2. (Оттискъ изъ XI вып. „Трудовъ“ Черниговской Губернской Ученой Архивной Комиссіи). Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17 × 25). 38 стр. Вѣсь 4 л. 200 экз.

Писаревъ, М. Н. Сибирь. Историко-географическій очеркъ. М. 1915. Изд. Т-ва В. В. Думновъ (Мясницкая, 5). Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 8° (18 × 25). III + 169 стр. съ рис. Вѣсь 20 л. 3.000 экз.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. XXI—XXII. ПГ. 1915. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (17 × 26). VІІІ + 449 стр. съ 1 портр. Вѣсь 1 ф. 26 л. 713 экз.

Теръ-Аветисьянъ, С. В. Важность археологическаго изслѣдованія пещеръ Ахпата и Санаина. Августъ 1915 г. (Перепечатано изъ IX т. „Изв. Кавк. Музея“). Тифлисъ. 1916. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ 8° (17 × 24). 5 стр. Вѣсь 1 л. 86 экз.

Труды состоящей подъ Августѣйшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Черниговской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Подъ ред. В. Л. Модзалевскаго. Вып. 11-ый. Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17 × 26) 213 + 2 нен. стр. + 1 портр. Вѣсь 27 л. 400 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢНАДЦАТЬ** руб. — въ государствѣ, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ **Петроградъ**, Фонтанка, 18 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о глѣбыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: перелиска, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

==== Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 г.г. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913 и 1914 г.г. по 9 рублей, 1915 г. — 10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
его жизнь и дѣятельность“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул., 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

І Ю Н Ъ.

1916 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

I. Второе путешествіе Петра Великаго въ Голландію. А. С. Ладницкаго . . .	319—345	теля во время русско-нѣмецкой войны. В. П.	400—460
II. Письма М. Н. Каткова къ П. А. Валуеву В. Мустафинъ . . .	346—365	VIII. Письмо Суворова. Сообщ. А. Троицкій	461—462
III. Очерки прошлаго. Григорія де-Волланъ	366—382	IX. Отпускная на волю 1815 г. Сообщ. Н. Д. Чечулинъ	463
IV. Барышня Лопухина (Разсказъ изъ архива) Н. И. Соловьева	383—391	X. За пятьдесятъ лѣтъ (воспоминанія Глѣбовой)	464—469
V. Письмо Н. В. Гоголя В. И. Григоровичу Н. Лернера	392—393	XI. Письмо В. Л. Пушкина къ Н. А. Полевому. Н. Л.	470—471
VI. Къ біографіи А. П. Шапова и митрополита Иннокентія. Марка Азадовскаго	394—399	XII. Описаніе губернскаго города Могилева	472—474
VII. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П.		XIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 го ноября по 2-е декабря 1915 г. (на обложкѣ).	

Приложеніе: Борисъ Андреевичъ Вилькицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1916 года.

Библиотека „Руниверс“

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 14 ноября по 2 декабря 1915 года.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Генеалогическіе матеріалы. Томъ XII (XXI). М. 1915. Тип. А. П. Петц-
майна (Мясницкій провѣздъ, 2). 8° (19×27). 1 (ненум.)+66+II+27+55+
53+IX+VI+109 стр. Вѣсь 1 ф. 20 л. 500 экз.

Вознесенскій, С. Русская литература о славянствѣ. (Опытъ
библиографическаго указателя) ПГ. 1915. Изд. Н. Карбасникова (Гостип.
дв., 19). Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К°, (Екатерингоф. пр., 87). 8° (15×21).
229+3 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсь 19 л. 3.000 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій. Подъ ред. В. Θ.
Саводника. Вып. 4. Реализмъ и идеализмъ въ Русской литературѣ.
М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерова и К° (Пименовская, с. д.) 8° (15×23).
IV+23 стр. Ц. 15 к. Вѣсь 3 л. 2.050 экз.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.
Сборникъ т. XV вып. VIII. Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома
Романовыхъ. Н.-Новгородъ. 1915. Тип. Нижегородское Печатное Дѣло.
8° (17×26). 2 нен. + 324 стр. Вѣсь 1 ф. 500 экз.

Крылова, М. А. Старый Кіевъ. Очеркъ изъ жизни славянъ на
Днѣпрѣ. Подъ ред. проф. А. А. Кизеветтера. М. 1915. Изд. С. Кур-
чинъ и К°. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Филипповскій пер., 11). 16°
(14×18). 144 стр. рис. Ц. 40 к. Вѣсь 8 л. 4.000 экз.

Лупповъ, Б. П. Императорская Московская духовная Академія
за первое столѣтіе ея существованія (1814—1914). (Отд. оттискъ изъ
журн. „Церк. Вѣдом.“ за 1915 г.). ПГ. 1915. Тип. Синодальная. 8°
(17×25). 14 стр. Вѣсь 1 л. 2.000 экз.

М. Б. Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій. ПГ. 1915
Изд. и тип. Выс. утвержд. общ. распр. религ.-нрав. просвѣщ. (Обводн.,
116). 8° (17×26). 290+186 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 4 л. 2.000 экз.

Михайловскій, І. Б. Архитектурные ордера (Теорія и исторія
архитектуры) ПГ. 1916. Изд. О. А. Лебедевой. Тип. Р. Голике и А. Виль-
боргъ (Звенигород. 11). 4° (21×29). 123 стр. съ 68 рис. и 23 табл. черт.
Ц. 3 р. 80 к. Вѣсь 1 ф. 15 л. 1000 экз.

Нумизматическій сборникъ, Т. III. Подъ наблюденіемъ А. В. Орѣш-
никова. М. 1915. Изд. Моск. Нумизматич. Об-ва. Тип. Синодальная,
8° (19×28). 357 стр. съ рис.+39 табл. Ц. 10 р. Вѣсь 3 ф. 26 л. 200 экз.

Филипповъ, А. В. Русскіе поливные изразцы XVI вѣка (Оттискъ
изъ „Сборника Москов. об-ва по изслѣдованію памятниковъ древности“,
вып. 1). М. 1915. Типогр. А. И. Мамонтова (Филиппов., 11) 8° (18×26).
14 стр. съ рис. Вѣсь 5 л. 600 экз.

Айвазовъ, И. Г. Христовщина. Матеріалы для изслѣдованія рус-
скихъ мистическихъ сектъ. Вып. первый. Томъ III. ПГ. 1915. Тип. К. А.
Четверикова (Вознесенскій, 47). 8° (17×25). VII+438 стр. Съ рис. Вѣсь
1 ф. 10 л. 1.000 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій. Подъ ред. В. Θ.
Саводника. Вып. 6-й. Взглядъ на русскую литературу со смерти
Пушкина. М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, (Пименовская, с. д.)
8° (15×22). VI+81 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 10 л. 2.050 экз.

Борисъ Андреевичъ Вилькицкій

Второе путешествіе Петра Великаго въ Голландію ¹⁾.

В в е д е н і е.

Причины и цѣли этого путешествія въ такой степени облечены покровомъ политической тайны, что мы не рѣшаемся раскрывать здѣсь полную ихъ картину. Излагаемое нами ниже представляется намъ наиболѣе близкимъ къ истинѣ.

Искусный министръ герцога голштинскаго баронъ *Герцъ*, перейдя на службу къ королю шведскому Карлу XII, составилъ разнообразныя и весьма обширныя планы для спасенія своего государя, положеніе котораго, потрясенное предшествовавшими пораженіями на театрѣ войны, съ каждымъ днемъ дѣлалось все болѣе и болѣе тревожнымъ и затруднительнымъ, особенно въ виду продолжавшихся военныхъ дѣйствій противъ Россіи. Много политическихъ хитросплетеній при разныхъ дворахъ завязалъ этотъ ловкій дипломатъ, стараясь запутать въ нихъ Царя.

Герцъ вступилъ въ переговоры съ *Куракинымъ*, указывая ему на возможность для Царя приобрести Остзейское побережье со всѣми на немъ гаванями, если бы Царь былъ склоненъ заключить со Швеціею миръ за счетъ Даніи.

Разсматривая положеніе вещей именно съ этой точки зрѣнія, представляется яснымъ какъ появленіе Петра у Копенгагена съ значительнымъ сухопутнымъ корпусомъ

¹⁾ Составляетъ окончаніе труда Схельтемы: „Петръ Великій Императоръ Россіи, въ Голландіи и Заагдамѣ въ 1697 и 1717 гг.“ переведеннаго и сообщеннаго А. С. Лацинскимъ („Русс. Стар.“, апрѣль 1916 г.).

войскъ и многочисленнымъ флотомъ, такъ и отсрочка высадки войскъ на берега Шоніи и многія другія дѣйствія Петра. Но англійское правительство сразу проникло въ эти замыслы и предупредило короля Даніи объ опасности, которая угрожала не только острову Зеланду, но и самому королевскому дому. Это заставило датскій дворъ быть насторожѣ,—съ тревогою смотрѣли на друга, такъ сильно вооружившагося—и всѣ предложенія, внушавшія какія-либо опасенія, были рѣшительно отклоняемы. Такимъ образомъ, Царь долженъ былъ отказаться отъ своего плана и отвести свои войска на Мекленбургскую территорию.

Это вмѣшательство англійскаго двора естественно еще болѣе усилило то охлажденіе, которое уже нѣкоторое время замѣчалось между Царемъ и англійскимъ королемъ. Однимъ изъ намѣченныхъ плановъ Гёрца было произвести въ Англии революцію и возстановить на англійскомъ престолѣ домъ Стюартовъ. Первый лейбъ-медикъ Царя *Арескинъ*, близкій родственникъ лорда *Марра* (Marr), одного изъ главнѣйшихъ яacobитовъ ¹⁾, старался привлечь Царя на сторону претендента; кромѣ того, въ интересахъ успѣха дѣла важно было, чтобы Царь болѣе сблизился съ Франціею. Гаага была, въ эту эпоху, средоточіемъ всѣхъ политическихъ предпріятій, какъ бы высшею школою для этого, также—биржею всей Европы; поэтому ни въ комъ не могло возбудить никакого подозрѣнія то обстоятельство, что Петръ задумалъ отправиться въ этотъ городъ, чтобы лично удостовѣриться въ точномъ положеніи дѣлъ и въ истинныхъ пользахъ своего государства.

Затѣмъ, мы думаемъ, что то тяготѣніе, которое Петръ всегда чувствовалъ къ Голландіи и которое какъ-бы впиталось въ его характеръ или, пожалуй, сдѣлалось какъ-бы его конькомъ, много содѣйствовало тому, чтобы быстро покопчить съ какими-либо колебаніями, какія могли вызываться этимъ планомъ. Его встрѣчи и сношенія съ голландскими морскими офицерами въ Ревелѣ и Копенгагенѣ снова пробудили въ немъ влеченіе къ Голландіи, и если вѣрно, какъ это рассказывали еще ранѣе заандамскіе плотники, что однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній Царя было—пожить въ Заандамѣ тою жизнью, какъ живутъ они, то желаніе Петра побывать еще разъ въ Амстердамѣ—объясняется легко.

¹⁾ Приверженцы изгнанныхъ въ 1688 г. Стюартовъ.

Любимая супруга Царя, *Екатерина*, должна была сопровождать его въ поѣздкѣ въ Голландію и раздѣлить съ нимъ всѣ удовольствія этого путешествія. Она находилась въ это время въ послѣдней степени беременности, но это не внесло никакихъ измѣненій въ путевой распорядокъ; она должна была разрѣшиться отъ бремени въ его любимомъ Амстердамѣ—хотя одинъ его ребенокъ долженъ былъ родиться въ Голландіи.

Путешествіе изъ Копенгагена въ Амстердамъ.

Можно полагать, что поѣздка въ Голландію была рѣшена Царемъ уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1716 года. 29 октября онъ повелѣлъ своему послу въ Голландіи поставить въ извѣстность Ихъ Высокомочія Генеральные Штаты о своемъ желаніи вновь посѣтить Голландію; вмѣстѣ съ этимъ Царь выражалъ особое свое желаніе — сохранить строжайшее инкогнито во время путешествія. Черезъ два дня послѣдовалъ отвѣтъ, что прибытіе Его Царскаго Величества будетъ пріятно.

Петръ отправился изъ Копенгагена сухимъ путемъ въ Любекъ. Проѣзжая медленно, въ открытомъ экипажѣ, чрезъ Фредериксштатъ, имѣвшій голландскій характеръ и потому, вѣроятно, ему особенно понравившійся, онъ разсматривалъ со вниманіемъ, одну за другою, различныя фабрики и мастерскія, попадавшіяся ему на пути во время слѣдованія чрезъ этотъ городъ. Супруга Петра, оставленная имъ въ Шверинѣ, чрезъ нѣсколько дней должна была присоединиться къ нему въ Голландіи.

Царя сопровождала большая свита, изъ состава которой были поименованы слѣдующія лица: канцлеръ графъ *Головкинъ*, вице-канцлеръ баронъ *Шафировъ*, тайный совѣтникъ Петръ *Толстой*, шталмейстеръ Димитрій *Шенелевъ*, путевой секретарь Иванъ *Черкасовъ*, генераль-адъютантъ Павелъ *Ягужинскій* и графъ Александръ *Румянцевъ* и сверхъ того князья: Яковъ и Василій *Долгорукіе* и *Голицыны*, *Бутурлинъ* и друг.

Въ Гавельбергѣ Царь имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ *Фридрихомъ-Вильгельмомъ I*. На сдѣланный Царю подарокъ, состоявшій изъ роскошной яхты, немного времени тому назадъ построенной въ Голландіи, Царь отвѣчалъ предложеніемъ королю набрать въ Россіи пятьдесятъ

человѣкъ самаго высокаго роста, какого можно найти, и прислать ихъ въ Потсдамъ для королевской гвардіи, формировавшейся изъ однихъ только великановъ.

Изъ Гавельберга Петръ отправился черезъ Гамбургъ въ Бременъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ, встрѣтившемъ его какъ освободителя отъ ганноверскаго гарнизона, хотѣли привѣтствовать Царя различными увеселеніями и фейерверкомъ. Но Царь, узнавъ объ этомъ, поспѣшно отправился въ дальнѣйшій свой путь въ Голландію.

Онъ прибылъ на территорію этого государства уже 11-го декабря (1716 г.), и его пріѣздъ сюда былъ настолько неожиданнымъ, что сдѣланныя Голландскими Штатами распоряженія относительно пріема его, послѣдовавшія 10-го числа названнаго мѣсяца, не могли еще быть приведены въ исполненіе.

Царскій посоль князь *Куракинъ* былъ такъ застигнутъ врасплохъ поспѣшнымъ пріѣздомъ Петра, что ни самъ онъ, ни резидентъ Брандтъ, ни другія знатныя русскія лица не могли выѣхать навстрѣчу Монарха дальше Амерсфоорта.

Депутация, назначенная голландскимъ правительствомъ, состояла изъ Арнольда Іооста *ван-Кеппеля*, графа *ван-Альбемарле*, Геррита *Гообта*, бургомистровъ городовъ Амстердама, Дордрехта и Дельфта и другихъ лицъ. Депутация эта должна была встрѣтить Царя въ Девентеръ, но и здѣсь ожиданія всѣхъ были обмануты. Гдѣ и когда имъ удалось привѣтствовать Царя—намъ остается неизвѣстнымъ; мы знаемъ только, что графъ *Альбемарле* произнесъ рѣчь, въ изысканныхъ выраженіяхъ, на голландскомъ языкѣ, на которую Петръ отвѣтилъ ему слѣдующее: „Я благодарю Васъ, графъ, хотя я васъ и не понялъ. Я учился моему голландскому языку у корабельныхъ плотниковъ, но языку, на которомъ вы говорите, я никогда не учился“.

Пріѣздъ Царя въ Амстердамъ и пребываніе въ немъ.

Желаніе Царя исполнилось, и онъ совершилъ свою поѣздку въ полномъ incognito и безъ всякихъ торжественныхъ встрѣчъ и церемоній. Въ Утрехтѣ онъ нанялъ простой бечевникъ¹⁾ и на немъ отправился въ Амстердамъ,

¹⁾ Въ оригиналѣ: „trekschuit“ — составное слово, заключающее въ себѣ два слова: trek—тащить и schuit—судно; отсюда произошло испорченное русское названіе *трешкотъ* (судно, ходящее бечевою).

куда и прибылъ 29 декабря. Онъ остановился въ домѣ своего резидента *Брандта*; здѣсь онъ и переночевалъ. На слѣдующій день явились къ нему съ привѣтствіями бургомистры; они предложили Царю переѣхать въ приготовленный для его жительства отель „Большой Дулепъ“. Петръ принялъ бургомистровъ весьма благосклонно, но отклонилъ какіе бы то ни было расходы, по его приему, на счетъ государства или города; Царь согласился только воспользоваться освобожденіемъ его отъ всѣхъ пошлинъ на съѣстные припасы, взимаемыхъ государствомъ и отдѣльными городами, относительно чего и состоялось дважды соглашеніе съ его гофмейстеромъ.

Въ этотъ же день резидентомъ *Брантомъ* данъ былъ Царю и его свитѣ роскошный обѣдъ, на которомъ присутствовали также государственная коммиссія и высшіе представители городского управленія. Самъ хозяинъ лично прислуживалъ Царю за столомъ; но такъ какъ Петръ слишкомъ увлекся разговоромъ съ голландскою знатью, то *Брантъ* рѣшился самъ напомнить о себѣ Царю и просить у него позволенія принять и ему участіе въ обѣдѣ. Это позволеніе и было ему дано. По свидѣтельству Ноомена голландская знать вела бесѣду съ Царемъ на такомъ изысканновѣжливымъ языкѣ, что Петръ не выдержалъ и сказалъ голландскимъ барамъ: „будемъ разговаривать простымъ языкомъ, на какомъ говорятъ у васъ плотники“.

Во время этого обѣда Царь попросилъ пива; когда ему подали его въ стаканѣ со всѣми гѣми учтивостями, какія были въ обычай того времени, онъ сказалъ: „я не охотникъ до французскихъ комплиментовъ,—пусть мнѣ дадутъ полную кружку пива“. Выпивъ изъ принесенной кружки изрядную порцію пива, онъ, смѣясь, возвратилъ кружку обратно со словами: „пу вотъ, я могъ выпить столько, сколько мнѣ хотѣлось, и вы не узнали—много ли я выпилъ“. Отправляясь спать, онъ не пожелалъ также воспользоваться тою постелью, которая была для него приготовлена, но перенесъ подушки прямо на полъ и въ такомъ видѣ переночевалъ.

Вообще Петръ чувствовалъ особое влеченіе къ Амстердаму, и вторичное посѣщеніе имъ этого города доставляло ему нескрываемую радость.

Прибывъ въ Амстердамъ, Царь и теперь проявлялъ ту же беспокойную любознательность, какою онъ отличался и прежде. Рано утромъ онъ былъ уже на ногахъ и сѣвшиль отправиться, одинъ или въ сопровожденіи очень немногихъ

лицъ, чтобы посѣтить знакомыя ему части города или же тѣ изъ нихъ, которыхъ онъ еще не видѣлъ совсѣмъ. При этомъ онъ весь отдавался тому, въ чемъ онъ находилъ для себя или удовольствіе или развлеченіе, и въ такихъ случаяхъ даже его министры не осмѣливались мѣшать ему. Такъ, изъ боязни разгнѣвать Царя, они принуждены были скрыть отъ него полученное ими сообщеніе о большомъ несчастіи, случившемся на морѣ у Ревеля, гдѣ, во время шторма, два судна погибли, а нѣсколько другихъ получили сильныя поврежденія, и это несчастіе усугублялось еще тѣмъ, что одновременно были совершенно уничтожены всѣ вновь воздвигнутыя въ портѣ сооруженія.

21 декабря городское управленіе устроило въ театрѣ спектакль, на которомъ была разыграна знаменитая трагедія: „Гизбрехъ ван-Амстель“, а послѣ спектакля былъ данъ, въ честь Царя, роскошный ужинъ. Петръ остался доволенъ, но онъ еще съ большимъ удовольствіемъ отнесся къ сдѣланному ему на другой день предложенію осмотрѣть верфи адмиралтейства и Остъ-Индской компаніи, тѣмъ болѣе, что предоставленные въ его распоряженіе яхты и буэра давали ему полную свободу носиться на парусахъ по всему заливу И.

Невѣроятно велико было стеченіе любопытнаго народа, отовсюду сбѣгавшагося, чтобы видѣть Царя, о которомъ уже такъ много говорили. Городской администраціи немалого труда стоило исполнить желаніе Царя—удалить толпу, тѣмъ болѣе, что ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ прибѣгать не хотѣли, а кроткія мѣры—не помогали.

10-го января 1717 г. прибыла въ Везель Царица; за нею была отправлена заблаговременно одна изъ крупнѣйшихъ придворныхъ яхтъ, но только-что Екатерина вступила, на слѣдующій день, на бортъ яхты, какъ состояніе ея здоровья принудило ее вновь перейти на берегъ, а 12-го—она разрѣшилась отъ бремени принцемъ, получившимъ при крещеніи имя Павла.

13-го января Царь, узнавъ отъ посланнаго Царицею пажы *Маврина* о радостномъ для него событіи, тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ дворянъ сообщить Генеральнымъ Штатамъ о рожденіи у него сына и просить ихъ быть воспреемникомъ новорожденнаго; но вскорѣ онъ получилъ печальное извѣстіе о томъ, что младенецъ скончался на второй день и что Царица тяжело больна.

Царь рѣшилъ посѣтить своихъ прежнихъ друзей и зна-

комыхъ. Своего лучшаго друга и наставника, *Витцена*, онъ нашелъ прикованнымъ старостью къ одру болѣзни. Увидѣвъ профессора *Рейша*, Царь, привѣтствуя его пожатіемъ руки, сказалъ: „вы по-прежнему для меня старый дорогой учитель“.

Кардинаала, *Визелаара* и *ван-дер-Гейдена*—уже не было въ живыхъ; *ван-Дамъ* находился въ Гоорнѣ, но *ван-Реененъ*, *ван-дер-Гейденъ* (сынъ), *Пооль Силь*—еще здравствовали.

Для Царя по-прежнему самыми пріятными мѣстами для посѣщенія оставались корабельныя верфи Амстердама: если гдѣ-либо его встрѣчали привѣтствіемъ: „Добро пожаловать, Питеръ-баасъ“, то всѣ черты его лица изображали нескрываемое удовольствіе. Однажды, когда онъ подымался на одну изъ верфей, жена Питера Пооля обратилась къ нему именно съ такимъ привѣтствіемъ. Царь тотчасъ же спросилъ ее: „какъ ты меня знаешь?“ На что та отвѣтила: „да вы 19 лѣтъ тому назадъ такъ часто бывали въ нашемъ домѣ и кушали за нашимъ столомъ; я жена мастера Пооля“. Тутъ Царь узналъ ее, обнялъ ее обѣими руками, дружески поцѣловалъ ее и тутъ же самъ напросился къ ней къ обѣду. Помощникъ мастера на верфи удостоился такого же ласковаго обращенія, когда уже самъ явился къ Царю и былъ имъ узнавъ.

Особенно Петру хотѣлось побывать въ Заандамѣ и увидаться тамъ со своими хорошими знакомыми *Кальфами*, о которыхъ онъ спрашивалъ у разныхъ заандамскихъ жителей, случайно встрѣченныхъ имъ въ Амстердамѣ, какъ у Питера *Инъ*, судостроителя на одной изъ верфей, и у Томаса *Юсіаса*, сына бѣдной вдовы, у которой онъ когда-то пивалъ можжевеловку. Наконецъ, онъ уже совсѣмъ былъ готовъ ѣхать въ Заандамъ на шлюпкѣ, какъ поднялся очень свѣжій вѣтеръ, заставившій его вернуться назадъ. Вскорѣ затѣмъ Царь тяжело заболѣлъ.

Во время этой болѣзни въ Амстердамъ прибыло нѣсколько иностранныхъ пословъ, на которыхъ ихъ государями было возложено выразить Царю ихъ соболѣзнованіе.

Петръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не находилъ никакой возможности отдѣлаться отъ этихъ посѣщеній, принималъ пословъ обыкновенно лежа въ постели. Такъ именно, по рассказамъ, онъ принялъ барона *ван-Гемса*, министра германскаго императора въ Гаагѣ, которому было поручено передать Царю письмо отъ императора ка-

сательно оставленія русскихъ войскъ на территоріи Мекленбурга.

Посоль нашелъ Царя лежащимъ на канане, безъ занавѣсей, и прикрытымъ одѣялами до самаго подбородка. Петръ казался очень больнымъ и крайне удрученнымъ, что приписывалось также тоскѣ по умершемъ сынѣ. Ван-Геемсъ оставался у Царя очень короткое время и получилъ отъ него въ отвѣтъ только то, что его министры обсудятъ съ нимъ это дѣло. Не видя никакого результата отъ первой аудіенціи, посоль сталъ добиваться новой аудіенціи, которая и была ему разрѣшена. Хотя послу стоило большого труда устроить дѣло въ желаемомъ направленіи, тѣмъ не менѣе онъ остался очень доволенъ русскими министрами, въ особенности *Шафировымъ*.

Болѣзнь Царя имѣла для него еще болѣе досадное послѣдствіе. Онъ давно говорилъ о своемъ желаніи лично повидаться съ *Георгіемъ I*, королемъ Англіи, который пробылъ нѣкоторое время въ своихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ и теперь ожидался въ Голландіи на обратномъ пути въ Лондонъ. Царю предстояло отправиться въ Флаардингенъ, гдѣ король долженъ былъ перейти на корабль: но такъ какъ болѣзнь Петра не позволила ему лично отправиться на свиданіе съ королемъ, то онъ послалъ къ нему князя *Куракина* и графа *Голстого*. Прибывъ незадолго до отхода яхты, они просили объ аудіенціи у короля, но имъ отказали въ этомъ подъ предлогомъ, что свѣжій вѣтеръ и морской приливъ не позволяли имъ медлить отъѣздомъ. Но весьма возможно, что истинною причиною такого неучтываго поступка со стороны англійскаго короля была перехваченная, еще въ январѣ, секретная переписка между шведскими министрами—графомъ *Гиллембургомъ* и *Герцемъ*, изъ которыхъ первый былъ посланникомъ въ Лондонъ, а послѣдній пребывалъ въ Голландіи. Обнаруженіе этой переписки сопровождалось не только заарестованіемъ посла въ Лондонъ и Гёрца въ Арнгемъ, но и обнародованіемъ полной корреспонденціи обоихъ этихъ лицъ. Это послѣднее было, конечно, весьма непріятно Царю, такъ какъ авторы переписки весьма подробно выяснили въ ней тѣ пути и способы, которыми имъ удалось привлечь Петра на свою сторону, и содѣйствовать ихъ планамъ и цѣлямъ.

Какъ только *Веселовскій*, весьма опытный резидентъ Царя въ Лондонъ, въ то время отсутствовавшій, получилъ, какъ и всѣ прочіе послы, копію этой корреспонденціи, онъ

поспѣшилъ переслать ее своему Государю, а этотъ послѣдній приказалъ тотчасъ же представить англійскому правительству особый меморандумъ. Этотъ меморандумъ имѣлъ главнѣйшею цѣлью выразить то тягостное впечатлѣніе, какое, естественно, должно было произвести на Его Царское Величество опубликованіе означенныхъ документовъ и въ то же время развить соображенія, которыя могли бы уничтожить самыя отдаленныя подозрѣнія въ какомъ-либо соучастіи въ планахъ Гёрца. Въ этомъ документѣ заявлялось, что Царю *вообще* не были извѣстны столь широкіе планы Гёрца по отношенію къ Англій и что Царь *даже отдаленно* не намѣревался оказывать какую-либо поддержку выполненію этихъ плановъ. Этотъ дипломатическій инцидентъ надѣлалъ вначалѣ много шума. Мы, съ своей стороны, склонны признать правдивость всѣхъ этихъ завѣреній, ибо мы думаемъ, что мы обязаны скорѣе вѣрить имъ, чѣмъ отвергать, такъ какъ было бы въ высшей степени неосторожно со стороны Царя—черезъ своихъ делегатовъ говорить языкомъ, который, въ случаѣ, если бы онъ оказался не соответствующимъ, во всѣхъ своихъ частяхъ, истинѣ, вызвалъ бы въ глазахъ всей Европы публичное неодобреніе и въ то же время разоблаченіе.

Царица едва только поправилась отъ своего недуга, какъ поспѣшила въ Амстердамъ. Она прибыла сюда 13-го февраля. Теперь она могла удовлетворить свое, столь часто возбуждавшееся любопытство и видѣть страну, которую ея супругъ считалъ колыбелью своего величія.

Императрица Екатерина пріѣхала въ сопровожденіи многочисленной свиты. Извѣстная фрейлина Анна *Крамерж* и пріобрѣтшія въ позднѣйшей исторіи Россіи столь большую извѣстность — лейбъ-хирургъ *Лестокъ* — находились при ея особѣ. Царица была привѣтствована членами правительства и городской администраціи.

Въ это именно время возникли нѣкоторыя неудовольствія между Царемъ и резидентомъ Брандтомъ, вслѣдствіе чего Царь перешелъ жить въ домъ Осипа *Соловьева*, весьма крупнаго русскаго негодіанта; онъ принужденъ былъ очистить для Царя весь свой домъ. Здѣсь остановилась и Царица по прибытіи своемъ въ Амстердамъ.

Причиною неудовольствія, возникшаго между Царемъ и Брандтомъ, было, по всей вѣроятности, слѣдующее: нѣсколько лѣтъ тому назадъ Царь приказалъ черезъ Брандта, въ подарокъ Екатеринѣ, миниатюрную модель амстердам-

скаго дома со всѣми принадлежностями, нужными въ большемъ голландскомъ домохозяйствѣ; модель эта, художественно исполненная, должна была дать Царицѣ полное представленіе о чистотѣ, удобствахъ и роскоши домашней голландской жизни. По поводу этой модели между Царемъ и Брандтомъ произошли недоразумѣнія—и драгоценная вещь осталась въ Голландіи.

Посѣщеніе Петромъ Заандама.

Только 5-го марта Царь могъ осуществить свое намѣреніе—посѣтить Заандамъ. Рано утромъ, въ сопровожденіи двухъ-трехъ князей и нѣсколькихъ другихъ лицъ своей свиты, Царь явился въ домъ *Корнелія Кальфа* и тутъ же объявилъ о своемъ желаніи, чтобы его приняли запросто, по-купечески. Спустя нѣкоторое время Кальфъ и его сынъ отправились съ Царемъ, на яхтѣ, вверхъ по Зааву, къ мѣстечку Коогъ, при чемъ Царь занялъ мѣсто у руля.

Какъ и прежде, Царь повсюду проявлялъ страстное любопытство—все видѣть и все подробно осмотрѣть. Кальфъ-отецъ постоянно сопровождалъ Царя въ экскурсіяхъ и слѣлалъ наблюденіе, что Царь во многомъ измѣнился къ лучшему. „Но, по выраженію Ноомена, въ немъ все-таки сильно еще проглядывалъ обликъ прежняго плотника“.

Послѣ обѣда Петръ отправился испытывать особую лодку, купленную для него и только-что доставленную на верфь; онъ остался очень доволенъ. Послѣ этого Петръ посѣтилъ уже извѣстную ему бумажную мельницу „Кокъ“, которую онъ подробно разсматривалъ съ такимъ же жалнымъ любопытствомъ, какъ это дѣлалъ и раньше. На обратномъ пути онъ пошелъ по другой сторонѣ Кокслоота, чтобы видѣть фабрику крахмала, пробовалъ здѣсь подкисленную воду и крахмалъ, заставляя это также дѣлать и лицъ своей свиты, и въ то же время обращался съ разными вопросами по интересовавшимъ его предметамъ.

Многими было замѣчено, что Царь въ этотъ свой пріѣздъ въ Голландію менѣе старался прятаться отъ людей, такъ, напр., возвращаясь изъ Заандама, онъ стоялъ на яхтѣ на открытомъ мѣстѣ, несмотря на то, что яхта была окружена множествомъ разныхъ судовъ, переполненныхъ любопытными. Онъ даже поворачивался изъ стороны въ сторону, какъ будто хотѣлъ сказать: „глазѣйте на меня

сколько хотите“. Онъ былъ одѣтъ въ довольно простой кафтанъ, изъ сѣраго драпа, съ широкимъ кожанымъ ремнемъ, къ которому подвѣшена была сабля. Онъ носилъ короткій черный парикъ и грубую черную шляпу. Послѣ болѣзни онъ выглядѣлъ еще блѣднымъ; густые черные усы оттѣняли его ротъ. По-прежнему онъ былъ быстръ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, и также замѣчалось въ немъ прежнее постоянное, какое-то безпокойное, движеніе въ его пронизывающихъ глазахъ. Князья были въ роскошныхъ костюмахъ, въ большихъ парикахъ и въ плащахъ изъ алаго сукна.

Во вторникъ, 9-го того же мѣсяца, Царь вновь пріѣхалъ въ Заандамъ, въ сопровожденіи князя *Куракина* и еще трехъ другихъ князей, а также нѣсколькихъ другихъ знатныхъ русскихъ особъ и нѣсколькихъ именитѣйшихъ голландцевъ.

Императрица прибыла вслѣдъ за Петромъ на другой яхтѣ, также сопровождаемая придворными дамами и блестящею свитою. *Кальфъ*-отецъ пригласилъ своихъ высокихъ гостей присутствовать при спускѣ новопостроеннаго корабля и по этому случаю устроилъ роскошный обѣдъ у себя, а также и въ домѣ своего сына.

Петръ былъ одѣтъ въ такой же простой костюмъ, какъ и въ прошлый разъ; но Царица и русскіе вельможи, казалось, хотѣли затмить эту крайнюю простоту необыкновеннымъ великолѣпіемъ своихъ нарядовъ. Екатерина, въ особенности, блистала брилліантами, жемчугомъ и золотыми украшеніями, стоимыми, по исчисленію Ноомена, три бочки золота ¹⁾).

Николай *Кальфъ* предложилъ провести своихъ высокихъ гостей, съ ихъ свитою, на бумажную фабрику подъ названіемъ „Вальфишъ“ (Китъ). Здѣсь все, заслуживавшее вниманія, было подробно осмотрѣно. На обратномъ пути зашли къ Томасу *Иосіасу* и, какъ было ему обѣщано, пили у него кофе.

Возвратясь въ домъ *Кальфа*, Петръ узналъ, что его прежній квартирный хозяинъ *Герритъ Кистъ* работаетъ въ сосѣдней кузницѣ. Царь тотчасъ же послалъ за нимъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться на его прежнюю квартиру, но *Кистъ* отказался идти, говоря: „а какое мнѣ дѣло до Царя, — онъ мнѣ еще остался долженъ за квартиру“.

¹⁾ Бочка золота—100 тысячъ талеровъ или флоринновъ.

Петръ, съ однимъ изъ дворянъ, самъ отправился за кузнецомъ и притащилъ его къ домику на Кримпѣ. Онъ взобрался на верхъ, осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ спалъ, также комнатку, гдѣ имѣлъ обыкновеніе молиться, и пробылъ здѣсь часа полтора. Относительно его стараго долга есть основаніе думать, что онъ уплатилъ его Кисту; по крайней мѣрѣ, въ потомствѣ этого послѣдняго сохранилось, въ видѣ нѣкоего преданія, что Царь осчастливилъ своего стараго хозяина подаркомъ,—серебрянымъ кубкомъ.

Здѣсь еще разъ Царь проявилъ свою склонность подчинять своей волѣ—волю лицъ, его окружавшихъ. Одинъ русскій дворянинъ, сопровождавшій Петра въ кузницу, испытывая нѣкоторое отвращеніе къ грязноватому помещенію кузнеца, или же, можетъ быть, страхъ передъ разлетающимися, мириадами, огненными искрами, позволилъ себѣ выйти изъ кузницы раньше Царя. Тогда Петръ призываетъ его обратно въ кузницу и заставляетъ его здѣсь, при себѣ, сдѣлать нѣсколько ударовъ молотомъ по раскаленному желѣзу.

За обѣдомъ Царь и Царица были привѣтствованы рѣчью, сказанною пасторомъ Герардомъ ван-Аальстомъ, на которую Петръ отвѣчалъ весьма благосклонно. Обѣдъ сильно затянулся, и поэтому все общество поторопилось отправиться въ домъ Аальты *Валингюсъ*, вдовы Аренда Клаассона *Блюма*, въ томъ расчетѣ, чтобы наблюдать спускъ корабля; но уже много времени было потеряно, наступилъ морской отливъ и спущенное судно зашло въ илъ.

Въ виду этого Царь и Царица такъ поспѣшили своимъ отъѣздомъ, что многія лица, ихъ сопровождавшія, не могли вернуться на яхтахъ и должны были искать другого способа возвращенія домой.

Царица Екатерина своею привѣтливостью оставила пріятное впечатлѣніе среди жителей Заандама. Ея наружность описывается такъ: невысокаго роста, нѣсколько дородная, но въ то же время живая и любезная.

Поѣздна въ Утрехтъ.

На слѣдующій день Высокіе Путешественники отправились на яхтѣ въ Утрехтъ, чтобы осмотрѣть все его достопримѣчательности. Между прочимъ, Царь долго оставался на башнѣ кафедральнаго собора. При осмотрѣ знаменитой фабрики шелковыхъ матерій, принадлежащей ван-

Молдему, чрезмѣрная страсть Петра все обслѣдовать и все испытывать самому лично — едва не стоила ему жизни. Петръ хотѣлъ испытать силу воды, вращающей колеса фабрики, и схватилъ руками большое колесо въ то время, когда мельница была въ полномъ ходу. Царь былъ тотчасъ подхваченъ съ пола и приподнять кверху,—одинъ моментъ, и другое, вспомогательное, колесо втянуло бы его и, конечно, измололо бы на смерть. Къ счастью, одинъ изъ рабочихъ настолько сохранилъ присутствіе духа, что успѣлъ ухватиться за Царя и имѣлъ силы оттащить его отъ колеса. Это, столь дикое нападеніе на Царя,—какъ былъ истолкованъ поступокъ рабочаго въ первый моментъ происшествія, ибо никто не догадывался о причинахъ, вызвавшихъ его,—произвело среди присутствующихъ лицъ неопишемое смятеніе, но когда узнали о той опасности, которой подвергался Царь, и о той мужественной помощи, которая была оказана ему и которая спасла ему жизнь,—всеобщее оцѣпенѣніе быстро перешло въ бурную радость и ликование. Царь сердечно объявлялъ своего избавителя; получилъ ли этотъ послѣдній какую-либо награду—объ этомъ свѣдѣній не имѣется.

Произведенный этимъ инцидентомъ испугъ нарушилъ общее веселое настроеніе и испортилъ то удовольствіе, которое ожидалось отъ предпринятой поѣздки.

Пребываніе въ Гаагѣ.

18-го марта Царь и Царица отправились на яхтѣ въ Гаагу и остановились въ отелѣ русскаго посланника князя *Куракина*. 20-го марта они оповѣстили о своемъ прибытіи президента Ихъ Высокомочій. Немедля же г.г. *Вельдеренъ*, *Лестевенонъ*, пенсіонарій *Гейнзиусъ*, ван-*Гоорнъ*, ван-*Амеронгенъ*, ван-*Айльва*, *Иссельмуденъ*, *Вихерсъ* и секретарь *Фогель* были назначены, чтобы привѣтствовать Ихъ Царскія Величества и принести свои поздравленія, что и было исполнено ими на слѣдующій день съ точнымъ соблюденіемъ обычнаго церемоніала.

Первоначальный изъ числа депутатовъ отъ Генеральныхъ Штатовъ произнесъ торжественную рѣчь на нидерландскомъ языкѣ, на которую Монархъ отвѣтилъ весьма любезно. Въ этотъ же день высокіе гости были привѣтствованы также и другими государственными чинами, ино-

странными министрами и высшимъ военнымъ начальствомъ.

Со стороны голландскаго правительства были употреблены всѣ старанія, чтобы представить Высокимъ гостямъ всевозможныя удовольствія и развлеченія, и дважды въ честь ихъ устраивались праздники въ Зоргфлитъ (старинный загородный домъ). Графъ *Альбемарле* и *Гамъ* обыкновенно сопровождали Высокихъ гостей при осмотрахъ имѣтѣхъ или другихъ достопримѣчательностей. 27-го марта, при посѣщеніи ими дворцовыхъ помѣщеній—тамъ собрались разныя общества и учрежденія, чтобы встрѣтить и привѣтствовать русскихъ Царя и Царицу.

Государь долгое время оставался въ Тревескамерѣ съ нѣсколькими находившимися тамъ членами Генеральныхъ Штатовъ и былъ съ ними очень привѣтливъ. Оттуда онъ перешелъ въ другой залъ, гдѣ уже было приготовлено для него угощеніе.

Послѣ того графъ *Альбемарле* и *Гамъ* сѣли вмѣстѣ съ Царемъ и княземъ *Куракинымъ* въ закрытое судно, въ которомъ они ѣздили съ полчаса времени, чтобы сдѣлать опытъ совмѣстно съ однимъ изобрѣтателемъ, увѣрившимъ, что онъ нашелъ способъ опредѣлять долготу моря; въ настоящее время изобрѣтатель долженъ былъ открыть Царю свой секретъ. Ничего не извѣстно ни объ этомъ открытіи, ни о самыхъ опытахъ, въ чемъ именно они состояли, но извѣстно только, что Царь чрезвычайно внимательно слѣдилъ за опытомъ и, затѣмъ, нѣкоторыми своими вопросами привелъ самозванца-изобрѣтателя въ такое смущеніе, что этотъ послѣдній принужденъ былъ, наконецъ, признаться, что онъ никогда не думалъ найти въ Монархѣ такого отличнаго математика.

Царь съ такимъ же интересомъ осматривалъ на дачѣ „Ватерфлитъ“, близъ Фоорбурга, водяную машину, изобрѣтенную Яковомъ ван-*Брименъ*.

Кромѣ дѣловыхъ сношеній съ важнѣйшими министрами Голландіи, Царь пожелалъ войти въ сношенія также съ адмиралами *Питерсономъ* и *Вассенааромъ*. Послѣдній изъ нихъ принималъ Монарха у себя на собственной дачѣ „Рейксдорпъ“, устроивъ здѣсь роскошное угощеніе.

О небольшихъ экскурсіяхъ Царя въ Лейденъ, гдѣ онъ осмотрѣлъ все, что касается наукъ и искусствъ, а также въ Дельфтъ и Гондшольредейкъ, гдѣ министръ Пруссіи *Даніэль ван-Мейнерцагагенъ* далъ, въ честь Монарха, большой

обѣдъ,—не имѣется никакихъ подробностей. Вскорѣ затѣмъ Высокіе гости отправились въ Роттердамъ, гдѣ пробыли четверо сутокъ и остались очень довольны пріемомъ и тѣми почестями, которыя были оказаны имъ какъ со стороны властей, такъ и со стороны населенія. Здѣсь именно Царь, принявъ рѣшеніе ѣхать въ Парижъ, расстался съ Екатериною, которую предпочелъ не брать съ собою во Францію какъ изъ нежеланія подвергать ее какимъ-нибудь неприятностямъ при Дворѣ вслѣдствіе незнатности ея происхожденія, такъ и во избѣжаніе всѣхъ тягостей отъ приворнаго этикета, которому тамъ, въ тѣ времена, придавали особое значеніе и который, по отношенію къ представительницамъ прекраснаго пола, былъ еще требовательнѣе¹⁾.

Возвращеніе Петра изъ Франціи въ Амстердамъ и пребываніе въ немъ.

Въ Намюрѣ Царь былъ встрѣченъ съ большою торжественностью графомъ ван-Гомпешъ, начальникомъ значительнаго голландскаго гарнизона; здѣсь Государь оставался два дня.

Царь не скрывалъ своей радости, что снова находился среди голландцевъ. Въ особенности онъ былъ доволенъ, что могъ бесѣдовать съ высшими военными начальниками, которые, участвуя въ войнѣ за Испанское наслѣдство, приобрѣли столько опыта и военной славы. Для него доставляло также особое удовольствіе рассказывать имъ о тѣхъ сраженіяхъ и осадахъ, въ которыхъ онъ лично командовалъ своими войсками.

Губернаторъ распорядился устроить, въ честь русскаго Царя, интересное состязаніе на ходуляхъ, а также рѣчную прогулку на шлюпкахъ, которая доставила Петру особое удовольствіе.

Въ Маастрихтѣ Петръ былъ также принятъ съ большими почестями голландскимъ губернаторомъ. Здѣсь онъ долго бесѣдовалъ съ генераломъ ван-Гровестинсомъ, столь прославившимся какъ своимъ походомъ во Францію, такъ и своимъ талантомъ.

¹⁾ Даваемое вслѣдъ за этимъ въ книгѣ Схельтемы и основанное на франц. печ. матеріалахъ описаніе поѣздки Петра Великаго изъ Голландіи во Францію мы не переводимъ здѣсь, какъ не имѣющее ближайшаго отношенія къ пребыванію Царя въ Голландіи.

Навстрѣчу Царю были посланы яхты, на которыхъ онъ спустился по Маасу; посѣтивъ большинство прибрежныхъ городовъ, онъ оставилъ яхту въ Граве и далѣе продолжалъ свое путешествіе въ обыкновенной двумѣстной коляскѣ, съ небольшою свитою, до Нимвегена. Сюда онъ прибылъ уже къ вечеру и остановился на постояломъ дворѣ. Здѣсь онъ тотчасъ же потребовалъ себѣ яицъ, кусокъ сыру и хлѣба, и рано отправился на покой; его компаньоны по путешествію выпили двѣ бутылки вина. Распорядились, чтобы дорожный экипажъ былъ приготовленъ къ раннему утру. Уѣзжая на слѣдующій день, Петръ приказалъ своему гофмаршалу спросить хозяина гостиницы — сколько слѣдуетъ заплатить ему. „Сто дукатовъ“, послѣдовалъ отвѣтъ. По свидѣтельству Штелина, на крайнее удивленіе со стороны гофмаршала, вызванное такою чрезмѣрною суммою, трактирщикъ отвѣчалъ: „я бы охотно заплатилъ не сотню, а тысячу, если бы самъ былъ русскимъ Царемъ“. По другой же версіи, у хозяина спросили: „развѣ яйца такъ рѣдки здѣсь?“, на что получили въ отвѣтъ: „не яйца рѣдки, но конечно, императоры“. Но какъ бы ни было, — Царь приказалъ уплатить все сполна. Ворота конюшни были открыты, и Царь поспѣшилъ продолжать свой путь въ Амстердамъ, куда онъ и вернулся въ началѣ іюля мѣсяца.

Во время отсутствія Петра, Императрица оставалась въ Голландіи и проживала или въ Амстердамѣ или въ Гаарлемергоутѣ, гдѣ имѣлъ дачу упоминавшійся уже выше *Соловьевъ*.

Между тѣмъ, городское управленіе Амстердама прилагало всевозможное стараніе, чтобы доставить Императрицѣ развлеченіе и чтобы она могла видѣть все, что имѣлось въ городѣ наиболѣе достопримѣчательнаго; 14-го мая, въ честь ея, были устроены увеселительная прогулка на парусахъ, а также примѣрное морское сраженіе между Ньювендамъ и Шеллингвоуде; это послѣднее зрѣлище заслужило особое одобреніе Царицы.

Обѣ эскадры состояли подъ начальствомъ контръ-адмираловъ *Бодаана* и *Гравс*. Императрица находилась на одной изъ самыхъ большихъ яхтъ, на которой былъ поднятъ російскій флагъ. По окончаніи сраженія обѣ эскадры соединились вмѣстѣ около яхты Императрицы и сопровождали ее до самаго города.

Петръ, возвратившись изъ Франціи, присоединился къ Императрицѣ и пробылъ съ нею нѣсколько дней на той же

дачѣ въ Гаарлемергоутѣ. Жители сосѣднихъ дачъ оказывали Высокимъ иностранцамъ самое широкое гостепріимство. Въ числѣ разныхъ празднествъ, которыя были устроены въ честь ихъ, празднество, устроенное Питеромъ *Коолаартомъ*, щедрымъ супругомъ нашей славной поэтессы Елисаветы *Гоофманъ*, было если не однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ, то, во всякомъ случаѣ, самымъ достопримѣчательнымъ для исторіи голландской литературы, такъ какъ именно это празднество вдохновило пашу поэтессу написать лирическую поэму, прославившую и ея полъ, и отечество.

Нѣкоторое время Царь жилъ въ Амстердамѣ тихою частною жизнью. Хотя нерѣдко онъ и предпринималъ прогулки по водѣ на своей новой яхтѣ, построенной для него въ предыдущемъ году и названной „Амстердамъ“, но онъ преслѣдовалъ, въ настоящее свое путешествіе, совершенно другую цѣль, нежели въ предыдущую поѣздку; онъ не ограничивался теперь только дѣломъ судостроенія и торговли, но сильно интересовался также науками и искусствами и въ особенности онъ часто посѣщалъ знаменитѣйшихъ живописцевъ. Нерѣдко онъ останавливался передъ тою или другою картиною и цѣлыми часами слѣдилъ за работою художника; въ это время онъ разспрашивалъ о манерѣ писанія картинъ какъ этого, такъ и другихъ художниковъ, при чемъ онъ обнаруживалъ тонкое пониманіе при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ картинъ. Въ особенности много времени проводилъ онъ у своего учителя *Сило*, купилъ у него ббльшую часть картинъ съ морскими видами и далъ имъ потомъ лучшія мѣста въ Петергофскомъ дворцѣ, а также въ Голландскомъ домикѣ. Живописецъ *Бооненъ* былъ также очень любимъ Царемъ, который заказалъ художнику написать портреты какъ его и супруги своей, такъ и многихъ лицъ своей свиты.

Царь посѣтилъ также художницу Генріетту ван-*Пее*, которая уже въ то время пользовалась большою извѣстностью благодаря своимъ превосходнымъ миниатюрамъ. Ея работа такъ понравилась Царю, что онъ пригласилъ ее отправиться въ Россію, обѣщая ей ежегодную пенсію въ шесть тысячъ гульденовъ, сверхъ того, что она могла бы заработать своею кистью. Она, съ благодарностью, отказалась отъ этого выгоднаго предложенія, указывая на то, что простота ея образа жизни и ея мирныя привычки въ

духъ вѣроученіи анабаптистовъ—не подойдутъ къ шумной жизни двора.

Петръ вполнѣ согласился съ этими доводами, а вмѣстѣ съ этимъ пожелалъ, чтобы художница нарисовала его портретъ, но когда, въ то же время, онъ узналъ, что ему придется для этого позировать разъ двадцать и каждый разъ, по меньшей мѣрѣ, часа по два времени, то онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего желанія. Нѣкоторые изъ свиты Петра оказались болѣе терпѣливыми и, въ награду, получили великолѣпные образцы ея замѣчательнаго таланта ¹⁾.

Часто Царь посѣщалъ публичныя распродажи картинъ, гдѣ онъ большею частью пользовался совѣтами художника *Кселя*, швейцарца, особенно отличавшагося въ изображеніи мертвой натуры (плоды, цвѣты и проч.). Этотъ художникъ былъ рекомендованъ Петру его старымъ знакомцемъ *Сило* и позже перешелъ на личную службу къ Царю, вмѣстѣ съ нимъ отправившись въ Россію. Этотъ *Ксель* женился на дочери Маріи Сибиллы *Меріанъ*, и такимъ путемъ лучшія произведенія этой знаменитой художницы перешли въ руки Царя, который, впоследствии, въ лицезрѣніи этихъ шедевровъ находилъ для себя высокое наслажденіе.

Такъ Царь положилъ, еще въ то время, основаніе богатымъ собраніямъ картинъ, находящимся, въ настоящее время, въ Императорскихъ дворцахъ; эти картины выбирались Царемъ большею частью изъ числа принадлежащихъ школамъ фламандской и голландской и носящихъ имена *Рембрандта*, *Стеена Рувермана*, *Остаде* и многихъ другихъ; особенное же предпочтеніе онъ отдавалъ картинамъ *Бакхейзена* и *ван-дер-Вельда* съ изображеніемъ разныхъ морскихъ судовъ и съ морскими видами.

Царь озаботился также расширить свой естественно-историческій кабинетъ, основанія котораго были положены имъ еще въ первое его путешествіе; приобрѣтя нынѣ для этого кабинета очень значительное число новыхъ предметовъ, онъ сдѣлалъ его извѣстнымъ среди европейскихъ ученыхъ по своимъ богатымъ и рѣдкимъ экземплярамъ.

За сумму въ 15 тысячъ гульденовъ Петръ приобрѣлъ большую коллекцію земноводныхъ и морскихъ животныхъ, птицъ, змѣй и насѣкомыхъ, собранную съ большимъ тщаніемъ Альбертомъ *Себа*, съ которымъ онъ очень сблизился.

¹⁾ Эта художница, вышедшая впоследствии замужъ за *Вольтера*, быть можетъ болѣе извѣстна подъ именемъ Гевриетты Вольтеръ.

За 30 тысячъ гульденовъ Царь приобрѣлъ также знаменитый кабинетъ анатомическихъ препаратовъ, принадлежавшій профессору *Рейшу* и о которомъ было уже говорено выше,—на составленіе этого кабинета *Рейшъ* затратилъ болѣе 50 лѣтъ. Такъ посчастливилось Россіи, въ то время еще нецивилизованной, получить въ свое обладаніе тѣ сокровища, которыми такъ долго съ гордостью владѣла культурная Голландія; отъ всѣхъ этихъ сокровищъ у насъ осталось только воспоминаніе о нихъ, сохранившееся въ двухъ превосходныхъ сборникахъ гравюръ, въ которыхъ возпроизведены главнѣйшіе предметы названнаго кабинета.

Въ заботахъ о просвѣщеніи въ Россіи, Царь обращался за совѣтами къ *Витцену*, *Рейшу* и другимъ ученымъ относительно тѣхъ книгъ, какія, по ихъ мнѣнію, было бы полезно перевести на русскій языкъ, въ результатъ чего было изданіе нѣсколькихъ новыхъ книгъ.

Въ это именно путешествіе свое Петръ обратилъ особое вниманіе на то, чтобы русскіе оставались не простыми зрителями искусствъ, но чтобы они усердно сами изучали ихъ. Съ этою цѣлью Петръ отдалъ въ ученіе къ Сило и къ другимъ художникамъ — *Никитина*, *Матвѣева*, *Сахарова*, *Меркурьева* и нѣсколькихъ другихъ, а *Земцева* и *Серонкина* позже отправилъ въ Италію, чтобы изучать строительное искусство.

Но посреди всѣхъ этихъ заботъ, Царь не забывалъ и о политическихъ дѣлахъ, и Амстердамъ сдѣлался средоточіемъ важнѣйшихъ дипломатическихъ переговоровъ. Между Царемъ и королемъ Англіи не было никакихъ новыхъ личныхъ неудовольствій, но въ то же время не было между ними и большого взаимнаго сближенія. Англійскій король отправилъ въ Амстердамъ своего чрезвычайнаго посла *Норриса* и своего постоянного представителя въ Гаагъ — *Витворфа* съ особымъ довѣрительнымъ письмомъ. При первомъ свиданіи съ министрами Царя представители англійскаго короля поставили ихъ въ извѣстность о томъ, что ихъ монархъ желаетъ пребывать съ Царемъ въ мирѣ и въ добромъ согласіи и что главная цѣль ихъ прибытія — заключеніе коммерческаго трактата.

Русскіе министры отвѣтили на это, что прежде всего слѣдуетъ возстановить дружественныя отношенія между ихъ повелителемъ и королемъ и заключить договоръ объ оборонѣ и о гарантіи, и только уже послѣ этого они могутъ приступить къ обсужденію торговаго договора между озна-

ченными монархіями. Такъ какъ прежніе переговоры были прерваны Англіею подъ ничтожнымъ предлогомъ и такъ какъ Его Царское Величество, съ своей стороны, склоненъ заключить дружественный трактатъ, то королевскіе послы должны заявить—уполномочены ли они на веденіе такихъ переговоровъ. Послы отвѣтили, что нѣтъ, но что они доложить объ этомъ ихъ повелителю. Вслѣдствіе этого они скоро вернулись въ Англію съ отзывнымъ письмомъ, не заключивъ предполагавшагося трактата.

Что касается Генеральныхъ Штатовъ, то они, съ своей стороны, также прилагали сильнѣйшее стараніе къ тому, чтобы извлечь изъ пребыванія Царя въ Голландіи наибольшую пользу, и, въ этихъ цѣляхъ, имѣлось въ виду заключить съ Царемъ столь давно желаемый торговый трактатъ.

Стеченіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ было причиною, что это желаніе осталось неосуществившимся и теперь, какъ и прежде. Кромѣ того, какъ кажется, личное присутствіе Царя въ Голландіи привело даже къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ.

Изданныя въ Англіи письма *Герца* и *Гиллемборга* были также переведены на голландскій языкъ и изданы въ Голландіи. Это не понравилось Царю, и онъ приказалъ своему посланнику представить Генеральнымъ Штатамъ особую меморію, въ которой высказывалось неудовольствіе Царя на то, что съ нимъ не совѣщались передъ изданіемъ писемъ на голландскомъ языкѣ и что не было высказано никакого неодобренія по поводу тѣхъ выраженій, которыя должны бы были быть непріятны Царю.

Отвѣтъ Генеральныхъ Штатовъ былъ столь убѣдительный и столь почтительный, что этотъ инцидентъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Въ означенномъ отвѣтѣ, главнымъ образомъ, выяснялось, что голландскій переводъ былъ сдѣланъ съ англійскаго текста, который, въ свою очередь, былъ обнародованъ по повелѣнію парламента и въ которомъ, по сравненію съ оригинальными письмами, не было допущено ни малѣйшаго отклоненія даже въ строкахъ непріятныхъ для самого англійскаго правительства и что необоснованныя утвержденія и догадки, относящіяся къ особѣ Его Царскаго Величества, должны быть признаваемы еще менѣе заслуживающими вѣры, чѣмъ такія же утвержденія и догадки по отношенію къ королю Англіи, и что, наконецъ, весь позоръ падаетъ на шведскихъ министровъ.

Царь, благодаря неточнымъ свѣдѣніямъ, обратился, чрезъ графа *Альбемарле*, къ Голландскимъ Штатамъ съ ходатайствомъ за нѣкоего Николаасъ Муйсъ ван-*Голи*, приговореннаго морскимъ судомъ къ тюремному заключенію. Царь просилъ о смягченіи наложеннаго наказанія. Но Штаты отнесли къ этой просьбѣ Царя, какъ къ попыткѣ,—могущей имѣть въ будущемъ важныя послѣдствія,—къ вмѣшательству Царя во внутреннія дѣла Голландіи, и потому, несмотря на крайнее нежеланіе отказать въ чемъ-либо русскому Монарху, Генеральныя Штаты были, все-таки, поставлены въ необходимость отклонить его просьбу, что они единогласно и постановили.

Хотя этотъ отказъ и былъ облеченъ въ очень деликатную форму, но такъ какъ для Царя всякій отказъ въ просьбѣ являлся необычайною вещью, то можно было ожидать, что и этотъ отказъ произведетъ на Петра сильное впечатлѣніе и что данный случай не будетъ поэтому легко забытъ московскимъ Самодержцемъ.

Быть можетъ, именно благодаря этому случаю посредничество Генеральныхъ Штатовъ въ пользу города Данцига, на который Царемъ наложена была большая контрибуція, вызвало столь сильное неудовольствіе Царя. Наконецъ, Царь проявилъ свой гнѣвъ по поводу образа дѣйствій Амстердамскаго адмиралтейства, освободившаго часть груза шотландскаго корабля, который шелъ изъ Готеборга въ Англію и, будучи захваченъ русскимъ военнымъ судномъ въ Сѣверномъ морѣ, былъ приведенъ этимъ послѣднимъ въ Тексель.

Царь приказалъ отправить корабль въ Англію, чтобы тамъ дѣло могло быть разобрано судомъ, но грузъ уже былъ снятъ съ корабля и самый корабль объявленъ свободнымъ. Къ этому послѣднему Царь отнесся весьма серьезно. Онъ приказалъ своему послу представить голландскому правительству меморію, и такъ какъ это правительство не могло рѣшить вопроса тотчасъ же, то со стороны Россіи послѣдовала угроза наложить арестъ какъ на суда, такъ и на имущество голландцевъ, а также принять однородныя мѣры и по отношенію ко всѣмъ голландцамъ, пребывающимъ въ Россіи. Но скоро, однако, все мирно уладилось, и дѣло это не имѣло никакихъ послѣдствій.

Эти и другія обстоятельства, въ соединеніи съ рѣшительнымъ намѣреніемъ Царя пользоваться для торговли въ Россіи только судами, принадлежащими его подданнымъ

и въ связи съ желаніемъ Царя оказывать, въ то же время, преимущественное покровительство тѣмъ націямъ, которыя до того времени не вели еще съ Россіей никакой морской торговли,—все это привело къ тому, что надежды Голландіи на заключеніе съ Россіей новаго торговаго трактата,—который, предоставляя голландцамъ особыя привилегіи, былъ бы выгоденъ для нихъ, съ каждымъ днемъ все болѣе уменьшались.

При такомъ положеніи дѣла, для Голландіи являлось особенно печальнымъ то, что Франція и Пруссія были счастливѣе въ этомъ отношеніи. Версальскій Дворъ, отклонивъ политическій союзъ съ Россією, оказался склоннымъ заключить съ нею коммерческій трактатъ. Для переговоровъ, по сему предмету, съ царскими уполномоченными герцогъ-регентъ послалъ въ Амстердамъ своихъ министровъ; къ этимъ переговорамъ былъ допущенъ и прусскій министръ. Въ результатъ этого, 4-го мая, былъ заключенъ союзный и коммерческій трактатъ. При этомъ, между прочимъ, обязались содѣйствовать сообща умиротворенію Европы на началахъ Утрехтскаго и Баденскаго трактатовъ. Для веденія этого дѣла со стороны Царя были назначены: *Головкинъ, Шафировъ* и *Куракинъ*.

Во второе свое путешествіе въ Голландію Царь былъ встрѣченъ здѣшнимъ купечествомъ вообще далеко не такъ радушно, какъ въ первое путешествіе сюда. Убытки голландскихъ купцовъ отъ перемѣщенія торговли изъ Архангельска въ Петербургъ и открытіе въ самой Россіи большаго числа фабрикъ и мастерскихъ заведеній—были особенно чувствительны для голландскаго купечества. Учрежденіе въ Амстердамѣ русскаго торговаго дома подъ фирмою „Соловьевъ“, на который русскимъ Дворомъ возлагались важнѣйшія порученія, также не могло не отразиться на голландской торговлѣ, и къ этому еще прибавилось повышеніе торговыхъ пошлинъ въ Лифляндіи.

Кромѣ того, князь *Меншиковъ*, управлявшій, въ отсутствіи Государя, дѣлами въ Россіи, требовалъ отъ купцовъ, которые ввозили свои товары въ Петербургъ по таможенному тарифу, установленному для этого города, чтобы они платили столько же, сколько они должны были бы платить въ Архангельскѣ въ прежніе годы, а именно—въ 1714, 1715 и 1716 гг. Голландскій резидентъ де-*Би* донесъ своему правительству, что противъ несогласавшихся на это принимались крутыя мѣры и такихъ лицъ вытаскивали изъ

ихъ жилищъ и держали въ заключеніи до уплаты всѣхъ требуемыхъ денегъ.

Вслѣдствіе такого донесенія, голландское правительство обратилось къ Царю, по возвращеніи его изъ Франціи, съ весьма серьезнымъ протестомъ противъ такого „не имѣющаго названія“ образа дѣйствій, но никакого удовлетворительнаго отвѣта ни по сему предмету, ни на повторенное предложеніе заключить торговый трактатъ во избѣжаніе, на будущее время, подобныхъ недоразумѣній—не послѣвало отъ Царя.

Городское управленіе Амстердама, тѣмъ не менѣе, по-прежнему старалось угождать Царю и доставлять ему разныя развлеченія во время пребыванія его въ этомъ городѣ. Такъ, оно вторично устроило для него блестящее зрѣлище паруснаго соревнованія и примѣрнаго морского сраженія,—тѣ именно развлеченія, которыя такъ соотвѣтствовали природнымъ наклонностямъ Царя. Дѣйствія, на этотъ разъ происходили у маяка Дюргердамъ. Принцесса, вдова штадт-гальтера Фрисланда, сопровождала въ этотъ день Царицу. Петръ остался очень доволенъ этимъ зрѣлищемъ и даже оставилъ свою яхту и перешелъ на буэръ, чтобы находиться ближе къ канонадѣ и къ энтерь-дреку¹⁾. Вечеромъ весь флотъ направился на парусахъ къ главному адмиралтейству и торжественно подошелъ къ городу, представляя необыкновенно красивую картину.

Энскурсіи въ Гоорнъ, Тексель и др.

Въ августѣ мѣсяцѣ Царь посѣтилъ нѣсколько городовъ сѣверныхъ голландскихъ провинцій. Когда-то Петръ вызвалъ къ себѣ въ Амстердамъ своего стараго учителя ван-*Дама*, проживавшаго тогда въ Гоорнѣ, а теперь Царь пожелалъ еще разъ свидѣться съ нимъ, но уже на мѣстѣ его постоянного жительства.

Петръ выразилъ желаніе видѣть останки похороненнаго въ Гоорнѣ морского героя, вице-адмирала Питера *Флориссоона*, убитаго въ морскомъ сраженіи въ Зундѣ, въ 1659 г. Чтобы удовлетворить любопытство Царя, находившаяся въ городскомъ соборѣ, гробница названнаго вице-адмирала была вскрыта. Но такое любопытство имѣло своимъ послѣдствіемъ нѣкоторыя поврежденія, причиненныя на передней

¹⁾ Абордажъ при помощи дрековъ (крюкъ, желѣзная лапа).

сторонѣ гробницы, именно той, на которой изображенъ морской бой.

При осмотрѣ въ Гоорнѣ морскихъ верфей собралась такая громадная толпа любопытныхъ, что Царь, сильно разгнѣвавшись, посѣшилъ покинуть этотъ городъ.

Ничто не доставило Царю въ этой поѣздкѣ такъ много удовольствія, какъ обзорѣніе Беемстера. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы эта плодородная почва могла создаваться изъ-подъ моря; съ величайшимъ интересомъ онъ разспрашивалъ о всемъ, что касалось осушки земли и проведенія каналовъ. Деревня Рипъ особенно понравилась Царю своимъ богатствомъ и торговлею; здѣсь онъ обратилъ еще вниманіе на крупную ловлю сельдей. На обратномъ пути пришлось опять проѣзжать чрезъ Беемстеръ, и Царь опять воздалъ дань упорству и труду нашихъ предковъ.

Посѣщеніе Петромъ Тексея также доставило ему большое удовольствіе. Какъ разъ въ это время вернулся въ гавань ост-индскій флотъ, совершившій весьма счастливо свой рейсъ. Радость и большое оживленіе, вызванныя прибытіемъ шестнадцати богато нагруженныхъ судовъ, представили Царю и его супругѣ никогда невиданное ими зрѣлище. Депутация отъ владѣльцевъ этой компаніи, находившихся въ это время на яхтѣ въ гавани, встрѣтила Царя и Царицу и предложила имъ угощеніе на бортѣ одного изъ возвратившихся кораблей „Елисавета“, нагруженнаго пряностями и бакалеею. Царь, и здѣсь какъ и всюду въ такихъ случаяхъ, съ большимъ интересомъ все подробно осматривалъ, обо всемъ разспрашивалъ.

По возвращеніи въ Амстердамъ, Царь совершилъ еще поѣздку въ Лоо, гдѣ онъ, сопутствуемый княземъ *Куракинскимъ*, имѣлъ свиданіе съ барономъ *Герцемъ*, который представилъ ему болѣе точныя свѣдѣнія относительно желанія короля Швеціи заключить съ Царемъ мирный договоръ.

На обратномъ пути изъ Лоо Высокіе Гости, сопровождаемые многими другими особами, были приняты *Брандтомъ* ¹⁾ въ своемъ дачномъ помѣщеніи, называвшемся

¹⁾ Надо полагать, что то недоразумѣніе между Царемъ и Брандтомъ, о которомъ было упомянуто выше, въ это время уже не существовало. Это, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что Брандту впоследствии пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника и даже дворянское достоинство.

„Петербургъ“ и расположенномъ на берегу рѣки Вехтъ. Передъ отъѣздомъ гостей Брандтъ устроилъ празднество, пышностью своею превзошедшее все, когда-либо видѣнное въ Голландіи у частныхъ лицъ.

Въ послѣдніе дни пребыванія Царя въ Амстердамъ этотъ городъ казался превращеннымъ въ резиденцію Двора. Многіе посланники и представители разныхъ державъ, находившіеся въ Гаагѣ, получили приказаніе отъ своихъ государей испросить у Царя отпускную аудіенцію, и каждый изъ нихъ соперничалъ въ блескѣ и въ пышности.

Послѣднее посѣщеніе Царемъ Заандама.

30-го августа Царь еще разъ пріѣхалъ въ Заандамъ, въ сопровожденіи десяти лицъ изъ своей свиты и одного священника. Онъ назвался въ гости къ *Кальфу* и опять съ тѣмъ же условіемъ, чтобы онъ былъ принятъ запросто покупчески. Кальфъ пригласилъ къ себѣ нѣсколько лицъ изъ знатнѣйшихъ заандамскимъ гражданъ. Передъ обѣдомъ были осмотрѣны нѣкоторые новые фабрики и заводы, въ числѣ ихъ—одинъ плавильный заводъ латунныхъ издѣлій, представившій для Царя особый интересъ по новизнѣ этого производства; посѣтили также фабрику для приготовленія китоваго масла; наконецъ, осмотрѣли буэръ, построенный по заказу Петра. Тутъ же былъ показанъ и тотъ ботъ, который хранился здѣсь въ виду того, что въ постройкѣ его принималъ участіе самъ Царь. Петръ казался очень довольнымъ и распорядился, чтобы ботъ этотъ былъ отправленъ въ Петербургъ. Онъ былъ весьма опечаленъ, узнавъ впоследствии, что корабль, на который былъ погруженъ означенный ботъ, былъ захваченъ шведами и приведенъ въ Стокгольмъ, гдѣ этотъ ботъ и хранится весьма бережно до сего времени.

Затѣмъ Царь посѣтилъ молитвенный домъ анабаптистовъ, носившій также названіе „Новаго Дома“. Государь высказалъ *Кальфу*, который состоялъ учителемъ или проповѣдникомъ въ этой общинѣ, свое желаніе послушать, какъ проповѣдуютъ въ его церкви, прибавивъ при этомъ, что онъ не любитъ длинныхъ проповѣдей. На это Кальфъ отвѣтилъ, что онъ дастъ краткое резюме всѣхъ родовъ поученій. Послѣ этого, онъ взошелъ на кафедру и торжественно произнесъ: „старайтесь всѣ хорошо мыслить, хорошо гово-

рить и хорошо поступать. Аминь!“ Царь замѣтилъ, что онъ „никогда не слышалъ проповѣди болѣе краткой и болѣе содержательной“, и, обратясь къ сопровождавшему его своему священнику, прибавилъ: „вотъ такъ именно должны бы и вы говорить проповѣди; но у васъ слишкомъ много пустословія“.

Во время обѣда Царь съ большимъ благорасположеніемъ отзывался о Заандамѣ, говоря, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ такой кипучей дѣятельности и такъ широко поставленной торговли. Съ особою задушевностью простился Царь со своими заандамскими друзьями. Онъ поцѣловалъ каждого изъ нихъ въ лобъ и каждому сказалъ: „прощайте! Богъ съ вами“.

Отъѣздъ Царя изъ Амстердама и Голландіи. Возвращеніе домой.

Въ Амстердамѣ Царь проявилъ такое же благорасположеніе къ каждому изъ своихъ старыхъ друзей. Онъ неоднократно навѣстилъ бургомистра *Витцена*, лежавшаго на одрѣ болѣзни, и присутствовалъ при его кончинѣ, 10-го августа. Смерть этого человѣка, также какъ и смерть бургомистра Геррита *Гоосфта*, послѣдовавшая въ это же время и также въ Амстердамѣ, произвела на Царя глубокое впечатлѣніе,—по его собственнымъ словамъ, онъ потерялъ двухъ лучшихъ своихъ друзей въ Голландіи.

Послѣдній вечеръ въ Амстердамѣ Царь провелъ у корабельнаго плотника ван-*Реенена*. Передъ уходомъ отъ него Государь сказалъ: „дай мнѣ подходящій кусокъ дерева, — я сдѣлаю изъ него нѣчто на память обо мнѣ“. Ему подали, что онъ требовалъ. Царь измѣрилъ все по циркулю, и при помощи тесла и долота смастерилъ маленькую и хорошенькую модель яхточки. Затѣмъ, Царь подарилъ ему одиннадцать монетъ съ отчеканеннымъ на нихъ его изображеніемъ и, сверхъ того, сдѣлалъ еще одинъ болѣе цѣнный подарокъ. При прощаніи Царь обнялъ и поцѣловалъ его какъ друга.

31-го августа комиссія изъ представителей отъ Генеральныхъ Штатовъ и городского управленія имѣла торжественную аудіенцію у Царя, отъѣздъ котораго назначенъ былъ 1-го сентября; но въ этотъ день поднялся такой сильный штормъ или, вѣрнѣе, ураганъ, что отъѣздъ представлялся

весьма опаснымъ. Царь все-таки хотѣлъ непременно ѣхать, и потребовалось много труда, чтобы уговорить его не подвергать своей жизни опасности и отложить свой отъѣздъ.

На слѣдующій день, при пушечныхъ салютахъ, Царь отбылъ на яхтѣ чрезъ Гаарлемъ и Гоуду, въ Дордрехтъ; здѣсь онъ оставилъ Царицу, а самъ отправился, на небольшомъ суднѣ, въ Бергенъ-оп-Зоомъ, чтобы, на прощаніе съ Голландіею, осмотрѣть эту крѣпость, — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній генерала Когоорна.

При возвращеніи въ Дордрехтъ, Царю и Царицѣ былъ оказанъ, со стороны городского управленія, самый сердечный приемъ. Вскорѣ затѣмъ они отправились въ дальнѣйшій путь, и, такимъ образомъ, Высокіе Гости, вмѣстѣ со своею свитою, проѣхавъ чрезъ Нимвегенъ къ Клеве, 10-го сентября (1717 г.) покинули территорію Голландской республики.

Въ Везелѣ Царь простился съ княземъ *Куракинымъ*, *Нарышкинымъ* и другими знатными русскими, которые должны были остаться въ Голландіи. На перваго изъ нихъ Царь возложилъ порученіе выразить, отъ его имени, Генеральнымъ Штатамъ удовольствіе Государя за ту честь и дружество, которыя были оказаны ему, со стороны республики, во время пребыванія его въ Голландіи,—какое порученіе и было немедля исполнено княземъ *Куракинымъ*.

Послѣ этого Царь поспѣшилъ, прямымъ путемъ, отправиться въ Россію, гдѣ его присутствіе представлялось, въ это время, крайне необходимымъ въ виду побѣга за границу сына его—Цесаревича Алексѣя. Вскорѣ по прибытіи Царя въ Россію—началась тяжелая драма между отцомъ и сыномъ.

Сообщилъ А. С. Лацинскій.

Письма М. Н. Каткова къ П. А. Валуеву ¹⁾.

XXIII.

Петербургъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.
31 дек. 7 ч. 15 м. 31 10 ч. 20 м.

Москва, Сенатору Щербинину.

Передайте Каткову, что его телеграмма доказываетъ невозможность удовлетворенія его требованій. Поручая Вамъ облегчить всѣ цензурныя формальности и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приостанавливать статьи съ правомъ для издателя ихъ представлять на мое разрѣшеніе, я принималъ на себя отвѣтственность за прочее и сдѣлалъ все, что при цензурномъ положеніи возможно. Отмѣнять законъ я не въ правѣ и могу только облегчить его примѣненіе. Дайте сему огласку.
Валуевъ.

XXIV.

СПБ. 6/II 1864 г.

Многоуважаемый
Михаилъ Никифоровичъ.

Не безъ горести я прочелъ письмо Ваше отъ 4-го, полученное сегодня. Отчего у насъ лучшіе дѣятели такъ спѣшатъ бросить начатое дѣло? Отчего у насъ недостаетъ выдержки, терпѣнія и податливости при встрѣчѣ съ препятствіями? Отвѣчаю Вамъ наскоро. Болѣе обстоятельный отвѣтъ отлагаю до другого раза. Позвольте быть, какъ всегда, откровеннымъ. Похоже ли на Васъ, достойно ли

¹⁾ См. Русская Старина 1915 г., Декабрь.

Васъ, проповѣдника и защитника законности, ломать законъ, какъ скоро онъ Вамъ неудобенъ и употреблять для достиженія цѣлей, которыя Вы считаете полезными, простую физическую силу? Что бы сказали Вы, если бы такъ поступилъ другой? *La fin p'excuse pas les moyens*¹⁾, и есть еще другое болѣе старинное изреченіе: *beneficia non obruduntur*. Не хочу и думать о томъ, чтобы Вы прекратили Вашу общеплезную дѣятельность. Если Вы встрѣчаете цензурныя препятствія, неужели опытъ не убѣдилъ Васъ, что не только съ моей стороны, но и со стороны М. П. Щербинина Вы встрѣтите дружелюбную готовность устранить тѣ затрудненія, коихъ устраненіе возможно? Почему такъ увѣрены Вы, что новый законъ о печати отложенъ на неопредѣленное время? И теперь, когда законъ долженъ открыть Вамъ путь болѣе широкій, Вы хотите сойти съ дороги, по которой шли доколѣ когда она была узка и неудобна. По воскресной статьѣ Вашей о Финляндіи, я надѣюсь, что цензурный комитетъ и цензоръ не услышатъ непріятныхъ словъ, но не ставьте ихъ въ положеніе невозможное. До другого раза.

Искренно преданный Валуевъ.

XXV.

СПБ. 22/II 1864.

Многоуважаемый
Михаилъ Никифоровичъ.

Я получилъ Ваше письмо отъ 19-го. Насчетъ вопроса о Вашемъ корреспондентѣ объяснюсь съ кѣмъ слѣдуетъ и отзовусь на дняхъ. Постараюсь исполнить Ваше желаніе. Что же касается до отвѣтной статьи, то не вижу повода считать ее частною. Вамъ слѣдуетъ напечатать ее съ извѣстной отпѣткой: сообщено. Распоряженіе сдѣлано, хотя и по просьбѣ Статсъ-Секретаріата, но не имъ, а Министерствомъ В. Д., и въ этой солидарности того и другого есть именно нѣчто противорѣчащее тому раздѣленію Имперіи и Вел. Княжества, которое Вы порицаете. Что же касается до сущности статьи или до обстоятельствъ, ее вызывавшихъ, то повѣрьте, что нельзя безусловно принимать взгляда корреспондентовъ. Я привыкъ къ этимъ взглядамъ во время

¹⁾ Конецъ не измѣняетъ ничего.

12-ти лѣтняго жительства въ Прибалтійскомъ Краѣ, слышалъ въ Ригѣ почти тѣ же самыя отзывы и своими глазами видѣлъ, что они съ дѣломъ не сходятся. Исторія образованія и развитія Государства имѣетъ свои особенности и завѣщаетъ иногда кажущіяся аномалии. Чтобы убѣдиться въ томъ, что онѣ могутъ быть кажущіяся, не угодно ли Вамъ вспомнить, сколько было собирательнаго въ постепенномъ разростаніи Русской Имперіи. Краины же Русскія: Кавказъ, Финляндія и Польша—не Россія. „Absorbés, mais ne prétendez pas les avaler“¹⁾. Одной силы, одной численности—мало. Насъ много; но вѣсь нашего гражданственнаго образованія не сдѣланъ еще очень вѣскимъ. Взгляните на Вашу переписку съ 9-го гласными. Я думаю или скорѣе чувствую, что люблю отечество не менѣе многихъ; но признаюсь, что мнѣ не по сердцу самовозношеніе словомъ, пока дѣло назади. Non cautu, sed actu. Думаю, что преждевременное стремленіе сгладить нѣкоторыя историческія различія мѣшаетъ ихъ сгладить. Напрасно упоминаете Вы о „превратностяхъ“. Въ моихъ отношеніяхъ къ Вамъ ихъ нѣтъ. Вы можете предопредѣлять своими дѣйствіями мои официальные поступки; Вы можете вызывать со стороны Министра В. Д. тѣ отзывы или распоряженія, которыя по его мнѣнію отъ него требуютъ его обязанности; но лично къ Вамъ онъ сохраняетъ неизмѣнныя чувства уваженія и преданности. Валуевъ.

XXVI.

С. П. Б. 28/II 1864.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

И исполнилъ Ваше желаніе и получилъ отъ Финл. Ст. Секретаря согласіе на то, чтобы не требовать сообщенія свѣдѣнія о Вашемъ корреспондентѣ²⁾. М. П. Щербинина я увѣдомилъ о семъ официально. Преданный Валуевъ.

¹⁾ Проглотите ихъ, но не претендуйте на проглатываніе.

²⁾ По поводу статьи въ Моск. Вѣд. о московскомъ городскомъ управленіи, задѣвшей московскихъ гласныхъ и въ томъ числѣ Самарина, настаивавшихъ, чтобы Катковъ указалъ источникъ свѣдѣній. Катковъ отстаивалъ право журналиста не указывать источника и печатать тѣ свѣдѣнія изъ сообщенныхъ ему, какія признаетъ нужными.

XXVII.

Милостивый Государь,
Петръ Александровичъ.

Здѣшняя цензура рѣшительно преслѣдуетъ меня. Ко мнѣ особенно по Русскому Вѣстнику безпрестанно дѣлають самыя непонятныя придирки, которыя не только затрудняютъ и стѣсняютъ меня, но лишаютъ меня возможности исполнить мои обязательства передъ публикой. Вотъ статья, которая назначалась въ выходную теперь книжку Русскаго Вѣстника, продолженіе цѣлаго ряда статей о томъ же предметѣ и того же автора, и которую цензоръ останавливаетъ, ссылаясь на недавнее замѣчаніе по поводу финансовой статьи въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Статья не представляетъ въ себѣ ничего такого, о чемъ не было уже тысячекратно писано въ Русскомъ Вѣстникѣ и Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ другихъ изданіяхъ. Дѣло въ томъ, что Вѣстникъ изъ рукъ Петрова перешелъ къ другому цензору, который ничего не понимаетъ. Наступаютъ праздники, все на этой недѣлѣ должно быть окончено, и вотъ, неожиданно остановка. Можетъ быть мнѣ и удалось бы устранить это препятствіе объясненіемъ съ предсѣдателемъ цензурнаго комитета, но сейчасъ узнаю, что цензоръ, по собственному усмотрѣнію, уже отпривилъ статью въ Петербургъ. Мнѣ остается одно—послать къ Вамъ другой оттискъ, съ покорнѣйшей просьбой разрѣшить мнѣ печатаніе статьи, которая завтра же, по просмотрѣ мною корректуры, будетъ готова къ печати.

Сегодня былъ у меня Б. Я держу въ памяти Ваше слово о немъ, но онъ говоритъ мнѣ много въ пользу управленія Анненкова ¹⁾. Я жду отъ Васъ обѣщанныхъ свѣдѣній. О какомъ циркулярѣ пишетъ изъ Петербурга въ Times этотъ противный Edward's (№ 26)—циркуляръ этотъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ? Я хотѣлъ было поговорить объ этомъ корреспондентѣ, но не знаю, какъ коснуться этого пункта, не имѣя ближайшихъ свѣдѣній. Этотъ самый Edward's въ началѣ прошлаго года отзывался безпощаднѣйшимъ образомъ о полякахъ и не хотѣлъ ничего слышать въ ихъ пользу, такъ что я долженъ былъ съ нимъ до нѣкоторой степени спорить, а теперь?! И вотъ какъ происходитъ

¹⁾ Кіевскій генералъ-губернаторъ.

эта агитація, такъ называемое, общественное мнѣніе въ журналистикѣ ¹⁾.

Вы на меня сѣтуете за оффиціальнѣйшій отзывъ, но я предупредилъ Васъ о содержаніи моего отзыва. Смѣю думать, что я имѣлъ полное право дать такой отзывъ. Правительство, по закону, можетъ требовать свидѣнія объ авторѣ статьи, а не объ источникѣ, откуда авторъ заимствуетъ матерьялъ для нея, кромѣ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обязательствъ, какъ напримѣръ: политическое преступленіе.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ глубочайшей преданности моей.

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

М. Катковъ.

Москва. 21-го Декабря 1863 г.

Вы можете смѣло довѣрить мнѣ просмотрѣть статью, если окажутся излишнія рѣзкія выраженія, то они всѣ будутъ устранены независимо отъ цензуры.

¹⁾ По поводу корреспонденціи Эдвардса Катковъ помѣстилъ интересную статью въ № 281 отъ 24 декабря 1863 г. Моск. Вѣдомостей. Катковъ писалъ слѣдующія строки, задѣвшія за живое Валуева. „Вотъ что значитъ Петербургская атмосфера. Мы сейчасъ прочли въ газетѣ Times письмо ея корреспондента о польскомъ возстаніи“. — По словамъ Каткова, пока этотъ корреспондентъ писалъ изъ Кракова, Львова, Варшавы—корреспонденціи его носили отпечатокъ мыслей чужака посторонняго, холодно разбиравшаго развертывавшіяся передъ нимъ событія, высказываясь иногда даже въ смыслѣ намъ благопріятномъ, иногда осуждая тѣ или нѣныя мѣропріятія правительства нашего, но вотъ корреспондентъ попадаетъ въ Петербургъ, пишетъ изъ русской столицы, гдѣ казалось бы должны быть сосредоточены всѣ живые интересы, чувствованія русскаго народа. На самомъ дѣлѣ—ничего нѣтъ хуже того духа, который сказывается въ письмѣ англійскаго корреспондента—о польскомъ возстаніи съ береговъ Невы. Все это ничтожество, все это растлѣніе, весь этотъ бессмысленный презрѣнный лжелиберализмъ, особаго рода, состоящій въ измѣнѣ своему народу, въ небреженіи къ его живымъ интересамъ и требованіямъ, въ рабскомъ трепетѣ передъ чужимъ мнѣніемъ, все это такъ повѣяло изъ письма въ Таймсъ. Надъ всѣмъ властвуетъ грубѣйшее чувство озлобленія къ одному изъ чинѣвшихъ государственныхъ дѣятелей нашихъ, который виноватъ только въ ожесточенной брани и упорной враждѣ. О чемъ бы корреспондентъ ни заговорилъ, онъ непременно собьется на какое-нибудь ругательство, выходку противъ Г. Муравьева“. Между прочимъ Катковъ приводитъ слѣдующую цитату изъ Петербургскаго письма въ Таймсъ: „Московскія Вѣдомости принадлежатъ къ самымъ горячимъ поклонникамъ Муравьевскаго Архангела“.—Это милое bon mot, поясняетъ Катковъ, сообщено корреспонденту его Петербургскими друзьями по поводу поднесенія Муравьеву иконы Архистратига Михаила.

XXVIII.

С. П. Б. 3/IV 1864.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

Благодарю Васъ за письмо отъ вчерашняго числа. Вашихъ объясненій я никогда не могу считать нескрепными. Мы можемъ съ Вами расходиться во взглядахъ (и то едва ли далеко и часто), но подвергать какому-либо сомнѣнiю Вашу прямоту и правдивость мнѣ не подѣсть. --- Ваша статья, напротивъ того, пришлась мнѣ совершенно подѣсть, а Сѣверная Почта потому преимущественно и вынуждена была выступать на сушу, что на Васъ ссылались другіе и что я заранѣе зналъ, что они будутъ на Васъ ссылаться. Буду ждать г. Воронцова-Вельяминова и если окажется возможнымъ, охотно съ нимъ сговорюсь. Искренно преданный Валуевъ.

Освѣженіе пигилизма я самъ замѣчаю. Нельзя ли получить отъ Васъ добраго совѣта по этому предмету.

XXIX.

С. П. Б. 12 IV 1864.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

Вы снова будете на меня сѣтовать, но нечего дѣлать. In necessitate lex dura—sed lex. Возвращаемой статьи не могу одобрить къ печати. Трудно мнѣ при моей тяжелой жизни и постоянномъ недосугѣ, излагать Вамъ мотивированное по этому предмету мнѣніе, но постараюсь указать на нѣсколько главныхъ моментовъ. Въ этой формѣ статья г. Сухотина ¹⁾ не только вызвала бы разнаго рода непріятности, но имѣла бы дурное вліяніе на дальнѣйшее практическое развитіе и примѣненіе тѣхъ самыхъ началъ, которыя она проповѣдуетъ. Какъ вы ни думайте и ни говорите *тамъ*, дѣло дѣлается *здѣсь*, а здѣшнюю почву я повиучился знать. Не говоря о томъ, что форма полнаго проекта можетъ вызвать и здѣсь тѣ же сомнѣнія, какъ и тамъ, я въ особенности прошу Васъ обратить вниманіе:

) О Земствѣ, сотрудника въ М. Вѣд.

1) на полное игнорированіе въ этомъ проектѣ, какъ уже возникшихъ, такъ и возникающихъ учрежденій. Упоминовеніе разныхъ наименованій и званій само по себѣ мало значитъ. Предполагается нѣчто совершенно новое и какъ войдутъ въ составъ этого новаго продукта положеній 19-го февраля и 1 января и ожидаемые продукты Судебной реформы, не объясняется. 2) На еще полнѣйшее игнорированіе коренныхъ административныхъ властей. Конечно, я прочиталъ статью только разъ и—бѣгло, но не помню, чтобы гдѣ-либо встрѣтилъ указаніе на связь между элементами земскими и неземскими. Самоуправленіе въ этомъ видѣ будетъ принято въ смыслѣ протеста противъ Государственнаго элемента. Вы строите много земскихъ горницъ безъ земской крыши. Это не зданіе. Вы чертите планъ безъ фасада и профиля. Это не архитектурный планъ. Если же Вы будете послѣдовательно наводить крышу, она очевидно окажется противоцензурною. По моему мнѣнію вѣрна мысль о пользѣ большого единенія и сплоченія элементовъ каждой мѣстности. Вѣрна и другая мысль объ ошибочности извѣстныхъ теорій на счетъ крестьянства. Поэтому изъ статьи можно бы сдѣлать другую статью, на нее похожую, но пріемъ долженъ быть другой. Полагаю, что можно исходить отъ необходимости возстановленія территоріальнаго начала. У насъ теперь улетучилась территорія Государства въ обиходномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ мелкихъ составныхъ частей. Остались *губерніи, уѣзды, станы*. Но имѣнія исчезли. Волости и общества суть единицы юридическія, собирательно-личныя. Надѣлы и владѣльцы земли суть единицы не приуроченныя, не связанныя органическою связью. Вы сами ищите этой связи и находите ее въ „Приходѣ“; но Вы ищите связи для лицъ, а по моему мнѣнію сперва нужно искать ее для почвы. Лица свяжутся *ipso facto*. У меня давно лежитъ на столѣ начало предпринятаго въ этомъ направленіи труда; но до мая или іюня мѣсяца некогда довершить начатое. Если Вы приметесь за разработку этой мысли, если Вы будете преимущественно указывать на хозяйственно-полицейскую сторону дѣла, и если Вы вспоминаете о центральномъ управленіи, говоря о мѣстномъ самоуправленіи, то разныя цензурныя сомнѣнія устранятся. Вы не можете объяснить себѣ причины, почему желается видѣть Ваше почтенное имя на столбцахъ Вашей газеты. Дѣло весьма простое. Не о Васъ рѣчь. Ваше имя безъ того извѣстно. Но здѣсь другіе органы прессы, у которой оказа-

лись подставные или наоборотъ непризнанные, тайные издатели и редакторы. Для нихъ принята эта мѣра. Вы говорите о нашемъ Rzönd'ѣ ¹⁾. Онъ дѣйствительно налицо. Но чтобы съ нимъ справиться, нужно болѣе согласія между тѣми, кто ему не сочувствуетъ. Не знаю, когда сбудется это; но знаю, что съ моей стороны постоянно дѣлалось и дѣлается все, что мнѣ дѣлать возможно. Искренно преданный Валуевъ.

XXX.

Милостивый Государь,
Петръ Александровичъ!

Съ величайшими усиліями едва лишь я убѣдилъ нашего цензора пропустить статейку въ одномъ изъ послѣднихъ №№ Московскихъ Вѣдомостей объ Остзейскихъ „притязаніяхъ“ ²⁾. Я не могъ отказать барону Гершау въ помѣщеніи письма его въ редакцію, а получилъ это письмо и не могъ оставить его безъ замѣчанія съ своей стороны. Статейка Моск. Вѣд. потерпѣла большія измѣненія, многое, весьма существенное, надобно было устранить, хоть ни въ мысляхъ, ни въ выраженіяхъ не было ничего неодобрительнаго въ цензурномъ отношеніи. Беру смѣлость откровенно высказать Вамъ мое мнѣніе по этому вопросу. Мнѣ кажется, чѣмъ болѣе и чѣмъ свободнѣе будетъ онъ съ обѣихъ сторонъ обсуждаться въ печати, тѣмъ будетъ лучше. Было бы желательно, чтобы остзейскіе германофилы не скрывали своихъ тенденцій и не дѣйствовали втихомолку, а имѣли возможность высказать, слово за словомъ, все, что у нихъ на душѣ, тогда, навѣрно, въ ихъ собственной средѣ произошла бы

¹⁾ Rzönd—правительство? Повидному, разумѣются лица, окружающія Великаго Князя Константина Николаевича.

²⁾ 9 марта 1864 г. открытъ былъ мѣстный Лифляндскій сеймъ, — рѣчью, сказанной при этомъ генераль-суперинтендантомъ Вальтеромъ, по вопросу о поддержаніи нѣмецкимъ юношествомъ идей „пангерманизма“. Рѣчь эта вызвала статью Каткова, въ общеніи этой проповѣди, произнесенной официальнымъ лицомъ. Статья Каткова въ № 7, въ свою очередь, не прошла безслѣдно и послужила поводомъ горячей полемики съ нѣмецкими газетами, особенно Рижскими и „Dorpatser Dagbladet“, развивавшими идею пангерманизма, высказанную Вальтеромъ. О стремленіи трехъ прибалтійскихъ губерній превратиться, объединившись въ общій для нихъ сеймъ, въ одно политическое цѣлое (№ 120 и 270 Моск. Вѣд.).

По поводу письма барона Гершау Катковъ высказалъ свой взглядъ въ статьѣ отъ 5 іюня за № 125 Моск. Вѣд.

реакція въ худшемъ смыслѣ. Въ противпомъ случаѣ, если дѣло будетъ замято, оно неизбежно вызоветъ впоследствии воровъ затрудненій. Я имѣю основаніе утверждать это. При нѣкоторой свободѣ, предоставленной спору по этому вопросу, можно было бы въ угоду самимъ нѣмцамъ вызвать противоположныя одна другой партіи, заставивъ крайнихъ дойти до послѣднихъ консеквенцій. Я не знаю Вашего взгляда на это дѣло, но мнѣ кажется, что оно заслуживаетъ вниманія, и что если не данъ будетъ ему возможно болѣе полный ходъ въ борьбѣ мнѣній, то намъ впоследствии придется разсчитываться дороже. Смѣю увѣрить Васъ, что всякая поблажка остзейскимъ притязаніямъ съ одной стороны и всякое затрудненіе, поставленное полемикѣ въ печати, которое не даетъ ни имъ выдѣлиться и выясниться, а все повергаетъ въ темное броженіе, поведутъ къ самымъ неблагоприятнымъ послѣдствіямъ. Вамъ несравненно лучше, нежели мнѣ, извѣстно свойство остзейскаго вліянія на наши дѣла. Чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ хуже, но при поблажкахъ съ одной стороны (Боже сохрани, если тремъ губерніямъ будетъ данъ общій сеймъ, нехорошо уже и то, что онѣ составляютъ одно генераль-губернаторство) и при стѣсненіи печати съ другой.

У меня есть еще нѣсколько писемъ отъ нѣмцевъ для напечатанія съ мнѣніями болѣе или менѣе благоразумными и умѣренными. Для правительства ничего не можетъ быть удобнѣе, выгоднѣе, какъ предоставить нѣкоторую свободу борьбѣ мнѣній по вопросамъ этого свойства. Не принимая само участія въ спорѣ, оно будетъ имѣть возможность воспользоваться его результатами.

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ почтеніи и преданности.

Вашего Превосходительства покорный слуга

М. Катковъ.

Москва, 7-го іюня 1864 года.

XXXI.

Аптекарскій Островъ, 11/VI 1864.

Письмо Ваше отъ 7-го, многуважаемый Михаилъ Никифоровичъ, я получилъ. Искренно сожалѣю, что Вы въ Москвѣ, а я здѣсь. Многое могло бы своевременнѣе и удовлетворительнѣе разъясниться изустно. Позвольте Вамъ

сказать откровенно и искренно, что Вы напрасно придаёте слишкомъ мало значенія моему взгляду на дѣло и моему знанію обстоятельствъ. Не время вести Остзейскую полемику. Остзейскаго вліянія на наши дѣла теперь нѣтъ и инфинитesimalной доли. Сепаратистическія замашки тамъ большею частью вызваны нами самими. Есть и доля мѣстная, но она не велика и живетъ нашею слабостью, а наша слабость не матеріальная, а нравственная. *Я заклятый врагъ всякаго единенія между тремя Остзейскими губерніями.* Пока я на моемъ мѣстѣ, ни одного шага въ этомъ направленіи не сдѣлается, и когда я былъ въ Курляндіи, Вамъ можетъ быть стало извѣстнымъ, что я сумѣлъ отстоять право центральной власти. Но теперь не время поднимать этотъ вопросъ. Здѣсь много людей, алчущихъ превратить и Ригу въ Вильно. Для меня будетъ и съ Вильно. Не такими путями совершается то поступленіе впередъ, о которомъ Вы часто говорите. Вальтеръ ¹⁾ сказала неумѣстное слово. Онъ уволенъ. Цензоръ въ Дерптѣ пропустилъ о немъ неумѣстныя сожалѣнія. Онъ уволенъ, и если я не прекратилъ *Dagrate Tagelblatt*, то единственно по просьбѣ Ген.-Губернатора, уже принявшаго свои мѣры. Я требовалъ отъ здѣшней цензуры и требую отъ Московской, чтобы этой полемикѣ былъ положенъ предѣлъ. Сожалѣю очень, что Вы напечатали нѣсколько строкъ, цензурою не пропущенныхъ. Во-первыхъ это неправильно и не соотвѣтствуетъ отношеніямъ моимъ къ Вамъ. Во-вторыхъ, Вы не можете въ Москвѣ, при всей Вашей прозорливости, всего угадывать, разгадывать и оцѣнивать въ точности. Черезъ годъ говорите о Прибалтійскомъ Краѣ — что Вамъ угодно. Но теперь, вмѣсто пользы, Вы принесли бы вредъ.

Искренно преданный Валуевъ.

XXXII.

Аутекарскій островъ 16/vi 1864.

Многоуважаемый

Михаилъ Никифоровичъ.

Вы на дняхъ получили, по сдѣланному мною распоряженію три изданія, относящіяся до современныхъ вопросовъ и предпріятыя и исполненныя Министерствомъ В. Д.

¹⁾ Епископъ лифляндскій, генераль superintendentъ, сказавшій при открытіи Лифляндскаго сейма, 9 марта 1864 г., рѣчь, въ которой указывалъ, что дѣятельность современнаго поколѣнія должна заключаться въ поддержаніи и развитіи германизма. По поводу этой рѣчи Катковъ

не для публики, а для членовъ Госуд. Совѣта. Одно изъ нихъ—карта Европейской Россіи по племенамъ, составленная по системѣ, мною указанной. Другое—та же карта по вѣроисповѣданіямъ. Третье—таблицы народонаселенія Западнаго края по сословіямъ, племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Прошу Васъ, при разсмотрѣніи этихъ изданій, предложитъ себѣ вопросъ: *какіе приемы нужны, чтобы при такомъ центрѣ и такой периферіи, развивались центристремительныя, а не центробѣжныя силы?*

Искренно преданный Валувевъ.

Рекомендую Вамъ г. Вильде, командированнаго въ Москву по цензурной части.

XXXIII.

20/VII 1864.

Милостивый Государь,
Михаилъ Никифоровичъ.

Варшавскій банкиръ, баронъ Френкель ¹⁾, отправляющійся на нѣкоторое время въ Москву, желаетъ имѣть случай познакомиться съ Вами и поэтому проситъ меня снабдить его рекомендательнымъ къ Вамъ письмомъ. Охотно исполняя желаніе барона Френкеля, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, не отказать ему въ благосклонномъ приѣмѣ ²⁾.

написалъ передовую статью въ № 7 Моск. Вѣд. 64 г., обличающую германофильскія тенденціи Вальтера и его единомышленниковъ, и настаивалъ на томъ, чтобы въ предѣлахъ русскаго государства не было ни эста, ни лива, ни шведа, ни нѣмца, чтобы нѣмцы въ Россіи, не разучиваясь своему языку и не измѣняя своей вѣрѣ, тѣмъ не менѣе звали бы себя прежде всего русскими и дорожили бы этимъ званіемъ.

¹⁾ Баронъ Френкель.

²⁾ Френкель—другъ товарища министра Государственныхъ Имуществъ Гевросса, друга Валувева, косвенный виновникъ—перваго предостереженія, полученнаго Петерб. Вѣд. по освобожденіи ихъ отъ предварительной цензуры за статью о крайне невыгодномъ для пріобрѣтателей неименныхъ акцій (на предьявителя) устава учреждаемаго барономъ Френкелемъ поземельнаго банка, не обезпечивающаго ихъ интересовъ, о безоотвѣтственномъ правленіи банка и т. п. Катковъ помѣстилъ рядъ статей неблагоприятныхъ для банка Френкеля въ Моск. Вѣд. за 65 г. №№ 144, 146, 152 п 288 и, кромѣ того, раскрылъ значеніе всеобщаго банка, проектированнаго тѣмъ же барономъ Френкелемъ для поддержанія рессурсовъ папы и католической пропаганды въ № 143 Моск. Вѣд.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Валуевъ.

Баронъ Френкель ѣдетъ въ Москву со своимъ племянникомъ *Г. Ляскимъ*, котораго Вамъ, равнымъ образомъ, себѣ позволяю рекомендовать.

XXXIV.

С.П.Б. 1/хІ 1864.

Многоуважаемый
Михаилъ Никифоровичъ.

Я получилъ Ваше письмо и воспользуюсь какъ имъ, такъ и Вашими превосходными статьями о гимназіяхъ. Послѣдняя (№ 238) ¹⁾ есть въ моихъ глазахъ истинный гражданскій подвигъ. Увижу завтра, подѣйствовала ли она на другихъ. Свое дѣло я сдѣлаю съ какимъ успѣхомъ—не знаю. Не лишнимъ считаю, однако же, замѣтить, что здѣсь главное—признаніе принципа. Частности, какъ, напримеръ, число часовъ въ недѣлю—дѣло второстепенное. Это число можетъ быть увеличено впоследствии. Насколько я сочувствую Вамъ въ дѣлѣ педагогики, настолько я съ Вами расхожусь въ дѣлѣ Финансовъ. Ваша статья въ № 234 ²⁾ въ защиту нашего абсентеизма меня задѣла за живое и въ опроверженіе ея я позволяю Сѣверной Почтѣ прервать ея обычное безмолвіе. По другимъ вопросамъ, конхъ Вы касаетесь въ Вашемъ письмѣ, я на дняхъ сообщу Вамъ нужныя Вамъ свѣдѣнія.

Искренно преданный Валуевъ.

XXXV.

С. П. Б. 21/хІ 1864. *Конфиденціально.*

Многоуважаемый
Михаилъ Никифоровичъ.

Мнѣ помнится, что въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Вы неоднократно упоминали, съ одной стороны, о возможности внутренняго займа, съ другой о необходимости Южной желѣзной дороги. Министръ Финансовъ и я полагаемъ, что

¹⁾ М. Вѣд. 1863 г. № 2, 32 и 61.

²⁾ № № Моск. Вѣд. 158, 163, 173, 261 и др.

Вамъ не бесполезно и не безынтересно будетъ узнать заблаговременно о предстоящемъ на этихъ дняхъ объявленіи внутренняго займа съ цѣлью усилить средства Государственнаго Банка для воспособленій, какъ устройству желѣзной дороги, такъ и нуждамъ торговли вообще. Посылаю Вамъ при семъ экземпляръ приготовленныхъ по этому предмету бумагъ. Прошу Васъ сохранить въ совершенномъ секретѣ, до объявленія здѣсь, не только текстъ, но и самое содержаніе этихъ бумагъ. Но Вы бы обязали Министра Финансовъ и меня, если бы говоря вообще о выгодахъ внутренняго займа, Вы бы насколько могли подготовить Вашихъ читателей къ благопріятному взгляду на дѣло. Объявленіе состоится вѣроятно въ будущую пятницу 27-го. Посылаю это письмо и приложенія къ нему черезъ г. Фукса ¹⁾, который ѣдетъ въ Москву дня на два или на три по особой надобности. Онъ *не знаетъ* о содержаніи приложеній и говоритъ ему о томъ не предстоить надобности. Но онъ знаетъ разныя подробности положенія здѣшнихъ финансовыхъ дѣлъ и могъ бы ихъ Вамъ сообщить. Я не писалъ доселѣ объ общемъ положеніи нашихъ дѣлъ по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ оно не представляетъ никакой новой рѣзкой или крупной черты. Ничего того, чего Вы опасались въ отношеніи къ нашей внѣшней политикѣ, вслѣдствіе свиданія въ Ниццѣ ²⁾, и въ отношеніи къ внутреннимъ вопросамъ, вслѣдствіе возвращенія Великаго Князя ³⁾ и вліянія близкихъ къ нему лицъ ⁴⁾, не случилось. По пріѣздѣ сюда, я все нашелъ на прежнихъ мѣстахъ и болѣе или менѣе въ томъ направленіи, въ которомъ полагаю найти, когда имѣлъ удовольствіе съ Вами видѣться въ Москвѣ. Существенныхъ перемѣнъ и по сію пору нѣтъ. Великій Князь вступилъ въ управленіе Морскимъ Вѣдомствомъ и снова занялъ мѣсто предсѣдателя въ комитетахъ Главномъ и Финансовомъ; но въ дѣлахъ общей администраціи не принимаетъ участія. Министръ Народнаго Просвѣщенія удержался пока на своемъ мѣстѣ, быть можетъ именно благодаря силѣ направленныхъ противъ него атакъ.

¹⁾ Довѣренное лицо Валуева, управляющій канцеляріей Главнаго Управленія по дѣламъ печати, впоследствии сенаторъ.

²⁾ Свиданіе Императора Александра II съ Наполеономъ. Катковъ опасался, что это свиданіе вызоветъ перемѣну въ нашихъ отношеніяхъ къ Польшѣ.

³⁾ Константина Николаевича, отозваннаго изъ Польши.

⁴⁾ Головиннѣ министръ Народнаго Просвѣщенія, Рейтернъ — министръ Финансовъ.

Кп. Горчаковъ возвратился и менѣе нервозенъ, чѣмъ былъ лѣтомъ. Текущія дѣла идутъ обычнымъ порядкомъ. Указъ о судебной реформѣ ¹⁾ подписанъ вчерашняго числа. Преобразовательная дѣятельность по Царству Польскому продолжается. Проектъ устава о книгопечатаніи внесенъ въ Государственный Совѣтъ и т. д.—Я не писалъ къ Вамъ также и потому, что затруднился найти досужный часъ для нѣскольکو полнаго изложенія моихъ мыслей. Я буквально замученъ бумагами, засѣданіями и въ особенности официальными посѣтителями. Мой товарищъ болѣе 6 недѣль боленъ. Весь обиходъ дѣлопроизводства лежитъ на мнѣ одномъ: между тѣмъ и мое здоровье сильно пошатнулось. Наконецъ, я не писалъ, въ третьихъ, потому, что меня часто ставитъ въ грустное раздумье мое разномысліе съ Вами. Есть статьи, по которымъ мы далеко расходимся. Ваша вѣра въ непогрѣшимость частныхъ корреспондентовъ и въ безусловную примѣняемость извѣстныхъ опоекъ къ дѣламъ нашего отечества, не одно и то же.—Видно такъ суждено на Руси. Ни соглашеній, ни союза нѣтъ. Можетъ быть одно подчиненіе; по ни Вы, ни я не привыкли ограничиваться въ дѣлѣ мысли однимъ подчиненіемъ. Могу Васъ удостовѣрить въ одномъ. Дѣйствуя только возбуждительно, Вы не достигаете цѣли, потому что возбуждаете только тѣхъ, которые не обладаютъ средствами для припесенія какой-либо прочной пользы. Придетъ время, когда Вы въ этомъ убѣдитесь. Что касается до меня, то я начинаю относиться ко всему съ возрастающимъ равнодушіемъ. Я отбилъ себѣ руки и желаю только стать въ сторону и оттуда посмотреть, какъ будутъ вмѣсто меня подвигаться другіе.

Прошу Васъ вѣрить моему истинному уваженію и совершенной преданности Валувевъ.

XXXVI.

С. П. Б. 11 ии 1873 г.

Многоуважаемый М. Н., благодарю Васъ за любезное письмо. И мой старшій сослуживецъ Гизенъ ²⁾, и всякое другое Вами излюбленное лицо получить отъ меня свѣдѣнія, которыя я дать властел. —Примите увѣреніе въ моемъ искренномъ почтеніи и совершенной преданности. Валувевъ.

¹⁾ Судебные Уставы Императора Александра II.

²⁾ Смори письмо Каткова отъ 16 сентября 1863 г.

Вы вѣроятно сами написали недавнюю превосходную статью по дѣлу Квитницкаго ¹⁾. По крайней мѣрѣ въ ней есть магистральныя черты, которыя я не встрѣчалъ въ нашей прессѣ, подѣ другимъ перомъ. Многимъ не мѣшало бы заучить глубокую истину, высказанную въ послѣднихъ строкахъ. Я возилъ эту статью въ Ком. Министровъ и имѣлъ удовольствіе, во-первыхъ, замѣтить, что и другіе ее оцѣнили, а во-вторыхъ оказаться первымъ, кто на ней остановилъ должное вниманіе ²⁾.

XXXVII.

С. П. Б. 21/VI 1873.

Многоуважаемый М. Н., не могу, по старой привычкѣ, не обратиться къ Вамъ съ особымъ извѣстіемъ, вызываемымъ здѣшними статьями Московск. Вѣдомостей. Недавно была въ нихъ превосходнѣйшая статья по дѣламъ церковнымъ, тамъ рѣчь шла, между прочимъ о голосистыхъ діаконахъ. Въ № отъ 17 апрѣля есть превосходная статья о пребываніи здѣсь императора Вильгельма, которую я тотчасъ послалъ къ пр. Рейсу ³⁾, для назидательнаго прочтенія. Обѣ статьи вполне подтверждаютъ мой всегдашній о Васѣ отзывъ, неизмѣнно повторявшійся и въ то время, когда Вы меня весьма мало жаловали, а именно: что Вы одни умѣете быть настоящей политической прессой, въ уровень моему идеалу „Times“, и болѣе, чѣмъ въ уровень лучшимъ нѣмецкимъ газетамъ. *Dixi vale*.

Валуевъ.

¹⁾ Статья въ № 47 отъ 24 февраля 1873 г. Квитницкій — офицеръ Л.-Гв. Конно-артил. бригады, ранилъ своего батареянаго командира, полковника Хлѣбникова. По поводу этого процесса Никитенко, въ своемъ дневникѣ, подѣ 12 февраля, записалъ слѣдующее: на судѣ сочувствіе къ Квитницкому всеобщее. Онъ велъ себя превосходно. Рѣчь его напечатана въ газетѣ Голось (10 и 11 февраля), но всему видно, что главная причина неприязни товарищей офицеровъ внутренняя, та, что Квитницкій, окончившій курсъ въ Михайловской артиллерійской военной академіи, былъ несравненно образованнѣе вообще и спеціально, въ частности, своихъ сослуживцевъ, которые изъ зависти строили ему всяческія козни, приговоревъ въ Сибирь на житье. Судѣ ходатайствуетъ передъ Государемъ о помилованіи. Квитницкій былъ разжалованъ въ рядовые.

²⁾ Лицею Цесаревича Николая Александровича, основанному Катковымъ въ Москвѣ.

³⁾ Германскій посолъ въ С.-Петербургѣ.

XXXVIII.

С. П. Б. 9/v 1873.

Многоуважаемый М. Н., приношу Вамъ личную просьбу. Прилагаемая вырѣзка уже объясняетъ на половину, въ чемъ дѣло. Что за личность г. Каррингтонъ? Въ моихъ глазахъ рекомендація уже есть въ его принадлежности къ лицу¹⁾. Онъ мнѣ былъ бы желателенъ не какъ гресептеур. Моему сыну 17 лѣтъ, и онъ и я желаемъ репетитора по древнимъ языкамъ и добраго товарища. Въ концѣ іюня или въ началѣ іюля мы думаемъ ѣхать въ Тетеризе въ Баварскомъ Тироля. Хотите ли, можетъ ли г. Каррингтонъ ѣхать съ нами? Его обязанности ограничивались бы репетиціями греческими и латинскими. Необходимо одно—характеръ, съ которымъ легко жить по-домашнему; безъ капризовъ и церемоній. Какія, въ случаѣ удобства, условія. На долго ли даете Вы отпускъ г-ну Каррингтону. Буду въ Москвѣ проѣздомъ, или точнѣе, въ Петровскомъ, въ концѣ этого мѣсяца. Я ѣду на Волгу и затѣмъ до Таганрога. Вернусь, если Богъ дастъ въ концѣ іюня.

Искренно преданный Валуевъ.

На дняхъ надѣюсь Вамъ послать докладъ комиссіи по дѣламъ сельскаго хозяйства. Это первый blue book¹⁾ въ Россіи.

XXXIX.

С. П. Б. 2/xi 1874. *Конфиденціально.*

Многоуважаемый М. Н., Вамъ не безызвѣстно, что въ январѣ будущаго года вопросъ о правилахъ для найма рабочихъ и прислуги имѣетъ быть обсуждаемъ, по Высочайшему повелѣнію, въ многочисленной и разносоставной комиссіи, подъ моимъ предсѣдательствомъ. Дѣло не моего вѣдомства и учрежденіе комиссіи состоялось не по моей

¹⁾ Никитенко, въ своемъ дневникѣ, такъ отзывается о трудѣ Валуева: „Августъ 2, 1873 г.“. Прочелъ докладъ Валуевской комиссіи о состояніи нашихъ крестьянъ, которое изслѣдовано было комиссіей, учрежденной подъ его предсѣдательствомъ. Это чрезвычайно любопытный актъ: онъ состоитъ изъ данныхъ, которыя, кажется, не подлежатъ сомнѣнію, и составленъ тщательно и умно. Въ этомъ неотъемлемая заслуга Валуева, хотя и видно тутъ. . . . стремленіе внести въ крестьянскій міръ помѣщичій и чиновный элементъ и болѣе первый, регулирующий и направляющій, т. е. самоуправленіе крестьянъ оказывается въ многомъ

инициативѣ, но тѣмъ не менѣ отвѣтъ на мнѣ. Два прежніе проекта, составленный комиссіей подъ предсѣдательствомъ Г. А. Игватьева, и позднѣйшіи Министерства В. Д. Вамъ вѣроятно болѣе или менѣ извѣстны. Тотъ и другой мнѣ показались неудобными, какъ формальная канва для совѣщаній комиссіи. Я воспользовался заграничнымъ отпускомъ для перелива ихъ въ форму прилагаемыхъ „Сводныхъ проектов“ и объяснительныхъ къ нимъ „Сображеній“. Предметъ важенъ. Мнѣ весьма желательно знать Ваше мнѣніе о моей работѣ и будущія къ ней отношенія „Московскихъ Вѣдомостей“. Если Вы сочтете удобнымъ, то Вы можете воспользоваться сообщеннымъ Вамъ матеріаломъ для того, что въ Германіи называется „vor laufende Bergrschung“ въ Вашей газетѣ. Мои проекты разсланы въ губерніи, куда былъ посланъ проектъ Министерства В. Д., и слѣдовательно уже полугласно. Что мнится Вамъ о положеніи нашихъ учебныхъ заведеній въ виду происшествій въ Мед. Хир. Академіи, Технол. Институтѣ и С. П. Б. Университетѣ? Не ладно все это. Почва испорчена. Самы преподаватели имѣютъ въ этомъ большую долю участія. Не думаю, чтобы долго слѣдовало задерживать голосъ печати по этому важному предмету. Отсутствіе Государя вліяетъ на это послѣднее обстоятельство и вообще на ходъ дѣла. Прошу Васъ вѣрить моимъ всегдашнимъ чувствамъ истиннаго почтенія и преданности. Валусевъ.

И. П. Земскія дѣла также не въ завидномъ положеніи. Пошибъ безсодержательной оппозиціи укореняется и Земскія учрежденія болѣе и болѣе становятся какъ бы внѣ дѣла рядомъ съ прочими стихіями, а не въ ихъ ряду

XXXX.

221 1873 г. *Переводъ съ французскаго.*

Ваше Превосходительство рискуете быть довольно часто обезпokoены моими сообщеніями. 1) Не будетъ ли полезно составить обсужденіе „besprochen“ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Далѣе авторъ перечисляетъ главнѣйшія причины неудовлетворительности быта крестьянъ послѣ ихъ освобожденія. Средство направить зло: отъбна этихъ причинъ, а главнѣйшее—школа; моральное вліяніе церкви, духовенства, введеніе техническихъ знаній въ кругъ сельской промышленности; ослабленіе пьянства посредствомъ внушенія крестьянамъ о его вредѣ и нѣкоторыя другія мѣры, особенно замѣна кабаковъ корчмами, гдѣ продавалось бы не одно вино, и слѣстное;—наконецъ, подчиненіе крестьянскаго самоуправленія контролю; о послѣднемъ говорится осторожно, уклончиво (стр. 340).

мостяхъ и Петербургскихъ Вѣдомостяхъ результатовъ комиссиі по дѣлу школъ. Не только „Міръ“, но иностранные газетные листки (Berliner Presse) говорятъ объ Аракчеевѣ и Магницкомъ. Это смѣшно, но много умовъ подозрительныхъ, которые могутъ поддаваться увлеченію. Даже здѣсь среди правительственныхъ лицъ люди, которые приписываютъ свои крики „караулъ“ — публикѣ „quasi in extenso“ — въ газетѣ Петербургскія Вѣдомости. Небезполезно констатировать единодушіе членовъ комиссиі и умѣренность ихъ заключеній, которыя характеризуютъ теперь какъ ультра реакціонныя. 2) По дѣлу комиссиі для составленія рабочаго законодательства, было бы желательнѣе констатировать, что нѣтъ комиссиі status in statu ¹⁾ подъ предсѣдательствомъ Шувалова, какъ говоритъ „Голосъ“ и городъ (Петербургъ). Есть лишь предварительное, неформальное совѣщаніе между прибывшими изъ разныхъ мѣстностей членами, въ помѣщеніи комиссиі, въ домѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Эти гг. члены, для удобства совѣщаній, избрали изъ своей среды предсѣдательствующимъ графа А. П. Шувалова, это выраженіе важно въ виду легкости, съ которой многіе здѣсь пугаются. Генералъ Игнатьевъ предусматриваетъ клятву „du jeu de raume“²⁾, формулируемую М. М. Кокоревымъ и княземъ Мещерскимъ изъ Твери, въ качествѣ beau frèге генерала Потапова ³⁾.—Тысячу привѣтствій. Валуевъ.

XXXXI.

С. П. Б. 24 и 1879 г.

Многоуважаемый М. Н., не знаю, кто Вашъ здѣшній корреспондентъ. Во всякомъ случаѣ Вы могли бы обратить его вниманіе на различіе между 50⁰/₀ и помноженіемъ на 50. И здѣсь не безъ того, что я называю хроническимъ coup de vent ⁴⁾. Гдѣ выкупная цѣна выше настоящей, тамъ цифра. Гдѣ наоборотъ (а наоборотъ до 150⁰/₀ вмѣсто 50⁰/₀), тамъ перифраза. Мимходомъ скажу, что никакой записки

1) Государство въ государствѣ.

2) Клятва, данная во время первой Французской революціи въ залѣ Jeu de raume членами національнаго собранія—не расходитъ, пока не будетъ составлена конституція.

3) Вилевскій генералъ-губернаторъ.

4) Съ вѣтру.

не читаль, а изустно заявилъ о нѣкоторыхъ данныхъ цифровыхъ и нецифровыхъ.—Прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности. Валуевъ.

Не изволите ли посмотрѣть, какъ Петербургскія Вѣдомости разбираютъ бюджетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Благодаря канцелярскому lapsus calami. Рѣчь о мелочныхъ расходахъ на 800 т. р. Между тѣмъ въ приложеніи къ Сводному росписанію, бывшему въ виду редакціи, значится, что подъ мелочные расходы подведено слишкомъ 500 т. р. на уплату земскихъ сборовъ.

(Годъ и числа необозначено) ¹⁾.

Прилагаемая записка была составлена (хотя съ нѣсколькими большими, чѣмъ въ этой запискѣ подробностями), въ другомъ вѣдомствѣ для официальной цѣли. Насчетъ фактовъ изложенія вообще точно, кромѣ дѣлъ по горному институту, въ отношеніи къ которымъ упущено изъ виду, что со стороны Министра, случайно пріѣхавшаго въ Институтъ во время сходки, не было ни извѣщеній, ни убѣжденій, обращенныхъ къ участникамъ сходки. Напротивъ, студенты, къ которымъ онъ обратился, отвѣчали, что они изъ старшихъ курсовъ и ни въ чемъ не участвуютъ. Другіе же, которые составляли сходку, не явились въ аудиторію, куда ихъ по порученію Министра приглашали, и не видали Министра. Приказаніе закрыть надлежащіе курсы, въ случаѣ повторенія безпорядковъ, было отдано Директору въ присутствіи студентовъ. Сходка возобновилась не на другой день (воскресенье 3-го), а черезъ день (понедѣльникъ 4-го), и тогда же Директоръ объявилъ закрытыми и распущенными 2-й и 3 курсы и одно отдѣленіе 1-го. Студенты разошлись и никакого вмѣшательства полиціи не потребовалось. Удаленіе изъ столицы по требованію и распоряженію Градоначальника, иногородныхъ студентовъ закрытыхъ курсовъ, повидимому сильно повліяло на настроеніе умовъ не только въ Горномъ Институтѣ, но и въ Технологическомъ. Изъ Технологическаго Института исключено и выслано 29 студентовъ. Въ Горномъ никого не исключили; но изъ распущенныхъ 10 не будутъ вновь приняты, а будутъ считаться уволен-

¹⁾ О безпорядкахъ въ военномъ учебномъ заведеніи въ 1869 г. см. статьи Каткова въ №№ 66, 112, 251, 278 и 281 Моск. Вѣд.

ными по прошенію. Мировой Судья приговорилъ нѣсколькихъ технологовъ къ аресту отъ 2-хъ до 4-хъ недѣль, сколько помню; но по аппеляціи съ ихъ стороны (съ представленіемъ 3.500 р. залога) дѣло будетъ разбираться на Съѣздѣ 13-го числа. Замѣчательно, что почти никто изъ родителей или родственниковъ не оказалъ вразумительнаго вліянія. Напротивъ, они порицали начальство разныхъ вѣдомствъ, и разныя неосновательныя критики слышались и въ официальномъ мірѣ, — отъ сановныхъ лицъ. По распоряженію Градоначальника было выслано слишкомъ 150 лицъ; но большинство ихъ не удалялось на большія разстоянія, ожидая въ Гатчинѣ, Лугѣ, Твери и т. д. разрѣшенія возвратиться¹⁾.

8/XII (Года не обозначено²⁾). Конфиденціально.

Помня пословицу: не откладывай на завтра то, что можно сдѣлать сегодня, я уже сегодня препровождаю къ Вамъ, многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ, тѣ свѣдѣнія изъ Министерства В. Д., о которыхъ я вчера упоминалъ. Я счелъ не лишнимъ дополнить ихъ, насколько могъ, въ прилагаемомъ листкѣ. Если вы пожелаете какихъ-либо дальнѣйшихъ данныхъ или подробностей, прошу мнѣ сообщить, въ чемъ онѣ должны заключаться. Статья передовая нѣмецкой газетки довольно важна на счетъ подробностей дѣла Мед. Хирург. Академіи.—Изложеніе Петербургской газеты довольно точно относительно Технологическаго Института.

Валуевъ.

Сообщ. В. Мустафинъ.

¹⁾ Записка, сообщенная Каткову Валувемъ.

²⁾ Повидимому къ 1869—когда возникли безпорядки въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Очерки прошлого

Графъ Келлеръ, собравъ свое войско, хотѣлъ опять начать бой. Отъ Медвѣдовскаго былъ посланъ адъютантъ къ Келлеру, но при видѣ черкесовъ коняники его бросились вразсыпную, и онъ не могъ найти дороги. Медвѣдовскій просилъ Келлера дѣйствовать артиллеріей, но зарядовъ уже не было. Онъ объяснилъ, что люди его цѣлый день шли и устали. Рѣшено было отложить бой и обо всемъ сообщить Медвѣдовскому.

Одинъ изъ нашихъ военныхъ агентовъ (Зеленый), разговаривая со мной объ этой битвѣ, сказалъ, что взятіе Зайчара съ фронта было немислимо, потому что Османъ-паша обладалъ слишкомъ сильною позиціей. Пало тогда много русскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ взошелъ въ турецкій шанецъ, но солдаты въ самую рѣшительную минуту остановились въ замѣшательствѣ. Офицера турки взяли руками и, вѣрно, не было ему пощады. Слава Османъ-пашы прогремѣла на весь міръ. Но тогда взятіе Зайчара считалось неважнымъ дѣломъ. Надо правду сказать, что въ то время турки стоили сербовъ. Дохтуровъ сказалъ мнѣ: „Вы теперь сами видѣли все и понимаете, какой подвигъ со стороны Черняева было сдѣлать что-нибудь изъ этого войска. Сербія доказала, что Турція—трупъ; но не думайте, что намъ придется его хоронить. Хоронить Турцію будетъ вся Европа“.

Военный агентъ нашъ сказалъ о сербскомъ войскѣ, что это былъ мнѣ и, знай турки раньше это, Черняеву не

1) См. „Русская Старина“, май 1916 г.

удалось бы продержаться. Турки высказывались потомъ о Черняевѣ, что онъ очень хитеръ. Они говорили потомъ, такой хитрый и увертливый, какъ Черняевъ.

Мнѣ поручили свезти бумагу въ главную квартиру и мнѣ дали лишь одного провожатаго. Главная квартира и центръ отошли, должно быть, далеко. Метовницы, Щербаловцы, кругомъ вся мѣстность, гдѣ стояло наше войско, теперь опустѣла. Въ деревняхъ валялись цѣлыя горы кукурузы; на виноградникахъ висѣли кисти винограда. Открывалось широкое поле для черкесовъ, но ихъ тоже не было. Когда я вернулся опять къ Келлеру, то узналъ, что битва, бывшая при мнѣ, была послѣдній бурный аккордъ передъ перемиремъ съ турками. Наконецъ нашель я отрядъ Катыча, которому я такъ понравился, что онъ хотѣлъ взять меня въ адъютанты. Когда я вернулся къ графу Келлеру, то онъ, Келлеръ, тоже отпустилъ меня на Баню Брестскую и написалъ мнѣ въ записной книжкѣ:

Въ память 6-го октября 1876 г. считаю пріятнѣйшей обязанностью выразить Григорію Александровичу де-Волану мою искреннюю признательность за поведеніе его во время боя при Копытѣ. Онъ велъ себя отмѣнно хорошо. Онъ все время находился въ огнѣ, получаемыя порученія исполнялъ хорошо и т. д. Подписался графъ Келлеръ, Трифуневичъ, Кирковичъ, Влазичъ, Мельниковъ.

Видѣлъ я въ Бинѣ Анастевича. Онъ очень былъ сердитъ на русскихъ, бранилъ Черняева, находилъ, что сербы больше бы выиграли отъ союза съ Англіей и т. д. Мой товарищъ (раненый) Исаковичъ видѣлъ смерть Скерскаго, которую описалъ въ яркихъ краскахъ. Въ Милановцѣ сербы насъ приняли чрезвычайно радушно, отвели намъ лучшія комнаты и кормили на убой. До Милановца ѣхали мы уже на ладыѣ. Поразила меня дивная красота Голубаца. Тутъ теченіе было такъ быстро, что мы чуть не разбились о скалы. Восхищенію моему не было конца при видѣ угрюмыхъ скалъ, на вершинѣ которыхъ стоялъ замокъ, который уже не разъ выдерживалъ осаду турокъ. Мы разговаривали мирно; но вдругъ прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Дождь, холодъ и грязь по колѣно не могли развеселить насъ. Всѣ были мрачны, угрюмы, вспоминали Петербургъ и его радости. Потачился я въ обратный путь въ Бѣлградъ въ компаніи одного серба, раненаго въ ногу. Г-нъ Исаковичъ былъ тихій, скромный и кроткій сербъ; только разъ онъ вышелъ изъ себя, и вотъ по какому случаю. Ѣхали мы въ

колѣ и растянулись во всю длину; мы прикрыли себя одѣялами отъ дождя. Идетъ по дорогѣ женщина и, увидя насъ въ такомъ положеніи, спросила нашего возницу: „что это вы мертвыхъ везете?“ и начала оплакивать насъ. Я хототалъ до упада, но Исаковичъ, хотя не трудно раненый, принялъ это за худую примѣту и, плюнувъ съ досады, выругалъ женщину. Исаковичъ говорилъ мнѣ о своей завѣтной мысли изучить французскій языкъ. Франція обязательно дѣйствуетъ на интеллигентнаго серба, а Россіи они не знаютъ.

Мнѣ и многимъ другимъ, можетъ быть, сдѣлаютъ упрекъ, что мы мало описываемъ мѣстности, въ которыхъ пришлось побывать. Въ оправданіе можно сказать, что, отправляясь въ Делиградъ, каждый имѣлъ въ виду не собраніе свѣдѣній и описаніе мѣстности, а самое дѣло и всѣ его послѣдствія. Если взоръ останавливался на чудномъ ландшафтѣ, то въ большинствѣ случаевъ намъ было не до того, чтобы записывать впечатлѣніе и разспросить кромѣ того гдѣ находятся памятники древности. На разспросы жители отвѣчали неохотно; если они и приносили монеты, то это было исключеніе. Всѣ сербы были поглощены войной и разговоромъ о войнѣ, о томъ, прійдутъ ли русскіе, это занимало ихъ всецѣло.

Передъ глазами рисуется очаровательная мѣстность Баньи Брестовацкой, Майданпека. Майданпекъ содержитъ въ себѣ золотыя росыпи. Вообще дорога была въ высшей степени живописна, но настроеніе было не такое, чтобы любоваться мѣстностью. Сердила насъ всѣхъ потеря времени. Подъѣзжая въ Бѣлградъ, случился пассажъ, который, если дать въ газеты, очень обрадовалъ бы читателей „Neue freie Presse“. Абрамовъ, не разобравъ причины, отчего остановились лодочники на Австрійскомъ берегу (они ждали билета для проѣзда), отдулъ ихъ нагайкою. Австрійцы сбѣжались и подняли крикъ, говоря: „вспомните: вы не въ Россіи“. Мы всѣ сгорѣли отъ стыда за нашего соотечественника. Стыдно было мнѣ и другимъ, что насъ учатъ. „Вы не въ Россіи“ долго раздавалось у меня въ ушахъ. Австрійскій чиновникъ выступилъ защитникомъ серба отъ русскаго произвола. Было бы дѣйствительно смѣшно, если бы не было такъ грустно. Попадн это въ газеты—вотъ была бы пища для нашихъ недруговъ. Когда мы пріѣхали въ Бѣлградъ, то всѣ гостиницы были заняты. Къ счастью въ Бѣлградѣ я перваго увидѣлъ Хлудова, который кинулся мнѣ на шею

и сказалъ: „мнѣ сказали, что Васъ убили“. И онъ пріютилъ меня у себя въ комнатѣ. Я думалъ ѣхать дня черезъ два въ Букарестъ, но событія рѣшили иначе. На слѣдующій день я увидѣлъ Гирса. Онъ спросилъ меня: „Вы ничего не слышали? Нашимъ, кажется, плохо“. Я былъ у Николича, но онъ былъ спокоенъ и желалъ мнѣ счастливаго пути въ Букарестъ. Иду къ Карцеву. Тамъ затѣяли споръ о Черняевѣ. Карцеву докладываютъ, что пришелъ къ нему Ристичъ. Онъ вышелъ послѣ объясненія съ Ристичемъ, озабоченный. Черезъ часъ требуютъ Карцева во дворецъ. Только-что онъ вернулся и принялся пить чай, какъ посланный изъ дворца проситъ г. Карцева къ князю Милану. Все это меня изумило, и я спросилъ причину такихъ частныхъ посѣщеній. „Вы умѣете молчать?“ спросилъ онъ. „Да“, сказалъ я ему, и сдержалъ слово. „Турки уже взяли Креть, и нашимъ очень плохо. Скверно, что телеграфъ не дѣйствуетъ на Константиполь, и надо телеграфировать черезъ Румынію“. Онъ удалился съ секретаремъ дипломатическаго агентства Ладыженскимъ, чтобы заняться дѣлами. Я просидѣлъ въ консульствѣ до 12 часовъ, а Карцева еще разъ потребовали во дворецъ, и я уже вышелъ на улицу. Тяжелыя думы давили меня. „Вотъ оно перемиріе, думалъ я; кажется, теперь только турки показываютъ свою силу“. Иду по пустыннымъ улицамъ Бѣлграда и вижу, что меня догоняетъ кто-то. Оказался солдатъ. Онъ проговорилъ однимъ духомъ: „Всѣхъ русскихъ требуютъ въ часъ ночи къ военному министру“. „Не случился ли какой-нибудь скандалъ?“ подумалъ я. Слухъ мой поразили громкіе голоса и радостный смѣхъ. Это были австрійцы, но они хохотали на всю улицу, и смѣхъ этихъ нѣмцевъ болѣзненно отдавался въ моей душѣ. Не на нашу ли голову хохочутъ они съ такимъ злорадствомъ, не случилась ли какая катастрофа съ нашими?

Въ военномъ министерствѣ въ часъ ночи собралась большая толпа русскихъ офицеровъ. Прибывшіе вновь и вернувшіеся, все это смѣшивалось другъ съ другомъ, и шумный гулъ стоялъ въ комнатѣ. Хлудовъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, въ чемъ дѣло? „Я не знаю“, былъ мой отвѣтъ. „Что надо ему сказать, если онъ съ нами заговорить?“ „Скажите, что мы готовы умереть за нашего короля“ (тогда королевскій титулъ признавался всѣмъ). Томительное ожиданіе кончилось. Между нами появился Николичъ, разстроенный, блѣдный и въ большомъ волненіи проговорилъ: „Господа, на васъ однихъ теперь надежда. Турки тѣснятъ

Черняева со всѣхъ сторонъ; вамъ надо ѣхать туда брже, брже. Лошади будутъ готовы завтра утромъ. Получайте объявы“. Хлудовъ крикнулъ: „умремъ всѣ за нашего короля“, и громкое „ура“ сопровождало эти слова.

Когда я подошелъ къ Николичу взять у него объяву, онъ спросилъ: „Вы развѣ не ѣдете въ Букарестъ?“ „Нѣтъ, позвольте мнѣ объявку въ Делиградъ“.

Отъ Николича я вернулся къ Карцеву. Онъ сообщилъ мнѣ, что князь Миланъ ѣдетъ самъ въ армію. Войска не хотятъ драться, и на русскихъ теперь одна надежда. „Если съ вами не случится несчастья, то телеграфируйте, а придется вамъ спастись отъ турокъ (прибавилъ онъ съ улыбкою), то консульскій флагъ будетъ вашею охраною“. Ладженскій, читавшій въ это время депешу, прибавилъ: „Ну, я не надѣюсь на нашъ флагъ и съ семьей переѣду въ Землинь. Турки не пощадятъ насъ и нашего флага“. Карцевъ (въ видѣ утѣшенія): „Постараемся васъ выручить, авось заговоритъ Россія, пока васъ всѣхъ не перебьютъ“.

Въ „Сербской Кронѣ“ всѣ сидѣли за столомъ и были въ очень возбужденномъ настроеніи. Хлудовъ былъ уже совсѣмъ веселъ и хотѣлъ дожидаться въ Бѣлградѣ, пока Кузьминскій сформируетъ свой летучій отрядъ. Я уговаривалъ Кузьминскаго ѣхать теперь въ Делиградъ: тамъ его услуги будутъ, вѣрно, очень кстати; но онъ все настаивалъ на своей мысли. „Вотъ сформирую отрядъ и черезъ Дриню проберусь къ Черняеву“. Я думалъ, что онъ, какъ говорятъ, былъ не при всѣхъ. При вступленіи нашихъ войскъ въ Румынію, онъ дѣйствительно закончилъ самоубійствомъ. Хлудовъ вѣрилъ ему и хотѣлъ остаться съ нимъ въ Бѣлградѣ, но мнѣ удалось убѣдить Хлудова въ необходимости его присутствія въ Делиградѣ.

Я зналъ, что ссора Николича съ Черняевымъ дошла до апогея. Черняевъ угрожалъ ему своимъ отъѣздомъ и тѣмъ, что онъ возьметъ всѣхъ русскихъ съ собою: пожертвованія само собою прекратятся. Трудно оправдать Черняева въ этомъ.

Скучно повторять о томъ, что на другой день, когда мы, по словамъ министра Николича, должны были спѣшить, брже, не было колъ и лошадей. Все ограничилось бѣготнею въ штабъ, на почту. Нѣсколько человекъ (Максимовъ, гр. Комаровскій) наняли лодку и отправились по Дунаю. Ѣхать и быть ближе къ цѣли—вотъ что насъ тревожило. Австрійская береговая стража чуть было не сыграла съ нами въ

войну. Она, должно быть, приняла насъ за утокъ, когда мы близко подѣхали къ берегу, и прицѣлилась въ насъ. Графъ Комаровскій всталъ въ волненіи и закричалъ на нихъ: „Мы русскіе, мы не позволимъ“. Было очень смѣшно потомъ, но въ данную минуту все это могло кончиться очень трагически. Сербы лодочники отъ страха стали грести все дальше и дальше, а стража все стояла, обративъ на насъ свои ружья и выказывая готовность наградить насъ нѣсколькими выстрѣлами. На колахъ мы ѣхали еще тише. Населеніе, объятые паническимъ страхомъ, уже бѣжало намъ навстрѣчу. Цѣлые караваны возовъ тянулись по большой дорогѣ. Чего только не было на этихъ возахъ. Тутъ были поломанные стулья, кастрюли, всякая домашняя птица, а часто второпяхъ забывали ребенка, и онъ тщетно плакалъ и звалъ свою мать. Мѣстами лежалъ снѣгъ. Были такіе, которые не знали, куда бѣжать, безъ плана сворачивали съ дороги и углублялись въ лѣса, надѣясь тамъ найти спасеніе отъ турокъ. Надо признаться, что населеніе, войско, все потеряло голову, и туркамъ легко было бы тогда дойти до Бѣлграда. А позицій было много, гдѣ можно было бы остановить напоръ турецкой арміи.

Въ Парачинѣ я встрѣтилъ доктора, съ которымъ видѣлся первый разъ въ Кладовѣ. „Зачѣмъ вы ѣдете туда?“ уговаривалъ онъ: „тамъ все пропало; у меня есть мѣсто въ коляскѣ, поѣдемте назадъ. Вы знаете, что въ спорѣ Черняева съ Николичемъ Николичу дали предпочтеніе. Намъ русскимъ нечего теперь дѣлать въ Сербіи.“

Лишинъ прибылъ съ своими казаками. Мы съ нимъ и съ Максимовымъ отправились въ Ражаны. Максимовъ былъ посланъ въ Бѣлградъ, чтобы заказать для ординарцевъ національные костюмы. Тутъ были Албанскій, Черногорскій, Старо-Сербскій, Болгарскій костюмы. Заказъ былъ исполненъ, но не въ веселую минуту для Черняева. Въ Ражанахъ слышна была пальба. Никто не зналъ, гдѣ главнокомандующій, въ Делиградѣ ли или въ Алексинацѣ. Мы рѣшились отыскать его и поскакали туда. Тяжелое впечатлѣніе производила вся Сербія въ этотъ моментъ. Всѣ говорили шепотомъ, съ боязнью. Какъ страшная лавина представлялась имъ теперь Турція. Говорили, что Черняевъ боленъ.

Грустно намъ было увидѣть Черняева въ маленькой комнаткѣ, въ которой едва помѣщались три человѣка. Слезы были у него на глазахъ, волненіе душило его, и онъ отрывисто говорилъ: „Все теперь пропало. У сербовъ нѣтъ

любви къ родинѣ. (Потомъ онъ измѣнилъ свой взглядъ). Я четыре мѣсяца держался противъ турокъ; наконецъ и у сербовъ не стало терпѣнія. Оно и понятно. Ихъ взяло отчаяніе—ни откуда не приходила помощь. Теперь здѣсь все кончено; прійдутъ русскіе. Я поѣду въ Ливадію“. Затѣмъ онъ высказался довольно мрачно о нашей готовности къ войнѣ. „Разочарованіе въ болгаряхъ полное. Имъ теперь не подняться“. Увидавъ Лишина, онъ сказалъ: „Ахъ, вы пришли съ казаками“. Схватился онъ за голову и съ досадой выговорилъ: „Боже, какъ все поздно. Все поздно, теперь больше ничего не нужно. Впрочемъ (сказалъ онъ, оправясь) мы найдемъ имъ и теперь работу. Разослать ихъ по деревнямъ, чтобы обезопасить населеніе отъ черкескихъ набѣговъ“.

Въ сосѣдней комнатѣ находился штабъ, и оттуда раздавалось пѣніе. Н., прочтя на лицѣ моемъ изумленіе отъ веселаго пѣнія французскихъ шансонетокъ, поспѣшилъ прибавить шопотомъ: „Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas“. Не буду описывать возвращеніе Черняева среди бѣгущаго населенія. Онъ останавливалъ ихъ и говорилъ, что заключено перемиріе. Въ Парачинѣ ему не поставили караула и не хотѣли пустить его въ конакъ. Это возмутило нашу компанію. Захотѣли поставить ему почетный караулъ, состоящій изъ офицеровъ. Нѣкоторые не соглашались, другіе говорили, что Черняевъ, въ данный моментъ, является представителемъ Россіи и что если мы, русскіе, не окажемъ ему особеннаго почета, то его совсѣмъ втопчутъ въ грязь. Главное, трудно было собрать подписи участниковъ въ этой демонстраціи. Подхожу къ одному добровольцу и подаю листъ. „Что это такое?“ Объясняю. Смотритъ на листъ и недоумѣваетъ. „Не хочу я оставаться въ Сербіи“. „Да тутъ ничего объ этомъ не написано“. „А вдругъ скажутъ: подписался въ Сербіи“. „Да полноте, развѣ вы не видите, что тутъ написано“. „Ну, вы хорошііи чловѣкъ, давайте, подпишу. А у меня будутъ хорошія щи, приходите, когда кончите обходъ“.

Я помѣстилъ слова: „вы хорошііи чловѣкъ“ не съ цѣлью восхваленія собственной личности, это было бы слишкомъ наивно съ моей стороны. Нѣтъ, я хотѣлъ только этою маленькою чертой показать, что у насъ въ Россіи еще долго будетъ имѣть значеніе, кто проситъ, но не за что онъ проситъ. Не дѣло, а люди и отношенія къ нимъ будутъ играть первенствующую роль въ нашей исторической жизни.

Когда Черняевъ вышелъ къ добровольцамъ, онъ, послѣ шумныхъ овацій, произнесъ рѣчь, въ которой очень хорошо и справедливо отнесся къ сербамъ. Эта рѣчь была напечатана въ газетахъ. Я первый ее записалъ и далъ копію одному корреспонденту. Форбсъ пришелъ ко мнѣ и просилъ меня перевести ее по-англійски. Переводя ее по-англійски, я не помѣстилъ фразы: „Меня примутъ въ Ливадіи и тогда“ и т. д. Отчего вы выпускаете эту фразу? спросилъ Хлудовъ, который тоже зналъ по-англійски. Поѣздка въ Ливадію еще не рѣшена, и Черняевъ скомпрометтируетъ себя передъ цѣлою Европой, если послѣ этихъ словъ не будетъ принятъ въ Ливадіи“.

Такъ и пошли обѣ рѣчи, русская и англійская безъ заключительной фразы о Ливадіи. Сербамъ, конечно, эта фраза показалась какъ знаменіе неба.

Черняевъ былъ настроенъ оптимистически, пока не была получена рѣчь Государя и извѣстіе, что Черняева не примутъ.

„Вы слышали, сказалъ онъ мнѣ. Сербы обижены. Я вѣрно не вернусь въ Россію. Я теперь измѣнникъ. Что вы думаете, будетъ война? Нѣтъ, это только демонстрація. Слишкомъ газеты распространяются. Сербы же одни воевать не могутъ. Я, впрочемъ, сказалъ онъ съ горечью, выстроилъ имъ мостикъ. Они перейдутъ. То же самое было въ Ташкентѣ. Скоро узнаютъ здѣсь, что я не поѣду въ Россію и мнѣ здѣсь нельзя будетъ оставаться. Я спрячусь въ какой-нибудь уголокъ и никто не будетъ знать, гдѣ я“. „Не будете ли Вы командовать сербами?“ Сербы хороши какъ гарнизоны—не могу же я удовольствоваться этою ролью, я все думалъ, что здѣсь будетъ русскій корпусъ. Напротивъ, теперь сочинили какой-то нелѣпый планъ. Я вѣрно не вернусь по смерти Государя. Русскіе отсюда бѣгутъ, требуютъ возвращенія на родину, даже тѣ, которые только-что прибыли.

Потомъ Черняевъ напалъ на дипломатію, *которая испортила все дѣло“.*

Интересно, что мнѣніе Черняева о томъ, что не будетъ войны, раздѣлялось и барономъ Стюартомъ и почти всѣмъ Петербургомъ. Стюартъ говорилъ: вспомните мое слово. Сѣверный медвѣдь двинется, а тамъ Австрія скажетъ ему стой, и пойдетъ обратно шествіе въ Россію. Хорошее будетъ положеніе представителей Россіи за границей. Адское, накушаемся грязи вдоволь.

Не знаю, кому пришло въ голову дать обѣдъ Черняеву. Обѣдать съ шампанскимъ было неумѣстно, когда доходили слухи о голодающихъ сербахъ. Народу набралось много. Всѣ сербскіе министры пришли на обѣдъ.

Ристичъ произнесъ рѣчь, переданную во всѣхъ газетахъ. Мнѣ онъ сказалъ: „Мы скоро оправимся, два хорошихъ урожая, и вы не узнаете страны“.

Потомъ я видѣлъ его черезъ нѣсколько дней. Онъ очень обидѣлся на Аксакова (дѣйствительно безтактно со стороны Пред. Сл. Комитета), который писалъ ему, что Сербія не имѣетъ права выдавать ордена (а посылка добровольцевъ развѣ не была подтвержденіемъ этого права).

Совершенно случайно вмѣсто сербскаго гимна заиграли „Боже, Царя храни“. Раздалось неумолкаемое ура. Такъ хороши и величественны казались мнѣ въ эту минуту мои боевые товарищи. Русь заговорила въ нихъ. Черняевъ не могъ произнести тоста, не упоминая короля Милана (а не князя). Онъ ловко вывернулся, выпивъ за здоровье Государя Сербіи.

Въ Бѣлградѣ положеніе было очень натянутое. Сербы опасались насъ и устроили овацію Новоселову, ходили слухи о переворотѣ. Я знаю, что эта мысль вошла въ голову Милана, Карцева и даже Черняева (мнѣ очень больно въ этомъ сознаться). Онъ совсѣмъ потерялъ голову и прибѣгаетъ къ такимъ штукамъ. Иногда какой-нибудь пустякъ даетъ событіямъ другой ходъ. Племянникъ Карцева (онъ мнѣ и рассказалъ все), узнавъ объ этомъ, пригрозилъ дядѣ, что онъ изъ Землина (Австрія) дастъ телеграмму во всѣ газеты о томъ, что готовится въ Бѣлградѣ. Карцевъ сознался впоследствии: „что на чужихъ штыкахъ нельзя основать самодержавія“. Еще бы. Великій порывъ русскаго народа къ счастью не былъ омраченъ такимъ пакостнымъ финаломъ. Я уже собирался уѣзжать, но многіе оставались, говоря, что теперь будетъ интересно, если пойдетъ рѣзня между русскими и сербами. Слава Богу, это былъ бредъ разгоряченныхъ головъ.

Русская партія побѣдила. Карцевъ съ Черняевымъ сошлись. Николича спустили, и министерство примирилось съ назначеніемъ Саввы Груича (начальникъ артиллер. при Черняевѣ), Николичъ (другой) былъ отправленъ въ Кладово съ понтономъ. Отправленіе Мариновича (не сочувствовавшего войнѣ) состоялось по совѣту Карцева, и въ этомъ они ошиблись, какъ и въ другомъ. Ристичъ былъ очень недо-

воленъ этимъ. Онъ мнѣ сказалъ при прощаніи: „La Russie est assez forte pour ne pas demander le secours de la Serbie“ и т. д.

Интересно было выслушать мнѣніе нашего военного агента въ Константинополь Зеленаго о турецкой арміи: низамъ хорошъ, но плохи генералы и офицерство. Редифы не могутъ выдержать натиска русскихъ. Намъ на Дунаѣ необходимо имѣть 250 т. армію, которая бы разомъ покончила войну.

Я заходилъ къ митрополиту Михаилу и предлагалъ ему въ видахъ благотворительности собрать Славянскій съѣздъ въ Бѣлградѣ. Митрополитъ только сказалъ: „узнайте, что скажетъ на это дипломатія, и не рѣшался собрать въ Бѣлградѣ представителей Славянскихъ обществъ въ Россіи, Австріи и Сербіи. Собрать такой съѣздъ было бы тогда очень полезно. Славяне могли бы на этомъ съѣздѣ сговориться на счетъ будущихъ плановъ, разрѣшить недоразумѣнія между сербами и болгарами, сербами и хорватами и т. п. Первый актъ законченъ, сказалъ Черняевъ въ Парачинѣ. Въ этихъ словахъ смутно выражалось, что сербскою войною не закончится восточная трагедія.

Въ Петербургѣ моя эскапада ¹⁾ не понравилась. Гирсъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ: „мы дали Вамъ отпускъ, а вы поѣхали искать авантюры въ Сербіи. Потомъ онъ, принявъ въ соображеніе мое положеніе въ Славянскомъ Обществѣ, перемѣнилъ гнѣвъ на милость, но я уже обидѣлся и не ходилъ въ Департаментъ. Въ концѣ концовъ меня причислили къ Министерству. Петербургъ былъ на

¹⁾ При семъ прилагается выдержка изъ письма Мельникова къ барону Стюарту: „Въ концѣ сегодняшняго присутствія я къ полному моему удивленію получилъ письмо отъ Васильчикова, который уведомляетъ меня о принятомъ Славянскимъ Комитетомъ рѣшеніи высылать деньги члену Комитета Деволану. Это взорвало меня, и я доложилъ объ этомъ дѣлу Гирсу и выставилъ ему на видъ неблаговидность подобнаго рѣшенія, если чиновникъ Азіатскаго Департамента начнетъ заниматься вербовкою и обмундированіемъ добровольцевъ. Гирсъ разсердился не на шутку на Деволана и особенно за то, что онъ выпросился у него въ отпускъ для леченія на водахъ, а вмѣсто того отправился въ Букарестъ для того, чтобы заварить тамъ какую-либо кашу, которую придется прежде всѣхъ расхлебывать намъ. Постарайтесь выпроводить его изъ Букареста и объявите ему, что Гирсъ крайне недоволенъ его поведеніемъ и что если онъ дѣйствительно принялъ на себя обязанности агента Славянскаго Комитета, то ему одновременно нельзя быть чиновникомъ Азіатскаго Департамента“.

распуты, говорили о войнѣ съ турками. О неготовности нашей къ войнѣ говорили всѣ. Ионинъ разъ ужасно озлился на одного генерала во дворцѣ и сказалъ: „если обыкновенный смертный говорить, что мы не готовы то это ничего, но если русскій генераль говорить, что мы не можемъ осилить турокъ, то значить—вся русская армія ничего не стоитъ“. Ему бѣдному приходилось выдерживать большую борьбу въ Петербургѣ противъ такихъ тупыхъ генераловъ, противъ Горчакова, про котораго сочинили стихъ:

Стихло все, нигдѣ ни слова,
Успокоился Востокъ
Лишь изъ... Горчакова
Тихо сыплется песокъ.

Игнатъевъ спросилъ Ионина: „слышали про то, что сыплется“. Домонтовичъ былъ такого мнѣнія, что кампанія будетъ быстрая и рѣшительная. Я оспаривалъ это на томъ основаніи, что однѣ крѣпости займутъ нѣсколько мѣсяцевъ. Черняевъ, конечно недовольный, видѣлъ все въ черномъ свѣтѣ. Прощаясь со мной, Монтеверде высказалъ свое воззрѣніе на все совершившееся: „Россія потеряла все свое обаяніе здѣсь, наша роль уже сыграна (я сильно сомнѣвался)“.

Въ Бѣлградѣ уже доходили газетныя обвиненія Черняева. Я обвиняю его въ томъ, что онъ взялъ на себя дѣло, не потребовавъ себѣ диктаторскую власть (тамъ въ Делиградѣ), не убѣдясь въ количествѣ оружія, въ готовности сербскаго войска. Этого челоуѣка судьба выбрала себя въ орудіе для того, чтобы указать намъ два великихъ пути — въ Среднюю Азію и борьбу за славянскую идею. Теперь эта идея живетъ въ обществѣ и орудіе бросается какъ негодное. Другіе люди пойдутъ по этому пути. Всѣ мѣшали ему — но камень катился и никакіе дипломаты (въ родѣ Мельникова, Гирса и др.) не остановятъ мірового движенія. Славянская эра занимается. Появленіемъ славянства въ лицѣ Россіи или расцвѣтомъ (я того мнѣнія) новаго, свѣжаго племени. Теперь каждая держава понимаетъ свои интересы и Русское общество (чего я такъ страстно желалъ) прозрѣло и сознало свою задачу. Всѣ обвиненія Черняева падаютъ передъ этимъ фактомъ громаднѣйшей важности. Славянство въ Австріи испытываетъ тоже томленіе этой борьбы. Сербы упали во мнѣніи

другихъ славянъ. Я сказалъ Стюарту, что война доказала двѣ истины, что Турція умерла или находится при послѣднемъ издыханіи и что кромѣ Россіи нѣтъ центра, нѣтъ Пьемонта для славянства. Сербы слишкомъ добродушны, слишкомъ честны, демократичны. Въ ихъ государственной организаціи недостаетъ костей или мускуловъ—это *état modèle*, образцовое государство; всѣ счастливы, довольны, но у нихъ нѣтъ высокихъ стремленій. Меня поразили слова одного простого серба: „да, вы найдете въ другихъ мѣстахъ хорошіе города, но нигдѣ бѣдному нѣтъ такого хорошаго житья, какъ въ Сербіи“. „Здѣсь неудобно имѣть большую собственность. Вы не найдете рабочихъ“... Безпечный, довольный, каждый работаетъ на себя и хранитъ свято свое собственное достоинство. Нѣмцы же прибываютъ въ Бѣлградъ. О русскомъ вліяніи здѣсь не было слышно и не будетъ слышно до тѣхъ поръ, пока славянскіе ручьи не сольются въ русское морѣ.

По возвращеніи изъ Сербіи я прочелъ въ Комиссіи Слав. Благ. Комитета записку. Я теперь не согласенъ со всѣми ея выводами, но помѣщаю ее ради историческаго интереса.

М. Г.

Вы прослушали скорбную новость о неудачахъ нашей первой попытки въ дѣлѣ славянскаго сближенія. Вы сами сознаете, что ошибокъ было совершено много и что враги наши теперь пожинаятъ тамъ, гдѣ мы посѣяли. Англичане развязали свои кошельки и уже устроили помощь не по-нашему. Построенъ домъ для призрѣнія бѣдныхъ, и оттуда идетъ громадная помощь платьемъ, холстомъ и т. д.

Намъ нельзя отступить, напротивъ мы должны развить нашу дѣятельность. Умудренные опытомъ, мы должны избѣгнуть прежнихъ ошибокъ. Вспомнимъ тѣ недостатки, которыми отличалась наша прежняя дѣятельность, и въ этой оцѣнкѣ фактовъ мы найдемъ путеводную нить для будущихъ дѣствій. Главный промахъ нашъ состоялъ въ полномъ незнакомствѣ съ бытомъ страны. Демократичная Сербія не переносила начальственныхъ замашекъ русскихъ людей. Сербы слишкомъ спокойны, можно даже сказать апатичный народъ, чтобы находить вкусъ въ нашихъ рѣзкихъ поступкахъ.

Затѣмъ, уполномоченные нами прежде всего заботились о томъ, чтобы играть роль. Наши добровольцы установили между собой такія отношенія, которыя можно назвать товариществомъ въ самомъ широкомъ значеніи слова. Имъ не нравился начальническій тонъ нѣкоторыхъ лицъ. „Они пришли намъ помогать, а начальниковъ намъ не нужно“, говорили они. Наше начальство Черняевъ. Что такое Славянскіе Комитеты? Это посредники и исполнители воли русскаго общества.

Я вообще позволю себѣ высказать мысль, что лучше и не посылать уполномоченныхъ. Каждый уполномоченный долженъ изучить среду, въ которой онъ будетъ дѣйствовать. Всякое изученіе влечетъ за собой промахъ, а промахъ отражается на успѣхѣхъ самого дѣла. Лучше всего назначить агентовъ Сл. Комитета изъ мѣстныхъ дѣятелей. Такимъ образомъ установятся постоянныя сношенія съ славянствомъ. На это всегда найдутся желающіе люди, готовые служить дѣлу во имя идеи. Имъ необходимо дать инструкціи. Съ другой стороны эти лица могутъ изъ-за насъ потерять мѣсто. Но мы должны будемъ найти имъ выходъ изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ они очутятся благодаря своему служенію Славянству (я разумѣю тутъ Австро-Венгрію). Затѣмъ намъ надо для посылки нашихъ пожертвованій воспользоваться существующими на мѣстѣ благотворительными комитетами. Въ Сербіи въ Бѣлградѣ—Русскій добротворный отборъ. Въ Букарестѣ необходимо помирить старый и новый комитеты и требовать ихъ сліянія, какъ *conditio sine qua non*, если они хотятъ получать отъ насъ деньги. Въ Кroatіи, Венгерской Сербіи, есть матицы, которыя охотно войдутъ съ нами въ сношенія. Агентомъ могутъ быть у насъ въ Бѣлградѣ—митрополитъ Михаилъ, котораго сдѣлать почетнымъ членомъ нашего Комитета. Въ Прагѣ—поднести дипломъ почетнаго члена Ригеру или Сладковскому. У угорскихъ русскихъ—Добрянскому (не гласный, потому что это можетъ повредить ему). Въ Пештѣ—Рубій, человѣкъ уже почтенный, не успѣвающій на службѣ, вслѣдствіе своихъ московитскихъ убѣжденій. Въ Черновцахъ—есть Русская Бесѣда—предсѣдатель этой Бесѣды могъ бы быть нашимъ агентомъ. Въ Львовѣ одинъ изъ депутатовъ русскихъ въ Австрійскомъ парламентѣ. Въ Загребѣ—епископъ Штроссмейеръ. Въ Зарѣ—тоже предсѣдатель дружества. У Венгерскихъ сербовъ—Лазарь Костичъ, депутатъ, знающій хорошо по-русски. Эти агенты будутъ

сообщать намъ свѣдѣнія (которыя мы, конечно, не можемъ печатать, иначе мы можемъ погубить все дѣло). Кромѣ того мы должны непремѣнно выдавать хоть небольшія субсидіи словацкимъ, сербскимъ и угорско-русскимъ газетамъ. Чехи и хорваты сами довольно богаты и могутъ обойтись безъ нашей помощи. Имъ слѣдуетъ посылать русскія книги. Я не говорю о Черногоріи и Герцеговинѣ, потому что пока у насъ имѣется такой дѣятель, какъ Алек. Сем., то мы можемъ быть спокойны, что дѣло не погибнетъ. Для успѣха дѣла необходимо будетъ сговориться со всеми этими дѣятелями и затѣмъ уже назначить ихъ. Затѣмъ необходимо назначить ежегодно особаго уполномоченнаго, который бы объѣзжалъ означенныя мѣстности и на мѣстѣ узналъ бы, что дѣлается. Отчетъ этого уполномоченнаго не долженъ печататься. Это будетъ компрометтировать мѣстныхъ дѣятелей, которые не захотятъ подвергаться нападкамъ австрійскаго правительства. Для постоянныхъ сношеній съ нашими заграничными агентами выбрать нѣсколько лицъ, которыя передавали бы имъ деньги, получали бы справки и т. д.

Это все общія мечты. Теперь перейдемъ къ частностямъ.

I.

Предложить общему собранію слѣдующія мѣропріятія:
 а) Въ виду того, что Славянскій Комитетъ не можетъ въ скоромъ времени получить обратно 130 т. отъ сербскаго правительства, предоставить купоны въ распоряженіе сербскаго правительства съ тѣмъ, чтобы оно на наши деньги содержало бы учителей русскаго языка. Это предложеніе будетъ очень радушно принято въ Сербіи, которая хочетъ ввести преподаваніе русскаго языка въ сербскихъ училищахъ. б) Устроить книжный магазинъ въ Бѣлградѣ (затратить придется не болѣе 2.000 р.). Сербы съ готовностью предоставятъ намъ помѣщеніе. Особенно желаютъ они имѣть научныя сочиненія. Таковую же библіотеку устроить въ Пожаревцѣ—тамъ сельско-хозяйственный институтъ. Для осуществленія общихъ мѣръ, предлагаемыхъ мною, и для устройства библіотекъ въ Пожаревцѣ и Бѣлградѣ достаточно ассигнованныхъ мнѣ и неизрасходованныхъ мною суммъ:

II.

Принять мѣры для помощи голодающимъ сербамъ, болгарамъ. Лучшее средство было бы отпустить хорошую сумму въ русски добротворни отборъ, а нашему уполномоченному предоставить только наблюдать за правильнымъ исполненіемъ порученій Комитета. Туда же направить всѣ наши вещевыя пожертвованія, они всѣ найдутъ мѣсто и назначеніе.

Мы можемъ смѣло сказать „мы потерпѣли неудачу, но мы знаемъ, какъ поправить зло. Только когда мы опредѣлимъ программу нашихъ дѣйствій, когда мы познакомимся съ славянами, когда мы узнаемъ ихъ слабыя стороны, узнаемъ хорошо наши средства, установимъ прочно наше вліяніе—только тогда мы съ увѣренностью встрѣтимъ грядущія событія“. Когда вспыхнуло Герцеговинское возстаніе, у меня вырвалось замѣчаніе: какъ это рано... Мы были неготовы принять въ свои руки движеніе—руководить имъ. Мы еще недавно ознакомились съ дѣломъ. Но возьмемъ правительство. Уничтоженіе рейсовъ по Дунаю совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда сербы объявили войну Турціи. Сколько оружія, людей мы могли бы перевезти туда, и мы тогда навѣрное побѣдили бы. Надо надѣяться, что мы воспользуемся опытомъ, что мы встрѣтимъ будущее во всеоружіи (знанія). И тогда, если вспыхнетъ искра на Востокъ, то наши силы не пропадутъ даромъ, онѣ создадутъ прочное зданіе, которое просуществуетъ столѣтія. На этомъ зданіи будутъ начертаны слова: „союзъ славянскихъ народовъ“.

Не могу никакъ найти мою рѣчь, произнесенную въ Славянскомъ Комитетѣ. Рѣчь эта понравилась Суворину, и онъ помѣстилъ ее въ „Новомъ Времени“. Помните мнѣ, что Михайловскій поднималъ меня на смѣхъ за одну фразу о томъ, что я увѣривалъ въ славянство.

Но съ другой стороны въ Сербіи, какъ это видно изъ корреспонденціи, помѣщенной въ „Русскомъ Мірѣ“ (11 января 1877 г.), рѣчь произвела совершенно другое впечатлѣніе.

Бѣлградъ.

(Корреспонденція „Русск. Міра“).

31 декабря 1876 г. (12 января 1877 г.).

Дамъ Вамъ отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Бѣлградѣ рѣчью г. А. Д. Волана, которую онъ произнесъ

14 декабря, въ засѣданіи петербургскаго славянскаго комитета. Эта рѣчь воспроизведена въ сербскомъ переводѣ газетою „Istok“, и вчера я присутствовалъ въ кружкѣ литераторовъ и художниковъ при чтеніи означенной рѣчи. Здѣсь было 17 представителей сербской интеллигенціи. Вслѣдствіе возбужденнаго состоянія сербскихъ умовъ, въ виду изолированнаго положенія, въ которомъ очутилась страна, въ виду той грязи, которою закидываютъ ее со всѣхъ сторонъ, весьма естественно, что малѣйшій дружественный отзывъ приноситъ нѣкоторое утѣшеніе. Рѣчь г. Волана, сражавшагося лично въ рядахъ сербской арміи и вполне оцѣниваемаго высокій смыслъ событій, которыхъ былъ очевидцемъ, произвела глубокое дѣйствіе на присутствующихъ. Литераторъ, читавшій ее вслухъ, нѣсколько разъ останавливался, чтобы стереть неволью выступавшія на глаза слезы. Воланъ совершенно правъ, говоря, что событія застигли насъ врасплохъ, въ моментъ, когда народы не были вовсе еще подготовлены къ славянской солидарности.

Что бы ни говорили недруги славянства, а война сербская сдѣлала свое дѣло. Участіе, принятое русскими комитетами; отголосокъ, который война эта нашла у чеховъ, словаковъ, словеновъ и далматовъ, все это сѣмена, обещающія хорошую жатву. Если недостатокъ организаціи частью парализовалъ благородныя усилія и значительную поддержку, оказанную славянскими комитетами, мы, сербы, никогда не забудемъ возвышенныя побужденія, ихъ патріотическое увлеченіе, ихъ постоянство въ желаніи намъ помочь достигнуть цѣли, ихъ стремленіе видѣть насъ торжествующими. Да, всѣ честныя сердца, всѣ мыслящіе умы, на берегахъ Дуная и Савы отнынѣ связали себя навсегда съ славянскими комитетами въ Россіи, ихъ единственными истинными друзьями и братьями. Мы обязаны имъ вѣчною признательностью, которую завѣщаемъ нашимъ дѣтямъ... И если даже, въ нашей средѣ, явятся эгонисты, которые дерзнутъ возвысить свой голосъ противъ братьевъ русскихъ, они будутъ сочтены ренегатами, и мы первые поспѣшимъ признать ихъ непринадлежащими къ нашей народности.

Послѣ всей этой массы грязи, инсинуацій, которыми осыпали въ послѣднее время несчастную сербскую націю, заявленія, подобныя тѣмъ, которыя сдѣлали г.г. Воланъ, Майковъ и другіе русскіе писатели и ученые, еще не менѣе

укрѣпляютъ солидарность юго-славянско-русскую; тѣмъ вѣрнѣе, что во всей прессѣ сербской и юго-славянской не поднялась ни одна жалоба, ни одинъ упрекъ, обращенные къ волонтерамъ. Братья русскіе! Не перестанемъ трудиться надъ великимъ дѣломъ, къ которому въ согласіи приступили совмѣстно русскіе и сербы; будемъ трудиться, чуждые эгоизма, всецѣло проникнувшись величіемъ нашей миссіи, и мы неизбѣжно достигнемъ цѣли. Таковы пожеланія, съ которыми я обращаюсь къ вашимъ читателямъ наканунѣ новаго года, въ надеждѣ, что этотъ новый годъ принесетъ славянскому міру вождедѣнное освобожденіе ¹⁾.

Григорій де-Волланъ.

Почтимъ память недавно отошедшаго въ вѣчность нашего сотрудника Григорія Александровича де-Воллана. Миръ праху его.

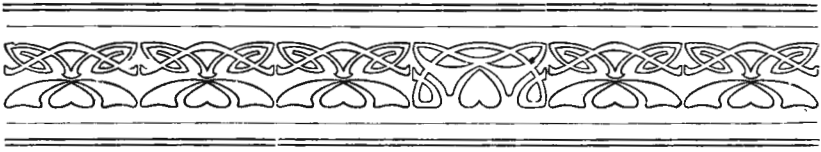
Провидѣнію не было угодно продлить жизнь до того времени когда славянскій міръ получить вождедѣнное освобожденіе.

Ред.

¹⁾ Письмо это писано однимъ извѣстнымъ сербомъ и представляетъ интересъ, именно показывая, съ какимъ чувствомъ теперь сербы относятся къ Россіи.

Ред.

Барышня Лопухина.

(Разсказъ изъ архива).

I.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ Серпуховской части города Москвы, въ собственномъ домѣ, имѣвшемъ при себѣ до десяти десятинъ земли и, по опекунской оцѣнкѣ, стоившемъ по тому времени 50 т. рублей, проживала барышня дочь умершаго гвардіи капитана, дѣвица Анна Николаевна Лопухина, судьба которой долго занимала и волновала и высшіе слои Москвы, и народныя низы, а затѣмъ дѣло сдѣлалось достояніемъ архива...

Въ 1797 году, свѣтлый праздникъ Пасхи Первопрестольная столица встрѣчала и готовилась къ нему, не только съ обычной предпраздничной суетой, но и съ усиленным волненіемъ особаго рода. Въ свѣтлый день праздника Пасхи этого года назначено было верховной властью совершеніе священнаго коронованія Императора Павла Петровича и Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ первопрестольную изъ сѣверной столицы доходили слухи о строгостяхъ вступившаго на престолъ Монарха и о ежедневномъ паденіи Екатерининскихъ „великолѣпныхъ“ вельможъ, удаляемыхъ отъ царскаго трона въ свои помѣстья, въ свои родовыя или пожалованныя царницей Екатериной имѣнія, щедрой рукой раздаваемыхъ ею ея фаворитамъ.

Во главѣ служилой Москвы въ то время состоялъ именитый вельможа, царедворецъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, по официальному наименованію: генераль-фельд-

маршалъ, первый московскій генераль-губернаторъ, начальствующій по гражданской части въ Московской губерніи.

За нимъ слѣдовалъ второй московскій военный губернаторъ, увѣковѣчившій свою фамилію въ родномъ отечествѣ передачей ея для опредѣленія нравственнаго облика лицъ извѣстной категоріи, именуемыхъ и доселѣ „архаровцами“, по фамиліи бывшаго второго военнаго московскаго губернатора, генерала-отъ-инфантеріи Архарова.

За этими военными губернаторами слѣдовалъ гражданскій губернаторъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петръ Аршеневскій. Онъ губернаторствовалъ надъ губерніей, а въ Москвѣ наводилъ порядки оберъ-полицій-мейстеръ, генераль-маіоръ Эршель.

Кромѣ означенныхъ облеченныхъ властію лицъ, стоялъ даже впереди ихъ, пользовавшійся не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи неувыдаемою славою московскій митрополитъ Платонъ, іерархъ высокаго ума, посвятившій его церковному ораторству, и въ личной жизни усвоившій обычаи Екатерининскихъ приближенныхъ и вельможъ, къ которымъ пресвященный владыка желалъ вполнѣ принадлежать и самъ.

Всѣ эти высокопоставленные должностныя лица города Мос вы вынуждены были принять участіе въ процессѣ барышни Лопухиной. Слѣды этого участія сохранились въ архивномъ дѣлѣ о ней.

II.

Ожиданіе прибытія въ Москву Государя съ Августѣйшей семьей и многочисленной свитой естественно доставляло начальствующимъ лицамъ древней столицы особую заботу о достойномъ приѣмѣ Монарха. Москва чистилась, убиралась, украшалась, какъ невѣста къ вѣнцу. Не только дворцы, казенныя зданія, но и частныя дома, въ угоду Государя, окрашивались въ *казенный цѣткъ*. Войска безпрерывно маршировали и упражнялись въ искусствѣ ружейныхъ приѣмовъ на двѣнадцать темповъ и въ другихъ воспныхъ экзерциціяхъ, любимыхъ Государемъ Павломъ Петровичемъ. Всѣ были озабочены и всѣ въ душахъ своихъ послали сокровенно тревожный вопросъ: что-то будетъ?!..... Одни боялись паденія, другіе жаждали возвышенія. А держащее начальство, въ ожиданіи Государя, всего болѣе страшилось: жалобъ Государю отъ стороны народныхъ массъ.

Вторымъ военнымъ губернаторомъ города Москвы Архаровымъ совмѣстно съ оберъ-полиціймейстеромъ генераломъ Эршелемъ приняты были надлежащія мѣры къ недопущенію „подлыхъ“ людей до Государя.

Графъ Салтыковъ вполнѣ надѣялся на ловкость и распорядительность Архарова, а онъ надѣялся на своихъ „архаровцевъ“. Но „у семи нянекъ всегда дитя бываетъ безъ глазъ“. Такъ случилось и въ данное время.

Если московскіе вельможи и разнаго рода начальствующихъ лица страшились прибытія Государя, то простой народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія Его Величества, при чемъ въ народной массѣ были распространены слухи о томъ, что Государь не благоволитъ къ господамъ, но очень расположенъ къ крестьянамъ и даруетъ имъ волю.

Но не всѣ изъ крѣпостныхъ людей вѣрили этому слуху, и нѣкоторые изъ крѣпостныхъ, пользуясь прибытіемъ Государя въ Москву, приготовили для подачи ему челобитныя на жестокое обращеніе господъ со своими крѣпостными.

Прошеніе подобнаго рода принесено было Государю Императору Павлу Петровичу на дворянскую дѣвицу, дочь умершаго гвардіи капитана, Анну Николаевну Лопухину.

Жалоба на Лопухину принесена была Государю 17 апрѣля 1797 года.

Въ рапортѣ отъ 25-го іюня 1800 года, вслѣдствіе возникшей переписки о дѣвицѣ Аннѣ Николаевнѣ Лопухиной, Архаровъ такъ излагаетъ Салтыкову это дѣло. „Имѣю честь покорнѣйше донести, въ Высочайшее присутствіе здѣсь Государя Императора въ 1797 году апрѣля 17-го числа, отъ крѣпостнаго Лопухиной человѣка Кирилла Савельева подано Его Императорскому Величеству прошеніе съ жалобой, что дворянка дѣвица Лопухина, безъ всякой вины, часто и жестоко наказываетъ и мучитъ его въ домѣ плетью и розгами, приказывая людямъ своимъ взять изъ печи пепла и ротъ онымъ зажимать, чтобы не могъ кричать; а жену его беременную била изъ своихъ рукъ полѣномъ, четырехлѣтняго же сына ихъ сѣкла сама розгами, и сверхъ этого приказывала своимъ дѣвкамъ сѣчь, и послѣ того, взявъ вина, лила ему на спину; трехлѣтнюю дочь поварову сѣкла же немилосердно розгами и потомъ запирала ее зимою въ холодномъ чуланѣ часа на три и болѣе. На послѣдокъ сбила его, Савельева, съ женою со двора и не даетъ имъ никакого провіанта“.

По тѣмъ, давноинувшимъ временамъ, жалоба крѣпостного Савельева не представляла ничего особо-выдающагося, и отношенія барышни Лопухиной къ ея людямъ не представлялись удивительными.

Таковъ былъ духъ вѣка, таковы были нравы, обычан и отношенія господъ къ своимъ крѣпостнымъ людямъ.

Не смотря на всю тяжесть своего личнаго характера, несмотря на всю строгость и требовательность свою, Императоръ Павелъ имѣлъ рѣшительное намѣреніе измѣнить взаимоотношенія господъ и рабовъ, сочувствуя положенію послѣднихъ.

III.

Жалоба крѣпостного Савельева была лично рассмотрѣна Императоромъ Павломъ и передана генералу Архарову для разслѣдованія дѣла и доклада о результатѣ разслѣдованія непосредственно Государю.

Положеніе Архарова было крайне затруднительно. Повести дѣло во вредъ Лопухиной значило возбудить противъ себя всю дворянскую силу, что было очень рискованно.

Представить дѣло въ полезномъ для нея видѣ было еще болѣе рискованно.

Архаровъ въ помощники для разслѣдованія дѣла Лопухиной взялъ частнаго инспектора Акшарумова, и результатъ разслѣдованія оказался не въ пользу обвиняемой. Архаровъ, не ограничиваясь содержаніемъ жалобы крѣпостного Савельева на Лопухину, обвиненіе которой вполнѣ подтвердилось, доложилъ Государю, что, кромѣ Савельева, уличили ее, Лопухину, собственные ея люди тринадцать человѣкъ въ оказанныхъ отъ нея нестерпимыхъ имъ жестокостяхъ, и что она колола булавками груди и языки своимъ дѣвкамъ.

Послѣдствіемъ этого доклада было Высочайшее повелѣніе „посадить Лопухину въ монастырь безсрочно“.

Высочайшее повелѣніе, конечно, немедленно Архаровымъ было приведено въ исполненіе. Лопухина передана была въ вѣдѣніе Московскаго епархіальнаго начальства, которое и „посадило“ барышню Лопухину въ Московскій Вознесенскій дѣвичій монастырь „безсрочно“.

„Безсрочное сидѣніе“ въ монастырѣ, конечно, не соответствовало: ни праву, ни обычаямъ, ни привычкамъ ба-

рышни Лопухиной, и она предприняла мѣры и хлопоты къ обращенію „безсрочнаго сидѣнія“ въ монастырѣ — въ срочное.

Въ подтвержденіе этого домогательства Лопухиной, въ дѣлѣ имѣется ея собственноручное письмо къ графу Салтыкову отъ 4-го мая 1800 года.

„Ваше Сіятельство, милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ. Бѣдственное мое состояніе опять побудило меня утруждать Ваше Сіятельство моею просьбою. Три уже года прошло, какъ я все несу несчастную жизнь безъ всякой къ тому причины.

Въ прошломъ году просила я Васъ сдѣлать мнѣ вспоможеніе свободы моей; и по той моей просьбѣ—удостоили Вы меня своимъ посѣщеніемъ, объявивъ мнѣ при томъ, что Вы въ мое состояніе не можете войти по тому случаю, что это было препоручено отъ Государя Ивану Петровичу Архарову; но какъ нынѣ уже Архаровъ въ той должности не существуетъ, по отбытіи его изъ столицы, и, какъ я думаю, что Вы нынѣ единственный остались правящимъ, почему и жребій мой долженъ остаться въ Вашихъ повелѣніяхъ; то въ такомъ случаѣ, я нижайше прошу Ваше Сіятельство, подать мнѣ руку помощи.

Лишена будучи свободы и имѣнія и матеріальныхъ денегъ, должниками моими не отдаваемыхъ мнѣ, что единственное составляло мое пропитаніе, думаю небезызвѣстно Вашему Сіятельству о разграбленіи въ моемъ домѣ имущества въ прошедшемъ Февралѣ мѣсяцѣ; удовлетворенія же я никакого объ отысканіи моего имѣнія не получила; а только въ частномъ судѣ, по допросѣ моихъ людей въ той покражѣ признался подавшій на меня просьбу Государю, почему тотъ судъ рѣшилъ отослать его и прочихъ людей въ уѣздный судъ. Но откуда они изъ подъ караула выпущены, а почему—мнѣ неизвѣстно. А какъ домъ мой и имѣніе мое описать и запечатать приказано было Архаровымъ, не взявъ отъ меня на то согласія,—опись же—сколько я о томъ ни просила, но мнѣ оной не давали; а нынѣ мнѣ оную прислали, которая съ моей описью несходственна, но и то покрадено; а потому я теперь считаю себя болѣе всѣхъ въ свѣтѣ обиженною и притѣсненною, лишенной послѣдняго куска хлѣба. Просить же правосудія вездѣ загражденъ путь мнѣ.

Ваше Сіятельство, чувствительнѣйше прошу сдѣлать милость войти въ мое столь плачевное состояніе не оста-

вить меня Вашею помощію о свободѣ или запретить задерживать мои просьбы Императору, которыхъ я уже четыре раза посылала, но ни которая до Петербурга не доходила.

Надѣясь на милосерднаго и правосуднаго нашего Монарха, . . . что онъ не попуститъ столь жестоко—сверхъ его приказаній притѣснять. Но единый близкій врагъ мой желаетъ лишить вѣчно меня свободы, отнявши у меня пропитаніе.

Но Всевышній услышитъ вопль мой къ Нему и объ оставшихъ врагахъ моихъ.

Вашею Сіятельства, милостиваго государя, покорная во услугахъ несчастная дѣвица Анна Лопухина.

Отъ 4-го Маія 1800 года.

IV.

Прежде этого письма Лопухиной, графъ Салтыковъ получилъ изъ Петербурга отъ генераль-прокурора Обелянина слѣдующій запросъ, касающійся Лопухиной.

Милостивый Государь,
графъ Иванъ Петровичъ!

По вѣдомости, доставленной ко мнѣ при почтеннѣйшемъ сообщеніи Вашего Сіятельства отъ 12-го прошлаго Марта, показана въ содержаніи съ 797 года въ Вознесенскомъ монастырѣ г-жа Лопухина за жестокіе поступки съ дворовыми ея людьми.

По нѣкоторому обстоятельству, нужно мнѣ имѣть полное свѣдѣніе: какіе именно жестокіе поступки учинила, надъ кѣмъ, въ какое время, гдѣ и по какимъ случаямъ? Почему оное открылось, было ли гдѣ произведено о томъ изслѣдованіе, на какомъ основаніи и по какому донесенію послѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе о содержаніи ея въ Вознесенскомъ монастырѣ, съ срокомъ или безъ онаго; а потому покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство приказать меня увѣдомить, равномѣрно о нынѣшнемъ ея поведеніи. Въ прочемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ, милостиваго государя Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Петръ Обелянинновъ.

С.-Петербургъ

Апрѣля 14-го дня

1800 года.

Его С-ву, графу Салтыкову.

На этотъ запросъ Салтыковъ отвѣтилъ Обельянинову бумагой отъ 24 апрѣля 1800 года, что дѣло Лопухиной, по Высочайшему повелѣнію, велось Архаровымъ, и что въ бытность въ Москвѣ Государя Салтыковъ имѣлъ счастье докладывать Государю о Лопухиной и Государь Императоръ приказать изволилъ продолжать содержать Лопухину въ ономъ монастырѣ безсрочно.

Затѣмъ 27 апрѣля Салтыковъ собранныя по дѣлу Лопухиной свѣдѣнія представилъ Обельянинову, добавивъ въ донесеніи: „что касается до теперешняго ея поведенія, то оно одобряется“.

При поддержкѣ Салтыкова и Обельянинова Лопухиной дарована была свобода. На имя Салтыкова послѣдовало Высочайшее повелѣніе „объ освобожденіи содержавшейся въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ дѣвицы Анны Лопухиной съ тѣмъ, чтобы отдать ее подъ присмотръ ближайшихъ родственниковъ, съ продолженіемъ опеки надъ ея имуществомъ“. „Сидѣнье“ въ монастырѣ дѣвицы Лопухиной продолжалось три года.

Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи ея изъ монастыря послѣдовало чрезъ генераль-прокурора Обельянинова на имя перваго военнаго московскаго губернатора, начальствующаго по гражданской части въ Московской губерніи Ивана Петровича Салтыкова, который о полученномъ Высочайшемъ повелѣніи, 19-го мая 1800 года извѣстилъ московскаго митрополита Платона и того же числа получилъ отъ владыки, за собственнымъ его подписомъ, слѣдующій отвѣтъ:

Свѣтлѣйшій графъ Іоаннъ Петровичъ,
Милостивый Государь мой!

По письму Вашего Сіятельства и по объявленіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, я приказалъ, дѣвицу Анну Лопухину, содержащуюся въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, освободить и отослать ее къ здѣшнему господину гражданскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Аршеневскому. О чемъ извѣщаю Ваше Сіятельство, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю, Вашего Сіятельства милостиваго государя усердный богомолецъ Платонъ митрополитъ Московскій.

Маія 19-го дня 1800 года.

V.

Трехлѣтнее „сидѣніе“ въ монастырѣ не научило Анну Николаевну Лопухину духу кротости. Вступивъ по освобожденіи изъ монастыря въ свой боярскій домъ, Лопухина снова проявляетъ свою, несвойственную ея полу, жестокость въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ людей.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1801 года, къ Салтыкову поступаетъ новая жалоба на жестокость Лопухиной къ своимъ крестьянамъ, которая гласитъ слѣдующее:

Сіятељвѣйшій графъ, милостивый государь! Снисхожденіе Вашего Сіятельства къ ищущимъ покровительства Вашего питаетъ меня надеждою обрѣсти въ особѣ Вашей справедливаго предстателя.

Вашему Сіятельству извѣстно за что госпожа моя дѣвица Анна Николаевна Лопухина находилась въ Московскомъ монастырѣ, съ прошлаго 1800 года по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, даннаго Вашему Сіятельству, изъ онаго монастыря выпущена съ тѣмъ, чтобы къ имѣнію ея учредить опеку, а ее саму отдать подъ присмотръ ближайшихъ родственниковъ. Но нынѣ родственники, зная ея характеръ, отъ принятія ея къ себѣ подъ присмотръ отrekliсь. Московская же дворянская опека опредѣлила не только къ имѣнію ея, но и къ ней опекуна только одного вачально господина Алексѣя Ивановича Мельгунова, а послѣ его — господина Никифора Егоровича Филипповича.

Сей послѣдній опекунъ, несогласно съ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества повелѣніемъ и Вашего Сіятельства предписаніямъ, позволилъ госпожѣ моей жить особо въ наемномъ ея домѣ, по ея волѣ далъ еще ей людей крѣпостныхъ ея—мужеска и женска пола шесть человекъ, въ томъ числѣ моихъ двѣ малолѣтнихъ дочери, одна семи, а другая четырехъ лѣтъ, подъ видомъ будто для услугъ; но возможно ли отъ таковыхъ малолѣтнихъ быть услугамъ.

И она— госпожа моя, не уменьшая прежней своей злобы, и нынѣ безчеловѣчно бьетъ и мучитъ безвинно, почему я неоднократно просилъ господина опекуна, дабы онъ малолѣтнихъ дочерей моихъ взялъ обратно отъ госпожи моей и отдалъ мнѣ на воспитаніе; такъ какъ я съ женою, по данному отъ него спекуна паспорту живу на волѣ

и плачу оброку по 25 руб. въ годъ, или продалъ меня съ семействомъ кому-нибудь.

Но господинъ опекунъ, не чувствуя безчеловѣчнаго мученія и не внемля прошенія моего оставилъ малолѣтнихъ дочерей моихъ у госпожи моей въ безчеловѣчномъ мученіи, и не приѣмля отъ меня оброку текушаго мѣсяца 25 числа, прислалъ ко мнѣ на квартиру подводы, дабы меня съ женой увести изъ Москвы, за неимѣніемъ у госпожи моей деревень, въ Тульскую Его Сіятельства князя Гаврилы Петровича Гагарина въ деревню, неизвѣстно мнѣ для чего, безъ всякой моей виновности. При томъ же—я многимъ людямъ долженъ.

По симъ несчастнымъ обстоятельствамъ, всепокорнѣйше Ваше Сіятельство, согласно Высочайшему повелѣнію, прошу, дабы госпожа моя малолѣтнихъ дочерей моихъ безчеловѣчно не мучила, повелѣтъ отобрать и отдать мнѣ на воспитаніе; а мнѣ съ ними и съ женою позвольте жить по паспорту—на волѣ, съ платежемъ оброка по 25 рублей въ годъ, или продать меня съ семействомъ кому-нибудь, а въ деревню посылать запретить и тѣмъ избавить меня съ семействомъ отъ безчеловѣчнаго мученія. Вашего Сіятельства, милостиваго государя покорнѣйшій и всенижайшій госпожи дѣвицы Анны Николаевны Лопухиной служитель Акинфій Яковлевъ.

Февраля дня 1801 года.

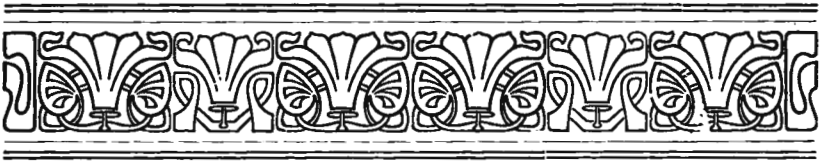
Жалоба Акинфія Яковлева передана была оберъ-полицеймейстеру Эршелю для разслѣдованія, и онъ разслѣдовалъ и донесъ, что „госпожа Лопухина обходится съ людьми и малолѣтними дочерьми Яковлева такъ, какъ должно, и тиранства никакого не дѣлаетъ“.

Согласно этому донесенію оберъ-полицеймейстера, Анна Николаевна Лопухина избѣгла повторнаго сидѣнья въ монастырѣ, но она не успокоилась и сама начала большое дѣло противъ опекуновъ, о разореніи ея имущества и разнаго рода убытковъ, причиненныхъ ей опекунами.

Такъ судьбѣ угодно, со временъ Петра Великаго до дней нашихъ, нѣкоторыхъ членовъ фамиліи Лопухиныхъ сдѣлать предметомъ волненій русскаго общества.

Н. И. Соловьевъ.

Письмо Н. В. Гоголя В. И. Григоровичу.

Милостивый Государь
Василій Ивановичъ.

Отъ всей души и сердца подраваю васъ съ новымъ годомъ и днемъ Вашего Ангела и чрезмѣрно сожалѣю, что мое нездоровье не позволяетъ Вамъ этого сказать лично.

Съ неліцемернымъ почтеніемъ и пред. честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга

Николай Гоголь.

1833 Генваря 1.

Письмо впервые печатается съ автографа, находящагося въ извѣстномъ собраніи Э. П. Юргенсона, который любезно разрѣшилъ намъ опубликовать его. На четвертой страницѣ (2-я и 3-я чистыя) листка большого почтового формата, сложеннаго въ видѣ конверта и запечатаннаго облаткой, написанъ адресъ:

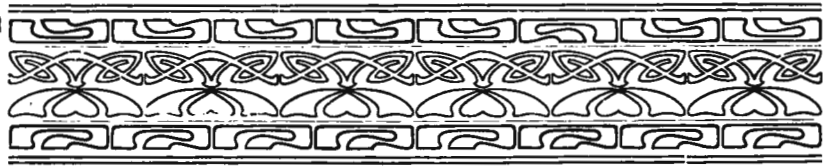
Его Высокородію
Милостивому Государю
Василію Ивановичу
Григоровичу.

В. И. Григоровичъ (1787—1865 г.г.), родомъ полтавецъ и, значить, землякъ Гоголя, занималъ въ столичномъ литературномъ и художественномъ мірѣ видное положеніе, какъ

первый историкъ русскаго искусства, издатель „Журнала изящныхъ искусствъ“ (1823—1825 г.г.), конференцъ-секретарь Академіи Художествъ (съ 1829 г.). Гоголь познакомился съ нимъ, вѣроятно, въ домѣ поэта барона А. А. Дельвига, въ альманахѣ котораго („Сѣверные Цвѣты“ на 1826 и на 1827 г.г.) Григоровичъ напечаталъ большую статью „О состояніи художествъ въ Россіи“, и которому Дельвигъ посвятилъ свою идиллію „Изобрѣтеніе ваянія“; въ этомъ же альманахѣ (на 1831 г.) и въ „Литературной Газетѣ“, которую также издавалъ Дельвигъ, Гоголь помѣстилъ нѣсколько своихъ произведеній.

Н. Лернеръ.

Къ біографіи А. П. Щапова и Митрополита Иннокентія.

(Неизданное письмо митрополита Иннокентія).

Знаменитый историкъ раскола, Аф. Пр. Щаповъ и пр. Иннокентій, митрополитъ мѣсковскій, преемникъ Филарета, болѣе извѣстный, какъ архіепископъ камчатскій,—сподвижникъ Муравьева-Амурскаго и просвѣтитель инородцевъ русской Америки—были земляки. Оба они происходили изъ одной и той же глухой сибирской деревушки ¹⁾, оба были дьячковскими сыновьями и, какъ это часто бываетъ между однодеревенцами, были немного родственниками.

Жизнь, правда, повела ихъ различными путями и уготовала имъ разныя судьбы, но, тѣмъ не менѣе, земляки изрѣдка встрѣчались. По рассказамъ современниковъ, которые намъ приходилось слышать на ихъ общей родинѣ, Щаповъ очень цѣнилъ и уважалъ митрополита, и въ свою очередь послѣдній также благоволилъ къ своему младшему земляку. (Пр. Иннокентій былъ на 34 года старше Щапова). У одного изъ дальнихъ родственниковъ митрополита, протоіерея Ильинской церкви въ с. Ангѣ, о. Александра Кокоулина, сохранилось нигдѣ до сихъ поръ не напечатанное письмо пр. Иннокентія, содержащее любопытныя данныя, какъ для характеристики отношеній митрополита къ Щапову, такъ и для біографіи ихъ обонхъ ²⁾.

¹⁾ с. Анга, Качугской волости, Верхоленскаго уѣзда, Иркутской губ. въ 270 в. отъ г. Иркутска.

²⁾ В. Вагичъ. „Щаповы“. Сибир. Сборникъ, 1889, вып. 2.

„Этотъ Щаповъ— весьма хорошій человѣкъ и отличный бакалавръ“, пишетъ въ своемъ письмѣ пр. Иннокентій „а главное онъ по душѣ очень хорошъ“. Письмо это относится ко времени окончанія Щаповымъ академіи, и касается Щапова-юноши, но это отношеніе митрополита къ нему не измѣнилось и впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ внѣшне, и въ зрѣлыя годы Щапова, когда надъ послѣднимъ разразились административныя бури. Симпатія и участіе митрополита казались столь вѣрными и надежными, что одно время Щаповъ даже рассчитывалъ на реальное выраженіе ихъ, и при помощи Иннокентія надѣялся вернуться въ Европ. Россію, откуда онъ былъ высланъ въ 60-хъ годахъ. Вынужденная жизнь въ Иркутскѣ была для него слишкомъ тяжела. Лишенный столь необходимаго ему, научнаго общенія, безъ научныхъ пособій, среди несимпатичнаго ему въ большинствѣ не интеллигентнаго тогдашняго Иркутскаго общества, онъ изнывалъ и томился тамъ, стремясь всѣми силами вырваться изъ Сибири и мечтая, главнымъ образомъ, о Петербургѣ. И съ назначеніемъ Иннокентія московскимъ митрополитомъ „мечты эти“, рассказываетъ иркутскій старожилъ и литераторъ Вагинъ: „получили новую пищу“¹⁾.

Иннокентій, посѣтивъ въ послѣдній разъ Иркутскъ, не забылъ своего земляка и родственника. Онъ по-прежнему „благосклонно отнесся“ къ Щаповымъ, былъ у нихъ въ гостяхъ и общалъ хлопотать за А.Ф. Пр. „Щаповъ подаль ему докладную записку, въ которой объяснялъ необходимость для своихъ научныхъ работъ жить въ одномъ изъ городовъ, богатыхъ научными пособіями и, преимущественно, въ Петербургѣ“²⁾.

Митрополитъ взялъ эту докладную записку, увезъ ее съ собою, но тѣмъ дѣло и кончилось. Видимо, владыкѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ щекотливыя „политическія дѣла“, хотя при своемъ вліяніи онъ легко могъ бы добиться исполненія если не всей просьбы, то хоть части ея. „Щаповы же“, рассказываетъ Вагинъ: „долго ждали отвѣта отъ митрополита. Одно время только и разговору было у нихъ, что о Петербургѣ, но скоро и разговоры прекратились.

¹⁾ За разрѣшеніе использовать данное письмо въ печати приношу искреннюю признательность владѣльцу его.

²⁾ О надеждахъ Щапова на митрополита упоминаетъ и Аристовъ „А.Ф. Пр. Щаповъ. Жизнь и сочиненія“, соч. проф. Н. Я. Аристова (стр. 114).

„Покинуть отратительный острогъ“, какъ называлъ Щаповъ Иркутскъ,—ему такъ и не удалось. Въ Иркутскѣ схоронилъ онъ жену, на Иркутскомъ же кладбищѣ и самому ему суждено было найти послѣдній пріютъ.

Приводимое письмо представляетъ, какъ уже сказано, не малый интересъ и вообще для біографіи Щапова и его характеристики. Оно ярко подчеркиваетъ и ту нужду его, изъ которой онъ, что называется, не выходилъ ни въ юношескіе, ни въ зрѣлые годы, и его постоянную заботу о своихъ родныхъ ¹⁾. Самъ безъ копѣйки, онъ старается хоть немного послать на родину старику-отцу. Эта заботливость о родныхъ: объ отцѣ, а послѣ смерти его о сестрахъ—очень характерна для Щапова, и съ этой стороны онъ выгодно отличался отъ своихъ братьевъ ²⁾. На родинѣ Щапова намъ удалось записать много трогательныхъ воспоминаній о томъ неизмѣнномъ и глубокомъ участіи, которое проявлялъ онъ къ судьбѣ своихъ деревенскихъ родственникововъ ³⁾.

Небезынтересно данное письмо и для біографіи самого митрополита. Оно относится къ тому времени, когда пр.

¹⁾ Къ этому же періоду относятся и приводимыя Арцетовымъ записки Щапова къ студенту В. И. Калатузову. („Дайте мнѣ, Христа ради, бѣлой бумаги. Приступаю къ сочиненію, а не на чемъ писать“. „Дайте мнѣ, Христа ради, бѣлой бумаги, сколько можно“), *ib.* стр. 130.

К. Кокоулинъ, переписывавшій вмѣстѣ съ другими земляками рукописи Щапова передъ отправленіемъ ихъ въ редакцію, рассказываетъ, что Аф. Пр. часто оставался въ долгу передъ переписчиками, „не находя въ карманахъ ни одного рубля въ уплату за работу“. (Восточн. Обзор. 1897 г. № 63).

²⁾ У Аф. Пр. было два брата (Степанъ—чиновникъ и Григорій—священникъ) и три сестры. Сестры были замужемъ за мѣстными крестьянами и сильно бѣдствовали. Въ настоящее время никого изъ нихъ въ живыхъ нѣтъ. Года три назадъ умерла послѣдняя сестра, бывшая замужемъ за крестьяниномъ с. Бутакова, Бобровскимъ. Сынъ ея сообщилъ мнѣ много любопытныхъ подробностей, слышанныхъ имъ отъ своей матери, любовномъ и заботливомъ отношеніи Аф. Пр. къ сестрамъ, въ частности къ ней.

³⁾ Сохранились любопытныя письма отца и брата Аф. Пр. къ нему. Письма эти довольно отчетливо рисуютъ семейныя взаимоотношенія Щаповской семьи. Они относятся ко времени поступленія Щапова въ Казанскую академію. Письма отца полны жалобами на свое бѣдственное положеніе и на не желающихъ помогать ему сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ уже въ то время священникомъ. („Мы живемъ слава Богу, всѣ здоровы и благополучны, только нынѣ хлѣбъ у насъ вовсе е родился и замерзъ, также и сына вовсе мало... Отъ старшаго брата

Иннокентій, тогда еще архіепископъ камчатскій и амурскій, былъ вызванъ съ Амура въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ (1857). Но пробывъ весьма недолго въ Петербургѣ, онъ сталъ проситься въ отпускъ, такъ какъ Амурскія дѣла требовали его личнаго присутствія, и въ мартѣ 1858 года уже былъ въ Иркутскѣ, откуда и написано приводимое здѣсь письмо. Особенно любопытны подробности пребыванія его въ Петербургѣ.

Возлюбленный ¹⁾ мой
отецъ Алексѣй ²⁾.

Вотъ я, наконецъ, опять возвратился въ Иркутскъ, гдѣ и нахожусь съ 12 марта и рассчитываю пробыть только до 4 апрѣля *ничуть не больше*. Но къ Вамъ нынѣ я не заѣду, потому что ѣду прямо на Амуръ—выбирать мѣсто для каѳедры своей; въ Ситхѣ будетъ викарій, а когда я перейду на Амуръ, тогда въ Якутскѣ будетъ другой викарій и оба подъ моимъ начальствомъ ³⁾. Семинарія изъ Архангель-

Степана никакого пособія и даже письма нѣтъ и не знаю, какъ онъ живетъ*). Трогательнъ конецъ одного письма: „А жалованья еще не получилъ, а то бы послалъ тебѣ хотя одинъ рубль. Ей-ей радъ бы послать“. Письма эти напечатаны г. Знаменскимъ въ Ист. Вѣстникѣ за 1899 г. кн. 2.

Къ сожалѣнію, прочая переписка Шапова съ родными, видимо, исчезла безслѣдно. Мои попытки что-нибудь разыскать на родинѣ Ш. остались совершенно безуспѣшными. Очень много писемъ Аф. Пр. хранились въ с. Тараѣ у родственника и друга его, крестьянина С. Кузнецова. Но со смертію послѣдняго куда-то исчезли.

¹⁾ Соблюдена орѳографія подлинника.

²⁾ О. Алексѣй Поповъ, священникъ въ Ангѣ, племянникъ митрополита. Митрополитъ очень любилъ его и часто переписывался съ нимъ

³⁾ Островъ Ситха съ портомъ Ново-Архангельскомъ былъ главнымъ пунктомъ русскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ. На Ситхѣ пр. Иннокентій въ бытность свою священникомъ служилъ миссіонеромъ. Онъ жилъ тамъ съ 1834 по 1838 годъ, занимаясь просвѣщеніемъ колошей. Помню миссіонерскіхъ успѣховъ плодомъ его дѣятельности на о. Ситхѣ явился рядъ научныхъ трудовъ, представляющихъ и до сихъ поръ большой интересъ для этнографа. („Записки объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла“, „Мифологическія преданія колошей“, „Характеристическія черты алеутовъ“, „Опытъ грамматики Алеутско-Письеваго языка“, „Замѣчанія о колешскомъ и кадьякскомъ языкахъ“ и др.).

Въ 1830 году Синодъ постановилъ учредить епископскую каѳедру Русско-Американскихъ церквей, подчинивъ новой каѳедрѣ Камчатскія и Охотскія церкви. Мѣстопребываніемъ епископа былъ назначенъ

ска ¹⁾ переводится пока въ Якутскъ, а потомъ тоже на Амуръ ²⁾.

Отъ Афанасія Щапова у меня есть письмо до отца его съ 5 рублими: болѣе онъ въ то время не могъ найти.

Этотъ Щаповъ весьма хорошій человекъ и отличный бакалавръ; онъ можетъ идти далеко, а главное онъ по душѣ своей очень хорошъ. Онъ потому теперь не послалъ денегъ отцу своему (что) самъ былъ долженъ и только недавно сталъ получать настоящее жалованье.

Сына Вашего я видѣлъ у Харлампія ³⁾ причетникомъ. Что Вы хотите съ нимъ дѣлать!(?) Я еще не успѣлъ съ нимъ ничего переговорить и узнать объ немъ. Если онъ не испортился еще и если онъ и Вы пожелаете, то я готовъ взять его къ себѣ въ епархію.

Я слава Богу здоровъ.

Въ Питерѣ я былъ *въ ходу*. Былъ у императора, обѣихъ императрицъ, у Елизаветы Михайловны и у Марьи Николаевны, у послѣдней обѣдалъ; послѣдній разъ вмѣстѣ съ Н. Н. Муравьевымъ ⁴⁾—такъ что, говорятъ, намъ стали завидовать.

Если хотите со мною видѣться, то приѣзжайте къ 1-му или 3-му апрѣля: а иначе не достанете. А между тѣмъ можете привести и письма, слѣдующія на Амуръ ⁵⁾

Письмо пономарю Вашему Прокопью ⁶⁾ я пошлю по почтѣ, или съ попутнымъ благонадежнымъ.

островъ Ситха. Первымъ епископомъ былъ Иннокентій, которому, по повелѣнію Николая 1-го, было разрѣшено именоваться епископомъ Камчатскимъ, Курильскимъ и Алеутскимъ.

Въ 1852 году къ Камчатской епархіи присоединилась и Амурская область и мѣстопробываніемъ епископа сталъ Якутскъ. Съ присоединеніемъ же Амурскаго края возникъ проектъ, по мысли пр. Иннокентія, перенесенія кафедры епископа на Амуръ и въ 1858 году состоялось повелѣніе объ учрежденіи двухъ викаріатствъ: въ Якутскѣ и Ново-Архангельскѣ, о чемъ и сообщаетъ въ письмѣ къ о. А. Попову пр. Иннокентій.

¹⁾ Собственно-Ново-Архангельска.

²⁾ Въ 1845 году по распоряженію пр. Иннокентія для подготовки духовенства изъ мѣстныхъ жителей въ Ново-Архангельскѣ было переведено изъ Петропавловска духовное училище съ переименованіемъ его въ семинарію. Семинарія просуществовала тамъ 12 лѣтъ, а затѣмъ по его же представленію было найдено болѣе удобнымъ перевести ее въ Якутскъ.

³⁾ Харлампіевская церковь въ Иркутскѣ.

⁴⁾ Графъ Муравьевъ Амурскій.

⁵⁾ Вѣроятно, сыну о. Алексѣя, служившему тогда на Амурѣ.

⁶⁾ Прокопій Андреевичъ Щаповъ—отецъ Аф. Пр.

Затѣмъ, прощайте. Господь съ Вами! Желаю Вамъ всякихъ благъ.

О. Харлампію ¹⁾ скажите отъ меня поклонъ и спасибо за вызовъ его сдѣлать для меня павозокъ ²⁾.

Вашъ вседоброжелательный слуга
Иннокентій А. Камчатскій.

Марта 22 дня
1858
Иркутскъ.

Сообщ. Маркъ Азадовскій.

¹⁾ О. Харлампій Мурашевъ, священникъ с. Качугъ.

²⁾ крытая лодка.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

8 января. Проходилъ мимо одного учрежденія, зданіями котораго заставлена цѣлая площадь. Вижу начальническое шествіе. Спросилъ у сторожа имена начальниковъ.—Шильдкнехтъ и Гринвальдъ—былъ отвѣтъ.

— А какіе же другіе начальники? — обращаюсь съ вторичнымъ вопросомъ.

— Баронъ Гюне и Обермиллеръ, — сказываетъ вопрошаемый.

— Да неужели у васъ нѣтъ начальства съ русскими фамиліями?

— Были двое, да уѣхали на фронтъ.

„Биржевыя Вѣдомости“ ²⁾ приводятъ возмутительный фактъ обращенія германцевъ съ однимъ изъ либавскихъ жителей.

„Студентъ С., явившись къ либавскому коменданту, имѣлъ смѣлость указать германскому полковнику, что группа либавскихъ интеллигентовъ, выгнанная нѣмцами на работы по осушенію болотъ, признаетъ этотъ актъ совершенно противозаконнымъ, нарушающимъ международное право. Депутата нѣмцы сначала подвергли тѣлесному наказанію, а затѣмъ въ теченіе трехъ сутокъ привязывали къ столбу, устроенному въ видѣ креста, на которомъ распятый долженъ былъ висѣть по два часа. Наконецъ, послѣ трехдневныхъ пытокъ, приговорили его къ мѣсячному заклю-

¹⁾ См. „Русск. Сга.“ май 1916 г.

²⁾ „Бирж. Вѣд.“ 8 января 1916 г.

ченію въ тюрьмѣ, но привести послѣдняго наказанія въ исполненіе не могли, такъ какъ вынуждены были отправить С. послѣ распятія въ лазаретъ“.

Передаютъ, что знаменитый въ Петроградѣ членъ городской управы Голубковъ выбралъ на должность завѣдующаго Петроградскимъ газовымъ заводомъ г. Ваксмана, недавно принявшаго русское подданство и удаленнаго изъ газоваго общества 35 года за свои герmanoфильскія симпатіи.

Сообщаютъ интересныя новости по устройству перевязокъ и антисептики во Франціи ¹⁾:

„Въ засѣданіи 2 ноября нынѣшняго 1915 г. парижской медицинской академіи русской докторъ Розенблитъ сдѣлалъ сообщеніе о придуманномъ имъ аппаратѣ, который является упрощеніемъ и усовершенствованіемъ аппарата Дельбе. Онъ беретъ свинцовую трубку отъ газа, которую вставляетъ въ каучуковую трубку, концы которой длиннѣе свинцовой. Концы каучука прикрѣпляются къ металлическимъ кольцамъ, которыя помѣщаются ниже и выше переломовъ. Трехъ или четырехъ трубокъ достаточно, чтобы держать въ неподвижности переломанную часть члена. Чтобы приготовить такого рода повязку, достаточно двухъ минутъ, и обходится она очень дешево. Суставы остаются свободными, и больной съ такой повязкой чувствуетъ себя очень хорошо. Аппаратъ д-ра Розенблита представляетъ еще то преимущество, что легко примѣнимъ при перевозкѣ раненыхъ съ переломами, избавляя ихъ отъ лишннихъ страданій. Его можно наложить на панталоны, на рукавъ, не мучая больного и, удерживая переломанный членъ въ неподвижности, устранить боль отъ тряски на ухабахъ и т. д.

Въ послѣднее время въ парижскихъ госпиталяхъ стали употреблять хлористую магнезію, какъ антисептическое средство при леченіи ранъ. Д-ръ Розенблитъ сталъ первый употреблять его, именно съ прошлаго марта, въ военномъ госпиталѣ при лицѣ Жансонъ-де-Сайльи. Въ сообщеніи, сдѣланномъ имъ медицинской академіи, онъ приводитъ результаты своихъ наблюденій надъ множествомъ больныхъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 8 января 1916 г.

Онъ употреблялъ растворъ хлористой магнезін (12 на 1.000) и всегда наблюдалъ, что рубцованіе ранъ совершается гораздо скорѣе, чѣмъ при употребленіи другихъ антисептическихъ средствъ. При этомъ устраняются нагноеніе и цитолізъ (разрушеніе здоровыхъ клітокъ).

По наблюденіямъ д-ра Розенблита, подкожныя впрыскиванія хлористой магнезін очень дѣйствительны противъ ревматизмовъ и ложныхъ ревматизмовъ.

Снарядъ 3 дюйм. легкаго полевого орудія стоитъ 21 рубль, а снарядъ 16 дюйм. орудія 2.600 рублей, а самодвижущаяся мина 18.500 рублей ¹⁾).

9—12 января. По словамъ прибалтійскихъ газетъ, на время военнаго положенія изъ Прибалтійскаго края высланы пасторы Пауль Платъ, Густавъ Эрнъ, Іоганнъ Вальтеръ, Іосифъ Мери и нѣмецкіе дворяне: эстляндскій помѣщикъ баронъ Густавъ фонъ-деръ-Паленъ, эзельскій помѣщикъ Георгъ фонъ-Шмидтъ, Вольдемаръ фонъ-Шульманъ, помѣщикъ Карлъ фонъ-Іесенъ, инженеръ-технологъ Отто фонъ-Крейслеръ и директоръ судостроительной верфи въ Мюльграбенѣ Карлъ Цизе.

У нѣмцевъ появился новый безпощадный врагъ—волки, изгнанные во время боевъ изъ Бѣловѣжской пуши и распространившіеся по всей почти Гродненской и части Виленской губерніямъ. Впервые волки появились вблизи мѣстечка Орля, Гродненской губерніи. Здѣсь стая волковъ напала на нѣмецкій кавалерійскій отрядъ, состоявшій изъ сорока человекъ. Испуганные неожиданной встрѣчей, нѣмцы стали убѣгать къ мѣстечку, все время стрѣляя въ волковъ. Разорвавъ восьмерыхъ отставшихъ, волки бросились за остальными въ мѣстечко. Здѣсь нѣмцы встрѣтили ихъ стрѣльбой изъ ружей и даже пулеметовъ. Въ общемъ, во время этого нападенія пострадало около 20 человекъ какъ солдатъ, такъ и жителей мѣстечка. Не менѣе грозное нападеніе волковъ на германскій обозъ произошло на пути между Орлей и Клешемъ. Здѣсь волки растерзали

¹⁾ „Русск. Инв.“. 5 января 1916 г

нѣсколько лошадей и солдатъ. Одна изъ стаи волковъ появилась у Бѣльска, вызвавъ страшную панику въ городѣ. Жители боялись выходить на улицу, магазины были закрыты. Волки появлялись также въ Островѣ, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, гдѣ напали на расквартированныхъ тамъ нѣмцевъ. Три солдата и нѣсколько лошадей были совершенно растерзаны. Тамъ же волки уничтожили много реквизированнаго скота. Нѣмцы энергично борются съ волками. Часто въ лѣсахъ устраиваются облавы на нихъ. Обыкновенно нѣмцы влѣзаютъ на дерево, а жителей заставляютъ нагонять волковъ. За поимку или убійство волка назначается награда въ сто марокъ. Изъ страха передъ волками во многихъ мѣстахъ часовые дежурятъ на чердакахъ или крышахъ. Передвиженіе обозовъ въ сферѣ дѣйствій волковъ по ночамъ запрещено („Кіевл.“).

М. Доманскій въ „Русскомъ Инвалидѣ“¹⁾ рассказываетъ слѣдующее интересное событіе:

„Дѣло происходило въ концѣ ноября прошлаго года на одной изъ крупныхъ узловыхъ станціи занятой сейчасъ противникомъ полосы, часовъ въ семь вечера.

Я сидѣлъ въ ожиданіи поѣзда въ залѣ перваго класса.

Вдругъ въ залѣ съ громкимъ непринужденнымъ разговоромъ и смѣхомъ входитъ компанія въ семь человекъ германскихъ и австрійскихъ офицеровъ. Не отдавъ чести находившемуся въ залѣ артиллерійскому полковнику, офицеры заняли мѣста за приготовленными имъ заранѣе приборами, закурили сигары и, не переставая громко смѣяться, принялись за обѣдъ.

Послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ, правда, по-нѣмецки, но все же громко и въ достаточной степени рѣзко выразить неудовольствіе, что нельзя получить не только вина, но даже пива, артиллерійскій полковникъ не выдержалъ и приказать сопровождавшему нѣмецкихъ офицеровъ подпрапорщику немедленно убрать ихъ изъ зала.

Выяснилось, что офицеры въ этотъ день прибыли на питательно-эвакуаціонный пунктъ, находящійся верстахъ въ трехъ отъ станціоннаго зданія. Завѣдывающій пунктомъ по просьбѣ плѣнныхъ офицеровъ не только разрѣ-

¹⁾ „Русск. Инв.“, № 10 1916 г.

шилъ имъ пообѣдать на вокзалѣ, но лично заказалъ по телефону станціонному буфетчику обѣдъ, а для доставки офицеровъ на вокзалъ и обратно предоставилъ въ ихъ распоряженіе паровозъ съ класснымъ вагономъ“.

Ходятъ по городу печальные слухи о мирныхъ переговорахъ черногорцевъ съ австрійцами и о капитуляціи черногорской арміи. Неужели это правда?

„Norddeutsche Allgm. Ztg.“ выступила съ пространной статьей, въ которой взаимоотношенія между Германіей и Россіей излагаются въ исторической послѣдовательности. Назначеніе статьи—выявить, сколь благородна Германія, и сколь велика черная неблагодарность Россіи.

Излагая исторію перваго балканскаго союза, германскій офиціозъ пытается убѣдить своихъ читателей въ томъ, будто русская дипломатія, создавая этотъ союзъ, тайно ковала козни противъ Австріи.

Далѣе органъ канцлера припоминаетъ, что Германія оказывала Россіи неоцѣнимыя услуги въ японской войнѣ и неоднократно протягивала руку дружбы, отвергнутую Россіей ради Англии.

Въ заключеніе офиціозъ выступаетъ съ сенсацией совершенно смѣхотворной, увѣряя, будто кайзеръ оказалъ огромную услугу русской демократіи и содѣйствовалъ въ Россіи конституціи. Газета утверждаетъ, что столь распространенное среди русской интеллигенціи мнѣніе, будто кайзеръ поддерживалъ въ Россіи реакцію,—не болѣе какъ злостный вымыселъ.

— Такъ рухнула вѣковая традиціонная русско-германская дружба.—патетически заканчиваетъ офиціозъ,—и вина въ этомъ всецѣло падаетъ на Англію.

Нѣмецкій офиціозъ, проливая эти крокодиловы слезы, совершенно забылъ упомянуть ту статью Тильзитскаго трактата 1807 года, гдѣ сказано, что, въ уваженіе просьбы Россійскаго Императора, Императоръ Франціи оставляетъ прусскому королю его владѣнія. Она забыла освобожденіе Германіи въ 1813 году русскими войсками, забыла созданіе Россіей Германіи въ 1866 и 1870—71 гг.

Намъ эти крокодиловы слезы урокъ,—не проливать русской крови за чужіе интересы.

Что же остается сказать Россіи про гнусную и наиподлѣйшую замѣну славянской Болгаріи противъ ея освободительницы отъ турецкаго ига, Россіи. Думается, что перевернулся въ гробу Царь Освободитель Болгаріи.

По распоряженію военныхъ властей высланы изъ Прибалтійскаго края на все время войны германскіе подданные¹⁾: Вѣра Фростъ, инженеръ Пауль Дійвке, эзельскій помѣщикъ Георгъ фонъ-Шмидтъ, начальникъ куйвастовской почтовой станціи карль Весбергъ, кегельскій пасторъ Густавъ Эрнъ, аренбургскій лѣсничій Ейшемъ Вундельбургъ, пасторъ Юханесъ Вальтеръ съ острова Эзеля, пасторъ Юзефъ Мери съ острова Монъ, главноуправляющій имѣнія Эхасъ — Карль Ситке, директоръ судостроительнаго завода Карль Цизе — германскій подданный, инженеръ технологъ Отто Крейслеръ, владѣлецъ им. Унгернъ Карль Иессенъ, представитель Мюльграбенской верфи Теодоръ Хехке, изъ Гаусальскаго округа Фридрихъ Кигенбилль, главноуправляющій имѣніемъ Паттасъ Вольдемаръ фонъ-Шульманъ, лѣсопромышленникъ германскій подданный Робертъ Мронговіусъ, влад. им. Веймель, въ Эстляндской губ., баронъ Густавъ фонъ-деръ-Паленъ, пасторъ Гофскальскаго округа Пауль Платъ, главноуправляющій им. Чевлейги Везенбергскаго округа Фердинандъ Гоффманъ.

13—14 января. Передаютъ, что скоро соберется комиссія для разработки закона объ отмѣнѣ привилегій прибалтійскаго дворянства и что въ качествѣ свѣдущихъ лицъ въ комиссію приглашены сенаторы Нолькенъ, Транзе и присяжные повѣренные Альбертсъ и Опель.

При настоящемъ настроеніи къ прибалтійцамъ предрешающихъ, прогрессивнаго блока въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ петроградскій обыватель считаетъ эту комиссію мертворожденнымъ дѣтищемъ.

Среди нашихъ сѣрыхъ героевъ зачастую являются природные юмористы. Одну изъ такихъ характерныхъ сценъ въ окопахъ приводитъ г. Смольяниновъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 12 января с. г.

„Шагахъ въ тридцати отъ Мироньча въ блиндажъ для санитаровъ шла оживленная бесѣда. Душой ея былъ Калининъ. Около него собралась цѣлая ватага солдатъ, главнымъ образомъ молодыхъ, которые жадно вслушивались въ его остроты и хохотали отъ нихъ до слезъ, до изступленія. Не было такой пословицы, присказки, которой бы не зналъ этотъ безшабашный весельчакъ; старики, запасные, его не любили, считая, что онъ ломается и паясничаетъ.

— Ишь, нецутевый,—ворчалъ, бывало, тотъ же Мироньчъ,—пакостничать бы только тебѣ, да лясы точить,—но Калининъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ свою роль постоянного забавника.

Казалось, забава была его призваніемъ. Подвижное лицо, съ некрупными, но рѣзкими чертами, обладало удивительнымъ даромъ преображаться. Рассказывая что-нибудь смѣшное, было ли это подлинное происшествіе, или его вымыселъ, онъ всегда игралъ лицомъ, „рожи строилъ“, какъ говорили старики; и, въ этихъ его „рожахъ“ нельзя было не признать корявой старушенки, поднимающей съ пола двугривенный, странника, врущаго бабамъ про чудеса и видѣнія, которыхъ онъ будто бы гдѣ то сподобился, или, наконецъ, самого урядника въ пору его сватовства,—все что требовалось, по ходу разказа, отражалось на этомъ истинно-актерскомъ лицѣ съ замѣчательной четкостью. Только глаза—овальные, выпуклые, нѣжнаго голубоватаго оттѣнка, неизмѣнно свѣтились плутоватою улыбкой. Приходъ Ползункова прервалъ какой-то разказъ Калининъ, который слушали очень внимательно.

— А дальше-то что?—спросилъ кто-то изъ угла, когда, оглядѣвшись по сторонамъ, Калининъ, увидѣвъ Ползункова, снова повернулся къ слушателямъ.

— Думалъ, старикъ какой... Вотъ, ребята, какъ саратовская барышня про любовь рассказываетъ... Эй, которые здѣсь саратовскіе, подскакивай, щекотать буду!

Молодежь усталилась на Калининъ, который живо весь подобрался какъ-то, собралъ губы въ пучокъ, закатилъ глаза, поджалъ руки, словомъ, изобразилъ настоящую мѣщанскую жеманницу и началъ рассказывать тоненькимъ, дѣланнымъ голосомъ:

— Вотъ, сидю я у окна и помадю голову... Ахъ!... Глядь, идетъ милый мой въ пальтѣ, съ папирской во ртѣ... Перешелъ по мостѣ, да и говоритъ ко мнѣ: „Не хочется ли вамъ пройтиться, идѣ мельница вертится?“—„Нѣтъ, мерсю

вась, не хотится“.— „Не хотится, какъ хотится, я одинъ могу пройтиться, идѣ мельница вертится“...

Кругомъ захохотали, но на этомъ веселье и кончилось. Прибѣжалъ взводный и громко крикнулъ:

— Живо, всѣ по мѣстамъ!

Нѣмцы начали стрѣлять по окопамъ. Компанія разбелась.

Когда затѣмъ послѣ перестрѣлки привели въ окопъ плѣнныхъ нѣмцевъ, то этотъ же самый балагуръ посадилъ самага жалкаго и стараго изъ плѣнныхъ на свое мѣсто у костра, отрѣзалъ ему большой ломоть хлѣба, намазалъ саломъ и протянулъ ему чуть не подъ самый носъ“.

Невольно напрашивается вопросъ, былъ ли хотя одинъ германецъ, который подобнымъ же образомъ поступилъ съ нашимъ плѣннымъ.

Одна изъ родственницъ петроградскаго обывателя устроила на своей квартирѣ въ Царскомъ офицерскій лазаретъ.

Идетъ одинъ изъ раненыхъ этого лазарета по городу и встрѣчаетъ по дорогѣ лицо, важно идущее, точно проглотившее палку, съ усами, закрученными, какъ у самого кайзера.

Когда лицо миновало офицера, то послѣдній обратился съ вопросомъ къ стоявшему на посту городовому—кто это. „Потомственный нѣмецъ“, послѣдовалъ отвѣтъ городского.

Германцы затѣваютъ еще новыя, грязныя дѣла. Они стараются оклеветать тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые шли противъ германцевъ: у скоропостижно скончавшагося въ Голландіи германскаго консула Людвигъ Бергшмидта найденъ чрезвычайно странный циркуляръ. Это—анонимная бумага, неизвѣстно кѣмъ и гдѣ изданная, но въ то же время опредѣленно „предписывающая“ консулу собирать „интимныя и компрометирующія подробности изъ жизни лицъ, ведущихъ антинѣмецкую агитацію“¹⁾.

Саратовскій губернаторъ С. Д. Терскій, открывая губернское земское собраніе, усиленно рекомендовалъ земскимъ

¹⁾ „Веч. Вр.“ № 1369 с. г.

гласнымъ елѣдующій новый способъ борьбы съ дороговизной ¹⁾).

Новый способъ, передаетъ „Сар. Лист.“, „это свободная конкуренція общественныхъ учрежденій. Въ Саратовской губ. онъ уже испробованъ. Въ Вольскѣ городъ устроилъ мясную лавку, и цѣна сразу понизилась на 5 коп. въ фунтѣ и не повышается съ тѣхъ поръ. Въ Балашовѣ устроена городская хлѣбопекарня, и ржаной хлѣбъ продается по 3 коп. фунтъ, а себѣ стоитъ 2³/₄ коп. Моя первая къ вамъ просьба устроить городскую хлѣбопекарню, городскія хлѣбныя и мясныя лавки. Если вы почему-либо на это не пойдете, то другой вопросъ о топливѣ, о дровахъ. Они вздорожали чрезвычайно. Если мясо, хлѣбъ и дрова будутъ подъ гнетомъ городской конкуренціи, цѣна на эти товары не можетъ искусственно быть повышена. Но я неоднократно уже говорилъ, что борьба со зломъ возможна только тогда когда зло будетъ признано самимъ обществомъ и общество пожелаетъ бороться съ нимъ. Я съ удовольствіемъ буду посредникомъ въ этой борьбѣ. Теперь настало время, когда всѣмъ надо сплотиться въ борьбѣ съ дороговизной. Если вы поможете мнѣ, если укажете, гдѣ и кѣмъ взвинчиваются цѣны, гдѣ припрятаны товары, я ручаюсь, что всѣ ваши указанія будутъ приняты съ благодарностью, и я сдѣлаю все, что могу“.

Разсказывали, что одинъ изъ нашихъ летчиковъ въ прибалтійскомъ краѣ во время одного изъ полетовъ замѣтилъ въ одномъ изъ имѣній сильной профили укрѣпленіе, которое было замаскировано кустами и зеленью такъ искусно, что могло быть обнаружено лишь сверху. О замѣченномъ летчикъ доложилъ начальству и черезъ нѣсколько дней скоропостижно скончался.

Приводимъ изъ корреспонденціи Смольянинова одно изъ позорныхъ германскихъ дѣяній для російскихъ защитниковъ прелестей германской культуры.

„Ночь была на рѣдкость тихая. Луны не было. Солдаты, смѣясь, говорили, что она „осталась въ обозѣ второго разряда“. Отблескъ снѣга, однако, скрадывалъ полный мракъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 14 янв. с. г.

и, приглядѣвшись, я уже различалъ впереди высокую темную стѣну, которой мнѣ представлялся В—скій лѣсъ, слившійся, впотьмахъ, съ усадебнымъ садомъ.

У нѣмцевъ было очень шумно. Слышались пьяные голоса, какіе-то крики, ругательства въ перемежку съ „hoch“ и „hugga“, которые они орали всѣмъ скопомъ.

— Опять перепились.

— Да... Чего добраго полѣзуть...

— Въ такомъ-то видѣ пусть, пожалуй, лѣзуть?

— Это-то все равно... не въ первый разъ ихъ такими видимъ... Спать, только, черти, не дадутъ, вотъ что досадно; мнѣ, какъ на зло, сегодня спать хочется. Что это у нихъ—бабы?

— Ну?..

— Послушай!..

Насторожившись и сдвинувъ на затылокъ папаху, чтобы освободить уши, почти закрытыя ею, я, дѣйствительно, услышалъ женскіе голоса.

— Не можетъ быть... Это намъ, вѣрно, кажется,—сказалъ я, не довѣряя своему слуху.—Въ зимнюю ночь и въ такой обстановкѣ, когда нервы сразу какъ-то особенно напрягаются, можно „услыхать“ все, что подскажутъ.

— Какъ, не можетъ быть? Слышишь, слышишь: плачетъ?..

На этотъ разъ голоса мнѣ послышались яснѣе, и среди общаго гама дѣйствительно, какъ будто бы, выдѣлялся плачь.

— Что за чортъ!..

— Гуляютъ они, ваше в—іе,—замѣтилъ шопотомъ стрѣлокъ, вылѣзшій изъ окопа слѣдомъ за нами.

— Нѣтъ, ты слышишь теперь?

— Такъ точно, ваше в—іе,—давно это у нихъ.

— Что?

— Да бабы-то клохочутъ... Потѣху себѣ едѣлалъ... Тѣфу!

И стрѣлокъ съ такимъ омерзѣніемъ сплющувъ, что вся ненависть, накопившаяся въ его душѣ къ „проклятому“, кажется, не могла бы быть выражена рѣзче и сильнѣе.

— Надо бы ихъ попугать,—замѣтилъ товарищъ,—но въ это время рѣзкій, пронзительный крикъ до того остро, до того болѣзненно прозвучалъ въ ушахъ, что картина дикаго изуверства, творившагося, очевидно, тамъ, стала ясна.

— Ахъ сволочи этакія!—злбно вырвалось у товарища,—и онъ сразу же прыгнулъ мимо лѣстницы въ окопъ и скрылся въ блиндажѣ телефонистовъ.

Почти въ ту же минуту гдѣ-то впереди сухо треснуль винтовочный выстрѣль. Выстрѣль былъ нашъ; нѣмцы не отвѣтили. Шумъ у нихъ, какъ будго, на мгновенье затихъ, но потомъ опять все по-старому.

Снова послышался выстрѣль, второй и, почти одновременно съ нимъ, еще два. Потомъ опять тишина.. и ясный, неупорядоченный плачь женщины совсѣмъ близко, почти рядомъ.

— Кто стрѣляль?

— Въ секретяхъ это, ваше в—іе... Секретъ у насъ въ той сторонѣ, тамъ яминка есть, противъ прохода въ проволочкѣ, такъ въ ей, въ самой,—объяснилъ мнѣ стрѣлокъ.

Плачь слышался все ближе и ближе.

Глубокія, судорожныя всхлипыванія были дотога отчетливо слышны, что казалось мгновеньями, будто и фигура женщины съ вздрагивающими плечами, закрытымъ лицомъ, растерзанная и избитая, четко обозначается на снѣгу. Но взглядишься впередъ и кромѣ стѣны, которой издали кажется лѣсъ, ничего не видишь. По спинѣ пробѣгаютъ мурашки, сердце бьется сильнѣй, къ горлу подступаетъ злость... Хочется что-нибудь рвать, рѣзать, кинуть, чтобы не слышать этихъ надрывающихся рыданій и мучительныхъ стоновъ. Я спрыгнуль въ окопъ и пошелъ искать товарища.

Онъ былъ у телефона.

— Ну, что?—спросилъ онъ, вѣшая трубку.

— Плачетъ.

— Тамъ?

— Нѣтъ... Здѣсь гдѣ-то... Близко... Пошли кого-нибудь посмотрѣть...

— Гм! Сволочи... Да, сейчасъ пошлю... Зайди ко мнѣ, я сейчасъ, только вышлю дозоръ.

Неуклюжій денщикъ, видя, что офицеры вернулись, снова засуетился у печки, принимаясь разогрѣвать чай, черныи, какъ лакрица, и терпкій, какъ дубильная кислота.

— Ваше в—іе, можетъ, куру подать?

— А поди ты къ чорту съ твоей курой.

Тутъ было не до куръ. Дикая сцена насилія, мерещившаяся тамъ на воздухѣ, преслѣдовала и здѣсь. На душѣ было мерзко и невыносимо тяжело. Товарищъ вернулся и молча сѣлъ рядомъ со мной на кровать, сколоченную изъ досокъ въ видѣ ящика, до верху засыпаннаго соломой. Мы сидѣли молча, подавленные безсиьной злобой. Говорить

не хотѣлось, да и не о чемъ было. Да и какія слова пойдутъ на умъ, когда надо дѣйствовать, а это было для насъ невозможно.

— Можетъ быть, гаубичная ихъ обстрѣляетъ?—мрачно замѣтилъ товарищъ, поднимая голову и откидываясь къ стѣнкѣ, закрытой холстомъ, чтобы не просыпалась земля.

— Просилъ?

— Да... Онъ обѣщалъ. Только трудно мѣсто показать точно... А по площади много снарядовъ уйдетъ.

— Чортъ съ ними!

Въ окопѣ, у блиндажа, кто-то завозился.

— Что тамъ?

— Бабу привели, ваше в—іе...

— Давай... веди сюда!

— Ступай, что ли... Стрѣлки дри дорогу.

Опять тотъ же плачь, тѣ же рыданія.

Наконецъ, сквозь низкую, узенькую дверь блиндажа еле протиснулась, съ непривычки, нагая фигура... Стрѣлки назвали ее бабой, но что женскаго можно было признать въ этомъ залитомъ кровью, истерзанномъ обликѣ человѣка?

Все тѣло ея, молодое, упругое, было избито и изодрано; буквально изодрано, потому что оно было сплошь покрыто глубокими царапинами, изъ которыхъ сочилась кровь. Мѣстами эти царапины были глубже и оканчивались рваной ранкой; клочья тѣла, съ вывороченнымъ наружу мясомъ, висѣли въ этихъ мѣстахъ и по нимъ медленно сбѣгала алая кровь. Она только-что вошла, а уже нѣсколько капель крови расплылось на полу блиндажа. Лицо ея было закрыто. Руки изодранныя, въ синякахъ, съ покраснѣвшими кистями, дрожали, какъ отъ электрическаго тока, мелкой непрерывной дробью... Обнаженная грудь, искусанная и избитая, покрытая черными кровоподтеками, тряслась отъ рыданій; поперекъ живота, внизу его, шелъ кровавый рубецъ.

— Фельдшера сюда, санитар! Шинель мою дай... Срѣжь погоны.

Сумрачные стрѣлки засуетились. Фельдшеръ сначала было растерялся, хотѣлъ что-то сказать, но потомъ рѣшился и началъ замыкать эту сплошную рану, по привычкѣ, тутъ же промазывая кровоточащія мѣста іодомъ.

Жгучая боль вернула ей сознаніе, а съ нимъ и чувство стыда. Она открыла лицо, отвернулась отъ свѣта, съежилась и хотѣла състь на полъ. Ее поддержали, завернули

въ шинель и усадили на какой-то обрубокъ, обычно служившій столомъ денщику.

Долго она не могла успокоиться. По крайней мѣрѣ, часъ или больше она просидѣла, какъ мумія, неподвижно, не поворачиваясь къ намъ лицомъ и трясясь всѣмъ тѣломъ, прежде чѣмъ съ ней можно было начать говорить. Она говорила по-польски, примѣшивая русскія слова, чтобы быть лучше понятой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы стали въ имѣніи у насъ, почти каждый день пьянство. Откуда они возятъ вино, знаетъ одинъ сатана... Какъ напьются, такъ у нихъ начинаются игры. То въ карты, то на биліардъ, который они не разбили, какъ заняли усадьбу, а то соберутся и горланяютъ пѣсни. Одно время у насъ было тихо. Майоръ, который смѣнилъ прежняго, со своимъ батальономъ, былъ очень строгъ къ своимъ, насъ не трогалъ и не позволялъ своимъ... Но его скоро тоже смѣнили. Вотъ уже три недѣли, какъ у насъ живутъ эти черти-гвардейцы, которыхъ самъ чортъ выдумалъ на нашу погибель... Іезусъ-Марія, что они только дѣлаютъ! Въ усадьбѣ насъ было семь дѣвушекъ и три замужнихъ. Каждый вечеръ они таскали насъ въ домъ... держали по суткамъ... и только стыдомъ, позоромъ можно спастись отъ ихъ кожаной плети. О, эти плети, сколько я выдержала ихъ! Вотъ у меня рубцы... — Она распахнула шинель и показала нѣсколько широкихъ вздутыхъ рубцовъ поперекъ спины и по плечамъ.

— Меня все время звалъ къ себѣ одинъ... офицеръ.. адъютантъ майора... Онъ долго щадилъ меня, я молила его, какъ Бога... и онъ былъ честнымъ... Но сегодня онъ напился, и когда я опять стала просить его... онъ... избилъ меня плетью и бросилъ [пьянымъ солдатамъ... Я два раза теряла сознание... но четырнадцать я помню... Я помню ихъ...—изступленно закричала она, закрываясь руками.

Лицо ея, все въ синякахъ, закрывшихъ глаза, изодранное, какъ и тѣло, массою ссадинъ, съ надорваннымъ ухомъ, растрепанными волосами, слившимися отъ крови и грязи въ какія-то дикія пряди,—было ужасно.

— Какъ же вы попали сюда? Кто васъ выпустилъ изъ усадьбы?

— Они меня выгнали... Когда я очнулась, около меня былъ пьяный солдатъ... Я ударила его изо всѣхъ силъ... Двое или трое накинулись на меня, сняли съ меня все до

послѣдней нитки и выбросили на проволочную сѣть... И когда я рвалась на ней, чтобы слѣзть на землю, они хохотали, но потомъ ушли..., Имъ надоѣло... Потомъ я пошла сюда... По мнѣ стрѣляли... потомъ взяли и повели...

Все было ясно...

Мы молчали, не рѣшаясь сказать что-нибудь, послѣ этого страшнаго разсказа“.

Съ 1-го включительно по 1-е января на Рижскомъ, Двинскомъ фронтахъ и въ Воляни производились стычки развѣдывательныхъ партій, полеты аэроплановъ и артиллерійская перестрѣлка, а въ Буковинѣ близъ Черновицъ происходили столкновения у воронокъ съ примѣненіемъ ручныхъ бомбочекъ.

За то на Кавказѣ дѣйствія были вполнѣ успѣшны, мы отбили турокъ въ Приморскомъ направленіи, прорвали центръ турецкой арміи и докатились до Эрзерумскихъ фортвъ, захвативъ много орудій и свыше 3.000 плѣнныхъ, взяли Кумъ-Кале, разбили турокъ въ Мелязгертскомъ направленіи и къ югу отъ оз. Урмія.

Наши миноносцы уничтожили 203 турецкихъ парусниковъ у береговъ Анатолиі.

16—18 января. На Крещенье въ г. Юрьевѣ былъ маскарадъ, на которомъ былъ юноша въ германской каскѣ. Этотъ юноша удостоенъ былъ призомъ серебрянымъ кубкомъ ¹⁾. Вотъ какъ любятъ г.г. прибалтійцы прусскую каску.

Интересный разсказъ приводитъ наша сестра милосердія, бывшая въ германскомъ плѣну:

„Насъ изрѣдка командировали въ Варшаву за разными вещами для лазарета, и мы тамъ покупали. Одинъ разъ мы были тамъ свидѣтельницами тяжелой, но въ то же время сердечной картины. По улицамъ Варшавы вели двухъ нашихъ казаковъ, сильно израненныхъ, и вся рѣшительно публика забрасывала ихъ, кто деньгами, кто цвѣтами, не обращая вниманія на конвойныхъ, которые, видя общее сочувствіе мѣстнаго населенія, шли понура голову, и только

1) „Нов. Вр.“ 16 января с. г.

Торопили нашихъ несчастныхъ плѣнниковъ подвигаться скорѣе...“ 1).

Изъ дѣйствующей арміи идутъ неизмѣнныя сѣтованія о недостаткѣ чтенія и для офицеровъ, и для солдатъ.

19 января. Усиленныя движенія грузовъ во время войны создали на нѣкоторыхъ узловыхъ пунктахъ желѣзныхъ дорогъ такое скопленіе вагоновъ, которое грозило страшнымъ заторомъ всего желѣзно-дорожнаго движенія.

„Русское Слово“ 2) въ интересной корреспонденціи г. Вилли передаетъ, какъ съ этимъ страшнымъ, надвигавшимся зломъ справились наши инженеры—Б. Д. Воскресенскій и его даровитые помощники:

„Московско-Курскяя дорога—едва-ли не главѣйшая соединительная линія между Югомъ, хлѣбнымъ и горно-промышленнымъ, и райономъ Москва—Петроградъ. Узлы этой дороги Курскъ и Орель принимаютъ движущіеся на сѣверъ потоки съ дорогъ: Южныхъ, Донецкой, Риго-Орловской и Юго-Восточныхъ.

Донецкій угольный бассейнъ, пшеничная область Дона, сахарозаводческая Украина, рыбный Каспій, соленыя озера царицынскаго района гнали потоки своихъ огромныхъ избытковъ по этой желѣзнодорожной артеріи въ Москву и Петроградъ.

На узлы Курскъ и Орель пала тяжкая желѣзнодорожная работа—сортировать, комбинировать поѣзда и пропускать всѣ эти лившіеся на сѣверъ вагонные потоки.

Кое-какъ функционирующіе и въ мирное время, эти узлы не выдержали великихъ испытаній, наложенныхъ войной. Работа оказалась не подъ силу. Прибывшіе поѣзда простаивали на узлахъ по 25 часовъ. Агенты выбивались изъ силъ, мечась, какъ угорѣлые, по безконечнымъ запаснымъ путямъ, куда ежедневно забивались, гдѣ застывали грузы, и „мертвѣли“ новыя и новыя сотни вагоновъ. Заторы росли.

Вокругъ узловъ разстилались моря забитыхъ вагоновъ, разобрать которые становилось труднѣе съ каждымъ днемъ. Еще недѣля-другая,—и оба узла, казалось, будутъ закупорены.

1) „Нов. Вр.“, 15 января с. г.

2) „Русск. Сл.“, 19 января с. г.

рены навѣки. Всѣ пути превратятся въ кладбище „мертвыхъ“ вагоновъ, и Московско-Курская дорога перестанетъ существовать.

Состояніе Московско-Курской дороги было не исключительнымъ.

Почти въ томъ же положеніи находились всѣ тѣ желѣзныя артеріи, съѣтъ которыхъ разносила по тѣлу страны живительные потоки вагоновъ.

Артеріи нѣмѣли. Приближалась роковая атрофія сосудовъ, грозящая параличомъ всякому живому организму.

Вотъ въ это страшное для страны время, лишь первые пароксизмы котораго волновали умы и желудки Москвы и Петрограда, группа инженеровъ Южныхъ дорогъ создала и провела въ жизнь идею „уплотненія“. Начальникъ Южныхъ дорогъ Б. Д. Воскресенскій и его ближайшій сотрудникъ С. К. Кудреватовъ—создатели этой идеи—сумѣли организовать вокругъ себя ту фанатическую группу „учениковъ“, безъ которой мертва для жизни всякая идея.

Тѣ отдались ей съ жаромъ истинныхъ „учениковъ“.

И Южнымъ дорогамъ выпала на долю великая историческая миссія—первымъ изъ всѣхъ російскихъ дорогъ возстать съ смертнаго одра.

Первые мѣсяцы воскрешенія дорогъ дали слѣдующіе разительные результаты:

Южныя дороги, при составѣ въ 31.000 вагоновъ, едва ли не острѣе всѣхъ чувствовавшія вагонный голодъ, вдругъ разгрузились... и захлебнулись отъ избытка вагоновъ.

У нихъ оказалось свободныхъ и совершенно лишнихъ для собственной надобности 10.000 вагоновъ.

Цѣлая треть вагоннаго состава оказалась излишней для дороги, всего за нѣсколько недѣль до этого не имѣвшей ни одного свободного вагона. Дорога прекрасно обходилась, не испытывая ни малѣйшихъ затрудненій, съ двумя третями прежняго состава.

Кризисъ Петрограда и Москвы продиктовалъ правительству счастливую идею—поручить Б. Д. Воскресенскому расчислить Московско-Курскую дорогу и зарядить топливомъ и продуктами Петроградъ.

Передъ забитыми и омертвѣвшими узлами Курскомъ и Орломъ, которые были уже на границѣ полнаго паралича, стала поистинѣ непосильная задача: 1) начать пропускъ тѣхъ грандіозныхъ угольныхъ потоковъ, которымъ предназначено устремиться изъ Донецкаго бассейна на сѣверъ,

и 2) пропустить на югъ тотъ безконечный потокъ порожнихъ вагоновъ, который скопился въ Петроградѣ и по Николаевской дорогѣ.

Противники идеи заранѣе торжествовали.

Справиться съ „мертвымъ“ Курскомъ либо осушить „затопленный“ Орель представлялось смѣлой фантазіей мечтателя.

Воскресенскій осмотрѣлъ роковые узлы и сказалъ: „Справлюсь“.

Отрядъ инженеровъ и другихъ желѣзно-дорожныхъ агентовъ Южныхъ дорогъ былъ командированъ въ Орель и Курскъ. Имъ поручено было не только пропустить черезъ „мертвые“ узлы угольные потоки, но и „разсосать“ самые узлы.

Вотъ имена этихъ агентовъ: В. С. Сотниксвъ, В. А. Прокоповичъ, Я. М. Олейниковъ, И. О. Алексѣевъ, Л. А. Америковъ, И. К. Серафимовъ, А. А. Раевичъ, В. М. Ревенко и С. И. Яковлевъ.

Агенты приступили къ работѣ. Черезъ 5 дней показались головы мощныхъ 50—60-ти вагонныхъ потоковъ чернаго золота. А уже черезъ 7 дней, когда „черная гусеница“ (желѣзнодорожное техническое выраженіе) правильными ритмическими кольцами протянулась отъ Донецкаго бассейна до Петрограда, широкое поле рельсовъ на курскомъ и орловскомъ узлахъ обнажилось. Невѣдомо куда исчезли тѣ тучи вагоновъ, которыя окружали станцію. Пути были свободны.

Какъ же произошло это желѣзнодорожное чудо, въ которое до сихъ поръ не могутъ повѣрить желѣзнодорожные классики?

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было при усилившемся въ нѣсколько разъ движеніи осушить тѣ моря вагоновъ, которыя непрерывно накапливались при слабомъ и все слабѣвшемъ движеніи?

Узлы не вмѣщали. Узлы не проускали. И вдругъ не только пропустили, но и вытолкнули тотъ непролазный вагонный хаосъ, который одинъ для расчистки требовалъ не недѣли, а мѣсяцевъ непосильнаго труда всей станціи до послѣдняго человѣка. Отвѣтъ на это одинъ:

— Узлы излѣчила „идея“.

Пусть это желѣзнодорожная и техническая спеціальность, но желѣзныя дороги стали слишкомъ острымъ вопросомъ для Россіи, чтобы общество имѣло право отмахнуться

отъ знакомства со спеціальностью. Мы слишкомъ долго отмахивались отъ реальностей, слишкомъ много уходили въ исканіе безплотныхъ, духовныхъ цѣнностей. Познакомимся хоть на этотъ разъ съ реальной практической идеей, тѣмъ болѣе что она, какъ мы увидимъ воочію, далеко не такъ суха и не такъ даже спеціальна, какъ это кажется нашему тонкому эстетическому уху.

Удивительная переоцѣнка расположенія къ Россіи славянскихъ народовъ произошла въ текущую войну. Куда улетѣли мечты славянофиловъ о томъ, что австрійскіе славяне не будутъ сражаться противъ русскихъ и класть передъ нами оружія. Особенно при перетвореніи австрійской арміи въ германскую—стали и славяне люто сражаться противъ насъ. Передаютъ, что отлично дерутся противъ насъ Чехи. Иллюзіи славянофильства разсѣялись какъ дымъ. Болгары покрыли себя несмываемымъ позоромъ, черногорцы не поддержали своей прежней репутаціи и некорректно пригнулись подъ пяту швабовъ и тевтоновъ. Осталась только одна героическая Сербія въ полномъ ореолѣ служенія славянской идеѣ. Несмотря на то, что Сербія, какъ страна завоеванная, опозорена швабо-тевтоно-болгарами, которые, отгѣснивъ превосходными силами сербскую армію, не могли ее уничтожить. И эта сербская армія въ предстоящемъ наступленіи союзниковъ на Балканскомъ полуостровѣ, по нашему мнѣнію, совершитъ великую роль. Она вдохнетъ свой могучій духъ въ войска генерала Сарраля и поведетъ ихъ къ несомнѣннымъ побѣдамъ.

Этотъ могучій духъ живетъ въ каждомъ Сербѣ, онъ его одухотворяетъ и совсѣмъ перерождаетъ. Это перерожденіе свершается не съ одними только Сербами, но и съ сербскимъ женщинами. Петроградскому обывателю пришлось слышать рассказы одной молодой сербской сестры милосердія, замѣчательной красавицы. Какъ перерождалось ея дивное личико, какъ сверкали брызгами ея глаза, какъ она мгновенно еще молодѣла и становилась красивѣй и красивѣй, когда говорила про свою страну, про ея страданія и про доблесть своей арміи.

19 января. Передаютъ, что американцы, стремясь къ усовершенствованію своего флота, въ одномъ изъ проэктовъ предлагаютъ создать боевой сверхъ-дредноутъ такого типа, чтобы это было среднее между подводной лодкой и дредноутомъ, т. е. будетъ имѣть малую видимость и уничтожать ея недостатки. Судно это будетъ имѣть громадную скорость хода, значительное количество минныхъ аппаратовъ, крупную артиллерію и будетъ имѣть характеръ полуподводнаго.

20—29 января. Былъ на концертъ въ лазаретъ Волжско-Камскаго банка, помѣщающемся на Садовой въ зданіи Николаевской Инженерной академіи въ томъ домѣ, гдѣ жилъ графъ Милютинъ. Служащимъ этого банка пришла прекрасная мысль устроить лазаретъ исключительно для контуженныхъ со всѣми новѣйшими приспособленіями для леченія.

Изъ личнаго персонала лазарета, на взглядъ петроградскаго обывателя, особымъ расположеніемъ больныхъ пользовались врачъ кн. Чегодаева и сестры Иванова, Арнгольдъ и Яковлева.

Латышка сестра Арнгольдъ была инициаторшей и устройтельницей концерта. Концертъ былъ организованъ замѣчательно интересно, а исполненіе было прямо блестяще. Кого только тутъ не было: пѣвцы и пѣвицы, пианисты и пианистки, скрипачки, артистки балета, а также виртуозная исполнительница музыкальныхъ произведеній свистомъ на губахъ.

Всѣ исполнители доставили больнымъ и всѣмъ присутствующимъ истинное художественное наслажденіе.

Имена этихъ артистическихъ исполнительницъ и исполнителей слѣдующія: Андреевъ (теноръ), Арнгольдъ (скрипка), Артамоновъ (теноръ), Висковатова (скрипка), Каринская (пѣвица), Лассъ, Марти (сопрано), Пантелѣевъ (баритонъ), Шаварскій (теноръ), Фокина (балерина) и др.

На Петроградскаго обывателя болѣе всего произвели впечатлѣніе: драматическій баритонъ артиста музыкальной драмы Пантелѣева, артистически исполнившаго аріи изъ Хованщины, Демона, Лакмэ, романса Чайковскаго и Рахманинова, а также колоратурное сопрано г. Марти,

чудно воспроизводящей арію изъ оп. Тоска, романсы Рах-манинова и Гліера.

Пріѣхавшая съ театра военныхъ дѣйствій въ Сербіи, уроженка Сербіи, рассказывала, что въ одномъ изъ Сербскихъ городовъ при занятіи его непріателемъ господа болгары, германцы и швабы устраивали по улицамъ города слѣдующія, увеселяющія ихъ подлѣя души развлечения. Отъ одной стѣны улицы до другой эти негодяи протягивали веревку, какъ у насъ дѣлаютъ при украшеніи улицъ флагами и фонариками, а вмѣсто флаговъ и фонариковъ вѣшали трупики сербскихъ маленькихъ дѣтей.

Назначенъ новый предсѣдатель Совѣта Министровъ гофмейстеръ Борисъ Владиміровичъ Штюрмеръ

Приводимъ крайне поучительную и интересную статью Новаго Времени ¹⁾ о закрытомъ недавно „Союзѣ евангелическо-лютеранскихъ и реформатскихъ юношей въ Россіи“. Союзъ этотъ, основанный въ 1910 году сенаторомъ графомъ К. К. Паленемъ и пасторомъ Финдейзеномъ и объединившій цѣлый рядъ отдѣльныхъ обществъ, разбросанныхъ широкой стѣтью по всей Россіи отъ Благовѣщенска до Митавы, Вильны и Одессы, является филиальнымъ отдѣленіемъ міровой организаци „Всемирнаго союза обществъ юношей“, имѣющей свою резиденцію въ Швейцаріи. Какъ видно изъ отчета 1911 г., къ всемірному союзу примкнуло 11 русскихъ обществъ и 84 финляндскихъ, но есть основанія думать, что именно за послѣдніе годы число обществъ, вошедшихъ въ международный союзъ, значительно увеличилось. Представителемъ въ этомъ комитетѣ всемірнаго союза отъ Россіи состоитъ сенаторъ графъ К. К. Паленъ, а отъ Финляндіи отдѣльно проф. А. Гельтъ. На присоединеніе русскихъ обществъ къ союзу и на представительство ихъ въ женевскомъ комитетѣ разрѣшенія въ законномъ порядкѣ не испрашивалось. Въ упомянутомъ отчетномъ году въ составѣ союза значилось всего 8.348 обществъ съ

¹⁾ Нов. Вр. 20 Апр. 1916 г.

896.747 членами и имуществомъ около двухъ миллиардовъ франковъ.

Цѣль всемірнаго союза молодыхъ людей по уставу его возвышенная и въ высшей степени симпатичная. Она заключается въ предохраненіи членовъ его отъ опасныхъ для нравственности вліяній и въ содѣйствіи ихъ религіозно-нравственному и умственному развитію. Способами же достиженія указанной цѣли признается изученіе Священнаго писанія и совмѣстное чтеніе его, бесѣды, лекціи, чтеніе назидательныхъ книгъ религіозно-нравственнаго и общеобразовательнаго содержанія, музыка, сообщеніе разныхъ полезныхъ свѣдѣній, а также физическія упражненія и экскурсіи. Въ этихъ видахъ во многихъ городахъ союзомъ содержатся учрежденія, которыя могли бы замѣнять или дополнять молодымъ людямъ семейный очагъ, споспѣшествуя самообразованію, разумнымъ развлеченіямъ, отвлекая ихъ отъ бессмысленнаго прожиганія свободнаго времени и отъ соблазновъ разврата. Организациа отдѣльныхъ обществъ во многихъ случаяхъ имѣетъ военный характеръ, выработавшійся на почвѣ гимнастическихъ упражненій и экскурсіи. Такъ, напримѣръ, въ Геттингенѣ весною 1911 г. устроены были военные маневры подѣ управленіемъ офицеровъ дѣйствительной службы. Такіе же маневры, подѣ наименованіемъ военныхъ игръ (Kriegsspiele), производятся почти всюду, особенно въ Германіи, гдѣ общества юношей получили весьма стройную и сильную организациу.

Однако наравнѣ со столь полезной и симпатичной дѣятельностью союза всѣ организации его болѣе или менѣе замѣтно служатъ еще побочнымъ, скрытымъ цѣлямъ, состоящимъ въ пропагандѣ идеи пангерманизма и въ поддержаніи связи съ духовнымъ „фатерландомъ“. Задачи эти достигаются въ весьма гибкихъ и разнообразныхъ формахъ. Тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Южной Америкѣ, нѣмецкое населеніе рѣдко и, вслѣдствіе слишкомъ большой племенной и религіозной разницы, стоитъ среди коренныхъ народностей совершенно изолированнымъ, союзъ не задается иными цѣлями, какъ только организацией и сплоченіемъ разбросанныхъ по всей странѣ Нѣмцевъ. Тамъ же, гдѣ высокая и крѣпкая культура народа-хозяина, какъ въ Англии и С. Америкѣ, создаетъ соблазнъ сліянія Нѣмцевъ съ окружающей ихъ средой, задачи союза прежде всего клонятся къ сохраненію ихъ національнаго самосознанія и къ поддержанію среди нихъ духовной связи съ Германіей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако въ этихъ странахъ, особенно же въ экзотическихъ колоніяхъ Англій, гдѣ въ англійской расѣ чувствуются извѣстное пресыщенное переутомленіе, какъ результатъ интенсивной аристократической культуры, и вслѣдствіе этого нѣкоторое пренебреженіе къ своимъ интересамъ, союзъ оказываетъ и всемѣрное содѣйствіе къ экономическому захвату страны Нѣмцами, преимущественно путемъ поставки клерковъ въ торговыя фирмы. Въ странахъ, наконецъ, признающихъ гегемонію германской культуры, какъ въ Голландіи, Давіи, Швеціи, Норвегіи и отчасти Финляндіи, задачи союза значительно расширяются и помимо стремленія къ объединенію самихъ Нѣмцевъ и экономическимъ захватамъ, выражаются въ упорной работѣ по распространенію пангерманскихъ идей и германизациі народовъ-хозяевъ, подразумѣвая подъ послѣдней конечно не превращеніе Голландцевъ или Датчанъ въ Нѣмцевъ, но подчиненіе ихъ духу германской культуры и воспитаніе ихъ въ добровольномъ признаніи главенства ея.

Цѣли, намѣченныя союзомъ въ Россіи, смѣшанныя. Съ одной стороны они состоятъ въ прямомъ онѣмечиваніи нѣкоторыхъ народностей, какъ Эстовъ и Латышей, съ другой въ насажденіи германской культуры, какъ въ Финляндіи, съ третьей наконецъ въ захватѣ экономической, а черезъ нее и политической власти. Кромѣ того союзъ преслѣдуетъ у насъ конечно и объединеніе и сплоченіе самихъ Нѣмцевъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ подданныхъ. Первые общества юношей были у насъ основаны въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Москвѣ и въ Митавѣ. Два изъ нихъ учреждены въ восьмидесятыхъ годахъ въ Ригѣ и въ Юрьевѣ. Но пока не существовало всемірной организациі союза, дѣло видимо подвигалось туго. Зато съ началомъ нынѣшняго вѣка общества посыпались какъ изъ рога изобилія, покрывъ широкой сѣтью преимущественно Финляндію, Прибалтійскій край и Царство Польское и выдвинувъ свои форпосты въ Одессу, на Кавказъ и даже въ Амурскую область. Объединеніе въ особый руссійскій союзъ произошло, какъ уже сказано, въ 1910 г. Но судя по тому, что первое общее собраніе союза, состоявшееся въ Ревелѣ, въ нѣмецкомъ текстѣ его программы названо девятой конференціей, можно думать, что скрытое объединеніе отдѣльныхъ обществъ свершилось уже значительно раньше. Восемь предыдущихъ конференцій собирались въ теченіе 1896—1910 годовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края,

а одна въ Москвѣ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ предсѣдательствовали гр. Паленъ. Но предсѣдателемъ перваго собранія союза, хотя дѣлопроизводство его и должно вестись на государственномъ языкѣ, былъ избранъ пасторъ Ганъ, совершенно не понимающій русскаго языка, и замѣна его другимъ лицомъ состоялась лишь по требованію правительственной власти. На собраніи присутствовалъ секретарь всемірнаго союза юношей Хр. Фильдіусъ, хотя уставомъ русскаго союза и не разрѣшается общеніе его съ однородными заграничными организаціями. Въ первый же день собранія была послана поздравительная телеграмма въ Нюрнбергъ открывшейся тамъ одновременно конференціи нѣмецкаго національнаго общества юношей.

Германофильствующій характеръ евангелическихъ обществъ сказывается, не смотря на ихъ международную вывѣску, повсюду. Одесское общество, борясь съ обрусительнымъ вліяніемъ среды, дѣлаетъ особое постановленіе о помѣщеніи въ собраніи общества объявленія, предписывающаго разговаривать лишь на нѣмецкомъ языкѣ. Петроградское общество неоднократно приглашало для лекцій инспектора берлинской городской миссіи Лессера, устраивало сборъ на нужды лейпцигской миссіи, привлекало къ участию въ увеселительной программѣ преимущественно иностранныя силы. Характеръ устраивавшихся обществомъ чтеній, бесѣдъ и прочихъ сборищъ носилъ преимущественно тенденціозно-нѣмецкій оттѣнокъ.

Произведенная въ 1914 г. ревизія этого общества обнаружила, что бібліотека его содержитъ книги главнымъ образомъ нѣмецко-патріотическаго направленія, изъ нихъ нѣкоторыя явно враждебной Россіи тенденціи. Журналь, издаваемый обществомъ, ни единымъ словомъ не обмолвился по поводу нынѣшней войны. Требованіе устава о веденіи дѣлопроизводства на государственномъ языкѣ не соблюдалось и принимались лишь мѣры къ его фиктивному удовлетворенію. Языкомъ собраній, докладовъ и т. п. былъ исключительно языкъ нѣмецкій, несмотря на то, что въ числѣ участниковъ было не мало Эстовъ и Латышей, которые, однако, по характерному отзыву предсѣдателя должны быть достаточно знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ, какъ литературнымъ языкомъ культурнаго народа, принятымъ въ Россіи въ высшихъ учрежденіяхъ протестантской церкви. Исключенія изъ общества подданныхъ враждебныхъ

державъ вовсе не было произведено, а постановленіе о „выбытіи“ ихъ послѣдовало лишь во время ревизіи.

Генеральнымъ секретаремъ общества состоялъ швейцарскій гражданинъ Шопъ, на обязанности котораго лежалъ и объѣздъ всѣхъ обществъ союза съ цѣлью агитаціи и пропаганды.

Въ числѣ пожизненныхъ членовъ общества состоитъ одинъ анонимъ (NN), а среди пожертвованій значатся весьма крупныя суммы (напр. 10.000 руб.) отъ неизвѣстныхъ, что даетъ основанія предполагать, что общество пользовалось субсидіями изъ источниковъ, неудобныхъ къ огласкѣ. Въ закрытомъ по требованію коменданта ревелскомъ обществѣ происходили событія уже явно компрометирующаго характера. Въ одномъ изъ евангелическихъ пристанищъ, имѣющихъ связь съ этимъ обществомъ, скрыто было послѣ начала войны пребываніе германскаго подданнаго и допущено жительство другого, занимавшагося шпионажемъ, въ верхнемъ этажѣ зданія, окна котораго выходятъ на море,

Надо однако отдать справедливость заправиламъ союза, что насколько его тяготѣніе къ Германіи и равнодушіе, если не враждебность къ Россіи, были явными, настолько же они были неуловимыми въ уголовномъ смыслѣ для государственной власти. Если не всё, то большинство его начинаній прикрывались надлежащими разрѣшеніями и пользовались покровительствомъ могущественныхъ лицъ. Такъ напримѣръ, союзъ съ самаго своего возникновенія придавалъ особое значеніе привлеченію въ свои нѣдра солдатъ. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ еще на первомъ собраніи союза въ Ревелѣ, но нѣкоторые члены по этому поводу указали, что привлеченіе солдатъ и матросовъ представляетъ на практикѣ значительное затрудненіе за несогласіемъ на это ихъ военнаго начальства. На это однако послѣдовало возраженіе со стороны одного изъ представителей петроградскаго общества, заявившаго, что въ Петроградѣ солдаты-протестанты собираются въ обществѣ каждое воскресенье съ разрѣшенія покойнаго помощника начальника округа ген. Газенкампа и что тамъ, гдѣ мѣстное начальство не даетъ подобныхъ разрѣшеній, слѣдуетъ обращаться съ жалобами непосредственно въ высшія сферы.

Неуловимость скрытыхъ тенденцій союза является впрочемъ характерной чертой всѣхъ организацій, преслѣдующихъ цѣли, предначертанныя всенѣмецкимъ союзомъ. Недаромъ въ уставѣ этого высшаго и руководящаго органа

пангерманской пропаганды красуется положеніе, въ силу котораго во внѣгерманскихъ странахъ члены союза могутъ собираться „въ другихъ формахъ и какъ бы для осуществленія иныхъ цѣлей“, маскируя такимъ образомъ свое родство и связь съ союзомъ.

При такихъ условіяхъ можно только привѣтствовать рѣшимость нашего правительства наконецъ покончить съ существованіемъ этого зловреднаго союза. Слѣдуетъ также надѣяться, что на опасность его дѣятельности обратитъ надлежащее вниманіе и наша союзница Англія, въ которой подпольная дѣятельность Нѣмцевъ развита не менѣе, чѣмъ у насъ“.

При чтеніи вышеприведенной статьи петроградскаго обывателя преслѣдуетъ неотвязчивая мысль, какъ могъ возникнуть и быть узаконеннымъ и распространеннымъ почти до милліона сочленовъ такой союзъ. И ему кажется, что отвѣтъ долженъ быть такой — „только при могущественномъ содѣйствіи г.г. прибалтійцевъ“. Думается, что ежели у насъ тщательно копнуть различныя якобы спортивные общества, то пожалуй къ указанному выше союзу присоединится еще не мало сочленовъ.

Во время войны, когда желѣзнодорожные пути и узлы отъ необычнаго движенія грузовъ забивались вагонами, образовались ужасающіе заторы вагоновъ и когда этому злу стали усиленно способствовать злоупотребленія желѣзнодорожныхъ агентовъ и грузоотправителей, тогда только рѣшились желѣзнодорожныя власти принять рѣшительныя мѣры къ устраненію этого страшнаго зла.

Они рѣшили привлечь для этой цѣли дивную голову путейскаго инженера Б. Д. Воскресенскаго и его помощниковъ, сначала для разгрузки пробокъ въ Орлѣ и Курскѣ, какъ это у насъ было отмѣчено много разъ. Сущность этой „революціи на рельсахъ“, прекрасно изложенная въ статьяхъ г. Вилли въ „Русскомъ Словѣ“, заключалась въ слѣдующемъ: 1) увеличеніи числа товарныхъ вагоновъ въ поѣздѣ, 2) постановкѣ оставшихся на узловыхъ станціяхъ вагоновъ по порядку прибытія, на запасныхъ путяхъ опредѣленнаго направленія, 3) быстрой починкѣ вагоновъ поѣзда не въ мастерскихъ, а на рельсахъ, во время стоянки поѣзда на станціи и выполненія въ это время всѣхъ желѣзнодорожныхъ манипуляцій.

Оказалось, что наши паровозы серіи О возили только 51 т. пуд., а паровозы серіи Ц до 62 т. пудовъ. Воскресен-

скій находилъ, что это мало и въ первомъ случаѣ уплотнилъ поѣзда до 61 т. пуд. и во второмъ до 75 т. пуд., прицѣпляя на особенно тяжелыхъ подъемахъ особыя запасныя паровозы толкачи, которые сзади подталкивали утяжеленный поѣздъ и затѣмъ его оставляли и дожидались въ извѣстномъ мѣстѣ слѣдующаго поѣзда. Одна эта мѣра могла доставить нашей сѣти дорогъ 150 т. вагоновъ.

Второй капитальнѣйшій непорядокъ былъ устраненъ талантливыѣшими инженерами такимъ образомъ: извѣстно, что вагоны каждаго поѣзда распределяются въ порядкѣ станцій назначенія. Вагоны, назначенныя на ближайшія станціи, идутъ въ головѣ, и по прибытіи на станцію паровозъ отводитъ вагоны, предназначенныя на эти станціи, на запасный путь и, взявъ на станціи уже груженые вагоны и поставивъ ихъ въ свои мѣста, слѣдуетъ съ остальными далѣе по назначенію. По принятымъ на желѣзнодорожной службѣ порядкамъ на узловой станціи должно было находиться такое число вагонныхъ парковъ, которое соответствовало количеству направленія путей отъ узла. Каждый поѣздъ обрабатывался въ томъ паркѣ, который соответствовалъ тому направленію, въ которомъ долженъ слѣдовать отъ узловой станціи. Когда поѣздъ отправлялся со станціи, то въ покинутомъ имъ паркѣ оставались вагоны всѣхъ остальныхъ направленій, которые особый маневренный поѣздъ долженъ былъ перевести въ остальные парки. Въ мирное время такая обработка была возможна, а въ военное время разобрать по своимъ паркамъ вагоны было очень трудно, а зачастую почти невозможно, и на узловыхъ станціяхъ парки такъ забивались вагонами, что они стояли по нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда и представлялось широкое поле для аппетитовъ не лояльныхъ желѣзнодорожныхъ агентовъ и товароотправителей. Такова главная причина желѣзнодорожныхъ пробокъ въ узловыхъ станціяхъ. Это событіе больно отозвалось по всей Руси. Казалось, что этихъ залежей грузовъ не представится возможнымъ устранить. Талантливые инженеры разрѣшили дѣло разгрузки на узловыхъ станціяхъ очень просто.

Вмѣсто цѣлыхъ парковъ, реформаторы отвели лишь по одному запасному пути для каждаго направленія.

Прибывая съ поѣздомъ на станцію, паровозъ отцѣплялъ головные вагоны, назначенныя по другимъ направленіямъ, и бросалъ каждый вагонъ на тотъ запасный путь, который соответствовалъ его направленію.

Вмѣсто безпорядочно загроможденныхъ парковъ, получились отдѣльныя цѣпи вагоновъ, сразу же организованныхъ для каждаго направленія.

На запасномъ пути, отведенномъ для направленія А, накопились лишь вагоны направленія А. На пути Б—только вагоны Б и т. д.

Когда число вагоновъ, скопившихся на запасномъ пути какого-нибудь направленія, достигало цифры, достаточной для состава поѣзда, къ вагонной цѣпи подставлялся паровозъ и увозилъ со станціи накопившіеся вагоны по назначенному направленію.

Вмѣсто хаоса, на станціяхъ водарился строгій и образцовый порядокъ, тѣмъ болѣе идеальный, что онъ является необходимо-принудительнымъ даже для лѣнтяевъ.

Вся работа по распредѣленію отпѣляемыхъ вагоновъ, которую любой начальникъ станціи могъ отложить на неопредѣленное время, теперь необходимо должна была выполняться въ промежуткѣ между приходомъ и уходомъ каждаго поѣзда, причѣмъ всю эту работу выполнялъ паровозъ пришедшаго поѣзда, а не спеціальнѣй маневровый паровозъ.

Для всякаго, даже не спеціалиста, ясно, какую колоссальную роль въ упорядоченіи станціонной работы сыграла эта простая рѣшительная мѣра, которая является лишь первымъ шагомъ по уплотненію станцій.

Называется это на техническомъ желѣзнодорожномъ языкѣ „сокращеніемъ фронта“.

Выполненіе искусно задуманной разгрузки парковъ повело къ рѣшенію третьей задачи. Всѣ манипуляціи желѣзнодорожныхъ агентовъ стали производиться не послѣдовательно, какъ прежде, а одновременно.

По новымъ порядкамъ ремонтъ поѣзда сталъ производиться на глазахъ технического осмотра, причѣмъ вагонъ оставался въ поѣздѣ. Организованы были лучшія мастерскія со всѣми приспособленіями, которыя со своими рабочими тутъ же исправляли испорченный вагонъ.

Эта мѣра полной поправки поѣзда составляла при новомъ способѣ около 2 часовъ, тогда какъ прежде она доходила до 6 часовъ, что можетъ составлять экономію ежедневно по всей Россіи до 120 т. вагоновъ.

Списываніе поѣзда въ натурную книжку, отборка документовъ и запись ихъ по передаточнымъ вѣдомостямъ, составленіе техническихъ вѣдомостей, техническій осмотръ

и ремонтъ поѣзда,—всѣ эти операціи начинались въ тотъ самый моментъ, когда поѣздъ подходилъ къ станціи.

На каждую работу было дано строго опредѣленное количество времени: 10, 15, 30 минутъ.

Каждое замедленіе работы отдѣльнаго агента отмѣчалось, и отъ агента требовалось объясненіе причинъ задержки.

Въ этой комбинированной цѣпи станціонныхъ работъ наиболѣе крупной явилась третья реформа по техническому осмотру и ремонту поѣзда.

Обыкновенно въ нашихъ станціяхъ принять такой порядокъ:

Технической осмотръ отмѣчаетъ неисправные вагоны прибывшаго поѣзда, вагоны эти отцѣпляются и отводятся маневровымъ паровозомъ на самый дальній изъ запасныхъ путей.

Дальнѣйшій техническій осмотръ опредѣлялъ степень поврежденій вагона, иногда требующую освобожденія вагона отъ груза, послѣ чего вагонъ направлялся въ ремонтныя мастерскія. Такой выбывшій изъ строя вагонъ даже въ мирное время бездѣйствовалъ два три дня, прежде чѣмъ попадалъ въ мастерскую, гдѣ ремонтъ его отнималъ сплошь да рядомъ 15—20 минутъ времени.

Всѣ эти мѣры и отчетность по нимъ въ корнѣ разрушаютъ усмотрѣніе желѣзнодорожныхъ агентовъ и хищные аппетиты грузоотправителей. Никто не можетъ задержать вагонъ подлежащій отпавкѣ и отказать въ подачѣ свободнаго вагона.

Говорятъ, что этимъ инженерамъ поручена разгрузка московскаго и петроградскаго узла. Остается пожелать, чтобы все желѣзнодорожное движеніе пошло по новымъ, вышеприведеннымъ, путямъ.

„Великолѣпный образчикъ прежнихъ желѣзнодорожныхъ продѣлокъ открылся, по словамъ г. Вилли, при разгрузкѣ орловскаго узла комиссіей Б. Д. Воскресенскаго.

Когда очистились орловскіе желѣзнодорожные парки, на путяхъ осталось 450 груженыхъ мукой вагоновъ, съ которыми ничего нельзя было подѣлать. Часть ихъ была безъ документовъ, а другая часть имѣла рядъ странныхъ назначеній. Первоначально вагоны адресованы были на станцію „Орель-Курскій“, затѣмъ переотправлены на „Орель-Елецкій“, отсюда на „Орель-Витебскій“, затѣмъ снова на Орель-Курскій“ и т. д.

Кому принадлежали эти странные вагоны, совершавшіе

свой загадочный рейсъ вокруг Орла, въ то время, какъ въ Орлѣ былъ мучной кризисъ,—долгое время установить не удавалось. Но ясно было, что здѣсь кроется какая-то афера.

Съ товаромъ аферистовъ, загромождавшимъ пути и занимавшимъ въ нужный моментъ вагоны, поступили самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Въ одинъ день всѣ 450 вагоновъ муки были разгружены прямо на открытое мѣсто.

Стоило въ тотъ же день пойти дождю, какъ неуловимые владѣльцы муки отыскались. На хлѣбной биржѣ началась паника. Мука въ Орлѣ сразу упала съ 21 р. до 15 р. за мѣшокъ.

Въ концѣ концовъ, „отыскались“ и исчезнувшіе документы на тѣ „безпаспортные“ вагоны, которые подверглись общей участи“.

Изъ провинціи пишутъ, что деревенскія бабы теперь требуютъ въ лавкахъ не ситцы, не шерстяныя матеріи, а шелкъ и бархатъ.

Въ деревняхъ покупаютъ много сахара для изготовленія домашняго пива.

22 — 27 января. Издающаяся въ Митавѣ магистрантомъ изъ Берлина Шульманомъ нѣмецкая газета „Mitausche Zeitung“ сообщаетъ¹⁾, что въ этотъ городъ переселилось большинство помѣщиковъ Курляндской губерніи.

По словамъ корреспондента изъ Риги²⁾ настроеніе тамошнихъ нѣмцевъ изображается такъ:

„Настроеніе среди мѣстныхъ нѣмцевъ замѣтно упало. Какъ-то я встрѣтилъ мѣстнаго барона. Осунулся, похудѣлъ. „Они все сидятъ... Наши дѣла поправились“. Но въ голосѣ слышится глубокая скорбь. А Рига лучший барометръ германскихъ настроеній“.

Разсказывали про необыкновенно плодотворную работу на фронтѣ 18-го врачебнаго питательнаго отряда всероссійскаго земскаго союза, образовавшаго своими учрежде-

¹⁾ Вирж. Вѣд. 24 янв. 1916 г.

²⁾ Веч. Вр. 25 янв. 1916 г.

ніями маленькій городокъ. Тутъ находится грандіозная баня, прекрасно оборудованная, гдѣ каждому солдату земскій союзъ выдаетъ мыло, мочалку, вѣнникъ, рубашку, кальсоны и портянки, а все грязное бѣлье отсылается въ прачешныя союза. Для офицеровъ эта баня готовится по субботамъ при идеальной дезинфекціи. Во время мытья солдатскія шинели и гимнастерки тщательно дезинфекцируются отъ наѣдомыхъ. Послѣ бани солдатки, въ тепломъ помѣщеніи, угощаются чаемъ. Земскій союзъ выдаетъ чай, сахаръ и хлѣбъ вволю. Тутъ же парикмахерская и лавочка со всѣми вещами солдатскаго обихода по небывало дешевой цѣнѣ.

Передаютъ, что одинъ изъ французскихъ летчиковъ совершилъ недавно чрезвычайно смѣлый подвигъ, за который получилъ военный крестъ и былъ упомянутъ въ приказѣ по арміи. Летая на двухмѣстномъ бипланѣ, онъ изъ-за тумана по ошибкѣ спустился позади нѣмецкихъ линій. Германцы обезоружили его, затѣмъ посадили обратно на его мѣсто, сзади же сѣлъ германскій офицеръ, который, приставивъ къ затылку револьверъ, потребовалъ, чтобы тотъ летѣлъ надъ французскими линіями. Нѣмцы рассчитывали на удачную развѣдку, ибо французы, конечно, не стали бы стрѣлять по своему аппарату. Однако, летчикъ, оказавшись надъ французскими линіями, внезапно сдѣлалъ мертвую петлю. Нѣмецкій офицеръ, не привязанный къ сидѣнью, выпалъ изъ аппарата и разбился на смерть.

27 января былъ на сообщеніи Бориса Андреевича Вилькицкаго, извѣстнаго изслѣдователя морскаго пути изъ Владивостока до Архангельска. Сообщение происходило въ огромномъ залѣ 2-й гимназіи Императора Александра I, заполненномъ до крайности публикой. Молодой, энергичный, красивый, выдающейся скромности, лекторъ съ особымъ тактомъ изложилъ свое высокоинтересное слѣшкомъ 14-мѣсячное плаваніе на судахъ Таймыръ и Вайгачъ изъ Владивостока (24 іюня 1914 г.) въ Архангельскъ (3 сентября 1915 г.). Болѣе половины пути до мыса Челюстинки пройдено экспедиціей въ 12 дней и попытки дальнѣйшаго движенія къ Карскому морю въ виду сплошныхъ льдовъ стали невозможны. Стали развиваться страшныя бури, дви-

жущіеся льды сжимали суда, и приходилось принимать мѣры на случай ихъ гибели. Эти крайне драматическія положенія экспедиціи особенно удались лектору. По составленіи описанія береговъ, новооткрытыхъ въ прошлую экспедицію Б. А. Вилькицкаго земли Императора Николая II и острова Цесаревича Алексѣя, суда экспедиціи ушли на зимовку въ заливъ барона Толя, подготовивъ базу на берегу. Описаніе 103 дней полярной ночи и затѣмъ 120 дней не заходящаго солнца во многомъ напоминали знаменитое описаніе Нансена. Зимовавшій на „Эклипсъ“ спутникъ Нансена, капитанъ Свердрупъ, направляясь по льду, посѣтилъ экспедицію во время стоянки, причемъ часть команды экспедиціи была отправлена льдомъ на „Эклипсъ“. Только 27 іюля экспедиція освободилась отъ льдовъ и лишь 3-го сентября 1910 г. прибыла въ Архангельскъ. Исслѣдованія двухъ экспедицій Вилькицкаго показали, что путь изъ Архангельска во Владивостокъ такъ преграждается льдами въ Карскомъ морѣ, что нельзя утверждать, что можно считать возможнымъ проходъ черезъ нихъ каждый годъ. Во время экспедиціи проявлена была радіо-телеграфная связь съ Петроградомъ. Шумными и продолжительными аплодисментами закончилось сообщеніе талантливаго лектора и исслѣдователя.

28—31 января. Г. Пиленко въ Новомъ Времени, въ захватывающей душу корреспонденціи, передаетъ служеніе родинѣ нашихъ тралеровъ, пренеполненныхъ высокаго героизма и мало кому извѣстное. Вотъ эта замѣчательная корреспонденція.

Кормами къ стѣнкѣ одинъ около другого стоятъ тралеры. Мрачныя и невзрачныя суденышки. По сравненію съ бронепосами—какіе-то гномы. Да, да, гномы: помните, какъ въ дѣтскихъ фееріяхъ изображаютъ маленькихъ человечковъ съ молотками за поясомъ; всѣ сѣрые, всѣ одинаковые, всѣ какіе то согнутые внизъ. Ну, какъ же тралеры не гномы? Между ними, прямо по срединѣ, стоитъ и Бѣлоснѣжка, маленькая сказочная царевна: бѣлая чья-то яхта, съ изумительными спортсменскими обводами; вдоль всего борта у нея проведена широкая зеленая полоса, которая, вмѣстѣ съ краснымъ крестомъ на трубѣ, свидѣтельствуешь о томъ, что эту игрушку милліонера нынѣ употребляютъ для перевозки раненыхъ. Оказывается, что тралеры безъ Бѣло-

спѣжки въ море не выходятъ: если, не дай Богъ, что случится, такъ возвращаться домой недосугъ, а откомандировывать никого нельзя... Вълоснѣжка подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ произошелъ взрывъ, подбираетъ раненыхъ и кладетъ ихъ на уютныя койки, прежде носившія клубменовъ.

Моросилъ мелкій, безпросвѣтный дождь. Подъ такимъ дождемъ тралеры казались еще угрюмѣе. И палуба съ потоками угольной пыли, и полуструганныя грязныя доски, которыми на зиму (для тепла) обиваютъ жилия помѣщенія, и приземистая труба, съ облупившеюся по верхнему ранту краской,—создавали впечатлѣніе неуюта, жутки, сдвинутыхъ бровей, обрывистыхъ командъ, даптовскихъ первыхъ строфъ.

И менѣе всего они, эти плотно прижавшіеся другъ къ другу братья, менѣе всего они—военныя суда, въ обычномъ представленіи профана. Ни пушекъ, ни брони, ни специфическихъ военныхъ обводовъ. Если, не зная, посмотрѣть со стороны, такъ можно ихъ скорѣе принять за большіе буксирные пароходы съ Волги: марціального ничего нѣтъ. Особенно сближаетъ именно съ буксирами—большой полуклюзь на самой кормѣ и поставленная противъ него паровая лебедка для трала. Кажется: поддѣль двѣ пары баржъ и пошелъ себѣ по плесу у Жигулей! Только андреевскій флагъ придаетъ всему какой-то загадочный, сомнѣнія внушающій отпечатокъ. Не даромъ, ой, не даромъ—на этого штатскаго господина надѣли полковничьи эполеты!.. Впечатлѣніе трагической двойственности усиливаетъ часовой, дѣлающій моему спутнику „на караулъ“. Выправки въ немъ мало. Промокшіи, скользкіи полутулупъ совсѣмъ не напоминаетъ тѣхъ лихихъ джентльменовъ, которые гуляютъ по Невскому съ георгиевской ленточкой гвардейскаго экипажа на фуражкѣ. Не то—здоровякъ-лѣсникъ изъ хорошаго имѣнія, не то взявшій позабавиться ружьемъ ополченецъ изъ совсѣмъ сѣрыхъ. Грѣшнымъ дѣломъ, мнѣ показалось, что онъ и артикуль дѣлалъ не совсѣмъ убѣжденно: такъ, молъ, разъ нужно, сдѣлаю и на караулъ. Между прочимъ... Между прочимъ, *болѣе важнымъ*... Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза... Почудилось мнѣ, или нѣтъ?... Лицо молодое, почти безусое, открытое... Но глаза!.. И странно сложенные губы, съ поперечными складками!.. И эти неожиданныя морщины справа и слѣва надъ концами бровей!.. *Этотъ* знаетъ, что такое война...

— Георгіевскій кавалеръ, — говоритъ мнѣ начальникъ партіи, проходя мимо часового.

— А отчего же у него нѣтъ ленточки?

— Ну, здѣсь на работѣ они не надѣваютъ...

И потомъ, съ почти неуловимой улыбкой:

— Да, видите ли... у насъ вѣдь нѣтъ матросовъ безъ георгіевскихъ медалей или крестовъ.

— Всѣ до одного?

— Всѣ до одного... И заслуженно... Ой, какъ заслуженно.

— А офицеры?

— Офицеры?.. Всѣ командиры тралеровъ имѣютъ золотое оружіе... Каждый сдѣлалъ какое-нибудь особенно опасное траленіе.

Для любителей приведу на справку, что георгіевскій статутъ, — а этотъ теоретическій курсъ военной храбрости не очень-то снисходителенъ къ претендующимъ на черно-оранжевую ленту, — всякій выходъ тралера на обычную работу, совершаемый иногда десятки разъ въ мѣсяцъ, считаетъ, строго говоря, дающимъ право на георгіевское оружіе. („Кто съ явной опасностью уничтожитъ непріятельское минное загражденіе“ — когда же его уничтожаютъ безъ явной опасности?). И въ этомъ нѣтъ никакого несоотвѣтствія съ тѣми колоссальными требованіями, которыя устанавливаются для другихъ видовъ оружія: если вы вдумаетесь, то поймете, что захватить стрѣляющій нѣмецкій пулеметъ отнюдь не болѣе трудно, чѣмъ обезопасить нѣмецкую мину. Мина, конечно, не дѣлаетъ никакого шума: она ничѣмъ не выдаетъ своего присутствія (до тѣхъ поръ, пока вы на ней не взлетѣли); она воплощеніе великаго врага теперешней морской войны — невидимаго, но боротся съ ней отъ этого только труднѣе.

— А что же вы называете „особенно опасными“ траленіями? Вѣдь у васъ всѣ траленія опасны?

— На очень малой глубинѣ... Или, конечно, когда нужно поднять мину на бортъ и разобрать.

— Это очень опасная работа. Вообще, непріятно имѣть дѣло съ предметомъ, способнымъ взорваться отъ простого прикосновенія. А тутъ еще обыкновенно трудно сказать, гдѣ именно и какъ именно до него нельзя дотрагиваться.

— Ой, ой, ой..

— Поднимаемъ ее изъ воды, и сейчасъ же ставимъ четырехъ матросовъ животами ее прижать, чтобы не ударились... Оно, видите ли, животомъ-то вѣрнѣе, чѣмъ какимъ-нибудь

механическимъ приспособленіемъ... Ужъ онъ стоитъ—знаеть!—аккуратно животомъ прижимаетъ.

— Ой...

— А минный офицеръ ищетъ, гдѣ и что надо сдѣлать. Сначала былъ азартъ, спортъ—кто больше разберетъ. А потомъ привыкли, втянулись. Сдѣлали такія кривыя стамесочки, чеки кустарныя. Тамъ повернуть, тамъ закрѣпить: „готово“.

— Слушайте вы его,—вмѣшался въ разговоръ мой спутникъ:—онъ вамъ расскажетъ про „кривую стамесочку“ и про „готово“. Мины теперь встрѣчаются чуть что не по типовъ: къ каждой надо подойти, какъ къ индивидуальной задачѣ. Работая, надо считаться, что запалы дѣлаются изъ страшно мягкаго металла.

— Мягкаго?

— Да, изъ очень мягкаго свинца. Толщина его стѣнки вотъ: не больше, какъ у васъ манжета. При малѣйшемъ невѣрномъ движеніи, склянка внутри разбивается... токъ... и взрывъ... Вѣстовой, принеси-ка склянку...

...Вотъ онъ, ужасный запаль—отъ котораго можетъ погибнуть цѣлый броненосецъ съ адмираломъ Макаровымъ во главѣ!.. Стеклянная трубка, тонкаго стекла, въ родѣ короткаго термометра, какіе для ваннъ употребляются... Внутри красная жидкость. На четырехъ сторонахъ прикрѣплены тонкія ленточки пробковаго слоя; перевязано аккуратно шелкомъ мѣстахъ въ десяти, одинъ около другого. Но этой охраны для хрупкаго стекла (оно вѣдь должно ломаться только тогда, когда это нужно, когда бортъ вражескаго судна сгибаетъ заключающій въ себѣ трубку свинцовый стаканъ!)—видимо, оказалось недостаточно:

— Теперь надѣваютъ еще такой резиновый чехоль. Вѣроятно, у нихъ мины-то въ собственныхъ ручкахъ повреждались!

...Аккуратный черный чехольчикъ, съ утолщенной по-кромкой.

— Посмотрите, какіе модники: подъ шагрень сдѣлано...

Дѣйствительно, совершенно ужъ не для чего,—поверхность чехла оттиснута подъ шагреневую кожу.

— Вотъ, все дѣло только въ томъ, чтобы эти трубки вывинтить. Тогда ужъ мина—мертвая.

Въ разговоръ вмѣшался офицеръ съ сосѣдняго миносца.

— Въ японскую войну выкинуло мину на берегъ. А

туть былъ казачій развѣздъ, съ урядникомъ. Сѣрье!.. При-скакаль на постъ казакъ. Нашли, молъ, японскую мину, сюда волокутъ... „Да какъ же они волокутъ?“—„Да за роги...“—Отправились мы туда—ни мины, ни развѣзда... Одиъ только поковерканная винтовки нашли... больше ничего.

— Ой...

— А другой разъ была удивительная вещь. Нашель мину провѣзжавшій хорунжій: такъ тотъ ухитрился ее все-таки обезопасить... Знаете какъ?... По-казакки... Мы глазамъ своимъ не повѣрили... Ей Богу!.. Онъ—можете себѣ представить—обрубилъ стаканы... Да!.. Каждый—шашкой подъ самый корешокъ... Вѣдь какой рубало!.. На полдюйма ошибись, ничего бы не осталось.

Мы прошли на корму: наиболѣе примѣтную ея часть составляетъ, какъ я уже сказалъ, большой, истертый, исполірованный въ долгой работѣ полуклюзъ: здѣсь пропускаютъ тральный тросъ... Больше, вѣдь, собственно никакихъ техническихъ приспособленій не требуется. Нужно только идти къ мѣстности, завѣдомо забросанной минами, и ждать: взорвется ли самъ тралеръ, или мина, попавшая подъ тросъ.

— Вотъ на этомъ самомъ тралерѣ,—сказалъ командиръ партіи,—здѣсь подъ кормой (видите, какой большой подрѣзъ сдѣланъ, чтобы безопаснѣе было?) вышла у насъ разъ исторія. Вдругъ со плюпки кричатъ: „Ваше высокоблагородіе! Подъ кормой мина!“ Я высунулся. Батюшки! Дѣйствительно: болтыхається мина. На волнѣ-то плѣшкой своей верхней о корму: тукъ-тукъ-тукъ... Сейчасъ взорвется. Скомандовалъ всей командѣ на постъ, чтобы со спокойной совѣстью на дно идти. Ждемъ... ничего... Однако, надо что-нибудь дѣлать... Машину пустить нельзя: винтъ. Думаю, попробую потянуться на якорѣ. Надежды было мало, потому что дѣшъ была раньше выбрана до отказа—совсѣмъ почти отвѣсно шла... Сдасть якорь, или забереть?... Попробовалъ потихоньку шпилемъ: слава Богу, оттянулись...

— Что же у васъ, навѣрно, спасательные приборы?

— Команда вся въ такихъ кашковыхъ курткахъ: оно и тепло, и на водѣ удержитъ. Это ужъ по закону... Ну, а офицеры—не надѣваемъ... На то и офицеры...

Онъ прищурился и подкусилъ губу.

— Да, знаете, и *не стоитъ*: особенно въ ледяной водѣ. Въ курткѣ-то еще дольше мучаться будешь. Револьверъ въ кармапѣ, вотъ и все. Мы вѣдь—клубъ самоубійць.

— Разскажите: ну какъ же происходитъ самое траленіе?

— Да, очень просто. Забираемъ все, что нужно; выходимъ въ море, опредѣляемся и начинаемъ тралить.

— Но гдѣ же именно?

— Или тамъ, гдѣ надо проходить флоту, или тамъ, гдѣ замѣчена была подозрительная дѣятельность вѣмецкихъ судовъ.

— А какъ собираютъ эти свѣдѣнія?

— Это уже дѣло штаба; я въ это, признаться, не посвященъ. Одно могу сказать: развѣдочная служба у насъ поставлена прямо поразительно! Вотъ, я вамъ разскажу. Иногда бываетъ, заберешься въ шхеры, въ самыя дикія, въ самыя пустынные шхеры; куда никто, кажется, въ жизни не ходилъ. Отстояться, тамъ, нужно, или просто покорооче пройти. Вдругъ, эдакъ, отъ берега шлюпченка голланить, подходитъ... Дѣлаетъ подъ козырекъ: „вамъ, ваше высокоблагородіе, телефонограмма“. Откроешь... и вѣдь, что удивительно:—подана всего какихъ-нибудь двадцать минутъ тому назадъ! Прямо руками разведешь... У насъ вѣдь, вообще, никакихъ адресовъ не пишется. А такъ прямо: „командиру такого-то судна“; сдашь на телефонъ и немедленно доставляютъ, когда бы онъ ни вышелъ и въ какой бы части моря ни находился. Поразительно! Если у васъ, въ Петроградѣ придешь къ чиновникамъ въ министерство, да потребуешь какую-нибудь справку: такъ, ей Богу, они въ своихъ шкапахъ бумагу ищутъ дольше, чѣмъ у насъ телефонные унтеръ-офицеры—судно въ открытомъ морѣ.

Мы прошли на бакъ.

— У насъ съ миной, точно американская дуэль: или я — ее, или она — меня. Можете себѣ представить: какая отвѣтственность готовить фарватеръ для прохода флота! Тутъ ужъ, что называется, утюжимъ море.

— Да, — улыбаясь, вставилъ другой офицеръ: — если нужно, начисто выметемъ проливъ, соринки не будетъ.

— ...Защиты отъ минъ у насъ нѣтъ почти никакой. Траль-то вѣдь идетъ сзади судна. Такимъ образомъ, самое судно завѣдомо должно идти на поле, заброшенное этими проклятыми котлами.

— Увидать, ее нельзя?

— Если освѣщеніе очень благопріятно,—очень благопріятно!—то иногда можно увидеть: мы для этого ставимъ на самомъ носу двухъ смотрѣльщиковъ. Ну, ужъ понятно... стараются: прежде всего—потому, что отъ взрыва они сами

въ первую голову летать. Ну, а кромѣ того, по статуту полагается георгиевскій крестъ, если онъ усмотритъ мину и во-время доложить. У меня бывали такіе случаи. „Право по борту мина!“ Сразу даешь полный ходъ назадъ. А команду—буквально не удержишь... Всѣ бросаются на бакъ: инстинктивное желаніе посмотрѣть опасности въ глаза. Такимъ образомъ, и свидѣтели сейчасъ же есть; тутъ же и съ крестомъ поздравляемъ. Но только это очень, очень рѣдко бываетъ. Строго говоря, идешь просто на счастье: или что мина глубже твоей осадки поставлена,—или что она пройдетъ стороной. А вѣдь часто бываетъ, что мина взрывается на тралѣ на первой же кошкѣ отъ кормы. Что это значитъ? — Это значитъ, что мина прошла въ какихъ-нибудь пяти-шести-семи футахъ отъ борта... Вотъ, такъ и ходимъ... Отъ одной увернемся, отъ другой увернемся, отъ третьей увернемся, а когда-нибудь и не увернемся.

...Тральные тросы у насъ есть разные. Одни только срываютъ мину съ якоря, а другіе ее взрываютъ. Если ищемъ новый типъ минъ, такъ употребляемъ—первые. Вдругъ поплыветъ по поверхности моря такая противная, черная точка. Посылаемъ шлюпку. Вы только подумайте: погода иногда бываетъ свѣжая; минъ-то этихъ окажется въ кучѣ штуки три; онѣ одна о другую взорваться могутъ. А тутъ еще тросъ запутается... Буйки наваливаются на эти мины: точно бирюльки разбираемъ, даже дыханіе захватываетъ. Ну, а если работаемъ прямо на взрывъ, такъ это, конечно, проще. Знаете, какъ взрывается мина? Сначала вода приподымается на довольно большомъ пространствѣ такимъ вздутиемъ, въ родѣ нарыва. А ужъ потомъ изъ середины нарыва выкидываетъ столбъ и гуль... Если траломъ удачно зацѣпишь цѣлое гнѣздо, такъ взрывы бываютъ ужасные. Мнѣ докторъ съ нашего госпитальнаго судна говорилъ: шли они на три кабельтова сзади; ахнули мы сразу три мины, должно быть, восьмипудовыя; такъ всю яхту буквально—по крайней мѣрѣ такъ докторъ сказалъ...—подкинуло на нѣсколько дюймовъ вверхъ. Немудрено, что у насъ на самыхъ тралерахъ, послѣ хорошихъ взрывовъ, въ трюмѣ течь; иллюминаторы выдавливаются; людей валить на палубу... Никогда не забуду! Разъ, подъ ночь, уже совсѣмъ кончили мы работу, да случайно попали на большое минное поле. Въ темнотѣ-то... Бахъ!.. Бахъ!.. Бахъ!.. Такъ, выстрѣлъ за выстрѣломъ. Только успѣвая тралы мѣнять...

— Ну, а какъ же потери?..

Странно... Видимо, всё они не любятъ касаться этого вопроса. Мнѣ же представлялось не деликатнымъ настаивать. И до сихъ поръ, поэтому, я не могу дать себѣ отчета: почему это происходитъ? Можетъ быть, потому, что потери заставляютъ говорить о слишкомъ тяжелыхъ моментахъ: это, вѣдь, для насъ, петроградскихъ обывателей, „потеря“ есть краткая замѣтка на второй страницѣ „Новаго Времени“... А для нихъ — это или другъ, или излюбленный боцманъ. Во всякомъ случаѣ близкіе люди. А, можетъ быть, объясненіе есть и другое: потеря есть все-таки неудача; мина побѣдила тралеръ, а не наоборотъ; остается горечь, съ которой не можетъ справиться самолюбіе.

— Потери? Какъ же въ нашемъ дѣлѣ безъ потерь?.. То одинъ, то другой взлетаетъ на воздухъ: разница только въ томъ, что Б. продержался на водѣ пятнадцать секундъ, а Р., „къ счастью“, выдержалъ семьдесятъ секундъ... Вы вотъ побѣжайте на другую партію; тамъ есть вольноопредѣляющійся Н. Спросите-ка его, отчего у него нѣтъ уха?

— Молодчага,—медленно произнесъ другой офицеръ:— можете себѣ представить?.. Онъ двѣ шляпки спустилъ, а въ третьей замѣшкался; пошло все ко дну; и въ этотъ моментъ голову у него зажало между полуспущенной шляпкой и бортомъ тралера. Дернулъ,—не идетъ, ухо защемило. Дернулъ еще разъ покрѣпче: оторвало ухо... выплылъ, весь кровью обливается. Видитъ, плыветъ ящикъ съ добавочными спасательными поясами. Но закрытый! Несмотря на рану, несмотря на всю эту кровь: влѣзъ на ящикъ, повернулъ его на волнахъ, открылъ... и сталъ разбрасывать пояса плавающимъ кругомъ матросамъ. Въ это время кричать, что фельдшеръ со сломанной рукой обезсилѣлъ,—онъ къ нему... Фельдшеръ на дно. Н. нырнулъ, досталъ, вытащилъ... спасъ!

Да! Не даромъ въ послѣднемъ приказѣ командующаго морскими силами партіи тральщиковъ были поставлены, по работѣ, на первое мѣсто!..“

Бахвальство, выдумки и ложь — эти достохвальные тевтонскія качества присущи неизменной натурѣ современнаго германца. Всѣ операціи его проводятся на практикѣ, окутанныя кипами самой наглой и беззащитной лжи.—Предпринимая какую-либо операцію, германецъ начинаетъ обрабатывать общественное мнѣніе печатью нейтральныхъ дер-

жавъ. И какихъ только пагло-лживыхъ утокъ ни пускаетъ отецъ германской лжи кайзеръ, черезъ свои завинченные кверху усы. Нѣкоторыя изъ нашихъ легковѣрныхъ, заячьихъ душъ усердно внимаютъ этимъ уткамъ своими заячьими сердчишками. Нейтральная печать теперь трубитъ во всю, что ранней весной германцы либо пойдутъ на Одессу, либо на Петроградъ, соорудивъ грандіозный десантъ на Балтійскомъ морѣ. Для того, чтобы выяснитъ, какъ можетъ встрѣтить этотъ десантъ нашъ балтійскій флотъ и что такое представляетъ этотъ флотъ, приведемъ высокопоучительную корреспонденцію А. Г. Шленка въ „Новомъ Времени“, въ бесѣдѣ съ адмираломъ В. А. Канинымъ и однимъ изъ его сотрудниковъ. Вотъ эти золотыя слова ¹⁾:

Послѣ завтрака адмиралъ В. А. Канинъ пригласилъ меня въ свою каюту. Наша бесѣда продолжалась очень долго: около часа. Адмиралъ говорилъ съ внушительной, естественной авторитетностью.

Адмиралъ машинально гладилъ по головѣ ласкавагося къ нему сетера, бѣлаго съ черными подпалинами, и медленно-медленно, не отводя взора въ сторону, говорилъ:

— ... Что-жь... основная стратегическая картина совсѣмъ ясна. Балтійскій флотъ,—это продолженіе крайняго фланга арміи. Задача флота,—всемѣрно поддерживать дѣйствія арміи, охраняя ее отъ обходовъ германскимъ флотомъ. Что дальше будетъ,—кто знаетъ? А покуда,—мы можемъ считать свою работу не бесполезной. Одинъ англійскій специалистъ говорилъ, что въ теперешней войнѣ было два повторныхъ момента, не очень блестящихъ и яркихъ, но чрезвычайно важныхъ: Марна и Рижскій заливъ. На Марнѣ спасли Парижъ. А въ Рижскомъ заливѣ борьба за подходы къ Петрограду окончилась въ нашу пользу. Этого отрицать нельзя. Каково было бы сейчасъ положеніе арміи, если бы нѣмцы находились въ Ригѣ и владѣли всѣмъ Рижскимъ заливомъ? Посмотрите на карту,—сами поймете...

— ... Конечно, борьба за Рижскій заливъ была очень трудна. Пять-шесть дней былъ такой туманъ, что они травили наши загражденія преспокойнымъ образомъ. Постепенно подвигались, совершенно безнаказанно: мы въ туманѣ по нимъ стрѣлять не могли. Прочистили себѣ проходъ. Два миноносца пробрались, и вотъ, въ этотъ моментъ произошелъ одинъ изъ самыхъ эффектиѣйшихъ боевъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 28 янв. с. г.

На „Новикѣ“ четыре орудія четырехдюймовыхъ, а на этихъ миноносцахъ (для Бразиліи строились) по три. Шесть противъ четырехъ. „Новикъ“ открылъ огонь первымъ. И сразу,— понимаете, сразу...—миноносецъ вдребезги! Въ самый центръ управленія попало... А на „Новикѣ“ ни одного попаданія. Бросился этотъ миноносецъ назадъ, въ протраленный проходъ не попалъ,—взорвался. Другой,—за нимъ, скрылся въ туманѣ; что съ нимъ случилось, мы не знаемъ.

— ... Если вы вспомните, какъ происходило движеніе нѣмцевъ къ Ригѣ, то вы принуждены будете признать, какую громадную роль сыграла постоянная угроза ихъ крайнему лѣвому флангу. Этотъ лѣвый флангъ недаромъ все отставалъ отъ остальной арміи. Отставалъ, отставалъ, да и застрѣлъ: и задержкой этой много способствовалъ остановкѣ всей нѣмецкой арміи. Сухопутныя войска противъ судовой артиллеріи бороться не могутъ. Это показала галлипольская операція: съ какой величайшей легкостью была произведена посадка десанта обратно на суда! А у насъ, въ Рижскомъ заливѣ, было нѣсколько тактическихъ выступленій флота противъ врага. Вотъ, на примѣръ, при Кермернѣ... Двинули мы три миноносца, на которыхъ и всего то было шесть орудій... Пристрѣливаться пришлось долго. Разстояніе до нѣмецкихъ позицій было такое большое, что миноносцамъ пришлось устраивать искусственный кренъ: иначе не долетали снаряды. Но зато, что было при стрѣльбѣ!.. Это себѣ даже представить трудно!.. Обстрѣливали всего только пять минутъ: но всѣ нѣмецкія позиціи были начисто сравнены съ землей. Нѣмцы отступили такъ, что оставили даже всѣ смежные окопы...

Разговоръ зашелъ объ отдѣльныхъ отличившихся офицерахъ.

— Перечислять ихъ,—сказалъ адмиралъ,—мнѣ будетъ неудобно. Всѣ офицеры у насъ, по мѣрѣ силъ и возможности, стараются: разница только въ маломъ... одному повезетъ сдѣлать что нибудь оставляющее реальный слѣдъ, а другому—нѣтъ.

— Впрочемъ, вотъ,—вдругъ оживился онъ,—мнѣ хотѣлось бы отмѣтить, что намъ удивительно много и хорошо помогали англійскія подводныя лодки. Положимъ, и лодки у нихъ великолѣпныя, испытанныя... Но и сами офицеры—молодцы... Выдержка, знаете, удивительная... Хладнокровіе какое!..

Адмиралъ добродушно засмѣялся.

— У насъ,—сказалъ онъ,— не такъ, какъ у нѣмцевъ. Вотъ, я вамъ расскажу анекдотъ, какъ у нихъ официально врутъ. Въ рижскомъ заливѣ одинъ нѣмецкій гидропланъ былъ подбитъ нашимъ огнемъ и сѣлъ на воду. Вѣтромъ его снесло въ нашу сторону, такъ что и летчика и наблюдателя подобралъ нашъ миноносецъ „Москвитянинъ“. Вылѣзли они на палубу, стоятъ, разговариваютъ. „Что,—спрашиваютъ,— очень наши гидропланы вамъ досаждаютъ?“—„Ничего,—отвѣчаютъ наши,— бываетъ, что бросаютъ бомбы...“—„И попадаютъ?“—„Нѣтъ, этого не случилось пока, слава Богу!“—„Ну, вотъ, что вы рассказываете: по нашимъ расчетамъ у васъ взорвано гидропланами восемь миноносцевъ.“—„Да неужели?“—стали смѣяться. Нѣмецъ разсердился, говоритъ: „Да вотъ самое лучшее: мой унтеръ-офицеръ получилъ желѣзный крестъ за потопленіе „Москвитянина“; такъ и въ приказѣ было сказано“. Можете себѣ представить, пришлось принести ему вахтенный журналъ и показать; только тогда онъ повѣрилъ, что находится,—надо же такое совпаденіе!—именно на „Москвитянинѣ“!

Мы встали. Адмиралъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Поѣзжайте, посмотрите; вамъ офицеры расскажутъ поподробнѣе... Познакомьтесь съ ними, будете лучше о насъ судить.

— Ваше превосходительство... Вотъ нѣмецкій специалистъ, капитанъ фонъ-Персіусъ, въ новогоднемъ отчетѣ утверждаетъ, что нѣмцы имѣютъ господство въ Балтійскомъ морѣ...

Адмиралъ улыбнулся:

— Ну, что-жь... Это ему виднѣе...

Остановился на минуту:

— Пусть-ка вотъ онъ придетъ въ Финскій заливъ...

Одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ адмирала В. А. Кавина сказалъ мнѣ:

— До сихъ поръ,—сухо дерево!—намъ везло... Но, конечно, нужно имѣть въ виду, что и флотъ нашъ теперь не тотъ, что онъ былъ двѣнадцать лѣтъ назадъ. Опытъ японской войны сказался; и, затѣмъ, надо съ величайшей благодарностью вспомнить дѣятельность покойнаго Эссена... Что касается опыта японской войны, то онъ повелъ главнымъ образомъ къ милитаризаціи флота. Теперь какъ-то странно даже вспоминать, что совсѣмъ недавно у насъ не было такого высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ под-

готовлялись бы специалисты для разработки морскихъ стратегическихъ вопросовъ. Въ нашей академіи занимались тогда флотомъ военнымъ совершенно такъ же, какъ если бы онъ былъ коммерческимъ. И отдѣленія-то были въ академіи все мирныя: гидрографическое, механическое, кораблестроительное... а военного не было... Нельзя даже въ точности сказать, была ли налицо мысль о томъ, что раньше постройки флота нужно создать планъ своей морской войны. Теперь мы имѣемъ правильно поставленную академію генеральнаго штаба, и большинство офицеровъ, окончившихъ эту академію, работая вокругъ командующаго флотомъ, могутъ въ настоящее время на практикѣ примѣнять свои теоретическія знанія. Только благодаря тому, что милитаризація въ настоящее время вошла въ плоть и кровь флота, мы и можемъ такъ послѣдовательно (и такъ безуспѣшно) проводить нашъ основной планъ: активной обороны.

— ... Что касается покойнаго Эссена, то онъ сдѣлалъ съ флотомъ прямо чудеса... Основная его мысль была простая: флотъ долженъ знать все Балтійское море, не исключая шхеръ; и для этого онъ долженъ плавать не менѣе десяти мѣсяцевъ въ годъ. Прежде это казалось совершенно невозможнымъ! Я помню изъ своей молодости... Мы отправились въ громадное кругосвѣтное плаваніе, учились, набирали опытъ, работали. Рѣшающимъ моментомъ былъ смотръ судна послѣ возвращенія изъ плаванія. Золото, бархаты!.. Заканчивался смотръ, и вдругъ все разваливалось.. Дѣйствительно, иначе и нельзя было; дерево гнило, паруса пожирались крысами. Все это надо было увозить въ сухіе, хорошо провѣтриваемые склады,—иначе бы погублю. И свозили. А въ результатъ получилось что? Такъ сказать, былъ локомотивъ въ полной красотѣ, разобрали его и свесли по частямъ куда-то въ магазинъ. Этотъ локомотивъ можно было собрать снова, но это былъ бы уже другой локомотивъ... Команда распалася: офицеры развѣзжались; накопленный опытъ не передавался новымъ людямъ... А теперь? Я вотъ третій годъ все на томъ же суднѣ. А. М. П. (онъ указалъ на старшаго офицера), уже пятый годъ подрядъ... (Такъ вѣдь?..). Пятый годъ—и все на одномъ и томъ же суднѣ, не съѣзжая съ него... Вотъ тогда человѣкъ дѣйствительно начинаетъ знать, что у него собственно въ рукахъ имѣется.

— ...Благодаря этому, у насъ никакой и мобилизаціи

быть не можеть. У насъ срокъ для мобилизаціи: нуль часовъ, нуль минутъ. Когда была объявлена война, мы ни изъ какихъ складовъ рѣшительно ничего не принимали... Можеть быть, что-нибудь свезли на берегъ. Тамъ цѣнные призы, реликвиіи... Но ни запасовъ, ни людей намъ не было нужно: у насъ все было на-лицо. Черезъ четыре часа мы вышли въ море. Этого результата мы добились только благодаря тому, что покойный Эссенъ совершенно отказался отъ казармъ для командъ.

... — Если судно плаваеть по шхерамъ десять мѣсяцевъ въ году, то это, конечно, сопряжено съ рискомъ... Мое почтеніе! иногда идешь совсѣмъ около вертикальной стѣны! Шхеры вѣдь, знаете, причудливы... Или вдругъ, вотъ, недавно двѣнадцатифутовый камень обнаружили въ такомъ мѣстѣ, гдѣ о немъ ни одинъ лодманъ не зналъ... Безъ риска такую реформу флота провести нельзя... Но Эссенъ позволялъ рисковать; не ставилъ въ вину, когда рисковали. Онъ зналъ, что въ дѣлѣ риска излишнею строгостью можно у всякаго офицера сорвать настроеніе. Помните: одного адмирала наказали за то, что онъ слишкомъ рано стрѣлялъ, а другого за то, что слишкомъ поздно стрѣлялъ... Эссенъ лично ходилъ по шхерамъ. Иногда просто въ щель пролѣзали. И присутствіе опытнаго, всѣми любимаго адмирала, конечно, уничтожало всѣ колебанія молодыхъ офицеровъ. Совсѣмъ пропадало слово „невозможно“: все оказывалось возможнымъ... Эссенъ любилъ говорить, что аваріи поправимы... непоправимо только паденіе духа во флотъ...

— ...Въ результатѣ, конечно, получилась очень выгодная позиція флота. Мы вотъ сейчасъ стоимъ во льду... Если бы пришло срочное приказаніе, мы можемъ выйти. Намъ полагается четыре часа на разведеніе паровъ, да еще часа два на сборъ. И вотъ сейчасъ, каковъ бы ни былъ морозъ, мы пойдемъ впередъ; станемъ рѣзать, какъ масло, весь этотъ окружающій ледъ... Всего недѣлю назадъ, при двадцатиградусномъ морозѣ, пришелъ броненосецъ * * и ошвартовался рядомъ съ нами. Прежде, и азъ, многогрѣшный, не повѣрилъ бы, что это возможно... Миѣ бы прежде все это казалось столь же невысказаннымъ, какъ невысказанно водить миллионныя арміи при сорокаградусномъ морозѣ... Оказывается, что мыслимо...

— ...Вслѣдствіе этого жизнь у насъ идетъ полнымъ темпомъ. Ученія для нижнихъ чиновъ, особые классы для офицеровъ... Да вотъ вамъ лучшій примѣръ: только-что

закончились праздники: большое количество матросовъ постоянно съѣзжало на берегъ, и за всѣ эти дни у насъ нуль протоколовъ, нуль дебошей, нуль арестовъ и нуль наказаній. Конечно, это надо отчасти приписать тому, что городъ здѣсь культурный, вертеповъ не знаетъ: зайдетъ матросъ въ кафе или кинематографъ, проводить время смирно. Но главную роль все-таки играетъ облагораживающее вліяніе войны и того военного духа, который поддерживается благодаря постоянной совмѣстной работѣ офицеровъ съ командами.

Мы встали и начали прощаться.

— Мы будемъ очень рады, если вы расскажете публикѣ про наше житье-бытье. Постарайтесь обратить вниманіе на то, какой у насъ удивительно молодой личный составъ и какъ всѣ эти офицеры, несмотря на свою молодость, владѣютъ каждый своей технической частью... У насъ вѣдь здѣсь все есть: и минеры, и великолѣпные артиллеристы, и испытанные радіотелеграфисты, авіаторы и т. д. Учатъ ихъ техникѣ, — не въ корпусѣ: въ средней школѣ тачать сапоги не научишься... Учатъ ихъ здѣсь, на флотѣ; всѣ ихъ знанія—это результатъ работъ самого флота“.

Слышалъ такой рассказъ. Прошлой осенью во время страшнаго дождя и бури, къ запертымъ воротамъ одного изъ замковъ прибалтійскихъ бароновъ, окруженнаго со всѣми постройками высокой стѣной, подошла воинская команда изъ нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ съ офицеромъ. Стали стучаться въ ворота. Послѣ долгихъ ожиданій къ навѣсу надъ запертыми воротами подошелъ человекъ. На просьбу дать командѣ укрытіе отъ бури и дождя, послѣдовалъ отказъ. Офицеръ сталъ настойчиво требовать отворить ворота и позвать самого хозяина. Опять послѣ долгаго ожиданія появился у навѣса самъ хозяинъ и отвѣтилъ отказомъ, предложивъ командѣ идти въ ближайшіе отъ замка дома. На возраженіе офицера, что эти дома находятся далеко, въ нѣсколькихъ верстахъ, лояльный баронъ разразился потокомъ словъ, что онъ будетъ жаловаться на офицера въ Петроградъ такому-то, такому-то и такому-то.

И поплелась за 6 верстъ промокшая до костей команда, въ ближайшій латышскій хуторъ.

Конечно, съ думской каѳедры какой-нибудь лояльный баронъ скажетъ, что это выдумка.

Съ половины до конца января военныя дѣйствія на нашемъ европейскомъ фронтѣ заключаются въ поискахъ развѣдчиковъ, столкновеніи небольшихъ частей, артиллерійской перестрѣлкѣ, воздушной и минной войнѣ. Наиболѣе значительное столкновеніе было у Цеброва, въ Галиціи, весьма успѣшное для насъ.

Зато на Кавказѣ наша доблестная армія, руководимая высокимъ талантомъ генерала Юденича, при двадцати градусахъ мороза, мѣстами по двухсаженному снѣгу, поддерживаемая огнемъ черноморскаго флота въ приморскомъ направленіи, побѣдоносно продвигалась впередъ и отбивала всѣ наступательныя попытки турокъ, при чемъ былъ взятъ важный стратегическій пунктъ Ханъ Кале и наши войска подошли къ Эрзеруму.

Перешедшія всякую мѣру звѣрства нашего противника заставили штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщить нижеслѣдующее:

Въ октябрѣ 1915 года въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго были получены нижеслѣдующія свѣдѣнія.

Шесть нашихъ нижнихъ чиновъ, обѣжавшихъ изъ австрійскаго плѣна, показали, что за упорный, несмотря на цѣлый рядъ мученій, отказъ всеі ихъ партіи въ 500 человекъ рыть для непріятели окопы, 1-го іюня въ дер. Госсензасъ, на полути между Инзбрукомъ и Бриксеномъ, были разстрѣляны чегыре нижнихъ чина. Разстрѣливала школа кадетъ. Предназначено къ разстрѣлу было 50 человекъ. Разстрѣлянные, по единогласному показанію опрошенныхъ, умерли героями.

Примѣненіе австрійцами пытокъ, по поступившимъ въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго свѣдѣніямъ, для принужденія нашихъ солдатъ къ работамъ, чисто оборонительнаго характера, нерѣдко въ передовой линіи, подъ огнемъ—явленіе общее. Дѣлались попытки заставить нашихъ нижнихъ чиновъ рыть окопы для австрійцевъ и на нашемъ фронтѣ, но попытки эти неизмѣнно разбивались о непоколебимую твердость и вѣрность присягѣ русскаго солдата.

1) Отъ 16 янв. 1916 г.

Затѣмъ установлено дополнительно опросомъ вновь прибывшихъ изъ австрійскаго плѣна нашихъ нижнихъ чиновъ, что при указанныхъ выше условіяхъ были разстрѣляны наши нижніе чины:

1) Иванъ Тимсѣевъ Нищенко, урожен. Херсонской губ., Александровскаго уѣзда, Посадо-Прагской волости, посада Прага.

2) Федоръ Лунинъ, уроженецъ Курской губ., Старооскольскаго уѣзда, Скородянской волости.

3) Иванъ Катаевъ, уроженецъ Воронежской губ., Новохоперскаго уѣзда, Верхне-Корганской волости.

4) Филиппъ Куликовъ, уроженецъ Орловской губ., Дмитровскаго уѣзда, Глѣздиловской волости.

По показанію одного австрійскаго дезертира, очевидца разстрѣліянія названныхъ нижнихъ чиновъ, взводъ его былъ отправленъ въ Бреннербадъ для принужденія силою къ работамъ находившихся тамъ русскихъ плѣнныхъ. Въ виду отказа послѣднихъ отъ работъ, были приняты принудительныя мѣры: 20 человекъ привязаны были къ деревьямъ самымъ варварскимъ способомъ; одинъ унтеръ-офицеръ—инженеръ изъ Москвы былъ буквально распятъ: руки его были привязаны надъ головой, а ступни ногъ обращены къ дереву—въ разстояніи 25 см. отъ земли. Черезъ 20 минутъ онъ лишился сознанія. Черезъ 2 часа всѣ плѣнные, подвергнутые этимъ пыткамъ, были въ обморочномъ состояніи. Нѣкоторые во время пытки умоляли разстрѣлять ихъ, чтобы положить предѣлъ ихъ мученіямъ. Вся эта работа была выполнена будущими офицерами австрійской арміи.

Въ виду того, что подобный способъ убѣжденія все же не подѣйствовалъ на остальныхъ плѣнныхъ, изъ числа послѣднихъ пятеро были назначены къ разстрѣлію. Были вызваны желающіе привести приговоръ въ исполненіе и такъ какъ таковыхъ оказалось весьма много, то среди нихъ сперва были выбраны четыре человека.

Разстрѣливаніе происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

150 русскихъ плѣнныхъ были собраны передъ служившимъ имъ жильемъ строеніемъ, стоящимъ у дороги, вдоль которой протекаетъ ручеекъ съ перекинутымъ черезъ него мостикомъ. Ученики офицерской подготовительной школы построились на три фаса. Присужденныхъ къ смерти переводили на другой берегъ ручейка, и здѣсь четыре ученика

имѣя дула ружей всего лишь въ 10 см. отъ тѣла жертвы, двумя выстрѣлами въ голову и двумя въ грудь, убивали ихъ наповаль.

Въ виду большого числа учениковъ, желавшихъ участвовать въ разстрѣливаніи плѣнныхъ, послѣднее было исполнено четырьмя различными очередями, по 4 человекъ въ каждой. Одинъ унтеръ-офицеръ (взводный инструкторъ) особенно просилъ разрѣшить и ему приложить свою руку къ умерщвленію русскихъ, и просьба его была уважена.

Всѣ разстрѣливавшіе были или нѣмецкой національности, или уроженцы Тироля.

Къ выясненію частей войскъ, въ которыхъ служили упомянутые погибшіе нижніе чины, въ цѣляхъ внесенія на страницы исторіи и этихъ невѣдомыхъ героев-мучениковъ, мѣры со стороны Штаба Верховнаго Главнокомандующаго приняты.

1—4 февраля Приводимъ мнѣніе извѣстнаго ученаго профессора Московскаго университета Владиміра Федоровича Снегирева относительно печалованій о прекращеніи подвоза разныхъ медикаментовъ изъ Германіи ¹⁾.

Я вовсе не раздѣляю того горя и опасеній, какія высказываются нѣкоторыми по случаю прекращенія подвоза разныхъ нѣмецкихъ патентованныхъ и иныхъ лекарственныхъ средствъ. Во-первыхъ, мы и сами начинаемъ вырабатывать многое такое, что прежде выписывали отъ нѣмцевъ, во-вторыхъ, ужъ дѣйствительно ли такъ нужны всѣ эти аспирины, фенацетины, фетины и т. п.? Мы раньше лечили успѣшно и безъ нихъ, пользуясь такъ называемыми основными средствами. Напримѣръ, хина. Чего же лучше? Покойный профессоръ Захарьинъ рекомендовалъ обращаться съ хиной осторожно: ассистентамъ своимъ позволялъ давать по 2½ грама хинина, а если ему предстояло дать больному пять грамовъ, то онъ по этому поводу лекцію читалъ студентамъ! А теперь всѣ такъ и глотаютъ: и пирамидонъ и аспириръ, и пр. Было раньше 20—30 основныхъ средствъ, но имѣлось вдумчивое отношеніе къ болѣзнямъ и пациентамъ. Теперь же стала господствовать какая-то фабричная медицина. Нѣмецкія фабрики принялись вырабатывать многочисленныя патентованныя средства, рассылаемыя съ невѣ-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1 февр. с. г.

роятными рекламами. Началось какое-то кустарное леченіе по нѣмецкому фабричному трафарету. Патентованныя средства разбирались на расхватъ. Между тѣмъ не будетъ ли достаточно однихъ коренныхъ средствъ? Ихъ у насъ есть запасъ, и плакать о нѣмецкомъ аспириновѣ или антифибриновѣ, право, не приходится... Въ большинствѣ случаевъ въ нихъ нужды совсѣмъ нѣтъ! Мы, старые врачи, удивлялись на эту „моду“ на патентованныя средства. Жили же мы безъ нихъ раньше? Мы совершенно забыли объ основныхъ лекарствахъ, не помнимъ вѣрной службы хины, салициловаго натра и т. п. Не потому ли мы такъ до войны поступали, что нѣмецкая беззащитная медикаментная реклама слѣпила намъ глаза? Весьма возможная вещь!

Петроградскій обыватель вполне согласенъ съ мнѣніемъ извѣстнаго ученаго, что уже давно пора въ Россіи прекратить кустарное леченіе по нѣмецкому фабричному трафарету. Обходимся теперь, во время войны, безъ этихъ средствъ и нѣтъ ухудшенія россійскаго здравія.

Наши доблестныя войска на Кавказѣ при 25 градусахъ мороза, при глубокомъ снѣгѣ, по крутымъ скатамъ подходятъ къ Эрзеруму. Въ Хинесскомъ раіонѣ овладѣли городомъ Хопъ, а въ Персіи взяли городъ Довлетъ-Абадъ. Овладѣли фортомъ Эрзерумской крѣпости. Утромъ 2 февраля овладѣли еще однимъ фортомъ Эрзерума. 4-го февраля послѣ пятидневнаго непримѣрнаго штурма Эрзерумъ былъ взятъ. Честь и слава Кавказскимъ героямъ и орлу ихъ, начальнику генералу Юденичу. Они воскресили времена Измаила. На прочихъ фронтахъ въ эти дни шла перестрѣлка и дѣйствія развѣдочныхъ партій.

Въ то время какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи пудъ соли стоитъ 3 рубля, въ Крыму на соляныхъ промыслахъ лежатъ милліоны пудовъ и соль отдають по гривеннику за пудъ, а въ Новороссіи милліоны пудовъ пшеницы заполняютъ всѣ житницы съ цѣной за пудъ 1 р. 40 к. 90 процентовъ крупныхъ мельницъ въ Новороссіи принадлежатъ нѣмцамъ-колонистамъ.

5—7 февраля. Въ № 1381 „Вечерняго Времени“ напечатано:

„Передъ нами послѣдній полученный въ Москвѣ номеръ издающейся въ Швейцаріи на нѣмецкомъ языкѣ газеты „Berner Tageblatt“. Выходитъ эта газета въ нейтральномъ Бернѣ, но политическій обликъ ея таковъ, будто она выходитъ въ Берлинѣ.

Очередная передовая статья этой германо-швейцарской газеты озаглавлена: „Русскіе голоса о мирѣ“ и посвящена статьямъ „дворянина Павлова“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“...

Смыслъ павловскихъ статей „Berner Tageblatt“ передаетъ въ слѣдующей формѣ:

„Было бы гораздо желательнѣе, чтобы побѣдила Германія, чѣмъ появленіе у власти прогрессистовъ, такъ какъ нынѣшняя война—результатъ ихъ панславистскихъ происковъ. Война съ Германіей была вообще, по мнѣнію Павлова, недопустима. Царской Россіи надлежало бы искать дружбы Германіи и быть ей благодарной за то, что въ смутные 1905—1906 гг. она выразила готовность ввести въ Россію свои войска, чтобы придти русскому правительству на помощь въ борьбѣ его съ революціей“.

Петроградскому обывателю кажется, что комментарий къ этому излишни.

На Кавказѣ наши войска энергично преслѣдуютъ турокъ. На остальныхъ фронтахъ перестрѣлка и развѣдки.

Англійскія газеты сообщаютъ, что германцы поведутъ рѣшительное наступленіе на западномъ фронтѣ.

8 февраля. Передаютъ, что плѣнные на „Магдебургѣ“, германскіе матросы рассказывали о томъ, что мобилизація германскаго флота была закончена задолго до начала войны, и, что когда французская эскадра, сопровождавшая президента Французской республики, проходила проливы Бельтовъ, послѣ визита въ Россію, то германскій крейсеръ „Магдебургъ“ встрѣтилъ эту эскадру въ полной боевой готовности.

9—10 февраля. Девятаго февраля присутствовалъ на событіи высокой государственной важности: Государь Императоръ посѣтилъ въ первый разъ Государственную Думу и молился вмѣстѣ съ избранниками народа.

Въ кругломъ залѣ Таврическаго Дворца къ 12 часамъ дня уже все было готово для молебствія и залъ былъ наполненъ депутатами, многими членами Государственнаго Совѣта и всѣмъ Совѣтомъ Министровъ. Присутствовали также послы союзныхъ державъ, а хоры были переполнены публикой. У входа въ Таврическій Дворецъ раздалось восторженное ура, подхваченное во всѣхъ залахъ. Въ залъ вошелъ Государь Императоръ въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила Александровича, председателя Государственной Думы и небольшой свиты. Государь остановился передъ аналоемъ; ура смолкло. Величавымъ пѣснопѣніемъ „съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ“,—началось молебствіе. Особое воодушевленіе охватило всѣхъ, когда пѣвчіе начали—„Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое — Побѣды Благовѣрному Государю нашему Императору Николаю Александровичу на супротивныя даруй“. Эту молитву подхватили, какъ одинъ человекъ, всѣ присутствующіе и долго долго звучала она. Дружно присоединился весь залъ къ Царскому многолѣтію и особенно благоговѣнно зазвучала „вѣчная память“, когда Царь и избранники народа опустились на колѣни.

Послѣ молебна Его Величество бесѣдовалъ съ председателемъ Государственной Думы, послами союзныхъ державъ, а затѣмъ, обратясь къ представителямъ народа, сказалъ:

„Мнѣ отраднo было вмѣстѣ съ вами вознести Господу Богу благодарственныя молитвы за дарованную Имъ нашей дорогой Россіи и нашей доблестной арміи на Кавказѣ славную побѣду.

Счастливъ также находится посреди вѣрнаго Моего народа, представителями котораго вы здѣсь являетесь.

Призывая благословеніе Божіе на предстоящіе вамъ труды, въ особенности въ такую тяжкую годину, твердо вѣрую, что всѣ вы и каждый изъ васъ внесете въ основу отвѣтственной передъ Родиной и Мною вашей работы весь свой опытъ, все свое знаніе мѣстныхъ условій и всю свою горячую любовь къ нашему отечеству, руководствуясь исключительно ею въ трудахъ своихъ.

Любовь эта всегда будетъ помогать вамъ и служить путеводною звѣздою въ исполненіи вами долга передъ Родиной и Мною.

Отъ всей души желаю Государственной Думѣ плодотворныхъ трудовъ и всякаго успѣха“.

Громовое „ура“ покрыло слова Государя.

Предсѣдатель Государственной Думы, голосомъ, въ которомъ отражалось настроеніе переживаемой исторической минуты, привѣтствовалъ Царя слѣдующими словами:

„Ваше Императорское Величество. Глубоко и радостно взволнованные, мы всѣ вѣрноподанные ваши члены Государственной Думы, внимали знаменательнымъ словамъ своего Государя.

Какая радость намъ, какое счастье: нашъ русскій Царь здѣсь среди насъ.

Великій Государь. Въ тяжкую годину еще сильнѣе закрѣпили Вы сегодня то единеніе Ваше съ вѣрнымъ своимъ народомъ, которое насъ выведетъ на вѣрную стезю побѣды.

Да благословитъ Васъ Господь Всевышній.

Да здравствуетъ великій Государь всея Руси“.

„Ура“ вновь гремитъ послѣ словъ М. В. Родзянко, затѣмъ изъ этого хаоса звуковъ вырастаетъ стройная гармонія народнаго гимна, подхваченная всѣми присутствующими. Вновь гремитъ „ура“.

М. В. Родзянко дѣлаетъ знакъ депутатамъ, и они устремляются въ залъ засѣданій на свои мѣста.

Его Величество, сопровождаемый предсѣдателемъ Государственной Думы, появляется въ залѣ засѣданій, войдя черезъ средній входъ для депутатовъ, встрѣченный громовымъ „ура“, подъ громкое „ура“ проходитъ черезъ весь залъ между депутатскими скамьями, останавливается впереди предсѣдательскаго мѣста и, обернувшись лицомъ къ залу, милостиво отвѣчаетъ на восторженные привѣтствія, несущіяся съ депутатскихъ скамей, изъ ложъ для публики и дипломатическаго корпуса.

Изъ зала засѣданій Государь прослѣдовалъ въ находящейся рядомъ полуциркульный залъ, гдѣ внесъ свое имя въ „золотую“ книгу Государственной Думы, куда собственноручно вписываютъ свои имена Августѣйшіе гости законодательной палаты.

Изъ полуциркульнаго зала Государь Императоръ прослѣдовалъ черезъ стенографическій отдѣлъ, гдѣ находились чины канцеляріи Государственной Думы, удостоивъ

нѣкоторыхъ изъ нихъ въ военной формѣ и съ боевыми знаками отличія милостивыхъ разспросовъ. Далѣе, окруженный депутатами, черезъ Екатерининскій залъ Государь прослѣдовалъ къ выходу, и уже въ дверяхъ дворца еще разъ, прощаясь съ депутатами, пожелалъ имъ успѣха въ законодательныхъ трудахъ.

Депутаты хлынули толпою на подьѣздъ Думы, и Царскій автомобиль отъѣхалъ отъ подьѣзда Таврическаго дворца подъ громовое „ура“¹⁾.

Великій князь Михаилъ Александровичъ остался въ Таврическомъ дворцѣ, и остался на засѣданіе Думы въ ложѣ Высочайшихъ Особъ. Затѣмъ засѣданіе было открыто рѣчью Предсѣдателя Государственной Думы, за которой послѣдовали рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Военнаго и Морскаго Министровъ и Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ Москвѣ началась борьба съ всенѣмецкимъ союзомъ. По словамъ „Вечерняго Времени“²⁾:

„Въ Москвѣ особое объ обществахъ присутствіе постановило закрыть восемь нѣмецкихъ обществъ. Будутъ закрыты: московское нѣмецкое общество торговыхъ служащихъ, общество взаимопомощи нѣмцамъ-иностранцамъ, живущимъ въ Москвѣ, московское общество нѣмцевъ въ Россіи, общество нѣмцевъ-католиковъ, об-во „нѣмецкая группа союза 17 октября“, московское отдѣленіе рижскаго евангелическаго общества воздержанія и спасенія, московское нѣмецкое общество и московское общество квартетнаго пѣнія „Лидертафель“.

11 февраля. Вотъ каково, по словамъ корреспондента³⁾, описаніе праведной кончины одного изъ нашихъ сѣрыхъ героев:

— „Вотъ и все“,—какъ-то просто проговорилъ Карпуша-весельчакъ, какъ прозвали солдаты канонира Карпова, когда фельдшеръ, осмотрѣвъ его, привелъ въ сознаніе, вливъ сквозь зажатые зубы какія-то капли.

Было затишье, два-три снаряда не больше, да и то не каждый день, посылать къ намъ нѣмецъ и, какъ разъ

1) „Нов. Вр.“ 10 февр. 1916 г.

2) „Веч. Вр.“ 10 февр. с. г.

3) „Нов. Вр.“ 11 февр. с. г.

одинъ изъ этихъ снарядовъ угодили въ обширную полу-батареиную землянку, и нужно же было, чтобы кусокъ стакана ударилъ въ животъ мирно игравшаго въ шашки капопира Карпова и глубоко воцѣлился въ его тѣло.

— Носилки!—коротко приказалъ фельдшеръ и махнулъ рукой.

И этотъ безнадежный взмахъ рукой показалъ всѣмъ, что для Карпуши все кончено.

Самъ Карпуша, видимо, понялъ это еще раньше: онъ лежалъ ничкомъ на соломѣ, тихо, беззвучно, но когда до него донеслось слово „носилки“, онъ вдругъ заворочался, застоналъ.

— Братцы, не надо носилокъ, здѣсь бы помереть лучше.

Всѣ взглянули на фельдшера, но тотъ сконфуженно проговорилъ:

— Я не докторъ...

Быстро вошелъ въ землянку командиръ батареи въ сопровожденіи фельдфебеля.

— Ну, что?—обратился онъ къ фельдшеру.

— Готовъ, ваше в-іе. Весь животъ разворотило.

Командиръ сѣлъ на солому рядомъ съ раненымъ. Несчастный открылъ глаза, увидѣлъ командира, хотѣлъ приподняться, но тотъ ему не далъ, положилъ руку на голову и сказалъ:

— Ты смотри, какъ поправишься, отплати нѣмцу за это. Да не забудь нашивку прошить, со вчерашняго дня бомбардиръ ты.

— Покорнѣйше благодарю, — прошепталъ Карповъ, — ваше в-іе,—молящимъ голосомъ вдругъ проговорилъ онъ,—а вы напишите домой, что я, какъ слѣдъ солдату, померъ.

— Да чего ты,—хотѣлъ было успокоить командиръ, но Карповъ такъ спокойно и моляще на него посмотрѣлъ, что стало понятно, что никакихъ утѣшеній не нужно.

— Конечно напишу,—не твердо проговорилъ онъ.

— Ваше в-іе, позвольте здѣсь умереть, вѣдь все, что родные, больше года вмѣстѣ жили.

Командиръ махнулъ рукой и отвернулся.

Кругомъ обступили нижніе чины. Карповъ обвелъ ихъ взглядомъ.

— Братцы,—говорилъ онъ, тяжело дыша,—простите меня, я кому что... и вы, Сидоръ Петровичъ, остановилъ онъ глаза на фельдфебелѣ.

— Господь съ тобой, примѣрный солдатъ былъ, нечего прощать-то.

— Вотъ только не въ бою меня,—Карповъ старался улыбнуться,—хлопнули. Не хорошо это.

— Какъ не въ бою, все равно, что бой...

— Въстимо, что въ бою,—заговорили солдаты.

— Такъ и домой напишутъ, что въ бою? И лицо его оживилось.—Хорошо это!

И вдругъ онъ заговорилъ быстро, быстро.

— А вы его, братцы, раскатайте, вы братцы нѣмцу покажите... Въземлю русскую залѣзъ... Ахъ ты! онъ закашлялся, приподнялся и снова упалъ на подушку.

Командиръ потихоньку всталъ и медленно направился къ выходу.

Священникъ, которому командиръ написалъ собственноручно записку съ просьбой пріѣхать,—не опоздалъ. Карпуша исповѣдывался долго и истово.

Когда священникъ вышелъ, то сказалъ, что Карповъ хотѣлъ бы со всѣми попрощаться. Много народу, почти вся батарея собралась вокругъ своего любимца.

— А что, братъ,—проговорилъ Карпуша, увидѣвъ другого батарейнаго весельчака — кашевара,—плати, братъ, пари—меня раньше хлопнуло.—Вотъ братцы, и, отвоевалъ. А я думалъ, что помирать страшнѣе.

Эти были его послѣднія слова. Началась агонія, и, не приходя въ сознаніе, Карпуша умеръ. Не стало бомбардира Карпова.

Благодаря затишью, его хоронили какъ слѣдуетъ, и высокій крѣпкій крестъ, видимый и съ шоссе и съ полотно желѣзной дороги, указываетъ на мѣсто его вѣчнаго отдыха

12 февраля. Въ районѣ Вердена развивается атака нѣмцевъ, которые бомбардируютъ крупными орудіями фронтъ въ 40 километровъ.

В. М. Пуришкевичъ сегодня въ Государственной Думѣ сказалъ:

Развѣ нормально, что въ то время, когда наши братья исходятъ кровью, въ это время здѣсь *внутри нельзя добиться и парализовать роста нѣмецкаго засилья и подпольнаго вліянія.* (Шумные аплод.).

13 февраля. Германцы сосредоточили у Вердена чудовищную артиллерию. Посылаютъ массы пѣхоты въ атаку, которая несетъ большія потери. Французы отошли на два километра.

Генераль Куропаткинъ назначенъ главнокомандующимъ арміями сѣвернаго фронта.

По словамъ бѣженцевъ изъ Митавы, въ этомъ городѣ германскими офицерами и мѣстными баронами устраиваются форменныя вакханаліи; хотя жителей мало, но жещинъ сколько угодно. Пьянство въ городѣ ужасающее.

14 февраля. Въ „Новомъ Времени“ помѣщена интересная статья Антонова о будущемъ иностранныхъ капиталовъ въ Россіи.

„Передъ обновленной Россіей, послѣ окончанія великой войны, встанетъ важная задача объ иностранныхъ капиталахъ. Какъ мы слышали, уже въ настоящую пору вопросъ этотъ разсматривается въ домствами, будетъ поставленъ на обсужденіе экономическаго совѣщанія и выразится въ одномъ изъ тезисовъ для предстоящихъ за границей конференцій союзниковъ.

Иностранные капиталы на русской почвѣ, въ промышленности—оружіе обоюдоострое. Прежде всего нельзя, конечно, не согласиться, что наша страна, богатая естественными возможностями, бѣдна капиталами. И поэтому притокъ иностранныхъ денегъ желателенъ для подъема промышленности и сугубо важенъ будетъ послѣ войны, когда придется усиленно возстановлять затраченное и создавать новыя цѣнности.

Однако уже изъ недавняго прошлаго и переживаемаго пинѣ можно сдѣлать выводъ, какъ опасны бываютъ иностранные капиталы. Нѣмцы особенно энергично охаживали нашу промышленность. И они достигли того, что по ихъ директивамъ, для ихъ выгодъ и цѣлей работали громадныя отрасли нашего производства. *Металлургия*, химическое дѣло, электротехника, добываніе минераловъ, страховое дѣло и проч.—все находилось въ рукахъ нѣмцевъ прямо или же посредственно, путемъ финансированія черезъ кредит-

ныя учрежденія. Разразилась военная гроза, и русскому правительству пришлось всюду внутри страны встрѣчаться съ паутиной хитраго врага, глубоко вѣддрившагося въ тѣло народнаго хозяйства. Получались трагическія положенія. Такъ, ту самую руду, которую нѣмецъ вывозилъ отъ насъ подъ аплодисменты нѣкоторыхъ политикановъ, во время войны Германія вернула Россіи въ видѣ снарядовъ да еще со штемпелемъ одной изъ нѣмецкихъ фирмъ, оперирующихъ и въ Россіи въ качествѣ нѣмецкаго філіала...

Во всякомъ случаѣ можно, кажется, уже было убѣдиться, что иностранный, въ данномъ случаѣ нѣмецкій, капиталъ очень опасенъ для государственныхъ и экономическихъ интересовъ, если онъ оказывается господствующимъ, дающимъ директивы въ промышленной жизни. Думается, отъ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ исходить. Мы можемъ привѣтствовать притокъ средствъ извнѣ въ нашу хозяйственную жизнь. Мы должны не только сказать: „добро пожаловать“ капиталу-гостю, но и облегчить его водвореніе къ намъ, избавивъ живую жизнь отъ ряда стѣсненій, формальностей, убивающихъ все живое и отпугивающихъ иноземца отъ русской почвы. Однако, капиталъ, проникающій въ русское хозяйство, долженъ остаться гостемъ, а не становиться господиномъ страны. Служебную роль иностраннаго капитала надо привѣтствовать. Иностранный капиталъ долженъ быть гарантированъ справедливыми и удобными нормами гражданскаго оборота, онъ долженъ получать свою прибыль и можетъ участвовать въ управленіи своими средствами. Но руководящая, главенствующая роль должна остаться за русскими интересами, за хозяевами страны. Это требованіе столь важно для будущности государства, что не слѣдуетъ останавливаться передъ ясно выраженнымъ правительственнымъ контролемъ надъ предпріятіями, въ которыхъ участвуютъ иностранныя средства. Пусть государственная власть зорко слѣдитъ за самостоятельностью русской хозяйственной жизни и вспоминаетъ ужасы, которые пришлось пережить народу благодаря зависимости отъ нѣмцевъ...”

Въ воспоминаніяхъ одного дипломата, провѣренныхъ тщательно документами, приведенъ интересный фактъ о томъ, какъ во время оно Баттенбергъ въ Болгаріи просилъ объ отозваніи генерала Паренсова, бывшаго тогда воен-

нымъ министромъ Болгаріи, и замѣщеніи его другимъ генераломъ, все равно какимъ, *лишь бы онъ былъ уроженцемъ Прибалтійскихъ губерній*. Прибалтійца не нашли, а обрѣли финляндца въ лицѣ генерала Эрвота, который совершилъ въ Болгаріи переворотъ и на семь лѣтъ передалъ страну въ руки нѣмецкаго лейтенанта.

У Вердена упорные бои продолжаются къ востоку и западу отъ Мааса и особенно упорно у форта Дуомонь.

15 феврля. Яростныя атаки нѣмцевъ у Вердена отбиты. Французы производятъ энергичныя контръ-атаки.

Разсказываютъ, что въ Москвѣ появилась масса молодыхъ, расфранченныхъ дамъ, которыя содѣйствуютъ поставкамъ.

Въ то самое время, когда германцы производятъ яростныя атаки на Верденъ, инспирированная нѣмцами нейтральная печать трубитъ во всѣ трубы, что происходитъ усиленная перевозка германскихъ войскъ съ западнаго фронта на восточный. Приводимъ этотъ фактъ въ назиданіе нѣкоторымъ заячьимъ душамъ о томъ, какъ слѣдуетъ довѣрять фабрикѣ наглої лжи Германіи.

Въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ приведена интересная статья князя Евг. Трубецкого по вопросу объ антигерманской экономической коалиціи.

„Поднятый профессоромъ І. М. Гольдштейномъ вопросъ о будущихъ нашихъ экономическихъ отношеніяхъ съ Германіей долженъ быть обсуждаемъ уже теперь. Иначе наша неподготовленность къ миру можетъ причинить намъ новыя тяжкія бѣдствія въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были вызваны нашей неподготовленностью къ войнѣ.

„Антигерманская экономическая коалиція“, о которой говоритъ почтенный ученый, нужна намъ не только для цѣлей экономическихъ, но и въ цѣляхъ нашей государственной обороны. И это по той простой причинѣ, что нѣмецкая фабрика, противъ которой мы вынуждены бороться,

¹⁾ „Русск. Сл.“ 14 янв. с. г.

представляетъ для насъ опасность не только экономическую, но и военную.

Нынѣшняя война доказала, что нѣмецкая фабрика вовсе не есть только невинное орудіе производства! Мы видимъ, съ какою легкостью въ военное время она превращается въ орудіе войны. Лозунгъ „все для войны“, открыто провозглашенный нашимъ врагомъ послѣ начала военныхъ дѣйствій, на самомъ дѣлѣ былъ руководящимъ началомъ внутренней политики Германіи уже въ теченіе тѣхъ десяти лѣтъ, когда она только готовилась къ войнѣ на два фронта. Неудивительно, что къ цѣли войны была заранѣе приспособлена вся нѣмецкая промышленность. Отсюда — двоякое назначеніе и двоякая функція каждой нѣмецкой фабрики: въ мирное время она забрасываетъ нашъ рынокъ дешевыми товарами, въ военное время она становится филиальнымъ отдѣленіемъ завода Круппа и забрасываетъ насъ снарядами или же готовитъ для германской арміи какіе-либо иные предметы военнаго снаряженія.

Этимъ еще не исчерпываются тѣ опасности, коими грозить намъ развитіе германской промышленности. Оно создаетъ не только орудія войны, но и поводы къ новымъ войнамъ. Германская империалистическая публицистика открыто заявляетъ, что именно подъемъ нѣмецкой промышленности дѣлаетъ необходимымъ расширеніе нѣмецкой территоріи и приобрѣтеніе новыхъ рынковъ. Стало-быть, именно ростъ промышленности является побужденіемъ къ новымъ завоеваніямъ.

Въ извѣстной брошюрѣ Рорбаха: „Война и германская политика“ есть любопытное указаніе на то, что подъемъ нѣмецкой промышленности почти совершенно остановилъ нѣмецкую колонизацію въ Америку, дотолѣ выражавшуюся въ весьма крупныхъ цифрахъ. Ростъ промышленности увеличилъ спросъ на рабочія руки и тѣмъ самымъ усилилъ ростъ населенія. А для прокормленія растущаго населенія потребовались новыя территоріи. Настоящая война, поставившая Германію передъ опасностью голодной смерти, наглядно доказала необходимость новыхъ завоеваній хотя бы въ цѣляхъ предотвращенія этой опасности въ будущемъ, когда нѣмецкое населеніе еще увеличится.

Новыя территоріальныя приобрѣтенія Германіи въ Европѣ могутъ совершаться только за нашъ счетъ. И такъ какъ нѣмецкая фабрика является въ одно и то же время и орудіемъ, и стимуломъ всей этой завоевательной міровой поли-

тики сосѣдной имперіи, мы должны понять, что мы имѣемъ въ ней заклятаго и непримиримаго врага.

Намъ предстоитъ борьба не на жизнь, а на смерть противъ нѣмецкой промышленности. Мы должны помнить, что, покупая нѣмецкій товаръ, мы сами растимъ ту германскую военную мощь, которая потомъ обратится противъ насъ. Нашъ національный интересъ заставляеть насъ желать такого сокращенія роста германской промышленности, при которомъ отливъ рабочихъ рукъ и возобновленіе нѣмецкой колонизации въ заокеанскія страны вновь станетъ неизбежнымъ. Усиленный ростъ населенія Россіи и одновременная остановка или ослабленіе роста населенія въ Германіи, подъемъ русской промышленности за счетъ промышленности германской,—вотъ что намъ нужно въ интересахъ нашей безопасности.

Возможно большее вытѣсненіе германскаго товара съ русскаго рынка,—такова та цѣль, которая должна быть поставлена, какъ руководящее начало нашей будущей торговой политики. Пусть экономисты и финансисты укажутъ намъ предѣлы достижимости этой цѣли и способы ея достиженія. Моя задача здѣсь заключается въ томъ, чтобы подчеркнуть необходимость самой цѣли и въ дополненіе къ экономическимъ соображеніямъ І. М. Гольдштейна обосновать ее доводами политическими.

Въ связи съ этимъ, намѣчаются двѣ другія задачи. Бережное отношеніе къ нашей отечественной промышленности теперь диктуется одновременно съ борьбою противъ промышленности германской, какъ средство государственной обороны. Опытъ нынѣшней войны указалъ на огромныя преимущества въ военной технике страны промышленной передъ страной земледѣльческой. Если Россія останется навѣки только деревенскимъ, „мужицкимъ“ государствомъ, то, рано или поздно, ее ждутъ въ будущемъ новыя тяжкія испытанія. И шансы на побѣду могутъ быть менѣе благоприятны, чѣмъ въ нынѣшнюю войну, когда недочеты нашей промышленности пополняются содѣйствіемъ промышленности иностранной. Могущество русской деревни должно быть восполнено ростомъ русской промышленности. Только при этомъ условіи наши границы могутъ быть безопасны противъ иностраннаго вторженія.

Какъ разъ послѣ этой войны у насъ неизбежно должны сложиться условія, благоприятныя для промышленнаго подъема. Покупательная способность русской деревни

должна необычайно возрасти вслѣдствіе воспрещенія водки. Важно, чтобы вытекающимъ отсюда усиленіемъ спроса на фабрикаты воспользовалась въ первую голову именно русская промышленность, которой наше таможенное законодательство должно придти на помощь. Но разъ русская промышленность не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ русскаго рынка, и иностранный ввозъ поэтому неизбеженъ,—намъ далеко не безразлично, кто именно, другъ или недругъ, будетъ ввозить къ намъ свои товары. Вотъ почему та антигерманская экономическая коалиція, о которой говоритъ І. М. Гольдштейнъ, дѣйствительно указывается намъ силою необходимости. Германія должна быть, насколько это возможно, замѣнена на нашемъ рынкѣ нашими союзниками. Изысканіе способовъ достигнуть этой цѣли должно отнынѣ составить одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашихъ экономистовъ и финансистовъ.

Мысль о томъ, что нынѣшняя война будетъ послѣдней, должна быть оставлена, какъ утопическая мечта. Какъ бы эта война ни кончилась,—во всякомъ случаѣ, обѣ стороны могутъ мечтать лишь о сокрушеніи, а не объ уничтоженіи противника. Ни той, ни другой сторонѣ не удастся достигнуть полного осуществленія своихъ національныхъ идеаловъ. А при этихъ условіяхъ весьма возможно, что нынѣшняя гроза окажется началомъ цѣлаго грозоваго періода всемірной исторіи, сила и продолжительность котораго въ настоящее время не поддаются точнымъ измѣреніямъ или предсказаніямъ.

Вѣренъ или невѣренъ слухъ, будто въ Германіи уже возникла „лига будущей войны“,—во всякомъ случаѣ, Россія должна готовиться ко всякимъ случайностямъ. И съ этой точки зрѣнія она должна обдумать свои будущія торговыя отношенія съ Германіей. Было бы большою ошибкой, если бы ради мимолетныхъ матеріальныхъ выгодъ мы пожертвовали насущными интересами государственной обороны. Соблазнъ дешеваго нѣмецкаго товара, безо всякаго сомнѣнія, одинъ изъ тѣхъ, коихъ намъ слѣдуетъ всего больше остерегаться“.

Дѣятельность нашихъ войскъ съ 9-го включительно по 16-ое февраля происходила слѣдующимъ образомъ: за исключеніемъ кавказскаго на прочихъ нашихъ фронтахъ происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка,

минная война, столкновенія развѣдочныхъ партій, а также развѣдка и бомбометаніе аэроплановъ.

На кавказскомъ фронтѣ, послѣ штурма твердынь Эрзерума, расположенныхъ на сорокаверстномъ фронтѣ, съ захватомъ около 13 тыс. плѣнныхъ и 323 орудій, остальное все турецкое воинство бѣжало, при чемъ въ 3 дивизионныхъ турецкихъ корпусахъ осталось лишь около 3—5 тысячъ.

Кавказскіе орлы, предводимые генераломъ Юденичемъ, въ высокой степени энергично преслѣдовали турокъ, зачастую по грудь въ снѣгу по всему кавказскому фронту, при чемъ нами взяты города Испиръ, Кашанъ и Керманшахъ.

Слышалъ такія іереміады російскихъ нѣмцевъ: „конечно, мы русскіе подданные и не желаемъ Россіи зла. Но гдѣ бы мы ни были, у насъ все-таки кровь нѣмецкая и намъ жаль нѣмцевъ“.

В. П.

Письмо Суворова.

Милостивый Государь мой князь
Александръ Александровичъ!

Съ великимъ сожалѣніемъ приѣмля почтеннѣйшее увѣдомленіе вашего сіятельства отъ 11 сего мѣсяца о кончинѣ графа Петра Александровича оплакиваю сего почтеннѣйшаго мужа, котораго память останется въ сердцахъ к нему истинно приверженныхъ вѣчно. вашему же сіятельству бывъ благодаренъ за благорасположеніе ваше ко мнѣ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

милостиваго государь мой
вашего сіятельства
покорнѣйшій слуга
Г. Александръ Суворовъ Рымникскій

Декабря 13

1796

Тульчинъ.

Имѣющаяся въ концѣ приведеннаго письма (въ передачѣ его сохранена орнографія подлинника) цифровая дата разъясняетъ намъ и обстоятельства, при которыхъ оно было написано, и то событіе, по поводу котораго Суворовъ давалъ отвѣтъ на полученное имъ извѣстіе. Письмо написано 13-го декабря 1796 года въ м. Тульчинѣ Каменецъ-Подольской губерніи. Въ концѣ 1796 года Суворовъ, какъ извѣстно, отправился, по порученію императрицы Екате-

рины II, на югъ Россіи, чтобы стать здѣсь во главѣ 80.000-й русской арміи и, соединившись съ австрійскими войсками, двинуться во Францію для подавленія революціи. Въ Тульчинѣ, когда великій фельдмаршалъ заканчивалъ свои распоряженія по движенію послѣднихъ отрядовъ, пришло къ нему печальное извѣстіе о кончинѣ Императрицы, а вскорѣ послѣ этого получено было письмо о смерти графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. Отвѣтомъ на это послѣднее и является приводимое здѣсь письмо Суворова. Кому именно оно было адресовано, указаній не имѣется.

Письмо написано на полулистѣ обыкновенной бумаги, сложенномъ въ форматѣ четвертки листа; перегнутое четверо, оно обернуто бумажной полоской, на которой имѣется надпись: „Фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій“.

Приведенное письмо получено было нами во временное пользованіе, для опубликованія путемъ печати, отъ тамбовскаго помѣщика Д. И. Селиванова; къ послѣднему письмо перешло отъ его отца, гвардейскаго полковника И. М. Селиванова, который въ свою очередь получилъ его отъ гр. М. А. Милорадовича. У графа Милорадовича И. М. Селивановъ состоялъ адъютантомъ, участвовалъ съ нимъ въ разныхъ походахъ до Бородинскаго боя включительно. Въ этомъ бою И. М. Селивановъ былъ тяжело раненъ и долженъ былъ оставить службу. Гр. Милорадовичъ, при разставаніи съ любимымъ адъютантомъ, и подарилъ ему на память ружье съ золотой насѣчкой и данное письмо Суворова.

Сообщилъ А. Троицкій.

Отпускная на волю 1815 года.

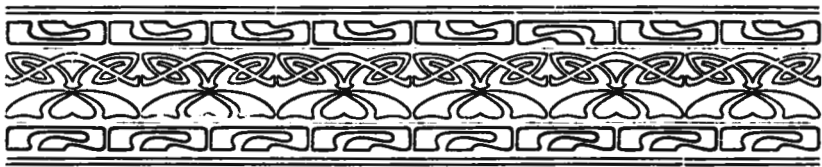
(Печатается съ соблюденіемъ правописанія подлинника).

Я, нижеподписавшаяся, вдовствующая Генераль-Фельд-маршальша, Двора Ихъ Императорскихъ Величествъ штатсъ-дама и кавалеръ княгиня Анна, князь Михайлова дочь Прозоровская, отъ пустила крепостнаго своего двороваго человека Михаила Ильина сына Милославскаго вечно на волю, состоящаго за мною по нынешней шестой ревизіи владимірской губерніи покровскаго уѣзда въ селѣ Ивановскомъ, до котораго какъ мнѣ, такъ и наслѣдникамъ моимъ дела нетъ и впочему впредь не вступатся, чего ради сія отпускная и дана ему, Милославскому, за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ герба фамиліи моей печати въ С.-Петербургѣ, ноября девятаго дня тысяща восемьсотъ пятнадцатаго года *Княгини Анна Прозоровская.*

М. П.

Что сія отпускная точно подписана рукою Ея Сіятельства княгини Анны Михайловны Прозоровской въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь Тайный Совѣтникъ, сенаторъ, дѣйствительный камеръ геръ и кавалеръ Алексѣй Захаровъ сынъ Хитровъ. Въ томъ же свидѣтельствую, подписуюсь Двора Его Императорскаго Величества егермейстеръ и кавалеръ Василій Александровъ сынъ Пашковъ. Въ томъ же свидѣтельствую коллежскій совѣтникъ Николай Михайловъ сынъ Лопиновъ.

Сообщилъ Н. Д. Чечулинъ.

За пятьдесятъ лѣтъ.

(Воспоминанія г. Глыбовой).

Г Л А В А I.

Воспоминанія дѣтства.

Я была ребенкомъ, когда моя покойная мать вышла второй разъ замужъ. Этотъ бракъ печально отразился на моей жизни. Мать была женщина добрая, любящая, но безхарактерная, безвольная, вполне подчинявшаяся мужу. Малѣйшее желаніе, капризъ его, были безпрекословно исполняемы и, къ сожалѣнію, обрушивались на меня и на мою сестру Вѣру. Это былъ жесткій, суровый человѣкъ, старыхъ традицій, воспитанный въ убѣжденіи, что за битаго трехъ не битыхъ даюгъ. Онъ былъ золъ, взбалмошенъ, не любилъ насъ, и убѣжденія его шли рука объ руку съ тяжелымъ характеромъ. Во время приступовъ злобы, во время черезъ мѣру суроваго обращенія, мать пробовала вступаться за насъ, но получала такой отпоръ, что приходилось ей уходить, въ слезахъ, безмолвно переносить страданія и уже потомъ молчать, что заступничество приводило къ худшему.

Изъ рѣзвыхъ, беззаботныхъ дѣвочекъ мы превратились въ запуганныхъ, робкихъ, смотрящихъ на міръ Божій исподлобья. Радостными моментами дня для насъ было время, когда вотчимъ уходилъ изъ дому. Послѣ его ухода еще

долгое время мы продолжали неподвижно сидѣть, боясь его возвращенія. Входила мать, звала насъ; часто сажала на колѣна, прижимала наши головы къ своей груди, и изъ ея добрыхъ, красивыхъ глазъ текли слезы и крупными каплями падали на наши головы. Мы крѣпко прижимались къ ней и чутьемъ понимали, что переживала бѣдная женщина. Затѣмъ мать спускала насъ съ колѣнъ, давала какого-нибудь гостинца (запрещеннаго), и мы, испуганно озираясь, ѣли пряники или конфекты.

— Ну, поиграйте, говорила мать, садясь поодаль.

Мы начинали неохотно, лѣниво; наши члены отвыкли отъ движенія, но мало-по-малу дѣтство брало свое, и мы начинали рѣзвиться. Мы имѣли игрушки, но всѣ онѣ были спрятаны, по приказанію вотчима, чтобы не ломались и могли хватить намъ до выдачи замужъ. Мать доставала ихъ, и мы съ трепетомъ въ душѣ принимались забавляться ими. Время текло, раздавался звонокъ. и вотъ тутъ-то началась суетня.

Мать наскоро хватала куклы, прятала ихъ, а мы съ похолодѣвшими руками и ногами кидались въ свои углы и обращались въ китайскихъ болванчиковъ. Прислуга была уже привычна и медлила впускать хозяина, до тѣхъ поръ, пока все не обращалось въ окаменѣлое царство. Тогда отворялась дверь, и входилъ онъ.

— Что вы заснули что-ли? Полчаса держите за дверями. Чертъ бы побралъ.

— Ибтъ, Теличка (такъ называла мать мужа). Тебѣ такъ показалось...

— Показалось, показалось. Я не сошелъ еще съ ума. Обѣдать!

Мать бросалась въ кухню, а мы окончательно каменѣли. Вотчимъ ходилъ по комнатѣ, посвистывая или напѣвая какой-либо романсъ

Зеленая роща, всюю ночь шумѣла,
А я молоденькая, сидѣла да прятала...

Наконецъ подавался обѣдъ. Мы съ трепетомъ сѣли за столъ и ждали тарелокъ съ супомъ. Ъли боязливо, все время поглядывая, такъ ли мы держимъ ложки, какъ намъ строго на строго было приказано.

— Ъшь какъ слѣдуетъ,—раздался грозный голосъ, и тяжелая серебряная ложка щелкнула о мой лобъ. Я прику-

сила языкъ и выронила изъ рукъ свою ложку. Оказалось, что я не по правиламъ держала ручку.

На лбу вскочила шишка, на глазахъ навернулись слезы, но плакать я и не думала, боялась...

— Подыми и ѣшь...

Я подняла и стала ѣсть. Рука дрожала и ложка не попадала въ ротъ.

— Убери этихъ дурь, онѣ еще не доросли, чтобы сидѣть со старшими.

Это была правда, мы не доросли до старшихъ. Миѣ было восемь лѣтъ.

Насъ увели, и обѣдъ продолжался безъ насъ и только послѣ того, какъ вотчимъ улегся и сталъ храпѣть, мать привялась насъ кормить, ежеминутно повторяя:

— Тише, дѣти, тише. Папочка спитъ, не стучите вилками, а то разбудите...

Но мы не стучали, право, не стучали и выдѣлывали всевозможные выверты руками, чтобы не стукнуть о тарелку и не разбудить „папочки“...

Наконѣцъ мы пообѣдали и тихо, медленно, на ципочкахъ пошли изъ столовой въ самую дальнюю комнату.

Такъ текли дни за днями.

Однажды вотчимъ вернулся къ обѣду въ хорошемъ расположеніи духа и разрѣшилъ, чтобы мать дала намъ игрушки, убѣжденный, что мы ими, безъ его разрѣшенія, по крайней мѣрѣ не играемъ мѣсяца три. Мать подала намъ куклы и попросила сдѣлать реверансъ папочкѣ. Мы сдѣлали, но сестра сбилась и начала не съ той ноги...

— Дура! обозвалъ „папочка“.

Мы замерли въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ насъ застало слово: „дура“.

— Ну, играйте, играйте, да не вздумайте сломать намъ головы, а то я вамъ всыплю березовой каши... Маршъ!

Мы пошли играть. Какова это была игра, каждый можетъ себѣ представить. Мы держали куклы, едва, едва касаясь, а онѣ смотрѣли на насъ и любовались. Вдругъ грозная фигура поднялась съ мѣста и медленно двинулась къ намъ. Мы съли, и куклы отъ страха тоже съли рядомъ... и ждали. Наконѣцъ „онѣ“ придвинулся и мрачно спросилъ у меня:

— Это что?

Его сѣрые, злые глаза остановились на моей куклѣ. Я совершенно была заморожена его взглядомъ и только, отъ страха, икнула.

— Я тебя спрашиваю? Что, уши у тебя золотомъ завѣшены, что-ли?

Я еще разъ икнула.

— Смотри, гдѣ у нея носъ?..

Я невольно повернула голову къ куклѣ и замѣтила, что носа не было.

— Это почему? Кто отбилъ?

Въ моей головѣ закопошились мысли, и я вспомнила, что наканунѣ мы играли въ куклы въ отсутствіи вотчина и я второпяхъ, желая ее спрятать, уронила и отбила носъ, въ то время не замѣтивъ этого изъяна...

— Что молчишь? Аршинъ проглотила?

Мнѣ хотѣлось еще разъ икнуть, но я не смѣла, и мнѣ немовѣрнаго усилія стоило воздержаться.

— А это что? обратился онъ къ сестрѣ; та была младше меня и съ испугу съ ней случилось несчастье, какое часто бываетъ у дѣтей, особенно у совсѣмъ маленькихъ. Личико ея перекосилось и глаза опустились и смотрѣли на полъ.

— Убери ее! крикнулъ вотчимъ. Мать бросилась и унесла сестру.

Прислуга пришла и уничтожала слѣды преступленія.

Я тоже хотѣла уйти. Вотчимъ взялъ меня за руку и крѣпко ее стиснулъ. Я присѣла.

— Стоитъ вамъ дарить игрушки. Убрать!

Мать унесла куклы.

— А чтобъ ты помнила, вотъ тебѣ.

Я взвизгнула. Меня дернули за волосы; прядь волосъ очутилась въ рукахъ „папочки“, а на мѣстѣ волосъ свѣтлалась плѣшь.

— Саша! — позвалъ онъ мать. Та вошла. — Подай ей куклу, пусть играетъ; больше охоты отбивать носъ у куклы не будетъ.

Мать принесла куклу.

Отъ боли у меня мелькало въ глазахъ, и мнѣ секундами казалось, что у куклы то выросалъ носъ, то снова пропадалъ.

— Что стоишь! садись и играй, когда тебѣ приказываютъ.

Я сѣла посреди залы и стала играть..

— Ну вотъ, въ волосахъ испачкался...—успокоившись, произнесъ „папаша“ и сталъ обчищаться.

Тутъ только мать замѣтила, въ чемъ дѣло. Поблѣднѣла и крикнувши внѣ себя „извергъ“, схватила меня и выбѣ-

жала вонъ изъ залы. Она вбѣжала въ дѣтскую, почти бросила меня на мою кроватку, рванулась къ двери и заперла ее на ключъ. Затѣмъ упала на колѣни и, прижавши ко мнѣ свой ротъ, чтобы заглушить звуки, рыдала и конвульсивно вздрагивала... Я молчала и сестра тоже...

Черезъ нѣсколько времени раздался ласковый голосъ „папашин“.

Мать молчала.

— Саша, отопри, раздался голосъ.

— Отопри, я тебѣ говорю.

Мать продолжала молчать.

— Да что вы тамъ, умерли что-ли?!

— Уйди, дѣти заснули, рѣшилась возразить мать.

— И чего дура испугалась. Вѣдь я пощутить,—успокойте вотчимъ и пошлите прочь.

Мать раздѣла насъ, уложила и сѣла у кроватокъ. Долго намъ не спалось, но наконецъ вѣки наши сомкнулись. Сонъ мой былъ чутокъ. Я часто просыпалась. Въ дѣтской горѣла лампада и синимъ свѣтомъ, мигая и треща, освѣщала комнату. Мама все сидѣла и, опустивъ голову на руки, казалась статуей скорби...

Мнѣ безумно стало жаль ее, и я позвала:

— Мамочка!..

Медленно мать подняла голову и уставилась на меня. Она не давала себѣ отчета, кто ее позоветъ...

— Мамочка, повторила я...

Мать встала, подошла и стала гладить меня по головѣ. Прикосновеніе теплой, близкой, родной руки успокаивающе подѣйствовало на меня, и я, схвативъ руками руку матери, прижала ее къ своей щекѣ и заснула. Когда подъ утро проснулась и открыла глаза, я продолжала прижимать руку матери... и она продолжала стоять у кровати. Мнѣ показалось, что цвѣтъ ея лица покрылся какою-то дымкой и сталъ землистаго цвѣта...

— Мамочка, ложись спать, обратилась я къ ней, но мать беззвучно прошептала:

— Не могу,—отняла руку отъ моей щеки и отошла къ окну. Лампадка погасла, сестра еще спала, а въ моей головѣ уже въ 8 лѣтъ стали копошиться тяжелыя мысли: дѣтскія, но грустныя, очень грустныя...

Утро... Ручка двери зашевелилась, и раздался жалостливый, укоризненный голосъ „папаши“:

— Это наконецъ и глупо и безсовѣстно. Я всталъ, и мнѣ до сихъ поръ не даютъ ни кофею, ни чаю.

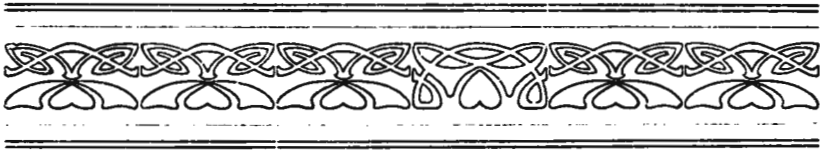
Мать встрепелась, оправилась и почти выбѣжала изъ дѣтской... Вошла нянька и стала насъ мыть и одѣвать...

Начался снова радостный, счастливый день дѣтства...

Сообщилъ П. Скуратовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо В. Л. Пушкина къ Н. А. Полевому.

Благодарю Васъ, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, за доставленіе мнѣ *Подснѣжника*, и прошу васъ покорнѣйше изъявить благодарность мою Антону Антоновичу. Еще прошу васъ, сдѣлать одолженіе, замѣтить въ Московскомъ Телеграфѣ, что въ 1-й главѣ моего Храброва, напечатанной въ *Подснѣжникъ*, находится важная опечатка: тамъ сказано

Сова хохочетъ, жукъ жужжитъ
И мысль крылатая летитъ.

Надлежало напечатать:

И мышъ крылатая летитъ.

а слово *мышъ* дѣлаетъ въ стихахъ безмыслицу.

Сердечно сожалѣю, что по болѣзни моей, я не могъ поздравить васъ съ праздникомъ, съ которымъ васъ теперь поздравляю и лобызая по христіански, остаюсь съ истинною преданностью моею,

вашъ покорный слуга
Василій Пушкинъ.

20 апрѣля.

Милостивому Государю моему
Николаю Алексѣевичу
Полевому.

Подлинникъ, сложенный въ видѣ конверта и запечатанный сургучной печатью, находится въ коллекціи извѣстнаго петроградскаго собирателя автографовъ Э. П. Юргенсона, съ разрѣшенія котораго печатается впервые.

Въ альманахѣ „Подснежникъ“ на 1829 годъ (этимъ годомъ и датруется письмо) былъ помѣщенъ отрывокъ изъ сатирической поэмы В. Л. Пушкина „Капитанъ Храбровъ“. Антонъ Антоновичъ—вѣроятно А. А. Антонскій-Прокоповичъ (1783—1848), извѣстный писатель, членъ-учредитель и первый предсѣдатель Московскаго общества любителей россійской словесности, членами котораго были также В. Л. Пушкинъ и Н. А. Полевой.

Н. Л.

Описание губернскаго города Могилева.

Городъ Могилевъ былъ окруженъ валомъ и въѣздъ въ городъ могъ быть только черезъ Каменные ворота (брамы), изъ конхъ сохранились только—Быховская и Черняговская. Валъ этотъ устроенъ, кажется, во время шведской войны. Сооруженіе его для военной цѣли доказывается, между прочимъ, бывшими бастіонами, которые вмѣстѣ въ валомъ постепенно уничтожались, и въ настоящее время вмѣсто нихъ стоятъ частныя постройки, образуя Мало-Завальскую улицу. Слѣды сказанныхъ земляныхъ сооружений видны и теперь.

Изъ существующихъ нынѣ въ городѣ старинныхъ построекъ заслуживаютъ вниманія: высокая, красивая башня при домѣ, въ которомъ помѣщалась ратуша, Кафедральный Іосифовскій Соборъ, красивой архитектуры, съ двойнымъ куполомъ, изъ конхъ внутренней всячій. Иконы въ иконостасѣ писаны на мѣдныхъ доскахъ извѣстнымъ художникомъ Боровиковскимъ и нѣятыя очень высоко.

Бывшій могилевскій епископъ пресвященнѣйшій Стефанъ имѣлъ намѣреніе перестроить его: продлить черезъ площадь входную часть храма до улицы, внутреннюю часть подъ куполомъ обратить въ алтарь, а въ существующемъ алтарѣ устроить ризницу. Для приведенія этого въ исполненіе поручалось епархіальному архитектору П. Г. Камбурову составить планъ, но бывшій въ то время могилевскій городской голова Г. Н. Гортынскій, узнавъ объ этомъ,

лично заявилъ преосвященному, что пока онъ будетъ городскимъ головою, приметъ самня энергичныя мѣры, чтобы не допустить до такого варварства. Оставивъ мысль о перестройкѣ, преосвященнѣйшій устроилъ у себя совѣщаніе по вопросу о пристройкѣ къ алтарю ризницы съ восточной стороны храма. Въ совѣщаніе былъ приглашенъ и городской голова Г. Н. Гортинскій, который, на вопросъ владыки, будетъ ли онъ возражать противъ предложенія, отвѣтилъ, что, сознавая необходимость въ устройствѣ ризницы и принимая во вниманіе, что осуществленіе составленнаго плана несколько не измѣняетъ фасада и внутренняго вида церкви, возражать не будетъ.

Такимъ образомъ пристройка нынѣ осуществилась.

Постройка собора заложена 30 мая 1780 года собственноручно Императрицею Екатериною II-ю и австрійскимъ императоромъ Францемъ-Иосифомъ, въ память ихъ свиданія въ г. Могилевѣ.

Домъ дворянства, что на углу Шкловской ул. (нынѣ Днѣпровскій проспектъ) и Театральной площади, достоинъ вниманія по слѣдующей причинѣ:

Въ 1839 году Императоръ Александръ II-й, будучи Наслѣдникомъ Престола, во время своего большого путешествія по Россіи, занемогъ въ гор. Могилевѣ на Днѣпрѣ, гдѣ провелъ вѣсколько недѣль въ домѣ могилевскаго дворянства, что на углу Бульварной площади (нынѣ Театральной) и Шкловской улицы, при чемъ спальня и его жилища (во время болѣзни) комнаты выходили на эту улицу.

Наслѣдника сопровождали: генераль-адъютантъ Кавелинъ, флигель-адъютантъ Юрьевичъ, адъютантъ штабс-ротмистръ (послѣ фельдмаршалъ) князь Барятинскій, поручикъ А. В. Адлербергъ и лейбъ-хирургъ Енохинъ.

Въ виду тяжелой формы болѣзни, сопровождавшейся сильнымъ кровохарканіемъ, былъ вызванъ изъ дер. Усвяты, Оршанскаго уѣзда, докторъ медицины Егоръ Фомичъ Цекертъ, считавшійся тогда лучшимъ мѣстнымъ врачомъ. На вопросъ Кавелина, для донесенія Государю, Цекертъ отвѣтилъ: *pour le bonheur de la Russie je voudrais me tromper, mais selon moi, le danger est très grand.*

Тѣмъ не менѣе леченіе было предоставлено Цекерту, который блистательно оправдалъ оказанное ему довѣріе. Наслѣдникъ выздоровѣлъ. Отъ денежнаго гонорара Цекертъ отказался, и ему былъ пожалованъ орденъ Св. Владимира 4-й степени и перстень съ брилліантомъ

Въ 1859 г. или 1860 г., когда могилевскій губернский предводитель дворянства князь Любомирскій являлся къ Императору Александру II-му по случаю крестьянскаго комитета, Государь спросилъ его: остались ли тѣ же обои въ его бывшей спальнѣ, и вспомнилъ узоръ (кажется, тамъ были васильки).

Можно упомянуть еще о постройкѣ на архіерейскомъ дворѣ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ на средства, пожертвованныя Императрицей Елизаветой Петровной, Спасо-Преображенской церкви и о большой Вогоявленской церкви съ высокою колокольней при Братскомъ монастырѣ, воздвигнутыхъ на средства жителей города Могилева.

Независимо отъ упомянутыхъ древнихъ сооружений слѣдуетъ сказать, что въ городской управѣ хранятся двѣ серебряныя печати съ изображеніемъ герба города Могилева и съ такими же гербами два ключа (золотой и серебряный), пожертвованные городу Могилеву Императрицей Екатериной II-й.

Въ мѣстности за Успенской церковью, на правомъ берегу р. Днѣпра существуетъ такъ называемая „Карлова долина“. По преданію шведскій король Карлъ XII-й въ этой долинѣ обѣдалъ.

Сообщилъ Г. Н. Гортынскій.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1916 года

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Мои воспоминанія и размышленія А. Георгіевскаго	88—92, 282—292
II. Записки Н. А. фонъ-Розенбаха	100—114, 172—244
III. За пятьдесятъ лѣтъ. Воспоминанія г. Глѣбовой Сообщ. П. Скуратовъ	464—469

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1916 г.	1
II. Петръ Великій, Императоръ Россіи, въ Голландіи и въ Заандамъ въ 1697 и 1717 г.г. А. С. Ладницкаго	5—14
III. Очерки прошлаго Г. А. де-Волланъ 15—50, 315—317,	366—382
IV. Власть прошлаго. М. С.	51—67, 161—171
V. Дѣло о кражѣ книгъ изъ Императорской публичной бібліотеки д-ромъ богословія. пѣмнемъ Алонзіемъ Шхлеромъ. Н. А. Соловьева	68—74

VI. По родной землѣ. Н. Сутырина	75—81
VII. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войною 1877—78 г.г. Е. А. Рагозиной	82—87
VIII. Дневникъ Патрика Гордона. П. М. Майкова	93—98, 293—303
IX. Къ портрету кн. Сангушко. Ред.	99
X. Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П.	115—154, 304—309, 400—460
XI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12-го сентября по 13 октября 1915 г.	155—160
XII. Телеграмма Государя Императора Генераль-Лейтенанту Воронову, — май.	
XIII. Къ исторіи „Литературной Газеты“ барона А. А. Дельвига. Н. Замкова	245—281
XIV. Къ портрету Бонапарта. Н. Лернера	310
XV. Письмо П. А. Плетнева къ В. П. Григоровичу. Сообщ. Д. Кобеко	311—312
XVI. Воевода Путникъ генералиссимусъ сербскихъ армій. В. П. Ключарева	313—314
XVII. Второе путешествіе Петра Великаго въ Голландію. Сообщ. А. С. Лацинскій	319—345
XVIII. Письма П. А. Валуева къ М. Н. Каткову. Сообщ. В. Мустафинъ	346—465
XIX. Барышня Лопухина. П. П. Соловьева	383—391
XX. Письмо Н. В. Гоголя къ В. П. Григоровичу. Сообщ. Н. Лернеръ	392—393
XXI. Къ біографіи А. П. Щапова и митрополита Иннокентія. Сообщ. Маркъ Азадовскій	394—399
XXII. Письмо Суворова. Сообщ. А. Троицкій	461—462
XXIII. Отпускная на волю 1815 года. Сообщ. Н. Д. Чечулинъ	463
XXIV. Письмо В. Л. Пушкина Н. А. Полевому. Сообщ. Н. Л.	470
XXV. Описаніе губернскаго города Могилева. Сообщ. Г. Н. Гортыцскій	472—474

Приложенія:

- I. Портретъ кн. Сангушко (при 4-й книгѣ).
- II. Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и охотники 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи послѣ 64-хъ-верстнаго перехода 1 іюля 1893 г. (при 5-й книгѣ).
- III. Портретъ Б. А. Вилькицкаго (при 6-й книгѣ).

Библиографическій листокъ.

1. Записки Сергѣя Михайловича Соловьева. Съ портретами. Кн-во „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Пгр. Ц. 2 р. (на обложкѣ апрѣльской книги).
2. Сергѣй Бертенсонъ. Дѣдъ русской сцены. О жизни и дѣятельности Ивана Ивановича Сосницкаго. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р. 50 (тамъ же).
3. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 24-го октября по 14 ноября 1915 года (на обложкѣ майской книги).
4. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14-го ноября 1915 г. по 2 декабря (на обложкѣ июньской книги).

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ СООРУЖЕНІЙ

„ Д Е Ж А „

бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и К⁰.

Правленіе и Заводъ въ Петроградѣ, Аптекарскаго Острова,
Топухинская ул., 8. Телефоны: 406-26, 123-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sautter-Harlé, Paris.

Société Française Radio-Électrique, Paris.

J. Cocard, constructeur, Lille.

Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris.

I. Отдѣлъ электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.

Электрическіе насосы, вентиляторы и лебедки.

Распределительныя устройства.

II. Отдѣлъ судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радиотелеграфный отдѣлъ.

Полное оборудованіе радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланныхъ и кавалерійскихъ.

Радиостанціи большой мощности.

Радиостанціи на автомобиляхъ.

Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 періодовъ въ секунду).

IV. Отдѣлъ прожекторовъ.

Прожектора стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К⁰, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣлъ тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.

Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинѣ и керосинѣ.

Керосино и бензино-динамо.

Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣлъ магнето.

Магнето новейшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авіаціонныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣлъ измѣрительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры.

VIII. Воздухоплавательный отдѣлъ.

Предметы оборудованія воздухоплавательныхъ парковъ.

Всякаго рода аппараты для добыванія водорода; конныя, паровыя и моторныя лебедки для привязныхъ шаровъ и всѣ принадлежности для воснага воздухоплавательнаго дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Гурвичъ, Георгій. „Правда воли монаршей“ Теофана Прокоповича и ея западно-европейскіе источники. Подъ ред. проф. Ф. В. Тарановскаго. Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевского унив.“. Юрьевъ. 1915. Тип. Маттисень. 8° (16×24). IX+111 стр. Ц. 70 к. Въсь 12 л. 300 экз.

Егоровъ, Д. Н. Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. Т. II. Процессъ колонизація. М. 1915. Тип. Московская худож. печатня (Трехпрудный пер., 9). 8° (17×24). XXVII+614 стр.+2 карты. Ц. 5 р. Въсь 3 ф. 600 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 58-й ПГ. 1915. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×29). 152 стр. съ 9 табл. и 78 рис. Въсь 1 ф. 10 л. 900 экз.

Лилеевъ, М. Изъ исторіи поповщинскаго раскола (Оттискъ изъ журнала „Труды Императорской Кіевской духовной Академіи“. Кіевъ. 1915. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатики, 40). 8° (17×25). 112 стр. Ц. 75 к. Въсь 10 л. 100 экз.

Очеркъ Исторіи Чехіи. Пер. съ чешскаго. ПГ. 1815. Изд. 2-е, Славянск. благотвор. общества, Тип. В. Д. Смирнова (Екатериинскій кан., 45). 8° (15×23). 162 стр.+2 карты. Ц. 1 р. Въсь 23 л. 1.200 экз.

Таубе, М. А., проф. Историческіе корни теперешней войны въ эпоху императоровъ Александра I и Николая I. Новая бібліотека. М. 1916. Изд. из-ва Наша Жизнь (Б. Дмитровка, 17). Тип. Москов. Художественная Печатня (Трехпрудн. пер., 9). 16° (9×14). 64 стр. Ц. 10 к. Въсь 2 л. 8.000 экз.

Бемъ, А. Л. Къ исторіи изученія Толстого. 1. Толстовскія общества и ихъ издательская дѣятельность. 2. Обзоръ бібліографическихъ работъ о Толстомъ (Бібліографическій сборникъ. Т. I, вып. 3). ПГ. 1916. Изд. Русскаго Библіологич. общества. Тип. Государственная. 8° (18×26). 112—167 стр. Ц. 1 р. Въсь 7 л. 600 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Стихотворенія. Собралъ и примѣчаніями снабдилъ Александръ Блокъ. М. 1915. Изд. и тип. К. Ф. Некрасова (въ Ярославль) 16° (14×19). XL+615 стр. Съ 1 портр. Ц. 3 р. 50 к. Въсь 1 ф. 15 л. 1.500 экз.

Любимовъ, С. Опытъ историческихъ родословіи. Гундоровы, Жижемскіе, Несвицкіе, Сибирскіе, Зотовы и Остерманы. ПГ. 1915. Тип. Андерсона и Дойпянскаго (Вознесенскій пр., 53). 8° (16×24). 108 стр. Въсь 14 л. 100 экз.

Архивъ Раевскихъ Томъ V. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго, ПГ. 1915. Изд. П. М. Раевскаго. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×26). XXV+176 стр. съ рис. Въсь 5 ф. 16 л. 600 экз.

Котляревскій, Несторъ. Канунъ освобожденія. 1895—1861. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. ПГ. 1916. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 лин., 28). 8° (16×25). XI+560 стр. Ц. 2 р. 75 к. Въсь 1 ф. 25 л. 5.000 экз.

Русскіе литографированные портреты неизвѣстныхъ лицъ. ПГ. 1915. Тип. тов. Р. Голике и А. Вильборгъ, 16° (11×15). 2 вен. стр.+24 портрета. Въсь 7 л. 300 экз.

Сборникъ къ 80-лѣтію рожденія Григорія Николаевича Потанина. Избранныя статьи и біографическій очеркъ. Томскъ. 1915. Тип. Сибирскаго Товарищества Печатнаго Дѣла (Уг. Дворян. и Ямск. пер., с. д.) 8° (18×27). XXXI+113 стр. съ 1 портр. Въсь 20 л. 2.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢНАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входяція въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи прелыдущей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о дѣльных эпохахъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Огзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 г. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1916 г.—10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул. 7.

